A-PDF Merger DEMO : Purchase from www.A-PDF.com to remove the watermark

А. А. ПОТЕБНЯ

ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

ТОМ IV

ВЫПУСК II

А. А. ПОТЕБНЯ

ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

ТОМ
IV

ВЫПУСК II

ГЛАГОЛ

DIZIMGE
INFORMATSIONNO
RESURS CENTR
A'JINYA KHINDASH
NRIPI UDV №
" " 04 20 11

Москва «Просвещение» 1977

4 Р
П 64

Рекомендовано Министерством просвещения СССР для студентов филологических факультетов педагогических институтов

Общая редакция лауреата Ленинской премии члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук профессора
Ф. П. ФИЛИНА

Подготовка издания, вступительная статья, приложения кандидата филологических наук
В. Ю. ФРАНЧУК

П 64 Потебня А. А.
Из записок по русской грамматике. Т IV. Вып. II. Глагол. М., «Просвещение», 1977.
406 с.

Второй выпуск четвертого тома классического труда А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» посвящен глаголу.

П $\frac{60602\text{-}517}{103\ (03)\text{-}77}$ 15-77

© Издательство «Просвещение», 1977 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Вторым выпуском четвертого тома завершается издание классического труда выдающегося лингвиста XIX в. А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике" (т. I—II. М., Учпедгиз, 1958; т. III. М., „Просвещение", 1968). Этот выпуск посвящен глаголу.

Как известно, четвертый том не был подготовлен автором к печати в окончательном виде, что видно из самой рукописи (в ней нет общего плана расположения отдельных глав и параграфов, некоторые разделы не завершены, не проставлены страницы и т. п.).

В основу настоящего издания положен текст четвертого тома „Из записок по русской грамматике", изданный в 1941 г. в ознаменование столетия (в 1935 г.) со дня рождения выдающегося отечественного языковеда А. А. Потебни. Подготовлен том был А. В. Ветуховым, М. Д. Мальцевым и Ф. П. Филиным.

При работе над новым изданием четвертого тома классического труда А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике" материалы о глаголе были сверены с копией рукописи, хранящейся в фонде Центрального государственного исторического архива УССР. Это дало возможность устранить отдельные неточности первой публикации. Кроме того, учтены рекомендации относительно расположения материалов, которые были сделаны рецензентами четвертого тома после его опубликования.

Новое издание раздела „Глагол" пополнено главой „О глагольных разрядах", которая подготовлена по тексту копии с пометами А. А. Потебни, хранящейся в Центральном государственном историческом архиве УССР.

В приложении ко второму выпуску приведены материалы по морфологии и синтаксису.

В конце второго выпуска помещен „Список использованной литературы", составленный на основе ссылок А. А. Потебни на те или иные труды при этом указаны издания, которые вышли в свет до 11 декабря 1891 г., дня смерти Александра Афанасьевича Потебни. В основу „Списка...", относящегося к первому и второму выпускам четвертого тома, положена публикация 1941 г., уточненная и дополненная составителем.

Во втором выпуске четвертого тома, завершающего, как отмечено выше, все издание выдающегося труда А. А. Потебни, приведены отзывы современников на публикацию томов „Из записок по русской грамматике". Эти материалы убедительно и ярко свидетельствуют о том, какое влияние оказала работа Александра Афанасьевича на все славяноведение и на русское языкознание в частности сразу после опубликования. Отзыв А. А. Шахматова на III том „Из записок по русской грамматике" публикуется впервые по рукописи, хранящейся в архиве Академии наук СССР.

При подготовке к печати материалов о глаголе составитель и редакция последовательно проводили следующие правила: а) все сокращения, затрудняющие чтение, раскрыты; б) зачеркнутые автором слова и части фраз, без которых неясен следующий за ними текст, восстанавливаются в ломаных скобках; в) большие части работы, зачеркнутые автором и не связанные с текстом, помещены также в ломаные скобки, с указанием в примечаниях

72968

о том, что этот текст зачеркнут А. А. Потебней; г) если понимание текста нарушается в связи с отсутствием какого-либо слова, то оно вставляется в квадратных скобках.

Как и при переиздании предыдущих томов „Из записок по русской грамматике", основной текст и примеры из современных восточнославянских языков печатаются по современной орфографии, в частности не сохраняется одна из особенностей А. А. Потебни — написание *не* слитно с личными формами глагола, причастиями, деепричастиями, с прилагательными и сравнительной степени и наречиями. Там, где несовпадение написания с современными нормами обусловлено теоретическими установками А. А. Потебни (особенно это касается текстов), всегда сохраняется авторский вариант.

Особенные трудности вызвало украинское правописание. Для иллюстрации своих положений А. А. Потебня использовал тексты различных авторов (Метлинского, Головацкого, Кулиша и др.), издания которых отличаются правописанием от современного. В большинстве случаев, хотя и не всегда последовательно, Александр Афанасьевич переводит это правописание на свое собственное, довольно близкое к современному, но в чем-то отходящее от него. Там, где отличающееся от современного написание обусловлено теоретическими установками автора, оно сохранено полностью, в других случаях — приближено к современному.

По инициативе акад. И. Бальчикониса и проф. Я. В. Лои был осуществлен ими перевод на современную орфографию примеров из балтийских языков.

Как и в предшествующие переизданные тома, в четвертый том внесены некоторые изменения: вместо „малорусское наречие" — „украинский язык", вместо „белорусское наречие" — „белорусский язык", вместо „великорусское наречие" — „русский язык". Правда, в некоторых случаях подобная замена оказалась невозможной. Так, традиционно называя украинский язык малорусским наречием, А. А. Потебня под украинским подразумевал говоры населения Левобережной Украины (без северных районов Черниговщины), Киевщины, Екатеринославщины и Херсонщины. Поэтому к слову „украинский", употребленному А. А. Потебней, мы добавляем определение „восточный".

Примеры из памятников и произведений на современных индоевропейских языках приведены так, как они даны у автора, хотя А. А. Потебня не всегда располагал вполне удовлетворительными изданиями. Сохранены в тексте и все условные сокращения, принятые А. А. Потебней. При этом следует учитывать, что в целом ряде случаев он указывал только название труда или фамилию исследователя или периодическое издание, где помещена работа. Расшифровку всех этих отсылок можно сделать по „Списку использованной литературы".

Составитель выражает благодарность лауреату Ленинской премии члену-корреспонденту АН СССР, доктору филологических наук Ф. П. Филину за помощь, оказанную при подготовке переиздания четвертого тома, и лауреату Государственной премии действительному члену АН СССР, доктору филологических наук В. И. Борковскому, который постоянно помогал советами, следил за тем, как осуществляется работа над архивом А. А. Потебни.

ГЛАГОЛ

I. ДЕЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ НА ВИДЫ

§ 1. Критический обзор литературы о видах (Востоков, Юрий Крижанич, Ломоносов, Шафранов, Болдырев, Давыдов, Павский)

Грамматические категории, обозначаемые словом вид, давно замечены и перечислены. В этом отношении дополнять нечего. Путаница в понятиях о виде, на которую издавна и до сих пор жалуются, происходит не столько от неполноты наблюдений современного языка, а от недостатка обыкновенной или, что то же, исторической точки зрения, с которой можно бы было усмотреть постепенность и порядок в наслоении значений, называемых видами. Большинство писавших о видах, даже знавшие вообще, что единственное верное направление языкознания есть историческое и, в частности, что было время, когда в глаголе не было видов, смотрели на виды как на явления одновременные по происхождению и делили их, не спрашивая, что было прежде, что после, не заботясь даже о единстве основания деления.

Я приведу только более известные деления.

По Востокову (Грамматика), вид глагола есть выражение: 1) продолжения, 2) свершения и 3) повторения действий, согласно с чем главных видов три: 1) неокончательный, не означающий ни начала, ни конца действия, 2) совершенный, показывающий начало или конец действия, и 3) многократный, показывающий действие, повторенное несколько раз.

1. Неокончательный вид подразделяется на: а) определенный, показывающий действие в самом совершении оного, например *читаю*, *пишу*, т. е. занимаюсь теперь чтением или писанием; б) неопределенный, который показывает действие как бы отвлеченное, рассматриваемое не во время совершения, также привычку и способность к действию, например *читаю*, *пишу*, т. е. имею обыкновение читать или писать, умею читать или писать.

Различие между видом определенным и неопределенным не выражается формально в одних глаголах, но выражается в других, означающих движение с места и некоторые действия, к зрению и слуху относящиеся; например, определенный: *вести, весить, видеть, свистеть*; неопределенный: *водить, вешать, видать, свистать*.

2. Глаголы вида совершенного подразделяются на: а) начинательные, которые показывают начало действия, например *стану хвалить, стал читать, пойду, запою*, и образуются двояко: приложением вспомогательного глагола *стать, стал, стану* к неопределенному наклонению неокончательного вида и приставкою предлогов *воз-, за-, по-* к простому (беспредложному) неокончательному виду; б) окончательные, например *похвалю, кину, дойду, пропою*.

Последние в свою очередь делятся на: аа) окончательные длительные, показывающие действие, конченное в несколько приемов или в некоторое продолжение времени, например *похвалю, дойду*; бб) окончательные однократные, показывающие действие, конченное одним движением, например *кину*.

3. В глаголе многократного вида нет подразделений.

Первые два члена главного деления (вид неокончательный и совершенный) имеют одно основание деления (несовершенность или совершенность); третий (многократный) — другое (количество крат). Очевидно, что глаголы многократные беспредложные (а только такие и называет Востоков многократными) подходят под понятие неокончательности (т. е. несовершенности), стало быть, первый член деления заключает в себе и третий. Менее очевидно, хотя верно, что глагол совершенный, сложенный из предлогов и глаголов многократных, например *запохаживал*, несмотря на влияние предлогов, сохраняет свою многократность (см. ниже).

Таким образом, оказывается, что каждый из первых двух членов не исключает собою третьего, т. е. главное деление было бы двойственно: глаголы несовершенные и совершенные.

Подразделение вида неокончательного на определенный и неопределенный не может быть соглашено с подразделением вида совершенного, так как они не означают ни начала, ни конца действия, т. е. как несовершенные, по-видимому, не могут быть совершенными. Если же разделим глаголы неокончательные на определенные (*веду*) и неопределенные (*вожу*), то окажется, что те и другие исключают не весь вид совершенный, а только одно из его подразделений: глаголы однократные. Глаголы определенные и неопределенные, оставаясь сами собою, в то же время могут быть совершенными начинательными: *стать вести, стал вести, стану вести* — тоже неокончательные определенные. Совершенный начинательный: *доведу* — неокончательный определенный. Совершенный длительный: *завожу* (начну водить) и *стану водить* — глаголы неокончательные неопределенные, совершенные начинательные; *довожу* — неокончательный неопределенный, совершенный длительный. Определение каждого из этих глаголов заключает в себе противоречие, которое не может быть устранено заявлением, что глаголы неокончательные превращаются посредством присоединения вспомогательного *стать* и известных предлогов в совершенные начинательные и длительные: в том-то и дело, что, превращаясь, эти глаголы не перестают быть определенными и неопределенными. Выход из этих противоречий тот, что определенность и неопределенность не суть подразделения неокончательности, т. е. несовершенности, что неопределенность и определенность, с одной стороны, и несовершенность и совершенность, с другой, — это два различные деления, насильственно соединенные в одно.

В начинательный вид Востокова вовсе не входят глаголы, обозначающие оттенок начинательности (перехода в известное состояние) своим характером $\frac{\text{-не-}}{\text{-ну-}}$, $\frac{\text{-ье-}}{\text{-ь-}}$ — средством вполне грамматическим или формальным. Начинательные глаголы вида совершенного у Востокова должны распасться на два отдела: глаголы сложные со *стать, стал, стану* и глаголы сложные с предлогами *воз-, за-, по-*.

Что до первых, то в таких выражениях, как *стану, стал, стать бить*, замечаем следующее. Выражения эти в известном отношении вряд ли могут быть отделены от выражений, очевидно, не составляющих особой грамматической категории начинательности и означающих начинательность не грамматически, а логически, каковы русские *начал* (старорусское *учал*) *бить, завел (= начал), принялся, собрался бить*; украинское *узяв, почав, заходився бити*.

Такая начинательность может быть в глаголах независимо от их совершенности. Ср. русское „заводит (начинает, принимается, собирается) петь"; украинское „береться (починає, захожується, лагодиться) бити"; „И пошёл говорить"; „У цркви блага не имаше, него едан сандук од камена; одоше га дружба разбијати, сви га бише разбит' не могоше" (Чубро Чојковић, 65); „Обје мени стадоше зборити" (ibid., 65) (fingen an); „Плећи даде а бјежати оде" (ibid., 77); „[Ребята] взяли Гордена пощипывати" („Др. росс. стих.", 152).

Если *захожусь бить* не есть начинательный глагол (т. е. не есть одна простая или описательная форма), а выражение, то *стану бить* не следует считать грамматическою категориею; в противном случае мы должны бы до бесконечности размножить количество грамматических категорий, смешавши их с относительно-реальным значением слов. Правда, между *стану бить* и *начну, захожусь бить* есть та разница, что в *стану* некогда чувствовалась начинательность, зависимая от формальной стихии этого слова, именно от характера *-н-*; но из этого не сле-

дует, чтобы и не *стану* могло рассматриваться как слово чисто формальное, по значению сливающееся со своим дополнением в одну форму *стану бить*, которая рассматривается обыкновенно как одно будущее время глагола; но в таком случае и *заведу бить* и *захожусь бить* — будущие времена. На самом деле это не описательные времена, а сложные выражения, обязанные значением будущности тем, что в них входят глаголы совершенные. Напротив, *буду бить* и *битиму*, как и сербское *бићу*, могут считаться за грамматические формы в силу чисто формального значения глаголов, входящих в их состав. Между этими будущими, с одной стороны, и группою выражений, как *стану — стал — ставши — стать бить*, с другой, нет полного соответствия.

Между тем, вопреки Востокову, *буду бить* сходно с *стану бить* в том, что как в первом, так и во втором *бить* представляется несовершенным, явственно отличается от совершенных глаголов, как *побью*, *забью*, *убью* и прочее. Вообще совершенность глагола дополняемого не делает совершенным дополнения в неопределенном наклонении.

Итак, *стану бить* по отношению ко второй составной части не может быть названо ни начинательным, ни совершенным.

Что до второго отдела глаголов, всегда совершенно-начинательных, то это — глаголы предложные: *пойду*, *взвою*, *запою*. По Востокову, начинательные совершенные — на деле действительно суть совершенные, но не начинательные в грамматическом смысле. Подобным образом предложные совершенные, называемые Востоковым окончательными длительными (*похвалю*, *дойду*), не составляют грамматической окончательности (которой не следует смешивать с совершенностью).

Было бы достаточно оснований различать, согласно с Востоковым, грамматические категории начинательности и окончательности внутри категории совершенности глаголов предложных, если бы каждый предлог, сообщающий глаголу значение совершенности, в то же время относил глагол к разряду начинательных или окончательных. Но, во-первых, значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности: *заговорю* (начну говорить) есть глагол совершенный, *заговариваю* (с кем, начинаю говорить) — глагол несовершенный, но начинательность в них одинакова; *заговорю зубы* (заговором утолю зубную боль) есть глагол совершенный, *заговариваю* — глагол несовершенный, оба с равным значением окончательности. Согласно с этим мы должны были различать начинательность и окончательность как в глаголах совершенных, так и несовершенных. Во-вторых, различия начинательности и окончательности слишком частны для грамматических категорий. Большинству предлогов начинательность значения не свойственна. Принадлежность глаголов предложных к начинательным или окончательным, подобно всем лексическим оттенкам значения слов, формально ничем не выражается, так что посредством грамматического раз-

бора мы не в состоянии различить глаголов начинательных — *завозить ногами под столом* (начать возиться) от глаголов окончательных: *завозить платье* (в том смысле, как говорят „заносить рубашку"), *завозиться донельзя* (замараться). Дополнение в том или другом падеже для начинательности и окончательности значения глагола вовсе не характеристично.

Как выше сказано, глаголы неокончательные несовершенные заключают в себе и многократные; но и одно из принятых Востоковым подразделений глаголов несовершенных, именно глаголы неопределенные, как выражающие привычку к действию, тоже заключают в себе глаголы многократные: *говаривал*, solebat dicere. А между тем другой отдел глаголов неокончательных — глаголы многократные.

Юрий Крижанич („Грамати́чно изка̑занје", стр. 73) замечает: „1. Начинательные глаголы, к коим относятся не только беспредложные, как: *били́јем*, *черни́јем*, но и предложные, как: *обили́л*, *очерни́л*. Независимо от этого... почти всякий начинательный глагол, — говорит он вслед за этим, — разделяется на однократный, многократный и неопределенный"[1].

Таким образом, возникший впоследствии времени спор о том суть ли формы со значением однократным (и совершенным) и многократным самостоятельные глаголы, или же эти формы вместе с неопределенными составляют одно спряжение о десяти или восьми временах[2], с точки зрения Крижанича решается таким образом: однокоренные глаголы, неопределенные и однократные, суть глаголы самостоятельные, но лишь взятые вместе они образуют круг категорий, выражаемых славянским глаголом. Графически этот взгляд выражается у Крижанича тем, что спря-

---

[1] Словом глагол неопределенный перевожу Крижаничево „обстõjна ричи́на", имея в виду позднейшую терминологию; собственно „обстõjна ричи́на" значит глагол самостоятельный. Так, у Крижанича substantivum названо „обстõjно jме.. кóје сáмо óб себи, без jиного jмена, в бесíде стоjат мóжет" (ibid., стр. 46).

Выражение „...всякий начинательный глагол разделяется на однократный..." следует понимать так, что хотя каждый из трех глаголов, каковы, например, обстойный *сидѝм* (сижу), многократный *сѝдам* (украинское *сідаю*), однократный *сѐдам* (сяду), принадлежит к особому спряжению (коих у Крижанича три, по 1-му лицу единственного числа *-ам*, *-ем*, *-им*), но все три „обличья" (вида) дополняют друг друга и в этом смысле могут рассматриваться как один глагол.

[2] Ломоносов принимает в русском десять времен: настоящее *колю*, прошедшее неопределенное *колол*, прошедшее однократное *кольнул*, прошедшее совершенное *поколол*, давнопрошедшее 1-е *калывал*, будущее неопределенное *буду колоть*, будущее однократное *кольну*, будущее совершенное *поколю*. „Академическая грамматика" 1802 г. отбрасывает давнопрошедшие 2-е и 3-е. Защита несамостоятельности форм на *-ну-*, *-ыва-* (*-ива-*, *-д-*) и форм предложных совершенных, их принадлежности к одному спряжению — в сочинении Шафранова „О видах русского глагола в синтаксическом отношении". М., 1852.

жение каждого из этих глаголов занимает особый столбец, но все три столбца стоят рядом.

Здесь замечу, что и я при дальнейшем изложении буду безразлично называть глаголом и один глагол, принадлежащий к одному известному разряду, и группу взаимно дополняющих себя относительно вида. Я буду, избегая околичнословий, говорить, например, о глаголе с четырьмя степенями, т. е. о четырех глаголах, по отношению к виду составляющих одно целое. За мерило особенности глагола будем при этом принимать только глагольный характер; различные предложные глаголы с одним и тем же характером (*до-, при-, за- ходить*) составляют особые единицы только с лексической точки зрения, а в грамматике принимаются за одну единицу, если они тождественны в формальном отношении.

Глагол однократный означает действие однократное и совершенное. Сюда, по Крижаничу, относятся все глаголы, которые мы называем совершенными, т. е. не только такие, как *крйкнем, стáнем*, но и такие, как *бýдем, сéдем* (= сяду), *лéжем* (= лягу), *засéдем, полéжем*, а равно образованные от неопределенных (обстойных) — *посидúм, полежúм, престоúм, ізберém, нажáвém, проговорúм* и многократных (в смысле, принятом Крижаничем), как *обхóдим* (в значении будущего, а не настоящего времени).

Разумеется, сюда же должны быть отнесены и вышеупомянутые начинательные предложные *обилéл* etc.

Многократный глагол означает действие, повторяемое много крат или обычное, как: *сúдам* (украинское *сідаю*), *лúгам* (украинское *лягаю*), *стáјем* (*стаю, становлюсь*), *засúдам, полúгам, возстáјем, обладýјем* (от *влáдам*), *указýјém* (от *кáжем*), *зáзúвам* (от *зовém*), *познáвам* (от *знáм*), *скончáвам* (от *кончáм*), *вáльам* (*валúм*), *забáвльам* (*забáвим*) с изменением основного *о* в *а*: *говáрјам* (*говорим*), *вáджам* (*вóдим*) и прочее. Крижанич знает русские формы: *говаривал, хаживал, спрашивал*, но считает их мужицкими и испорченными („кмéтскиь и скáзен йзрóк“). Правильно: *говáрјал, хáжал, спрáшал*. Не забудем, что он старается создать грамматику общеславянского языка; устраняя русские формы, он точно так же считает „мужицкими“ и „мерзвянские въздвизам, принúцам (старославянские) вместо *воздвúгам, принúкам* (стр. 108—109).

Неопределенный просто означает действие без отношения к однократности или многократности, как: *сидúм, лежúм, стоúм*. Название этих глаголов самостоятельными („обстóјна ричúна“) оправдывается тем, что по общему правилу они первообразны, и от них производятся глаголы однократные и многократные. Крижанич знает исключения из этого правила; так, например, некоторые однократные на *-нем* (*рúнем, дéнем, кúнем, свáнем, гéрнем*) он считает коренными.

Обращаем внимание на следующие наблюдения Крижанича:

1. Глагол неопределенный, слагаясь с предлогом, изменяет вид и становится однократным (т. е. совершенным), за исключением глаголов: *завúдим, ненавúдим, надијéмсе* и некоторых других. Но глагол многократный и слагаясь с предлогом остается многократным, за исключением глаголов *вóдим, вóзим гóним, нóсим, хóдим, лáзим*, которые в соединении с предлогами имеют двоякое значение: многократное и однократное (совершенное, как *заводим*, и прочее) (стр. 75).

2. Некоторые глаголы многократные, не сложенные с предлогом, употребляются в двояком значении: неопределенном (обстојном) и многократном, например: *прáшам, кýшам, жéдам, дúхам, стрúљам, рýбам* и пр. (стр. 74).

3. В однократных (т. е. совершенных) будущее время одинаково с настоящим.

Через полтораста лет без малого проф. Болдырев, по всей вероятности совершенно самостоятельно, пришел к такому же делению по видам, как и Крижанич (см. Болдырев).

Болдырев делит глаголы по видам на пять разрядов:

а) начинательные, например *белеть*;

б) неопределенные, выражающие некоторое продолжение состояния или действия, например *делать, любить, терпеть, бегать*;

в) учащательные, показывающие действие, повторенное несколько раз, притом в разные времена, например *делывать* и прочие на *-ыва-, -ива-*;

г) однократные на *-нуть*: *дернуть*;

д) совершенные, выражающие действие, которое должно быть произведено вдруг, например *срубить, приделать, разбить, вырвать, запереть*.

Заметим следующие отличия от Крижаничева деления.

Начинательные у Болдырева поставлены в ряд с остальными. У Крижанича они выделены из тройственного деления почти всякого глагола на обстойные, однократные и многократные, так как начинательные, независимо от своей начинательности, могут быть обстойными и совершенными.

В числе неопределенных у Болдырева помещен глагол *бегать*. Очевидно, глагол *бегать* может быть отнесен только к этому отделу, из чего видно, что неопределенные Болдырева заключают в себе часть многократных Крижанича. Для нас поучительно то, что двух отделов (обстойные и многократные — Крижанича, неопределенные и учащательные — Болдырева) мало для помещения глаголов, остающихся за вычетом однократных.

Болдырев отделяет глаголы однократные от других совершенных, между тем как Крижанич их смешивает. Здесь прав Болдырев; но он не умеет определить совершенности, потому что какое же действие, совершенное вдруг, в выражении

„доводить кого до усталости". Мы не говорим уже о том, что он не понимает отношения совершенности к другим видам (см. ниже).

Давыдов членам болдыревского деления дает другой порядок и прибавляет кое-что, заимствованное у Востокова и Павского.

„В грамматиках наших,— говорит Давыдов,— до сих пор употребляются названия видов: неопределенного, совершенного, однократного, многократного вопреки логическому делению по двум различным основаниям — кратности и совершению. Поэтому необходимо из сих двух оснований избрать одно, по которому виды и должны быть разделены. Очевидно, свойству русского глагола соответствует кратность" („Известия II отд. АН", 1852, т. I, стр. 226).

„Первоначальные формы, в которых дух созерцает внешний мир, суть пространство и время, в пространстве является бытие (имя); во времени — деятельность (глагол). Из полярной противоположности бытия и деятельности развиваются отношения качества и количества. Качество, как принадлежность бытия, соответствует форме пространства; количество, как проявление деятельности, соответствует форме времени. Здесь основание видов глагола" (Давыдов, § 378). (Итак, вид означает количество действия).

„Деятельность, совершающаяся во времени, измеряется продолжительностью или кратностью; продолжительность может быть или однократная *(скакнуть)*, или многократная *(скакивал)*, или неопределеннократная *(скакать)*" (ibid.).

„Все, продолжающееся во времени, имеет начало, продолжение и совершение: оттого продолжительность неопределеннократная представляет три момента: начинания, длительности и окончания или совершения" (ibid.).

По видам русские глаголы разделяются на однократные, многократные и неопределеннократные.

1. „Неопределеннократный вид употребляется, когда показываем действие в его совершенности, без определения начала или конца (NB!), например „птицы *летают*, рыбы *плавают*, звери *ходят*, *ползают*, *прыгают*", т. е. имеют способность летать, плавать, ползать, прыгать".

В этих (неопределеннократных) глаголах различаются три момента или степени: а) длительность, б) начинательность и в) окончательность или совершенность.

а) Длительный или собственно неопределеннократный вид изображает действие, одинаково повторяющееся: *думать*, *читать*, *писать*.

б) Начинательный вид показывает начало какой-либо деятельности, например *краснеть*, *белеть*, *лететь*.

в) Окончательный или совершенный означает полное совершение действия, также одного только начала или конца: *покраснеть*, *написать*, *передушить*.

2. „Многократный вид употребляется, когда выражает действие, много раз происходившее:

Не *пропархивал* тут млад белый кречет,
Не *пролетывал* тут ни сизой орел.

3. Однократный вид означает действие один раз и быстро оконченное. Он употребляется в глаголах, выражающих действие, доступное чувствам: *каркнуть*, *захлопнуть*, *двинуть*, *тронуть*, *решить* (sic!) (см.: Давыдов, § 378, 379, 380, 381, 382; некоторые примеры взяты из § 100).

Оставляю в стороне философские основания этого деления, ложные, как и вся система Беккера, по которой построена эта грамматика. Грамматике нет дела до того, что все продолжающееся во времени имеет начало, продолжение и совершение. Эти моменты могут вовсе не выражаться в языке. Поэтому бесполезно говорить сначала „так-то должно быть", чтобы сказать потом „так и есть на самом деле", потому что необходимой связи между тем и другим нет.

Важнее для нас следующее. Старание Давыдова устранить двойственность деления, принявши за основание одну кратность, остается безуспешным. Он достигает только мнимого единства на словах, потому что, хотя совершенности отведено на словах узкое место в одном из подразделений глаголов неопределеннократных, но на деле совершенность может распространяться на все виды, о чем ниже. Таким образом, двойственность основания деления, в сущности, остается, и в этом отношении рассматриваемое деление не выше предыдущего.

„Деятельность, совершающаяся во времени, измеряется продолжительностью или кратностью". Но, спрашивается, все ли равно, что продолжительность, что кратность? — Нет, так как язык может выражать длительность, вовсе не обозначая кратности. Чтобы говорить о неопределеннократных у Давыдова, нам, в сущности, вовсе не нужно понятие кратности. А между тем кратность действительно обозначается глаголами однократными и многократными.

Прибавляя к этим двум разрядам третий, в коем вовсе нет кратности, а есть только длительность, мы и здесь получаем деление о двух основаниях. На это можно возразить, что если здесь мы находим двойственность основания, то должно ее видеть и в делении глаголов на несовершенные и совершенные, а между тем верность последнего деления несомненна. Но, возражаю, это — неверно. Как только образовались глаголы совершенные, все остальные тем самым стали несовершенными: *делать* по отношению к *сделать*, *доделать*, *приделать* и прочее не может быть ничем другим, как несовершенным. Между тем, по образовании глагола однократного *кольнуть* и многократного *калывать*, глагол *колоть* не стал неопределеннократным, т. е. выра-

жающим неизвестно сколько крат действий: он никаких крат не выражает. Однако глаголы, как *колоть*, исключают такие, как *кольнуть* и *калывать*. Следовательно, ошибка заключается не в их распределении по группам, а в точке зрения на это распределение. Отождествление продолжительности и кратности оказывается ошибочным: остается разделить эти понятия. Если за меру примем степень длительности, выражаемой глаголом *колоть*, то окажется, что *калывать* есть более длительный сравнительно с *колоть* и что из этой большей длительности вытекает его многократность, что *кольнуть* есть менее длительный сравнительно с *колоть* и отсюда его однократность.

В сказанном о виде неопределеннократном и его подразделениях заключены поразительные противоречия.

Во-первых, если вид неопределеннократный не определяет ни начала, ни конца действия, то каким же образом он может заключать в себе глаголы начинательные и окончательные? Если он их в себе заключает, то определение его ложно, наоборот, если определение его верно, то из него необходимо выделить глаголы начинательные и окончательные.

Давыдов уравнивает глаголы неопределеннократные длительные с востоковскими неокончательными неопределенными, а неокончательные начинательные с востоковскими неокончательными определенными (§ 100). Образцы начинательных у Давыдова: *краснеть* и *лететь*, из коих первый согласен с тем понятием о начинательности, какое имеют Крижанич и Болдырев, а второй поставлен в угоду делению Востокова. Если *лететь* есть начинательный глагол, то и все остальные, по Востокову, неокончательные определенные, как *идти*, *ехать*, *везти*, *вести*, *плыть*, *лезть*, тоже должны быть начинательными, на что не согласятся ни Крижанич, ни Болдырев, с одной, ни Востоков — с другой стороны, хотя их понятия о начинательности различны.

Если глагол *краснеть* вместе с Давыдовым назовем, в угоду Востокову, определенным, то и с этим Востоков не согласится, потому что, согласно с делением Востокова, *краснеть*, смотря по значению, может быть не только определенным (*теперь краснею*), но и неопределенным (*могу, имею способность краснеть*). Таким образом, Давыдов, стараясь примирить два деления, портит и то и другое.

Мы видим, что Крижанич и Болдырев под начинательными разумеют только такие глаголы, как *краснеть*, причем Крижанич справедливо ставил их вне деления на обстойные, однократные и многократные, так как действительно глаголы, как *краснеть*, не лишаясь значения, сообщаемого им характером $\frac{\text{-ньe-}}{\text{-нь-}}$, значения, названного начинательным, от присоединения предлога становятся совершенными (по Крижаничу — однократными), от присоединения нового характера — многократными (так если не

в русских, то в других наречиях, например: в польских при *медлети* (пример из Крижанича) — польские *mdleć*, *omdlewać*).

Востоков под начинательными понимает не глаголы на *-нь*, из коих он не делает особого вида, а одно из подразделений вида совершенного, именно глаголы, сложные с вспомогательным *стать* и с предлогами *по-*, *за-*, *воз-*. Давыдов и здесь хочет занять середину: „начинание в глаголах, происходящих от имен прилагательных, собственно выражается окончанием *-ыть* (*красн-ыть*, *толст-ыть*); для различия же упомянутых трех моментов (т. е. моментов неопределенной продолжительности: начинания, длительности и окончания или совершения. — *А. П.*), без перемены значения глагола, употребляются предлоги: начало действия означает предлог *за-* (*зазвонить*); продолжение — предлоги *по-*, *про-* (*позвонить*); окончание или совершение — предлоги *раз-*, *со-*, *до-*, *на-*, *от-* (*отзвонить*)" (§ 378). Прилагая это к вышеприведенным подразделениям вида неопределеннократного, мы увидим, что Давыдов совмещает:

а) в неопределеннократном длительном — глаголы *пишу* (настоящее) и *позвоню*, *прозвоню* (будущее);

б) в неопределеннозачинательном — *краснею* (настоящее) и *зазвоню* (будущее);

в) в окончательном или совершенном — не только с *раз-*, *со-*, *до-*, *от-*, но и с другими предлогами, между прочим с *по-* (*повершить*), *про-*, которые выше были присвоены неопределенно-длительным.

Таким образом, Давыдов, независимо от того, что ошибочно сделал глагол совершенным и одним из подразделений глаголов неопределеннократных, сам же вносит совершенность в два другие подразделения глаголов неопределеннократных.

Что до помещения глаголов с одними и теми же предлогами в виде неопределеннодлительном и окончательном, то оно есть повторение того, что мы находим у Востокова, только с прибавлением новой ошибки. У Востокова глаголы совершенные бывают: совершенные начинательные (*пойду*) и совершенные окончательные (*похвалю*); у Давыдова глаголы предложные с настоящим в значении будущего, при одном и том же предлоге (как у Востокова), считаются то неопределеннократными (не означающими конца и начала действия) длительными, то неопределеннократными окончательными. Почему же и не начинательными? Ведь Востоков считает предлог *по-* сообщающим и значение начинательности.

Действительно, при одних и тех же глаголах одни и те же предлоги, сообщающие настоящему времени этого глагола значение будущего, могут иметь по два и по три таких оттенка значения, которые могут дать повод (не скажу: достаточное основание) к различению начинательности, длительности и окончательности внутри категории, которую Востоков называет видом совершенным; например, в проговорил

7 1968

таковы слова" можем видеть с некоторою натяжкою и начинательность (*начал говорить*, как в сложном *вспроговорил*), и окончательность (как в *„проговорил урок"*, ср. *„проговорил ужин"*, т. е. *потерял говоривши*; как в украинском *„свою долю в неділю проспідав, а в п"ятницю проспівав"*), а и *„проговорил* с ним весь вечер" — длительность.

О многократных у Давыдова заметим: из приведенного им примера этих глаголов (*пропархивал, пролетывал* — § 381) видно, что к ним относятся и предложные на *-ывать, -ивать*. Нам кажется это верным (см. ниже). Но, по Востокову, глагол *выкатывал* есть уже не многократный, как простое *катывал*, а сложный неокончательный; по Павскому, глаголы третьей степени, соединяясь с предлогами, переходят в другую. Поэтому и Давыдов говорит (§ 100), что многократный вид переходит в неопределеннократный посредством предлога: *читывать — почитывать*. Таким образом, чтобы помирить Давыдова с самим собою, нужно или уничтожить приведенные примеры многократности (*пролетывал*), на что все трактовавшие о видах согласны (кроме разве Крижанича, у которого, впрочем, понятие о многократности слишком широко), или отвергнуть переход многократных в неопределеннократные.

В числе однократных глаголов, выражающих действие, доступное чувствам, рядом с глаголами на *-нуть* Давыдов помещает *решить* (§ 100), конечно, не в несовершенном значении старинного *казати* и *рѣшити* (*solvere*), а в современном значении умственного решения.

Оставив в стороне предполагаемую чувственность значения этого глагола, считаем, однако, уместным вопрос, суть ли глаголы совершенные, как *решить, купить, кончить, женить* и некоторые другие, вместе с тем однократные. Понятно, что они таковы по Крижаничу, который совершенно не отличает совершенности от однократности; Павский, к делению коего мы приходим, считает глагол *кончить* (*кончу* — будущее время) окончательным или решительным, но не мгновенным, хотя решительные и мгновенные соединяет в одну степень — однократную; но у Давыдова однократные и совершенные составляют два вида.

Сочинение Павского о глаголе (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение) появилось за десять лет до грамматики Давыдова, но для нас более поучительно, чем эта последняя. По Павскому:

„I. В отношении к времени действия и явления глаголы бывают:

а) мгновенные, например *мелькнуть*,

б) продолжительные неопределенные, например *мелькать*,

в) продолжительные дальние: *читывать, видывать*,

г) продолжительные прерывистые: *почитывать, поглядывать*,

д) начинательные: *сохнуть, мокнуть*,

е) окончательные или решительные: *кончить, уйти, прочитать*.

II. В отношении к пространству глаголы бывают:

а) однообразные, когда действие происходит по одному направлению или совершается в один прием, например *лететь, скочить*,

б) разнообразные неопределенные, когда действие принимает разные направления и совершается в разные приемы, например *летать, скакать*,

в) разнообразные дальние, когда разнообразное действие происходит вдали (где-то) на неопределенном пространстве, например *хаживать, скакивать*.

Тесная связь между временем и пространством послужила причиною тому, что нередко одними и теми же признаками отмечается неопределенное время и неопределенное пространство, также дальнее время и дальнее пространство. И во многих случаях только посредством наречий, происшедших от местоимения, можно различать в глаголе время от пространства. Если к глаголу приложить можно частицы: *и тогда и тогда, когда-то, некогда*, то идет речь о времени, а если приложить можно к глаголу частицы: *и там и сям, туда и сюда, и тут и там, где-то, негде*, то тут идет речь о пространстве или месте" (§ 3).

Таким образом, сам автор находит двойственное деление по времени и пространству почти излишним. Нам остается только выразиться решительнее: особых глагольных признаков, отличающих время от пространства, вовсе нет; ко всякому из подразделений по времени можно приложить наречие места, и ко всякому из подразделений по пространству — наречие времени.

Хаживал и *читывал* в грамматическом отношении, т. е. независимо от различия корней, значат совершенно одно и то же. То, что в значении глагольных характеров может быть принято за пространственное отношение, вносится или значением корня, или наречиями. Сам по себе глагольный характер, в отношении к видам или степеням, может обозначать только бóльшую или меньшую обширность времени, занимаемого действием.

Возвращаемся к первому делению по времени.

К сказанному о начинательных следует прибавить: „Глаголы породы *-ѣ-* (несократ.) $\left(\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-ѣ-}} — А.\ П.\right)$ означают не только принятие нового качества и переход в известное состояние, но и пребывание в нем, и постепенное умножение качеств. Поэтому не всегда справедливо называют их начинательными. Например глаголы: *глазыть, умыть, пламенить, потыть, коснить, радыть, жалыть, гоныть* вовсе не похожи на начинательные" (§ 26). Но тем не менее если не все, то многие из глаголов этой породы связаны по значению с глаголами породы *-ѣ-* отметаемого, которые тоже означают не только переход в известное

состояние, но и пребывание в нем. Оба характера могут быть иногда поставлены один вместо другого (например, *желкнуть* и *желтыть*) или соединяются в одном и том же глаголе, например *тускнуть* (§ 27). Одним словом, по Павскому, к примерам начинательных, как *сохнуть*, мы должны прибавить и *желтыть* и т. п. Сравнительно с Крижаничем, Болдыревым, Давыдовым, у Павского отдел начинательных полнее, так как, кроме глаголов *-ть-*, заключает в себе и глаголы *-ты-*, и в этом Павский выше. Но о сопоставлении этих глаголов начинательных с другими подразделениями по времени следует повторить сказанное о том же по поводу начинательных глаголов у Давыдова.

Сам Павский, потому ли, что не умеет справиться с отношением начинательных глаголов к другим подразделениям, или по недосмотру в своих трех степенях (о коих ниже), не дает вовсе места начинательным.

В сопоставлении глаголов окончательных с мгновенными, продолжительными и начинательными у Павского та же ошибка, что у Востокова и Болдырева, именно: глаголы окончательные не исключают других членов деления по времени (и пространству).

Глаголы продолжительные прерывистые *(почитывать)* по грамматическому, т. е. формальному, значению ничем не отличаются от продолжительных дальних и не должны составлять отдельного разряда.

Затем, за исключением начинательных, окончательных и продолжительных прерывистых, глаголы относительно времени сводятся на мгновенные *(мелькнуть)*, продолжительные неопределенные *(мелькать)* и продолжительные дальние *(читывать)*. Следовательно, степеней (см. ниже) может быть не больше трех; если же их окажется в действительности больше, то значит, что, кроме глаголов мгновенных, есть еще подразделение по времени, о коем или вовсе не было речи, или которое скрыто было под чужим именем.

„Последуя намекам гения нашего языка, который не положил твердых границ между различными кратами времени и пространства[1], сольем все (т. е. оба деления по времени и пространству.— *А. П.*) вместе. Тогда окажется в глаголах наших не более трех степеней.

Первая степень: глаголы однократные, к которым относятся мгновенные, решительные и частью однообразные.

Вторая степень: глаголы многократные неопределенные, к которым причисляются продолжительные неопределенные, прерывистые и разнообразные.

[1] По сказанному выше было бы: не знаем вовсе деления глаголов по пространству.

Третью и последнюю степень занимают глаголы многократные дальние. Сюда причисляются: продолжительные дальние и разнообразные дальние.

Примечание. Эту постепенность русских глаголов несколько нарушают одни только глаголы однообразные, которые стоят на середине между первою и второю степенью и сближаются то с тою, то с другою" (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 3). Это значит, что глаголы по пространству однообразные, по отношению ко времени могут быть или окончательные ‹*благословить* (sic!), *бросить*; см. § 22, стр. 60›, или продолжительные неопределенные *(летать)*, и в первом случае относятся к первой степени, во втором — ко второй.

Чтоб оценить это деление, нужно решить два вопроса: а) имеет ли здесь степень значение историческое и б) полно ли деление на три степени.

а) Если нам говорят о степенях глаголов или об их постепенности, то мы вправе ожидать, что степень, названная первою, будет первою, а не второю, третьею по времени происхождения, вторая — второй и т. д.

Постепенность не историческая, а такая, при которой первая степень названа первою по индивидуально-психологическим побуждениям, а в языке оказывается не первою, такая „идеальная" постепенность не имеет для языкознания никакой цены. В степенях Павского мы не находим исторической последовательности.

Первая степень. Глаголы мгновенные, принадлежа к первой степени *(кольнуть)*, производятся из первообразных *(колоть)*, которые по значению суть многократные неопределенные и принадлежат ко второй степени (см.: Павский, ibid., § 28 и 19). Точно так глаголы окончательные, или решительные, как *прочитать*, принадлежат к первой степени, а простые, как *читать*, — ко второй. Глаголы прерывистые *(почитывать)* принадлежат ко второй степени, а простые (продолжительные дальние — *читывать*) — к третьей. Но ведь значение мгновенных зависит от их характера, а следовательно, значение первообразных древнее мгновенных, признанных за производные; точно так и значение предложных зависит от их внешней сложности с предлогами, и простые не только по форме, но и по значению предшествуют сложным.

б) Деление на три степени не полно. К первой степени относятся глаголы *мелькнуть* (мгновенный), *кончить* (окончательный), а „частью — глаголы однообразные", именно те же совершенные, означающие движение, как *дать*, *пасть*, *скочить* (§ 22, стр. 60).

Летыть — лечу не может быть глаголом однократным, подобно мгновенному *мелькнуть*, и не может принадлежать к первой степени Павского. Но глагол этот не может принадлежать и ни к какой другой степени, потому что он, очевидно, не может быть назван многократным.

Заметим, что таких глаголов Павский в виде примера приводит двадцать, что в действительности их гораздо больше, что, стало быть, мы имеем основание говорить не о некотором нарушении постепенности, а прямо о недостаточности тройственного деления.

В § 22 Павский решительно относит их ко второй степени, т. е. к многократным неопределенным, и замечает только, что характерная гласная *-а-*, посредством коей от этих (однообразных глаголов) производятся разнообразные (*летать* от *лететь*), „не так решительно переводит глаголы с одной степени на другую", как тот же характер переводит однообразные первой степени (*бросить*) на вторую (*бросать*) или, например, характер *-ива-*, *-ыва-* — переводит со второй степени на третью (*носить* — вторая, *нашивать* — третья). „Не так решительно переводит", т. е. в сущности вовсе не переводит; „присоединившись к глаголам многократным однообразным для того, чтобы изобразить разнообразность движения и явления и разные приемы и направления действия, она (характерная гласная *-а-*. — *А. П.*) оставляет сии глаголы на той же второй степени и не переводит их в третьестепенные или дальние" (ibid., § 22).

Таким образом, вторая степень, если оставить в стороне глаголы прерывистые (*почитывать*), совмещает в себе две не идеальные, а явственно обозначенные языком степени: с одной стороны — *плыть*, *лететь*, *садить*, с другой — произведенные от них *плавать*, *летать*, *сажать*.

Разделение по отношению к пространству, по коему эти глаголы названы Павским однообразными и разнообразными, выше признано ошибочным; но по времени глаголы *лететь* и *летать* не могут быть отнесены ни к какому другому, кроме продолжительных неопределенных. Следовательно, необходимо подразделить эти последние. Готовый образец такого подразделения находим у Востокова в делении неокончательных на определенные и неопределенные, в делении, имеющем, как выше сказано, свои недостатки.

§ 2. О влиянии предлогов на виды

До сих пор замечания Павского заслуживают наибольшего внимания. Они будут и для нас исходною точкой. Напомним, что степеней длительности глаголов, по Павскому, три: к первой однократной принадлежат глаголы мгновенные и все совершенные; ко второй — многократные неопределенные; к третьей — многократные дальние.

Павский находит, что предлоги из числа двадцати одного <*вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *с-*, *по-*, *пре-*, *при-*, *про-*, *у-*, *в-*, *вз-*, *из-*, *над-*, *низ-*, *об-*, *оты-*, *поды-*, *перед-* (*пред-*), *раз-*, *с-*>, соединяясь с глаголом третьей степени, переводят его на вторую; соединяясь с

глаголом второй — переводят его на первую и, наконец, соединяясь с глаголом первой степени, степени этих глаголов не изменяют.

Он знает следствия, вытекающие из такого-то правила, но не видит никакой надобности изменять самое правило сообразно с ними. Из принимаемого им влияния предлогов следует, что во многих глаголах есть по две первые и по две, по три вторые степени, совершенно различные по образованию и значению, между тем как в других вовсе нет третьей степени, хотя есть форма, которая могла бы иметь значение ее.

а) В глаголах, имеющих беспредложную форму первой степени, есть сверх того предложная первая степень, происшедшая от присоединения предлога к беспредложной форме второй степени. Например, *двинуть* и *сдвинуть* (первая степень) и *сдвигать* (первая степень от второй *двигать*). Нам нисколько не легче от того. В начинательных и во всех не имеющих мгновенных форм, например *стареть*, *знать*, первая степень только одна (*устареть*, *узнать*).

б) В глаголах, имеющих по одной беспредложной форме второй степени, другая форма той же степени образуется посредством присоединения предлога к форме третьей степени. Таким образом, при второй степени *знать*, *звать*, *тереть*, *чистить*, *красить*, *играть* появляется вторая степень, производимая от третьей: *узнавать*, *называть*, *растирать*, *очищать*, *расспрашивать*, *выигрывать*.

в) В глаголах, имеющих, по мнению Павского, по две беспредложные формы второй степени (одну однообразную и одну разнообразную), по присоединении форм, произведенных от второй степени, всех форм для второй степени оказывается три: *ломить*, *ломать*, *выламывать*, *бежать*, *бегать*, *выбегать* и прочее, *садить*, *сажать*, *высаживать* и т. п.

г) Так как „все вообще предложные глаголы лишены третьей или последней степени протяжения", потому что, например, *брасывать* (третьей степени) от присоединения предлога переходит на вторую степень (*сбрасывать*) и уравнивается с *бросать* (вторая степень) (§ 34), и так как многие глаголы третьей степени без предлога вовсе не употребляются и никогда не употреблялись (§ 40), то значит, что в этих глаголах третья степень существует только идеально. При глаголах второй степени (по Павскому) *мочь*, *выкнуть*, *каяться*, *молить* имеют неупотребительные без предлога глаголы: *могать*, *выкать*, *каяваться*, *молять*, единственно на тот конец, чтоб из них образовать предложные второй же степени: *помогать*, *привыкать*, *раскаяваться*, *умолять*.

В глаголах отыменных (судя по примерам у Павского — с характером $\frac{-и-}{-и-}$) Павский принимает даже по две (следовало бы в иных и по три) идеальных степени, единственное значение коих исчезнуть, соединившись с предлогом, и перейти на степени

предшествующие. Таковы, например, неупотребительные без предлога глаголы *силить* (второй степени), *силивать* (второй степени), *умить* (второй степени), *умливать* (третьей степени) (*и умлять?*), от коих *пересилить*, *надоумить* (первой степени), *пересиливать*, *надоумлять* и *надоумливать* (второй степени) (см. § 41).

Выходит надвое: или язык наш предупредителен, что заранее создает формы не для себя, а для починки прорех будущих грамматических систем; или же, что допустить гораздо легче, самые системы, коим на затычки нужны идеально существующие величины, ошибочны.

Затруднения, происходящие от двойственности и тройственности первой и второй степеней, весьма велики. Сам Павский признает, что глаголы *закúнуть* и *закидáть* (украинское *закúдати*, а не *закидáти*), стоящие, по его взгляду, на одной и той же первой степени, значат не одно и то же: *закúнуть* есть глагол однообразный, а *закидáть* (совершенный) — разнообразный („Филологические наблюдения". Третье рассуждение, § 42). Переведем признанное ошибочным деление глаголов по пространству на деление по времени и по степени длительности, и мы получим, что глагол *закидáть* именно в этом отношении не сравнялся с *кúнуть* и *закúнуть*, несмотря на влияние предлога. Спрашивается, с какой же стати глаголы, как *закúнуть* и *закидáть* и множество других подобных, различных по форме и по степени длительности, соединяются в одну степень? — С такой, что Павский, раз признавши влияние предлогов (из числа двадцати одного) на степень „протяжности" действия в глаголах, хочет остаться последовательным. Однако он сам должен допустить, хотя и в виде исключения, что в известных случаях предлог не имеет искомого влияния: как однообразные, так и разнообразные глаголы, те и другие принадлежащие ко второй степени, от присоединения предлога должны бы перейти на первую степень; „однако ж решительно переходят одни только однообразные, а разнообразные колеблются" (ibid., § 42), так что одни и те же глаголы с одними и теми же предлогами (в различном значении) то переходят, то нет: *сходить*, *выходить* (вторая степень), *сходить*, *выходить* (первая степень).

Явление это Павский объясняет тем, что первая степень слишком тесна для многосторонности глаголов разнообразных (ibid., § 42); но ведь каково бы ни было значение предлога, глагол *ходить* неизменно остается разнообразным. Почему же первая степень для него то тесна, то впору?

Предлоги не имеют никакого влияния на степень длительности и вовсе не переводят глаголов из одной степени в другую. *Сдвигáть*, *сбросáть*, которые, по Павскому, принадлежат к той же первой степени, что и *сдвúнуть*, *сбрóсить*, совершенно отличны от них по виду. *Сдвигáть*, *сбросáть* значит соединить или сомкнуть с места движением, бросанием, действиями

длительными второй степени (по Павскому), между тем как *сдвинуть* и по присоединении предлога сохраняет значение однократности.

Прихáживать, *принáшивать* — украинские *прихожáти*, *приношáти* — должны быть, по Павскому, одной степени с *приходúть*, *приносúть*, между тем как на деле и по присоединении предлога первые два глагола продолжают означать *нашиванье*, *хаживанье*, а вторые — *ношенье*, *хоженье*.

То, что принято за влияние предлогов на вид, есть зависимость совершенности и несовершенности, между прочим, от присутствия или отсутствия предлога. Следует более точное определение этой зависимости.

Первоначально совершенность и несовершенность вовсе не обозначались, как теперь, например в немецком, в котором „das werde ich tun" значит и „буду делать" и „сделаю". Следы такого порядка в самом славянском.

На те глаголы, которые получили совершенное значение независимо от предлога, каковы однократные на *-и-* и немногие другие (перечисленные выше), предлог обнаруживает лишь то влияние, какое он может иметь, например, в немецком, т. е. значение известного пространственного отношения и отношений, от него производных или им представленных, в том числе отношения цели.

Все длительные первой степени (конкретные) от присоединения предлогов (из двадцати) превращаются, кроме случаев архаических, в совершенные, причем форма настоящего времени получает значение будущего. Однако „я роскоши не зазнаю" = запомню (настоящее).

Напротив, глаголы наиболее длительные (многократные третьей степени) от присоединения одного предлога не становятся совершенными, несмотря на окончательное значение предлога. Это следует понимать так, что окончательный предлог обозначает предел каждого из моментов, входящих в значение многократного глагола, но никак не предел целого ряда крат.

Глаголы второй степени, соединяясь с предлогом, смотря по значению этого последнего, то становятся совершенными, то нет.

Таким образом, влияние предлогов дает средство различать глаголы многократные от второстепенных и первостепенных.

Если глагол предложный, не изменяя формы (кроме ударения), может быть и совершенным и несовершенным, смотря по значению предлогов, то он второй степени.

Это свойство Павский замечает только в так называемых им глаголах разнообразных неопределенных (второй степени), изображающих „разнообразность движения и явления и разные приемы и направления действия" („Филологические наблюдения". Третье рассуждение, стр. 59) (например, *бегать*, *летать* по отношению к *бежать*, *лететь*). „Одни и те же разнообразные глаголы с одними предлогами переходят на первую степень, с другими остаются

на своей средней, например *сходи́ть, выходи́ть* (вторая степень), *схо́дить, вы́ходить* (первая степень). . . В этом случае предлоги, означающие полноту и окончательность, оказывают над глаголами решительное влияние и ставят их в число однократных первой степени. Предлогу *вы-*, когда он означает полноту и окончательность, даем ударение; а когда он означает просто местную перестановку, тогда оставляем его без ударения. Глаголы: *вы́носить, вы́ходить, вы́двигать* отличны от *выноси́ть, выходи́ть, выдвига́ть*" (ibid., § 42).

Замечено уже было, что глагольный характер ни в коем случае не имеет пространственного значения. В глаголах, означающих движение в пространстве, как и во всяких других, отношение их характера к характерам других сродных служит указанием только обширности периода действия, и уже отсюда, вследствие значения корня, рождается оттенок разнообразия движения. Поэтому и в рассматриваемом отношении нет нужды выделять разнообразные глаголы из ряда прочих.

Об отсутствии перехода из степени в степень, по влиянию предлогов, тоже было говорено. Остается точно определить, какое значение предлогов делает глаголы второй (нашей) степени совершенными, какое нет. Для этого нет покамест надобности в этимологических исследованиях предлогов, и достаточно лишь на большем количестве примеров показать их влияние. Начнем с тех глаголов на *-и-*, в коих этот характер означает бо́льшую длительность сравнительно с глаголом предыдущих разрядов того же корня.

В значении предлогов замечаем два наслоения, которые назовем первым и вторым.

Вы-: 1. *Выводи́ть, вывози́ть, выноси́ть, выходи́ть, выра́зить*, где *вы-* обозначает местное отношение, направление и з, или имеет такие переносные значения, которые непосредственно примыкают к этому. Первые четыре глагола с этим значением имеют в украинском ударение на втором слоге: *вивóжу — вивóдити, винóшу — винóсити*, пятый имеет то же ударение. *Выгоня́ть, вылета́ть*, украинские — *вийздити, випадати*.

2. *Вы́водить* по всему дому, *вы́водить* коней после езды; *вы́возить* до конца, все; *вы́носить* (дитя на руках, в утробе; ловчую птицу) до конца; *вы́лазить* (лазя побывать во всех местах). В украинском ударение то же: *вúходити* = исходить все, добыть ходьбою.

До-: 1. *Доводи́ть, довози́ть, доноси́ть, доходи́ть, долеза́ть, догоня́ть, долета́ть, допада́ть* до известного места; *до-* — отношение места. Глаголы несовершенные. В украинском ударение *довóжу, довóдити, довóдиться* кому за кого.

2. *Доводи́ть, доброди́ть* до вечера, вообще до известного предела времени, окончить ходьбу и т. п., *дохóдишься до. .*, т. е. до известных последствий. Украинское ударение — *дохóдитись, дохожýсь* и т. п.

За-: 1. *-вод-, -воз-, -нос-, -ход-, -лаз-, -гоня-, -лета-, їздити* — за что и куда (местное отношение). *Завожý* обычай (без явственного начинательного значения); „А в лес волк не *заходит*, а в дол волк не *забродит*" (Сахаров, I, 2, 28). „К нам добрыи люди не *забродят*. Оны весточек к нам не приносят" (Барсов, 142).

2. *За-* (отношение времени) со значением начинательным (*завози́ть* ногами под столом) и окончательным (до известного времени, события, до известного результата): *завожу* до устали, *заношу* рубашку так, что не отмоется, *заезжу* коня, *забродить* подол, *засидеть* что.

Из-: 1. Пространственное отношение *изводи́ть* (выводить, губить).

2. *Исходить, изъездить* все места, *износить* платье, достигнуть потери чего („излазилась мочь моя", — сказал старый матрос).

На-: 1. *На -воз-, -вод-, -нос-, -ход-, -лаз-* — на что, с местным значением, причем в дополнении предлог может и не повторяться: *находить* что.

2. *Навозить, наносить* много чего, *находиться, налазиться* вволю. Значение окончательности достигается здесь тем, что величина результата, на которую указывает предлог, становится представлением временно́го предела действия.

Об-: 1. *Обвожу, обношу* и прочее — вокруг чего, *обходить, обносить, проносить* мимо (кого, чем).

2. *Обносить* платье (для обтяжки по телу), *обходить* всех знакомых, *облазить* весь пол — завершить круг действия.

От-: 1. *Отвожу* и прочее — в сторону.

2. „Уже отходил свое" — окончил ходить, причем удаление в сторону служит признаком времени прекращения действия.

По-: 1. *Походить* — идти за, после; отсюда вообще идти или идти по поверхности; Новгородская, Архангельская, Олонецкая губ. — собираться, готовиться идти („*Походит* Илья во светлу гридню"), Архангельская, Новгородская губ. — *повозить*, например товар; *повезти, поводить* глазами по, *поводить* лаком — покрывать; *поносить* (ругать) — нести по.

2. *Поносить* и прочее — известное время, причем пространство времени представляется движением по. Уменьшительное значение. „З зіми на весну *походит*, Иваньо городец городит" (Тарнополь; Головацкий, II, 626).

Глагол с *по-*. „Некоторые несовершенные глаголы — уменьшительные (deminutiva) или относительно времени, или относительно энергии при исполнении действия: сербское *поспавати*; польское *postawać, potrącać*; „jak że mi się miewasz, cóż ty *porabiasz*?" (= русскому „как поживаешь, что поделываешь?" — *А. П.*). Сюда принадлежат глаголы, как русское *поглядывать*, глядеть в разные времена, не в один прием (zu verschiedenen Zeiten, nicht in einem

fort schauen): ожидая гостей, поглядывает в окно, которые Павский („Филологические наблюдения". Третье рассуждение, стр. 3) называет продолжительными прерывистыми; также *попивать, попевать, похаживать*, которые, по Ломоносову („Грамматика", стр. 159), означают умалительное учащение" (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 277). Наблюдение неточно в нескольких точках:

1. Особенность значения предлога, сообщающая глаголу значение уменьшительности, относится к разряду второму, а не первому, так что из глаголов второй степени длительных с *по-* уменьшительны именно совершенные, а не несовершенные.

2. *Postawać* есть только глагол начинательный без оттенка уменьшительности. Относительно *potrącać* — ср. „Слово о полку Игореве", „*потручяти*-" — только последовательность *за-... Поглядывать*. Относительно того, что „ходить — похожаєе" (глагол несовершенный) не может быть уменьшительным, так как второе есть усиление первого (*по-* — последовательность приемов, множественность коих может быть указана и характером глагола).

Пере-: 1. *Переношу* через.., *перелажу* через..

2. *Переношу* все платья по ряду. Окончание ряда есть вместе с тем окончание протяжения времени, занятого действием: *перелетать* кого.

При-: 1. *Прихожу* и прочее к.., по направлению к предмету, в соседстве с ним.

2. *Приходиться* — Пензенская, Тверская губ.: успокоиться после гнева, досады; *приносить* платье — сносить (как в „Слове о полку Игореве"), „копіе *приломити*" — сломить и как *приломить* (в „Древних российских стихотвореннях"); кажется, здесь *при-* предварительно обозначало только приближение к цели (*приломить* почти то, что *надломить*), а потом ее достижение и конец действия.

Про-: 1. *Прохожу* и прочее — сквозь, мимо.

2. *Проношу*, например весь год; *про-* означает период времени, представляемый средою, сквозь которую проходит действие.

Раз-: 1. *Разношу* в разные стороны.

2. *Расходился*, *разносился* — интенсивность действия, представляемая его разносторонностью.

С-: 1. *Свожу* с.. (известного места), *свожу* кого с кем.

2. *Свожу*, *сношу*, *схожу* туда-то; *скошу* и прочее.

У-: 1. *Увожу* в сторону, с глаз долой.

2. *Ухожу* кого до смерти. Удаление действия со сцены представляется его окончанием.

В-: 1. *Входить* и прочее — во что.

Вз-, *воз-*: 1. *Взносить* и прочее — вверх, в гору.

Над-: 1. *Надходить* надо что („солнце *надошло* над дерево"). В украинском, польском — *надходить*, *nadchodzi* = приходит.

Низ-: 1. *Нисходить*.. вниз.

Под-: 1. *Подхожу* (собственно под.., затем к кому), *подношу* кому.

Вообще глаголы этих предлогов первых значений обозначают только движение по направлению, обозначенному предлогом, как бы ни понималось это значение, в собственном или переносном смысле.

С предлогами вторых значений они получают значение: пройти до конца, обозначенное временным, а не местным предлогом, или известным результатом; двигаться во времени, которое представляется средою и пределом движения. Сюда, по-видимому, не подходит только *раз-*, с интенсивностью значения, которую он сообщает глаголу.

В трех последних предлогах замечается только одно первое значение, почему они и не делают глаголов совершенными.

Верно или нет определен характер значений, которые названы нами вторыми, во всяком случае они производны по отношению к первым. По мере того как возникали эти производные значения предлогов, появились и глаголы окончательные. Следы их относительно позднего появления можно, если не ошибаюсь, заметить и в их форме. Именно: возможно, что ударение первого лица настоящего времени украинских несовершенных глаголов — *вóжу* (*вод-*, *воз-*), *нóшу*, *хóжу* древнее ударения того же лица глаголов совершенных — *вожý*, *ношý*, *хожý* или *вúношу*, *вúвожу*, *вúхожу*, так как ударение на корне согласно с сербским.

Вряд ли то же можно сказать об ударении повелительного наклонения прошедшего времени на *-л-* и неопределенного наклонения несовершенных глаголов украинских, так как в этих формах русское народное согласно с сербским; ср. украинское *вивóдь*, *вивóдив*, *вивóдити*; *вóзь*, *вóзив*, *вóзити* и прочее с ударением этих глаголов в сербском: *довóдити*, *дóводим*; *довóзити*, *дóвозим*; *догóнити*, *дóгоним*; *доносити*, *дóносим*; *дохóдити*, *дóходим*, — в коих такое же ударение и с предлогами: *за-*, *из-*, *на-*, *од-*, *об-*, *по-*, *пре-*, *при-*, *роз-*, *с-*, *у-*, *уз-*.

В украинском к вышерассмотренным пяти глаголам принадлежит еще *гонити* несовершенного (*до-*, *за-*, *на-*, *об-* и прочее — *гóнити* — *гóню* = *гоня́ю*; так и в сербском, например *прогонити* (imperfectum) = *протjеривати*, почему и может стоять рядом с формами на *-ивати*: „земља те *прогонила*, а море те избацивало"; *разгонити* = *разгонять*).

В русском тема настоящего времени *жену* потеряна или устарела, и глагол *гнать* принадлежит к разноспрягаемым: *гнать*, *гнал* и прочее, *гоню*, *гони* (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, стр. 197); поэтому и *гонить* равносильно по значению с *гнать* и как глагол первой степени получает значение совершенного (*прогоню*, *пригоню* и прочее — будущее время), а для выражения украинского *гóнити* употребляется *гоняю*. *Бродить* в русском в большей части случаев принимается за глагол первой степени. Русское *ездить*, по-видимому, употре-

бительно только с предлогом второго значения, а для образования глаголов предложных первого значения *-сжать*, между тем как в украинском *наїздúть*, *приїздúть* (с ударением на характере) = приезжает; разница между: *вїздить коня* и *вїздúть з двору*.

Формы на *-ива-* (украинское *-ова-* из *-ева-*) от тех же корней не становятся совершенными от присоединения одного предлога, каково бы ни было его значение (и от *вúводить* и от *вúводить* одинаково будет *вúвáживать*). Так как вышеприведенные глаголы с предлогами в значении первом несовершенны и длительны, то тем менее нуждаются в более длительной форме, чем глаголы с предлогами в значении втором. Отсюда *вúнáшивать*, *занáшивать* от значения второго.

Точно так же становятся совершенными и глаголы на *-а-* = *-и-* + *а-*; впрочем, двойственность значения предлога находим только в *езжать* (*выезжáть* из дому и *выезжáть* лошадь); в украинском же *до-ношáти*, *при-ношáти*, *до-хожáти*, *при-хожáти* предлоги первого значения.

Сюда же (характер *-и-* для означения большей длительности) и *годить* при *ждать*. Мы о нем не говорили, потому что форма на *-ива-* неупотребительна.

Глаголы (вернее — корни) о трех живых темах, для всех трех степеней длительности со средней темой (вторая степень) на *-а-*, имеющего в сложении со всеми предлогами, кроме *вы-*, только одно ударение: *вúлетать — вылетáть; долетáть*, *налетáть* и *долетáться*, *налетáться; вúкатать* белье и (в народной песне) „солнышко *выкатáется*"; *вúлеплять* (всю глину), *вылеплúть* что из глины; *вúпускать*, *допускáться* до беды, *выпускáть*, *допускáть*; *вúрожать* (все), *дорожáться* до последнего и *вырождáться*, *дорождáться* — обильно рождаться (о хлебе и плодах); *вúронять* (все) и *выронúть* (*-ива-*); *вúдавать — выдавáть*; *вúпускать — выпускáть*; *вúступать — выступúть* и многие другие, *досажáть* (кончить садку) и *досаждáть* кому; украинское *вúрубать* и *вирубáть*; *вúступать* чтобы, *доступáться* до.. и *выступúть* из.. (*доступúть* города, денег — стараться добыть); украинское *дотягáться* до.. (в последнем значении в литературном языке только *дотягáться*) (в переносном смысле о тяжбе) и *дотягáти* („до зеленого лугу").

Заметим, что в двух из приведенных случаев глагол совершенный имеет русскую форму (*нарожáть* детей, *насажáть* деревьев), а несовершенный старославянскую (*нарождáть*, *насаждáть*). В старославянском при этих словах предлоги могли вовсе не иметь окончательного значения, а потому окончательное их значение потребовало русской, до сих пор живой формы.

а) В некоторых из приведенных глаголов средняя форма со значением совершенным вполне современна, между тем как со значением несовершенным, очевидно, становится уже архаизмом и заменяется последней формой на *-ыва-*, *-ива-* (украинское *-ова-*). Так, вместо несовершенного *закатúться* (о солнце) в литературном языке *закáтываться*; вместо украинского несовершенного *дорубáть* — украинское *дорýбувати*; вместо несовершенного *вылеплúть* — литературное *вылéпливать*. Здесь литературный язык бывает новее народного.

б) Есть глаголы, в коих средняя форма соединяется исключительно с предлогами второго значения и имеет только значение совершенное, между тем как к последней форме присоединяются предлоги в обоих значениях. Вместо всех предлогов, имеющих двойное значение в сочетании с глаголами, как *ходить*, возьмем один *до-*, заменяя его другими там, где он не употребляется: *довáливать* камень до места, но *довалúть* войлок (до конца), „*довалúлся* гвоздик до того, что и пригодился"; *добросáть*, *добрáсывать* до конца, но только *добрóсить* и *добрáсывать* до места; *повидáться*, *увидáть* (форма на *-ывать* с предлогами не употребляется; в другом значении и другом образовании украинское *привúжуватись*); *докусáть* („*докусáлась* собака до намордника"), *закусúть* (начать и кончить кусанье) и *закýсывать*, но только *закусúть* и *закýсывать* (т. е. собственно кусать после чего, *закусывать* что); *доломáть* до конца, до результата *долáмывать*, но только *доломúть* и *долáмывать* до места; *дотаскáть* (*дотаскáю*) до конца, но *дотáскивать* до места; *дохватúть* (расхватать остатки), но только *дохватúть* и *дохвáтывать* (доставать до чего). Относительно *скакáть* (доскакать до города) следует сказать, что оно само, если имеет настоящее время *скáчешь*, может быть первой степени? Но нет, сравни *скóчишь*.

Даже предлоги, которые при глаголах *ходить* и прочее имеют только первое значение, делают вышеприведенные глаголы совершенными: *вбросáть*, *вломáть*, *взломáть*, *надломáть*.

Процесс, результаты коего мы видели под пунктами **а** и **б**, можно изобразить таким образом. Без сомнения, было время, когда глаголы несовершенные с предлогами первого значения, имеющие ныне одну только форму на *-ыва-*, *-ива-* (доваливать камень до места) или уже предпочитающие ее форме предшествующей на *-а-*, *-я-*, имели только эту форму, подобно тому как, например, в польском эта последняя стоит там, где русский язык требует форм на *-ива-*, *-ыва-* (украинское *-ова-*). Ср. *dogładzać*, *doczerniać*, *dokarmiać*, *dokończać* (*доканчивать*, а не *докончить*) (łowów *dokończać*), *dokręcać*, *dokrzesać*, *dołamać*, *domęczać*, *domłocać* и прочее, при коих в литературном языке только *догля́живать*, украинском *доглáжувати*, а не *доглажáть* и прочее. Первоначально при этой форме вовсе не было формы на *-ыва-* и прочее и предлоги имели только первое значение, не делающее глагола совершенным. По мере появления этого второго значения предлогов установлялся порядок, образцом коего могут служить глаголы, как *доходúть* несовершенный и *доходúть* совершенный, именно двойственность значения глаголов при единстве их формы. Сознание этой двойственности, которое должно было повлечь за собой формальное разграниче-

ние таких глаголов совершенных, как *достреля́ть*, от таких несовершенных, как *достре́ливать*. Было бы слишком смело сказать, что именно появление второго значения глаголов вызвало образование глаголов последнего разряда, потому что эти глаголы употребляются сами по себе, без предлогов. Язык только воспользовался готовыми формами со значением наибольшей длительности, связавши с ними одними предлоги в значении направления, стремления, между тем как предлоги начала, конца, времени, достижения цели одинаково соединяются как с формами меньшей длительности, так и с формами большей. Соответственно этому предлог тоже второго значения не может сделать совершенным глагола третьей степени. Очевидно, язык находит связь между меньшею длительностью и совершенностью, большею длительностью и несовершенностью, из чего не следует, чтобы вообще эти две категории (вид совершенный или несовершенный) могли быть соединены в одну.

Возможно, однако, что в известных случаях именно предлог вызвал образование новой формы, именно там, где эта последняя без предлога не употребляется. Так в глаголах, имеющих в русском две формы на *-а-*: одну употребительную и без предлога и с предлогом — во второй (окончательное значение), имеющую ударение на корне (*па́дать*), другую употребительную только с предлогом второго значения, с ударением на характере (*пада́ть*): *кра́пать*, *кра́плю*, *кра́паю*, *накра́паю* (украинское). При беспредложных *пасть* и *падать* — глагол совершенный *допа́дает*, при коем третья степень *допада́ть* („осенняя листва *допада́ет*, скоро *допа́дает* вся"), и глагол несовершенный *допада́ть* („вода *допада́ет* до межени"). Так — *вы́падать* и *выпада́ть*; *запа́дать* (начать падать) и *запада́ть* за что; *напа́дает* снегу и *напада́ет* он на..; *обпа́дает* и *опада́ет*; *попа́дают* (все или некоторые) и *попада́ют* во что; *перепа́дает* весь снег и *перепада́ет* с промежутками; *припа́дает* (украинское *пилом припа́сти* — покрыться) и *припада́ет* к ногам; *пропа́дает* некоторое время и *пропада́ет* (собственно проваливается сквозь..); *упа́дается* и *упада́ет*; *отпа́дает* (кончит падать) и *отпада́ет*; *распа́дается* (заведет часто падать) и *распада́ется* в разные стороны. Но исключительно пространственные (в этом случае) предлоги только с формою на *-а-* (*в-*, *вс-*, *нис-*, *под-пада́ть*) [1].

По этому образцу: *ползти́*, *по́лзать* (при котором *вы́ползать*, *допо́лзать* — совершенный) и *полза́ть* (только с предлогами: *выполза́ть*, *дополза́ть* и прочее); *дви́гать* — *выдвига́ть* (ср. выше

[1] Что действительно глаголы, различаемые ударением (*па́дать и пада́ть*), принадлежат к разным степеням,— это доказывается заменою формы с *-а-*, украинского *-ова-*, русского *-ыва-* (*вимі́рати* — *вимі́рювати* см. ниже) и в некотором смысле признается и Павским, который говорит, что *-а-* неударяемое (*бе́гать*) выражает разнообразность, а *-а-* ударяемое — многократность действия („Филологические наблюдения". Третье рассуждение, § 22, примечание 1).

глаголы, передвигающие ударение только в сложении с *вы-*); *бежа́ть* (украинское *бігти*) — *бе́гать* (*добега́ть*); *верну́ть* — *ворочать* (*доворо́чать* сено), *ворочать* (*выворачивать*) малоупотребительное и украинское; *клони́ть* — *кла́няться* и *поклоня́ться*; *ме́рить* — *ме́рять* и *измеря́ть*; *ве́рить*, *ве́рять* (*наверять* в долг — совершенный) и *-веря́ть* (несовершенный, с предлогами); форма на *-ыва-*, *-ива-* (украинское *-ова-*) совмещает в себе оба значения формы на *-а-* (*выпа́лзывать* — добывать что ползаньем и *выползать*, причем эта последняя форма по виду может быть вовсе не равна форме на *-ыва-*). Сюда же: *дыша́ть* — *ды́шишь* (украинское *дихати*, *дышеш* — более древнее), *дыха́ю* (*вы́дыхаюсь*, *выдыха́юсь*); *мы́кать* — *мы́чу* („Лошади *мы́чут*, мчат, бьют". — Даль. Словарь); *мыкать* (*мыкаю*, *помыкать*) и *мыка́ть* (*помыка́ть*) (*смыкать?*). *Та́кать* — *потака́ть*; *ну́кать* — *понука́ть*; *ты́кать* — *ты́чу* (*тычет* пальцем), *затыка́ть* (совершенный) щели и *затыка́ть* щели.

В сербском форма на *-а-* постоянна, будет ли она по значению с предлогом совершенная или несовершенная, имеет только одно ударение, именно то, которое соответствует русскому — форме, употребительной без предлога и с предлогом, имеющей совершенное значение.

Так, *на̀падати*, *на̀падам* — совершенный: „*на̀падало* (= русскому *напа́дало*) доста крушака" и несовершенный.. *на..(падать)*; *вра̀ћати* = по ударению и по значению русскому *ворочать*, откуда несовершенный *завра̀ћати* (*заворачивать*, которому бы соответствовало *заворо́чать*, а не *заворочать*); от *кла̀њати се* — *по̀кланьати се* по значению = *поклоня́ться*, а по форме = *покла́няться*.

Нередко Даль не различает по значению форм на *-а-* ударяемое и форм на *-ыва-* и отмечает: *выпа́дывать* или *выпада́ть*, *выпа́лзывать* или *выполза́ть*, *вымери́вать* или *вымеря́ть* [1]. Конечно, при неопределенности границы между второй и третьей степенями формы эти могут употребляться в одинаковом смысле — там, где при них предлог в двояком значении; но что разница между ними есть, видно из того, что форма, например, *выпа́лзывать* совмещает в себе значения как формы *вы́ползать* (совершенный), так и формы *выполза́ть* (несовершенный), и что если эта форма на *-ывать* есть явственно третья степень по отношению к *вы́ползать*, то она есть третья степень и по отношению к *выполза́ть*; предполагается при этом, что *вы́ползать* и *выползать* стоят на одной степени, как *выходить* и *выходи́ть*.

[1] Даль Словарь. *выпаривать* — *выпаря́ть* (испарять); *выпла́вливать* или *выплавля́ть*; *выпора́жнивать* — или *выпорожня́ть*; *выпря́дывать* — *выпряда́ть*, *выпрядать* (прыгать); *вырашивать* — *выращать*; *выре́зывать* — *вырезать*; *выряживать* — *выряжа́ть*; *высаживать* и *высажать*; *высве́тливать* и *высветля́ть*; *высе́ливать* — *высиня́ть*; *выска́льзывать* и *выскользать*; *выска́щивать* — *выскащать*; *выслеживать* — *выслежать*; *выхва́ливать* — *выхваля́ть*; *вы́черкивать* — *вычеркнуть*; *вы́черпывать* — *вычерпа́ть* = *вы́черпать*; *вы́чинивать* — *вычиня́ть*.

Под пунктами а) и б) замечено, что некоторые предложные глаголы переходят в форму *-ыва-*, если они по значению предлога несовершенны, [раньше], чем если они совершенны. Явление это объяснено сходством несовершенности и большей длительности. Этому объяснению, по-видимому, противоречит то, что в других случаях раньше принимают форму на *-ыва-* глаголы совершенные, чем несовершенные. Так, у Даля находим: *выбе́гивать* только в значении „приобретать бегая" от совершенного *вы́бегать*, но не при *выбега́ть*; *выкла́нивать* при *вы́кланять* — совершенный, но нет формы на *-ыва-* или она малоупотребительна (очевидно — по новости, а не по древности) при *наклоня́ть*, *поклоня́ться*.

Можно бы думать, что форма *выбега́ть* совмещает в себе значение второй и третьей степеней и потому менее нуждается в особой форме для третьей степени, чем *вы́бегать*, в которой значение только второй степени. Мы можем сказать: „часто *выбега́л* за ворота", но нельзя: „часто *вы́бежал* что".

§ 3. Совершенность и несовершенность глаголов

Говоря о делении глаголов по видам, мы предполагаем, что это деление имеет одно основание, именно вид. Но под видом до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность — с одной [стороны], и степени длительности — с другой. Таким образом, деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости было бы желательно оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо самое слово вид может быть приложено, по этимологическому значению и по прежнему употреблению, и к тому, и к другому, и ко множеству других понятий.

Впрочем, если примем, что слово вид равносильно со словом степень, то под видом мы уже необходимо должны будем разуметь не совершенность и несовершенность, а длительность, потому что только в последней есть степени.

Что, действительно, совершенность и несовершенность не исключают степеней длительности, это для нас очевидно из следующего. Глагол каждой из трех первых степеней, принимаемых (*идти*, *ходить*, *хаживать*), может быть несовершенным.

Против этого не может быть никаких возражений.

Глагол каждой из тех же степеней может быть и совершенным: *пойти*, *заходить* (=начать ходить), *запохаживать* (=начать похаживать). На это теория Павского о влиянии предлогов на виды возражает, что все эти глаголы принадлежат к первой степени (по делению Павского) и что ни глаголы второй степени

(неопределенные многократные), ни третьей (дальние многократные) совершенными быть не могут.

Теория эта ложна до корня, о чем ниже.

Мы утверждаем, что совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различные порядка наслоений в языке. С точки зрения Павского, несовершенность до такой степени неотделима в языке от совершенности, что каждая из них не может существовать без другой, несовершенность, говорю, совсем выпускается из виду, а совершенность отождествляется с однократностью или мгновенностью и в таком виде ставится в ряд с двумя степенями многократности (по определению этого слова у Павского). Но слово однократность прикрывает здесь явления, не имеющие с нею ничего общего. Необходимо определить понятие совершенности, выделивши из него все постороннее. Действительно, всякий однократный (мгновенный) с характером *-н-* глагол есть вместе с тем совершенный, но и a priori не следует из этого, чтобы всякий совершенный был однократным, и на деле этого нет. Действие длительное и многократное может представляться оконченным, не переставая вместе с тем представляться длительным и многократным.

К вопросу о совершенности и несовершенности. Как две степени длительности могут иметь одну звуковую форму, так что, например, *пишу* может значить по отношению к длительности и то, что *веду*, и то, что *вожу*; так и категория несовершенности и совершенности, различаясь между собою как формы грамматические (со стороны своего значения), могут быть омонимны и в предложных и беспредложных глаголах. Это относится ко всем славянским наречиям. Как в русском *женю*, *крещу* то совершенны, то несовершенны, так в сербском: *чути* — perfect и imperfect; *казати* — vb. perfect, но в настоящем времени и совершенны и несовершенны (Караџић. Рјечник), а в других временах нет? „Чобан кад *чује* то (совершенный), отиде своме господару те му каже" [здесь совершенный; так выходит из общего характера рассказа: *скажет* (объективно сказал), а не *говорит*] (Караџић. Припов., 1853, 15). „Они сиромах кад то *чује* (совершенный) не *зна* (несовершенный), шта ће од себе да ради: све *чупа* (несовершенный) косу с главе од муке и жалости" (ibid., 22).

Видјети — perfect и imperfect (см. Караџић. Рјечник) повествовательное о прошедшем: „Како то *види* (будущее совершенное) препадне се (будущее совершенное) па скочи (совершенное) да тражи кобилу" (Караџић. Припов., 1853, 29).

Вечерати — perfect и imperfect (ibid., 173).

У Цанковых — «„Zapiše, popíše" — ich fange an zu schreiben; ich schreibe ein wenig (настоящее время); „zapíše si pismó-to i ti zatrópaš na vratá-ta" — ich fange an meinen Brief zu schrei-

ben, und du fängst an die Türe zu klopfen» („Grammatik", стр. 76).

Совершенность и несовершенность. В связи со статьей Шлейхера находится статья Мартенса „Die verba perfecta in „der Nibelungendichtung" („Zeitschrift Sprachforsch.", B. XII, стр. 31 и след., 321 и след.), где на стр. 329 сказано: „различие между verba perfecta и imperfecta состоит в том, что последние выражают длительность, а первые нет. Поэтому форма настоящего времени глагола совершенного имеет значение не настоящего, а будущего, а форма прошедшего — значение не имперфекта, а перфекта (прошедшее совершенное) и plusquamperfectum (давно прошедшее)". По крайней мере в применении к славянскому это ошибочно. Глаголы совершенные способны выражать разные степени длительности, поэтому причина, по которой их настоящее время имеет значение будущего, не может заключаться в их неспособности выражать длительность.

Гильфердинг (Гильфердинг. Об отношении, стр. 115 и след.), ссылаясь на К. Аксакова, говорит, что вид есть выражение качества действия. „Мы не хотим, разумеется, сказать, чтобы виды выражали те случайные качества действия, для коих есть в языке особая часть речи, наречие: они выражают в глаголе внутренние существенные свойства, из которых то или другое необходимо присутствует в нашем представлении о всяком действии. Славянин, например, скажет иной раз *рыба плавает*, иной раз *рыба плывет*, когда все другие народы говорят безразлично: *piscis natat*, *der Fisch schwimmt* и т. д.; в этих выражениях не отличается в действии плаванья ни время, ни отношение к действующему или другому лицу, или к другому действию, ни количество, в котором действие это совершается, но именно внутреннее свойство, с которым оно (действие) представляется говорящему: как действие, принимаемое отвлеченно (*плавает*), или как действие, представляемое определенно совершающимся (*плывет*). Так и в *прыгать* и *прыгнуть* опять-таки различается категория качества, ибо в первом случае действие прыганья представляется как отвлеченное (и поэтому как продолжающееся), а во втором — как понятый конкретно момент (и поэтому как однократное, ибо конкретно действие может представляться только как один момент). Также сколько раз в глаголах, сложенных с предлогами, является в различных оттенках выражения качество действия, просто, без видимого отношения к тому особенному смыслу, который предлог имеет в речи сам по себе; например, когда говорим — *я побежал* или *сбегал*, *я гляжу*, *я поглядываю*, то представляем себе действие, в первом случае как начатое (*побежал*) или оконченное (*сбегал*), во втором как продолжающееся непрерывно (*гляжу*) или с промежутками (*поглядываю*), тогда как сами по себе предлоги *с*, *по* не имеют такого значения. Во всех этих случаях и везде в славянском глаголе первенствует в выражении категория качества; все другие категории, даже виднейшая из них в глаголе — время, являются с второстепенным значением".

Мнение это привожу здесь потому, что Гильфердинг выводит из него заключение о полном несходстве славянского глагола с литовским, который, по мнению Гильфердинга, выражает наши количества. Об этом ниже, а здесь заметим, что аксаковское мнение о категории качества в славянском глаголе есть игра словом, значение коего заранее не определено. Пожалуй, можно всякое изменение содержания мысли, выражаемое словом, назвать качественным, но это только затемнит дело. Поставим вместо неопределенного слова „качество" более определенные и получим, по моему мнению и отчасти согласно с мнением Гильфердинга, следующее.

Славянский глагол выражает: а) определенное совершение действия (*плывет*), которое мы называем конкретною длительностью действия, между тем как Гильфердинг конкретными считает только глаголы однократные, которых, очевидно, нельзя смешивать с такими, как *плыть*; б) отвлеченную длительность, продолжающуюся без перерывов (*плавает*); в) продолжение действия с промежутками, которое, чтоб не противоречить предыдущему, тоже должны назвать отвлеченным; г) действие моментальное (=однократному), называемое Гильфердингом конкретным.

Сверх того, в славянских глаголах замечаем категорию совершенности, предполагающую несовершенность и обыкновенно смешиваемую с категорией длительности.

По отношению к количеству различимых форм длительности глаголы распадаются на две неравные группы: одну — глаголов вещественного движения, сопряженного с переменою места (*нести* и прочее), и другую, заключающую в себе все остальные глаголы. Эти группы различны тем, что первая, меньшая, имеет две степени длительности, кроме однократности, в ней отсутствующей, и многократности, а вторая нет. Ср. *нести* и *носить*, с одной стороны, и *ставить*, *ловить* — с другой.

„Вот наступит весна красная, Потекут да речки быстрые, Зацветут в рощах деревьица, *Запогуркивают* голуби, *Запосвистывают* соло́вьюшко.." (Барсов, 69); „Кто из нас, братцы, *заворует*, кто из нас, братцы, *заплутует*, кто из нас, братцы, за блудом пойдет, нам судить такового своим судом" („Тр. этнограф. отд.", V, 2,41).

Определение совершенности и несовершенности глаголов в славянском см. у Миклошича („Vergleichende Grammatik", B. IV, стр. 274—276, 1). Названное выражение — „eine Handlung wird entweder als dauernd dargestellt oder als vollendet ausgesagt" — следует по-русски передать: „действие может быть представлено или продолжающимся, или совершенным (оконченным)", а не длительным, ибо длительность совместна с совершенностью.

Совершенность неопределенного несовместима в одном сказуемом с глаголом начинательным совершенным: *буду, стану, начну делать*, а не *сделать; робитиму, а не зробитиму* (Miklosich, ibid., стр. 275; Потебня. Из записок, т. II, стр. 317—320). Совершенность причастия *-л-* в польском, чешском и западном украинском несовместима с *буду* (*będę*) (Потебня. Из записок, т. II, стр. 329).

Современный язык, подобно древнему, дает возможность рассказчику представлять прошедшие действия еще совершающимися в минуту рассказа, т. е. изображать действия прошедшие настоящим временем. Это не составляет особенности славянского языка. Но с точки зрения современного литературного языка кажется странным следующий прием, постоянно встречаемый в былинах. Мы, изображая ряд действий, следующих одно за другим: а) или рассматриваем эти действия с одной и той же точки действия по отношению ко времени их совершения и обозначаем все одним временем („*пришел, увидел* и *сказал*“ или „*приходит, видит...* и *говорит*“), б) или, меняя точку зрения, заставляем в речи чередоваться настоящее с прошедшим совершенного глагола [„приходит он, *увидел* (*увидáл*)... и *говорит*“; „пришел он, *увидал...* и *говорит* (и *сказал*)“]. В последнем случае мы бы не употребили прошедшего длительного глагола вместо прошедшего совершенного (например, „*смотрел* он и *говорит*“), руководясь основаниями, которые нам кажутся объективными, именно: он сказал после того, как увидел, следовательно, это последнее действие или состояние должно быть представлено совершенным по отношению к первому. Совсем иной обычай в былинах.

Илья стал им поднашивать [чашу],
Они Илье отворачивают (=возвращают);
Выпивал Илья без отдыха
Большу чашу в полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать...

(Киреевский, I, 2);

А на втапоры Збут Королевич млад
И *отвязывал* стремя (=с стремени) вожья выжлока,
Со руки *спускает* ясна сокола,—
А сам ли то выжлоку *наказывает*.

(ibid., 12);

И наехал я в поле старого,
И *стрелял* его во белы груди,—
И *схватил* (=схватывал?) меня старой в чистом поле,
Меня чуть он не забросил за облако.

(ibid., 13);

Подъезжал же ко Оке реке
Через Оку реку конь *перескакивал*,
Резвых ног ни *обмакивал*.
Тут стояли воры и разбойнички...
Натягивает он свой тугой лук,
Пускал стрелу во сырой дубок,
Ращипал дубок во ножевые череньщи.
И тут воры разбойники *испугалися*.

(ibid., 21);

Натягивал скоренько свой тугий лук,
Стрелял во Соловья Рахманова,
Стрелял он ему во правый глаз,
Свалился он Соловей с сорока дубов.

(Рыбников, III, 14);

Как Добрынюшка матушке *говаривал*.

(ibid., 76);

Похóдит Добрыня на конюший двор,
Имáет Добрыня добрá коня,
Уздаёт в уздечку тесьмя́нную,
Седлал в седелышко Черкасское.

(Киреевский, I, 48);

Я приехал к тебе, Марина, свататься;
Ты *похóдишь* ли за меня замýж?

(ibid., II, 45);

Учýл нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добрá коня,
Попущал на Добрыню Никитича.

(ibid., I, 48—49);

И не смел ехать Дунай во цисто полё;
Поворацивал коня к белу шатру полотняну,
Из шатра *выходил* стар казак Илья Муромець,
Говорил старóй да таковы слова..

(ibid., 53);

Да и *принял* молодця рукою правой,
Отрехнул ногою левою,
Сшибал молодця со белых грудей,
Дáвненько сшибал, да выше лесу темного.

(ibid., 54);

Приежжал ко белу́ шатру полотняну,—
Старой спит и не пробудится.

(ibid., 55);

Посылать стал Володимир князь
Старо́ва казака Илью Муромца..,
Выходил он на широкий двор,
Входил он во стойлы белокаменны,
Выбирал коня богатырскаго,
Седлал седелечком Черканским,
Зашпинал двенадцатью подпругами шелковыми.
..*Выежжал* он на широкой двор,
Бил коня палицей по крутым бедрам,
Скакал конь через стену белокаменну
И *ударился* бежать во чисто поле.

(ibid., 59).

Ср. стр. 61, и так постоянно в этой былине. Как стр. 68 (совершенный), так стр. 73, 95 и след. В следующих былинах согласно с современным языком:

Взяли гут удалова молодца..
Повели на горы на высокия,
Бросили в погреба глубокие,
Задернули решетками железными,
Завалили чащей, хрящом-камнем.

(ibid., 68);

Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты..
Что *выбрал* Татарина выше всех.

(ibid., 71);

Приезжал он ко городу да ко Киеву,
Становил коня да середи двора
Становил он да не *привязывал*,
Никому держать не *приказывал*;
Он *пошол* в светлыи светлици
.. Он берет двери за́ скобу..
Отпирает.. крест *кладет*..
..*кланяется*..

(ibid., 82);

Обувал сапожки.. *оболока́л* кошулю..
..*повели* ёво́ слуги под руки.

(ibid. 83);

(Ср. I, 85, стих 306; III, 12, стих 96 и след.)

Илья пригласил Самсона на помощь против татар. Самсон отвечает:

Кладена (=положена) у меня заповедь крепкая:
Не *бывать* бы мне во городе во Киеве..
И не *стоять* бы больше мне за Киев град.

(Рыбников, III, 210);

„Ты сказывай [сербское *кажуј*] про ходы́ да про клюци подземельные!"

Отводила она ему ходы́ подземельные
И *пошел* тут старой по тем клюцям,
Клюци-ты он руками *раздёргивал*,
А двери-ты ногами *растóптывал*,
Выпушшал царёв.. *говорил* царям..

(Киреевский, I, 88—89);

Скидывáл Добрыня платьё княжесько,
Надевал Добрыня платье кали́сьнёё,
Ише *взял* с собой звонцятой гудок,
И *пошел* смотрять на свадьбу Олёшину.
Становился он о ве́рию топёную.

(ibid., II, 13);

Приказал наливать чару зелена́ вина..
Подавали Добрыне Никитичу.
Принимает он Добрыня единой рукой,
Выпивает молодец единым духом..
И *пошел* он.. к своей.. матушке,
Просит благословение великое:
— Благослови меня..

(ibid., 19);

Походил Добрыня во светлу гридню.

(ibid., 21);

Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра́ коня;
Седлал бурка во сиделышко Черкасское,
Потнички клал на потнички[1].
А на потнички *кладет* войлочки,
А на войлочки *кладет* Черкасское сиделышко.
Всех *подтягивал* двенадцать тугих по́дпругов.

(ibid., 23);

Слезает он скоро с добра коня,
Снимал с себя платье цвитное,

[1] *Кладывал, ятыкивал* — Рыбников III, 77—78.

Забрел за струечку за первую,
И *забрел* за струечку за среднюю
И сам *говорил* таково слово..

(ibid., 24);

Он *вставал* по утрушку ранешенько,
Умывался по утрышку белешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсидлал он дедушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньице плетку подала.

(ibid., 27);

Дает свое платье калика Алеше Поповичу,
Не отказываючи; а на себя *надевал*
То платье богатырское.

(ibid., III, 72);

Заскакивал Алеша на добра коня,
Садил девицу на тучны́ бедры́,
Говорил тут де́вице..

(ibid., II, 82);

Становился Данило Ло́вчанин
На свои но́женьки резвые
И *выходит* на широкой двор.

(ibid. III, 30);

Дак и все видь на пиру-то *напивалися*,
Да и все видь на чесном да *наедалися*.
Говорил *втогда* Владимир князь в первой нако̀н:
„„А и хто бы то видь съездил да в чисто̀ полѐ,
Да *пѐресчи́тывать* силы́ неве́рныя".

(ibid., 44);

Становил кинжал тупым концом,
Становил в сыру́ землю
И *падал* на кинжал ретивы́м сердцо́м.
От той ли крови от горячия
Протекала матушка Дунай река.

(ibid., III, 58);

А Дунай-ё-т *сдергивал* скамейку дубовую,
Да и завел вить он скамьею-то помахивать.

(ibid., 65);

Отходила Настасья за̀ вёрсту за мерную;
Заводила она *стре́лить* в злачен перстѐнь,
..Дак рошшибла она перстень на̀ двое.

(ibid., 68);

И для страху добыв огня,
Зажигал свечи воску ярого.

(ibid., IV, 57);

Вывел богатый брата своего,
На чистое поле *выпроваживал*,
Науськал богатый тридцать кобелей.

(„Калики", I, 50);

По селам пошла туча деревенским,
Знать деревнями-то туча розгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрыи дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна *убиралисъ*,
Во своих домах они да *сохранялись*;
С этой страсти крестьяна с *перепо́лоху*,
Затопляли свещи да воску ярова.

(Барсов, 247).

В примерах этих, подобные коим можно встретить на каждой странице любого издания былин, замечаем две особенности.

Во-первых, непоследовательность в употреблении форм. Певец, по-видимому, без всякого художественного расчета меняет свои приемы, представляя действия совершенно однородные то настоящим, то прошедшим:

Выходит Иван из бела шатра,
Умывается водой свежей, ключевою,
Он *терся* полотенцем тонким камчаточным,
Он крест *кладет* по-писа́ному,
Поклон *ведет* по ученому.

(Киреевский, III, 15).

Мы не в состоянии найти этому явлению другой причины, кроме той слабости комбинации, вследствие которой появляется, например, несогласование в числе, падеже и прочее при некоторой сложности периода.

Во-вторых, постоянное стремление, говоря о прошедшем и обозначая его временем прошедшим, употреблять глаголы более длительные вместо менее длительных и конкретных, несовершенные вместо совершенных, употребительных в современном

языке. Причина этого может заключаться только в особенностях мысли певца. Употребляя выражение „*зажигал* свечи воску ярого" вместо *зажег*, он, без сомнения, не смешивает значения той и другой формы. Мы бы довольствовались результатом действия; его мысль дольше останавливается на том, что предшествует результату, вследствие чего он изображает действие еще совершающимся. Мне кажется, мы имеем здесь дело с тою самою степенью развития мысли, из которой вытекает, например, обычай обозначать число его производителями (*сорок сороков, три девять*)[1] и эпическая любовь к подробностям, например генетическое изображение стрел (тридцать четыре стиха), стрельбы из лука (Буслаев. Очерки, т. I, стр. 63—65). Буслаев, сказавши, что эпический певец „с одинаковым вниманием останавливается и на кровавой битве, решающей судьбу мира, и на мелочах какой-нибудь домашней утвари или вооружения", продолжает: „Этим свойством эпическая поэзия особенно близка к природе, которая с равным участием оказывает силы во всех своих действиях, поднимает ли бурю на море или убирает полевой цветок затейливыми красками". Это как бы похвала рассматриваемому явлению, но дело в том, желательно ли это явление в современной поэзии? — И нежелательно, и невозможно. То, что мы называем мелочами, действительно ничтожно сравнительно с тем, что из них слагается, и современному поэту было бы непростительно тратить время на описание мелочей, зная нечто более важное. Он и не делает этого, оставаясь тем не менее совершенно верным природе. Народный певец останавливается на мелочах и (что, как кажется, сводится на то же) изображает те действия длительными, которые мы представляем совершенными, единственно вследствие слабости синтеза, низкой степени отвлеченности своей мысли, медленности ее течения. Мысль по мере своего усложнения движется все быстрее и быстрее, и соответственно этому и язык позднейших периодов, по причине меньшей своей живописности, дает более быстрый ход мысли, чем язык древний.

По отношению к употреблению несовершенных и более длительных вместо современных совершенных и менее длительных глаголов язык былин, вероятно, никогда не отличался от языка разговорного. По крайней мере, и теперь русский разговорный и письменный язык удерживает такие выражения, как: *садись*, *ложись*, *становись*, *вставай*, *поезжай*, *трогай*, *прощай*, *ступай*, *пущай* вместо *сядь*, *ляжь* и прочее; вологодское „*ядай*, *ядай*, малый!" — *ешь*, не тревожься ни о чем (Даль. Словарь). Эти последние формы оправдываются тем, что говорящий требует не самого процесса усаживанья и прочее, не того, чтоб кто садился, а результата, т. е. того, чтобы сел.

[1] „Блудив же він сімь год и чотирі" (Метлинский, 359). Народ считает: „*двадцять и п"ять*".

Ста га вила богом братимити..
..Дај ме пуштај у планину живу,
Да наберем по Мирочу биља.
(Караџић. Пјесме, II, 218).

Ср. в былинах:

Полетай-ко, охота [сокол], к моей матушке,
Спроси-ко у ней, как с Ильей переведаться?
(Киреевский, I,10);

Уж ты гой еси, десятый тур!
Прибегай ко мне со черных грязей,
Прибегай ко мне из болотных вод!
(ibid., II, 47);

Побегай-ка, Алеша, через эту степь..
Что ко той речке ко Саратовке.
(ibid., 81);

Вы *сбирайтеся*, туры, все сюда.
(ibid., 47).

В украинских думах и песнях: „Він тоді добре дбав, Чоботи татарські *истягав*, На свої козацькі ноги обував; Одежу *истягав*, на свої козацькі плечи *надівав;* Бархотний шлик издиймає, На свою козацьку голову надіває, Коня татарського за поводи *взяв*, У город Січи припав" (Куліш, I, 18). (Ѯ. Антонович и Драгоманов, I, 144). „У домівку *приїжджали*. Ой у домівці не велйку зазнобку (огорчение) счинйли — Мáтку старéньку з дворá вигонйли" (Кулиш перевел *прогнали*) (Куліш, I, 20). „То мати се *чачував* (Кулиш — *слышит*), Іде з двора, спотикаетця, За сльозами світа божого не *видає*" (не видит) (ibid., 20—21);

— Прибудь ти до мене, одвідай ти мене..
— Не могу я до тебе *прибувати*.
(ibid., 25).

„Прибудь же ти до мене.. Нехай я буду выходжати. Ой по голосу познавати, Родиною сердешною називати, І на хліб на сіль закликати; І на здоров"є тебе, брате, буду питати" (ibid., 26). Ср. в лирической песне: „Возьми ти, сестро, піску у білу ручку, Посій ти, сестро, на каміню: Коли той буде пісок на білому камені зіхожати (взойдет), Синім цвітом процвітати (зацветет), Хрещатим барвінком біленький камінь устилати (устелет).. Тоді, сестро, буду до тебе в гості прибувати" (ibid., 26); „На празник.. Чужі братіки зихожаютця, Брат із братом..

Одно з одним схожаєтця.. А мене плече з плечем, пола з полою торкає, І в вічи не видає" (ibid., 27); „А то ми, брате, недобре вчиняли (поступали)—.. У військо виступали.. матку.. стременем у груди од коней *однихали*.. з глави шлика *не здіймали*" (ibid., 30); „Коли б дав бог на суходіл *виступати*" (выйти на сушу) (ibid.,31); „Будуть.. Тебе.. пішого *минати* (минут), А нас будуть кіньми *доганяти* (догонять) І назад у Турецину завертати" (ibid., 33); „Назад коней завертайте, з піхов шаблі вийдайте, Мині.. з пліч голову *здіймайте*" (ibid.).

Между украинскими думами, как произведениями более личными, чем русские былины, более разницы в употреблении глаголов более длительных и совершенных. Есть думы, например, „О Белоцерковском мире", „О победе под Корсунем" (К у л і ш, I), где изложение сравнительно прозаично и где употребление длительных вместо совершенных встречается далеко не везде, где его можно было бы ожидать.

„Тогді-то.. Хмельницький до сходу сонця *уставав*, Під город Поляное ближей *прибував*, Пушку сироту упереду *поставляв*, У город Поляного гостинця *подавав*. Тогді-то.. рандари Горким голосом *заволали*: „Ей Полоняне, Полонянська громада! Коли б ви добре дбали, Од Польщи ворота *одбивали*, До нас за Вислу річку хоч у одних сорочках *пускали!*" (ibid., 62); „Гаврило.. був обашний: Із кармана людську денежку *виймав*, Насті кабашній до рук добре *оддавав*.. Словами *промовляв*:... Коли б ти... Сю денежку до рук *приймала*, До погреба *одходила*, Хоч нороцово́го пива уточила" (ibid., 203); „...Як став сії слова *зачувати*, Так він став чересок *виньмати*... Як стали (дуки) в його черінці *зоглядати*, Тоді стали його витати, Медом шклянкою, І горілки чаркою" (ibid., 206); „Як буде наш пан Турецький до мечети *від''їжджати*, То буде мині... На руки ключі *віддавати*, То буду я до темниці *прихождати*, Темницю *відмикати*, Вас всіх.. на волю *випускати*" (ibid., 212); „Оттогді-то Хмельницький (у Барабаша), Із правої руки, із мезинного пальця щиро-злотний перстень *изняв*, Із лівої кишені ключі виймав, З-під пояса шовковий платок *висмикав*, На слугу своего повірного добре *кликав-покликав*: „Эй, слуго..." (М е т л и н с к и й, 387); „Оттогді-ж-то Хмельницький, як сії слова *зачував*, так він сам на доброго коня *сідав*, коло города Сороки *поіжжав*... Іще стиха словами *промовляв*..." (ibid., 393); „Василь Молдавський... Пару коней у колясу *закладав*, До города Хотині *од''їжджав*, у Хвилецького копитана станцією *стояв*, Тогді-ж-то од своїх рук листи *писав*, До Івана Потоцького, кроля Полского, *посилав*" (ibid., 393—394); „Як будеш немного Ташликом рікою гуляти. Дак *будеш* отця живого заставати" (ibid., 398); „Тогді-ж-то Еврась.. До дому приїжджав І отця живого не *заставав*" (ibid., 399); „А коли б ти, мати, добре дбала, Дев''ятеро скоту із кошари на вибор займала, До города Корсуна одбавляла, Із... рандаром торг торговала, Мині... коня на славу спаровляла

(sic!), Що моя душа козацька... улюбовала" (ibid., 415—416); „Удова... До божої церкви ік утрені одходила, Всю козацькую зброю у кімнату замикала, Тільки шаблю булатну та пищаль семип''ядну На колку покидала" (ibid., 416); „Тогді-то козак, як він коня до рук *принимав*, На Гайман-долині козаків *нагоняв*, Чотири сотні *обминовав*, у п''ятій сотні Івася Вдовиченка *познавав*, Коня до рук йому уручав" (ibid., 418); „Один козак сказав їй правду [про смерть сына].. Отогді-то вдова не догадлива *бувала*, Ще у другого козака правди питала" (ibid., 423).

В песнях сравнительно гораздо реже: „Ой крикнули козаченьки: „Утікаймо, Нечаю!" (ibid., 403); „Козак Нечай молод *бував* (= был)—на те не вповає [не обращает внимания],— Із панею Хмильницькою мед-вино кружає" (ibid., 407); „Повій, вітре..; Прибудь.., мій миленький...—Як же мені *повівати* по ярах глибоких? Як же мені *прибувати* з Україн далеких?" (ibid., 39); „Скажи, серце, вірне словце, нехай буду знати: У який час-годиноньку к тобі *прибувати*" (ibid., 45); „Ой як не будеш, серденько моє, до мене приїзжати, То буде мене отець-матуся за іншого *оддавати*" (ibid., 60); „Ой не вспів козак Перебійніс на могилу *з''їздити*, Як узяв джуро, та узяв малий з пістолів *палити*" (ibid., 401; выше в той же песне: „не вспів.. до могили *доїхати*"); „Серденько моє, покидаеш мене; Ой як мені *забувати* тебе" (ibid., 239); „Ой рада б я, мололий козаче, та до тебе *виходити*: Сидить мати край віконечка, Буде Галю бити..." (ibid., 102); „Ой, дівчино, відчини..—Ой *не буду*, козаченьку, *відчинять*, Бо ти ідеш ніченьку ночувать" (ibid., 121); „Ой як буду, моя матусенько, да я в війську *помирати*, *Приймай* мою вірную дружину да за рідну дитину!" (ibid., 241); „Не велику Морозенку та кароньку завдали, Тільки з його, з його та живого та серденько *виймали*" (ibid., 410); „Виляй, не виляй, молодая дівочка, А вже ж тобі од того да *не вилляти*" (ibid.; 124); „Ой крикнули наші козаченьки: Утікай, Нечаю! А Нечай же та Нечаенко того й *не чуває*,— С кумасею с Хмелницькою мед-вино кружляє" (ibid., 406).

Употребительны в разговорном языке длительные вместо совершенных в повелительном наклонении: *сідай*, *лягай спати*, *вставай*, *рушай*, *ходи сюди* (поди), *прощавайте*.

Говоря об употреблении более длительных и несовершенных форм вместо конкретных и совершенных, мы тем самым предполагаем, что различие между теми и другими уже установилось, что певец мог при известном направлении своей мысли сказать *взяли*, *бросили* и т. п. вместо *брали*, *бросали*, что и доказывается действительными случаями употребления форм совершенных. Но в том-то и дело, что упомянутое употребление, согласное с привычками современного языка, встречается в более древних по складу былинах и думах довольно редко. Мысль русского эпического певца, останавливаясь на самом процессе действия, изображает действие генетически в тех случаях, когда

мысль современного человека лишь вскользь обозначает действие его результатом. Настроение, из коего вытекает это преобладание длительных и несовершенных форм, есть один из случаев того общего свойства, какое и в настоящее время можем наблюдать в речи простолюдина и которое можем назвать медленностью течения мысли. Образованный человек, если не имеет особенных причин останавливаться на происхождении события или явления, обозначает их конечною точкою или результатом; рассказ его быстро движется вперед соответственно большей быстроте мысли; рассказ этот вообще, при большей многосложности, несравненно сжатее рассказа простолюдина. Ближайшая причина этому заключается в том, что стихии мысли в голове образованного человека, с одной стороны, находятся в большей взаимной связи, более объединены, почему слово образованного несравненно богаче по содержанию слова необразованного, с другой стороны, более и разнообразнее расчленены, более распределены по рядам комплексов, почему бы ни было однородным. Вследствие последнего обстоятельства говорящий и равный ему по образованию слушатель удовлетворяются одним намеком на известный им ряд мыслей — намеком, выраженным в слове или ряду слов, не исчерпывающих собою соответственного ряда мыслей, но только указывающих на него. Решившись употребить заимствованные с немецкого технические названия, можно бы сказать, что разница между образованным и необразованным состоит в степени густоты, или сгущения, и в степени развития представительства (Vertretung) мысли.

Один из зубоскалов, которые по скудоумию считают себя людьми очень умными и научно развитыми, хотя и не обремененными научным грузом, и потому называют глупостью все, что им сразу непонятно, печатно насмеялся над заимствованным у Штейнталя и Ляцаруса термином „сгущение мысли“ и надо мною, употребившим этот термин; но без этого или равносильного ему слова (пожалуй, если звучнее и важнее кажется,— конденсация), если, как следует ожидать, у нас будут оценены усилия названных мною ученых и если вообще примется у нас научная разработка психологии в направлении, данном Гербартом,— обойтись нельзя.

Для объяснения упомянутых терминов перевожу страницу из статьи Ляцаруса („Über die Ideen in der Geschichte“.— „Zeitschrift“, B. III, стр. 404 и след.): „Когда историк, на основании многих разбросанных заметок о способностях, приключениях и действиях известного лица, в разных очертаниях изображает характер этого лица; когда из бесчисленных свидетельств об отдельных событиях он слагает сжатый, но верный образ известной войны, революции, изменения системы; когда по многочисленным депешам и отчетам, проектам и изменениям в них в немногих чертах наглядно изображает ход переговоров с их мотивами и следствиями; когда он в кратких словах дает достаточное понятие о содержании известного литературного произведения; во всех этих случаях большие массы представлений таким образом сжаты (сгущены) в немногочисленные ряды, что хотя форма их совершенно изменена и облагорожена, но содержание осталось то же. В немногих представлениях здесь действительно заключено и (большею частью) представлено в высшей форме духовной деятельности то, что в прежней (низшей) форме могло быть обнято лишь несравненно большею массою представлений. Настоящее же действительное замещение рядов представлений отдельными представлениями и масс представлений отдельными их рядами имеет место тогда, когда первые (ряды и массы) в действительности не заключены в последних, но наверное предполагаются ими в душе, так что появление замещающих представлений в сознании ручается за то, что и замещенные массы, в случае надобности, тоже могли бы появиться в сознании. Этим дается возможность так орудовать (zu operieren) замещающими представлениями, как если бы были в сознании налицо замещаемые массы. Первые (т. е. замещающие) входят в дальнейшее течение мысли как элементы, равноценные последним если не по логическому содержанию (как при сгущении), то по психологическому процессу и его следствиям. Когда, например, замечаем содержание известной книги или судим о ней, мы имеем в сознании не всю массу представлений, составляющих эту книгу; но тем не менее суждение наше о книге, основанное на всей этой массе, основательно лишь в той мере, в какой, не изменяя суждения, мы могли ввести в сознание всю эту массу. В обиходном течении житейской и научной мысли сгущение и замещение не только появляется рядом, но и заменяется одно другим; но сколько-нибудь внимательное наблюдение столь же легко покажет нам их различие, сколько легко верный такт соблюдает это различие на деле. Делаемый председателем итог прения, предполагающий, что оно выслушано всеми и что полное повторение его было бы лишним, состоит преимущественно из замещений, а исторический отчет о прениях, долженствующий заменить слушанье,— из сгущений“. „Руководства для учителей, имеющие целью распределение материала, должны состоять из замещений, коих крайняя форма указатель содержания; энциклопедии должны давать сгущения, понимание коих предполагает определенное знание больших масс представлений“ (ibid., стр. 406, примечание).

Относительно медленности течения мысли при существовании прошедшего несовершенного и аориста. Степень развития была не выше, но употреблялось ли первое вместо второго? См. об отношении imperfect (длительного) и aorist (однократного) (Pott. Etymologische Forschungen, B. II, 1, стр. 666).

„Муй миленький до домоньку іде, Дротяную пліточку несе, Тея пліточка рострепалася, А я молоденькая догадалася, У нову комору сховалася, Новым замочком *замикалася*, Покуль чужа

мила нагулялася" (Сборн. Сев-Зап. кр., I, 17); „Тадар Марко кроз механу прође, Те Андрију главу лофатио, Метнуо је у бисаге Шарцу, *Отходио* зеленом планином, Од невоље попијева Марко" (Чубро Чојковић, 9).

§ 4. Виды и категория длительности в глаголах

Из несомненного и общепринятого положения, что славянское будущее простое имеет форму настоящего времени, следует, что некогда эта форма имела значение настоящего, а не будущего. Есть явственные следы такого значения форм беспредложных = предложным, употребляемых только в значении будущего[1].

‹Рассматривая глагольные классы со стороны формы, мы видим, как из форм относительно простых образуются формы все более и более сложные, предполагающие не бо́льшее число предыдущих форм. Например, глагол *на́шивать*, *на́шиваю* предполагает *на́шевать*, украинское *ношуваты*, *ношую*, этот, вероятно, *нашавати* и *нашати*, этот последний — *носити*, этот — *нести*, который в свою очередь по первой теме *несу* заключает в себе характерную гласную *-а-* и потому не первообразен. Известны формы более простые, чем *несу*, именно такие, как *вѣмь* и т. п.

То, чего достигает язык этим непрерывным усложнением характеров, может быть определено не иначе, как наблюдением над изменениями значения глаголов, соответственными изменению формы. Наблюдения эти легче делать в тех случаях, когда глагол с более сложным характером не вытесняет более простого, но существует рядом с ним в одном и том же наречии, или когда более простой глагол, вытесненный сложным в одном наречии, сохраняется в другом.

Глаголы без характера во второй теме и без характера или же с характером *-а-*, *-ja-* в первой теме в самом славянском языке уже по отделению его от других сродных вовсе не выражали того оттенка большей или меньшей длительности и краткости, который мы называем видом. Вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком, в котором видовые оттенки действия или вовсе не существуют для мысли или выражаются описаниями, так что, например, одно *tragen* заменяет нам *нести*, *носить*, украинское *ношати*, украинское *ношувати* = русскому *нашивать*.

В настоящее время в вышеобозначенных глаголах и других, о которых речь ниже, видовое отношение определяется следующими признаками.

[1] Этот абзац написан на полях рукописи вместо зачеркнутого текста, который приводится дальше в ‹ › скобках. *Ред. 1941 г.*

а) Все эти глаголы, за исключением нескольких (менее десятка), без предлога обозначают деятельность несовершенную, конкретную. Действие, обозначенное глаголом *нести*, *несу*, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы *носить*, *нашивать*, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначает действие, как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение *ношу* в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного воззрения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как *нести*, такие, как *носить*, *нашивать*, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли.›

б) Как скоро к конкретно-несовершенным глаголам присоединяется предлог, то вторая их тема получает значение действия конкретного совершенного, а первая, именно настоящее время и повелительное наклонение,— оттенок будущего времени. ‹Последнее объясняется тем, что мысль о действии, действительно совершающемся в настоящее мгновение, а между тем оконченном, немыслима, потому что заключает в себе противоречие. Что я вижу, слышу и т. д. в это мгновение, то не может быть оконченным. Действие оконченное я могу представить себе только в прошедшем или в будущем.› В немецком *ich trage hin*, *trage (da)hin* — *hin* обозначает только направление действия, и потому эти выражения могут быть в славянском переданы не предложным глаголом, а глаголом с наречием места или с дополнением: *несу*, *неси* туда-то. Между тем в *снесу*, кроме обозначения направления, есть еще значение совершения действия и будущности, представляемой настоящим. Поэтому это выражение наиболее, хотя не совсем, подходит к немецкому: *ich werde hintragen*; не совсем — вследствие особенностей, зависящих в немецком выражении от его составных частей: настоящего глагола *werden* и неопределенного наклонения.

в) ‹От пп. а) и б) отклоняются те немногие глаголы, упомянутые под п. а), которые получают значение совершенного действия и будущего времени в первой теме не в силу предлога, а единственно от влияния других длительных форм.› Таковы *дам*, *буду*, *реку*, *паду*, *сяду*, *лягу*. ‹В них и других подобных им в этом, но с более сложным характером особенно ясно видно сродство славянского будущего времени с настоящим. Славянское будущее время есть оконченное настоящее, или иначе, оно есть представляемое, но не существующее в действительности окончание настоящего.›

Можно доказать, что будущее глаголов пп. а) и б) было некогда действительно настоящее, именно тогда, когда при глаголах п. в) не стояли еще длительные формы и когда предлог в глаголе п. б) обозначал только направление или вообще местные отношения действия, а не его окончание.

У Павского („Филологические наблюдения". Третье рассуждение, стр. 95) — голословно: „Чем далее восходим к первым началам словенского языка, тем реже замечаем влияние предлогов на время и пространство" (т. е. на вид глагола).

Тогда не существовало разграничения действия конкретного, с одной, и длительного или многократного — с другой стороны, и все эти виды действия безразлично могли обозначаться глаголами п. а).

Приступлю к самим доказательствам.

Дати, дамь; даяти (давать), *даю*.

В современном русском языке, со включением народных говоров, *дать* (дати), *дам* есть глагол совершенный; *дам* есть будущее; повелительное *дажь* и причастие, деепричастие настоящего времени от удвоенного корня (от темы *дад-*), которые имели бы оттенок совершенности, потеряны и заменены формами глагола *даяти* (давати): *даю, дай, даючи*, притом так, что повелительное *дай* по видовому значению вполне уравнялось с *дати, дам* и для выражения большей длительности имеет при себе *давай* (от темы *дава-*) и деепричастие (resp. причастие), по крайней мере, в литературном и украинском имеет значение несовершенное, совместно конкретно-длительное и более длительное; в украинском форма *не даваючи*, сколько известно, не употребительна, хотя возможна, а в литературном разница между *не давая* и *не даючи* не чувствуется, быть может потому, что последняя форма становится архаичною.

Старинный язык представляет следующие явления:

а) *Дамь* имеет значение конкретно-длительное несовершенное, есть настоящее время, соответствующее современному *даю*[1]: в русских юридических памятниках XIV—XVI вв.: „се *дасть* (= дает) Иванъ Михайловичъ" (Буслаев, изд. 2-е, II, стр. 128; Акты юридич., II, 25); „Язъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ тое деревни *не отдадутъ*" (= не отдают) (Акты, 29, 1511 г.); „За разбойника людье не платять, ни *выдадять* (= выдают, а не выдадут) и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбленье" („Русская правда" — „Достопам.", I, 29—30); „про што ми обреклъ еси Кіевъ, а пріятьли ми не *даси* (= не даешь) пріимати" (Ипат. лет., 20, 19); „Обыскати.. кто у нихъ в Губѣ.. лихихъ людей, татей и разбойниковъ — къ кому разбойники и тати приѣжжають и разбойную рухлядь привозят и кому разбойную рухлядь *продадутъ*" (Грам. Ив. Вас., 1571 г. — „Достопам.", I, 153); „Тот Шарапъ... из села вонъ нейдетъ и монастырю села и деревни не отдастъ... Шарапъ и его дети... нам... селца и деревни *не отдадутъ*" (настоящее время) (Акты юридич., I, 173, 1534 г.); „И есть (в исправленном — *будетъ*) [муж] акы древо саженок [в исправленном — *насажденое*, т. е. посаженное (wsadzone)] в преисходищихъ водъ. И кже плодъ свои *дасть* [в исправленном — *даетъ* (*wydava*)] в врема свок". „И листъ кго не *ѡпадетъ* [в исправленном — *не опадетъ* (*nie opada*)]. И вса клико створи поспѣкть са кмоу" [в исправленном — „*успѣетъ*" без „*ему*" (*poszczęści się*)] (псалом 1, Псалтирь 1296 г. — Буслаев, Хрестоматия, 86).

[1] У Караджича в Словаре: *дати, дам* и *дадем* названы глаголом совершенным, что и бывает; откуда в примечании: „не *даду* ми *се* коньи челе, дјеца [кад умиру]"; *даду се* = даются, ведутся.

б) Повелительное — *дажь, дадите* по видовому значению соответствует древнему значению настоящего *дамь* и в современном языке заменяется посредством *дай, давай*: „не дадите (δῶτε, *nie dawajcie*) ст̃ааго пьсомъ, ни помѣтанте (βαλῆτε, *ani miecicie*) бисъръ вашихъ прѣдъ свинимми" (Остр. ев., Матфея, VII, 6; 60); „не дадите сщенная пъсомъ ни полагаіте бисъръ ваша" (Саввина кн., 11).

По отсутствию более длительных форм при отрицательных частицах эти обороты древнее, чем *не дайте* в значении „не давайте": „Чл̃ка не минѣте не привѣчавше, добро слово кму дадите" (= дайте) (Лаврент. лет.; см. Буслаев, Грамматика, ч. II, стр. 128).

в) *Дати* = *давать*: „а тѣхъ ми земель не освонвати, ни *продати* (= продавать), ни мѣнити (= менять), ни въ закупъ не *дати*" (= давати) (Акты, 25, 1505—1511 гг.); „нѣцни ѡт братья нашея дьрзноуша *продати* (= продавати) священныи санъ и *причитати* я къ церквамъ, и взимати ѡтъ нихъ нѣкыя оурокы глаголемыя" (Правило Кирилла — „Достопам.", I, 108; ibid. *продакть* = современному); „Буде батенько принаймать (-ти) (когда дочь не будет ему жать, вышедши замуж), По золотому за день *дати*. Таки не буде вірно жати" (Сборн. Сев.-Зап. кр., I, 88 — Кобринский у., Гродненская губ.); „разболѣса конь и падъ издше и нача тщатиса дружина. и *не дати* (= не давати) ми одрати ноги.." (коня) (Пролог 1350 г. — Срезневский. Памятн., 260).

г) Причастие настоящего времени *дада — дающий*: „стоящимъ же имъ около города, и не *дадущимъ* ни воды почерпсти за 3 недѣли.." (Лаврент. лет., 140, 37); „Ростиславу.. не *дадущю* ся мирити.. Андрееви же вложи.. въ сердце.." (ibid., 141, 2); „и пути заяша, и сълы изьмаша Новгородьскыя, вьсьдѣ вѣсти не *дадуще* Кыеву къ Мьстиславу" (Новгор. лет., 14,14).

Польское „*Nyedadzanczi* czanzey, alybo gwalthem odbiyayanczi, alybo *wipuszczanczi* wzantha" (не дающий, выпускающий) (XIV—XV вв; Księgi ust., 28); „За тобой жила надежной как головушкой, почитали спорядовы вси соседушки, поклон *вóздали* жены мне-ка мужни" (Барсов, 186). Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 818: „Причастие настоящего действительного, как выражающее одновременность (Gleichzeitigkeit) действия с другим, следовательно, его длительность, образуется только от глаголов несовершенных; однако немало исключений из этого

правила". Между прочим, приводится: „аште кто видитъ матере... *подадѧщꙋю* съсъ"—si quis videt matrem mammam praebentem (Supr., 285, 11).

Подобные случаи есть суть отклонения от действующего правила в том смысле, что они—следы времени, когда правило еще не существует и *подати* не было глаголом совершенным. „Сьвѣтьници же суть и друзи житейскыя мысли, не *дадуще* намъ ни о смерти помыслити" (Калайдович, 119).

Дати: „Слнчнок ѡшествик, подъ землею и надъ землею, кдинако ѡбок [осень и весну] творить, не *дады* ни годомъ дроугъ дроуга боле имати" (Шестодн., 112).

Повелительное *дай* в значении современном *давай*: „соудите по правдѣ, мъзды не емлите, в лихву не *даите*" (=давайте) („Достопам.", I, 10); „жену свою любите, но не *даите* (=давайте) имъ надъ собою власти" (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 128).

Если в Остромировом евангелии уже употребляется *дай* (вместо *даждь*), как в современном языке, то это значит, что уже в очень древнее время, по мере того как древнейшие формы спряжения, к коим принадлежит удвоенное *дамь, даждь*, стали вытесняться более новыми, как *дам, дай*, конкретное значение первой стало переходить ко второй, а более длительное значение вторых—к еще более новым формам, как *даяти, даю*.

„Что имъ посоулишь, то *даи* (=современному *дай* и более древнему *дажь*), а болѣ не *дай*" (=не давай) (Дог. Мст. Дав. с Ригою 1229 г.—Собр. гос. грам., II, 4); „и рече имъ [радимичам] Олегъ: „не *дайте* (=не давайте дани) Козаромъ, но мнѣ *дайте*", и вдаша Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху" (Лаврент. лет., 10, 21) (в древнем списке *даяху*); „д молитвы стваряй ему на день, а мяса не *дай* ни молока" (Калайдович. Памятники, 175); „Призови дѣлателѧ и *даи* (ἀπόδος) имъ мьздꙋ" (Остр. ев., Матфея, 20, 8).

Дамь—в смысле настоящего в русских юридических памятниках XIV—XVI вв.: „се *дасть* (вместо *даетъ*) Иван Михайловичь"; „проѣзду намъ не *дадутъ*" [вместо *не даютъ*] (1483 г.); „почему вы... проѣзда имъ не *дадите*" (вместо *не даете*) (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 128). Такое безразличие видовое предполагается тем состоянием языка, при котором, как уже в древнейшем старославянском памятнике (Остр. ев.), *дати—дамь, даждь* обозначает действие только конкретное [„Чл҃ка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите" (=дайте) (Лаврент. лет.; Буслаев, ibid.)], между тем как *дати, даяти* (=современному *давать*), *дать*—действие длительное и отвлеченное.

Предлог обозначает только направление, но не придает значения будущего совершенного. „Азъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, господине, тое деревни *не отдадутъ*" (вместо *не отдаютъ*) (Акты юридич., 1511 г.; Буслаев, ibid.).

При *подавать, подаю* мы теперь деепричастие имеем только в форме *подавая*, произведенное от темы *дава-*, от коей настоящее время было бы *даваю*; но: „нестатькъ (ἔλλειψις) же ксть слово, иже неиспълнь избѣседукть сѧ (настоящее время). *подаѧ* (=подавая) же разоумѣвати. и въслѣдьне" (Изборн. 1073 г.; Буслаев. Хрестоматия, 270).

Вѣмь, вѣдити с предлогом—несовершенный. „*Не повѣдуче* никому же шедше убійте брата моего Бориса" (Лаврент. лет., 57, 26); "азыкъ мурьихъ добро *свѣсть*. ѥста же нечьстивыихъ *повѣдать* зло" (Притчи, 15, 12—Буслаев. Хрестоматия, 153) (в исправленном тексте „свѣсть"); „Мнози бо дружбу имѣюче велику и заклинаниемь и ласкою тайну *повѣдать* всѣмъ чл҃вкмъ" (XIV в., Буслаев. Хрестоматия, 481); „не оумѣю, ни *сѣмь* (οὐκ οἶδα οὐδὲ ἐπίσταμαι) чьто ты глеши" (Остр. ев., Марка, 16, 68); „*свѣсте*"—*scitis* (Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 777); „Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, встаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ *сѣмь*, кто обилье держить" (Лаврент. лет., 75); сравни с *повѣдуче* следующее: „волхвъ... пришедъ... Кыеву глаголаше сице, *повѣдая* людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять" (ibid., 75); „вѣ *вѣмь* (Ипат. лет.—вѣ два *вѣдавѣ*), како есть человѣкъ створенъ" (Лаврент. лет., 76); „Бѣси бо не *вѣдять* мысли человѣчьское" (ibid., 76); „и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскымъ, инѣмъ *вѣдуща* (Ипат. лет.—*вѣдуща* и гадающа), а свои пагубы не *вѣдуче*" (вместо *-ща*) (ibid., 76); „Волхвъ глаголашеть.. яко *проповѣдь* (в Радзивиловском тексте правильнее „*провѣде*", т. е. *провѣдѣ*—знаю наперед) вся" (ibid., 77); „аште оубо *сѣмь сиса* ничесоже отъ сихъ творѧс" (Изборн. 1073 г., 31); „чл҃ци аще и на толицѣ высости. над ними соутъ [звезды], то ѳбаче могоутъ к оумомъ хытрѣ свѣдѣти. въ чинени҃к...и... лоунно҃к помрѣчани҃к. *вѣдетъ* прѣже мьногы лѣты. и *проповѣдетъ* и скажоутъ" (Шестодн., 121 об.).

Дѣю, дѣти. Если бы в современном литературном языке сохранился глагол *надѣю, надѣть, одѣю, одѣть*, то он, в силу предлога, имел бы значение совершенного, ибо нет глаголов, предшествующих по форме и несовершенных по значению, но в старинном языке глагол конкретно-длительный несовершенный *дѣти, дежи*, старославянское дѣжди (вернее с *е*, чем с *ѣ*, при коем дѣти, дѣщ, как *дати—даю* при *дамь*), являлся как более длительный. В украинском как архаизм *сподітись, сподіюсь*, *сподійся*—вместо современного *сподіватись*: „Уже ти нас, наша сподійся!" (Метлинский, 358; *spodzieję się*—мати, і у гості *не сподійся*!" (Метлинский, 358; *spodzieję się*—мати, совершенный). Другой архаизм *надівати, надіє* (вместо современного *надіває*) образован, как *давати, дає*. „Один козак іде, Шати дорогиї несе, На його козацькі плечи *надіє*;... Боти са-

п"янові несе, На його козацькі ноги *надіє*" (Куліш, I, 208). Современное литературное — *надеяться, надеюсь* (собственно полагаться на) древнее по образованию, чем соответствующее по значению украинское *сподіватись*, новее, чем *сподітись*, как несовершенное; оно служит наглядным доказательством, что и *надью, одью* (impono, vestio) в значении несовершенных суть русские формы.

Дѣти, дежду: „ваⷭъ одеждѫтъ (=олѣваютъ) ризы, мене же правда" (Supr., 14, 18). „Не пыщѣтеса глѫще, что ѣмъ ли, что пиѣмъ, и въ что одеждемъса" (Савв. кн., 13); „*одеждемъса*" (Остр. ев., Матфея, VI, 31); „На вьсакомь мѣстѣ *въздьюще* прѣподобьныѣи „аще на пить йдеши не *надьи* чюжемь брашнѣ" (XV в., Бусприлѣщще кмоу" (Остр. ев., Луки, 23, 36); „*въздьніе* (вздѣяние) руку моею жертва вечерняя" (Феодосий, 195). Ср. odzienie и *одеяние*. Церковнославянские къздѣнъ, одѣнъ, одѣкснь (Supr.; Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III², стр. 108). (При дожинках) „коли виншуюць, дык *надзеюць* вянок на голову панам" (Шейн, 177); „ѵ̃ корене проклѣкть, что из дна *издежет* се" (Шестоднев, 94 об.). „Аще сѣно бъ тако *одѣкть*" (Матфея, 6, 30) — Miklosich. ibid., B. IV, стр. 776 — относит к случаям, когда „именно в пословицах настоящее совершенных глаголов означает не ограниченное никаким временем или, точнее, действие может случиться во всякое время". Например: „ушла лодия кормы не мочихъ, а зла жена жизнь всю мужа своего погубитъ". Я думаю, что *одѣетъ* есть не будущее, а настоящее время несовершенного или, точнее, глагола, предшествующего категории совершенности и несовершенности. „...Лоуна, често. акы съвлачающи се. и пакы одѣющи се въ свѣтъ сама собою" (Шестоднев, 136); „таче створи ж слнце присно съвѣтеща. а лоуноу овъгда облачещоу се. ѡзъгда съвлачещоу добротоу. овъгда ѡлѣющя се въ ню" (ibid., 154); „соугоубою чьстью ѡлѣкть" (ibid., 180 об.).

Польское *nadziać, przyodziać* — глагол совершенный, *nadzię* — будущее совершенное, русское *надею* от *надеть* совсем утратилось, заменившись формою *надену*; сохраненное настоящее время *надеюсь* имеет неопределенное наклонение *надеяться* (собственно полагаться).

Дѣль = дѣялъ. „Аже кто поклажан кладеть у кого-любо, то ту пѫслуха нетоуть; нъ ѡже начнеть болшимъ кльпати, тому ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко кси оу мене положилъ!"; „зане же кму болого *дѣлъ* и хоронилъ товаръ кго" („Русская правда" — „Достопам.", I, 39).

Сѣсти. „Помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не *вѣда* нань" |=не въ(ь)|сѣдая (Лаврент. лет., 16, 17).

Украинское совершенное *покликати, покличу*, как и в русском будущее („*Кличе-покличе* на гречну панну" — Головацкий, II, 93), соответствует обыкновенному украинскому *кличе-покликає*, что было бы в русском *кличет-покликивает*, так что *покличе* есть настоящее длительное.

Велѣть в современном языке — глагол совершенный и длительный; *велю* употребляется в смысле настоящего конкретного и будущего, но отвлеченное длительное в книжном языке выражается посредством *повельвать, повельваю*, что по времени происходит позднее, чем „както оубо сь кєть, мко и вѣтромъ *велить* и волѣ и послоушаѫть кго" (Остр. ев., Луки, VIII, 25).

Воротить, ворочу́ — глагол совершенный при *ворочáю*, т. е. возвращаю, например *ворочу* (будущее время — деньги); но *воротить, ворочу́* есть длительное конкретное при *ворóчаю*, например *с души воротит* (настоящее). Первоначально в обоих значение было *воротить*.

Кончить, кончу — совершенное, но *кончит*, как *мастер* (в смысле длительном конкретном) *кончает*: „в Террачине *кончится* Европа" (=оканчивается — длительное отвлеченное); в польском *kończyć* [только длительное: „jeszcze toaletę swoją *kończy* (оканчивает); zycie *kończy* się przez śmierć"], при *skończyć, ukończyć* совершенном и *skończywać* = оканчивать; чешское: „háj se počíná, kde louka se *končí*" (=кончается): „háj (слово) na j se *končí*" (=оканчивается).

Литературное *пленить*, народное *полонить, полоню*, совершенное, взять в полон; но сербские *плијенити, плијенимо* — брать добычу; длительное, конкретное.

Родить, рожу и в современном языке не только в значении совершенном, но и длительном, например в украинском в выражении „хліб *не родить*", „дарма верба, що груш нема, нехай й *не родить* (не рожает). розсердився мій миленький, нехай й *не ходить*". В польском *rodzić* — только длительное при совершенном предложном (*zrodzić, urodzić*) и длительное отвлеченное *rodzіwać*: „zwyczajnie dziewiątego miesiąca *rodzi* (рожает) matka". Так и *rodzić się* — рожаться. Так и в чешском: „otec plodi, matka *rodí*": „ne orám, ne seji, samo se mi *rodí*" многократный *rodívám*.

„Великость вашего духа, важные замыслы.. *накопятся* (накопляются) [в моих устах], заслоняют дорогу дыханию" (Афанасьев. Журналы, 36); „Съвязаныя душа рѣшаче оть тьмниць пущаху" (Калайдович. Памятники, 38).

Ступить — совершенное, как в сербском, польском; но в Ипат. лет.: „Онь же Вятичь не *съступяшеть* (не уступал — от *съступити*), но даяшеть имь 4 городы" (Ипат. лет., 18).

Явить — совершенный, так и в сербском *јавити* — в том же значении, но в значении вести отару, идти перед отарою („*јавити* овце") — длительное. „В минуту славное сражение *явится*" (=является) (Чулков; Афанасьев. Журналы, 162).

Рушить — в значении тронуть — в украинском и польском

есть глагол совершенный *ruszyć*—кого, jutro *ruszę* dalej; nie *rusz*—не тронь; в русском областное—*рушить* в значении резать, есть (кушать)—длительный; сербское *рушити*—разрушать; так и в чешском: „obrazy *rušiti*".

Женить—и совершенный и длительный, так что *женю*—и настоящее и будущее время, но в украинском, сербском, польском, чешском—только длительный.

Крестить—глагол совершенный и длительный, но *крещусь*—только длительный; в сербском *крстим*, польском *chrzczę*, чешском *křtím*—только настоящее. И в старославянском совмещение всех видовых оттенков в *крьстите* древнее, чем различение *крьстити* и *крьщати*.

Обачить—радеть, стараться. „Ты не *обачиш* сор к избы приметать, а роскутил и то, что припасено" (Новгородская губ.—Областной словарь).

Стрьлить в украинском, польском, чешском—совершенный, хотя польское настоящее *sztrzeli* do góry; но: „отходила Настасья за̀ вёрсту за мерную; заводила она *стрѐлить* (=стрелять) в злачен перстѐнь" (Пам. и обр. нар. яз., 316).

Таким же образом и в остальных глаголах на *-и-*, имеющих без предлога значения совершенные (*бросить*, *лишить*, *простить*, *скочить*, *хватить*), следует предположить более древнее значение неопределенной длительности.

При нескольких предложных совершенных того же разряда находим те же глаголы со значением длительным.

Изгонить в литературном языке совершенный, но в Остромировом евангелии *изгоните* (=изгоняйте) (Матфея, X, 8). Украинское „Ой одсунь вікно да кватирочку, Та *вигóнь* (вигоняй) голубів з хати" (Метлинский, 102); „Стоять воли в плузі.. та нікому воли *погонити*" (погонять) (песня); „Запрягайте коні вороніи; *Наздогоньте* (наздоганять) літа молодії" (Метлинский, 253); „*Попрогóнь* овечки, що родина здаровала" (ibid., 265); „Наша пані.. І сама не робить, І нас не *пригонить*" (ibid., 323); „Добре той радить, хто людей не *звадить*" (Номис, 119).

Дострьлять—совершенное; но длительное в следующем случае: „Як надибали чорного туря... І сніпок стрілок не *достріляє* (не дострілює,—в нем недостает стрел), І сив коничок із ніг спадає, Гордий молодець з страху вмліває" (Головацкий, II, 62).

Найдутся, без сомнения, многие другие подобные случаи при подробном сравнительном изучении словарей и памятников старинной народной литературы всех славянских наречий, но, мне кажется, и приведенных примеров достаточно для доказательства следующего положения. Одновременно с появлением при конкретно-длительных глаголах одного из классов, до класса *-ати*, *-аю* включительно, другого глагола того же корня (за исключением глагола *буду*) в одном из последующих классов, сравнительно с классом первого глагола,—например одновременно с появлением при *пасть* глагола *падать*,—начинается

видовое разграничение этих глаголов. Глагол предшествующего, более простого и древнего строения стремится стать совершенным, между тем как последующий становится более или менее длительным и отвлеченным. Первоначально это разграничение нерезко, и остатком такого состояния языка служат архаические формы со значением длительных при таких же современных, обозначающих совершенное действие (Буслаев. Грамматика, ч. I, стр. 101).

Отличие такого взгляда от взгляда Буслаева можно видеть из следующего. На стр. 126 и след. (Буслаев. Грамматика, ч. I, § 183) Буслаев говорит: „Так как глагол получает значение настоящего или будущего времени по различию вида, продолженного или совершенного и однократного, то употребление одного времени вместо другого объясняется употреблением одного вида вместо другого". Затем следуют случаи такого употребления.

„Уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности виды продолженный, совершенный и однократный смешиваются между собою, что̀ явствует из употребления настоящего времени вместо будущего и будущего вместо настоящего. Такое смешение видов и времен частию удержалось и в исправленных текстах, частию же изменено по более строгому различию времен и видов, в соответствие временам греческого подлинника" (ibid.). О двух явлениях, имеемых в виду автором, именно о замене будущего настоящим и настоящего будущим, следует говорить отдельно. Что до второго, то замены настоящего будущим вовсе нет. В применении к этим случаям выражение, что они имеют место уже в древнейших памятниках, сбивчиво; оно заставляет думать, что в последующие времена случаи эти встречаются чаще, тогда как на самом деле в древние времена еще не было в такой мере развито различие видов, как в позднейшие. *Отъпоустиши* (ibid.) есть действительное настоящее не только по форме, но и по значению. Оно кажется будущим лишь с точки зрения позднейшего состояния языка. „Так как,—говорит Буслаев,—по этимологическому составу будущее *дамь* ничем не отличается от настоящих *вѣмь*, *имь* и др., то ясно, почему часто употреблялось оно в смысле настоящего" (ibid.). Здесь опять тот же анахронизм. В выражениях, как "они мнѣ .. тое деревни не *отдадуть* (вместо *не отдают*), а денегъ не возмутъ" (не берут), было бы употребление будущего вместо настоящего только в том случае, если бы для писавшего формы *отдадутъ*, *возмутъ* имели то значение, какое они теперь имеют; но на самом деле эти формы были действительные настоящие времена, потому что предлоги обозначали в них не окончание действия, а только его направление. Так что по виду формы эти означали действие несовершенное, как и формы беспредложные *дадутъ*, *имутъ*. Этимологический состав форм *даст*, *дадут* и в настоящее время не изменился, а между тем теперь никто знающий по-русски не употребит этих форм вместо длительных *дает*, *дают*. Если „некоторые глаголы (как

купить, *решить*, *кончить*) теперь причисляются к совершенному виду, но в старинном языке и даже иногда в новом, у писателей, употребляются в продолженном виде, и следовательно в настоящем времени, вместо ныне употребительного будущего", если другие глаголы (как *велеть*, *женить*, *казнить*) „употребляются и в продолженном, и в совершенном виде", так что *велю*, *женю*, *казню* могут быть и настоящим и будущим временем (ibid, 129), между тем как прежде были только настоящим, то это значит, что здесь современный язык пошел далее старинного в разграничении видов.

Обратного явления, т. е. возвращения к старинному безразличию видов, в народном языке быть не может. Буслаев говорит, что „некоторые глаголы, утратив продолженный вид, употребляются только в форме вида совершенного, но в значении продолженного, а потому форме будущего времени дают смысл настоящего; например, в церковнославянском: совершенный вид крьстити, откуда будущее крьщѫ, и продолженный вид крьщати, откуда настоящее крьщаю; но теперь *крещать*, *крещаю* вовсе вышло из употребления в общепринятом и книжном языке, совершенному же виду *крестить* дается значение продолженного, почему и *крещу* имеет смысл настоящего времени" (ibid., 128). Этим Буслаев допускает в языке возвращение от нового к старому, но совершенно ошибочно. Чешское *křtím*, польское *chrzczę*, сербское *крстим* есть только настоящее время глагола несовершенного. То же удерживается и в русском языке, для которого вовсе не обязательно то, что старославянский, прибавивши новую форму крьщати, придает форме крьстити значение совершенное. Правда, есть случаи, когда литературный язык пренебрегает длительными и многократными формами, употребительными в народных русских наречиях, и употребляет безразличную форму, им предшествующую по времени, во всех значениях; но и здесь видим не возвращение к забытой старине, а удержание ее.

Относительно употребления настоящего времени вместо будущего заметим: когда в старинном языке или в современных наречиях употребляется форма, которой мы придаем значение будущего времени, в смысле настоящего, когда, например, в Остромировом евангелии говорится *изгонишь* или в украинском *вигонить* в смысле „выгоняет", то это, как выше сказано, значит, что старинный или украинский язык вовсе не выражает в этом случае различия между видом совершенным и несовершенным. Такие явления исключительно свойственны славянскому (пожалуй, и литовскому, в котором тоже есть виды) и постоянно зависят от степени развития видовых различий действия. Но употребление будущего времени вместо настоящего может иметь место совершенно независимо от существования видов. Оно, например, обыкновенно в немецком, начиная с древнейших времен (с Ульфилы) и доныне: „ich komme bald, ich komme morgen (veniam)" (Grimm. Grammat., B. IV, стр. 176—177). Несомненно, что

случаи, соответствующие приведенным немецким, есть и в славянском. Ср.: „посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю" [= а я иду (= пойду), распоряжусь] (Лаврент. лет., 110); „азъ иду (= пойду) по нь; а ты, брате, посѣди" (ibid., 110); „поидевѣ на Гюрга, а любо съ нимъ миръ створимъ, али съ нимъ бьемся" (ibid., 137); „не ѣдемъ на коних, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодьи" (ibid., 24).

И при теперешнем развитии видов глагола, и при полном их отсутствии были бы возможны эти случаи. Ср. еще настоящее при частице *да*: „да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и *борюся* съ нимъ" (ibid., 31). Иногда частицу *да* можно подразумевать: „проклята земля в дѣлѣхъ твоихъ, и въ печали яси вся дни живота своего" (ibid., 38).

Здесь будущее сложное с *буду* было бы, кажется, невозможно; точно так и с частицею *ать* в летописи постоянно настоящее, но в современном языке при *пусть*, *нехай* — настоящее или будущее: „скажи, *пусть* я знаю, *пусть* я буду знать"; „скажи, сердце, правду, *нехай* же я буду знати" или „*нехай* я знаю".

Старинный язык имел более поводов ставить настоящее время вместо будущего, именно: когда предлог не придавал глаголу значения вида совершенного и когда, например, *опояшеть* отличалось от *поясть* не тем, что второе — настоящее время, а первое — будущее, а тем, что первому предлог придавал значение *опоясшет* вокруг, а во втором это вокруг не было обозначено; тогда нужно было или отказаться от выражения будущего времени как будущего, или прибегнуть к описательным формам. Последнее могло быть не всегда возможно, так как описательные формы могли иметь свой оттенок смысла, не согласный с намерением говорящего.

Отсюда, вероятно, происходит то, что старинный язык ставит беспредложное настоящее и в таких случаях, в которых мы бы употребили будущее время: "вдаимыся Печенѣгомъ, да кого *живять* (оставят в живых; предлог при *живять* был бы, кажется, неуместен), кого ли умертвять" (ibid., 55); "возму землю Лядьскую, и *мьщю* (= отомщу за) Русьскую землю" (ibid., 113); „любо соромъ сложю и земли своей *мьщю*, любо честь свою налѣзу, пакы ли, а голову свою сложю" (Ипат. лет., 42); „того на мнѣ не проси.., а ныне я того тебѣ не *творю*" (= не сътворю). Сюда же относятся примеры из Остромирова евангелия в "Грамматике" Буслаева, ч. II, стр. 127. Соответственно этому встречается беспредложный глагол и в других формах там, где мы для обозначения совершенного действия поставили бы глагол предложный: "Уже мнѣ мужа своего не *кресити*" (Лаврент. лет., 24); "а Игорева храбраго плъку не *крьсити*" („Слово о полку Иг."); „любо й казни, любо слѣпи, али дай намъ" (Лаврент. лет., 163). Есть, однако, случаи, когда и в древнейшее историческое время можно было обойтись без предлога и поставить будущее, а между тем ставилось настоящее: „ажь ми ся уже молить и каеться о своей

винѣ всей, то язъ его пріиму и ко кресту *вожю* (можно употребить настоящее же, но конкретное *веду*), и надѣлокъ ему *даю* (можно бы сказать *дамь* в смысле ли настоящего времени или будущего); да же въ томъ устоить, и отцемъ мя имѣти почнеть.. то язъ й сыномъ имѣю собѣ" (Ипат. лет., 146).

Стремление разграничивать глаголы конкретные от длительных и менее длительные от более длительных и многократных не одинаково сильно в разных славянских и даже в разных русских наречиях. Оно особенно сильно в чешском, в котором отсутствие глаголов с характером *-ыва-* (*-ива-* из *-ева-*) с лихвою вознаграждается богатством класса *-o-a-* и *-a-* производного (*i+a*, *i-va*, *iváva*, *ava*, *avava* и прочее). Из сравнения чешского с литературным русским видно, что почти во всех тех случаях, где русский язык придает одной и той же форме значение и конкретное и отвлеченное, чешский для конкретного значения оставляет прежнюю форму, равную русской литературной, а для отвлеченного образует новую, с более сложным характером. Таким образом, русский литературный язык стоит в этом отношении на гораздо более древней ступени развития, чем чешский. Другое важное отличие русского (как совокупности наречий) и чешского, что первый любит сложные глагольные характеры, преимущественно в глаголах предложных, так, например, в русском в большинстве глаголов на *-ыва-*, между тем как в чешском этой наклонности вовсе нет.

Не всегда, но часто формы, имеющие в литературном русском и в русских наречиях значение только многократное, в чешском означают отвлеченную длительность без оттенка многократности. Так как этот последний появляется позднее отвлеченной длительности, то здесь русский язык, в свою очередь, новее чешского. Вот ряд примеров из „Moravské Národní Písně": „Kole mne se otira, jinu do tańca bira" (ibid., 211; = каждый раз, как я приду, обыкновенно берет; польское в том же смысле — *bierze*); „Vystavím klášter mezi horama, Tam budu *bývat* bez milováňa (ibid., 229; = *не бывать*, а в длительном отвлеченном — жить, *пребывать*)"; „Jiné panenky půdou do kostela, A já přesmutná musím *bejvat* doma" (ibid., 438; = оставаться); „*Bývaj* mužu, *bývaj* dobrý, *Nechodivej* do hospody (ibid., 668; = будь, как отвлеченное)". *Bývávati* сравнительно с *bývati* обозначает, по-видимому, большую степень длительности, а в прошедшем большую степень давности. „Rozplejte mě, krásné družičky, které ste *bejvaly* moje tovaryšky, *Bejvávaly* jste, a už ne budete" (ibid., 438; в первом месте — *были* подругами — состояние длительное, но без перерывов; во втором — *были* когда-то; невесте это время кажется уже очень далеким); „Sem já *býval* mladenec hodný" (ibid., 501); „Што је она [маћија] њу [пасторку] горе (хуже) држала, то је она све здравља и лепша

бивала" (Караџић. Припов., 1853, 178; = становилась à la longue); „S pánem bohem tu bud' kamarádko vèrná, Co sme *bévávaly* jako ruka jedna. S pánem bohem bud'te svobodní mládenci. Co ste *bývávali* Moje tanečníci" (Mor. Nár. Písně, 456); „děkuju wám na stokrát že ste semnó dobře *bévávali*" (= *обходилась*.; ibid., 452); „dobře mi *bývalo* u tatíčka mého, už mne tak nebude" (ibid., 470). В той же песне: „už mi tak nebude, jak mi *bývávalo*" (как бывало прежде когда-то); „Ach můj tatiček *nèstava*, požehnani mi *nedava*" (ibid., 493; не встает, не дает); так и в польском: „nie wstaje, nie *daje*" [1].

Что здесь нет полного согласия с русским, видно из того, что та же форма употребляется и там, где в русском многократная: „kole tych vrat, kaj sme spolem *stavali*" (ibid., 605; = станвали); „Nerozfukuj vètře sena.. Dyž mně bude muž *bijávat* (бить), Abych měla na čém spávat" (ibid., 608; = спать); „Náš hospodář ješče doma *spí* (конкретное); budeli tak *spávat* (длительный отвлеченный с оттенком многократности, но в русском литературном не *сыпать*, а *спать* или *высыпаться*), až budem *žínávat* (= жить, в отвлеченном), Bude hospodářství zlý" (ibid., 613). Ср. сербское *не спавам ноћу* [не сплю (отвлеченное) по ночам]; „Дању носи зелена барјака, ноћу *спава* (обыкновенно спит по ночам), с бегом у душеку"; „Ona *nèjida* kaše" (ibid., 429; польское *nie jada*, русское *не ест*, т. е. не любит); „A já vám v Opavě košulky prat' budu.— Kde bys ich *právala* (украинское *де б ти їх прала*), dyž tam vody není" (ibid., 88); „Měla's *nesedávat* dvě leta na prahu" (ibid., 263; = было тебе не сидеть, но и не сиживать было); „Včil bych ho [sokola] šla hledat nevím kde *sedává*" (ibid., 466; украинское „де сідає" не совсем подходит, так как может иметь начинательное значение; русское литературное „где сидит" (т. е. обыкновенно); „Dobře je tí tudy.. při matičce *sedat*'" (ibid., 485; хорошо тебе сидеть — в отвлеченном смысле); „jak ja rano *stavam* (встаю), svym kravičkam *davam* (даю), kudželku *přadu*" (как и в русском, польском *пряду*, *przędę* — значение обыкновения; ibid., 541). Но в следующем особая форма для отвлеченного значения: „Co já dělávám (обыкновенно делаю) zdoviš sa; Já ráno *stávám*.. kúdělenku *přádávám*" (ibid., 540); „Pod'ty dívča suúžit k nám: Nebudeš nic děuávat (делать), Enom *pásat* (пасти) pávů" (ibid., 547); Šak vtáček nikdá ne sivá (никогда не сеет), a přece vesele *spívá*" (ibid., 608); *spívá*, как и польское *śpiewa*, украинское *співає*, русское *поет* — безразлично может обозначать и конкретную деятельность и отвлеченную, как выше. В следующем этой форме противопоставляется более сложная для обозначения большей давности действия: „Co to za ptáčka? Tak vesele *zpívá*, Jak zpívávala má dcera milá, dyž doma bývala" (ibid., 484); „Budú za mnú plakat maměnčiny krávy, že ne budú *mivat* (отвлеченное иметь — nie będą

---

[1] Юнгман замечает: „*daju* — slav, est praesens. Bohemi frequentativum *dávám* pro praesenti ponunt (т. е. вместо *даю*): hloupý bere, a moudrý dává".

miały) za rosenky trávy" (ibid., 481): „Kdo chce moje pole orat', Mosí pěkný kone *mivat*'" (без всякого оттенка многократности; ibid, 516). Для давно прошедшего: „Rád sem tě *miváva*l Dys byla panénkú, včil jsi mně milejši Dyž si mojú ženkú" (ibid., 451); „Už mi tak ne bude, jak mi *bývávalo*. Dyž mi modré kviti v zahradě *kvitalo*" (цвело, кwитło; ibid., 251); „Dycky jsem ti *říkávala*: nepí té gořalenky" (ibid., 655); „Sedum let *dochází*, Můj milé nejede" (ibid., 87; *проходит, приходит* к концу; в украинском было бы неловко употребить соответствующую форму: *доходить*); „Sluпečko *zachází*" (ibid., 560; заходит); „Dróžička už *přichází* (дружка приходит), věnec na hlavu sází" (сажает, кладет; ibid., 431); „Kdo se to *prochází* po Liboské hrázi?" (ibid., 251; польское *przechodzi się* или *przechadza się* — прохаживается); „Ty drahé semena nikdá ne *scházijú*" (ibid., 492; не всходят); „Do hospody *chodívá*" (ibid., 439; обыкновенно ходит); „[Muž] nedá k muzice *chodívat*" (ibid., 495; ходить); „Já k vám suúžit nepůjdu... Nemohua bych *chodívat* mezi pachouata" (ibid., 457). В той же песне и в том же значении: „Ne mohy (-hł) by k nám *chodit*. Tén švárný šohajek":„Pokud jsem bul mládenečkem *Chodíval* jsem pod perečkem" (ibid., 504). В том же значении и глаголы с более сложным характером: „Neráda stáváš, kravám nedáváš, Na travu ne *chodívás*.— Rano stávám, kravičkám dávám, na trávu *chódívávam*". Может быть, впрочем, в последнем стихе *chodívávám* вместо *chodívám* употреблено для большей силы речи, так что и здесь значение этих форм не одно и то же. Несомненно, что хотя формы с характером *-iva-, -iváva-* и не выражают многократности, но они отличаются от форм с характером *-i-: -a- (cházeti)* тем, что служат обозначением большей степени длительности и вместе и большей степени отвлеченности, чем эта последняя форма. По поводу песенного выражения: „nové líto *přichodie*", вместо современного *přichází*, Эрбен замечает, что песня — догуситских времен (Erben. Písně, 58). „Hospodaři vrtaváju ve svatek hnůj *vozívajú* (возят обыкновенно); Hospodyně vrtavajú ve meži svato *pekávajú*" (=пекут) (где?); „Ženichova niva *nikdá nerodívá* (не родит никогда; наречие служит указанием на общность значений глагола), když na ňu šohajek hnoja *nevozívá*" (Mor. Nár. Písně, 487); „Když.. železnic v Čechách ne bylo, více byvalo vidětı.. povozů ktereż vyrobky z kraje, do .. residenci *dovážely*, a odtud jiné zboži na-zpět *přivážely*" (Němcová); „Dyž sem u mamenky byla.. Těžko mně dělat *nedali* (=не давали). Po svadbách mně *vodívali*" (=водили; Mor. Nár. Písně, 501); „Milovali sme sa jako dvě holuběnky, *vodívali* sme sa spolu za ručenky" (ibid., 238); "Dyby si ty byua ubóhá sirota, *Nenosívajú* ubohé siroty" (ibid., 505). Что сама по себе эта форма *vauas* by věnečka ze zuata. Ale bys *nosiua* ze selenej rúty. Jako не многократная, видно, например, из следующего: „Vl'asy *nosíval* (не с перерывами, а обыкновенно, всегда носил) pžistřižene, jak se říká „*podle* rendlíku" (Němcová); „Měl's galánku... *jezdíval*'s k ní pořád" (Mor Nár. Písně, 531; постоянно); „Kůň .. co sem na nim

jezdívaval (=бывало ездил), sveho ščest'a *pohledaval*" (ibid., 271); „Chodí se sam *modlívávat* moje panenka" (ibid., 696); „Nebudu já *robit*, jako sem *robíval*" (ibid., 287; как бывало работал); „Chodíval's k nám ve dne, v noci, *Šidíval's* (szydziłeś, wyszydzałeś) mý černý voči" (ibid., 245); „Dyby mně tak bylo, jak mně *bývávalo*, Dyž mně to sluněčko jasně *svítívalo*" (ibid., 255); „Dyby mně tak *svítil*, jak mně *svítívaval*, Dyž pěkný měsíček naproti *býváva*l! *svítil* mně mesíček... Ale se zatemnil" (ibid.); „Už mi tak ne bude, jak mi *bývávalo*, Dyž mi dvoje, troje slunce *svítávalo*" (ibid., 470); „Ubozi sirotci *plakávali* u ní [u vody].. Kde sirotek *pláče* (конкретное), všáde se zem třase" (ibid., 493); „*Těšíval* mě synek, už mě netěši, Bude mě *těsívat* syneček inší" (ibid., 634); "Ach ovej, ovej, co mě hlava *boli*, Hlavěnka *pobolívá* (как в русском — *болит, побаливает*), Aj zavaž mně ju červeném šátečkem, At' mě už víc *nebolívá*" (ibid., 604; пусть не болит); „Co mě hlavěnka tuze bolí, Ej bolí, bolí, *pobolívá* že mně děvčinka vypovídá" (ibid., 229); „Kup peřiny ne budeš sa *bávat* (bać się — бояться) zimy" (ibid., 447); „Z tebe bude žena. A ze mně bude *visívávat* palášek dolů s koňa" (ibid., 601); „Dýs mně ho [miléhо] odvedla, jenom si ho mívej" (ibid., 249; постоянно, без перерыва); „Povoz jeho záležel z jednoho vozu... přivěmž vždy *mival* šest silnych hřebců pripřazeno" (Němcová); „Ach už tech ruk není .. Co mě *kolébávaly*, k srdci *přitiskávaly*. Dyž sem byl maličký" (Mor. Nár. Písně, 506); „V tej studenečce jalenek *pijaval* (бывало пил), Na teho jalenka myslivec *čihaval* (польское *czychał*)"; „Něčihej (конкретное), něčihej, myslivečku, na mne" (ibid., 523); „Ve svých bílých rukách srpa neměla. V létě srpa můj synečku, v zimě přaslice, Jenom sem se *dívávala* na bílý ruce" (ibid., 539); „Už ty mně chceš v ruckáh skonati.— Já *neskonávám*, jenom se lóčim" (ibid., 120); „Laštověnka... rano vstava, *švihotava*" (świegocze) (ibid., 197); „Dyž jsem já k vám chodívávau, vrata sem vám otvírávau, psiček na mňa *ščekávávau*" (szczekał) (ibid., 208); „Plačte oči.. Čeho jste navykly, toho *odvykajte*. A vy ste navykly so šohajem hrávat, A včil je vám těžko toho *odvykávat*" (ibid., 242); „Dybych ja byl malym ptačkem, *letaval* bych krajem lesem, letěl bych k svej milej" (ibid., 253).

Обычность выражается посредством большей длительности в болгарском: „Куме, *ядваишъ* ли пе́чено прасе́ да ти опечемъ" (Пам. и обр. нар. яз., 135); „Бръзы-атъ конь ся *стигнува*, а бря́за-та речь не може" (ibid., 129); „Волъ ся връзва за рога́та, а челякъ за язык-атъ" (ibid., 130); „Кой-то ся *надъва* на чу́ждѫ трапе́зѫ, той *остáва* гладенъ" (ibid., 135): „Кой-то сѣки день *промъня́ва* дрехти-тѣ си, той... ." (ibid., 135); „Ну́жда законъ *измъня́ва*" (ibid., 138); „Отъ кдно́ ухо *влáзя*, отъ дру́го излáзя" (ibid., 138).

По образовании видов было время, когда глаголы, как *читать*, означали по отношению к своим первообразным только большую степень длительности; но по мере исчезания этих перво-

образных к отмеченному значению производных прибавляют и конкретное значение первообразных.

Проследим этого рода замены по классам, не выходя за пределы славянского языка и восходя от последующих разрядов и образцов к предыдущим.

Глаголы VI, б) на *-ыва-*, как выше сказано, свойственны русскому, а не украинскому; по всей вероятности, не существовали в русском языке до его разделения, а в польском и сербском образовались самостоятельно.

Следы замененного ими класса VI, а) (*-ова-*) до сих пор сохраняются в самом русском: „Мы по середам, по пятницам платье *зóловали*. Платье *зóловали* мы, льны *прядовали*“ (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 134); „Первую заступь [в шахматы. — *А.П.*] *заступовали*“ (Киреевский, IV, 65);

Хлебные крошки *собировали*..
Тем его душу *пропитовали*,
Больные раны *зализовали*.
(„Калики“, I, 63).

В литературном языке под влиянием церковного доныне возможны архаические выражения: „ничто не *связýет* так народа“, вместо *свя́зывает*, но неопределенное наклонение *связóвать* уже неупотребительно и необходимо заменяется формами на *-ывать*.

В украинском значение глагола на *-ывать* выражается или отглагольными на *-овати*, *-ую* (о чем см. выше), или глаголами V, 4) (*-ати*). Последнее встречается в самом русском [(„не туця темнитсе, не солнышко *выкатáитсе*“ — вместо выкатывается) (Пам. и обр. нар. яз., 361); „Доставай мошну, *вытряхай* казну!“ (Даль, 583)], особенно часто в литературном сравнительно с народным (ср. Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 134—135), а в украинском частью необходимо, частью становится уже архаизмом, так что глагол на *-ати* может быть заменен глаголом на *-овати*. Украинские глаголы *поглядáти*, *оглядáтись*, *сповідáтися*, *підкрадáтися*, *вклáдатись* („ще спати не *вкладався*“), *похожáти*, *промовлáти*, *вихвалáти* („дощики *накрапáли*“ — Куліш, I, 23), (*од-*, *за-*, *при-*) *вертáти* и др. подобные (русское *-ывать*) нелегко заменяются глаголами на *-овати*. Русским выражениям, как „ходит он, похаживает“, постоянно соответствуют такие украинские, в коих второму глаголу соответствует глагол на *-ати*: „Гуляє козак Голóта, *погуля́є*“ (Куліш, I, 15). Где украинский глагол на *-ати* (= русскому *-ывать*) стоит один, там он в просторечии мог бы заменяться более новым на *-овати*: „Буде твоя мати мені *виговорáти*“ (Метлинский, 49); „Козак дівку *вговоряє*“ (ibid., 79); „По садочку *прохожáю*“ (ibid., 56; прохожуюсь); „Вона *прохожала* промеж козаками“ (ibid., 13); „Став козáк кóнівкою по мостý дóбре *погрімáти*“ (Куліш, I,

204); „к славі *не прислухáюсь* (не прислухуюсь), то й гадки не маю“ (Метлинский, 87); „сів щоб *прислухáтись*“ (Кв.-Осн., I, 127); „хліб святий приймаємо, а вас *послухáємо*“ (= вислухуєм; ibid., I, 53); „Ой устала мила, як не лежала, Усю челядоньку *порозбужала*“ (Метлинский, 242); „Жовтеньку кість *розношаю*“ (ibid., 284); “кубки стоять *понаповняні*“ (понаповнювані; ibid., 338); *заглядає* и *„заглядує* на токи“ (Кв.-Осн., II, 6); *викидати* и *„викидувати* ногами“ (ibid., I, 13); „влъкомъ *рыскаше* (рыскал) из Кыева *дорискаше* (дорыскивал) до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь *прерыскаше*“ (перерыскивал; „Слово о полку Иг.“); *„Вытягала* Настасья калену стрелу“ (Др. росс. стих., 99); „А и на дворе день вечеряется, красное солнышко *закатается*“ (ibid., 162).

Глагол VI, а) (*-ова-*). Из предыдущего видно, что в украинском употребление этих глаголов усиливается: из этого можно заключать, что было время, когда вовсе не было глаголов отглагольных на *-ова-* (русское *-ыва-*) и когда значение их выражалось исключительно глаголом на *-ати*, ср. „літа *минають*“ (Hattala. Srovnávací mluvnice, стр. 304). Заметим в украинском относительно новые формы: *не лінуючись* (не ленясь; Кв.-Осн., II, 117); *голодує* (голодает; ibid., 78); „піст держу, *постую*“ (= пощу; Куліш, II, 68); „Хай батенько *не скорбує*“ (= не скорбит; Метлинский, 57); „Оць бо любить сѣа и вьсе *показаеть* (= показоукть, показывает) кмоу, мже самъ творить“ (Остр. ев., Иоанна, 5, 19).

Значительное число чешских отглагольных на *-ова-* стоит на месте равнозначащих польских, русских, старославянских на *-а-*. Так, уже в отрывке евангелия от Иоанна X в.: *„ostavuju* svet“ (оставляю мир; польское *zostawiam*, реже *zostawuję*); в мистерии XIII—XIV в.: „Mastičkař; ježto (и-же) nas často utěšoval, a mnoho nemocných *uzdravoval*“ (утешал; польское *pocieszał*, *uzdrawiał*); в современном языке: „Ten svět *rozvažoval* (польское *rozważał*, *rozważać*), když milý pan Ježis do nebe *vstupoval*“ (вступал; по-польски *wstępował*) (Mor. Nár. Písně); *vylozovati* (польское *wyłudzać*) и мн. др. (См. глаголы на *-ova-*: Hattala, ibid., стр. 303—304.)

Глаголы с *-ова-*. *Стоваюm* („Тр. этнограф. отд.“, V, 2,150); „жезл им *даваетъ*“ (ibid., стр. 151).

Глаголы с *-ыва-*, *-ива-*. „А осенесь, государь, тотъ Власко въ подпискѣ (подделке документов) былъ же пойманъ, а сидѣлъ у недѣлщика у Игната, у Лазарева и ножемъ ся самъ рѣзалъ.. И Царь.. вспросилъ Власка: въ подпискѣ еси пойманъ бывалъ лы? И Власко сказалъ: былъ.. сидѣлъ.. ся рѣзалъ“ (Акты юридич., I, 125, 1547 г.); „За полъ села еси Граворонова.. денги *валъ* лы и кабалу.. *выдавывалъ* лы?.. та, государь, купчея на рядная (поддельная), и денегъ есми.. по кабалѣ *не имывалъ* и кабалы ему *не выдавывалъ*“ (ibid., 198).

имывалъ

Глаголы V, 4, а), б) (со сложным характером *-а-*) заменяют по значению свои первообразные. В Остромировом евангелии: „еже въ оухо слышасте *проповѣдите* на кровѣхъ“ (проповедайте, проповедуйте) (Матфея, 10, 27); „и бысть *недомыслящемъ* сѧ имъ о семь. и се мѫжа дъва стасте въ нихъ“ (недомыслящемъ сѧ) (Луки, 24,4); „се ли вы *блазнить*“ (соблазняет?) (Иоанна, 6,61); в Ипатьевской летописи: „И *выьздяче* изъ города бьяху ся крѣпко“ (20); „противу величью мышца твоя кто *равнитися*“ (103). Украинское „хто до тебе *приїздив*“ (= приезжал), „як *поззиздяться* було, то й говóрять“ (= поз'їжджаються) (Куліш, I, 165); „Я чужій чужині *клонюся* (= кланяюся). А своєї матусі не дождуся!“ (Метлинский, 136); „най ся тобі *не бажúть* печеного рака“ (нехай не бажається) (Номис, 103); „І за свою пазуху *не ручись*“ (ibid., 132); „за сон *не рачися*“ (ibid., 291); „солнце, его же *наричють* Дажь-богъ“ (Ипат. лет., 5); „*не куплúсь*, Добрыня, во Пучай-реки“ (Киреевский, II, 23); „шелом на буйной голове *замычется*“ (= замыкается) (ibid., IV, 91); „*куплится* нагим телом“ (Рыбников, III, 290); „*Плавле* утеня, плавле сірее“ (Метлинский, 149); „Де ж човен дівався, де *плавле* мій милий!“ (Гребенка, 19); „слізоньками *хлипле*“ (= хлыпает, похлыпывает); чарочками *брязчет* (брязкает); *викоплемо* (Головацкий, I, 92) (викопаємо); „В праву руку шаблю *хапле* (= хапає), А с той шаблі кровця *капле*“ (украинское *капає*, русское *каплет*) (ibid., I, 97); русское „на одну ногу *храмлет*“ (Даль, 524); „всяк *храмлет* на свою ногу“ (ibid., 690). Ср. старославянские: **исѣхати, исѣжѫ** и **владати, владѫ** и **владаѭ**; литературное русское *алчу* и *алкаю*, *рыскаю* и *рыщу*, *стражду* и *страдаю*. *Похожати — ходити*; сербское „Хода царе по гори зеленој; за бијелу неђељицу дана.. И цару ie же ђа додијала *ходајући* воде не пиiући“ (Петравић, Пјесме, 147); „Ев' имаде три године дана од кад правим ову задужбину, све нам Милош замеђују плаћа“ (= платит) (ibid., 174).

Виды *siądź*, *siadł*, *siedział*, *siadał*. „Nad nami dnie i noce przesiadywał, grywał tenże na klawikordzie“ (обыкновенно); „*Przyjmował* grzecznie (= принимал), odwiedzał (украинское *-ова-*) rzadko“ (Kraszewski); „Czy że niemógł sypiać, czy że mu cisza nocna do pracy była najmilsza, długo przeciągał czuwanie“ (Kraszewski); „Swiece przygotowywano mu na kominku“.

В литовском уже есть различие видов конкретно-длительного и более длительного, даже многократного (*verczìu*, *veřsti*, *vartaũ*, *-ýti*, *virtáuju*, *-aũti* = *laviren*), но нет однократного и нет того влияния предлогов на совершенность и несовершенность, какое в славянском. Очевидно, как однократный вид, так и это влияние — явления более поздние.

Замена предыдущего класса последующим (Pott, Etymologische Forschungen, B. II, 1, стр. 955).

Соответствует ли *-i-* в *žinóti* санскритскому *-а-* в *jānāti* (ibid., стр. 979)?

Глъбокъ Миклошич (Lexicon) сближает с санскритским *jṛmbh* — зиять, ссылаясь на Zeitschrift, B. VII, стр. 173, где сюда же относится греческий корень γλαφ-(γλάφω, γλύφω) со значением быть выжелобленным, углубленным. В словаре Бетлинга за корень принят *jṛmbh* (*jṛmbhatē*) со значением разевать рот, зевать, раскрываться (о зеве), распространяться (по связи широты пространства и свободы, довольства), чувствовать довольство.

У Вестергарда другая форма *jṛbh — jarbhatē*. Принявши за основное санскритское значение [ср. *jabhatē* и *jambhatē* — зевать; *жаба* (Miklosich, Lexicon), *жабры*, *гжба* и *зжбъ*], нужно предположить, что, если будет сюда γλύφω, значение выжелабливать значит собственно заставлять зевать.

Держась этих сближений, увидим, что носовой звук в корне есть ставший коренным звуком глагольный характер: ср. старославянские глъбокъ и длъбокъ, болгарское *длъбокъ*, сербское *дубок* [которые вряд ли можно отнести к корню *длъб-(сти)*, хотя, впрочем, и этот корень сближает с вышеупомянутым], жлѣбъ (основа ÷ *garbha*), *голбокъ*.

О значении характера специальных времен и в особенности *-н-* (Pott, ibid., стр. 655—666, и дальше стр. 667—669, 704 и след., 709).

Сѣсть (первоначально конкретное с настоящим без будущего значения). *Сѣдѣти — сидѣть* — более длительное (одна линия). *Сѣдать* (украинское, польское) — начинательное действие, которое может означать повторение этого мгновенного начала (*сідаю* теперь, но еще не *сел*; не *сел* и имею обыкновение сидеть; „разів зі п"ять *сідав*“), *сиживаю*, *sedávám* — многократность без начинательного оттенка, чему равно *садить*.

Отношение начинательных на *-ну-* к начинательным на *-ѣ-* нельзя ли сравнить (по крайней мере в первой теме) до некоторой степени с отношениями *сѣдать* к *sedávati*? Не имеет ли начинательность *-ѣ-* большего сродства с многократностью, чем начинательность *-н-*? Большая ль? Начинательность не приурочена только к характерам *-и-*, *-ѣ-*. Она может быть условлена самим значением и появляться в известных глаголах вместе с внешними признаками длительности: *сідати*, *лягати*, *ставати* = = садиться, ложиться, становиться. Здесь высшая сравнительно, но не крайняя степень длительности представляется повторением начала. Ср. непрерывную длительность в *сидіти*, *лежати*, *стоятн*. Много ли таких глаголов? [Ср. sich *setzen* (Moment), *sitzen* (längere Zeit hindurch). Pott, Etymologische Forschungen, B. II, 1, стр. 669].

Различие видов не может само по себе считаться признаком особенной силы мысли. Ср. Pott., ibid., и следующие виды у индийских „дикарей“.

В форме, как санскритское *laghu* при литовском *leñgvas*, *-н-* исчезло — ibid., стр. 682 и след.

Латинское II спряжение, с одной стороны, =славянскому *-ѣ-*, с другой — причинным *-u-* — ibid., стр. 706, примечание.

Усиление в X классе — из имен — ibid., стр. 927.

Корни на *-âu-* — не из корня на *-â-*, а наоборот — ibid., стр. 939 (ср. Бопп, относительно *pâu* и т. п.).

§ 5. До какой степени так называемый вид составляет особенность славянских языков

Согласно с вышеописанным мы будем различать в виде, с одной стороны, совершенность и несовершенность, с другой — степень длительности.

Привожу мнение Гильфердинга (Гильфердинг. Об отношении, стр. 108 и след.): „После своего обособления языки литовский и славянский имели эпоху грамматического творчества, в которую глагол их, взамен утраченных форм, создал новые, самостоятельные образования, употребляя, впрочем, на то почти всегда прежние характеристические звуки (всего более *-и* и *-aj*), имевшие первоначально совершенно другое значение. Но хотя это самобытное преобразование глагола имело у славян и литвы общую исходную точку в потере форм, выражавших оттенки времен и отношений действий, и хотя оно было исполнено у обоих народов одинаково, употреблением в новом смысле одних и тех же характеристических звуков, однако оно привело у них к последствиям совершенно различным[1]. Литовский язык не пошел далее той точки, на которой стоит санскритский и в эпоху доисторическую стояло, без сомнения, все племя индоевропейское. Его стремление не внесло в речь никакой новой стихии и поэтому было, в общей сложности, бесплодно, хотя создало для литовцев такие формы, которые утрачены прочими языками в Европе. Славяне же развили в глаголе сторону совершенно новую и не тронутую никаким другим народом; таким образом, одни между всеми отраслями индоевропейской семьи усовершенствовали внутренний состав языка, вынесенного из общей ее колыбели" (Гильфердинг. Об отношении, стр. 108—109). Как будто образование категорий совершенности и несовершенности и степеней длительности (предположивши, что эти категории исключительно свойственны славянским языкам) есть единственное средство грамматического усовершенствования языков! Вопрос об относительном достоинстве языков как оттенков мысли до такой степени сложен и требует стольких предварительных работ, что браться за его решение еще рано. Хвастливыми утверждениями ничего не сде-

[1] „Darum daß unter verschiedenen (Sprachen) jede, weil sie eine bestimmte Bahn verfolgt, alle andren ausschließt, können dennoch mehrere in einem allgemeinen Ziele zusammentreffen. Der Charakterunterschied der Sprachen braucht daher nicht notwendig in absoluten Vorzügen der einen vor der andren zu bestehen" (Humboldt, стр. 215).

лаешь, но можно и должно собирать материалы для решения высших вопросов языкознания частными сравнениями.

В приведенных словах у Гильфердинга заметим два утверждения:

1. В славянском и литовском глагол взамен утраченных форм, выражавших оттенки времен и отношения действий, создал новые образования. В славянском это были виды.

Под заменою можем понимать только два случая: или древнейшая форма (resp. звук), перерождаясь в другую, заменяется этой последней (например, *бы* заменяет *быхъ*, *быхмъ* и прочее), или известная форма, исчезая, оставляет пустое место, заполняемое другою формою, хотя иного происхождения, но сходною по значению; например, в древних славянских наречиях существуют рядом прошедшие простые и прошедшие сложные из причастия на *-л-* и вспомогательного глагола; первые со временем исчезают, функция вторых расширяется и вместе изменяется. Непременное условие замены — сходство (но не тождество) значений заменяющего и заменяемого и их непосредственное преемство во времени. После этого мы спрашиваем: что же именно переродилось в виды? Что же именно вытеснено ими?

Появлению совершенности и несовершенности непосредственно предшествовало такое состояние языка, когда предлог не сообщал ему значения совершенности и когда беспредложный глагол был совершенно безразличен по отношению к совершенности и несовершенности. Степеням действия предшествовало такое состояние, когда известный характер глагола выражал нечто другое, а не степень длительности. Этим сказано несколько больше того, что бытию видов предшествовало их небытие. Значения, называемые видом, заместили значения же предлогов и глагольных характеров. По-моему, нельзя говорить о замене, например, прошедшего совершенного (удвоенного) или наклонений, имеющих свой характер, независимый от глагольного (в принятом смысле), или особых форм глаголов желательных и интенсивных — видимо, потому, что между всем этим и видами нет той связи, которая бы позволяла говорить о замене, т. е. нет ни перерождения, ни исторического преемства и однородных значений. В другом месте подробнее сказано, что потеря простого будущего времени не имеет непосредственной связи с появлением совершенности; что прошедшие простые существовали в славянском языке совместно с видами; что хотя прошедшее простое длительное время глаголов первой степени и выражает то, что у нас — прошедшее сложное глагола более длительного, но нельзя говорить о замене прошедшего простого видом, потому что то, что называем видом, не есть одно какое-либо время, как прошедшее простое, а совокупность форм, составляющих спряжение глагола.

Вообще потеря каких бы ни было форм не может считаться причиною появления видов.

2. Гильфердинг находит между литовскими и славянскими глаголами очень большую разницу. Что выражают одни, того вовсе не выражают другие: литовские (сходно с санскритскими) глаголы выражают категории количества, славянские — категории качества, т. е. виды.

Я нисколько не отвергаю различия внутреннего строя языков даже более близких друг к другу, чем славянские и литовский, даже наречий одного языка; но знаю, что, чем сходнее языки, тем труднее определить их принципиальные различия. Одну из таких трудных задач Гильфердинг считал возможным разрешить с маху, но, как мне кажется, не разрешил. Между глаголами в литовском и санскритском я вижу только частные несходства.

Под категориею количества в глаголе Гильфердинг разумеет способность глагола выражать формально оттенки много, часто, немного. В языке вед и санскрите есть так называемые интенсивные глаголы, образуемые посредством особого удвоения корня <удвоения, отличного от того, посредством коего образуется в этом языке прошедшее удвоенное (perfect)> и удвоением этим символически обозначающие не только силу (resp. быстроту действия), но и многократность; например, intens — от корня *kar-* (делать) — *karikrati* (3-е лицо единственного числа) wiederholt machen; intens. — от *car-* (двигаться) — *carcarīti* (3-е лицо единственного числа действительного залога), *cañcūryate* (atm.) — schnell sich bewegen, sich herum treiben (Böhtlingk).

Заметим, что такие глаголы есть в остатках и в славянских языках. Для образования подобных глаголов литовский язык, по словам Гильфердинга, употребляет не удвоение, а „разные окончания, из коих всего замечательнее.. *-ê-ti*, *-ô-ti*“ (много или часто).

Предположим, что именно таких глаголов в славянском нет. Тогда все-таки, вспомнив, что в числе славянских видов есть, по общему мнению, многократные, мы принуждены будем найти сходство между „количеством“ в литовско-санскритском глаголе и „качеством“ в славянском. Но на самом деле в числе литовских интенсивных, уменьшительных и учащательных глаголов есть очень много таких, кои обязаны своим значением не глагольному характеру, а, несомненно, именному суффиксу, стоящему перед характером. В этом отношении литовский и латышский языки сходны со славянскими наречиями, в которых (было ли это известно Гильфердингу?) есть очень много глаголов увеличительных и уменьшительных, подобного строения и разных оттенков. Выходит, будто и славянские языки выражают „количество“, будто здесь нет коренного различия между славянскими и литовским. Считаю бесполезным трактовать о том, точно ли формальное значение, называемое видом глагола, есть „качество“ по преимуществу и нельзя ли большей или меньшей силы действия считать настолько же качеством, насколько большая или меньшая продолжительность, совершенность и несовершенность суть качества. Существенным кажется только вопрос: точно ли нет в литовском и латышском ничего соответствующего славянским видам?

Совершенности и несовершенности, несмотря на мнения Шлейхера и Биленштейна о том, что в литовском и латышском предлог может делать совершенным, действительно в этих языках не нахожу. См. там, где речь о будущем и настоящем времени и аористе.

Мнение, что литовско-латышские глаголы вовсе не выражают глагольными характерами оттенков длительности, есть личное мнение и Биленштейна. Литовские и латышские verba durativa (по Шлейхеру и Биленштейну), которые с точки зрения славянского точнее было бы назвать более длительными, так как и их первообразные выражают тоже длительность, а не мгновенность и однократность, по значению и образованию весьма близко подходят к славянским более длительным, как можно видеть из следующих примеров.

Литовские глаголы в настоящем на *-au*, прошедшем *-j-au*, неопределенном *-y-ti* (Schleicher. Grammat. Lesebuch, § 67, класс VI, 2; Bielenstein, § 276, класс XI) *genù (ginù)* — *giñti* (по происхождению =*жену*, *гнать*) — *стеречь*, *беречь*, *боронить* (отказывать), *защищать*; более длительное *gan-aũ*, *-iaũ*, *-ýti*, то же и в особенности *пасти* (гонять) скот. Латышское *ganīt* — *пасти* (скот) при *dzīt* — *гнать* [1].

В выражении „ką̃ gini, tai *ganýk*“, которое Нессельман переводит „что бережешь [стерегешь], стереги хорошо“, *ganýk* (повелительная форма *ganýti*) можно бы рассматривать как intensivum от *ginti*, но и преемственность в этом случае рождается из значения большей длительности.

Grǫžaũ, *-ýti* — крутить, ворочать (Шлейхер, frequentativa к *grę̃žiu*, *grę̃žti* — крутить, вить, например веревку), rankas *grǫžyti* — ломать руки.

Jódau, *-džau*, *-dyti* — durativa, frequentativa к *jóti* — dauernd reiten, hin und her reiten.

Kraipaũ, *-ýti* — крутить, ворочать (durativa к *kreipiù*, *-pti* то же), (nėndrė) „mažù, pabúgusi, vėju, bė paliovõs ir šeñ ir teñ svyrinėdamas *kraipės*“ (Donelaitis, Pas. VI, 9) [=трость, испугавшись небольшого ветру, беспрестанно колеблясь сюда и туда, ворочалась (крутилась)].

Laižaũ, *-ýti* — облизываться (Schleicher, durativ к *liežiù*, *liẽžti* — лизать): „*laižos* vis ir gùrkščodams į kařčemą žiūri“ (Donelaitis, III, 686) [=облизывался и, глотая слюну, смотрел в (на) корчму (вспоминая о водке)].

---

[1] В латышском при *dzīt* и *ganīt* еще так называемые frequentativa: *gainãt* (*ã* = *ъ*) — abwehren, durch Fenster in der Luft von sich abtreiben; *dzenãt* — hin und her treiben.

Mirkaũ, -ýti — намачивать, более длительное к *merkiù, mérkti* — мочить (например, коноплю).

Šáudau, -yti — застреливать (более длительное и многократное к *šáuju, šáuti* — совать в печь), стрелять: „kàs jùms rũp.. kàd.. àš.. várnų beñ porẽlę sáu pietùms *nusišáuju*“ (ibid., IV, стр. 342) [=что вам за дело, что я застрелю (в литературном — настоящее время) себе на обед хоть парочку ворон]; ..kàd àš.. várnų... (ibid., IV, 355) [=что я каждый год *застреливал* себе изжарить (нажарить) несколько ворон].

Tąsaũ, -ýti — тягать, таскать (более длительное, по Шлейхеру, durativa к *tę́siù, tę́sti* — тянуть): „girti, kìts kitą priẽ galvõs nusitvérę — nei razbáinenkai añt âslos vémdami *tą̃sos*“ (ibid., III, 804) [=пьяные, взявшись за чубы (за головы), как разбойники, блюя, таскают друг друга по полу].

Metù, mečiaũ, mèsti — werfen; *mẽtau, -čiau, -tyti* — oft werfen, hin und her werfen; *mẽčioju, -čioti* и *metinẽju, ẽti*, по Нессельману, значит то же. В латышском при исходном *mest, mẽtât* — hin und her werfen.

Литовские глаголы отглагольные на *-o-ju, -o-jau, -o-ti* (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 68, класс VII). Латышские *-āj-u, -ā-t* (Bielenstein, § 265).

Литовское *bẽgióju, -óti* — бежать (более длительный к *bẽgu* (*bẽgmi*), *bẽgau, bẽgti* — бежать): „pradẽjo añt manę̃s baisingai kẽikt ir rẽkaut vis šeñ ir teñ *bẽgiódama*, o kaip ji į bùtą išbẽga, tai aš“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, стр. 247) [=и начала меня страшно проклинать (ругать) и кричать, все бегая сюда и туда, а как только она выбежала (в литовском стоит настоящее время от предложного конкретно-длительного, чего мы конкретно длительными глаголами передать не можем) на двор, то я..].

Литовск. *blizgóju, -óti* относится к *blizgù, -ẽiau, -ẽti*, как *блистать* (украинск. *блищати*) к *блестеть*, хотя разница между этими глаголами у Нессельмана, как и в других случаях, не отмечена.

Жмудск. *buvóti* — бывать от *bāvù, bāti* — быть. При неопр. накл. *bredù, bridaũ, bristi* — брести — стоит несколько форм более длительных: *bredzióju, -dzióti, -oti, bráidzioju, -džioti, braidaũ, -dýti, bradaũ, bradýti*, — не различаемые Нессельманом по значению и, быть может, на самом деле тождественные в этом отношении, т. е. все со знач. более длительным, но свойственным разговорам.

Бродить в латышском *bradāt* — hin und her werfen, — при *brist*.

Guinióju, -ióti (Нессельман — *guinoju, -oti*) [=гонять — длительное при *guinù* (*guju*), *gùiti* — гнать]: Kāspars.. kaip gaidỹs vìštàs *guiniódams*, gañdina žmónes (Donelaitis, II, 195) [=как петух, гоняющий кур, пугает людей].

Lekioti, -ióju (Nesselman), *lakióti, -jóju* — летать при *lekiu, lẽkti* — лететь): „teñ *lakiója* kulkùžės“ (Schleicher. Grammat. Lesebuch, 40) [=и там (на войне) летают пули]; „viens kaip koks baisùs erẽlis svẽte *lakiója*, o kitsai, kaip žvirblis koks, po stógu gyvẽna“ (Donelaitis, VI, 42) [=один, как некий страшный орел, летает по свету, а другой, как какой-нибудь воробей, живет под крышей]. В латышском более длительное *lẽkāt* — прыгать, при *lekt*.

Nešióti — носить, например платье, обувь (Donelaitis, II, 33; III, 777; IV, 191; Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 38—39); откуда *nesiójimas* — платье, как носимое (ibid., стр. 39); „dẽkui tẽveliui ùž baltą duonọ. Ir senai močiutei ùž nešiójimą“: более длительное, при *nesù, nèsti*, латышское *nẽsāt* (hin und her tragen), при *nest*.

Páinioti — опутывать, оплетать: „dingojom vìs, kàd tikt Šveisteris, irgi Prancūras žmones sù svetimais sàvo mókslais móka supáiniot“ (Donelaitis, III, 878) [=нам все казалось, что только швейцарец и француз могут опутывать людей чужими (иноземными) своими учениями], при *pinù, pinti* — вить, плести.

Ráičiotis — кататься, валяться: „tuojaũs visi, kaip kùdlas kóks susivẽlęs, *ráičiojos* añt âslos“ (ibid. 741) [=тотчас все, как свалявшийся клок шерсти, стали кататься по полу (о свалке)]; более длительное к *ritù, risti* — катить.

Vadžióti — водить: „aklas aklọ *vadžioj*“ =слепой водит слепого; „*vadžióju* jo seserį“ [=вожу его сестру (т. е. женат на его сестре: жена — водимая)]; более длительное при *vedù, vèsti* — вести.

Válkiotis — волочиться в значении „таскаться, шляться“: „*válkiotis* põ svietą“ (=по свету волочиться); „aš pabẽgau ir *valkiojaus* apie pusantrą metą aplinkui“ (Schleicher. Grammat. Lesebuch) [=я убежал и шлялся около полутора года вокруг (повсюду)]; и более длительно при *velkù, vilkti* — волочь, тянуть, на-(о-)девать (без значения большой длительности). Латышское *valkāt* — носить платье при *vilkt*.

Vajóti — гоняться, более длительное, при *vejù, výti* — гонять (ср. сербское *вијати — ћерати*). Латышское *vajāt* — преследовать.

Tekiótis — sich belaufen (об овцах и козах), польское *ciekać się* (о течке у собак и волков) — более длительное, при *tekù, tekẽti* — бежать, течь; „už výro“ — собственно „бежать за мужа“ (за мужем), выходить — выйти замуж; латышское *tekāt* — hin und her laufen, при *tecēt*.

Латышское *vazāt* — schleppen — возить, при *vest*. Литовское *važióti* — ехать на возу изменило значение сравнительно с *vẽžti* — везти и потому не имеет явственно более длительного значения.

Sakióti — идти по следам, сочить; *sekióti* — следовать кому, подражать; оба длительные к *sekù, sèkti* — следовать за, латинское *sequi* и многие другие, как латышское *dāvāt* — давать, при *dot* — дать (без значения совершенности). Латышское *rāpāt* — ползать, при *rāpt* — ползти (*repere*); *atraugoties* — отрыгаться — из *atraugties*.

Глаголы литовские *-au-ju; -av-au, -au-ti* (отглагольные — Schleicher. Grammat. Lesebuch, § 70, 1, класс IX).

Dûsauti — вздыхать, более длительное к *dustù, dûsti, dusẽti* — тяжело дышать: „kasdiẽn išsirẽdęs, alė *dûsaudams* ir vis sirgdams nùtveria šáukształ“ (Donelaitis, II, 18) [=каждый день наряди́вшись (нарядный), но, вздыхая и все болея (печальный и больной), берется за ложку]. Отношение *dûsauti* к *dusẽti* то же.

Rẽkauti — кричать, более длительное к *rèkiù, rẽkti* (ibid.): „čia viens, *rẽkaudams* durnaĩ, sù pódagra piáujas, o kits teñ, kitaĩp dûsaudams, dáktaro šaũkia“ (ibid., II, 34) [=один, вскрикивая (крича), как сумасше́дший, режется (грызется) с подагрой, а другой в ином месте, иначе (по-другому) вздыхая, зовет доктора].

Šãkauti — кричать, многократное (более длительное) к *saũkti* — кричать, звать.

Klýkauti (кричать) более длительное, при *klykiù, klỹkti* — (кричать: о детях) — jauchzen.

В латышском ср. глаголы на *-uoj-u, -uo-t* (Bielenstein, стр. 267 и след.), например *svilpuot* — свистать, при *svelpt, vãlat* — валять, катать, при *velt*.

Из этих и им подобных примеров я заключаю, что литовский и санскритский языки, подобно славянским, пользуются характером отглагольных глаголов для выражения большей длительности действия, которая не всегда, как и в славянском, может быть строго отделена от многократности. Происхождение мнения Гильфердинга, что литовские глаголы, подобные приведенным, выражают количество, нечто совершенно отличное от предполагаемой качественности славянского глагола, может быть отчасти объяснено неточною передачею формального значения литовского глагола в словарях, например у Нессельмана, и неточным пониманием самого немецкого перевода. Гильфердинг считает, например, литовское *tráukau, -yti* за количественность глагола при *tráukiu, tráukti*, потому что первый у Нессельмана переведен: oft, viel ziehen, а второй — просто ziehen. Но viel ziehen поясне́но через umherziehen oder zausen — таскать, например, за волосы.

Применяя к литовскому терминологию Павского, мы в *tráukti* видим глагол однообразный, а *tráukyti* — разнообразный, неопределенный, а поправляя эту терминологию, основанную на ошибочном мнении, что глагольные характеры в славянском могут выражать пространственные отношения как таковые, мы иначе не назовем упомянутых глаголов, как конкретно-длительными и более длительными.

В других случаях и немецкий перевод не дает основания видеть в подобных литовских глаголах интенсивность, в *raĩsaũ, -ýti, ráišioju, -oti, —binden, fesseln* — при *rìsti — binden*.

Отрицать сходство между конкретностью и большею длительностью глагола в славянском и литовском на том основании, что литовско-латышские языки имеют большее количество глаголов причинных (facultativa, causativa), чем славянские, и что в литовских есть глаголы учащательные, уменьшительные, — столько же имело бы смысл тогда, если было бы доказано, что категории

причинности, учащательности, уменьшительности и увеличительности несовместимы с категориями двух степеней длительности.

В русском невозможно смешивать оттенка, сообщаемого глаголу *глотыхать, громыхать* характером $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$, с оттенком грубости, силы (с точки зрения объективной) и презрительности в *глоты́х* (с точки зрения личной), зависящим от суффикса *-ых*: этот последний оттенок остается неизменяемым при изменении характера и видового значения глагола: *громыхать, громыхнуть, погромыхивать*. Столь же необходимо в литовском и латышском разделять значение, зависящее от глагольного характера, с одной стороны, и от суффиксов *-st-, -u-, -ter-, -ur-, -ul-* и прочее, стоящих перед характером, — с другой стороны.

Так, например, *kil-n-óti*, по Шлейхеру, значит oft und wenig heben, hin und her heben: „Dabaĩ juõdu čmė ávilius *kilnót*, jeĩb sunkiáusį trõpytu“ (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 159) [=теперь они (два вора, по ночи крадущие ульи) стали поднимать (понемногу приподымать от земли) ульи, чтобы найти самый тяжелый]. Здесь мы отделяем бо́льшую длительность сравнительно с *kélti* — heben [за ненимением соответствующего беспредложного глагола, по-русски переводят неточно — поднимать (более длительное), поднять — конкретный совершенный] и уменьшительность, которую можем приписать только суффиксу *-n-*, хотя и не понимаем происхождения в нем уменьшительности. Таким образом, *kil-n-óti* соответствует по характеру и степени длительности, а также по значению суффикса санскритскому *na -n-ā-ti*. Ср. *truk-nóti* — слегка потягивать, вздрагивать, при *tráukti* — тащить; *lynóti* — моросить, при *lýti* — идти (о дожде).

Так, латышские глаголы уменьшительные на *-el, -ẽt, -ulẽt, -erẽt, -urẽt;* литовские уменьшительные на *-in-ėti*, переходящие на значение многократности, значением своим обязаны, с одной стороны, именному суффиксу, с другой — глагольному характеру. Литовский на *-inėti* мы бы сравнивали со славянским многократным только тогда, если бы, например, было доказано, что *-in-* не есть самостоятельный суффикс, а произошел от глагольного характера *-i-* с эвфоническою гласною, как *-ав-ати, -ьв-ати* в славянских.

Между славянским и латышско-литовскими языками, без сомнения, есть большая разница по отношению к видам. Было бы удивительно, если бы ее не было здесь, тогда как она заметна и между отдельными славянскими наречиями. Прежде всего, в литовском и латышском, как выше упомянуто, нет глаголов совершенных, из чего одного уже видно, что в них не может быть глаголов однократных, соответствующих славянским. Правда, славянскими однократными приходится иногда переводить литовские, как *-ter-iu, -ter-ė-jau, -ter-ė-ti* и *-ter-iu, -ter-iau, -ter-ti:* „eĩk namõ, ik Krizas táu ateĩti pašúkters“ (Donelaitis Prič.

Pas., 83) [= ступай домой, пока Кризас не кликнет (сербское *зовне*) тебе прийти].

Drỹkteriu, -ėjau, -ėti, längs—gleichsam sich rückend springen: „voverė nuo vieno medžio ant kito *drỹkterėjo*“ [= белка прыгнула с одного дерева на другое], при *driekiù, -kiúos, -kiaũs, -ktis*—sich recken, sich lang ziehen etc.

Kýšteriu, -terėjau, -eti и *-terti*, при *kisù, kìsti*—совать: „Kàd kunigaĩ vaikùs į šiùilę rãgina siųsti, ir kàd šùlmistrams reĩk kókį pinigą *kýstert*, àk kokių visùr glupų nurnėjimų rañdas“ (Donelaitis, III, 817) [= когда священники понуждают отдавать детей в школу и когда приходится сунуть учителям какой-нибудь грош, ах, сколько повсюду слышно глупого ворчанья].

При этом литовские глаголы с суффиксом *-ter-* ближе всех других по значению к глагольным частицам, выражающим мгновенность действия (*čùpt* и т. п.), подобно тому как однократные—к таким же частицам в славянских. Но соответствие русским однократным только мнимо. Такие глаголы с суффиксом *-ter-* могут быть переводимы однократными во всех формах, кроме настоящего времени, в котором так не могут переводиться, а в настоящем, если желательно сохранить время литовского глагола в русском, непременно переводятся глаголами длительными: „Tókius àš duvùs kaip séns žmogùs pamatýdams iřgi dũsaudams iš širdiẽs tuo šũkteriu graúdžej“ (Donelaitis, II, 68) [= Я, как старый человек, видя такие дива и вздыхая из глубины души, восклицаю печально]; „Štai girgžteria dùrys ir (N.N.) pasiródė“ (Donelaitis, II, 136) [= —вот стучит [1] дверь, и (N.N.) явился]; „į baẑnýčią vos, išgiřst ką̃, kýšteria gálvas, o paskui tuo žáist ir šókt į kářčiamą bẽga“ (Donelaitis, III, 797) [= в церковь едва всовывают (вернее было бы *всунут*, но в подлиннике настоящее время) головы, чтобы услышать что-нибудь, и затем сейчас бегут играть и плясать в корчму].

Несходство и сходство с однократным зависит от того, что литовские на *-ter-* выражают не единичность момента, а дробность моментов или момента, часто, но не всегда уменьшительность действия. Так, например, вряд ли можно найти уменьшительность значения в следующем: „jis ẽmęs tą peřlį, jaią krūtinę krokšterėjo teĩp, kàd tuojaũs srovė kraujų ištekėjo“ (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 192) [= так хватил в грудь (кольнул ей в грудь)]. По характерам *-terėju, -ėjau, -ėti* и *-teriu, -iau, -ti* рассматриваемые глаголы принадлежат к конкретно-длительным.

Čiópiu, -piau, -pti—nach etwas tasten, greifen.

Čiópyju—то же. *Čiopóju* и *čiupóju, -óti*—benutzen, antasten. *Čiupinėju*—berühren, betasten—Auch für unkeusche Körperbetastungen gebraucht.

Что могут обозначать формы *-yti, -oti*, как не длительность?

[1] Вернее было бы: *скрипнула.—Примеч. И. Бальчикониса.*

Для интенсивного *čiùpteriu* (etwas angreifen, zutasten) это—щупать. Вряд ли заимствование одного существительного *apýčiupa*, в творительном и местном падеже, например *apýčiupa, apýčiupoj*, например *apýčiupoj dirbti*—ощупью (в потемках) работать.

Случаи, когда литовский язык не различает конкретности и большей длительности: *vaĩkas eĩt į pamókslą* может означать, как и в немецком,—*der Knabe geht zum Unterricht* [= мальчик идет (теперь) в ученье, и мальчик ходит (постоянно, обыкновенно, в течение значительного времени) в ученье] (Kurschat, § 1352).

Конкретный и более длительный—*vedù*—*vadžióju* = *вожаю*, с тою разницею, что и последнее явственно от *води*, а при первом причинное *vèsdinu, vejù, véijaũ, výti*—гнать—*vajóju, -ójau, -óti*—jagen, herum jagen, nachjagen; сербское *вијáти, вијам*.

Velkù, vilkaũ, vilkti—волочь; *vilkiù, vilkėjau, -kėti*—одеваться, быть одетым; *válkioju, -óti*—волочить (сходственное значение см. в словаре).

Vežù—*važiúoju*.

Vitóju, vitavóju; tekù, tekėti;—*tekiúotis*.

Teskiù, tẽkšti, taškaũ, -ýti.

Tráukiu, -kti (тянуть);—*tráukau, -kyti; tveriù, tvérti (fassen)*.

Tvárstau, -yti.

Kibù, -ėjau, -ėti; kìbinti; kỹburiu, kỹburiuoju, klydau, klydėju, -ėti = *irren*, irrsam seen; kláidžioju; *guluì, gulti*—ложиться спать; *gulėti*—лежать.

Cristù, grįžti = возвращаться.

Púčiu—*pūsti; pustaũ, pustýti*.

Plėšiu, plėšti; plėšau, -szyti.

Béldžiu, béldeti; báldau, -yti; baldóju, -óti.

Lieju, lieti (лить); *„upė miestą aplieja“*—река обливает, обтекает город; *láistau, -styti*—oft begiessen; *láisterėti*—ein wenig (лѣзъ); *lándžioju* и *lindoju*.

Предлог не имеет влияния на совершенность или несовершенность, следовательно, *limpù*—*prilimpù*.

„As pabėgau ir válkiojausi“ (волочився вокруги—по всім усюдам)—„apiẽ pusántrą métą aplinkui“ (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 158).

Gulti—лечь (Nesselmann. Lieder, 49); *gulėti*—лежать.

Keliù, kẽliau, kélti—поднять (совершенный) и поднимать. Anksti rýtą *kẽliau*—я встал, поднялся. См., однако, *pakélti* и *pakylėti*.

Veriu *duris* pravẽriau—я отворил—*duris; várstyti, -stau*—отворять и затворять часто (рыпаться).

Eimi (= einù), *ejaũ, eĩti*—идти.

„ėjaũ vandenėlis“ (песня)—я пошла (совершенный) по воду.

Stóti, pastóti, stovėti, neilgai *stovėjau*—стояла.

Причинные: *vemiù, vẽmiau, vẽmti* (vomere), *pravimdau, -dinu, -dyti*—довести кого до рвоты.

Vérdu, viriaũ, virti—trans. kochen.
Virdinu—sieden lassen—варить что.
Verčiù, vẽrsti—вернуть, воротить.
Vartaũ, -ýti—ворочать, *virtáuju, veriù, vérti, várstau, -yti.*
Témsta—смеркает, *témdyti, támsinti.*
Táršku, tarškiù, tarskėti, tárškinti (треск).
Tekėti (течь), *tėkinti* (точить, острить), *itekėdinti; tilpti; talpìnti.*
Tylõm—молча; *tilstu, tildau.*
Tardau—без явственного причинного значения.
Tirpstù, tirpaũ, -pti; tirpinù, -inti (таять).
Trũkstu, trũkti (рваться).
Trunkù, trùkti (медлить), *trúnkina.*
Tvinstu, tvìnti—anschwellen (vom Wasser). *Tvindau, -yti*—anschwellen machen; jemanden mit Bier besaufen.
Darýti, darýdinti, dìrbdinti.
Dýgstu, dýgti, daigìnti.
Kavódinti (*kavóti*—ховать).
Kibù—sich regen, *kìbinu*—*kìbinti*—дразнить.
Gérti—*gìrdynti.*
Gesaũ, gesýti—гасить; *gęstù, gèsti*—гаснуть.
Gyjù, gýti—заживать; *gůdau, gýdžiau, gýdyti*—заживлять.
Guĩti, guldýti.
Lýdau, -dyti—топить, делать жидким.
№. Глаголы на *tu*—средние: *verčiù*—transitivum; *verčiuos*—возвратный; *virstù* (конкретно-длительный)—umfallen, sich ändern.

Spiáuju, spiáuti, spiáudyti (часто плевать) (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 160; Donelaitis, III, 493, I, 124); *barstýti* (Donelaitis, III, 356, 686); *tąsýtis* (ibid., III, 805); *krapstýti* (ibid., IV, 291); *skirstyti* (ibid., IV, 566).
Глаголы конкретные, и при них frequentativa с характером *-a-* в латышском.
Vest (*ved-*)—führen, fahren: *vadãt*—frequentativa—hin und her führen (*wezt?*—*wazat*—hin und her schleppen).
Celt—heben, *cilãt*—oft heben.
Brist (brid-t) waten, *bradãt*—hin und her waten.
List (*lẽd-t*, perfect *lẽdu*)—kriechen; *luodãt* (вместо *land-ati*)—hin und her kriechen. *Sprãgt*—platzen, brechen; *sprẽg-ãt*—platzen, prasseln.
Литовский *kvepiù, kveti* (редко *kvepėti*)—дышать, пахнуть (без оттенка начинательности, для которого *kvimpù, kvìpti*), *kwẽpuoju*—hauchen, aufhauchen, keuchen, schwer atmen.
„Jis jai dõvė į kãtilą vandeñs nẽšt" (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 122) (наносить, носить).
Санскритское от *kar*—делать 3-е лицо множественного числа *karikárati*—wiederholt machen или =*car*—двигаться, *carcarìti*—schnell sich bewegen, wiederholt sich bewegen.

Латышское frequentativa с характером *-ẽ-*: *vẽrst*—werfen: *vẽrtìt*—frequentativa, *vãrtìt*—hin und her werfen.
Более длительные—на *-avju, -avau, -auti.*
У Нессельмана глаголы с различным характером весьма часто не различаются по значению по немецким переводам (что, конечно, объясняется трудностью передачи чуждых немецкому языку оттенков), но примерами, что было возможно.
Dãstù, dũsti—schwer atmen, keuchen; *dãsiù (dãsẽju), -ẽti* и *dãsáuju, -óti*—id.; *dusáuti*—seufzen in Leiden und Trübsal.
Кажется, *dãsi* и *dãsẽti*—конкретно-длительные, *dãsóti, dãsauti*—более длительные. Ср., с одной стороны, *дышать* и украинское *дúхати*, с другой—*вздыхать.*
„Kasdiẽn išsirẽdęs, alė *dãsaudams* ir vis sirgdams nùtveria šáukštą" (Donelaitis, II, 18—19) [=вздыхая и болея=печальный и хворый]. *Rėkiù, rẽkiaũ, rẽkti*—кричать (конкретно-длительный), *šaukiù, -kiaũ, -kti* (ibid., II, 456)—кричать, звать; „Láima *šaũkė*, Láima veřkė" (rẽve)=rief, schrie (песня) (Schleicher. Grammat. Lesebuch, 8).
„Čià víens, rẽkaudams, durnaĩ [крича (более длительное) как сумасшедший], sù pódagra piáujas [грызется с подагрою], o kits teñ [=в другом месте], kitaíp dúsaudams [=иначе, на другой способ вздыхая], dãktaro šaũkia" [=зовет] (Donelaitis, II, 34—35). *Klỹkti, klykiù*—ängstlich, schreien, kreischen (von Kindern), stark schreien, jauchzen.—*Klýkauju, klýkauti*—unbändig schreien, jauchzen.
Более длительное *-au, -yti: rẽžau, rẽžyti* (durativ.), *rẽžti.*
Отсутствие совершенности и несовершенности: „añs výrs tą freĩlenę atrišo o namõ važiãvo" (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 119—повез[1]); „jis prãšė tẽvo kàd jám dúotų árt" (ibid., 121) (стал просить, попросил); „katrà eis (пойдет) žarnų išplát (pláut)?" (ibid., 121); „trõpyjosi jám į vieną kařčema jeĩt, stiklą pývo gért" (выпить) (ibid., 129).
Dúok mą nèst (ibid., 130—понести); *vẽdė* (ibid., 133)—взял за себя, женился, „повел"; „išpažino, kàd taĩ jo vaikaĩ" [=узнал, что это его дети]; "ir važiãvo (поехал) sãvo pačiõs ieškót" (ibid., 134). Во многих случаях *ẽjo*—пошел, пошла, пошли.
Bẽgo—побежал (ibid., 181); *skeñdo*—утонул (ibid., 34); *bẽgo*—побежала (Donelaitis, II, 105); *šóko*—прыгнул (ibid., 109).
[а) Явления света, звука, запаха, как *шуметь, кричать, смердеть.* Сюда же—глаголы, означающие „не издавать звука": *молчать* (ср. сербское *шутијети*, шутим); украинские *шкварчати, ячати, скаучати.*
б) Деятельность восприятия этих явлений: *видеть, глядеть, зреть, смотреть.*
в) Другие психологические состояния: *хотеть, бдеть, болеть, свербеть, велеть, щемить, терпеть, скорбеть, бояться.*

[1] Вернее было бы: *ехал.*—*Примеч. И. Бальчикониса*

г) Механические явления движения пребывания на месте: *лететь, бежать, мчать, дрожать, держать, вертеть, висеть, сидеть, стоять, лежать, торчать;* украинское *строміти* (см. Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 25); *свербеть.*

С производным *-m-*: *пыхтеть*, украинское *тремтіть, скакучать*, чешское *chraptěti*]¹.

Verba resultativa в литовском. Термин этот не встречается у Шлейхера и впервые введен Куршатом, который говорит приблизительно следующее (Grammat. d. lit. Spr.; стр. 131, § 463).

В литовском различаются действия, изображаемые независимо от достигаемой ими цели и должны представляться достигающими цели, например *gýdė*, = heilte, kurierte в смысле „beschäftigte sich mit Krankenheilungen"— занимался лечением больных, причем действительное излечение могло и не достигаться, и *išgýdė*= „heilte die Kranken", т. е. „machte sie wirklich gesund"— действительно исцелял их. В немецком, кроме сравнительно редких случаев (например, „ich habe ihn gesucht" — я его искал; „ich habe ihn aufgesucht"— я его отыскал), эти оттенки не различаются,— что, видно, с точки чистоты литовского языка, повлияло, между прочим, на литовский перевод Библии. В литовском в первом случае ставятся „большею частью" глаголы простые, во втором —„по правилу" сложные (предложные), которые всегда имеют результативное значение („zur Bezeichnung einer Handlung als solcher werden meistens *einfache* Verba; zu resultierenden, d.h. zu solchen, dit Erwirken, Fertigmachen zum Ziele haben, in der Regel —*Composita*, die eben deshalb auch *immer resultative* Bedeutung haben, gebraucht") (курсив подлинника.— *А. П.*). Таким образом, *lygóni gýdyti* значит лечить больного, заниматься его лечением; *lygoni isgýdyti* — излечить его так, чтобы он выздоровел (русское — вылечить, вылечивать, излечить, излечивать). *Vaikai rãšo* — дети пишут, т. е. занимаются писанием, но *schreibe mir einen Brief* в смысле результативном будет по-литовски не *rašýk*, а *parasýk man grõmatą*. *Lipo añt kálno* — значит только характер: всходили на гору, без

¹ Дальше в рукописи, кроме материалов, приведенных в [ ] скобках, имеются еще следующие:

Русское *реветь* (по второй теме), *стучать, трещать*; литовское *blizgù -ėti* — блестеть, *blyškaĩ, blỹkšzti* — блистать; сюда же глаголы, обозначающие неиздавание звука: *молчать* (ср. сербское *шутјети*, шутим).

Чешское *vořeti, chutěti, štpěti, čpíti, brneti, pasiti, polěti, brenčeti* — бурчать (burčeti), *drčeti.*

Kluziti budleti, kračeti, tuloceti se, kolaceti se, cotejceti se.

Chapać, plė.

— ? Oh — *bracoliti, nelholiti, mrtoliti, hořičeti. Ред. 1941.*

результативного значения, которое может быть вложено в немецкое *stieg auf einen Berg*; в результативном же смысле по-литовски *užlipo añt kálno* — взошел на гору.

Куршат замечает, что литовские результативные сходны со славянскими совершенными (verba perfectiva), но нетождественны с ними (Kurschat. Wörterbuch, I, XVI, XVII; он же. Grammat. d. lit. Spr., § 463). Miklosich („Vergleichende Grammatik", B. IV, стр. 228) видит здесь на стороне Куршата недоразумение, ибо говорит, что совершенные глаголы славянского языка означают не одно лишь прекращение действия, но достижение цели действия, почему и могли бы тоже быть названы результативными; как литовские *gýdyti* и славянские *vračiti* — *ozdrovljati*, так покрывают друг друга и литовское *išgýdyti* и славянское *izvračiti, ozdroviti*. Тем не менее Куршат совершенно прав. Подобным образом предшествующие исследователи приписывают литовскому совершенность глаголов. Так, Нессельман под словом *da* говорит: предпоставленная глаголу, эта часть выражает „das Vollendete, das Fertigsein oder Machen des Wurzelbegriffs" (Nesselman. Wörterbuch, стр. 123). Шлейхер: *pa-* в сложении с глаголом „meist nur in der Funktion, das Verbum zu einem die Handlung als einmalige bezeichnenden, zu einem Verbum perfectivum zu machen" (Donelaitis, 246). Miklosich: „Даже литовский язык заметно удаляется от славянского, так как он, хотя и делает различие между *išprašýti* и *prašýti*, точно так, как славянский — между *испросити* и *просити*, но, по-видимому, не знает столь существенного для славянского языка различия между *скочити* и *скакати*, т. е. не имеет глаголов итеративных. Еще далее от славянского — германские, даже готский: легко заметить, что в большем числе случаев предлоги, не только одно *ga-* делают глаголы совершенными (perfectivieren); но нельзя не признать, что этот закон не проведен последовательно и что гот забросил (aufgab) лежащую в его сознании категорию действия совершенного и продолжающегося, глаголов совершенных (perfectiva) и несовершенных (imperfectiva)... В языке, лежащем в основании как немецкого, так и славянского, — а такой язык мы принимаем с Гриммом и Шлейхером, — надобно допустить существование совершенности предложных глаголов (Perfectivität praefixierter Verba). Для арийского праязыка такое допущение не может быть обосновано, а обосновано обозначение длительного действия темою с усиленным коренным гласным, а мгновенного действия — темою с неусиленным коренным гласным" (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 293).

Прибавлю от себя, что разница между теми и другими достигает осязательности в значении формы настоящего времени. В современном славянском языке глаголы длительные совершенные стоят на одной ступени с глаголами однократными (которые все совершенны) в том отношении, что в обоих мысль об оконченности действия несовместима с представлением настоящего

времени, почему форма этого последнего получает значение будущего совершенного. В литовском глаголы результативные тоже стоят на одной ступени с так называемыми Куршатом verba punctiva (*-eriu, -erėti*, например *šukterių*, при *šaukiù* — зову, кличу): „die ein einziges kurzes punktuelles Geschehen bezeichnen" (Kurschat. Wörterbuch, XVII; он же. Grammat. d. lit. Spr., § 248, 441), о значении коих будет сказано особо, которые мы могли бы назвать однократными или мгновенными, если бы с этими терминами у нас не была так тесно связана мысль о совершенности. Оба эти разряда в литовском сохраняют за формою настоящего времени значения настоящего, из чего следует, что, например, будущее время этих глаголов, смотря по контексту, может быть передаваемо и русским будущим совершенным (настоящее время совершенного глагола) и будущим несовершенным.

Мнение Миклошича, что „настоящее предложных (литовских) глаголов имеет, как кажется, значение будущего", — ошибочно и подкреплено примером „Мум нураус сёсутёс" (Юшкевич. Песни, 26) (нам сорвут сестрицы), в коем стоит, может быть, будущее время, а не настоящее. Например, *ateĩti* есть глагол только результативный (Куршат), соответствующий немецкому *kommen*, значит и прийти и приходить; *atbėgti* — прибежать и прибегать; *atjóti* — приехать и приезжать верхом, geritten kommen; *atvažiúoti* — приехать, приезжать, езжать (на возу), zu Wagen kommen; *atlėkti* — прилететь, прилетать[1], при них настоящие: jis *ateĩt*, atbėga, atjója — er kommt zu Fuß, gelaufen, geritten — приходит и прочее (Kurschat. Wörterbuch, II — kommen) — таким образом, в настоящую минуту, и, я думаю, не только в конкретно-длительном (в настоящую минуту), но и в более длительном (в течение более продолжительного времени). То же относительно resultativa verba, в общем соответствующих немецкому *bringen*: *atnèsti, užnèsti* — принести (сербское *донести*), приносить; *įnèšti* — внести, вносить; *atvèžti* — привозить, привезти; *atvèsti* — привести; *atpalydenti* — провести, проводить, провожать (домой); *atgabènti* — доставить (например, кладь). Отсюда настоящее время в смысле конкретно-длительном: „kokiõs naujienos tu àtneši?" (какую новость ты приносишь?) — „Aš gera žinią *atnešu*" [я несу (и достигаю цели, приношу) добрую весть] (Kurschat); „Antaĩ ateĩna bernùžis per laũką, *atsìneša* rañko áksa pentinėliùs" [= Вот приходит (к девице, о которой упоминается выше) молодец по полю и он приносит в руке (конкретное длительное) золотые шпоры] (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 38); „Парбега жиргялис гарсей жвенгдамас, Ишейна сесяле гайлей веркдама" (Фортунатов, 168).

[1] Относительно значения *at-* ср. значение сербского *до-* в *доли, долетати, долетјети* и прочее.

В повелительном без отношения к цели: „eĩkš pas manè" — иди (ступай сюда) ко мне = украинскому иди (ходи) до мене, т. е. сейчас; *„ateĩk* pàs manè" (erst später hin, nicht unmittelbar, nach der Aufforderung — Kurschat [= в русском *приди* (приходи) ко мне, украинские *прийди, приходь* (с тем же оттенком, как и в литовском)]; „paũkštis lizdą kráujas" — птица делает себе гнездо (но сделает ли?), но *susikráuja* — сострапивает, свивает (в настоящую минуту и вообще).

Не следует думать, чтобы результативность глагола была обязательна в том случае, если цель действия указана дополнением. Ср., например: „Важюок, мано тевяли Ин Вильнуже местяли, Пирк ман тимо бальняли" (Фортунатов, 190); „Пардусю жиргус.. вадусю мергужеля". „Напардук жиргу.. Навадук маня яуноі. (В них и других подобных им в этом, но с более сложным характером, особенно ясно видно сродство славянского будущего времени с настоящим. Славянское будущее время есть оконченное настоящее, или, иначе, оно есть представляемое, но несуществующее в действительности окончание настоящего.) Атвадус маня тевас мочюте" (ibid, 200); „Сеск ин jуда лайвяли.. Тай муду плауксим пер jурес марес ир даплауксим краштяли" (ibid., 20).

§ 6. Различение степеней длительности

Термин степень может обозначать только различия длительности; поэтому для случаев, где приходится говорить совместно о длительности и совершенности или несовершенности, мы оставляем название вид.

Мысль, останавливаясь на действии, разлагает его на ряд моментов, скользя по действию мимоходом, сжимает его в один момент.

В первом случае мысль имеет время воспроизводить или создавать более-менее сложные и конкретные образы вещей, во втором она ограничивается одними намеками на такие образы.

Поэзии, по ее сходству с изобразительным искусством, более свойственна медленность течения мысли, прозе как форме науки — ее быстрота. При этом в поэзии разных времен и степеней развития — различие.

Как и будет он во граде Киеве,
Середи двора княженецкого,
Скочил Казарянин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю ко Владимиру,
Молился Спасу со Пречистою,

Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны.

(Киреевский, IV, 92—93).

Мы видели, что с внешней стороны история глагольного характера состоит в его постепенном усложнении. Русская форма *нашивать* предполагает *нашевать* (украинское *ношувати* из *ношовати*), это, вероятно, предполагает форму на *-ава-ти* и несомненно — *ношати*, которая в свою очередь основана на *носити*; эта — на *нести*. Глагол *нести* имеет в первой теме характер *-а-* и потому должен считаться сложным сравнительно с такими, как *вѣмь* и т. п. Со стороны значения история глагольного характера в славянских языках состоит в образовании так называемых видов, составляющих особенность славянских языков сравнительно с другими индоевропейскими, в коих частью вовсе нет видов, частью, именно в литовском, они есть только в зародыше.

Виду, как явлению исключительно славянскому, предшествуют по времени происхождения те значения глагольных характеров, какие находим уже в санскрите; именно: 1) переходное и причинное значение.. *-и-* и отчасти *-и- -ѣ-* (*бояти*); 2) непереходное и начинательное значение характера *-ѣѥ- -ѣ-*.

Точно так же за явление дославянское следует считать непереходное и начинательное значение части глаголов с характером *-н-*, находящее соответствие в литовском (*свьнжти — švintu, švisti*). Все эти значения покрываются, но не уничтожаются позднейшим слоем видовых значений, так что характеры *-и- -ѣ-*, *-ѣе- -ѣ-*, *-не- -нѫ*, сверх своей переходности или непереходности и начинательности, имеют и видовое значение. Поэтому, говоря о видах, можно оставить в стороне не только переходность или непереходность глаголов, но и начинательность.

Совершенность или несовершенность глаголов тесно связана с видами, но тем не менее ее следует отличать от вида. Предлог, посредством коего в большей части случаев глаголу сообщается значение действия или состояния, не скрывает видового значения глагола, но, ложась на это значение новым слоем, видоизменяет его только отчасти.

По сéреду кирписьному он запохаживал,
Да он белыма рукама заразваживал,
Да он желтыми кудрями запотряхивал.

(Киреевский, III, 42);

Тут молодцы́ заотправлялися.

(ibid, 63);

И нацял ворон младшой облётывать,
Нацял ворон покыркивать..

Ухватил тут ворона́ Хотёнышко за ногу:
Тут и старой ворон заоблётывал,
Старой ворон запокыркивал.

(ibid, IV, 76).

Например, глагол *записывать*, становясь совершенным от присоединения предлога *по-* (*позаписать*), не лишается того значения, которое сообщает ему характер *-ыва-*. Таким образом, совершенность глагола там, где она зависит от предлога, уже предполагает вид; она неотделима от вида лишь в тех сравнительно немногих случаях, когда появится независимо от предлога.

Совершенность или несовершенность есть оконченность или неоконченность действия или состояния, обозначаемого глаголом, между тем как вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием.

По Буслаеву: „Видами глагола означается продолжение или совершение, многократность или однократность и мгновенность действия“ (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 123). В этом определении неточно противопоставление продолжения действия и его совершения, если под продолжением разуметь длительность, а не неоконченность. Совершение как оконченность противоположно неоконченности. Та и другая не подходят под понятие вида. Приводя здесь примеры *хватать* и *хватить*, Буслаев, по-видимому, обращает внимание только на то, что в первом действие представляется продолжающимся или неоконченным, а во втором совершившимся, тогда как, подставивши вместо них, например, *крещать* и *крестить* (например, *крещу* со значением настоящего времени), мы увидим, что независимо от оконченности и неоконченности в первом глаголе выражается бóльшая степень длительности, чем во втором.

Так как совершенность значения некоторых беспредложных глаголов, кроме глаголов с характером *-н-*, есть явление относительно позднее, то мы, говоря ниже о видах, устраним для большей простоты и этот случай. Такое же смешение категорий совершенности и несовершенности — с одной, и длительности, с другой стороны, встречаем у Шлейхера (Schleicher. Das Futurum): „В славянском глаголы распадаются на два класса, называемые различно: perfectiva и imperfectiva, мгновенные и длительные, оконченные и неоконченные (vollendete und unvollendete) и т. д. Мы называем их verba perfecta и imperfecta. Imperfecta означают действие длительное, несовершенное (unvollendete Handlung), perfecta — действие мгновенное, совершенное[1], или означают только наступление действия (das blosse Eintreten der Handlung) и, стало быть, вместе с тем ао-

[1] *Закричу, накричу* и т. п. — глаголы совершенные, но тем не менее длительные, а не однократные или мгновенные, отличные от мгновенных: *крикну, вскрикну* и т. п

ристичны; так как они не выражают длительности[1], то в позднейшем языке не имеют настоящего времени и их настоящая форма выражает отношение будущего, их прошедшее (perfectiva) есть прошедшее совершенное (perfectum), даже давнопрошедшее (plusquamperfectum)[2]. Verba perfecta — большею частью глаголы непроизводные[3], сложные с предлогами и становятся совершенными (perfectum) именно только в силу этого сложения; простых, несложных с предлогами (первообразных глаголов со значением совершенным, за исключением глаголов, образующих настоящее время посредством *-н-*) — немного, и это зависит от их значения; большинство первообразных глаголов — imperfecta".

До сих пор еще разделения глаголов по видам страдают важным недостатком, завещанным прежним состоянием грамматики, именно отсутствием исторического взгляда. Язык находится в постоянном развитии, и ничто в нем не должно быть рассматриваемо как нечто неподвижное. Система видов должна быть не описанием, а историею их происхождения. Различные виды появляются не одновременно, поэтому непростительно принимать за исходную точку деления такой вид, который по времени происхождения позже других. Такую ошибку делают, например, те, которые, изображая систему видов или, как говорят иначе, степеней глагола, за первую степень принимают „продолженную" степень *катать*. Присутствие в глаголах этой степени усилений, исключительно свойственных славянскому языку (см. глаголы на *-а-*) и употребляемых им только для изображения известного оттенка длительности, ясно показывает, что и значение этих глаголов есть позднейшее и производное.

Напротив, мнение Павского (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, стр. 226), что глаголы первой степени следует ставить в основание прочим степеням, будет совершенно справедливо, если под первою степенью (примеры найдем у Павского в этом месте: *дать*, *стать*, *сесть*, *кусить*, *лишить*, *ступить*) разуметь именно этим подобные глаголы, т. е. конкретно-длительные, а не однократные. Сам Павский думает иначе. Упуская из виду производность глаголов однократных на *-н-* от глаголов на *-а-*, он говорит: „Однократное должно предшествовать многократному, как единственное число множественному. Скажут, слог *-ну-* есть признак производства, но и в глаголах *плескать*, *сверкать* гласная *-а-* есть такой же признак производства" (ibid, стр. 227). В том-то и сила, что не такой же, а следующий по времени во многих глаголах за характером *-а-*.

[1] В том-то и дело, что выражают: *позаписываю* — окончу продолжительное записывание.

[2] Ничуть. *Закричал*, *позаписывал* и т. п. сами по себе вовсе не давнопрошедшие.

[3] Шлейхер имеет особый взгляд на разделение глаголов на производные и непроизводные.

Действительною исходною точкою языка при образовании видов могло служить то значение, которое не отличает славянского языка от других индоевропейских. Это значение должно быть связано с формою, не составляющею особенности славянского языка. Следовательно, этим значением не может быть ни совершенность глагола *дам* или *куплю*, ни однократность глаголов на *-ну-*, ни длительность или многократность глаголов на *-а-*, простое или сложное *-ыва-* — *-ива-*, потому что даже средствами одного славянского языка можно доказать производность этих значений.

Если принять за такую исходную точку относительно простые глаголы *вести*, *везти*, *идти*, *нести*, *лезть*, *ехать*, то нетрудно заметить постепенность происхождения по крайней мере трех видов. „Кого *везете*?", „Что *несете*?", „Куда *едете*?" (т. е. в ту минуту, когда я спрашиваю); „Что вы *несли*, *везли*?", „Куда вы *шли*, *ехали*, когда я вас встретил?", „Куда теперь *понесете*?", „Каким путем *поедете*, *будете ехать*?", т. е. в определенный, непродолжительный период времени, который я разумею. Во всех этих случаях мы имеем перед собою действие, во-первых, не мгновенное, не однократное, каково, например, „*лизнул*, да и нет ничего"; „*дернул* и пустил". Предположим, у нас был бы глагол *неснуть*; мы бы его никак не употребили в таких выражениях, как: „Куда бог *несет*?", „Что *несешь*?" Во-вторых, здесь действие, если не непосредственно выделяемое из чувственного восприятия (такая непосредственность в слове, прожившем многие тысячелетия, немыслима), то по крайней мере относительно ближайшее к нему.

Вместо рассмотренной формы не могли бы быть употреблены в выражениях, подобных вышеприведенным, две следующие по времени образования формы: *носить* и прочее и *нашивать*.

Часовой говорит „Кто *идет*?", а не „Кто *ходит*?"; будочник: „Куда *лезешь*?", а не „Куда *лазишь*?". Наоборот, мы скажем: „Куда вы *ходите* мимо моего окна?", „Что вы *носите* под мышкой?", т. е. не раз. Однако несправедливо было бы думать, что значение глаголов *ходить*, *ездить* и прочее — многократное или разностороннее. „Я (тогда-то) *шел* пешком, а он *ехал*", но „Я *ходил* пешком в Киев (не много раз, а всего один и не в разных направлениях, а в одном), а он *ездил*"; „Я *схожу* в Киев пешком, а он *съездит*". „Куда вы *шли* сегодня утром?" — т. е. в ту минуту, когда я вас заметил; но „Куда вы *ходили*, *ездили*?" — не в это мгновение, когда я вас спрашиваю, а в течение всего, может быть, долгого времени, которое было занято вашею ходьбою, поездкою. Чтоб употребить форму, как *носите*, в обыкновенном смысле, нужно обнять мыслью несколько однородных действий, порознь добытых из чувственных восприятий, представить их одним протяженным действием; к этой форме приурочен более сложный продукт мысли, чем к таким глаголам, как *нести*. Если эти последние назовем просто длительными (по от-

ношению) к однократным, то первое — более длительным; если последние — конкретными, то первые — отвлеченными.

Впрочем, о конкретности и отвлеченности, терминах не мною первым примененных к видам, следует говорить с оговорками. Отвлечение предполагает опущение известных составных частей мысли, принимаемой за первичную. Если *носить* есть отвлеченное по отношению к *несет*, то в первом должно быть менее объективного содержания, чем во втором. Оно так и есть, но содержание слова здесь, как и везде, следует отличать от его „внутренней формы", от наименьшего значения, без коего слово не может быть само собою, от того содержания, которое одно только и относится до языкознания. Содержание внутренних форм глаголов *несете* и *носите* различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие в первом представляется единичным (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором — собирательным. В последнем единичные действия не сливаются в одно (как, например, все виденные мною дубы в содержание слова *дуб*), а строятся в непрерывный ряд (как отдельные образы хвойных деревьев в содержании собирательного — *бор*).

Глаголы степени, следующей за тою, к которой принадлежат *ходить*, *лазить*, в большинстве случаев не могут быть употреблены вместо этих последних. „Я *ходил* на богомолье" (т. е. этот раз), но „Не раз я *хаживал* на богомолье". „Где ты был?", „На чердак, на колокольню *лазил*"[1], а не *лаживал*; наоборот: „*Лаживал* я в воду" — *ныривал*. В основании значения как одних, так и других глаголов лежит сложность материала, из коего добыты эти значения, или, иначе, множественность отдельных восприятий; но в одних эта сложность не сознается, потому что составные ее части мелки, а в других сознается. Можно, кажется, сказать, что *хаживал* заключает в себе несколько *ходил*, а *ходил* — несколько *шел*; *хаживал* есть *ходил* с перерывами.

Если глаголы первых двух степеней назовем единично-длительными и собирательными, то глаголы третьей степени могли бы мы назвать множественными по сходству их значения со значением множественного числа существительных единичных, сравниваемых со значением существительных единичного числа собирательных.

Замечено, что славянские глаголы могут означать действие или во время самого его совершения — конкретно (Я *пишу* теперь, Я *писал*, когда он вошел), или как возможность его, способность, привычку к нему [Я недурно *пишу*; *Пишу* (польское *pisuję*) по вечерам] — отвлеченно. В одних случаях, как, например, в приведенном, значения эти формально не различаются, подобно тому, как, например, они не различаются в немецком; возможность и способность может выражаться и глаголом первой степени: „Верблюд *несет* (и *носит*) 17 пудов", т. е. поднимает, может нести; но в других случаях значения эти различаются и формально. Отвлеченность как возможность, обычность действительной способности к нему предполагает значение большей длительности сравнительно с принятою за меру. „Я *пишу* по вечерам" в смысле обычая предполагает, что писанье занимает большее протяжение времени, чем к „*Пишу* теперь". Поэтому отвлеченность как обычность более примыкает к отвлеченности как большей длительности, чем к конкретности, и, по крайней мере, в народном языке чаще выражается глаголами второй и третьей степеней, чем первой. „На упрямых воду *возят*"; „Хотя не кони *везут*, овес *везет*"; „Часы не испорчены, *ходят*, а теперь не *идут*, не заведены"; „Голубятники *лазят* по кровлям"; „По утрам *хаживать* на службу".

Обычность независима от степени длительности и совершенности и может выражаться всеми степенями [в русском и польском разница: нельзя *сыпаю (sypiam)*, *писываю (pisuję)*; ср. *jadam*, *widuję*].

В Остромировом евангелии: „Приде же и Никодимъ, *пришъдъ* и (ὁ ἐλθὼν), к нїсови нощїю прѣжде" (Иоанна, XIX, 39); в польском переводе „który był przed tym przyszedł"; но в современном русском языке нельзя сказать: *пришедший* — это „тот, что *пришел* прежде ночью", ни „тот, что *было пришел*", а нужно: „тот, что *приходил*". Для употребления совершенного глагола в прошедшем времени недостаточно, чтобы действие было окончено; нужно, чтобы оно представлялось оконченным, ограниченным другим действием. Поэтому мы говорим: „*Пришел* вчера и тотчас ушел"; „*Пришел* было, отворяет двери и говорит". Но в выражении „*Пришел* и Н., тот, что прежде *приходил*" оба действия разделены известным промежутком времени, и *приходил* не ограничивается действием *пришел*. Когда говорим: „Был сегодня тот, что вчера *приходил* и *приносил* книги", „А до мене Яків *приходив*, коробочку раків *приносив*", — то мы не назначаем действиям никаких границ, кроме тех, какие определены прошедшим временем. Выражение „*пришедши*, сделал то-то" — „*пришел* и сделал" значит: после того как пришел, сделал; а выражение „*приходивши* сделал" — „*приходил* и сделал" значит: в то время (продолжавшееся) как *приходил*, *сделал*, причем *сделал* вовсе не ограничивает протяжения времени, выраженного словом *приходил*, а заключается в нем. Можно сказать: „*підійшов* я під віконце, кватирку одчиняю" (подошел и отворяю, отворяю подошедши,

[1] На вопрос: „Где ты был?" — „*Ходил* на почту, *носил* письмо, *ездил представляться* начальнику, *плавал* (на корабле) в Америку, *летал* на воздушном шаре, *возил* деньги в казначейство"; но на вопрос, понятый в этом смысле (*бывал*), нельзя ответить: „Я *скакал* [в этом значении *скакал* есть первая степень, в силу особенности своего значения (видимая перемена места движения), не имеющая при себе однократного глагола, *скакал* = прыгал есть вторая степень при *скочить* и имеет в однократном *скокнуть*] в Петербург" (потому что это значит „в то самое время, как случилось нечто другое"), *бродил* по городу, *катался* на коньках.

после того как подошел); но нельзя: „*підходив*... одчиняю" (= подходил и отворяю), потому что *отворяю* (настоящее время) есть предел для *підходив*, а между тем последнее отрицает предел.

Пожалуй, можно услышать выражение: „*Приходил* вчера и говорит", но оно неверно. Чтобы исправить его, нужно уничтожить между первым и вторым глаголом грамматическую связь: „Он вчера *приходил*, говорит: „Мне некогда".

Сказанное об отсутствии многократности в глаголе второй степени относится только к прошедшему: „Куда ты *ходил, бегал, ездил, летал, плавал, лазил?*" *Отворить — отворять* (украинское *одчинить, одчинять*). Сказанное имеет целью наглядно изменить, по крайней мере относительно русского, положение Миклошича, который к рассмотренным вопросам присоединяет отношения совершенности и несовершенности и, выделив первую, говорит: „Глаголы несовершенные (imperfectiva) обозначают неоконченное действие (die unvollendete Handlung) или как только продолжающееся (bloß dauernd), или как совершающееся в несколько крат (zu wiederholten Malen). Первое совершается через глаголы длительные (durativa), второе через многократные (iterativa)". Словинское *grem* — длительно: *glej, fant gre* (идет) *v šolo, je šel* (шел), *bo šel* (будет идти); напротив *hodim* — iterativum: fant v šolo *hodi* — посещает школу (ходит); то же *je hodil v šolo, bo hodil*; как *iti* относится к *hoditi*, так *nesti* к *nositi*, *letêti* к *lêtati* и т. д. „Особенный вид длительности — начинательно-длительные (inchoativa-durativa), означающие постепенное возникновение состояния: русское *мокнуть, сохнуть*" и прочее (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B.IV, стр. 276). Если тут косвенно заключена мысль, что *засыхать* и т. п. есть frequentativa — многократные, то, я думаю, напротив, что не многократность, а лишь бóльший период длительности в „Только что написал, глядь — чернила уже *засыхают*" (станут, будут, стали засыхать); „Вот уже листья *увядают*".

Сродство обычности с большею длительностью. Обычность действия и способность к нему в глаголе самом по себе не выражается, т. е. эти значения выражаются лишь контекстом. *Иду, везу, несу* и прочие глаголы движения в пространстве будут понимаемы как выражения конкретных действий до тех пор, пока к ним не будут прибавлены указания на то, что эта конкретность служит лишь образчиком повторяемости, возможности. Например: „Что вы делаете и чем занимаетесь по вечерам?" — „*Иду* в театр (т. е. каждый раз как вздумается) — *хожу* в театр, *бывало иду*"... Таким образом, меньшая и бóльшая степень длительности и многократность могут быть обозначены обычности, но сродство последней со второй и третьей степенями длительности больше, чем с первою.

Глагол многократный обнимает бóльший период времени, чем глагол отвлеченно-длительный, подобно тому как вообще в воспоминании время, заполненное большим количеством впечатлений, кажется нам продолжительнее времени, менее обильного впечатлениями, хотя бы объективно первое и второе время были равны. Очевидно, длительность глаголов измеряется не объективно в строгом смысле слова, а, так сказать, народно-субъективно, т. е. мерою, данною самим языком, степенью глаголов, принятою за единицу. Живущая в данное время предыдущая степень глагола есть мерка последующей, так как, например, литературный русский язык измеряет длительность (многократность) глагола *нашивать* только двумя предыдущими степенями: *нести* и *носить*, минуя живущие в украинском формы *ношати* и *ношувати* (из *ношевати*), хотя эти последние и предполагаются формою *нашивать*. Никакой безотносительности в степенях глаголов нет.

Мы видим выше, что довольно значительное число глаголов однократных с *-н-* в характере, вероятно или несомненно, предполагают глаголы разрядов II, III, V (1 и 2). Это служит указанием, что и значение однократных — производное. Как бы ни назвать эти „однократные", краткими ли, мгновенными, одновременными (verba momentanica, brevis movis, actionis singularis), во всяком из этих названий будет правда. Глаголы эти обнимают период времени более краткий, чем глаголы конкретно-длительные, а тем более отвлеченно-длительные. Они „чим си зачму, одмах се и сврше" (Babukić, стр. 237) — „действие в них оканчивается, как только начнется".

Итак, мы насчитываем четыре степени длительности (или четыре вида): степень конкретно-длительную, от нее — по направлению к большей длительности — степень отвлеченно-длительную и многократную, а в другую сторону — однократную. Есть в современном языке глаголы, проходящие через все четыре степени, но их очень немного (*скочить, скакать, скакивать, скокнуть, валить* и т. д., *катить, рубить, стучать, толочь, толкать*). Обыкновенно формально различаются третья и вторая степени (третьей — *-ати, -ыва-, -ну-*; *рьза-, лиза-*); однако, взявши во внимание, что такие глаголы, как *нести, носить, нашивать*, требуют трех степеней и что ни под одну из этих степеней не подойдет глагол однократный, как *мигнуть, лизнуть*, увидим, что уменьшить числа степеней нельзя, несмотря на то что вторая степень может формально совпадать в одних случаях с первою (*читать, играть* — конкретные и отвлеченно-длительные и при них только одна следующая по времени форма — *читывать*), в других с третьею (*быть* — первой, *бывать* — второй и третьей, несмотря на то что есть глаголы, вовсе не различающие степеней: (*горевать*). Есть ли возможность увеличить — об этом ниже. Здесь только замечу, что если в конкретном глаголе (например, *ехать* — первой, *ездить* — второй), сверх второй степени есть еще две (*езжать, езживать*), то есть случаи, когда можно доказать, что обе эти формы действительно третьей степени, но в различных значениях.

Деление это, и кроме претензии на историчность, несколько отличается от принятого Буслаевым (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 123—124), который, подобно Павскому, различает три вида: в продолженном у него соединены конкретные — *веду* и более длительные или отвлеченные *(вожу)*; между тем, кроме явственного различия в значении, глаголы первой и второй степеней различаются еще и тем, что присоединение предлога действует на них различно. Настоящее время первых получает от предлога значения будущего, а вторых — нет. Ко второму виду отнесены глаголы, означающие совершение, однократность и мгновенность. Между тем, по вышесказанному, совершенность и несовершенность действия есть совсем особая статья. По словам Буслаева, к одному и тому же виду должны быть отнесены не только *дерну — дернуть* (однократный или мгновенный), *буду, быть* (в коем [нет] оттенка однократности или мгновенности), но и *позадергиваю*. Этим отрицается всякая смежность формы и значения глаголов одного вида, так что непонятно, почему же они составляют именно один вид. Глаголы третьего вида, по Буслаеву, „означают многократность, а также и отдаленность действия". Это последнее выражение несколько сбивчиво. Можно подумать, что отдаленность не есть многократность. У Павского (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, стр. 4—5) третью степень „занимают глаголы многократные дальние", т. е. „продолжительные дальние" *(читывать, видывать)*, и „разнообразные дальние", „когда разнообразное [не имеющее одного направления] действие происходит вдали (где-то), на неопределенном пространстве, например *хаживать, скакивать*". Это деление многократных основано на ошибочном мнении, что их характер может означать пространственное отношение, именно движение, происходящее вдали и в разных направлениях. На деле *хаживал к нам* независимо от корня значит то же, что *говаривал нам*. Сами по себе глаголы эти направления вовсе не обозначают, а то, что в них принимается за дальность действия, есть обширность занимаемого им периода времени.

Взгляд Буслаева на наглядность и отвлеченность значения глаголов тоже заключает в себе некоторую неточность. „Сверх того, видами означается действие или 1) вообще, т. е. отвлеченно, например птица *летает*.. (т. е. во всякое время имеет способность летать); или 2) наглядно, т. е. с означением известного времени — настоящего, прошедшего или будущего и какого-либо направления действия, совершения, однократности или многократности, напр. птица *летит.. полетит, улетит, полетает*" (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 124). Мнение, что глаголы отвлеченного значения не означают времени, основано на недоразумении. Заметивши предварительно, что в грамматическом отношении нет надобности различать способность к действию от обычности действия, приведу такой пример: чешское

„ona *ne jeda* kaše", польское *„nie jada* kaszy" (не ест, т. е. не имеет обыкновения, не любит есть); „ona *ne jidała*, nie jadała" (не ела, т. е. не имела обыкновения, не любила есть); украинская песня обещает завербованному в уланы: *„будеш їсти*, будеш пити, довбешками воші бити", что по-польски было бы: *„będziesz jadał*, będziesz pijał, będziesz bijał" — с явственным смыслом: будешь (зауряд, обыкновенно, а не несколько или много раз) есть, пить. Отсюда видно, что способность и обычность не составляет исключения из правила, что всякое действие может быть представлено современным прошедшим, будущим по отношению к мгновению, когда говорили. „Глаголы совершенного и однократного, а также и многократного вида означают действие только наглядно"; но разве *говаривал* не есть вид многократный?

Так как язык развивается не трудами филологов, а средним уровнем народа, то естественно, что при распределении глаголов по видам принимается в расчет не найденная учеными первообразность и производность глаголов, а такая, которая видна человеку, практически знающему свой язык. Это применяется ко всему нижеследующему. Глаголы распределяются по видам таким образом.

К первой степени принадлежат:

а) Глаголы I разряда, в том числе и совершенный: *дам*.

б) Глаголы II разряда, в том числе совершенный: *буду, лягу, сяду, паду, реку*, о которых ниже.

в) Глаголы III разряда в русском языке все, за исключением тех немногих III, 2, *г*, при которых употребительны более простые длительные [например, *севать* (второй степени), при котором *сеять*; *толочь, толкать, толкнуть, -ывать*]. В старославянском, чешском и особенно в сербском к этой степени не принадлежат весьма многие глаголы III, 2, *б (дозивати, дозивљем* по форме *= писати, пишу)*, имеющие при себе более простые — первой степени длительности.

г) Из глаголов IV разряда все более древние, начинательные и неоднократные.

д) Из разряда V сюда целиком относятся 1 *(гореть)* и 2 *(болеть)*; из V, 3 *(любить)* — почти все, именно все отыменные и отглагольные причинные, принимаемые за первообразные; исключается около десятка, имеющих при себе более простые глаголы первой степени, и около двух десятков беспредложных совершенных: *рычать, копать, метать* (бросать), *менять*.

Наоборот, из глаголов V, 4 принадлежат сюда сравнительно лишь немногие, именно отыменные и те отглагольные, при которых забыта или малоупотребительна более простая форма первой степени, например *читать, зевать*.

е) Из разряда VI *(-ова-, -ув-)* — отыменные.

Остальные глаголы V, 4, *а* и VI (украинские отглагольные *-ова-* и русские *-ыва-*) распределяются между второй и третьей степенями, так что к третьей принадлежат те глаголы обоих разрядов, при которых есть более простые две степени.

Об однократных, по определенности их формы и значения здесь нечего говорить.

Следуют некоторые частности.

1. В нескольких случаях язык пользуется более древним усилением, свойственным классу и для образования глаголов второй степени. Таковы глаголы второй степени *возить*, *водить*, *носить*, *бродить*, *гонять*, *ходить* (*шьд*), *волочить* (*влък*), *сторожить* (*стеречь*), *лазить*. В *ездить* (второй степени) при *ед* (первой степени) гласная осталась неизменною.

2. В литературном языке и в украинском лишены класса *-ыва-* (украинское *-ова-*) глаголы второй степени на *-а-*, образованные при помощи усилений *-ы-*, *-и-* (*-гибать*, *-дымать*, *-чинать*, *-мирять*). В литературном языке исключение составляют те глаголы на *-а-*, с усилением коих первообразные забыты, как *читать*, *низать*, *мигать* — откуда *читывать* и прочее. В народном русском имеют формы на *-ывать* и многие другие с усилением: *не посылывал*, *не утирывал*, а также от глаголов с корнями или темами на гласную (*знавать*, *заболевать*). Сюда подойдут все начинательные с характером *-ь-* и часть начинательных с *-и-*; но и те начинательные на *-и-*, при которых стоят глаголы второй степени на *-а-*, без усиления коренной степени, тоже не имеют формы для третьей степени (*лип*, *топ*, *мерк*, *мок*, *тих*, *тух*, *стыд*, *мерз*, *бух*, *вык*, *молк*, *пух*, *стиг*, *сяк*, *вяд*, *кис*, *гряз*, *чез* и др.).

3. Не имеют форм на *-ыва-* те, которые от форм на *-а-* неударяемое вторично образуют формы с *-а-* ударяемым. При этом, если первая из этих форм имеет значение второй степени, то вторая — третьей (*бежать*, *бе́гать* — *бега́ть*; *ползти*, *по́лзать* — *ползáть*; *мерить*, *ме́рять* — *меря́ть*), а если первая по значению относится к первой степени (что бывает или тогда, когда более простая форма забыта, или когда она имеет значение однократное и совершенное № 3), то вторая с *-а-* ударяемым — столько второй (*двигать* — *двига́ть*, *сыпать* — *сыпа́ть*, *падáть*, *меря́ть*, *томи́ть*, *кликáть*).

§ 7. Значение глаголов третьей степени

О связи многократности (iterativa verba) с imperf. — Pott. Etymologische Forschungen, B. II, 1, стр. 632 и след.; № 3. Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 302.

„Глаголы, — говорит Буслаев, — ныне употребляемые в книжной и образованной речи, суть отрывочные остатки обширной системы видов, развитой в большей целости в историческом

(Cankof, стр. 108); „ne čjuvahte li kak vi kázuvaše toj kogi-to šlêzuvahmi is sulbù-tù?“ (= не слыхал ли, что он вам говорил, когда мы сходили с лестницы?) (ibid., стр. 109); „ne gu li čjuhte da pej?“ (= не слыхали ль вы, что он поет?) (ibid.); „to čjuva teško“ (= он слышит с трудом) (ibid., стр. 115); „proštavajte“ (ibid., стр. 119) (как и по-украински — „прощавайте“); „as jù čjúvam da péj, ama ne jù vidé“ (= я слышу, что она поет, но не вижу); „čjúvaš li slatká-tà pésen na čjučjuligú-tú?“ (= слышишь ли приятную песнь жаворонка?) (ibid., стр. 147); „Čjuvaj, pobrátime“ (= слушай, брат). Русское *давай! ступай! поезжай! езжай! полезай!* „*Полетай*, мой соловеюшко! На родимую мою сторонушку“ („Тр. этнограф. отд.“, V, 2,5). Украинское: „Хо и лишень сюди, *давай*“.

Украинское *буває* — часом, іноді, большей частью: „він би й посилковавсь, так боїться, що як якого дуже пхне, то щоб, *буває*, кістки не порозсипались“ (Кв.-Осн., I, 247). (Кулиш ставит в запятых, но напрасно.)

Различие глаголов второй степени от глаголов третьей появилось позже различия первой степени от второй и, кажется, в известных случаях не доведено до конца. Иногда формы отвлеченно-длительные, не изменяясь, незаметно переходят к значению многократности, так что трудно бывает определить, выражает ли глагол только большую степень непрерывной длительности или многократность. Так, например, глагол *быть* во второй теме и *жить* принадлежат к первой степени, ближайшая, следующая за ними форма *бывать*, *живать* должна бы иметь значение второй степени. В таком значении они действительно встречаются в наречиях и, например, в украинском „*бувай* здоров; здорові *бували*“ (не *бывайте*, *бывай* несколько раз, а *будьте постоянно*); „Панове, знаєте, Трояне, І всі хрещеній миряне, Що мій отець *бував* (= был) Анхиз“ (Котляревский, 32); „Нехай, — каже, — твоя здорова *Бува*, Нептуне, голова!“ (ibid., 56); „А ти, — *мовляла* (не говаривала, а говорила) ік Енею, — Прощайся з юрбою своєю“ (ibid., 74); „Не дѣти *бывайте* умомь“ (будьте) (Miklosich. Lexicon — *бывати*); „Пазной (камыкъ) рьдръ же ѥсть.. *бываѥть* же вь Пазѣ градѣ“ (Изборн. 1073 г., Буслаев. Хрестоматия, 263); „Анфраксъ зѣло чрьвенъ ѥсть, *бываѥть* же въ Кархидонѣ“ (ibid.); „Що у вас *чувати?*“ (Как поживаете?). Русское: „Егда мы *живали* на вольном свету“ („Калики“, I, 59), т. е. когда мы жили, т. е. в течение всей жизни. В обоих случаях эти глаголы выражают, сравнительно с конкретными, бóльший период времени, в который совершается действие. Литературный же язык в этом слове, как и во многих других, формально не различает глаголов первой и второй степеней и употребляет приведенные формы только в многократном значении: „я часто *бывал*, подолгу *живал* в этом городе“. Такое значение более обыкновенно и в народных говорах. Впрочем, и в обыкновенной речи, где *бывал* обозначает состояние длительное, не многократное, и в украинском: „Ой ти мило, моє серце, ой деж ти *бувала*, чи у полі лен ти брала, чи пшеницю жала“.

Третья степень отличается от второй не столько значением многократности, которого может и не быть, сколько оттенком постоянства и всегдашности. При том, что если нет возможности формально отличить третью степень от второй, потому ли, что вообще употребительны две формы глаголов (как в вышеприведенном *быть* и *бывать*, при которых третья форма *бывывать* встречается довольно редко и то только в русском), или по личным привычкам говорящего, то значение всеобщности и постоянства приписывается к глаголу, который со стороны формы должен быть отнесен ко второй степени. Так, например:

Только было в богача два лютых псы,
Всегда по подстолью они *ходили*,
Хлебные крошки *собировали*,
Лазарю вбогому в поле *носили*,
Тем его душу *пропитовали*,
Больныя раны *зализовали*,
Лазарю пользу давали...

(„Калики“, I, 62).

С чем сравни:

Были у богатого а два лютые псы,
Да псы по подстóлию да и *хаживали*,
А урóнены мéлки крошечки *собúравали*,
Ко убогому Лазарю *принáшивали*,
Да тем его душеньку и *пропитавали*,
Все скорби и болезни *зализавали*.

(ibid., 52).

В первом месте *всегда ходили*, (всегда) *носили* имеют, по-видимому, то же значение, что во втором *хаживали*, *приначивали*.

Прохати. Щигровский у., село Россоховец: „Сизая галушка у сокола *прощалась*: „Атпусти мінє, ясмен сокол на волю“ (свадебная); „У хатніх вікон *підслухали*“ (= *-ивали*) (Котляревский, 112).

В литературном языке можно бы ожидать только *ходили*, *носили*, в украинском стихе могло бы стоять: *похожали*, *приношали*, как, например, в следующем: „Казав його до келії взяти, Казав слугам їсти *доношати*.. Слуги сами все те пожирали, А йому теє, що псам, *доношали*“ (Метлинский, 360), между тем как „Велю старцю у келеньці жити, Велю старцю їстоньки носити“ (ibid., 359).

Под понятие постоянства и всеобщности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием

или бытием (St. Małecki, Grammatyka większa, § 750; Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 847, 5; 279, 302, 791—794).

Об этом Буслаев выражается так: „Прошедшее многократное [а иногда и продолженное] употребляется.. с отрицательною частицею *не* для означения сильнейшего отрицания, преимущественно в языке древнем и народном; впрочем, попадается и у позднейших писателей" (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 134—135).

Означения сильнейшего отрицания (Буслаев. Грамматика, ч. II, стр. 135; ср. Некрасов. О глаголе, стр. 152—153); „А сказываетъ семъ лѣть пустоши *косили*, то, господине, лжетъ Кирило, а не *кашивали*, господине, тѣхъ пустошей до сѣхъ мѣстъ" (Акты, 5, 1485—1505 гг.) Подобно этому, вообще при чуткости к видам, в отрицании действия или состояния обозначается глаголом степени, следующей за тою, в какой стоит глагол в положении или положительном вопросе: *Дал* он тебе? — *Не давал; Давал? — Не давывал; Был? — Не бывал; Пришел? Принес? — Не приходил. Не приносил; Решил? — Не решал; Встал? — Не вставал; Лег? Сел?* Разница между *не делал еще* и *не сделал. Вычистил?* — Еще не *чистил. Взошло* солнце? — *Не всходило.*

„Іще сонце не *зіходило*, як до мене щось *приходило*"; *Слышал? Не слухал; Слыхал? — Не слыхивал; Видел? — Не видал; Видал? — Не видывал.* Подобно этому и в украинском и в чешском: *дав* він тобі? — *не давав; чув? — не чував;* „Dej mně, boże, dej mně. Co mně miniš dati, jenom mně *nedávej*, K čemu nemám chutí" (Mor. Nár. Písně, 420); „Matičko, já se vdám. — *Nevdávé* se ma dceruško" (ibid., 422).

Даже без явственного отрицания, при отрицании прежнего действия, выраженном только предлогом: „*Vydat'* sa je *vydat'*, Ale *odvydávat'*. Není to, můj bože, Chleba vyprožčjávat'" (не так легко) (ibid., 426);

Не нахаживал я такой красавицы,
Не видывал я эдакой пригожицы.

(Киреевский, III, 23);

Молодехонек, зеленехонек:
Ты на больших боях *не бывывал*,
Страстей-ужастей ты *не видывал*.

(ibid., III, 40);

Ничего мы в поле *не наезживали*.

(ibid., IV, 78);

Ездили мы.. Ничего *не поимавали*.

(ibid., 79);

Плавал Соколь корабль ровно тридцать лет,
И на якори Соколь корабль *не стаивал*.

(ibid., I, 22);

Оставлю вам гору золотую..
Не оставливай горы золотыя,
Не оставливай садов-виноградов,
Не оставливай яблонь кудрявых.

(„Калики", I, 2—3);

Брат брата братцем *не называли*,
Голодного *не накармливали*,
Жаждущего *не напаивали*,
Голого *не надевывали*,
Босого *не обувывали*,
Красную девицу из стыда *не вывели*,
Колодников-тюремщиков *не навещивали*,
Убогого в путь-дорожку *не проваживали*.

(ibid., 51);

Сегодня я, братец мой, не пил, *не едал*,
И хлеба я соли в рот *не бирал*.

(ibid., 72);

Сколько мы по белу свету *ни ха́живали*,
Мы такого дурака *не наха́живали!*

(Киреевский, I, 15);

Ездил во поле тридцать лет,
Экого чуда *не наезживал*.

(ibid., 52);

Аль *не езживал* ты по тёмным лесам?
Аль *не слыхивал* пташьего посвисту?

(ibid., 36—37);

Камзолец на мне во пять сот рублей..
А коня-то на базар я *не вываживал*.

(ibid., 20);

Прошло тому времени да три году,
Не бывал Добрыня из чиста поля.

(ibid., II, 32);

Не бывать вам, мо́лодцам, на святой Руси,
Не видать вам, мо́лодцам, князя Володимира
И *не гу́ливать* по ко́нным по пло́шшадям!

(ibid., II, 91);

„Мимо его никакой человек *не прохаживал*, ни богатырь *не проезживал*, ни зверь *не прорыскивал*, ни птица *не пролетывала*“ (Пам. стар. р. литер., 331).

Следует дополнить, что в этом случае употребительно не только прошедшее время, но и повелительное наклонение и безличная форма из вспомогательного глагола в третьем лице (опускаемого в настоящем времени) и неопределенного наклонения, из вспомогательного глагола и причастия страдательного (*не слыхано*, *не видано*), и даже простое неопределенное наклонение.

Здесь опять видим, как близко сходятся по значению глаголы второй и третьей степеней и как в литературном языке, предпочитающем формы предыдущие последующим, нередко эти две степени формально не различаются.

Ср.: „*Не пѣдемь* на конихъ.. ни пѣши *идемъ*, понесѣте ны въ лодьи“ (Лаврент. лет., 24) (т. е. не пойдем, не поедем) — где отрицается действие конкретное, с такими выражениями, как „не ходите, не ездьте“ (вовсе не ходите, не ездите, т. е. в течение долгого времени, или не ходите пешком, не ездите верхом..). Ср.: „Чи ти *чула*, дівчинонько, як я тебе кликав“ — с выражением, как „з роду, ніколи *не чувала*“; „Не тепер я на ногах стала, Од старих людей приповісти такої *не чувала*, Щоб о Петрі бистриї ріки-озера *замерзали*, Щоб об Різдві калина в лузі *процвітала*, Щоб жовтий пісок на білому камені *зіхожав*“ (Кулиш, I, 27); „Батько їх, кажуть, що *хожував* з Добашем, зрештою, чи ходив, чи не ходив, а сини славні раз мав: один кращий від другого“ (Федькович); „[Книг] в руки *не бирали*, а вторых [проповедников] *не слыхивали*“ (Афанасьев. Журналы, 12); „Бывало ты в молодых летах забавлялся: *вчинивал* собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и *секал* охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих“ (из „Живописца“ Новикова — ibid, 125); „Не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне плетьми *не секли*“ (ibid.); „Бысть скорбь и туга люта, якоже николиже *не бывала*“ (Ипат. лет., 132, 14); ср.: „Бысть моръ въ конихъ.. акъже *не былъ* (Ипат. лет.); „якоже *не былъ*“ (николиже) (Лаврент. лет., 146, 30); „И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже въ нашю память *не бывала* николиже“ (Ипат. лет., 134, 27); „Не погнѣтши пчелъ меду *не пѣдать*“ (ibid, 171, 6); „Вида идеши на смерть, *не ходи*“ (Лаврент. лет., 75, 27); „Далъ ли еси тѣ свои земли.. а ту еси грамоту даную далъ ли?.. далъ есми.. а.. отецъ мой.. тое земли *не давывалъ*, а язъ.. у тое грамоты отца своего не бывалъ“ (Акты, 2, 1479—1481 гг.); „Скажите въ божью правду, чьи то пустоши *бывали*, изъ старины куды тѣ пустоши *тягивали*“ (ibid., 5, 1485—1505 гг.); „а сказываетъ, семь лѣтъ пустоши косили, то, господине, лжетъ Кирило, а *не кашивали* тѣхъ пустошей до сѣхъ мѣстъ“ (ibid.); „и судьи спросили Данила: *давывалъ* ли ты (когда-либо) въ мрь.. пустоши..

И Данила так рекъ: далъ есми“ (ibid.); „билъ ли ты съ ними тотъ езъ и рыбу ловишъ ли съ ними вмѣстѣ? — Язъ, господине, съ ними того езу *не бивалъ*, а рыбы есми съ ними *не лавливалъ*“ (ibid., 27, 1510 г.); „мы.. животины съ поля къ себѣ въ деревню *не заганивали* и ихъ самихъ *не бивали*, и собаками *не травливали* и товарища ихъ до смерти *не убивывали*“ (ibid., 32, 1525 г.); „Мы.. силно лѣсу *не сѣкали* и деревни *не отнимывали* и Якуша *не грабливали*.. и Гаврилко Якуша *не нальжживалъ* и у него того Якуша *не выбивывали*“ (ibid., 34); „Язъ брату своему *не веливалъ* своей половины продавати“ (ibid., 41); „Отвѣчай: покрадчи еси отъ княини *бьгивалъ* ли, и тое татбу *имывал* ли? — Язъ.. покрадчи отъ княини отъ Анны сѣжалъ и тое татбу ималъ“ (ibid., 49, 1547 г.).

Болгарское: „Калéсай си (зови), Вълко, сúчкатѫ роднúну, Ала *не калéсвай* сéстрини си дѣцá“ (Бессонов, I, 39). И дальше: „*Калéсалъ* ѥ Вълко сúчки-тѣ роднúни, А *не* ѥ *калéсалъ* (действие конкретное) сéстрини-си дѣцá“ (ibid., 40); „Вýйче ни сѧ жéни нáзи *не калéса*“ (а не *калесва*) (ibid., 40); „рéкохѫ, да га обѣсѧтъ.. „Не дѣйте мѧ *обѣсва*.. срѣдъ село-то.. Амú мѧ кáрайте на бáштини ми ливáди.. та мѧ тамъ обѣсѣте“ (ibid., I, 93).

В грамоте рижан к витебскому князю, 1300 г. (Акты р.-лив., № 49, 27): „ныне новую правду ставишь както есме *не чювали* отъ отчовъ, ни отъ лѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ нашихъ“.

По аналогии с прочим следует думать, что, чем дальше в древность, тем реже это свойство; но, однако, оно весьма древнее. Так, хотя и в современных наречиях еще можно встретить *забудь*, *прибудь* в безразличном значении (*забудь* и *забывай*), но уже в послесловии Упиря Лихого (1047 г., Буслаев, Хрестоматия, 174) читаем: „здоровъ же кнѧже, бѹди, въ вѣкъ жи[ви], но wбáче писавшаго *не забываи*“.

В Прологе Иоанна экзарха: „да никакоже, братьѥ, *не зазираите*, аще къде wбрѣщете неистыи глъ“ (Калайдович, 131); „Онъ бьется, дерется целой день *не пиваючи*, *не едаючи*, ни на малой час *отдыхаючи*“ (Др. росс. стих., 258); „Повій вітре — прибудь милий. Як же мені *повівати*.. *прибувати*“.

§ 8. К различению степеней

Глаголы мгновенные или однократные. Следует остерегаться смешения этой степени со степенью такого же названия у Павского. Мы не относим ко мгновенным глаголам глаголы совершенные, коих совершенность зависит от предлога и которые независимо от совершенности могут принадлежать к трем различным степеням длительности.

Спрашивается, следует ли отделить от однократных и глаголы совершенные беспредложные? Есть ли какая-либо разница между теми и другими? Павский разницы не находит, и в его

пользу можно привести то обстоятельство, что при совершенных беспредложных никогда не бывает однократных на *-нуть* (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 28), что, напротив, есть случаи, когда форма с характером *-н-* вытесняет беспредложный совершенный глагол другого характера. Так, вместо русского совершенного *реку*, *паду* стоят в польском — *rzekn*ę, *padn*ę.

Однако сами по себе доказательства эти бессильны. Прежде всего не вполне верно, что при совершенных беспредложных (или, как Павский называет, однократных) не бывает мгновенных на *-нуть:* их нет при *решить*, *кончить* и др., но при *ступить* есть *ступнуть*, при *скочить* есть *скокнуть* (правописание *скакнуть* есть фонетическое, а не этимологическое: по-сербски *скокнути*), при *стрелить* — украинское *стрельнути*. Но положим, что замечание Павского верно. Мы различаем же однократные на *-н-* от начинательных с тем же характером, а между тем при начинательных на *-нуть* не бывает таких же однократных. *Макну́ть* однократный не при *мо́кнуть*, а при *мака́ть*.

Глаголы однократные с внешней стороны обозначаются характером *-н-*, с лексической — тем, что это глаголы движения внутри определенного пространства, света, звука. Они не образуются а) от глаголов движения, сопряженного с видимою переменою места: *ползн-*, *бегн-*, *шалить*, *валить*, *блудить*, *волок-*, *стерег-*, *ид-*, *ед-*, *везн-*, *несн-*, *лезн-*, *плыв-*, *бред-*, *шед-*, *гън-(а-)*; б) от начинательных (*стану*, *сяду*, *лягу*, *сохну*), в) от глаголов, в коих действие представляется вне связи с пространством (*петь*, *говорить*, *думать*, *вязать*, *плести*, *писать*). *Писну́ть* (комическое) переносит глагол *писать* в разряд таких, как *дергать*. Почему бы нельзя различать *дать* от мгновенных, несмотря на то, что при *дать* нет особой формы для мгновенности. Если только потому, что и *дать* и все мгновенные совершенны, то ведь совершенность глаголов не есть вообще доказательство их принадлежности к одному виду. Даже е с л и в польском *rzekn*ę, *padn*ę вытеснили и заменили формы *rzek*ę, *pad*ę, то ведь и *władn*ę вытеснило и заменило форму *wład*ę (*владѫ*, *власти*), но не стало от этого мгновенным. Мне кажется, следует обратить внимание на некоторые, впрочем очень тонкие, различия между глаголами мгновенными и совершенными беспредложными.

Во-первых, о глаголах с характером *-н-*. В славянско-литовский период характер *-н-* имел значение только начинательное. Мгновенность глаголов *-н-*, как замечено уже Павским, составляет особенность славянского языка. Она могла произойти только от начинательности; но переход от начинательных в мгновенные прекратился в весьма давнее время. Между тем как в древности, судя по архаическим явлениям в славянских наречиях, формально эти два разряда не различались (и одинаково могли не иметь характера во второй теме). Современный русский язык различает их таким образом, что начинательные могут

иметь и форму $\frac{\text{-не-}}{\text{-на-}}$, и форму $\frac{\text{-не-}}{\text{—}}$, мгновенные имеют форму $\frac{\text{-не-}}{\text{-на-}}$ в таком большинстве случаев, что мы можем считать отношения мнимыми. Именные глаголы *стану — стать*, *дену — деть* могут считаться, несмотря на свою совершенность, не мгновенными, а начинательными — конкретно-длительными, как *стигну*, *постиг*. К этим двум, несмотря на постоянное *-н-* в характере, отнесем и *минуть — мануть*.

Во-вторых, от глаголов решительно мгновенных никогда не образуются глаголы второй и третьей степени длительности; от глаголов совершенных беспредложных со включением *стать*, *деть*, *минуть* образуются, притом как будто эти глаголы были конкретно-длительные, несовершенные.

В-третьих, при глаголах мгновенных, хотя они и произошли некогда от начинательных, несовершенных, но никогда не встречается ни в современном, ни в прежнем, насколько он доступен наблюдению, глаголов т о й ж е ф о р м ы со значением несовершенным; *дрогну́ть* (мгновенное от *дрожать*) отлично от первообразного *дро́гнуть*. Напротив, почти все беспредложные совершенные, частью только в древнем, частью и в современном языке, имеют не только значение совершенное, но и несовершенное, и в последнем случае, очевидно, отличаются по значению от мгновенных.

В-четвертых, обращаемся к непосредственному чутью разницы в значениях: представляем ли в *дам* ту же мгновенность действия, что в *крикну*, *свистну*? Или в *благословить*, *женить* — ту же, что в *плюнуть*? Или в *ступнуть*, *скокнуть*, *стрельнуть* — ту же, что в *ступить*, *скочить*, *стрелить*? Мне кажется, нет. Я полагаю, следует отнести беспредложные к той степени, к которой они принадлежали, будучи несовершенными, именно к первой конкретно-длительной. Степень эта ближе всех подходит к мгновенным глаголам, потому что означает наименьшее после мгновенности продолжение действия. Совершенность, совпавши с однократностью, распространилась без помощи предлога и на некоторые глаголы ближайшей степени, и именно эта близость повела к отожествлению глаголов мгновенных.

Г л а г о л ы, н е р а з л и ч а ю щ и е с т е п е н е й. Есть глаголы, вовсе не различающие степеней, по крайней мере в общелитературном языке, например *гудеть*, *шипеть* (но ср. *шуметь — пошумливать*), *рябить*, *сквозить*, *пустословить* (но ср. *благословлять*), *стараться* (но ср. в чешском).

Невеста, вышедши из бани:

> После моего *быванья*, веку долгого
> Раскатись-ко, бела парка баенка.
>
> (Рыбников, IV, 115);

После моего *бываньица*,
После моего *живаньица*,
Как поедете.. приверните.. к моим родителям.

(ibid., 118);

И *думывал-подумывал* калека перехожая:
Не дать Илье платьице, силой возьмет...

(ibid., III, 29).

Формы более длительные, обыкновенно употребляемые только с предлогами (*вы-бирать* и т. п.), не вызваны к жизни присоединением предлога к относительно первообразной форме, так как существовали, а отчасти существуют и без предлога.

К различению первой степени от второй. Как глаголы *нести*, *вести*, *везти*, *брести*, *лезть* относятся к глаголам *носить*, *водить*, *возить*, *бродить*, *лазить*, так неправильно *идти*, *иду*, *шел* относить к глаголу другого корня *ходить*, а *ехать*, *еду*—к *ездить*. В украинском точно так же относится *гнати*, *жену* к *гонити*, *гоню*, которое, даже соединяясь с предлогом, в известных случаях удерживает несовершенность и явственно обнаруживает большую степень длительности (ср. с *жену*); но в русском различие в значении этих глаголов исчезает, так что в устах многих *гнать* заимствует первую тему от *гонить* и становится разноспрягаемым (*гнать*, *гоню*).

Без сомнения, некогда такое же отношение было между *ждать* и *годить*, но теперь украинское *годить* в значении „ждать" в украинском, сколько мне известно, не встречается[1], а в русском не чувствуется разницы по степени длительности между *подожди* и *погоди*.

Во всех этих девяти парах глаголов вторая степень обозначена характером $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$; в следующих вторая степень имеет характер $\frac{\text{-аіе-}}{\text{-а-}}$. Первая степень $\frac{\text{-е-}}{\text{—}}$ *ползти́*, *по́лзать* (в украинском *по́лзати* не встречалась, а есть *заповза́ти* = русскому *заполза́ть*), *плыть*, *плавать*, разноспрягаемое ср *бігти*, *біжу*, *-иш*, *біжить*, русское *бежать* (тема *-ль-*), *бегу*, *бегут* (тема *-е-*), *бежишь* (тема *-и-*), вторая степень *бегать*, *бігати*.

Первая степень с характером $\frac{\text{-ть-}}{\text{-а-}}$: *блестыть*—*блистать*, *видыть*—*видать*, *летыть*—*летать*, *свистыть*—*свистать*. Первая тема $\frac{\text{-и-}}{\text{-а-}}$—*блудить* и заимствованное *блуждать*, *валить*—*валять*, *весить*—*вешать*, *катить*—*катать*, *ломить*—*ломать*, *мерить*—*мерять*, *ронить*—*ронять*, *садить*—*сажать*, *тащить*—*таскать*.

[1] Есть *годить* (в значении „угождать"), но этот глагол—отыменный, а не отглагольный и не предполагает *ждать*.

„*Приложить* и *прилагать* старание"; но в литературном „*заложить* лошадь, стену" и „*закладывать* лошадей" и прочее. Однако в севернорусском: „не *залагат* ли (залагает) он ступистоей лошадушки". В украинском *положить* и „копиці *полагані*" (*покладені*). Несовершенный *класть*, совершенный *положить*. Однако: „Приносила хоть [меня ты, матушка] в хоромное строеньице, не в большой угол меня да *полагала*, На кирпичну́ю знать печеньку *ложчла*, И сосновую лучину подстилала, Тут великим бесчастьем награждала!" (Барсов, 266).

Различение глаголов второй и третьей степеней. Выше было уже говорено о неудовлетворительности деления по степеням у Павского. Возвращаюсь еще раз к тому же предмету.

Павский верно замечает, что как имя с уменьшительным суффиксом не считается уменьшительным, если оно не употребительно без этого суффикса[1], так и глаголы, например *бодать*, *читать*, *вязать*, имеют по отношению к виду то же значение, что и их первообразные *бости*, *честь*, *вязти*, потому что эти последние неупотребительны или малоупотребительны (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 21, примечание). То же самое и в других славянских наречиях, а равно и в литовско-латышском. Так, например, в польском *skrobać*, *grzebać* не имеют при себе первообразных, а потому равняются по значению не русским *скребать*, *гребать*, при коих есть русские первообразные, а именно этим последним (*скрести*, *грести*). Так, сербское *спáвати*—*спâвам* для тех, кому *спáти*—*спи́м*—архаично или уже неизвестно, значит отнюдь не то, что *сыпáть*, польское *sypiać*, а то, что *спать*[2]. Было, однако, время, когда глаголы *вязать* и т. п., существуя рядом с *вясти* и т. п., по отношению к этим последним означали бóльшую степень длительности. По нашей терминологии *вязать* со второй степени переведено в первую; по ошибочному взгляду Павского—с третьей степени (многократные дальние) на вторую (многократные неопределенные).

Спрашивается: как смотрит язык на глаголы производные, при коих первообразные сохранились, но получили значение совершенных? Другими словами: считает ли язык совершенность за степень по отношению к степеням длительности?

Павский, как мы видели, считает однократность [т. е. собственную однократность (=мгновенность)] и совершенность (=окончательность) за степень длительности, притом за первую. Согласно с этим, говоря об образовании глаголов посредством характера

[1] Явление, свойственное многим языкам. Без этой забывчивости языка было бы необъяснимо накопление в одном и том же слоге синонимичных или даже тождественных суффиксов без заметного изменения значения слова.

[2] Так, в латышском глагол *dīrāt*—*schinden* есть глагол простой или первообразный по значению, потому что более первообразный по форме [отсутствует] (Bielenstein. Sprache, Erster Teil, стр. 381).

-а-, он установляет правило: глагол, образованный посредством *-а-* от глагола первой степени (т. е. однократного и совершенного), принадлежит ко второй степени, а образованный от глагола второй степени — к третьей (Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 21).

Я полагаю, что считать однократность, как понимает ее Павский, т. е. со включением совершенности, за степень длительности ошибочно, и основываю свое мнение на следующем.

1) Собственная однократность (глагол с характером *-н-*) действительно есть степень длительности, но только не первая, а производная. Производить, как это делает Павский (ibid., § 21, стр. 56), глаголы *кидать*, *кивать*, *зевать*, *лизать* (по Павскому — глаголы второй степени, т. е. неопределенные многократные) от глаголов однократных (по Павскому — первой степени) *кинуть*, *кивнуть*, *зевнуть*, *лизнуть* есть hysteron proteron, о чем см. выше. В том, очень редком, случае, когда глагол на *-а-* действительно предполагает глагол на *-н-*, как в украинском *минати* от *ми-ну-ти*, в коем характерная согласная принята за коренную (Павский ошибочно думает, что корень глагола *минуть* есть *мин-*; ibid., § 19), глагол производный имеет по отношению к степени длительности совершенно такое значение, как и те производные, при коих стоят первообразные длительные: *летать*, *скакать* и т. п.

Однократность составляет степень длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимо от этого. Для меня очевидно, что однократность и совершенность — понятия не тождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны.

2) Что глаголы, коих совершенность зависит от предлога, не суть однократные (*походи́ть* — совершенный), это не требует доказательств.

3) За выделением мгновенных или собственно многократных и совершенных предложных, в первой степени Павского остаются глаголы беспредложные совершенные, от коих не только по мнению Павского, но и в самом деле производятся глаголы с характером *-а-*, как *падать* от *пасть*. Вопрос о том, точно ли значение этих производных на *-а-* предполагает совершенность их первообразов? Если так, то значение таких производных должно быть отлично от значения тех, при коих стоят первообразные несовершенные. Такого различия, принимаемого Павским, я не замечаю.

Бывать, по Павскому, есть глогол неопределенно-многократный, степени второй (т. е. одной и той же степени с *знать*, *звать*, *рвать* и т. п., что́, очевидно, ложно), а *живать* — по Павскому — есть глагол третьей степени (дальний многократный).

Но на самом деле различия в формальном значении нет между *живать* и *бывать;* эти глаголы одной степени, с чем согласился бы и Павский, если б обратил внимание, что *быть*, *был*, *бывший*, а равно и формы, образованные от другой темы (*будь*, *будучи*), вовсе не совершенны, что совершенна в этом глаголе только форма настоящего времени *буду*. Таким образом, как *жить* — *быть*, так *живать* — *бывать*.

Ставать, по Павскому, глагол второй степени, потому что производится от глагола первой степени (совершенного) *стать*, а *знавать* — третьей степени, потому что произведено от глагола второй степени (несовершенного, по Павскому, якобы неопределенно-многократного) *знать*; но по отношению к степени длительности эти глаголы равны. Равенство их между собою нисколько не нарушается тем, что *ставать* (без предлога) необычно в русском, где оно заменяется синонимом *становиться* (украинское *становитись*), а *знавать* — наоборот. И по сложении с предлогами глаголы эти равны друг другу: украинское (*на-*, *при-*, *за-*, *до-*) *-ставати*, русское (*на-*, *при-*, *за-*, *до-*, *у-*)*-ставать* принадлежат к одной степени с украинским (*ні-*, *за-*, *при-*) *-знавати*, русским (*у-*, *по-*, *при-*)*-знавать*, между тем как, по мнению Павского, от присоединения предлога глагол *ставать* переходит со второй степени на первую, а *знавать* — с третьей степени на вторую.

Разница между украинским *ставати* и *знавати* действительно есть, но не в длительности, а в том, что в первом из них есть оттенок начинательности, перешедший от первообразного *стану*, *стать*, а во втором нет. Чтобы устранить и эту разницу, мы сравним *ставати* с начинательными *-сыха-*, *-мока-*. Первый глагол, как сказано, по Павскому, второй степени, а второй — третьей; предложные от *ставать*, по Павскому, должны быть первой степени, а предложные от *сыхать* — второй, между тем как мы не видим разницы относительно степени между *уставать* и *засыхать* и т. п. Корни *лег* и *сед*, говорит Павский, „вопреки общему закону, с первой степени (*сесть*, *лечь* — глагол совершенный.— *А. П.*) при помощи *а* переступают сряду (сразу.—*А. П.*) на последнюю. Им подражает и корень *рек*. *Легать*, *седать*, *рекать* принадлежат к третьей степени. Для первых двух глаголов есть особая средняя степень: *лежать*, *сидеть*“ (§ 21,2). Причины перехода *рек* прямо в третью степень Павский не указывает; но и объяснение такого же явления в двух глаголах неудовлетворительно. Выше было замечено, что начинательность первообразных удерживается и в производных. *Седать*, *легать* — без предлога неупотребительные в русском, но обычные в украинском (*сідати*, *лягати;* последнее вместо основной формы *льгати*, с *я* = *ѧ*, взятым из первой темы *ляже*), — такие же начинательные, как и первообразные *сесть*, *лечь*; между тем *сидеть*, *лежать* (украинский *сéдіти*=*сидіти*, *лежати*) вовсе не начинательны и потому не могут быть поставлены в ряд с *лечи* — *легати*, *сести* — *седати*

и служат для этих форм среднею степенью. Точно так *стояти* принадлежит к особому порядку форм сравнительно с начинательным *стати — ставати*. Признавая объяснение перехода глаголов *сесть*, *лечь* прямо на третью степень ошибочным, я отрицаю и самый факт этого перехода, так как *седати*, *легати* принадлежат к той же степени, как и *ставать*, которое Павский относит ко второй.

Глагол *рекать* (основная форма *рѣкать* с усилением *е* в *ѣ*, чешское *říkati*) неупотребителен без предлога ни в одном из русских наречий, но по степени длительности как без предлога (в чешском), так и с предлогом (в русском, сербском, польском, чешском) относится к той же степени, к которой *ставать* (у Павского второй степени), *знавать* (у Павского — третьей) и *метать* (по Павскому, должны быть третьей степени, так как *мести* — второй).

Нет надобности повторять одно и то же порознь о каждом из производных глаголов на *-а-*, относимых Павским ко второй степени на том основании, что их первообразные совершенны. Довольно сказать, что, на мой взгляд, они ничем не отличаются от тех производных, коих первообразные несовершенны. Сравни *падать* (у Павского — второй степени) с *бегать* (у Павского тоже второй степени, глагол многократный разнообразный, но должно бы быть третьей, если бы Павский ошибочно не соединял эти глаголы в одну степень с многократным однообразным, как *бежать*. См. об этом при разборе деления по степеням); *давать* (второй степени) сравни с *знава́ть* (третьей степени); *девать* (например, „некуда девать“ — второй степени) — с *бывать* („негде бывать“) (по Павскому, тоже второй степени, но должен быть третьей, о чем см. выше под *бывать*); глаголы (по Павскому, второй степени), образованные от имеющих теперь значение совершенности, с характером *-а-* [*благословля-*, *броса-*, *верша-*, *ворочa-*, *конча-*, *куса-*, *мина-*, *пленя-*, *проща-*, *пуща-* (*пуска-*), *рожа-*, *реша-*, *скака-*, *ступа-*, *хвата-*, *явля-*], сравни с такими, как *ронять*, *ломать*, коих первообразные несовершенны и кои, по Павскому, относятся к третьей степени.

Из всего этого заключаю, что значение производных на *-а-* (большей степени длительности), имеющих при себе первообразные совершенные, вовсе не предполагает совершенности, а вытекает из значения, не имеющего ничего общего с совершенностью и предшествующего ей. *Давать* образовано от *дать* в то время, когда последнее еще не было совершенным, так что совершенность глагола *дать* (и всякого первообразного) не есть степень длительности по отношению к *давать*.

II. ВРЕМЕНА

§ 1. Есть ли времена в русском языке?

Некрасов в своем сочинении о глаголе и в статье „Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики“ (ЖМНП, 1869, т. IX) отвечает отрицательно.

Некрасов („О глаголе“, стр. 133) говорит, „что, во-первых, русскому глаголу не свойственны формы временные, что русский язык осмыслил время как нечто постороннее для действия, как внешнее (в отношении к действию) условие, под влиянием которого скорее находится лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие; что, во-вторых, формами русского глагола в этом случае выражается не время, а нечто другое..; что, в-третьих, приставка предлога ровно ничего не значит для времени“.

„Все глаголы в языке точно так же не различают по форме настоящего времени от будущего, как и глаголы *велю*, *женю*, *казню*“ (ibid., стр. 134).

Своими словами „замена настоящего времени будущим и, наоборот, будущего настоящим объясняется тем, что язык в этом случае отличают не времена, а виды“ („Грамматика“, § 184), Буслаев дал повод Некрасову создать учение об отсутствии категории времени в русском глаголе. Но самый факт, указанный Буслаевым в этих словах, не существует. Будущее совершенное (ибо о нем здесь речь) никогда не заменяет настоящего, и наоборот. О самих фактах древнерусского языка, подавших повод к подобному утверждению, было говорено выше; о явлениях современного языка, заставляющих Некрасова думать, что форма, называемая будущим, вовсе не выражает времени, будет сказано ниже. Теперь же я спрошу, возможна ли вообще замена одной формы другою, будущего времени настоящим и т. п.? Мы видим, что язык роняет известные категории и создает другие, и говорим, что последние заменили первые, подобно тому, как можем сказать, когда на ржище вырастает трава, что трава заменяет рожь. Это обычно не замена, а смена. Но каким образом при

существовании двух грамматических категорий (форм, рассматриваемых со стороны значения, а не в совокупности своих составных частей: звука, представления и значения) одна может заменять другую? Это невозможно, если признаем, что речь находится в зависимости от своих психологических условий. Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка, так как об ошибочном употреблении форм здесь говорить нечего. Слушая его речь, мы можем судить о ней так и сяк: мог-де употребить будущее вместо настоящего. Такое рассуждение ошибочно: мог, да не употребил, потому что не мог. Задачи же грамматики — найти психологические условия употребления формы, или проще: точно определить ее значение. Весьма часто разграничить формы может оказаться невозможным: тогда как не скажем, что найти различия между такими-то формами мы не можем. Но сказать этого о русском будущем глаголе совершенном — настоящем, кажется, нельзя.

„Язык.. [заменяя настоящее будущим и обратно] отличают не времена, а виды". Возможно ли? Если так, то действительно времен в русском языке нет. Но нет: вид, как совершенный и несовершенный,— понятие общее, под которое подходят все формы, составляющие спряжение; а если к виду отнести и степень длительности, то он распространится и на формы, обыкновенно к спряжению не относимые, например на отглагольные — *-тель: писатель, записыватель*. Разве различие общих категорий освобождает язык от различных частных? Глагол совершенный не имеет настоящего времени: значит ли это, что мы в *стану* и *стою, становлюсь* не различим ничего больше, кроме совершенности и несовершенности степеней длительности? Если бы так, то мы бы не различали и *стану* от *стал*, потому что обе эти формы одного вида.

В индоевропейских языках, говорит Некрасов в своей статье (ЖМНП, 1869, т. IX, стр. 45—46), „существуют формы двоякого рода: этимологические и синтаксические.. Значение того отношения... которое выражается формою описательною, или синтаксическою, узнается единственно по смыслу, содержащемуся в соединении слов между собою в речи, а также и зависящему от употребления. Точно то же следует сказать о тех случаях, в которых для выражения отношения, например действия по времени, язык не выработал ни этимологической, ни синтаксической формы, т. е. что это отношение узнается единственно по смыслу в речи". Отсюда явствует:

1) Что, по мнению Некрасова, значение этимологической формы узнается не по смыслу ее в речи, а непосредственно по самой этой форме, вырванной из связной речи, независимо от употребления.

2) Что между описательною, или (по терминологии) синтаксическою, формою и отсутствием формы в языке нет разницы, ибо отношение в разных случаях узнается единственно по смыслу в связной речи и зависит единственно от употребления.

На первое утверждение следует ответить утверждением противоположным. Ни реальное, ни формальное значение слова не могут существовать сами по себе. Язык во всем без исключения символичен. Никогда значение слова с тех пор, как слово стало словом, не было равно его внутренней форме, т. е. тому признаку, которым обозначено значение. Всегда отношение символа к обозначаемому определяется не чем иным, как употреблением в связной речи. Путь, которым мысль дошла до сообщения слову такого-то определенного значения, может быть забыт, но это не имеет никакого влияния на определение приемов, которыми слово доходит до значения. Нам только кажется, что слово *волк* само по себе непосредственно означает известное хищное животное, но на самом деле это значение появилось только потому, что слово это заключает в себе представление резания или разрыванья, отнесенное к таким-то грамматическим категориям (именно мужской род в именительном падеже единственного числа). Само по себе это представление есть значение, условленное несколькими другими представлениями, и так далее — вверх до неисследимого для нас в частностях начала слова. Что заставило представление разрыванья отнести именно к животному *lupus*, тогда как есть множество других предметов, которые могли бы быть названы по тому же признаку? Сила, которую мы, отвлекаясь от возможности разложить ее на составные части, называем употреблением и которая сказывается только в действительной жизни языка, т. е. в связной речи. Почему scripturus sum имеет значение будущего времени с оттенком намерения, желания: *намерен писать, mam pisać*, ich *bin* im Begriff zu *schreiben*? Почему сербское *писаћу, писаћу*, хотя и не всегда, но весьма часто совершенно теряет оттенок „хочу, имею намерение писать" и обозначает просто будущее объективное?

Почему санскритское *dātāsmi* есть будущее время? Есть ли в этой форме что-нибудь такое, что указывает на будущее время? Что же ее сделало будущим, как не та сила, называемая употреблением, которая всегда создает из данных материалов нечто большее того, что в них заключено. Значение этой формы определяется только употреблением и узнается только из него. В этом отношении между нею и соответствующею энклитическою формою daturus sum нет никакой разницы. Различие между синтетическими (по Некрасову — этимологическими) и энклитическими (по Некрасову — синтаксическими) формами устанавливается Некрасовым совершенно произвольно. Единственная общая разница между ними состоит в том, что первые составляют звуковое единство. В частности, между формами, какие бы они ни были,— энклитические или синтетические, существует всегда

разница значения, и создание новой формы есть всегда создание новой грамматической категории, что и следует иметь в виду, говоря о замене одних форм другими.

Значение форм, определяемое употреблением и узнаваемое из него же, существует в самом языке, а не вне его. Это составляет отличие существования форм в языке от того случая, когда формальные оттенки мысли вносятся со стороны. Так, например, для немецкого языка совершенно безразлично то обстоятельство, что при переводе с немецкого на русский мы, не колеблясь, ставим на месте одной и той же немецкой формы *führt* одну из нескольких соответственных русских: *ведет*, *водит*, *провожает*, *проваживает*. Тот смысл фразы, которым мы руководствуемся при этом, внесен в нее русскими переводчиками, требуется русским языком, в немецком же вовсе не существует.

Случай этот не имеет ничего общего с многознаменательностью формы в одном и том же языке. Это последнее явление вполне аналогично с тем, когда слово, понимаемое в смысле звуковой единицы (т. е. отвлекаясь от значения), имеет много реальных значений. Звук *баба* значит у нас, как известно, anus, obsetrix, fistuca, pelicanus, род слобного хлеба и многое другое. Спрашивается, существуют ли все эти значения в языке, или это только нам кажется? Сознаем ли мы различие между женщиною, сваею, птицею, хлебом при помощи нашего языка, или это различение нашему языку чуждо, а вносится в наше понимание извне? Мало того, что мы сознаем различие этих значений, но, строго говоря, для каждого из этих значений мы имеем особое слово.

В словарях принято, для сбережения времени и места, под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнения, что слово может иметь несколько значений. Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слово) принято не действительное слово, а только звук. Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и о д н о г о значения (S t e i n t h a l в „Zeitschrift", B. I, стр. 425—428). Связью между звуком и значением служит первоначально представление; но с течением времени оно может забыться. Отношение между словами однозвучными, если однозвучность их не есть только случайная или мнимая, всегда бывает таково: а) представление, первоначально связанное со звуком, может в разное время стать средством сознания различных значений; б) каждое из этих значений может, в свою очередь, стать представлением других значений. Положим, в слове *зелье* представляется растение чем-то з е л е н ы м; значит, растение служит затем представлением л е к а р с т в а, лекарством представляется с н а д о б ь е

вообще, снадобьем представляется п о р о х. Все эти значения растения — лекарство, снадобье, порох — составляют не одно слово, а четыре. При появлении каждого из этих значений создается новое слово, хотя звук первого слова может и при всех последующих оставаться неизменным. Нелепо думать, что люди, называющие порох *зельем*, представляют его себе зеленым или не сознают различия между растением и порохом. Рассуждая таким же образом, мы приходим к заключению, что омонимия форм есть тоже грамматическая фикция. Каждая форма первоначально имеет о д н о з н а ч е н и е. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается н о в а я ф о р м а. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке д в е формы с р а з л и ч н ы м и значениями. Этот случай, постоянно повторяющийся во всех формальных языках, следует отличать от того, когда в языке вовсе нет известных форм. Два дела разные: в языке имеются д в е о д н о з в у ч н ы е формы — одна для настоящего, другая для будущего времени; и в языке нет форм ни для того, ни для другого. В первом случае сам язык доходит до сознания различия времен таким же образом, как вышеприведенный пример, — различие значения звуков *зелье*; во втором случае различие времени настоящего и будущего (если оно не обозначено иначе) может быть внесено в значение речи не из нее самой, а с посторонней точки (например, с точки зрения чужого языка), на которой язык не стоит.

Некрасов этих случаев не различает. Для него отсутствие специальных звуковых указаний на значение формы и совмещение в одном звуковом комплексе нескольких формальных значений служит доказательством отсутствия в языке форм как для настоящего, так и для будущего.

Буду теперь употребляется в русском языке с значением будущего времени; на каком основании? В форме *буду* язык не отметил ни одним звуком отношения действия к какому-либо времени, тем менее к будущему. Форме *буду* вполне соответствует форма другого глагола *иду*. Почему же первая имеет значение будущего времени, а последняя — настоящего? Что форма сама по себе, как форма этимологическая, не выражает определенного отношения ко времени, видно из того, что в древнерусском языке она употреблялась также и с значением настоящего времени. Здесь мысли по Срезневскому („Мысли", стр. 80) и Лавровскому (Л а в р о в с к и й. О языке, стр. 90). В последнем сочинении такое значение *буду* подтверждается нынешним значением деепричастия *будучи* и соответственно этому употреблением в старинном языке причастий, например „чернцемъ *будя*" (Новгор. IV лет., 39); „князю.. не *будущю* въ Новѣгородѣ" (Новгор. I лет., 67; в Академическом списке — *сущю*). Некрасов в дополнение к этому сам нашел в Ипатьевской летописи под 1185 г. „*будущю* же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ (= е) мужь" и прочее, где, по мнению Некрасова, *будущю* имеет зна-

чение прошедшего времени (когда находился), „ибо выше сказано: „Игорь же .. *бяшеть* въ Половцехъ“[1].

„Итак, если форма *буду* могла иметь значение и будущего и настоящего времени, то очевидно, что сама по себе она не выражает никакого определенного отношения ко времени, другими словами, она не есть форма времени“ (Некрасов, стр. 46—47).

В ответ на это объяснение замечу: русская форма настоящего времени есть вместе с тем общеиндоевропейская. В ней нет материального указания на настоящее время, и потому покамест позволительно, если это кому-либо нужно, считать ее формальное значение произвольным, но непозволительно считать это отношение сомнительным и неясным, ибо форма эта, образуясь от первой темы глагола и тем самым отличаясь от времени второй темы, строением своим отличается и от остальных форм первой темы и искони имела значение настоящего времени изъявительного наклонения, значение которого, кроме нее, не имела ни одна личная форма.

К этому общему наследию славянский язык прибавил новые категории несовершенности и совершенности, существенно видоизменившие его строй. Во время полного водворения этих категорий между ними распределялись все глаголы. При этом настоящее время несовершенных, говоря приблизительно, осталось, каким было; настоящее же совершенных послужило средством или представлением нового значения к апперцепции новой грамматической категории будущего времени совершенного. Таким образом, славянский язык не потерял прежнюю категорию настоящего времени, а создал новую. Для этой новой нет никакого особого, ей исключительно присвоенного знака, как нет его и для более общей категории совершенности; но она столь же ясно сознается языком, как в вышеприведенном примере новое слово (т. е. новое значение) *зелье* — порох, при прежних словах с тем же звуком. В современном языке глагол совершенный большею частью и внешним видом отличен от несовершенного: *стану* есть только совершенный глагол, только будущее время, и нет возможности смешать его со *стою*, *становлюсь*; *напишу* (совершенный) отличается от *пишу* (несовершенный); случаи же омонимии глаголов совершенных и несовершенных должны быть понимаемы так, как и всякая омонимия. *Рожу*, каждый раз как употребляется, есть или глагол несовершенный с настоящим временем, или совершенный с будущим. В современном языке он

[1] Некрасов вообще думает, что если говорится о прошедшем событии, то должно быть употреблено и прошедшее время; но язык понимает время иначе и, изображая ряд прошедших событий, может вместить в это изображение все свои времена. Во втором примере *будущю* есть такое же причастие настоящего времени, как и в первом, и перевод *когда был* не передает его смысла; ближе было бы, если бы это было согласно с обычаем литературного языка, перевести „*будучи* князь в половцах (деепричастие настоящего времени) — нашелся“.

ни тем, ни другим — безразличием того и другого — быть не может. Что такое значит требовать, чтобы мы определяли грамматический смысл этого слова самого по себе? Я полагаю, это может значить только одно: чтобы мы отвлекали его от его значения; но слово или форма без значения не есть ни слово, ни форма. Фонетика знает такие отвлечения, но этимология так не поступает. Она не игнорирует значения слова, а отыскивает представление этого значения. Представление без представляемого немыслимо. Поэтому напрасно думать, что рассматривая *рожу* „само по себе“, мы рассматриваем его этимологически; напротив, мы в таком случае ничего не видим, кроме звука, который слова не составляет.

Слово и форма есть непременно совокупность звука и значения, поэтому неточны выражения, как „форма настоящего времени имеет значение настоящего или будущего времени, смотря по виду, в котором глагол употребляется“ (Буслаев. Грамматика, § 89). Форма настоящего времени не может иметь никакого значения, кроме настоящего; получая значение будущего времени, она становится формою будущего, но подобных неточностей избежать совершенно невозможно. Они безвредны, если знаем, как их понимать. Поэтому и я буду называть формой настоящего времени ту, которую так принято называть.

И продолженные (по нашей терминологии — несовершенные), и совершенные или однократные глаголы, собственно, имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное.

Вышеприведенный способ рассуждения применяется Некрасовым и к описательным формам будущего времени. „В современном русском языке мы употребляем вспомогательный глагол *буду* с существительною формою глагола (т. е. с неопределенною.— *А. П.*). Спрашивается: какою же этимологическою формой обозначается здесь будущее время? Личные формы: *буду* ... *хочу* ... *начну* ... *имею*, *иму* ... не имеют ни одного звука, обозначающего будущее время. Все они как в древнем, так и в новом русском языке употребляются с значением настоящего времени, особенно глаголы *хочу* и *имею*[1]. Существительная же форма спрягаемого глагола не имеет времени. Почему же описательные формы: *хочу*, *идти* и т. п. получили в языке значение будущего времени?“ Далее говорится, что в сербском и украинском вспомогательные *хоћу* и *иму* обращаются в суффиксы для образования будущего времени. „Здесь мы видим процесс образования этимологической формы будущего времени из формы синтаксической, описательной, которая в своем полном виде первоначально получила значение будущего времени единственно

[1] Если все, то зачем же „особенно“ такие-то. На самом деле *буду*, *начьну*, *иму* предполагают значение настоящего времени, но как вспомогательные уже в древнем русском языке суть будущие.

по смыслу своего употребления в речи[1]. Но в формах русского глагола, какими они являются в настоящее время, мы не видим ничего подобного. Напротив того, замечаем, что русский язык не только не заботится об образовании какой-либо этимологической формы для обозначения времени, но даже отказывается и от тех, которые ему принадлежали несомненно, и притом отказывается более, чем другие родственные славянские языки. Так, например, и польский и чешский языки, более других славянских языков утратившие древние формы прошедших простых времен, удержали, хотя в значении условном, формы: *bych*, *bys*, *bychom*, *byste*[2]; русский же язык отказался и от этих форм, оставшись при одной форме *бы*, получившей значение союза" (Некрасов, стр. 49—50).

Вопрос, почему описательные формы будущего времени получили этот свой смысл, совершенно законен; но какой бы ни выпал на него ответ, во всяком случае, если не доводить самого вопроса до абсурда, он подтвердит, что этот смысл есть. Нынешний литературный русский язык имеет описательную форму будущего времени несовершенного вида, т. е. имеет категории этого времени. То обстоятельство, что он не сливает вспомогательного глагола в одну звуковую единицу с неопределенным наклонением, имеет лишь второстепенную важность.

В сочинении „О значении форм русского глагола" Некрасов говорит (стр. 125—126): „.. русский глагол не имеет ни одной формы для обозначения времени". Под формою здесь разумеется звуковая форма. Но и со стороны своего значения эта внешняя форма не имеет отношения ко времени. Грамматика учит, что „форма настоящего времени получает значение будущего, если глагол употреблен в виде однократном и совершенном". Но грамматика (т. е. предшественники Некрасова) питается „крохами одной лишь так называемой образованной речи наших писателей" (ibid., стр. 127) (что за благородно-демократическое презрение!), а Некрасов учится „распознавать гений родного языка из него самого во всем его объеме" (ibid.) и, пользуясь этим источником, учит нас, что „по смыслу речи" (ibid.) [это.— *Ред. 1941 г.*] вовсе не суть формы времени, потому что имеют значение и прошедшего и настоящего.

Такое мнение объясняется тем, как понимает смысл речи Некрасов, а ни в каком случае не содержанием слова, языка.

Посредством языка человек доводит до своего сознания или, другими словами, представляет себе содержание своей мысли. Язык имеет свое содержание, но оно есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно, но самим лицом принимается за нечто, существующее вне его. Это лично-объективное содержание стоит вне языка. Так, например, мы можем думать, что время бывает троякое по отношению к тому мгновению, когда думаем или говорим: настоящее, прошедшее и будущее, и что сообразно с этим события настоящие, прошедшие и будущие такими и должны изображаться. Но языку, как живописцу, вольно и „Пятницу на коне написать".

Событие, еще не совершившееся, по мнению самого говорящего лица, язык может представить не только будущим, но и прошедшим, прошедшее — настоящим и будущим. Так, между прочим, сербский язык, которому даже с точки зрения Некрасова нельзя отказать в формах для выражения времени, потому что в нем есть, между прочим, аорист и преходящее, любит в известных случаях будущее событие выражать аористом: „останите овђе ... а ја пођох". Что в таких случаях есть содержание языка, а что — относительно объективная мысль? Содержание языка здесь имеет категорию известного оттенка прошедшего (аориста) — объективная мысль есть будущее; первая есть форма, второе — содержание, но не языка, а мысли. Но Некрасов, если бы захотел быть последовательным, должен бы был сказать, что в сербском *пођох* есть не прошедшее, а так как в других случаях эти звуки обозначают и прошедшее, то, значит, он вовсе ко времени не относится.

Буслаев. Грамматика, § 184 (изд. 3-е): „И продолженные и совершенные или однократные глаголы собственно имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное". Однако настоящее время глаголов совершенных в русском и вообще в славянском — понятие немыслимое, такое настоящее не есть настоящее, а будущее совершенное, представленное посредством настоящего. Самое представление, как и в бесчисленном множестве других случаев, вышло из сознания. Приводимые соображения заставляют Буслаева прибавить: „собственно (т. е. в тесном смысле.— *А. П.*) настоящим время бывает только продолженное"; однако дальше говорится: „совершенное же и однократное употребляется для означения или настоящего или будущего". Или — или? Значит, совершенный глагол все-таки может иметь настоящее? Значит, *продаст* и в нынешнем литературном языке иной раз есть не будущее совершенное, а настоящее? Это, смею думать, ошибка, повод к которой подает сам славянский язык (именно однозвучностью форм настоящего и будущего времени совершенного глагола) и которую Буслаев разделяет с мнением других исследователей. Например, у Вебера (Weber, стр. 93) читаем:

[1] Справедливо, что *хоћу* с неопределенным наклонением прежде стало одною формою, т. е. потеряло реальное значение, чем сократилось в *ћу*. Разница между *хоћу* в формальном значении и *ћу* так тонка, что уловить ее трудно: „Ратари се зачуде и реку му, како *ће* он појести, толико јело.. Он опет рече, да *хоће*" (Караџић. Припов., 1853, 2).

[2] Это — формы чешские; в польском литературном точно таких нет.

„настоящее время глаголов совершенных иногда стоит вместо будущего".

Внутренняя форма будущего времени совершенного есть в русском языке исключительно, а в сербском между прочим — настоящее время глаголов совершенных. Другими словами, в этих языках будущее время представляют настоящим: это будущее первоначально было содержанием личной мысли, потом в свою очередь стало формою нового содержания — стало содержанием языка, т. е. представлением.

Задача грамматики — показать, что́ (т. е. какое относительно-объективное, личное содержание) представляется посредством этого представления.

Представляется этою формою в русском языке следующее:

1. Действительно будущее время: завтра *пойду*; если *пойду*, то.. Здесь русский язык нисколько не отличается от польского и чешского, но несколько отличен, как увидим, от сербского.

2. Середину между будущим временем совершенным в значении объективного будущего и будущего современной обычности занимает будущее совершенное с отрицанием (*не*, украинское *не—ані*) с оттенком: не смогу сделать, не в состоянии сделать то-то; „я с тобою *не справлюсь*" — значит не только „не буду в состоянии", но и „теперь не в состоянии с тобою справиться". Так, украинское „я із ним не зійду": „хотілось би на його подивитись, дак вії замигтять, замигтять, і не згляну" (Основа, 1861, VI, 20);

Івася Вдовиченка у трупу тіло знаходили.
Вже ж він і очима *не гляне*,
І руками *не здиме*,
І ногами *не пійде*;
Тільки стиха словами промовляє.

(Метлинский, 422);

Ой як повернеться та пан Перебійніс на правую руку,
Й аж *не вискочить* його кінь вороненький із ляшського трупу.

(ibid., 402);

А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя *не шевельнится*,
Й на буйной голове кудри *не тряхнутся*.

(Др. росс. стих., 75);

Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною,—
Качается старец, *не шевельнется*.

(ibid., 81);

[Сокол].. з лісом говорить:
Ой лісу, лісу, чом ти *не шумиш*.. чого тих стоїш?
Через тебе лену, крильцем *не тену*,
Крильцем *не тену*, пирцем *не рухну*.

(„Сборн. Сев.-Зап. кр.", I, 87);

Під тобою, селезень, вода *не схитнеться*;
Із тобою, козаченьку, нічка *не змигнеться*.

О примере: „Бил Васька детину в буйну голову:
Стоит детина *не ворохнется*"—

Некрасов („О глаголе", стр. 126) говорит, что форма *не ворохнется* и т. п. „по грамматике должна иметь значение будущего", но „очевидно... не имеет... будущего значения". Этим путем Некрасов думает довести так называемую им „грамматику" до абсурда. Но и здесь вопрос в том, что́ такое в рассматриваемых случаях содержание мысли, а что́ ее образ, символ или представление, т. е. содержание языка. Последнее есть будущее совершенное.

„А болѣзнь была такова: прежде яко рогатина ударитъ за лапатьку, или про[ти]ву сердца, подъ груди и промежду крилъ, и разболится, кто почнеть кровію хракати, и огнь разжеть, по семъ потъ, потомь дрожь иметь и по всѣмъ суставомъ походить въ человѣци недугъ той естественый..." (Новгор. II лет., 135);

„И да и иноу притчоу приложоу к' семоу: ѡк же и дымъ ѿ дрѣва и ѿ wгнѣ възидетъ горѣ рѣдькъ и слабъ. таче ѡко възидетъ на высость. акы wблакъ се сътьнеть[1] и оудебелитъ" (Шестоднев, 34). Теперь обычность — глаголами совершенными; но чем древнее памятник, тем возможнее, что это настоящее время глаголов еще несовершенных: „нъ и тоу сами мор'скоую водоу видѣти кєсть. [как испарение превращается в сладкую] кгда ю възвареть плавающе и по мороу. и надъ въспарениємъ тѣмь гоубоу дръжеще, събероутъ водоу, ижимающе по бѣдѣ. и пиютъ ю wслад-чавьшоу въскоуреніємь" (ibid., 91); „Дѣнь творимъ. прсиѧниємъ слнечнайго свѣта. таче, кгда прѣтечетъ, яко же кмоу ѿлоучена кєсть мѣра. ти дондетъ. выше земнаго полоукон'ца. и.. работоу сконьчаєтъ. то тъгда пакы. акы рабь приѧзнивый. и повелѣнѡ. непрѣстоупак. и своєвольствомъ сьвлачит се. съ своєи воле и славы. и мьнѡшю тѣ клеврѣтоу старѣйшиньство. даѥтъ прѣпоущак, самъ въ невидымыихъ мѣстѣхъ. и беславныхъ съкрывь се доньдеже оувъ ставьныи годъ кмоу. оустоуплениѧ кго сконьчаєтъ лоуна. и пакы

[1] Украинское „зуби *стяти*".

притечетъ. ѩко же би кто рекълъ къ владычкыймь оу҃лицамь. оу҃ нихъ же се би пакы wблъклъ въ кнежьскъ ми сракъ сѣестныи. и внидетъ въ полаты. й wбладетъ всѣмь миромъ. и свою власть прѣиметъ" (ibid., 108).

3. Действие обычное, которое рассматривается независимо от своего выражения, или неопределенное по времени, потому что много раз совершалось прежде и много раз будет совершаться, или принадлежит прошедшему. Для обозначения этого последнего случая русский язык употребляет *бывало* („бывало встану" и т. д.). „Бджола заздалегідь постереже негоду", „й не остерігся"—„и не заметил кого.."

В обоих случаях говорящий не смотрит в будущее с точки зрения настоящего [которое иногда и обозначается наречием: „отце (отто) (бувало) прийдуть..."], но в последнем случае сама эта точка находится и в объективном прошедшем. В будущем он представляет действия обычные совершенным, а несовершенным только те, которые определяют время первых своим собственным протяжением во времени: „отце як стане вечеріти (в этот период времени), повиходять..." Само собою, что длительность этих будущих совершенных может быть различна.

Будущее для обычности. Как указание, что будущее изображает не конкретное событие—сослагательное: „от се б-то пройде" и т. д. (см. у Гребенки).

Ја тавновах за седам година,
Нит' ја знадох, кад ми љето дође,
Нит' ја знадох, кад ми зима дође,
Осим једно, моја стара мајко:
Зими би се грудале ђевојке,
Пробаце ми по груду снијега,
По том знадем, да је дошла зима;
Љети баце стручак босиока,
По том знадем, да је љето, мајко.

(Караџић, II, 377);

„Да того нѣща [рыба] паче оу҃нетъ въ понтьско море. ѩко же строинѣк инѣхъ морь ражати в' немъ и въскръмлѣти wроды въ немъ. таче яко се добрѣ исплодетъ тоу, тако пакы вси възъвратет' се на свои жїлища.. [так как северное море мелко, бурно и зимою холодно] сего цѣща въмалѣ повеселивъше се в' немъ. и покръмив'ше въ жетъвны годъ. пакы зимѣ пристоупающі. на глоубин'ноую топлотоу. и слнечнаѧ при сонѣ възвращаютъ се. wбѣгъше w стьудени полунощ'ныѧ. ѩже морѣ вѣтръ ходѣ потресаетъ. то въ та въходетъ" (Шестоднев. 169—170); „Ник'то же имать дома имѣниа възираѥ. на ластовиче оу҃добь хытро строѥ-

ник. она бо гнѣзо начинающи. оу҃сты вѣнцоу въземьші. принесетъ. а кала немогоущи ногама възети краѧ крилома въ водоу омочив'ши. таче въ прсѣ земнѣмь повалѣвъши. тако събираетъ калъ на граженик, таче ветвик по малоу сълагающи. ако клькмъ, брьнькмь тѣмъ съвежетъ и в' томъ гнѣздѣ птище свок въскръмитъ" (ibid., 179).

Будущее время со значением „не может или может сделать то, что обозначает корень": „Івася Вдовиченка у трупу тіло знаходили. Вже ж він і очима не гляне, І руками не здиме, І ногами не пійде, Тільки стиха словами промовляє" (Метлинский, 422); „За слезками—глазками не взглянеть, За жалостью речь не взмовит" („Калики", I, 128); „Коло вікна стою, дрібни слези роню, слова не промовлю". „Сѣверьнок море.. слажешю бо всѣх' морь водоу иматъ. им' же мало походивъ слнце. по той стрнѣ wходитъ. и не изметъ кн всек влагы сладъкык лоучею" (Шестодн., 169 об.).

И прошедшее может употребляться в значении обычности. „Вона там и встала и лягла: все там була". В современном для выражения нерушимости материнского благословения:

Как твое то благословенье
На огне оно *не горело*,
На воде да *не тонуло*,
Во чужих людях оборонило,
Оборонюшка великая!

(Барсов, 77).

Так как способ этот выражать обычность зависит от существования в языке категорий совершенности и несовершенности и так как чем далее в древность, тем менее заметны эти категории, то в древних памятниках могут встретиться случаи, в коих мы ошибочно принимаем за рассматриваемый способ обозначать обычность другой, который состоит в представлении обычных действий настоящими, или наоборот. „Не преимай же ученья от Латынъ, ихъ же ученье разъвращено; влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и поклонився напишетъ крестъ на земли и цѣлуетъ, въставъ простъ станетъ на немъ ногами; да легъ цѣлуетъ, а въставъ попираетъ" (Лаврент. лет., 49).

Так, в следующем месте, по списку XII в. (Богословие, 419—421): „и отъ ластовицѣ не вѣрѵеши ли ѩже оу тебѣ. щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ. и зимѣ пришьдъши wидетъ w тебѣ и за короу залѣзъши *приплатить* ти см доубоу [плашмя прицепится к дереву]. и перье *съверьжетъ*. годоу же весньноуоуму пришьдъшоу пакы см *обьржетъ* перьемь. ѩко и навь из гроба

исходѧщи весна бо ея въстание *принесеть*. и много пакы прдшьдъши глть. и щьбьчеть. тькмо не рекоущи члвчине. ѡ мене вѣруи ѡ въскрьсении. и другааго съмотри чрьви иже и себе свилоу точить. и обѣзаса тѣми нитьми домъ си *съткорить* и гробъ. съпроста же рещи всеи емоу плъти тоу съсъхъшисѧ годоу же пришьдъшю всеньноуоумоу. пакы онъ же ѡбразъ древлънии ижъ него [гроба] *прииметь*. и пакы тъжде животъ *боудеть*. и жюпельци (жуки) хотѧще измрети. гноивъ обльивъше *положатьсѧ* въ немь. землѥю. посыпавъше гробъ свои. ти отъ тои влагы на весноу *ожившть* ѡ сѣмени своего".

„Того ж лѣта [1352 г.] бысть моръ силенъ въ Новѣгородѣ.. сицево же бысть знаменіе тоа смерти: хракнеть кровію человѣкъ, и до три дни бывъ да умреть" (Новгор. I лет., 85); „В то же лѣто и зиму [1417 г.] бѣ моръ страшенъ, въ Новѣгородѣ, на людѣхъ.. Преже яко рогатиною ударить и явится железа, или начнеть кровію хракати, и потомъ дрожь иметь и огнь разжеть, по всѣмъ съставомъ человѣчьскымъ, естественныи недугъ походить; и въ тои болѣзни мнози лежавъ изъмроша" (ibid., 107).

§ 2. Настоящее глаголов совершенных в значении прошедшего времени

„В лето 6600. Наиде рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по уличямъ, яко мнѣти вои множьство, а конемъ копыта видѣти. да аще кто изъ истьбы *выльзеть* (в Академическом списке „вылазяаше") напрасно убьенъ бываше невидомо" (Новгор. I лет., 3);

„И поидоста [вълхва] по Волзѣ, кдѣ *придуть* въ погостѣ ту же нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору" (Лаврент. лет., 75);

„Они же сѣкуще ѧ и бодуще, вогнаша а (= я) во озеро (причем повторялись такие сцены.— *А. П.*): *иметься* 10 мужь одиного коня, мняще, яко „конь вынесеть ны", и тако погрязаху" (Ипат. лет., 195, 19).

Здесь подчеркнутые формы суть уже будущие совершенные; но в том же памятнике и в том же отрывке есть формы, которые в позднейшем языке были бы только совершенными, здесь же несовершенными, и самое *буду*, быть может, местами должно быть переводимо нашим *становлюсь*, например: „златьна земля копаема и съ водою *съмѣсима* (= смешиваемая) въ соудѣ брьник *боудеть* (будет? становится?). а аще въ огнь въложиши. то злато боудеть (станет? становится?). и аще к въ водоу ввьржеши не бережеть его. имьже преже бьрнѥ бываше [не подчиняется действию того (воды), что прежде превращало его в грязь]. не бо нъ wгнь к зѣло оутвьрдилъ ксть" (Богословие, 421—422). Подобные случаи могут дать основание считать и формы, употребляемые в значении совершенных, за несовершенные.

Если не может быть сомнения, что *принесуть*, *иметься* суть будущее совершенное, то тем менее такое сомнение возможно относительно позднейшего памятника; Котошихину часто представляется случай употреблять такие обороты: („Какъ устраивать свадебный чинъ?"): „Первое полату *нарядятъ*, *обьютъ* бархаты, и *постелютъ* ковры... и ...поставять царское мѣсто... да столы жъ... и на тѣхъ столѣхъ *положатъ* скотерти да хлѣбъ съ солью" (6); „а прямого истинного наказу, и указу... посломъ своимъ вѣдати не *дадутъ*, до тѣх мѣстъ, как они съѣдутся зъ другими послами" (ibid., 42); „а *розойдется* про царя и царицу и царевичей и царевенъ, и бояромъ в подачи, на всякой день, ѣствъ болши 3000" (ibid., 64).

Сюда же относится, например:

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

(Пушкин. Граф Нулин).

Некрасов („О глаголе", стр. 129) замечает: „Здесь, очевидно, форма *свернется*, *разинет* вместо *свертывается*, *разевает*. Только нело в том, что замена будет неудачна, невыразительна. Эти однократные формы употреблены так метко, что будущее значение времени их совершенно исчезает". Если вышеупомянутая замена неудачна, то, значит, вовсе не очевидно, что *свернется* вместо *свертывается*. Это даже совершенно неверно ни в том смысле, что первая форма предполагает вторую, ни в том (как думает и сам Некрасов), что первая точно передается второй. Но меткость, или, точнее, верность обычаям языка в рассматриваемых выражениях состоит вовсе не в том, что значение будущего времени в них теряется, а напротив, в том, что обычность действия обозначена будущим совершенным. Она могла бы быть обозначена и настоящим, как в предыдущих трех стихах; но в таком случае мы имели бы перед собой генетическое изображение постепенного развития действий, а не быструю их смену в мысли.

„Аж онде, одне тільки хтось снує уподовж вулиці. То затюпа, то вп"ять зашкандиба.. то пійде, то стане, то назад верт

(Кв.-Осн.); „Ще тільки що вийде Галочка з свого двора, озирнула очицями усіх, що зібралися тут, вже вона й зна, як мимо їх пробігти“ (Кв.-Осн. Щира любов).

§ 3. Формы совершенные для означения конкретного действия из ряда многих обычных

„Nieraz *zastałem* matkę moję we łzach.. i wówczas mawiała mi“ (Pol); „Nic nie równa się szczęściu tamtych lat, każda chwila roku była pełna, wszystko potrącało do uczuć i myśli, czasem tylko we śnie *zjawił* mi się mój ojciec w rozpaczy.. w dali *słyszałem* niby płacz matki.. to znowu głos przyjaciela kapłana, w mundurze *mignął* (= бывало мелькнет) się jenerał“ (Pol); „Mnie boli taka muzyka“, mawiała.. A kiedym nie przestawał grać, *przerwała* mi z prostotą grę, uderzyła w klawisze *i zagrała* (бывало) obozową lub szalonego mazurka“ (ibid.); „Szczuł i *polował* gonczemi, chętniej odwiedzał dalekich niż bliskich sąsiadów nie *opuścił* nigdy kijowskich kontraktów.. Chart faworyt spał na jego łożu, a.. *wjechał* czasem nawet do salonu matki przez drzwi ogrodowe.. Pan Adam był by w stanie, kiedy się *rozochocił*, wsadzić na konie całe towarystwo filologów“(ibid.); „Glucho tętniała ziemia pod kopyty, koń tylko parsknął raźnie“ (ibid.);

Znane wam Jana Kazimierza lata;
Burza z Polskiego nie schodziła świata:
Grom bił po gromie, a ciągła nawała
Lała dżdżem krwawym, lub nim zagrażała.
Czasem jednak z tej to z owej strony
Błysnęły niebios wdzięczniejszych zwierciadła
Jasność to tu, to tam padła.
I wolniej weztchnął naród pokrzepiony.

(Goszczyński).

И согласно с русским:

Był duszą towarzystwa: gdzie się tylko *zjawiał*
Wszystkich opowiadaniem i żartami bawił.

(Mickiewicz);

Potem długo nie *przyszedł* (не приходил),
i mówiono w domu
Że nie wiedzieć gdzie zniknął,
umknął pokryjomu.

(ibid.);

A co niegdyś wytrząsał kuchle i kielichy,
Co szampańskiem, węgerskiem im pyszne stoły krasił,
Wiadrem potem u studni pragniene ugasił.

(Krasicki);

Ten koń lubo nie w słowach wdzięcznych i wzorowych,
Jakich zwykliśmy użyć, gdy omamić chcemy,
Rrzekł by sprosta.

(ibid.);

Tu począł się nowy świat dla mnie, matka była (становилась) z każdym rokiem spokojnejszą, i nawet weselszą (Pol).

§ 4. Причастие на -л- в значении совершенном (при остальных формах несовершенных)

„Ujrzawksy rycerzy (ptakgóra) zerwał się jak chmara ze skały, na której mieszkał, i ciągnął przez powietrze jak huragan“ (Mickiewicz); „A na mokre góry wstąpił geniusz śmierci i *szedł* do okrętu jak żołnierz szturmujący w połamane mury“ (ibid.); „Z krzesła powstała panna i *biegła* ku drzwiom“ (Pol); „Jak sokół upadł wpurniec w pośrodek motłochu i rozprószył go jak gołębie stado, i *gnał* bez ładu jak stado gołębi“ (Goszczyński); „Porwał się z miejsca. Za nim z skwapliwością wszyscy, słuchacze spieszne ku drzwiom *biegli*“ (Krasicki); „Wszyscy stanęli, jak tylko postrzegli“ (ibid.).

„Tydzień nic nie jadłem; potem jeść *próbowałem*, potem z sił opadłem; potem jak po truciznie *czułem* bole, kłócia; potem kilka tygodni *leżałem* bez czucia.. Wreszcie sam wstał, *jadł*, żwawo i do sił przychodził“ (Mickiewicz); „Jeden nie wrócił lecz niektóry skoczył i *biegł*“ (ibid.); „Z rozumowaniem przyjęła matka moja ten dowód przyjaźni jego, a radość była (стала) jeszcze większą, gdy nam zapowiedział że...“ (Pol).

В случаях „бывало *глянет*, как рублем подарит“, изображая действия, обычные в прошедшем, посредством будущего, человек становится на точку ожидания будущего подобного случая. В польском в подобных случаях возможно стоять на точке воспоминания совершившегося события:

„Dwór miał już tę tradycyją wesołej gospody, że się w nim nikt nie *zląkł* ani przed obiadem (? for etwas fürchten — не по-славянски; у Linde „lękać się czego, oco“) przybywającego kuligu. Panny umiały zawsze tak rządzić wszystko, że się nigdy *nie postrzegło* najmniejszego zakłopotania. A gdy już się miano czas na przyjęcie przygotować, to *wystąpiono* co się zowie“ (Kraszewski); „Bawiło ją to niezmiernie (обыкновенно) gdy *przywiodła* męszczyznę do szału i zapamiętania“ (ibid.); “Wszędzie gdziekolwiek *zjawiła się*, ciągnął za nią szereg wielbicieli“ (ibid.); Fantazya rządziła jej sercem i życiem: gdy czego *zapragnęła*,

gotowa była na największe ofiary dla dosięgnięcia celu" (ibid.); „Nie było w tem wszystkiem nic szczególnego, nic coby zwracało uwagę osobliwością jakąś, przecież przejezdżając każdy sobie *powiedział* (речь не об отдельном случае, а об обычае): jak to tu dobrze i zaciszno być musi" (ibid.); „Jedyną zmianą w tym porządku [życia] bywało, że się (иной раз) puścił z książką w lasy" (ibid.).

Ср. с этим (обычно): „w niedzielę rano *szedł* na mszę, siedział milczący, często zapominał się i dłużej od innych pozostał, ale *niewidziano* go, żeby mu się usta poruszyły modlitwą": "Стала примічати — вже за нею не так доглядають.. Вже їй можна, коли *захотіла*, и по базарю самій походити, хоть до півдня" (Кв.-Осн., I, 207).

§ 5. Будущее совершенное в повествовании о прошедшем по отношению к временам прошедшим и настоящим

"Кад дођу на ону воду, а то ударила плаха киша и мост однела, и они *не могавши* прећи преко воде, *врате* се натраг (Караџић. Припов., 1853, 176); "ја се машим руком, а то нема главе, заборавио је на води" (ibid., 205); „Кад мајнја *види* (будущее совершенное) да јој [падчерице] овако досадити не може, отера је од куће кад јој је отац некуд на пут био отишао" (ibid., 178); „Она ишла (пошла) не знајући ни сама куда, најпосле *зашће* у шуми, па тумарала тамо амо тражећи куд ће да изађе, док смотри (в сербском будущее совершенное) на далеко ватру где се светли" (ibid., 178); „један пут ја мртав гладан *дођем* пред једну Влашку кућу, а Вла пред кућом теше држалицу за будак. Како ја *сјашем* с коња, а ја повичем на Влаа: држи море коња, па вичи Влашњу, нека мијеси погачу и кува цицвару и пече кокош; па онда отидем у кућу. У кући сједи, сједи; чекај, нема ништа! ни Влаа ни Влашње; нит' се шта пече ни вари. Онда ја *скочим*, па *изиђем* на поље, а то мој коњ стоји, ће сам га и сјао, а Вла једнако теше и ћеља држалицу. Онда ја, незнајући да је крмак пијан, сврнем лулу, па њега каменем преко леђа, а он се исправи, па ни пет ни девет, него распали држалицом мене иза врата, а ја бацим чибук, па пођем руком за нож, а он још једном, а ја те на руке" (Караџић. Припов., 1821, 27—28).

В украинском. Как водится на свадьбе? „Внесуть вільце, поставлять на столі у хліб у житній. Дружки посідают за стіл" и т. д. (Метлинский, 137, 160, 166 и прочее). Что бывает весною? "Далі, трохи просохне, *стануть* палить степи: *вийде* чоловік у поле, *викреше* огню, *положить* його у солом"яний віхоть, *розмаха* гарненько да й кине на долівку; *затреща́ть* кругом сухий комиш и пішло пожарище гулять степом: геть покотить й дим й полом"я" (Гребенка); „Вона и встала и

лягла, все *буде* там" (находится, бывает там, например „у шинку").

Обычно: „Молодий дружину сбірає да й ідуть по молоду. І світилка *буде* коло молодого в стрічках убрана,.. приїдуть під двір молодої, а коло воріт стоять старики, які два, чи чотирі з палицями, і *буде* між ними иначе война: кіями махають, да не пускають тих" (Метлинский, 186).

Формы совершенные могут чередоваться с несовершенными (настоящими): „Наймичка доглядала Павлуся, як рідна мати: и *годує* його, и голову йому *змиє*, и *розчеше*, и *одягає*, и *роздягає*, и *стеле*" (Стороженко). Можно бы сказать: „и *одягне*, и *роздягне*, и *постеле*". Впрочем, такое чередование не произвольно. Художественный текст должен подсказать говорящему, что́ ему следует представить совершающимся перед его глазами, что отодвинуть в будущее.

В этом отношении между русскими говорами едва ли есть какая-либо разница. Приведенные примеры годятся и для русского литературного языка. Этот способ представления обычности свойствен и сербскому, как видно из следующих примеров: „У Србији људи, који немају читавог плуга волова, *спрегну* по два и по три.. заједно па тако ору.. Гдјекоји *буду* у спрези (бывают „супрягачами") по неколико година" (Караџић. Рјечник. „Спрега"); украинское *супрягач* = сербскому *спрежњик*; но слова *супряга* = сербскому *спрега* — я не слыхал; „Був .. у хазяїна свій плуг, а то вже в супруги йде" (Кв.-Осн., II, 6); „Кад хоћу да ловим, дођем овамо" (Караџић. Припов., 1853, 170) [= когда захочу поохотиться, приду (обыкновенно прихожу) сюда].

Сербский язык, равно и русский, заставляет строго отличать такие времена (будущее совершенное) от настоящих в значении обычности. В грамматике этому различию не всегда придают надлежащую важность. Ср. Weber, § 46.

§ 6. Действие прошедшее

Обозначение в известных случаях объективно-прошедшего события будущим совершенным, говоря вообще, свойственно нескольким славянским наречиям, но в разной мере и с разными оттенками. Той любви к такому обороту речи, какая бросается в глаза в языке русских былин, вовсе незаметно в русском литературном языке. Сюда, и конечно не случайно, относится мнение Буслаева („Грамматика", § 185, 3-е изд.): „употребление настоящего времени однократного или совершенного составляет особенность живой, народной речи". Подробнее такого употребления Буслаев не рассматривает. Во втором притмечании того же § 184 у него собраны примеры такие, в коих есть будущее совершенное (по его терминологии — настоящее однократное и совершенное) о прошедшем (см. ниже) и в коих

этого времени вовсе нет, например: „Князь *наливал* чару.. *подносил* Михайле; *принимает* он Михайло.. и *выпил*". Об обоих случаях Буслаев замечает: „На свойстве видов основывается в нашем языке сопоставление не только настоящего с будущим (т. е. продолженного настоящего с совершенным и однократным), но и настоящего и будущего с прошедшим; причем обращается внимание не на различие во временах, а на соответствие видов" (§ 184).

Мысль эта кажется мне неясною, ибо, если каждый русский глагол непременно принадлежит к известному виду, но притом имеет и времена, соответствующие виду, то не обращать внимания на эти времена невозможно. Как уже выше было сказано, все формы, составляющие спряжение (глагол), за немногими исключениями, относятся к одному виду; известный вид есть общее свойство всех этих форм, и мы никак не можем сказать, что это общее свойство решает, какая именно форма должна быть употреблена в данном случае.

Вот русские примеры употребления будущего совершенного о действиях объективно-прошедших.

„И какъ будетъ дѣтище Соломанъ осми лѣтъ, и призвалъ.. Давидъ своего слугу" (XVII в., Пам. стар. р. литер., III, 63);

..У славного князя Владимира
Было пированье, почестной пир...
Будет день в половину дня,
Будет пир во полупире;
Владимир князь *распотешился*,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает...

(Др. росс. стих., 54; ср. ibid., 85, 155, 195 и прочее);

Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире,—
Князи и бояра *пьют-едят*, потешаются.

(ibid., 123);

И *будут* у двора его,
Встречает их старой Плен.

(ibid., 160);

Как из славного города из Киева
Поезжали два могучие богатыри...
А и *будут* они во чистом поле...
Говорит Илья Муромец...

(ibid., 360);

Будет Василька семи годов,
Отдавала матушка родимая...
Учить его во грамоте.

(ibid., 73; ср. ibid., 345);

Будем в городе Киеве,
В соборе *ударять* к вечерне в колокол,
И ты в та поры *будь* готовая.

(ibid., 218);

Как и будет [Михайло Казарянин] у моря синего,
На его щаски великия,
Привалила птица к берегу.

(ibid., 207);

А как *будут* оне в каменной Москве,
Не пошли оне в хоромы в Царьские,
А *пошли* оне к Пречистой Соборной.

(Из Зап. Рич. Джемса—Пам. и обр. нар. яз., 7);

„Государь мой Чудинъ посылалъ меня того своего человѣка Якуша искати; и *какъ буду*.. противъ митрополичи деревни.. и въ той.. деревнѣ подъ овиномъ человѣкъ *провопил*, и язъ.. посмотрилъ.. ажно Якушко въ желѣзѣхъ» (Акты, 34, 1525 г.);

Как *будет* Алексей в возрасте, в законе,
Поизволил его батюшко женити.

(„Калики", I, 99);

У ласкова князя Владимира
Было пированье, почестной пир...
Что *взговорит* тут Владимир князь:
„А и ты, гой еси, Поток Михайло Иванович!"

(Др. росс. стих., 216);

Провещится ему доброй конь бурочко:
„..Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся".

(ibid., 57);

А *сплачетца* на Москве царевна
Борисова дочь Годунова...

(Из Зап. Рич. Джемса—Пам. и обр. нар. яз., 8).

В этих двух и им подобных примерах самая речь, о которой объявлено первым глаголом, принимается за последующее действие:

С вечера она *расхворается*,
Ко полуночи *разболелася*,
Ко утру и *преставилася*.

(Др. росс. стих., 222).

Предшествующее здесь выражает только первый глагол, несмотря на то что объективное его значение тождественно со значением второго.

Скричат калики зычным голосом,
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины *попадали*.

(ibid., 228; ср. ibid., 229).

Здесь оба первые глагола выражают действие предшествующее.

Пнет ногой во двери железные,
Изломал все пробои булатные.

(ibid., 52; ср. ibid., 130);

Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за остро копье.

(ibid., 95);

Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнёт нахвальщину в белы́ груди,
Вышибал выше дерева жа́рового.

(Киреевский, I, 51; ср. Др. росс. стих., 251);

Обернется Еким Иванович,
Он *выдергивал* палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе...
И угодил в груди белые Алёши Поповича.

(Др. росс. стих., 185—186);

Он *обернется* серым волком,
Бегал, *скакал* по темным по лесам и по раменью,
И бьет он звери сохатые.
...Он *обернется* ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей белых лебедей.

(ibid., 48);

Зайдет в улицу Игнатьевску.
...Взглянет ко Марине на широкой двор,
На ее высокие терема,
А у молодой Марины Игнатьевны
...Сидят тут два сизые голубя.

(ibid., 61—62);

Нырнет на бережек на тамошний,
Нырнет на бережек на здешний,
Нету у Добрынюшки добра коня,
И нет его платьев цветных,
..Только что лежит на земли пухо́в колпак.

(Киреевский, II, 25).

Отвлекаясь от некоторых формальных различий между этими примерами, мы можем сказать, что все они принадлежат к одному типу. Обозначенные в них действия разделяются на предшествующие по времени и последующие. Первые необходимо обозначаются посредством будущего совершенного, вторые — посредством настоящего повелительного, причем последние две формы могут принадлежать глаголу совершенному или несовершенному. Отношение первых ко вторым есть отношение, зависящее от обстоятельств в главном, и может вовсе не обозначаться союзом и тем не менее оставаться совершенно явственным. Оно было бы неявственно только в таком случае, если б и последующее действие было обозначено будущим совершенным. Если б мы сказали: *пнет ногою ... изломит*, тогда оба выраженные здесь действия не противополагались бы друг другу, а взятые вместе ожидали бы противоположения третьему, здесь не выраженному действию. Я не знаю, какое соответствие видов находит в вышеприведенных случаях Буслаев. Вид глаголов, выражающих предыдущее и последующее действие, может быть один и тот же, например:

Вышел убогий во чисто́ поле,
Взглянет он, *взозрит* да на небеса,—
Воскричал убогий громким го́лосом.

(„Калики", I, 56).

Взозрит и *воскричал* по степени длительности и по совершенности совершенно равносильны, и если их сопоставлением выражается известное отношение, то это возможно единственно благодаря различию их времен, стало быть, невозможно, чтобы на это различие в таких случаях не обращалось внимания.

Уже следующие и без союзов отношения действия явственнее и точнее обозначаются союзом. К числу их я не отношу начальных *а*, *и*, значение коих до такой степени неопределенно, что

во многих случаях, кажется, звуки эти следует писать слитно и считать за междометие, равносильное украинскому начальному *ей, ой, гей*. Как союз перед будущим совершенным ставится в русских былинах *как, как и*, в украинском, как увидим ниже,— *як*, в том значении, в каком старинный русский язык употреблял *ако, яко* и *како=когда*. Этому *как* может соответствовать в русском *и* как заключительный союз, как и в древнем языке: „яко възя городъ, и пожьже и"; но большею частью после *как, як* (украинское) заключительного союза не бывает. Как древнее *яко* получает значение *оже, аже*=современному *что, що* („слышно се, *яко*=слышно, *оже*..."), так, наоборот, *что* принимается в значении *как=когда* („*что* возговорит *N.N.*"=*как* возговорит...). Значение этих союзов в рассматриваемых оборотах выступает еще явственнее наружу, как скоро сопоставим их с подобным следующему: „Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, *яко* сдѣ есть (бывает так, что), егда будеть туча велика, и (=то) находять дѣти наши глазкы стеклянныи, и малыи и великыи" (Ипат. лет., 4.33).

Союзы *как—и, что* с другим временем бессильны выразить то, что́ выражает сопоставление будущего совершенного с формами, обозначающими действия последующие. Отношение предыдущего и последующего в области объективно-прошедшего может быть выражено и так, что первое обозначается прошедшим глагола совершенного с союзом или без него, а второе настоящим:

Скоро Поток *скочил* со добра коня,
Поставил по крылечку красному,
Походит (глагол несовершенный, настоящего времени, действие последующее) во гридню светлую,
Он *молится* Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею,
И на все четыре стороны:
„Здравствуй ты, ласковой Владимир князь".

(Др. росс. стих., 219).

Но между такими оборотами (*поклонился—говорит*) и между обозначением предшествующего будущим (*поклонится*: „*Здравствуй*...") есть, кажется, та разница, что в первом внимание более останавливается на действии предшествующем и оно представляется более самостоятельным по отношению к последующему, чем во втором. Согласно с этим в этом последнем (при обозначении предшествующего действия будущим совершенным) последующее действие, которое вместе с тем есть всегда в рассматриваемых оборотах главное и которое всегда, так сказать, ярче освещено, чем предшествующее, может быть обозначено прошедшим глаголом совершенным, между тем как будущее

совершенное означает с отрицательной частицею невозможность бывшего действия, а не простое повествование о нем[1]. Что последующее бывает здесь всегда главным, в этом легко убедиться; когда подлежащее обоих предложений обозначает один и тот же предмет, то предыдущее предложение может быть обращено в обстоятельство последующего: „*поставя* (поставивши) коня, *идет* (пошел)".

Большая самостоятельность предшествующих предложений с прошедшим совершенным соответствует большей медленности движения мысли, большему спокойствию изложения: живее сказать: „*пнет* ногой—*изломал*", чем „*пнул* ногой—*изломал*". Поэтому-то последние обороты более обыкновенны в книжном языке, чем первые.

Уже в древнем русском языке, как и в нынешнем (Буслаев. Грамматика, ч. I, § 546), по-видимому, не замечается различия в значении причастий и деепричастий настоящего времени от глаголов совершенных и причастий, деепричастий прошедших тех же глаголов: старинное *возмя* ставится там, где бы мы поставили *взем, завезя*—где ожидаем *завезши*. Безразличие в употреблении тех и других клонится к совершенной потере первых. Если нынешний язык не может сообщить им значение деепричастий будущего времени, что следовало бы из того значения, которое имеют в совершенных глаголах формы настоящего (=будущего совершенного), то они оказываются совершенно лишними. Однако, по возникновении категории совершенности, причастия настоящие в совершенных глаголах все же оставались в языке. Можно думать, что категория совершенности проникла и в них, что они получили значение будущего и сохраняли некоторое время это значение, употребляясь для обозначения действий объективно-прошедших. Так, в следующем: „И *женясь* царь Соломан, и *приведе* царицу" (XVII в., Пам. стар. р. литер., III, 66); „Тілько що *помоливши́сь* стала вставати, тут як раз сонечко зійшло" (Кв.-Осн., I, 213).

Хватя он царевича за белы ручки,
Повел царевича за Москву за реку.

(Др. росс. стих., 329).

Хватя могло первоначально выражать отношение к *повел*, соответствующее отношению „*хватит* он царевича—*повел*", а никак не отношение: *хватил* и *повел*.

[1] В таких случаях, как „И только Илья слово выговорил, *Оторвется* глава его татарская, угодила та глава по силе вдоль, И бьет их, ломит, в конец губит" (Др. росс. стих., 250), противопоставление *не выговорил* и *оторвется*, а *выговорил* и *угодила, бьет*. Внутри этого противопоставления существует другое, между предыдущим *оторвется* и последующим и главным *угодила, бьет*. Более действительно—исключение.

В украинском не все оттенки оборотов рассматриваемого типа одинаково обычны. Так, не скажу невозможны, но не встречались мне выражения, построенные по образцу:

А и *будет* Добрыня семи годов,
Присадила его матушка грамоте учиться.

(Др. росс. стих., 346).

Но эти выражения чрезвычайно часты в русских былинах. Зато в украинском очень обыкновенны выражения по формуле: „Как *возговорит*" (последующее составляет сама речь):

Зажуриться соколонько:
„Бідна ж моя головонька,
Що я рано з вирья вийшов!";

„Чи тут моя та галочка, чи немає,
Чи з іншими соколами та літає?"
Озове́ться та галочка у садочку,
Прихиливши головоньку ік листочку:
„Ой помалу, соколоньку, та не щебечи,
Коло мене та галочок та не обжени".

(Метлинский, 177);

Загудеть, *забуркучить* (=тить?) сизий голубонько,
Сидя на тичині;
Ой *заплаче* молодий козаче
По своїй дівчині:
Що любив і кохав, собі дівчину мав,
Як зіроньку ясну,
Та за дівчиними та за ворогами
Покидаю нещасну.

(ibid., 24).

Загудеть и *заплаче*, взятые вместе, составляют предшествующее.

Ой *обозве́тця* пан Хмельницький,
Ота́ман-батько Чигири́нський:
„Гей друзі молодці,
Браття козаки Запорозці!
Добре дбайте, барзо гадайте,
Із ляхами пиво варити зачинайте".

(Кулиш, I, 223);

Озоветця одна пані-Ляшка:
„Нема мого пана Яна!"

(ibid., 227);

Оттогді-ж-то пані Барабашева, гетьманова,
Удариться об поли руками,
Обільлється дрібними сльозами,
Промовить стиха словами:
„Ей не з го́ра-біди мо́йму пану Барабашу
Схотілося на славній Україні з кумом своїм
[=Хмельницьким]
Великі бенкеты всчинати (счинати)!"

(Метлинский, 388; ср. 416, 417);

„Ой як *крикне* та Нечаєнко та джуру малого: „Сідлай, джура, сідлай, малий, коня вороного!" (ibid., 406).

Несколько отличны следующие обороты, в коих между предшествующим *(крикне, подумає)* и содержанием клича и думы нет столь явственного противоположения, потому что между тем и другим вставлено предложение с настоящим временем:

Ей як на славній, панове, Україні,
У славнім городі у Корсуні,
Там *крикне-покликне* Хвилоне, Корсунський полковниче,
Козаків на Черкень-долину у в'охотне військо викликає:
„Ей козаки, діти, друзи!.."

(ibid., 413);

Отогді-то вдова, старенька жена,
Два дні свого сина клене-проклинає,
На третій день *подумає-погадає*,
Руки до бога здіймає.

(ibid., 417).

Такие обороты не чужды и польскому языку: „Idą a w tem kulawy *krzyknie*: umknij w lewo!". Впрочем, Малецкий („Gramatyka większa", § 728) такие будущие совершенные относит к одной категории с настоящим о действиях прошедших: „idę.. aż tu słyszę". То и другое он совершенно ошибочно сравнивает с латинским и немецким praesens historicum, тогда как этим именем может быть названо в славянских языках только последнее, тогда как первые не есть praesens и, если под историей разуметь спокойное повествование, не есть historicum.

Обыкновенны также обороты по образцу: *„взглянет* (а)—*сидят*, *посмотрит*—нету", причем, как и в русском, *взглянет*, *посмотрит* и т. п. могут вовсе не выражаться, а на их месте — стоят действия, им непосредственно предшествующие: *„ныряет* — нету". В позднейшем простонародном языке такого рода отношение обозначается поставляемыми перед последующими предложениями союзами: украинское *аж* (=*а оже*), *аж-ось* (=*аже-осе*), южнорусское *аж-но* (*аж-оно*, причем вторая половина сложена из *а-оно*), *ан* (=*а оно*). Союзам этим нет ничего, вполне соот-

ветствующего, ни в древнерусском языке (где *оли, ноли, олна* этой функции не имеют), ни в современном литературном языке, где *как—вот* не равно украинскому *аж* в рассматриваемом значении: „*Підійду* я під віконце—мати горох варить"; „*Подивлюсь* [гульк]—аж нема.."; „Подивиться в кватирочку—аж ляшеньки в місті" (Метлинский, 407);

Й ой як *повернеться* та пан Перебійніс на правую руку,
Й аж не *вискочить* його кінь вороненький із ляшського трупу;
Й ой *повернеться* та пан Перебійніс на праве́є плече,
Й аж назад його коня вороного кровавая річка *тече*.
Й ой як *оглянеться* та пан Перебійніс на джуру малого,
Й аж *кладе* джура, *кладе* малий, ще лучче від його.

(ibid., 402—403).

В первом двустишии последующее обозначено будущим, что противоречит вышевысказанному утверждению, что будущее совершенное—последующее, и главным никогда не бывает; но противоречие мнимое, так как там не говорилось о будущем в значении „смогу сделать то-то".

„*Озирнеться*—аж нема сторожи на місці" (ibid., 403). В украинском, как и в русском, на месте будущего в предшествующем предложении может быть поставлено прошедшее совершенное, чем достигается то же впечатление, что и в русском:

Обернувся козак Нечай од брами до брами..
Оглянувся козак Нечай на правую руку,—
Не выскочить кінь козацький из лящького трупу.

(ibid., 407).

„Як *крикне*: сідлай"—сказано сильнее, чем: „*крикнув:* сідлай". В песне:

Ой спав—не спав, прокинувся—
Нема коня, ні прикорня.

Это при более оживленном изложении можно бы сказать так: „Засне трохи, прокинеться—аж нема коня ні прикорня" (к которому был конь привязан).

Подивиться—нема. „[Мрави] соушить к [пищоу] пакы. кгда чюкъть вылагоу имоуще въ себѣ. ти не по в'се годы износить к. иъ кгда прочюкъть въздоухъ оутишити се хотещъ" (Шестоднев, 228 об.); „Не оубоудоу, зоубі щенети. нъ w̃баче оўсты w̃бранѣетъ себе. иже кмоу притоужакъ; не оў рога тельцоу, тоже вѣст' къде кмоу wроужик въздрастакъ" (ibid., 230).

Ой спав—не спав, прокинувся,
(Ож) *нема* коня ні прикорня...
Кад допаде брату у бусију,
Ал' на брату русе главе нејма.

(Караџић. Пјесме, II, 47).

С оборотами „*посмотрит*—(ан) нет", украинское „*озирнеться*—аж нема" однородны следующие: украинское „куди гляну—все чужая сторона"; „не видит добрых он, куда ни оберне́тся" (Крылов); „у кого ни спросит он, всем вопрос его мудрен" (Пушкин). Главные предложения здесь содержат в себе настоящее время. Употреблено ли это настоящее время в неграмматическом (внеязыковом) смысле настоящего, или только как наглядное изображение настоящего объективного прошедшего, это нам все равно. Важно то, что, по замечанию Некрасова („О глаголе", стр. 128), в двух последних примерах: „чтоб видеть, нужно.. прежде обернуться.. *прежде нужно спросить, чтоб вопрос казался мудреным*"; но так как, по мнению Некрасова, „смыслу настоящего не может предшествовать будущее", то, заключает он, *обернется, спросит* не суть будущие. По этому поводу к сказанному выше о значении будущего совершенного в зависимых предложениях прибавлю только следующее. Откуда это известно, что в языке будущее не может обозначать действительного, но объективного времени, предшествующего тому, которое изображено настоящим? Язык есть искусство, и речь, как всякое произведение искусства, не равна изображаемому. Отрицая a priori возможность употребления будущего времени об объективно прошедшем, мы поступаем так, как если бы утверждать, что у того, кто изображает дерево (которое, по нашему мнению, до́лжно на бумаге всегда изображать зеленым, как в натуре) черным карандашом, выйдет не дерево, а черт знает что, или утверждать, что рисовальщик черным карандашом вовсе и не может иметь намерения изображать зеленое дерево. Во всяком искусстве есть своя условная неправда, которая, кроме личных ошибок, составляет природу этого искусства и, стало быть, с другой точки, есть высшая правда.

Еще из Некрасова: „Всякий раз, как я об них *подумаю* [о „Цыганах"—поэме] или *прочту* слово в журнале—у меня кровь портится" (Пушкин)... *Подумаю... прочту* вовсе не значит, что Пушкин об них будет думать.. читать, а что он уже думал.. читал несколько раз. Спрашивается: какого же времени эти обе формы? Вид их—совершенный..." (Некрасов. О глаголе, стр. 132). Подразумеваемый ответ автора в том, что „грамматика", которую он постоянно противопоставляет своим собственным мнениям, нелепо считает эти формы за будущее.

Как во множестве других случаев, так и в рассматриваемых оборотах отношение предыдущего и последующего может служить образом причины и следствия, или, другими словами, причинность может представляться последовательностью во времени. Причинность в рассматриваемых оборотах может вовсе не означаться словами: „Скричат калики—с дерев вершины попадали",—в смысле не „после того как вскричали—вершины попадали", а—„потому попадали, что вскричали; так сильно вскричали, что вершины попадали". Но причинное отношение, при

сохранении тех же времен в предложениях предыдущих и последующих, в языке может и обозначаться союзами: в русском „как вскричат (вскричали),— так (русское народное *ан до, инно, ино, так ажно* и др.) попадали"; украинское *„як — так* аж".. Отсюда язык извлекает новый эффект: он умалчивает о последствии и заставляет лишь догадываться о его силе и важности по силе и важности причины; эта последняя усиливается именно от умолчания первого: „Как закричит — как заплачет" и т. п. „Зняв з себе пояс, завязав петлю, та й став до неї [кобили] підкрадатись... а далі, як підійшов близенько, як закине їй на шию пояс! як крикне „тпрру!", як потягне до себе, а кобила як упаде, а ми так и зареготались" (Кв.-Осн., I, 124); „Як грімне на нас, як затупотить ногами.. „Давай!" — кричить не своїм голосом, — „давай мині сей час!" (Кв.-Осн., I, 185);

Ей *зажурилься, захлопочеться* Хмельницького старая голова,
Що при йому-то не було ні сотників, ні полковників нема;
Тільки пробував при йому Іван Луговський,
Писар військовий,
Козак лейстровий.

(Метлинский, 395);

Та *зрадується, звеселиться* Марусина матінка,
Що посадила Марусеньку на посаді.

(ibid., 146)

§ 7. Употребление будущего совершенного простого в сербском языке

Относительно употребления будущего совершенного простого (глаголы совершенные настоящего времени) древний сербский язык XIII—XIV вв. не отличается заметным образом от русского и других славянских наречий: время это имеет в нем, как и в нынешнем кайкавском (например, около Вараждина), значение и объективного будущего не только в предложениях обстоятельственных и дополнительных и с союзом *ако, аке, да*, но и в главных и определительных (см. Weber, § 45, 1, примечание). См. примеры употребления настоящего времени глаголов совершенных в значении будущего в главных предложениях из хорватского, польского и евангелия 1586 г. (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B.IV, § 506), например: „чловѣкь ки *приде* у землу мою" (1236 г., Споменици, 6); „међу (ђ) моими лудми, кои су или кои *буду*" (1254 г., ibid., 28). Согласно с другими славянскими языками и употребление будущих описательных: „А ѣ.. и мои лудье, кое имамь и кое *учьну имати*, да спасемо и срѣжемо по мору и по суху вьсе луди дубровьчьке" (1254 г., ibid., 27); „жито и вино, кое се *начне* продавати у градѣ, да се не подражи твоихь ради люди" (1254 г., ibid., 35); „доколѣ правду *имуть имьти*" (1254 г., ibid., 33); „ако *име хтьти* краль послати воиску на Дубровникь или Гусу" (XIII в., ibid., 36).

От такого состояния языка в нынешнем сербском (штокавском) осталось употребление будущего совершенного: а) в главных предложениях, с оттенком обычности, о чем см. выше; б) в главных же предложениях в значении, которое сербские грамматики называют не совсем основательно praesens historicum, о чем ниже будет сказано подробнее; в) во второстепенных предложениях со значением условности, в случаях, в коих в русском тоже будущее совершенное, и в других, где в русском — сослагательное наклонение. Для уяснения последнего приведу пример: „Да наљезе (если будет, если бы он проходил мимо = проходи он мимо) друмом овудиje, Би попио (выпил бы) и он купу вина, Би попио, не би зафалио" (Чубро Чојковић, 129). Об этом случае следует сказать, говоря о значении русской формы *бы* с причастием на *-л*. Первый случай, упомянутый здесь [под пунктом в)], уяснится из следующего.

В выражениях, как: „если не сделаешь того-то, убью", „пока не сделано, не дам, когда сделаем, дам", русский язык не делает и не имеет средств делать какое-либо формальное различие между глаголом совершенным в зависимом предложении и таким же глаголом в главном. Между тем будущее в первом, зависимом, предложении может быть рассматриваемо как предшествующее по времени будущему второго предложения; первое может представляться гипотетичным (что обозначается здесь союзом, а не формою глагола) и субъективным, второе — утвердительным и объективным. Сербский (штокавский) язык получил возможность делать различие между неопределенным наклонением и субъективным и относительным будущим глаголов совершенных и безотносительным и объективным будущим тех же глаголов, потому что в нем для этого последнего есть форма из *хоћу, ћу*, образуемая не только от глаголов несовершенных, как русское будущее с *буду, стану* и украинское с *иму*, но и от совершенных.

„За три дана *ако* ми *сачуваш* кобилу, *даћу* ти коња, когагод хоћеш" (Караџић. Припов., 1853 г., 28); „ако ово све просо не покупиш.. док ми из цркве *дођемо, убићу* те" (ibid., 160); „Скочи на њу и на слуге говорећи, *ако* му *не кажу* (в сербском — совершенное — если не скажут), ће му је шћер, да *ће* их све сабљом *искомадати*" (что.. изрубит) (ibid., 166); „Ако *не буду* гости бијесни, *не ће бити* кућа тијесна" (Караџић. Пословице, 6); „Ако чанак (миска) *не изда*, кашика *не ће*" (пока есть в миске, можно и малой ложкой наесться) (ibid., 9).

Да с будущим совершенным как настоящий permissivus (= нека = нехай буде = буди) и в значении условия: „Да те остави тако [не привязавши] утећи ћеш" (ibid., 55—56).

„*Док* куја репом *не вине, не ће* пас за њом потрчати" (ibid., 64);

„*Как видим* (будущее совершенное субъективное) онда ћу и вјеровати“ (ibid., 115); „*Кад* пси *буду* људи, онда ћеш и ти бити чоек“ (ibid., 119); „Кад пси поспе (отићи ће, т.j. побјећи ће ноћу)“ (ibid.); „Кад се вилан (так в Дубровнике вместо *сељак*) наије, мисли, да не ће никад огладњети“ (ibid., 120); „Кад те опанке подереш, ја ћу ти купити друге“ (ibid., 122) (говорится в шутку босому); „Кад чоек нада се пљуне, на образ ће пасти“ (ibid.).

„Ко више *заложи* но може прождријети, удавиће се“ (ibid., 136); „Ко један пут украде, увијек се за хрсуза држи“ (ibid., 141); „Ко се *ожеже*, а не каже друштву, да је чорба *врућа*, није поштен чоек“ (ibid., 154).

Различие между этими будущими временами глаголов совершенных не проведено до конца, как и вообще подобная последовательность встречается в языках весьма редко. Можно найти немало примеров употребления будущего совершенного простого и в объективном значении (в главном предложении), и в подобных примерах, не представляющих никакого различия с русским и польским, следует видеть остаток старины: „Ко за три ноћи сачува кобилу и ждребе, баба му *да* коња да бира којега хоће“ (Караџић. Припов., 1853, 28); „Ако були Турчин не стане, други јој *настане* (јер се може одмах удати)“ (Караџић. Пословице, 2); „ако зима устима не уједе, она репом *ошине*“ (ibid.); „Ако кућа изгори, дуг на одак излети“ (ibid., 5); „*Док* памет *дође*, благо *прође*“ (ibid., 66); „Ко се *не намучи*, та се *не научи*“ (ibid., 154); „Ко се *не осветн*, он се *не посвети*“ (ibid.); „Ако *дође* прав, не *изиће* здрав; ако *дође* крив, не *изиће* жив“ (ibid., 2); или „ко *уљезе* прав, не *изљезе* здрав“ (и пр.) (ibid., 158); „ко што *посије*, то *пожње*“ (ibid., 160).

Гораздо реже употребление будущего совершенного сложного в зависимом предложении, например: „ако *не ћеш* то *учинити* (следовало ожидать „ако не учиниш“), ја не ћу с тобом живљети“.

Тем не менее решительно преобладающее значение будущего совершенного простого в сербском штокавском есть значение субъективное. Субъективно будущее значение с оттенком начинательности имеют в сербском и *станем*, *почнем*, *узмем*, *пођем* с неопределенным наклонением: „крава *стане* кућељу у уста *узимати* и жватати а ћевојка на ухо њезино жицу извлачити и мотати и одмах буду готове“ (Караџић. Припов., 1853, 158).

Отсюда вытекает для этого языка возможность свободно употреблять это будущее время в оживленном повествовании о событиях объективно-прошедших. Если по-русски скажем: „тогда он замахнет булавою и *убьет* кузнеца“ или „как услышит об этом, *станет* ему жаль“, то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (*было*, *бывало*) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать будущим *махнет*, *услышит* смысл прошедшего объективного: поставить в последующих предложениях другое время: *махнет* и *убил*, *услышит* и *стало ему жаль*.

Но если в сербском сказать: „онда.. размахне кијачом те ковача *убије*“ (ibid., 3); „Кад чује (в сербском *чути* — глагол совершенный, следовательно, здесь будущее совершенное), шта је са женином кћерју било, жао му *буде*“ (ibid., 172), то это будет значить: *убил*, *стало жаль*, *потому что убьет*, *станет жаль*; о будущем объективном было бы выражено посредством *ће убити*, *бити* или *ће бити*.

Сербский язык не пренебрегает теми противоположениями будущего совершенного простого в предложениях, предшествующих другим временам, в предложениях последующих, которые столь обычны в русском: „Кад једно јутро пребројим чеде, а то нема најбољега чељца“ (ibid., 202). Ср. болгарский перевод: „Кога сѧ при зорѣ *пробуди*, ала той обикрачилъ єднинъ пънь на мѣсто кобилѫ -тѫ, а дрьжи углавь-тѫ въ рѫкѫ“ (Erben, Čitanka, 220) (= украинскому „перелічу, аж нема“); „Кад се *пробуди* (можно бы сказать — „кад се *пренс*“), а он опкорачно некаку кладу“ (Караџић. Припов., 1853, 29) [= украинскому „прокинеться, аж (дивиться) седить він верхи на якійсь колоді“]; „кад сјутрадан сване, а то имаш шта видјети: ми сви у једној људској глави“ (ibid., 8); „Ражали се слугама те јој само руке осјекоше“ (ibid., 165); „Тек што он *заспи*, али ето ти девет пауница“ (ibid., 21).

Но не это характеристично для сербского языка, а то, что в нем весьма обычно изображение действия в главном предложении как целого ряда прошедших событий (обозначаемых в латинском посредством perfectum в значении аориста и в самом сербском — посредством аориста) посредством будущих простых совершенных и будущих с *станем*, *почнем*, *узмем*, притом и разделения предложений на предыдущие и последующие во времени могут обозначаться только частицами, так что только будущее объективное по отношению к этим субъективным будущим обозначается посредством *ћу* с неопределенным наклонением, а событие, представляемое прошедшим по отношению к этим аористичным будущим,— давнопрошедшим и деепричастием прошедшим. Иногда в начале повествования ставится прошедшее (совершенного или несовершенного глагола), указывающее на объективное время следующих событий. „*Био* један цар.. једном [...] до једну јединицу шћер, која већ бјеше приспјела за удају. Ова царица *разболи се* и кад *види* да не *ће остати* (будущее по отношению к „види“), него да ће умријети, *зазове* мужа“ etc. (ibid., 143). Но рассказ может прямо начинаться с будущего: „*ухвати* (будущее совершенное) курјак козу, која је *била легла* [...] на крају осим осталијех коза, па пође да је изједе, а она му се *стане* молити, говорећи, да је сад мршава, него да је остави до јесени, док утије, па онда нека дође и нека је изједе. Пристави (действие объективно прошедшее) курјак на то, *запи*

(будущее) козу, како ће је наћи (будущее по отношению к *запита*), а она му одговори"[1].

„Био један цар па имао три сина и пред двором златну јабуку, која за једну ноћ и *уцвета* и *узре* (*узрети*, *узрѐм* — vb. perf.) и неко је *обере* (будущее совершенное обычности, как и в русском: „за одну ночь и расцветет, и созреет, и кто-то ее обберет")[2], а никако се није могао дознати ко. Једном *стане* се цар *разговарати* (будущее субъективное или аористичное) са својим синовима: „Куд се то дева род с наше јабуке!" На то ће *рећи* (будущее субъективное, а потому следовало бы ожидать *рече*, в значении будущего, а не аориста, или *рекне*; *ће рећи* можем считать здесь доказательством того, что, употребляя в подобных случаях форму простую, имевшую некогда значение настоящего времени, он представляет объективно прошедшее событие посредством именно будущего, а не настоящего) најстарији син: „Ја ћу ноћас чувати јабуку, да видим, ко је то бере". И кад се смркне, он *отиде* под јабуку па *легне*[3] под њом да је чува, али кад јабуке већ *почну зрети*, он *заспи* (*отиде*, *легне*, *заспи* — будущее совершенное), па кад се у зору пробуди, а то јабука обрана. Онда он *отиде* и оцу и *каже* (будущее совершенное) му све по истини.. Как у јутру дан *осване*, *устане* царев син па *однесе* оцу оне обадве јабуке. Оцу буде то врло мило и *похвали* најмлађега сина.." (Караџић, Припов., 1853, 18—19); „Тек што он *заспи*, али ето ти девет пауница, како дођу, осам *падну* на језеро, а девета њему на коња, па га *стане грлити* и *будити*... etc. Паунице пошто се окупају, *одлете*" (ibid., 21); „Како он то чује, истргне сабљу те *осече* слузи главу. После тога *почне* сам *путовати* по свету" (ibid., 23).

Следует заметить, что вследствие потери в сербском окончания *-ть* в 3-м лице единственного числа настоящего времени, а в разряде $\frac{-aje-}{-a-}$ и вследствие стяжения *-aje-* в *-a-*, во многих сербских глаголах 3-е лицо настоящего и будущего совершенного или вовсе не отличается по звукам от 3-го лица единственного числа аориста (например, *носи*), или отличается только ударением и долготою, например, 3-е лицо настоящего времени *плѐтѐ*, *грѐбѐ*, *пѐчѐ*, *вѐзѐ*, *чȗвā*, 3-е лицо аориста *плѐтѐ*, *грѐбе*, *пѐче*,

[1] В рукописи дальше идет следующее: Добровский (ч. I, стр. 440): „Иногда Словене употребляют настоящее однократного глагола [однократного в таком широком смысле, что самый смысл термина исчезает; подлинника „Грамматики" Добровского я не имел под руками.— *А. П.*] вместо будущего и одним и тем же словом выражают и настоящее и будущее действие (Матф., 8,19, *иду по тебѣ, а мелю здѣсь идеши*), а особенно в тех случаях, когда перед глаголом стоит частица *аще* (ἐάν): *аще прѣсите, иже здѣ рѣчетъ*. Равно также: *бію, пію, ведя*" и др. *Ред. 1941 г.*

[2] Болгарский переводчик ставит здесь преходящее: „Мблъкж кою-то за нощь цвьнѣше и съзрѣяше, ала нѣкой ѭ обираше" (Erben. Čitanka, 213).

[3] Болгарский перевод.: „Като мрькна, тръгна старый-ть сынъ.. отъиде и легна" (Erben. Čitanka, 213).

вѐзе, *чȗва*. Поэтому выше я старался приводить такие примеры, в коих и без обозначения на письме ударений и долгот не может быть сомнений в значении формы.

§ 8. Настоящее время в немецком языке

„Sechshundert Neger tauschte ich ein..."
„Ich hab' zum Tausche Branntewein,
Glasperlen und Stahlzeug gegeben;
Gewinne (получу) daran achthundert Prozent,
Bleibt mir die Hälfte am Leben.
Bleiben mir Neger dreihundert nur
Im Hafen von Rio-Janeiro.
Zahlt dort mir hundert Ducaten per Stück
Das Haus Gonzales Perreiro..."

„..*bleiben* mir nicht dreihundert Stücke,
So ist mein Geschäft verdorben".
(Heine).

Wenn dich ein Weib verraten tat,
So liebe flink eine Andere;
Noch besser wär' es, du liessest die Stadt —
Schnüre den Ranzen und wandre!

Du *findest* bald einen blauen See
Umringt von Trauerweiden;
Hier *weinst* du aus dein kleines Weh
Und deine engen Leiden.

Wenn du den steilen Berg *ersteigst*,
Wirst du beträchtlich ächzen:
Doch wenn du den felsigen Gipfel *erreichst*,
Hörst du die Adler *krächzen*
Dort wirst du selbst ein Adler fast,
Du bist wie neugeboren.
Du fühlst dich frei, du fühlst: du hast
Dort unten nicht viel verloren.
(Heine).

Liebst (не полюбишь) du mich nicht, so welk' ich und sterbe..
(ibid.).

Gehst du nicht mit, so sterb' ich hier.
Und du bist einsam und allein:

Und bleibst du auch im Veterhaus,
Wirst doch wie in der Fremde sein.

(ibid.).

По-литовски нельзя употреблять настоящее время в смысле немецкого „morgen besuche ich dich", т. е. „werde ich dich besuchen". Невозможно „áš rytój pas tavė apsilankaũ", необходимо „apsilankýsiu" (Kurschat, § 1352).

§ 9. Значение формы настоящего времени в старинном языке

В современном русском и других славянских форма настоящего времени имеет двоякое значение: а) значение настоящего в глаголах несовершенных, б) значение будущего совершенного в глаголах совершенных. Если смотреть с точки зрения современного языка, то кажется, что в старинном языке форма настоящего времени глаголов несовершенных, теперь имеющая только значение настоящего, может означать и будущее. Очевидно, что такой взгляд субъективен, но не в том смысле, что он свойствен одному какому-либо исследователю; что он состоит в перенесении в древность таких привычек мысли, которые образованы категориями современного языка. Были ли совершенными или несовершенными в старинном языке те глаголы, которые совершенны и несовершенны в нынешнем, это при более объективном обозначении упомянутого факта пусть остается вопросом. Осторожнее будет выразиться так: настоящая форма глаголов, несовершенных в современном языке, в старинном могла иметь не только значение настоящего, но и будущего времени. При этом спрашивается: какого именно будущего, совершенного или несовершенного? Просмотрим следующие примеры: „А отъ древа вѣлѣти добро и зъло. не мдита ѿ него. въ нь же дн҃ь ѣста ѿ него съмьртью оумьрета" (Богословие, 173); „Оуготован чьто вечерѭ (δεῖπνήσω) и прѣпоꙗсавъ сѧ слоужи ми. доньдеже *пьмь* и *пиѭ* (значение настоящего времени). и потомь *ѣси* и *пиеши*" (значение будущего φάγεδαι, πίεδαι = будешь есть и пить, а не поешь, выпьешь) (Остр. ев., Луки, XVII, 8); „Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, и въ печали *ꙗси* вся дни живота своего" (Лаврент. лет., 38 ,9) (=будешь есть, в переводе Эрбена: „v zármutku budeš jísti po vše dni života svého").

Блюду. „Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ *имемъся* въ едино серце и *блюдемъ* Рускыѣ земли, кождо да держить отчину свою"[1] (ibid., 109, 20).

[1] Первое *да* = *а*: а теперь станем блюсти. Эрбен принимает *да* за -*тъа*: „bud'me srdce jednoho, a opatrujme zemi Ruskou".

Настоящее время глаголов совершенных в нынешнем языке с тем же значением совершенности равно будущности в древнем церковнославянском. Например, в Саввиной книге: сътворитъ = ποιήσει (Иоанна, 14, 12); створѭ = ποιήσω (Иоанна, 14, 13); имолѭ = ἐρωτήσω (Иоанна, 14, 16); дастъ = δώσει (Иоанна, 14, 16); не оставлѭ = οὐκ ἀφήσω (Иоанна, 14, 18); възлюблѭ = ἀγαπήσω; ꙗвлѭсѧ = ἐμφανίσω (Иоанна, 14, 21) (Срезневский, 91 и след.). „Не мози мнѣти пр'жде ю [душу животных] сътворенꙗ тѣлеснааго ихъ състава. ни прѣбоудѧщоу присно. ꙗко се разоритъ плъть тѣлесе того" (Шестоднев, 174 об.); „Прида и вѣкъ иже по въскрьсении бес конъца боудеть" (Богословие, 101; ibid. — сѫщ = сѫщи); присносан (ibid., 109).

Быю. „И рече Ределя ко Мьстиславу: „не оружьемъ ся *бьевть* [форма настоящего = *будем биться*, а не повелительного, в коем было бы или как в старославянском вѣмѣ, или на основе украинского *бійме*, *бийте* и летописного *пролеймы* (Ипат. лет., 61, 25, из *пролиймы — бийвть*)], но борьбою" (Лаврент. лет., 63, 25); „Се Половци *росулися* (из *роз-сулися*) по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще *бьемся* (=будем биться; Erben — „budem se ještě s nimi biti") съ ними" (Лаврент. лет., 73, 26); „выпай мужи сія, не *бьемъся* (не будем, не станем биться; Erben — „biti se ne budem") за сихъ, а за тя битися можемъ" (Лаврент. лет., 114, 1); „аще ли ударить мечемъ или *бьеть* (станет бить? ударять? Erben — „jestli udeří.. neb bije") кацѣмъ любо съсудомъ (=орудием), за то удареніе или убьеніе (Радзивиловский, Толстовский списки — *бьенье*) да вдасть литръ 5 сребра" (Лаврент. лет., 14, 23); „аже и́ проженевѣ, то поидевѣ на Дюрдѣя Суждаль, любо съ нимъ миръ створимъ, любо ся съ нимъ *бьемъ*" (будем биться) (Ипат. лет., 30, 31; ср.: *бьемся* Лаврент. лет., 137, 11); „Оже се Олговичь, ради ся, за тя *бьемъ* (станем, будем биться) и съ дѣтьми, а на Володимире племя.. не можемъ руки подъяти" (Ипат. лет., 36, 16); „аже ны Володимеръ глѣ постигнеть, а ту съ нимъ ся *біемы* (так исправлено издателем по другим спискам; в Ипатиевской летописи — *бѣимыся* = *бімыся*, повелительное)... аче ны Гюрги усрячеть, а съ тѣмь ся *біемъ*" (будем биться) (Ипат. лет., 55, 3, 4); „а въ сильній (sic!) пóлкъ въ Кіевьскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя *біють*" (станут биться) (Ипат. лет., 55, 24); „аще на ны придуть, *бьемся* съ нимъ" (Лаврент. лет., 144, 30).

Настоящее время = будущему: „Земла ѥси и въ землю идеши" (Изборн. 1073 г., 175); „Аште не идоу то оутѣшитель не придеть" (ibid., 179); „Его же аще просите (αἰτήσητε) въ ймѧ мое. то створѭ" (Саввина книга, Иоанна, 14, 13); „Придетъ година. ѥгда оуже въ притъчахъ не глѭ (Остр. ев., 175 — не глѭ) вамъ" (Саввина книга, 5, Иоанна, 16, 25).

Повьдь в значении будущего времени: „ѡна же... мышлѧше: *повьдь* ли Ѩсифови. или съкрыю паче таиноу сию.

аще ли сълъгалъ пришьдъши. почьто языкъ старьчь на сѧ *наоущаю* (стану наущать) (Златоуст XII в., Срезневский. Памятн., 193); „*невѣдь* что имамъ сътворити" (ibid., 194, а).

Настоящее время в значении будущего (независимо от совершенности и несовершенности): „Аще тако *твориши*, то съзиждеши домъ душевнаго спасеніа, и не въ пустошь съзиждеши; и тако съхраниши градъ, еже есть душа твоя, и не всоуе бѫдеши бдѣлъ" („Достопам"., I, 74); „и вси дьржащеиси понь живуть и оставльше его умруть" (Калайдович. Памятники, 60); „Аже паробъка господа вяжють, бьють, украдъшаго что любо, достоить ставити" (ibid., 190).

Льзу. „Посѣдита вы сдѣ, а язъ *льзу* (вариант *иду*=*пойду*, Erben—*půjdu*) наряжю" (=распоряжусь) (Лаврент. лет., 110, 19).

„А дайте, господине, нам съ Еѳимомъ божью правду, цѣловавъ, господине, крестъ животворящей да *льземъ*, господине, съ нимъ на поле биться. И судьи вспросили Еѳима: „а ты *льзешь* ли съ ними на поле биться?" И Еѳимъ такъ рекъ: „*льзу*, господине, съ ними на поле биться" (Акты, 28, XVI в.; ср. ibid., 32, 43); „уличаю.. Онисимка.. божьею правдою, цоловавъ крестъ да *льзу* съ Онисимкомъ на поле битися и наимита противъ его шлю" (ibid., 51) и др.

Везде—значение настоящего времени.

Теплѫ. „Се азъ сълѫ къ вамъ прокы.. и отъ нихъ *тепете* (μαστιγωσετε, *ubiczujecie*) на съборищихъ" (Остр. ев., Матфея, XXIII, 34).

пѣду. „Аже не будеть слѣда или къ селоу, или къ товару (обозу); а не wтсочать wт себе слѣда (находящиеся в подозрѣнии, что подрезали борть), ни *кдоуть* на слѣдъ, или wтбиются, тъ тѣмъ платити татбоу и продажю" („Русская правда" по Синод. списку XIII в.—„Достопам.", I, 51; вернее по Харатейному списку в „Достопам.", II, 58: „а̀же будеть слѣдъ къ селу ли к [то]вару, а не wсоцять wт себе слѣду. ни идуть на слѣдъ; или wбьють: то тѣмь платити тадбу и продажю").

Ищу. „Аже кто убикть княжя моужа въ разбои, а головника (вариант *боевника*) не *ищють* (в некоторых позднейших списках *изыщуть*) то вирьвноую (вервьную) платити, въ чькиже вьрви голова лежить" („Русская правда"—„Достопам.", I, 29).

пьмь, пиѭ. „Не пьцѣтеся дшеѭ вашеѭ чьто *пьсте* (φάγητε) или чьто *пиете* (πίητε) ни тѣлъмь вашимь, въ чьто облѣчете сѧ" (Остр. ев., 62, Матѳея, VI, 25). В польском сослагательное: „nie troszczcie się ... co byście jedli, albo co byście pili ... czem byście się odziewali"; в греческом настоящее сослагательное[1].

[1] Вообще старославянское настоящее время с частицами, поставленное вместо греческой формы сослагательного наклонения, нередко следует принимать за будущее, будет ли глагол в современном языке совершенный или несовершенный. Есть много ясных примеров употребления настоящего времени глагола предложного (=будущего совершенного) вместо греческого сослагательного: „да *увьсте* (ἵνα εἰσῆτε, *abyście wiedzieli*, чтобы вы знали) (Остр. ев., 66, Матфея, IX, 6); „дондеже *отъпоустить* (ἕως ἀπολύσῃ, *ażby rozpuścił*) народы" (ibid., 70 об., Матфея, XIV, 22); „да не *творѭ*" (οὐχ ἵνα ποιῶ, *iż bym czynił*, не для того, чтобы творить) (ibid., 20, Иоанна, VI, 38); „да *идеже* ѥсмь азъ и вы бѫдете" (ἵνα, *że byście i wy byli*) (ibid., 165, Иоанна, XIV, 3).

„Он оправи бијела фермана.. Да му дође Марко у нидата" (Чубро Чојковић, 126); „Оде Марко у Прилипа града, Да одмори Шарца од Мејдана. А и стару до пригледа мајку" (ibid., 127). О союзе *да* с изъявительным в сербском=русскому *чтобы, если бы* с причастием на *-лъ*—Weber, § 56. Болгарское: „не съмъ слънце да огрѣѭ сѣкого" (Пам. и обр. нар. яз., 137).

Иду. „Аз *иду* по нь (пойду? иду? Erben—*jdu*); а ты, брате, посѣди" (Лаврент. лет., 110, 22); „Глѣбъ рече: „луче сдѣ умру, не *иду*" (не иду? не пойду?) (Ипат. лет., 119, 41); „Аще не имете волхву сею, не *иду* от васъ и за лѣто" (Лаврент. лет., 75); „Въставъ, *идѫ* (=пойду, польское *pójdę*, πορεύσομαι) к оцоу мокмоу" (Остр. ев., 118, Луки, XV, 18); „къ комоу идѣмъ?" (=пойдем=*pójdziemy*, ἀπελευσόμεθα) (ibid., 25, Иоанна, VI, 68); „къ нкмоу *идевъ*" (пойдем, *pozwyjdziemy*, ἐλευσόμεθα) (ibid., 273 об., Иоанна, XIV, 23).

пѣду. „Не *пѣдемъ* на коних̀ъ.. ни пѣши *идемъ*, понесѣте ны въ лодьи" (ibid., 24, 12) (Erben—„пе *pojedem*.. ani pěšky půjdem", въ лодьи" (ibid., 24, 12) (Erben—„пе *pojedem*.. ani pěšky půjdem", ται) и лоуна не дасть свѣта своего и звезды съпадѫть съ нбсе" (Остр. ев., 145 об., Матфея, XXIV, 29).

Лобъжѫ. „его же аще *лобъжѫ* (облобызаю? ὃν ἂν φιλήσω, стану лобзать? польское *pocałuję*), тъ ѥсть, имѣте его" (ibid., 161, Матфея, XXVI, 48).

Пошлѫ: „и инъ та *пошлеть* и *ведеть* та" [Саввина книга, 6—„*поялетъ* и *ведетъ*" (=*opasze i poprowadzi*=опояшет и поведет, или будет водить; Буслаев=ζώσει καὶ οἴσει) Остр. ев., 53 об., Иоанна, XXI, 18].

Ищу. „При вашемъ животѣ не *ищемъ* его (=не станем искать Кнева), ажь по васъ, кому богъ дасть" (Ипат. лет., II, 146, 30).

пьжу. „Ать *пьздить* (=пусть ездит) Мьстиславъ подлѣ твой стремень по одиной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень *пьждю*" (буду ездить) (ibid., 73, 8).

Глаголѭ. „Не пьцѣте сѧ како. или чьто имате *глати* дасть бо сѧ вамъ въ тъ часъ чьто *глкте*" (что вам говорить, что будете говорить=τί λαλήσετε) (Остр. ев., 271, Матфея, X, 19).

Борюся. „Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и *борюся* съ нимъ“ (Erben—„tehdy i ja budu jemu nepžitelem a *potykati* se budu s nim“) (Лаврент. лет., 14, 31).

Противлюся. „Аще ли руку не дадять и *противятьсѧ*“ (станут сопротивляться, Erben—*zprotivi se*) (Лаврент. лет., 21, 1).

Сѣдити. „Имь же бо сѣдъмь сѣдите (настоящее время κρίνετε) *сѣдить* сѧ вамъ“ (будущее время κριθήσεσθε=“*jakim sądem sądzicie, takim sądzeni będziecie*“) (Остр. ев., 59 об., Матфея, VII, 1).

Любите. „Аще бо *любите* (ἐὰν γὰρ ἀγαπήσητε; в польском настоящее время *jeżli miłujecie*) любящаѧ вы, кѡѧ мьздѫ имаате?“ (ibid., 58 об., Матфея, V, 46).

Живлю. „Вдаимы ся Печенѣгомъ, да кого *живять* (оставят в живых), кого ли умертвять“ (Лаврент. лет., 55, 4).

Гублю. „Рече Ределя къ Мьстиславу: “что ради *губивъ* (в Хлебниковом списке „губити хочемъ“ (Erben—„proč máme hubiti“, зачем станем губить, зачем нам губить) дружину межи собою“ (Лаврент. лет., 63, 22).

Варю. „Изяславъ сватится (=сговаривается, дружится) со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его *не варивъ* (если не предварим, Erben—„jestli ho ne předejdem“, *не предварим*) имать нас прогнати“ (Лаврент. лет., 78, 26). Впрочем, современный язык не представляет данных для сравнения; может быть, уже в старинном *варити* есть глагол совершенный.

Настоящее время глаголов, ныне несовершенных, в значении будущего. „Идѫ по тебѣ, ѩмо же когдзиекольвиек идеши“ (ἀκολουθήσω σοι ὅπου ἐὰν ἀπέρχῃ; „pójdę za tobą, gdziekolwiek pójdziesz“) (Остр. ев., 63 об., Матфея, VII, 1).

Мьнѭ. „Приде година, да вьсѧкъ [sic!] иже оубиѥть вы, мьнитьсѧ (δόξῃ, *będzie mniemał*) службѫ приносити“ (ibid., 49 об., Иоанна, XVI, 2). Та же форма в значении настоящего (ibid., 55 об., Матфея, XVIII, 12, и др.).

Творѭ. „Си *творѧть* (ποιήσουσιν—*uczynią*) вамъ, ѩко не познаша оца ни мене“ (ibid., 94 об., Иоанна, XVI, 3); но на листе 171 то же место переводится: *сътворѧть*.

Глаголѭ. “Оуже не мъного *глѭ* (λαλήσω, *mówić będę*“ (ibid., 167 об., Иоанна, XIV, 30); „приде година, ѥгда къ томоу въ притъчаахъ не *глѭ* (λαλήσω, *mówić nie będę*) вамъ“ (ibid., 173, Иоанна, XVI, 25).

Цѣлую. „Аще *цѣлоуете* (ἀσπάσησθε, *jeżli byście pozdrawiali*) другъı ваша тъкъмо чьто лише творите“ (ibid., 58, Матфея, V, 47).

Цѣлую. „Да аще ны не помянеши всего того, иже створихомъ своимъ безуміемъ и хрестъ къ намъ *цѣлуеши*, то мы людіе твоѣ, а ты еси нашь князь“ (Ипат. лет., 83, 7).

Разоумѣѭ. „По чесомоу *разоумѣю* [sic!] се“ (γνώσομαι, *poczem to poznam*) (Остр. ев., 278 об., Луки, I, 18); „ѥже азъ творѭ (вместо -ѭ) ты не вѣси нынѣ *разоумѣѥши* (γνώσῃ) же по сихъ“ (*potem się dowiesz*) (ibid., 154, Иоанна, XIII, 7); „аще къто хощеть

волю кго творити; *разоумѣѥть* (γνώσεται, *będzie umiał. rozeznać*) оученикъ“ (ibid., 26, Иоанна, VII, 17); „ѥда законъ нашь сѫдить, чл҃коу. аще не *слышить* (ἐὰν μὴ ἀκούσῃ, *jeżliby nie słyszał*, если не услышит) отъ нкго прѣжде и *разоумѣѥть* (γνῷ, *nie poznał by*, и не узнает) чьто творить“ (ibid., 55 б, Иоанна, VII, 51); „ничьто же покръвено ксть. кже не отькрыѥться. и тайно кже не *разоумѣѥться*“ (γνωσθήσεται, „czego by się dowiedzieć nie miano“) (ibid., Луки, XII, 2).

Съвѣдѣтельствоуѭ. „Доухъ истиньныи. иже отъ оца исходить. тъ *съвѣдѣтельствоуѥть* (μαρτυρήσει, *świadczić będzie*) о мьнѣ“ (ibid., 22 в, Иоанна, XV, 26).

Трьпѭ. „Ѡ роде невѣрьнъ и развращенъ доколѣ съ вами бѫдѫ. доколѣ *трьпѭ* васъ“ (ἀνέξομαι, *będę cierpiał*) (ibid., 73 б, бѫдѫ. доколѣ *трьпѭ* васъ“ Матфея, XVII, 17); „доколѣ въ васъ бѫдѫ доколѣ *трьпѭ* вы“ (ἀνέξομαι, *cierpieć będę*) (ibid., 102 б, Луки, IX, 41; ibid., 133 б, Марка, IX, 19).

Вижду. „Оуслышати же имате брани. и слышанїѧ брани *видите*“ (*видите* нет в греческом тексте) (ibid., 82 а, Матфея, XXIV, 6); „Аще не *вижду* (ἐὰν μὴ ἴδω, *jeżli nie widzę*) на рѫкоу кго. ѩзвы гвоздинныѧ... не имѫ (будущее время) вѣры“ (μὴ πιστεύσω) (ibid., 11 а, Иоанна, XX, 25).

Идѫ. „Оучителю *идѫ* (ἀκολουθήσω, *pójdę*) по тебѣ“ (ibid., 63 об. в, Матфея, VIII, 19; ibid., 103 об. г, Луки, IX, 57); „не можеши нынѣ по мьнѣ ити, послѣдь же по мьнѣ *идеши*“ (ἀκολουθήσαι, *pójdziesz*) (ibid., 164 об. г, Иоанна, XIII, 36); „*идѫть* (ἀπελεύσονται, *pójdą*) си въ мѫкѫ вѣчьнѫю“ (ibid., 122 б, Матфея, XXV, 46).

Разумѣваѭ. „О семь *разоумѣваѭть* (γνωσονται, *poznają*) вьси. ѩко мои ученици ксте. аще любъве имаате (ἔχητε; но в славянском будущее, как и в польском, *mieć będziecie*) междѫ собоѭ“ (ibid., 164 в, Иоанна, XIII, 35).

Врѣжѫ. „Ничьто же васъ не *врѣдить*“ (μὴ ἀδικήσει, *nie uszkodzi*) (Луки, X, 19); „аще и съмрьтьно чьто испиѭть ничьто же ихъ не *врѣдить*“ (μὴ βλάφει, *nie zaszkodzi*) (ibid., 205 в, Марка, XVI, 18).

Видѣти, чюти. „Аще кто отъ врагъ монхъ въсхощетъ окрасти мой виноградъ, то хромець убо *видитъ*, слѣпець же *чюетъ*“ (XVI в., Калайдович. Памятники, 135); „николи же всяду на конь, Калайдович. Памятники, 135); „николи же всяду на конь, *Видимъ* (=поии *вижю* его болѣ того“ (Лаврент. лет., 16); „*Видимъ* (=поии *вижю* его болѣ того“ (Лаврент. лет., 16); „*Видимъ* (=пони *вижю* его болѣ того“ (Лаврент. лет., 16); „*Видимъ* (=пони

Ищу. „Аще кто убиеть княжя моужа въ разбои, а головника *не ищють* (= изищуть), то вирьвную (вьрвьную, т. е. виру) платити“ („Русская правда“—„Достопам“., I, 29).

Бью. В Договоре Мстислава Давыдовича с Ригою, 1229 г. (по изданию в прибавлении к Актам р.-лив., § 1, список D): „оже *бьють* волного чл҃вка“ (по списку A: „аже будѣть свободный чл҃вкъ *оубитъ*“; по списку F: „wже *оубьють* волного чл҃вка“), платити за головоу І҃. гривенъ“; § 3 по списку A: „Кто бикть друга дѣревъмь“ (по списку D: „аще кто .. *оударить*“; по списку B: „Кто *боудеть билъ*“); § 10 по списку A: „аже Латинскии гость *бикться* мьжю събою“ .. (по списку D: „или нѣмѣчьскыи гость *имѣться бити* межю собою“).

Насилую. В Договоре Мстислава Давыдовича с Ригою, 1229 г. (по изданию в прибавлении к Актам р.-лив., список A, § 12): „Аже *насилукть* робѣ, а боудоуть на него послуси, дати кмоу гривна серебра“.

Пользую. „Аще, сыну, моего моленія и поученія *не внемлеши*, и по сему писанію не учнеши жити .. и отца духовнаго заповеди не учнешь хранити, и оть богодухновенныхъ мужей *не пользуешися* поученіем .. и христіяньскаго праведнаго закона *не храниши*, и о домочадцѣхъ своихъ *не радиши*,— и азъ твоему грѣху не причастенъ“ (Домострой, 113).

Дрьжѫся. „Либо единого възненавидить, а дрѣгааго възлюбить ли единого *дрьжитьсѧ* (*trzymać się będzie* будет держаться — ἀνθέξεται). а о друзѣмь нерадити начьнеть“ (Остр. ев., 62 а, Матфея. VI, 24; ibid., 111 г., Луки, XVI, 13).

Покоѭ. „Придѣте къ мънѣ вьси тружающиисѧ и обрѣменѣнии. и азъ вы *покоѭ*“ (= упокою, ἀναπαύσω) (Остр. ев., 244 б, Матфея, VI, 28).

Вижду. „Ту и *видите* (ὄψεσθε). ѩко же рече вамъ“ (ibid., 18 б, Марка, XVI, 7) (NB = *tam go oglądacie*—в значении будущего времени).

Блажѫ. „Се бо отъселѣ *блажать* мѧ вьси роди“ (Остр. ев., 217 б, Луки, I, 48). [NB. В греческом настоящее время—μακαριοῦσι, но по смыслу—*błogosławioną zwać będą* (в исправленном убла-жать)].

Свобождѫ. „Аще вы пребѫдете въ словеси моемь. въистинѫ оученици мои есте. и *разумѣете* (исправленное уразумѣете — γνώσεσθε) истинѫ. и истина *свободить* (ἐλευθερώσει—wyswobodzi) вы“ (Остр. ев., 222 а, б, Иоанна, VIII, 31—32); „Аще бо сынъ вы *свободить* (ἐὰν ἐλευθερώσῃ—сослагательное аориста—*wyswobodzi*). въ истинѫ свободъ бѫдете“ (ibid., 29 б, Иоанна, VIII, 36).

Прошѫ. „ѩго же аще *просиши* (αἰτήσῃς = попросишь) дамъ ти“ (ibid., 287 г., Марка, VI, 23); „чесо *прошѫ*“ (*czego mam prosić* — попрошу; τί αἰτήσομαι) (ibid., Марка, VI, 24); „или аще *просить* попросит—ἐὰν αἰτήσῃ) аица. ѩда подасть кмоу скорпиѫ“ (ibid., 275 г., Луки, XI, 12). Где в греческом сослагательное аориста,

там славянский перевод отклоняется: ср. *просиши* (ibid., Мартам славянский перевод отклоняется: ср. *просиши* (ibid., Мар-ка, VI, 23) = польскому „o cokolwiek byś mnie *prosiła*, dam ci“ (глагол несовершенный); можно бы: чего бы ты у меня ни *про-сила* (= ни попросила, ни стала просить), дам“; „Аще *просить* (ibid., Луки, XI, 12) [ἐὰν αἰτήσῃ; польское *prosił li by* (несовер-шенный); можно бы: если бы *стал просить*, если бы *попросил*, *если б просил*]; „аще чесо *просите* (ἐὰν αἰτήσητε—jeżli będziece prosić) въ има мок. то сътворѫ“ (Остр. ев., 166 б, Иоанна, XIV, 14).

Поношѫ. „Поносать“ (Буслаев. Хрестоматия, 44). „Блажени есте, кгда *поносать* (Реймское ев.— *ukorjat'*, 54, ὀνειδίσωσιν) вамъ. и ижденѫть (= διώξωσιν; можно было бы: будут поносить и изго-нять, как в польском: „gdy złorzeczyć będą i prześladować“) и рекѫть “(= *gdy będą mówić*) (Остр. ев., 212 в, Матфея, V, 11); „възми кошницю и всади (= всяди) на мя, и азъ тя *ношу*“ (XVI в., Калайдович. Памятники, 140).

Оусрамлѭся. „*Оусрамлѭть* сѧ (= ἐντραπήσονται) сна моего“ (Остр. ев., 79 а, Матфея, XXI, 37); в исправленном тексте „оусра-мятся“ (= *będą się wstydzić syna mego*—будут стыдиться). Впрочем, и в украинском нередко *соромить*, но у Гребенки в значении конкретно-длительном—*соромлятися*: „*соромляються* вийти з хати“; „зазнаю я ту ніч прокляту, як *осоромляли* (= осоромили) ви хату“.

Отъвѣщаѭ. „Придеши вь оутрии днь и тогда ѿвѣщаѥши въпросѧ моемѹ“ (рукопись XV в., Буслаев. Хрестоматия, 653); „Тогда *отъвѣщаѭть* (= ἀποκριθήσονται—*odpowiedzą*) кмоу правьдьнии“ (Остр. ев., 121 б, 122 а, Матфея, XXV, 37, 44); „тогда *отъвѣ-щаеть* имъ“ (ἀποκριτήσεται, *odpówie*) (ibid., 122 а, Матфея, XXV, 45).

Съвѣщаѭ. „Аще дъва отъ васъ *съвѣщакте* (если два согласятся, συμφωνήσωσιν) на земли о вьсакои вещи. кѧ же колижьдо просита (αἰτήσωνται, станут просить, попросят). бѫдеть има отъ отьца мокго“ (ibid., 56, Матфея, XVIII, 19).

Вижю. „И сътвори себѣ кѫщѫ и сѣдѫще подъ нею въ сѣни, дондеже *видить* что бѫдеть граду“ (Ионы, IV, 5) („ażby ujrzał co by się działo“). Так в копии со списка Устрялова, 1047 г. (Бу-слаев, Хрестоматия, 145). В исправленном тексте: „дондеже *увидитъ* что будетъ граду“; „Азъ шедъ, увѣщаю и, не бо рачить видѣти кого ти въ утрѣи днь, пришедъши, *видиши и*“ (= повидаешься) (XII в., Бодянский, 6); „Въшьдъши въ единъ манастырь женъ, и тоу остризиса, и тако приходѫщи сѣмо, *видиши* мѧ“ (будешь видеть) (ibid., 6 об.).

Ямь. „аще ѫдыи мсть ѿ масъ въ днь третии, не бѫдеть требно.. душа же аще мсть ѿ нихъ приметь грѣхъ“ (Левит, 7, 18) (в ис-правленном тексте: „аще ядый *снѣстъ*“; „душа ѭже аще *снѣстъ*“); „и душа ѭ аще присажеть ко всеи дши нечистѣ ... и мсть маса ѿ требы спа и к гна, погѫбитсѧ..“ (ibid., 21); в исправленном: „душа,

мже аще прикасается всякой вещи нечистѣи ... и *снѣстъ*—погыбнетъ" (Буслаев. Хрестоматия, 148).

Разумѣю. „Прѣмудрость худогъ *разумѣѥть* пути йхъ" (Притчи Солом., 14, 8) (XV в., Буслаев. Хрестоматия, 151); в исправленном тексте: „премудрость коварныхъ *уразумѣетъ* пути ихъ".

Срамлюся. „Разумѣ мко *не срамлю себе*" (Исаии, 50,7, Библия 1449 г.—Буслаев. Хрестоматия, 175). В исправленном тексте „мко *не постыждуся*"=„wiem że pohańbiony nie będę".

Врѣждѫ. „Се гь помагаѥть мнѣ, кто *вредить* мѧ" (Исаии, 50, 9, Библия 1429 г.—Буслаев. Хрестоматия, 175). В исправленном тексте: „Се гдь поможетъ ми; кто *озлобить* мя" (=„oto pan pomagać mi będzie, któż jest, coby mię *potępił*").

Мню. В переводе „Слова о правилах веры Дамаскина" Иоанна экзарха: „Да кто ее правосудьства, или премудрааго промысла дѣло, добрѣ смысля, *мьнить*?" (ὑπολάβοι; у Епифания Славинецкого и Амвросия—*возмнитъ*) (Калайдович. стр. 46) [=кто при здравом уме подумает *(kto by pomyślił)*, что это есть дело правосудия и мудрого промысла?].

Вѣнчаю. „Аще бо душа едина благовольными труды страстова (в переводе Амвросия: „в подвигахъ добродѣтельныхъ претерпѣ"), едина *вѣнчается*" (στεφανωθήσεται; у Епифания и Амвросия *увѣнчается*) (ibid., 46).

Слышу. „*Слышять* (ἀκούσονται, услышат) бо ... иже в жюпилищихъ (во гробѣхъ) ... и изидуть ..." (ibid., 50); „Аще что *слышиши* ѿ цра. или видѣши в дому его. да съгниѥть въ срци твоемь .. аще что *слышиши*. не повѣдаи никомѹ. аще что оузрыши не wбавлаи" (XV в., Буслаев. Хрестоматия, 645).

Приимю. „Аще добрѣ *приимете* кназю вашему и wбатѣѥть земла ваша и плодъ добръ wбъемлете" (Златая цепь, XIV в.—Буслаев. Хрестоматия, 477).

Учу. „Сни, егда вода потечеть, или птица wпать полети. или синечь (=арапъ) йли срачининъ. wбѣлѣеть ли желць. акї прѣсныи ме оусладѣеть, тогда безимныи оумь *ичитсѧ*" (XV в., Буслаев. Хрестоматия, 650).

„И положѫ грады ваша поусты и опиштѫ стаѫ ваша и не обонаѫ вона трѣбъ вашихъ" (Изборн. 1073 г., 103).

Творю. „Аще ли сего не *твориши* [не пострижешься], то истиноу ти глю. к томоу лица мокго не имаши видѣти" (XII в., Бодянский, 6 об.).

Дьржѫся. „Или бо единого възненавидить, а дроугааго възлюбить или единого *дрьжится* а о друзѣмь небрѣщи вѣчьнеть" (Остр. ев., 111 г., Луки, 16, 13).

Пиѭ. „Вьсѣкъ *пиѣи* отъ воды сеѣ въжаждеть сѧ пакы. а иже *пиѣть* отъ воды мже азъ дамь кму. не имать въждадати сѧ въвѣкъ" (ibid., 30 в, Иоанна, 4,14).

Виждѫ. „Аще знамений и чоудесъ *не видите*, не имате вѣры мати" (ibid., 18 г., Иоанна, 4,48) (=„jeźli nie ujrzycie, nie *uwierzycie*").

Зобѫ. „Въ истинѫ аще сице *зобеть*. нѣ трѣбѣ да продавѣ что (=если так будет есть, то нам с тобою нечего продавать). понеже бо и виждѫ оуже изобалъ вѣдро сочива" (список XIV в.—Срезневский, 121); „мко жилъ кси на свои земи, такожде .. и оу мене *живеши*, и сътворѫ такдного отъ болъръ своихъ" (Supr. 44, 18); „Что *мыслиши*, Варахисиѫ; жъреши ли и поклониши сѧ сльньцоу и огню и водѣ, мкоже послѹшавъ поклони сѧ и братъ твои Їѡна, или приимеши раны на тѣлеси своемъ; отъвѣштавъ же .. Варахисиѡнъ рече имъ. мко же и Їѡна поклони сѧ, кмоуже поклони сѧ, то и азъ паче поклонѫ сѧ, *славословыѫ* и *възноѫ* и" (ibid., 191, 18); „Аште ли облѣнимъ сѧ, и праздьни ходимъ сьде, то никтоже насъ не помилоуктъ тамо, аште и много *плачемъ* сѧ за грѣхы" (ibid., 280, 10).

Правлю. „Поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Руськѣй земьли и въ насъ въ братьи, оже вверже въ ны ножь; да еще сего *не правимъ* (не поправим, Erben—*ne napravíme*), то большее зло встанеть въ насъ" (Лаврент. лет., 111, 25); „Оже родится тяжа .. то .. жаловати: оже *не правять*, то .. взяти свое у гости" (Акты р.-лив., № 1, 1184—1199 гг.).

Мьщю. „А любо соромъ сложю и земли своей *мьщю* (отомщу за), любо честь свою налѣзу, пакы ли а голову свою сложю" (Ипат. лет., 42, 11); „оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе *мьщю*" (ibid., 72, 5); „яко (=когда) Давыда ему, а Рюрика выжену изъ землѣ, и пріиму единъ власть Рускую и съ братьею, и тогда *мьщюся* Всеволоду обиды своѣ" (ibid., 122, 30); „возьму землю Лядьскую, и *мьщю* (Erben—*pomstím*) Руськую землю" (Лаврент. лет., 113, 12).

Сбираю.—„Николиже помышлю на страну вашю, ни *сбираю* вои (=не буду собирать. Erben—*ani sbírati budu*), ни языка [ни] иного приведу на страну вашю" (Лаврент. лет., 31, 11).

Гнѣваюсь. „Усрѣтоша... мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ да выженемъ Ростиславича" ... и рѣхъ: „аще вы ся и *гнѣваете* (=будете гневаться), не могу вы я ити, ни креста переступити" (ibid., 100, 17).

Вѣрѹѫ. „Аште земьна рѣхъ вамъ и не вѣроукте. како аште рекѫ вам нбесьнаа *вѣроукте*" (=поверите—πιστεύσετε) (Остр. ев., 85 б, в, Иоанна, III, 12; в исправленном тексте: *увѣруете*); „Покажи оубо намъ нонѣ кдно знамение, и *вѣроукмъ* кмоу и тебѣ" (Supr., 22, 14).

„Отъженѣмъ и отъ прѣдѣлъ сихь, аште ли (= в противном случае), вьса люди привлѣчетъ къ себѣ, и *вьружитъ* къ рождьшоуоумоу сѧ отъ Мариѧ“ (ibid., 158, 15).

Вожю, имѣю, даю. „Ажь ми ся уже молить и каеться о своей винѣ всей, то язъ его *пріиму* (будущее) и ко кресту *вожю*, и надѣлокъ ему даю; даже въ томъ устоить, и отцемъ мя имѣти почнеть во правду и добра моего хотѣти, то язъ и сыномъ *имѣю* собѣ, якоже и первое имѣлъ есмь его и добра ему хотѣлъ “(Ипат. лет., 146, 16 и след.). Здесь *вожю, даю, имѣю* употреблены о событиях будущих, но имеют ли эти формы настоящего времени и значение настоящего, т. е. представляет ли сам говорящий будущее настоящим, или же он употребляет только формы настоящего, придавая уже им значение будущего? В последнем случае, почему он не употребил форм *веду* (в значении *приведу*, как часто *иду* вместо *пойду*), *дамь*? Относительно *вожю* заметим, что *водити* есть чуть ли не единственная форма, употребительная о крестоприводстве. Ср. Ипатиевская летопись: „*води* ѝ кресту“ [ibid., 146,20 (привел), 39 и др.]; „посадиша Ярослава и *водиша* (=привели) ѝ къ кресту“ (Новгор. I лет., 62,22) и др. *Вести* в этом смысле не встречается, или, по крайней мере, очень редко. Стало быть, *вожю* могло быть употреблено в значении будущего времени. *Имею* может иметь значение будущего времени, судя по тому, что имеет же такое значение не только вспомогательное *иму*, но и вспомогательное *имаамь*, польское *mam*, украинское *маю*. Но трудно допустить, чтобы *даю* употреблено было в значении будущего. Так, и в следующем формы *выдаем, выдаваем* считаю за настоящие и по значению, хотя употреблены они о событиях будущих: „тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не идемъ (в поход не идем, не пойдем), а братьи своеи *не выдаемъ*“ (ibid., 43,20); „и присла князь Михайло къ Новгородцемъ въ Торжекъ: „выдаите ми князя Аѳанасья и Ѳедора Ржевьского, а язъ съ вами миръ докончаю“. И рекоша Новгородцы: „*не выдаемъ* Аѳанасья, но измремъ вси честно за святую Софью“ (ibid., 71,17); „княже, клањемъ ти ся, а братьи своеи *не выдаваемъ*“ (ibid., 41,34); „выдай, кого ти хотять: аще ли, то *предаемыся*“ (Лаврент. лет., 114,5) (=передаемся, хотя Erben переводит *se vzdame*—предадимся, сдадимся).

Вообще не подлежит сомнению, что как старинный язык, так и современный может употреблять настоящую форму о будущем, не только придавая ей значение будущего, но и оставляя за нею значение настоящего: „завтра *едем*“; „*побѣда* ны *есть* на Угры под *лѣзу, иду, ѣду*.

Настоящее время в смысле будущего. „Ты на стретушку пойдешь к ним поскорешенько, Ты закинешь речь, горюша, умильнэшеньку, Ты челом да *бьешь*, горюша, низко кланяешься: Да вы здравствуйте удалы добры молодцы“ (Барсов, 208); „Тут

боялася победнушка, *полóхалась*, Как приниде становой да всеначальничек, Он куды *кладет* победную головушку; Меня сошлют со родимой, може, родники“ (ibid., 261); „Да бо рече мру вину мудрне буде. а безумнаго аще и кнто *бьеши*, развмза на сане, не имеши безумиа его кажа безумнаго прїимеши себѣ досаженїе. посреди сонмїщь *срамлме* тм“ (Моление, 113); „Оумнѣ мнжю решї слово. и поболить срцем, а безумного аще княтом *бьеши* не вложиши вонь оума“ (XV в., Буслаев. Хрестоматия, 647); „Из-за дверей да разговорушки держу; Сговорю да светом братцам богоданым: Скоро-ль *идете* за стол да хлеба кушать?“ (Барсов, 41); „Лучше день лежим, родитель, не едаютца.. не пиваютца, Не пойдем мы рожоны твои детушки, Да мы по миру *не йдем* по крещеному“ (ibid., 157); „Я куда с горя *деваюся*, *Деваюся*, да со печалюшки *потеряюся*.. А я пойду с горя, да во темны леса“ („Тр. Этнограф. отд.“, V, 2,115); „Станьмо тутечка підождімо, поки сонце обігріє, Чи не прибуде ик нам наш піший-піхотинець. Тоді на його велике усердне маю. Усюдобич *скидаю*, Його пішого, міждо коні *хватаю*“ (Кулиш, I,40);

— Місяцю, брате, почекай мене!..
— Я не чекаю, часу не маю...
Бо іду в пôсли, вôт господа бога.

(Головацкий, II, 165,6).

Исключив эти случаи, а также случаи, как *борюся, пождю* и т. п., в коих при форме настоящего могут подразумеваться поставленные за несколько слов выше частицы *да, ать*, в силу коих настоящее время получает значение optativi, permissivi, мы замечаем следующее.

Настоящие формы глаголов несовершенных в современном языке, в Остромировом евангелии и в русских летописях в одних случаях передаются современным будущим совершенным, в других—несовершенным, в третьих могут быть переведены и тем и другим. То же заключение может быть выведено и из слов Ф. И. Буслаева, который переводит так: „поáшетъ и ведѣтъ“ (вместо *опоящет* и *поведет* или *будет водить*), „вечерáю“ (вместо *повечеряю* или *будет вечерять*) (Буслаев. Грамматика, ч. II, § 183, примечание 1).

Спрашивается: были ль и в древнем русском языке несовершенными те глаголы, которые несовершенны в современном? Основываясь пока на одном значении настоящего времени (о других формах—ниже), отвечаю отрицательно. Чтоб быть несовершенными в современном значении, они должны были иметь при себе глаголы совершенные, но они их не имели. Если, как надеюсь, заключение верно, то из него следует, что строй совре-

менного языка в том отличен от строя, с коим согласны приведенные явления старинного языка, что в теперешнем славянском наречии будущее несовершенное может быть выражено только описательною формою, между тем как форма простая (предложная или беспредложная), кроме настоящего времени, может обозначать только будущее совершенное. Таким образом, одному древнему *прошѫ* будет соответствовать в современном языке: а) настоящее время *прошу*, б) будущее совершенного глагола *попрошу*, в) будущее несовершенного *буду просить*. Оставляем в стороне первое значение, свойственное всем арийским языкам. Второе значение имеет несогласное с нынешним языком, совершенно согласно с многочисленными в старославянском и древнерусском случаями, употребление беспредложных повелительных, аористов и причастных форм там, где теперь стоят предложные совершенные формы. Явления эти объясняются таким состоянием языка, при котором различие глаголов совершенных и несовершенных если еще не появлялось или хотя уже и началось, но не коснулось еще всей массы глаголов: *прошу*, *проси* (аорист), *просил*, *просити*, хотя переводятся в известных случаях современными *попрошу*, *попросил*, *попросить*, но не выражают этих последних.

Таким же образом объясняется и значение в) *прошѫ*, *буду просить*. Это *прошу* не выражает ни нашего *попрошу* (будущее совершенное), ни нашего *буду просить*; оно есть только не выражающее категории совершенности или несовершенности будущее время, обозначенное настоящим.

Шлейхер в статье „Das futurum im deutschen und slavischen" (Schleicher, стр. 187 и след.) справедливо замечает, что в старославянском (мы прибавим: и древнерусском) различие глаголов совершенных и несовершенных еще только возникает (ist noch im werden) и далеко не так развито, как в позднейших наречиях. Заметим, что и в современных наречиях оно резко и характеристично сравнительно с другими языками, но вовсе не проведено до конца, что явствует из многих случаев, когда это различие ничем не выразилось формально и когда один и тот же глагол, смотря по смыслу, является то совершенным, то несовершенным. Современные наречия только в том пошли дальше древнего языка, образцы коего в Остромировом евангелии и старорусских памятниках, что в современном глагол в одном данном случае непременно должен быть совершенным или несовершенным, а ни тем, ни другим быть не может, хотя бы в нем категории совершенности и несовершенности формально не были выражены.

Но нельзя принять без поправок того, что́ он приводит в доказательство неразвитости этих категорий в старом языке, именно что в нем: а) „формы настоящего времени глаголов совершенных еще нередко означали настоящее время и, наоборот, б) формы настоящего времени глаголов несовершенных означали будущее" (ibid., стр. 191). Что до пункта а), то немыслимо, чтобы глагол, ставший совершенным, мог выражать формою настоящего времени настоящее, а не будущее; если же *изъгонѣ* есть и по значению настоящее, то это значит, что глагол *изгонити*, ставший впоследствии совершенным, еще не был им. Относительно пункта б) следует, как мы видели, обратить внимание на употребление форм настоящего времени в значении современного будущего несовершенного и современного будущего совершенного, свидетельствующее о безразличии в данном случае категорий совершенности и несовершенности. Если *дрьжиться* (Остр. ев., Марка, XI, 24) переведем через *будет держаться*, а *вѣрукте* (ibid., Иоанна, III, 12) через *увѣруете*, то это значит не то, что в старославянском дрьжатисѧ был глаголом несовершенным, а вѣровати—совершенным, а то, что ни совершенность, ни несовершенность этими глаголами не выражалась. Впрочем, Шлейхер и не думает, что вѣровати был глагол совершенный; напротив, он утверждает, что этот глагол уже по своей форме есть „несовершенный", а между тем означает „будущее" (Schleicher, стр. 192), что опять-таки ошибочно, потому что форма тут ни при чем. Какое же формальное различие между *вѣрую* (глагол в современном русском несовершенный) и *дарую*; а между тем *дарую* в современном наречии русском, польском, чешском есть не только глагол несовершенный (=дарить), но и совершенный (*подарить*, *простить*: польское niech ci daruje =чешскому nech ti darujě =пусть простит; *даровал мне разум* =дал, подарил, а не давал, дарил). Подобным образом о послати в значении будущего (Остр. ев., Матфея, XVIII, 15, 16, 17) Шлейхер говорит, что оно по правилу должно бы быть глаголом несовершенным, стало быть, иметь значение настоящего, как в Остромировом евангелии (от Иоанна, VIII, 17). Это правило, в противоположность правилу о вѣровати (см. выше), выведено не из современных наречий [из коих в русском *слушать* (украинском *послухати*, польском *posłuchać*) есть глагол решительно совершенный, между тем как в чешском *poslouchati* еще может быть несовершенным („pilně a bedlivě *poslouchati*"—слушать) и совмещает в одной форме значение украинского *послу́хати* (совершенный) и *послуха́ти* (несовершенный) =слушать], а из половины данных, замеченных в Остромировом евангелии. Весьма поучительны эти противоречия, находимые Шлейхером, между тем, как должно быть по правилу, и тем, как есть. [Некрасов, если б знал это, сказал бы—для русского (resp. славянского) языка нет правил].

Еще один пример. Шлейхер про глаголы, ныне совершенные, имеющие в Остромировом евангелии в форме настоящего времени значение настоящего (*погыбнемъ*—Луки, VIII, 24, *отрѣшить*—Луки, VIII, 15, и т. п.), говорит, что они имеют в повелительной форме значение настоящего времени, несмотря на то, что по форме они должны бы быть решительно совер-

шенными (Schleicher, стр. 193). То-то и дело, что они не были тогда совершенными. Эти противоречия неизбежны, как скоро упустишь из виду ошибочность современной точки зрения в применении к прошедшему.

По отношению к замене будущего времени Шлейхер находит почти полное соответствие между славянским, с одной стороны, и готским, древне- и средневерхненемецким — с другой: „И славянский и немецкий язык потеряли форму будущего времени; и тот и другой заменяют ее [кроме сходных описаний, тождественных с *имѣти*, *начѧти*, *хотѣти* и неопределенным в славянском и с *haban*, *duginnan*, *skulan (sollen)* и неопределенным в готском] преимущественно настоящим глаголов совершенных. В готском [и в древне- и средневерхненемецком], как и в старославянском, уже различаются глаголы несовершенные и совершенные, но в готском это различие не так явственно выступает наружу, как в старославянском, который в свою очередь еще не достигает той строгости в разграничении этих разрядов, какая видна в других славянских наречиях" (Schleicher, стр. 197).

В готском, древне- и средневерхненемецком глагол, как замечают, становится совершенным (т. е. настоящее его становится будущим, прошедшее — прошедшим совершенным) или в силу своего значения (как готское *gibith* — даст, δώσει), или в силу влияния предлога, преимущественно предлога *da*, средневерхненемецкое *ge*, некогда означавшего *съ* (вместе), но уже в готском до такой степени потерявшего свое основное значение, что весьма часто он только придает глаголу значение совершенности, не сообщая никакого пространственного оттенка.

„Различие глаголов совершенных и несовершенных стало явственнее в силу потери формы будущего времени (которая, по вероятному предположению Шлейхера, была и в германских незадолго до составления первых готских и древневерхненемецких письменных памятников). Затем: в нововерхненемецком стали преобладать описательные формы (будущего) и вместе с тем почти совершенно исчезло различие глаголов совершенных и несовершенных, между тем как славянские наречия пошли по иному пути: они описывают только будущее глаголов несовершенных посредством *буду* (etc.) и таким образом достигают все более и более резкого разграничения обоих разрядов" (Schleicher, стр. 197).

Совершенность и несовершенность глаголов в готском и древне- и средневерхненемецком (см.: Martens, стр. 31 след., 321 и след.) и исчезновение этих категорий в позднейшем немецком языке — вопрос, как мне кажется, далеко не доведенный до надлежащей ясности. Не признавая себя здесь компетентным, позволю себе, однако, заметить следующее. Шлейхер, по-видимому, находит причинную связь между появлением совершенных глаголов и выражением будущего времени посредством формы настоящего.

Но, во-первых, в немецком нет глаголов совершенных, а между тем будущее выражается настоящим.

Вот несколько примеров из литовских песен в переводе Нессельмана: „O ką mes ten weiksim?" (а что мы там будем делать?). — „Miestą mums pakursim" (построим себе город — bauen uns eine Stadt). „O ką mes ten gersim?" (Und was trinken wir da?) (Nesselman, № 10.)

„Бонякъ.. повѣда Давыдови, яко „побѣда ны есть на Угры заутра" (Лаврент. лет., 115); „прокляша, иже ся не поклонять иконамъ" (здесь может быть будущее время, но вероятнее настоящее — „kteří se ne klaní"); „Не преимай же ученья отъ Латынъ, ихъ же ученье разъвращено: влѣзъше бо въ церковь не поклонятся иконамъ (*ne klání se*), не стоя поклониться (*pokloní se*)" (ibid., 49).

Буду. В „Слове о правой вере" Дамаскина по переводу Иоанна экзарха: „[Река Океан] пивьноу (добру пити) и сладъкоу воды имоущи. та подаеть моремъ водоу. иже в морихъ мудмщи (по новому переводу „косня") и стомщи непостоупьна (недвижна). горька *боудеть* (γίνεται, становится; но по переводу Епифания Славинецкого и Амвросия — бываетъ) слнцю присно тыньчѣе (тончайшее) съснимающю, и съмырьчемы (читай *съмырьчемъ*). имиже (читай, как и в другом месте, *имьже*; в переводе Епифания и Амвросия согласно с подлинником: *оттуду*, *откуду*) и облаци см составлмають и дъждеве бывають (γίνονται; здесь и мы можем оставить „бывают") цѣжденьемь слядящимсм водѣ" (Богословие, 154); там же γίνεται переводится и *бываетъ:* „противу же творитву (πρὸς τὴν ποιότητα — по качеству; переводчик смешал с ποιέω) земьному источьникъ (родительный падеж множественного числа) вода бываеть" (Калайдович, 43).

„Написашесе сик книги .. рукою граматика Θеѡдора; а повельникмъ.. Даментимана кромона, *боудуща* тъгда Духовника всего братьства Хиланьдарскык Лавры" (Послесловие переписчика „Шестоднева", 1263 г. (сербское) — Калайдович, 164); далее (ibid.): „не имѣним ра сего свѣта нъ млоти ра бжик и ѡного свѣта некончакмааго, и *боудвщих* ра блгъ" (ibid., 146).

Буду. Иногда не ясно: настоящее время или будущее. Действия обычные. „Ꙗгда бо на въсточнѣмь прѣдѣлѣ *боудетъ* слце ти подземныи полъ миноувь. нбо днь створитъ. тъгда бо всѣ землю ѡсвѣтитъ, подъ нбсмъ свими лоучами прсимвъ. кгда ли пакы доидетъ западнааго прѣдѣла. ти подъидетъ подъ земныи полъ нбсе и скрыктъсе. то нощь творитъ. свои свѣтъ съкрывъ тьма бо *боудетъ* . где свѣтъ нѣ боудетъ бо в'сь тъгда надъ землею

възоухъ тьмьнъ и бесвѣта, ѿ земле бо ѓоудетъ стѣнь" (Шестоднев, 20); „И ѥгда съврати слнеч'нии прилоучают'се. то ѡвогда нощь. ѡвогда днъ вещеи *боудетъ*. нъ ѡбаче ѡбою тою длъгость *бываетъ* въ. кд. часъ" (ibid., 27,3); „[Морская вода] неудима же заднимъ вѣтромь сквозѣ лоукык ты жилы. и вонъ издриваѥма. и истичетъ. расадивши или землю или камень. ти боудетъ сладка цѣщеникмь тѣмь. горести гонез'ши.. [вода] тоѡже виною женома и възгорѣв'ши се, топла боудетъ. многажи и врещи. ѡко же ѥ вилѣти въ ѡстровѣхъ .. и поллъгъ морѣ бываютъ бывают' же и свѣне морѣ и земле истиꙗющe топлище" (ibid., 90); „Влага же та възнесена на высокаа мѣста. таче истиꙗжена . . . дожь *боудетъ*. и грѣдетъ на землю" (ibid., 91); „Ѭгда се лоуна ѡградитъ и слнцю же ѥгда глемин тоцї описани *боудетъ* (= оутъ). илї воды въздоушныѥ множьство. или вѣтръ боурьныихъ вѣанїѥ знаменоукт' или юже именоуют' ан'тилию. ѥже се рекоутъ намѣстїѥ слънъчьнаѥ. ѥгда текоутъ съ слънечнымъ шьстикмъ, то метежа нѣкакого въздоушнааго знамиѥ *боудоутъ* (конкретный). ѡко же ѡбо и ра[ѡдок]доужьнымъ лицемъ *бываютъ* (многократный) и простѣ се простбо *бидетъ* (на северном полушарии) по южьскынмъ странамъ слнцю ходещю. и многонощьныи стѣнь по нашимъ мѣстомъ бываетъ" (ibid., 143).

Буду. „Ѭгда бо ѥ [лоуна] оубываетъ. то рѣдька *боудоутъ* и тъща се" [телеса на землѣ]. ѥгда ли растетъ . . . то и та пакы исплънѣютъ се" (Шестоднев, 147); „мѣл'дько ѥстъ сѣверъскоѥ море. и оудобь вѣтромъ моутити ѕ. ꙁа из' дна ѥ. могоутъ оудобъ възмоутити боурнии вѣтри. ѡко же и подъньни (sic!) пѣскъ съ влънамї расмѣсити. нъ и стоудено *боудетъ* (становится) въ зимныѥ годы. многыми и великыми рѣками. испльнѣю се" (ibid., 169 об.); „Ѭхидна змиꙗ ...съходитъ се съ морьскою муреною ...и зоветъ мреноу из' глоубины ... она же послоушаетъ. и *боудетъ* съ ѡдовїтымъ тѣмъ гадомъ" (ibid., 171).

„Боуди юноша. желаѥ женитьвы. пръвоѥ *боудетъ* ѡбѣщаньнїкъ. таче зетъ" (ibid., 182 об.); „Чоувьство ѥсть ѡсѧзание, еже есть ѡбьще живота всего. иже *боудоуть* отъ можденъ. жиламъ съходѧщамъ по всемоу тѣлоу" (Богословие, 193); „[Промысломъ иной иномоу. да славѣ стражоущаго възвеличивъшисѧ без лѣности. страсть инѣмъ *боудеть* надежда грядоуща славы. въсхотѣниѥмь

придоущааго добра. яко же и при моучѣхъ" (ibid., 211—212).

Чѧти. „Обыште бо цѣсарьствиѥ, а не вьнѣ тоѧжде чьсти сынови слово причѧштакмо ѥстъ, не бо ни *начьномо* ни прибываѥште или *оухоудьшите*" (Supr., 241, 12) [начьномъ = ἀρξάμενος (Miklosich. Lexicon, s. v.)].

Стьрж. „Око убо видѧ или дѫбъ цвѣтьчанъ или источникъ силно текѫштъ, тѣмь видѣниимъ тамо сѧ влѣчетъ, и срьдьчьныи оумъ прѣвраштаат тамо. такожде и оухо, слышѧ словесы дѣаниѥ и повѣсти къ тѣмъ мысль си *простьретъ*" (Supr., 253, 8).

Рѣѧти. „И нынѧ по что сьнидохомы сѧ вьси, слышатъ нѣчто о крьстѣ, и напльнѧѥмы цръквѣ, и дроугъ дроуга *порькъ* потѧштѥ сѧ, троуждаѫштесѧ" (ibid., 393, 11). „*Врѣя* (причастие настоящего времени) человѣка въ сѣть, самъ увязнетъ, *врѣя* человѣка въ судъ, неоскудѣетъ судъ его во вѣки, и *окоруя* и *презря* лице человѣче, окоруетъ и презритъ лице господине" (Кормчая, 1620); „Демони възвышаѫть бо сѧ ѡко горы, *низьрежть* же ѡко поле, просмраждени, ѡко же ѥсть псано глѫть же и влъны морьскыѧ". [Это — толкование к „въсходѧть горы и низъходѧть поля" (Буслаев. Хрестоматия, 31).] Это — глагол средний, и к нему неприменимо объяснение — dejicere, humiliare (Miklosich. Lexicon, s. v. *низрѧти*).

Могу. „Блаженъ иже судитъ судъ праведный и сиротѣ и вдовици и всему обидимому *поможетъ*" (Кормчая, 1620).

Съберж. „Аще кто въ мнѣ не прѣбѫдетъ, ѥзвръжетъ сѧ вънъ. ѡко же розга исъшетъ и *съберѫтъ* (Остр. ев., 168 в — *събираѫть* = συνάγουσιν) ѥ и въ ѻгнь вълагаѫтъ (Остр. ев. — *въмѣтаѫть*) и съгораетъ" (Саввина книга, 4, Иоанна, 156; Срезневский).

Верещи (старославянское врѣщи), *вьргу*. „Не ѿверзѧ сида моего" (Нова, 40, 3) [в исправленном „не отвергай" — Библия 1499 г. — (Буслаев. Хрестоматия, 171)]. „Сварилася пшениченька з колколем на поленьку: .. тебе за пліт *вергут*, А з мене коравай плещут" (Тернополь, Головацкий, II, 638). „[Рыба пожирает рыбу, человек — человека] нъ блюди се ѥда тебе також конїчина дондетъ. ѡкоже и рыбы. нѣ оудица прѣлестию за лалокоу ймоущи. нѣ ѡмьтъ ѡбрьгоущи. нѣ мрѣжа" (Шестоднев, 167).

Власти, владж. „Да имиже ты *съвладеши* (того, чем ты владеешь, чем ты в состоянии управлять, т. е. нравственных движений, подчинимых воле), то тѣхъ начела не ищи ѿиноудѣ ни ѿкоудоуже (кроме своей воли), нъ знаи истовоѥ зло ѿ ѿпадениѧ начело вземъ" (Шестоднев — Калайдович, 160).

Чьсти (чисти), *чьтж*. „Сего ради неявленое *вѣчтется* съ изложенми" [= поэтому неопределенное причисляется (причитается) к наклонениям] (XVI в., Калайдович, стр. 170). „Иные *чтут* к наклонениям]

одну фортуну" (Державин, 1, 19; *чтять* было у Державина, *чтут* поставил Дмитриев).

Бости. „Biada temu domowi, gdzie krowa dogrozie wołowi" (XVII в.) (= *dopada wołowi*).

Грѣти, грѣю (с предлогом несовершенного вида). „Тартаръ *несъгрѣемый*" (= несогреваемый) (Калайдович. Памятники, 130).

Спѣти, спѣю. Успею — теперь глагол совершенный (при несовершенном *успеваю*); в старинном языке — несовершенный. „Видѣвъ же Пилатъ, ѩко ничьсо же *оуспѣкть* (ὠφελεῖ), нъ паче мѧтежъ бываѥть .. оумы рѫцѣ" (Остр. ев., 186 г., Матфея, XXVII, 24). Чешская Библия 1529 г.: „A wida Pilát żeby nicz ne *prospĕl*, ale żeby wijce rozbroy byl, umyl jest ruce."

Могѫ с *въз* есть несовершенный. „Межи вами и нами пропасть велика оутвердисѧ, ѩко да хотѧщии минути, ѳсоудоу къ вамъ. *не възмогають*" (Ев. 1307 г. — Буслаев. Хрестоматия, 107); „...*не възмогѫть*" (Остр. ев., 97 б, Луки, XVI, 26). Чешская Библия 1529 г.: „mezy nami a wámi cýt weliký utwrzen gest, że ti kteřyż chtej odsud k wám *gijti ne mohú*."

Подобным образом в литовском, латышском, по Шлейхеру и Биленштейну, предлог нередко сообщает глаголу значение совершенности. При этом Шлейхер для славянского читателя замечает, что и такие совершенные глаголы имеют настоящее время (со значением настоящего; „Grammat. Lesebuch", стр. 139). Я полагаю, что славянский читатель с точки зрения своего языка должен считать совершенным только такой глагол, коего настоящая форма постоянно имеет значение будущего, и может себе представить оконченность действия лишь в прошедшем и будущем. Следовательно, то, что названо совершенностью в латышском и литовском, не есть славянская совершенность. Мы не должны обманываться тем, что, например, литовские *pri-si-gérti, pri-si-ryti, pri-si-sūrbti* мы во многих случаях переводим славянскими совершенными: *напиться, нахлебаться, нахлестаться, насосаться;* латышское *aiz-migt* (литовское *užmigti*) = славянским *за-снуть;* латышские *nuo-dzertiès — напиться*, ибо если настоящее этих глаголов, например *prisigeriu*, значит *напиваюсь*, то и все остальные формы чужды совершенности и несовершенности в славянском смысле. Так и немецкие *einschlafen, ausessen* одинаково означают *заснуть* и *засыпать, съесть* и *съедать*, т. е. собственно не означают ни совершенности, ни несовершенности.

В этом явственно безразличие совершенности и несовершенности. Такое явление невозможно признать новым, потому что оно есть в древнейших памятниках славянской письменности. Следовательно, необходимо значительно ограничить связь между совершенностью — с одной, и употреблением настоящего времени в значении будущего — с другой стороны, как в славянском, так и в готском, древневерхненемецком и средневерхненемецком.

При сравнении глаголов, считаемых за совершенные в готском

и древненемецком, с соответственными явлениями в славянском, быть может, окажется, что многие из немецких глаголов, несмотря на свою сложность с *ga* и на свое значение будущего в настоящем времени, вовсе не совершенны. Так, в одном из приводимых Шлейхером примеров: готское *matja jah drigka* (φάγω καὶ πίω) — „ѣмь и пиѫ", настоящее время *gamatjis jah gadrigkais* (φάγεσαι καὶ πίεσαι) „ѣси и пикши" (Остр. ев., 115 б, Луки, XVII, 8) есть будущее, но вовсе не совершенное с точки зрения современного языка, на который мы, не отклоняясь от славянского текста, переведем: *будеши есть и пить*.

Возвращаюсь к славянскому.

Народ, пока жив, беспрестанно переделывает язык, применяя его к изменчивым потребностям своей мысли. Быстрота течения жизни никогда не дает возможности остановиться на известном строе мысли и согласно с ним довести преобразование языка до конца. Если отдельное лицо никогда не достигает полного примирения несогласий между всеми своими мыслями, то тем менее возможна в языке, создаваемом множеством особей, такая стройность, чтобы всякое отдельное явление было согласно со всеми остальными. Так и в рассматриваемом случае. По отношению к замене будущего времени настоящим в старославянском и древневерхненемецком мы замечаем два разнохарактерных наслоения: а) более древнее, замену будущего времени настоящим без различия категорий совершенности и несовершенности, б) позднейшее, но долгое время существующее рядом с первым, состоящее в разграничении будущего несовершенного и совершенного и выражение последнего настоящим временем глаголов совершенных.

При подробном сравнительном пересмотре словарей современных наречий и памятников старинной и народной литературы найдется, без сомнения, много других подобных случаев; но из приведенных примеров можно вывести некоторые заключения о строе языка того времени, когда формы, употребительные теперь только в значении будущего, имели значение настоящего времени.

Во-первых, о беспредложных: очевидно, что форма *паду* имела значение только настоящего времени, в то время, когда при ней не стояла форма *падаю*, т. е. до разграничения глагола первой степени от глагола второй, когда производных глаголов III, 2, б (*рицати, ричю*), III, 2, г (*дава*), V, 4 (отглагольный), VI (отглагольный), служащих ныне для различения степеней длительности, еще вовсе не было, хотя и были их формальные первообразы. Не было также IV — однократных. Вместе с появлением глаголов на *-аю* (*падаю, паду*) *паду*, бывшее до того безразличным по отношению к виду, получило значение конкретного действия (паду теперь, в эту минуту) сравнительно с действием, обнимающим большее протяжение времени (*падаю*). Однако одним присутствием формы значения *падаю*, при конкретном *паду*, нельзя

объяснить, почему это *паду* стало будущим; нужно предположить еще одно изменение в этом конкретном *паду*, именно сокращение периода, им обозначаемого, по направлению к однократности; нужно допустить в *паду* три слоя значений: 1) значение древнейшее, безразличное по отношению к виду, 2) конкретно-длительное и 3) менее длительное. Не вижу возможности иначе объяснить совершенного значения глагола *паду*, как допустивши сближение его по смыслу с однократными. Внесши в глаголы значение оконченности и неоконченности, большей или меньшей длительности и однократности, язык нашел несовместимым значение настоящего времени со значением совершенности и однократности. Можно бы подумать, что сознание этой близости выразилось в переходе некоторых из глаголов беспредложных совершенных в разряд *-н-* в сербском *пáсти*, *пáднем*, *лéћи*, *лéгнем* (и *лéжем*), *рéћи*, *рéкнем* (*рéчем*), *сjéсти*, *сjéднем* (*сjéдем*); в польском, однако, этот переход может вовсе не иметь такого смысла, так как класс *-н-* заключает в себе и много конкретно длительных. Итак, ничто не отвергает предположения, что формы *пáднêм*, *padnę* могли еще с этим именно характером иметь значение настоящего времени, как польское *ciągnę*, *biegnę*.

Однако, допуская некоторое приближение такого глагола, как *паду*, к однократным, вряд ли следует думать, что оно вполне стало однократным. Если можно сблизить *сяду*, *лягу* со *стану*, то уместно ли будет такое же сближение с однократными таких глаголов, как *благословлю*, *куплю*. По-видимому, эти последние, ставши совершенными, не перестают быть длительными, подобно предложным *поведу*, *понесу*.

В формах *сяду*, *лягу* следует предположить, до решительного их перехода к значению будущего времени, колебание между настоящим и будущим, как доныне в *женю* и т. п.

В основании этого явления лежит, вероятно, следующий взгляд: грамматическое время есть отношение действия и состояния ко мгновению речи и (так как мысль сознается мыслящими первоначально только в форме речи) сознательной мысли о них. Действие, занимающее одно неделимое мгновение или и более продолжительное, но оконченное, не может быть современным акту сознания этого действия. Удар грома поразил мой слух, вошел в мою мысль, но, когда я даю себе отчет в этом, этого удара уже не слышно, и мне остается сказать: *гром грянул* или, если ожидается другой удар,— *грянет*. Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: *дождь идет* (т. е. теперь, когда я думаю об этом). Сказанным объясняется, почему появление видов, и, в частности, глаголов кратчайшего действия, повлекло за собою потерю значения настоящего времени в этих глаголах; что же касается причины, почему настоящее время получило значение будущего,

то она заключается в сознании сродства этих времен, более древнем, чем выделение славянского языка, так как будущее с основным окончанием *sya-mi* из *os-ya-mi* (окончания настоящего времени) частью есть во всех индоевропейских языках, частью предполагается ими. Так, в готском и древневерхненемецком настоящее время служит вместе для выражения греческого и латинского будущего; в среднем и нововерхненемецком тоже употребляется настоящее с наречием, означающим будущее в смысле будущего, а настоящее глагола *werden* уже в очень древнее время получило значение будущего и теперь служит для образования будущего описательного (Grimm. Grammat., стр. 4, 176—177).

Настоящее время историческое. „Пришел убогий к брату своему. *Просит* убогий милостынку“ („Калики“, I, 43). Если за настоящим (как *говорит*, *просит*, *думает* и т. п.), следующим за другим глаголом, следует изложение содержания речи, мысли, просьбы, то это настоящее может опускаться: „Вышел убогий за ворота, Взглянул убогий на небеса: „Сошли, господи, скорую смерть!“ (ibid., 43).

Опущение глагола. „Є в мене батенько ..; буде прохати, Щоб добрая доля“ (Метлинский, 145); „Бо я вдома обідала, Аби братка одвідала (прийшла). Не так братка, діток твоїх,—Що не мала зроду своїх“ (ibid., 279—280); „Усе тії, що пити-гуляти, Та нікому порадоньки дати; Усе тії, Що напитися, Та нікому зажуритися!“ (ibid., 154); „Горілки не вживав, так щоб через край“ (Кв.-Осн., I, 125); „Каб не было [замужем] щоб через край“ (Кв.-Осн., I, 125); „Каб не было [замужем] нашей сястрицы-зневаги, Каб не было: где суседочка-маточка, где поветочка-хаточка“ (Могилевская губ., Сен.у.-Шейн, Материалы, II, 351).

§ 10. Будущее время

Что в славянских языках была особая форма для выражения будущего времени, это выводится с полною достоверностью.

а) Из сохранившихся в старом списке перевода сочинений Григория Назиянзина (список XI в.) остатков бывшего причастия будущего времени: бꙑшѧштєѥ (τὸ μέλλον — futurum) и некоторых других, на основании коих предполагается будущее *бꙑшѧ*, *бꙑшєши*, *бꙑшєть*, *бꙑшєва*, *бꙑшєта*, *бꙑшємъ*, *бꙑшєте*, *бꙑшѧть* (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III. § 107). „Се запрещєнїкмь своимь. йскажѫ море. и положю рѣкы пѹсты. ѫ ѫ
ѫ
ѫ

скому бы-шѧ), *bâsi* (из *bu-sji*), *bàs* (из *búsi*); двойственное 1-е лицо *bâsiva*, 2-е лицо *bâsita*, множественное 1-е лицо—*bâsime*, 2-е лицо *bâsite*] с санскритским будущим на *-sya-mi*, *-sya-si* и прочее и соответствующими формами в зенде, греческом (будущее *-σω*), латинском (будущее на *-sco* и устаревшее на *-so*, как *facso* и др.) (см. Bopp. Vergleichende Grammatik, B. II, § 648 и след.).

Что касается до старославянских форм окрѣсѧ (*tondebo*, *corrumpam*, корень крѣ-), плѣ-с-ѧ (*ardebo*, корень плѣ-), късѣкнѹсѧ (*calcitrabo*, корень кѣн-), тѧкѹсѧ (*tangam*, корень тѧк-), в коих *-с-* принимают за остаток суффикса будущего времени, то будущее значение этих форм, очевидно, зависит не от этого *-с-*, а от глагольного характера *-и-*; значение же суффикса, встречаемого и во многих других глаголах, как русских, так и других славянских, подлежит исследованию. Также сомнительное значение суффикса в формах иҙ-ми-шѧ (*tabescam*, предполагаемый корень ми-, что в минѫти; значение будущего, зависимое от предлога, как и в других совершенных глаголах) и в бѣгсѣшѧ (sic!), а не бѣга-шѧ—curso (см.: Miklosich, loc. cit. и Bopp, ibid., § 658).

Потеряв простую форму будущего времени и тем отклонившись от ближайшего из родственных—литовского языка, славянский язык стал выражать будущее формами настоящего времени глаголов беспредложных и предложных, а также и описаниями, составленными из вспомогательного *хощѫ*, *начьнѫ*, *имамь*, *бѫдѫ* и неопределенного наклонения на *-ти*. На вопрос же: „имеет ли связь потеря особой формы будущего с появлением категории совершенности и несовершенности", можно было бы ответить утвердительно лишь в том случае, если б замена особой будущей формы настоящего времени была признаком появления категории совершенности и несовершенности; но такая замена, как увидим, не есть доказательство существования совершенности в современном смысле. Следовательно, потеря будущего времени и появление совершенности могут находиться разве в отдаленной посредственной связи, коей необходимости мы не видим.

Современный язык находит сродство в значении формы настоящего времени и повелительного наклонения. Доказательством служит замена недостающих форм повелительного наклонения формами настоящего времени с союзом или без, именно: во всех славянских наречиях в 1-м лице единственного числа, в 3-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа. Сверх того, в русском и литовском потеряна повелительная форма 1-го лица множественного числа, сохраненная в украинском: *будьмо*, *несім*, *летім*, *робім*, *поспішаймо*, *рятуймо*.

Особенность старинного русского языка состоит в том, что он легко может в случаях упомянутой замены обходиться без союзов (*ать*, *да*), т. е. формально может вовсе не различать

категорий повелительности (resp.—желательности) от изъявительности. Так, например, в 3-м лице в часто повторяющейся формуле духовных грамот, дарственных записей и т. п.: „А кто сю грамоту порушить, *судить* (= пусть судит) ему богъ" (1328 г., Собр. гос. грам., I, № 22); „а хто сю мою грамоту порушить, *судить* ему богъ, а *не буди* на немъ моего благословения въ сий вѣкъ, ни въ будущий" (1423 г., ibid., № 41); „а хто сю грамоту порушить, *судить* ему богъ, а *не буди* на немъ .. благословения" (1356 г., ibid., № 26); „а хто сію мою духовную рушитъ, *судится* со мною передъ богомъ" (1472 г., ibid., № 96); „*Судить* ти богъ и святая Софія, яко подумалъ еси на свою братію, и станеши съ нами передъ богомъ и отвѣтъ дашь за кровь нашу" (Новгор. I лет., 21,34). Во всех этих случаях в современном русском следует ожидать оборота „*суди* ему, тебе бог", откуда существительное *судибоги*. Так и во многих других случаях: „А отъиметь богъ которого сына исъ сыновъ моихъ, и жена его не пойдетъ за мужъ, а не будетъ у нее детей, и сноха моя *сидитъ* въ мужа своего удѣлѣ до своего живота .. а *поминаетъ* нашу душу; а дети мои до ее живота въ брата своего удѣлъ не въступаются" (1410 г., Собр. гос. грам., № 40); „а мои снохи и мой внукъ темъ монастыремъ ... *печалуются*, а *не обидятъ* ... Язъ техъ людей всѣхъ отпустила на слободу ... а снохи мои и мой внукъ техъ людей, по моемъ животѣ, в холопи *не ищутъ*" (1452 г., ibid., № 82); „а оже то, рехъ; яицемь толчете в зубы до обѣдни, аще и велиціи? Еже малымъ, рече, то нѣту бѣды, *причащаються*" (XIII в., Калайдович. Памятники, 185). Такие обороты встречаются и в устной словесности: „*Спасёт* тебя бог, человече, Что ты мне радости возвещаешь" („Калики", I, 105).

Севернорусское: „Не *откиньте-тко* вдову вы бесприютную... Да вы грубым словечком не *обидьте-ткось*, Да вы больным ударом не *ударьте-ткось*. Как пойдут мои сиротныи к вам и детушки. По вашему крыльцу да по переному. Не *заприте-тко* новых сеней решотчатых..." (Барсов, 7); „Не заходят к нам добры людушки, Серой заюшко туды не проскакиват, Малая птичка не залетыват, Извощики к нам не заизживают, Перехожии калеки не прохаживают, От вас грамотки к нам не принашивали" (ibid., 91); „Лучше день лежим (т. е. будем лежать), родитель, *не едаютца* [-цы.—*А. П.*], Да мы суточки, родитель, *не пиваютца*, Не пойдем мы, рожоны твои детушки, Да мы по миру не йдем по крещеному" (ibid., 157); „Каб (чтобы) красочка не родзилась, Каб дзевочки не сбирали, Каб вяночкоў *не свивали* (не вили), На галоўках не носили, Каб и замуж не ходзили" (Шейн, 238); „*Не пиваючи*" (Рыбников, III, 108).

Разница—между „ты меня *не обмани*" (этот раз) и „Не теряйко, девушка, своей красоты, *Не расплетывай* своей трубчатой косы, *Не выплетывай* ты ленты алыя" (Архангельская губ.) („Тр. Этнограф. отд.", V, 2,52); „Носи, миленький, *не уранивай*, Люби девушек, *не обманывай*" (ibid., 55).

Как эти примеры, так и употребление в современном языке форм настоящего времени с союзом в значении повелительном и желательном могут быть объяснены тем состоянием языка, при котором, после потери особой формы будущего (оставшейся в литовском), настоящее время, до различия категории совершенности и несовершенности, могло означать и будущее. Форма настоящего времени переходит к значению повелительному именно как будущая по значению, а не как настоящая в тесном смысле.

Настоящее время без *ать*, *да* в значении повелительного: „Киръ цр҃ь повелѣлъ да до м бж҃ій съзиждетсѧ .. расхо д же ѿъ домѹ цр҃ва дасться (в исправленном: *да дасться*). но и съсѹди .. иже Навходоносоръ взѧлъ ѿъ цр҃кви въ Іерлимѣ с .. въздаютсѧ и внесѹтсѧ (в исправленном: *да отдадутся*) цр҃ковъ“ („Эздры“, 6,5, XV в.—Буслаев. Хрестоматия, 168); польский язык XVI—XVII вв.: „Ktoby czynił więcej niż przystoi niech żeby od tego niżej opisany pobor dawał“; „*Niechasz* nam będą dane dwa woły“ (Leop. 3 Reg., 18); „*Niechasz* oni sobie obiorą jednego, a zrąbawszy go, niechaj włożą na drwa“ (Linde).

§ 11. Времена в древнерусском языке (преходящее и аорист), потерянные в современном языке

Образование преходящего.

а) Если есть разница в строении корня первой и второй темы, то в основании преходящего большею частью лежит корень первой темы, т. е. настоящего времени. Так, в II, 1, б: *дад-ѣаше* (в русских памятниках *дад-я-шеть*); в II, 1, а: при *обрѣсти*, *обрѧштѫ—обрѧштаахъ* (Супрасл. рукоп.—Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. III, § 133), с чем ср. в русских памятниках *сядяше*, *ляжаше* при *сяду—сѣсти*, *лягу—лечи*; в русских памятниках часто *будяшеть* (*буд-ѣ-аше*), *изидяшеть* (*-ид-ѣа-ше*); в II, 1, г.: *пловѣахъ* [хотя в сербско-славянском памятнике XV в. встретилось и *плу-ахъ* (Miklosich, ibid., § 165), *помахъ* (ibid., § 165)]; в II, 2, б: *зовѣахъ*, *женѣахъ* при *зъваахъ* (ibid., § 232); в III, 1, б: *измеляшеть*—в Житии Феодосия (XII в.), как и в Супрасльской рукописи—*мелѧахъ* (ibid., § 173); *боряхуся* (Лаврент. лет., 25,3).

В глаголах II, 1, б (образец *жьну*, *жати*) носовые гласные не могли бы стоять перед характером преходящего (*-ѣа-*) даже и тогда, если б образование этого времени от первой темы было непременным правилом. Поэтому *жьнѣахъ—жняхъ* само по себе не показывает, от какой именно темы оно образовано.

Формы, как *начаху* (в значении преходящем = начинать; Лаврент. лет., 41,15), следует считать позднейшими и неправильными; в русском они должны бы быть образованы по образцу *начьяху(ть)*. Ѫ, *вѣдѣху* (ibid., 25,3).

б) Присутствие характера первой темы в преходящем видно: в IV, 1, где в русских памятниках весьма обыкновенны такие формы, как *въстаняше* (при *ста-ти*), *примерзняшета* (3-е лицо двойственного числа), *исчезняху* при аористе, *примерзохъ* и др.; в старославянских памятниках, по замечанию Миклошича (ibid., § 186), довольно редки формы, как *останѣахѫ* (Супрасл. рукоп.); но других, образованных от темы без характера *-н-*, подобно аористу, не бывает. Напротив, в глаголах III, 2, б (*пишу*, *писати*), III, 2, а (*ковати*, *кую*), VI, а $\left(\frac{\text{-у-, -ю-}}{\text{-ова-, -ева-}}\right)$ образование преходящего от темы настоящего времени, например *плюмахъ* (ibid., § 237), *пишаахъ* (ibid., § 296), *красумьхъ* (ibid., § 241), составляет исключение и встречается большею частью только в более новых памятниках. По правилу—*плѣваахъ* и прочее. В русских памятниках—*засыпаше* (при *сыплю*), *глаголаше*, *помазаше*, *прислаше*, *выѣхаше*, *бесѣдоваше*, *избесѣдоваше*.

В старославянском горѣахъ и тому подобные глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ образованы от второй темы горѣ-; от первой было бы горѣахъ. При стяжении *ѣа* в ѣ, свойственном русским памятникам, выйдет *горяхъ*, в коем уже нельзя распознать, от какой темы оно образовано.

В преходящем глаголов $\frac{и}{ть}$ вѣд-ѣахъ, мд-ѣахъ видим гласный характер преходящего во всей своей чистоте, так как тема этих глаголов не заключает в себе никакой гласной приставки к корню.

Сравнивая с этим вѣдѣахъ—ста-и-ѣахъ, мы видим, что если эта форма образована и от первой темы, то тематическое *-е-* = основному *а* не повлияло заметным образом на характер преходящего и как бы опущено. В *печаахъ*[1] точно так же *-ѣа-* непосредственно примыкает к конечной гортанной корня и, смягчая ее, само изменяется в *а*, как в *мълчати*, *бьжати*, *слышати*. В имахъ *j*, изменяющее *ѣ* в и, как в *боятися*, развилось бы и при образовании преходящего не от темы *бию-*, а от корня *би-*. В имѣахъ, если рассматривать эту форму при помощи одного славянского языка, иа представляется происшедшим из *ѣа* под влиянием *j*, происшедшего из характера *-и-*, общего для обеих тем. В желѣахъ $\left(\frac{\text{-ьѣ-}}{\text{-ѣ-}}\right)$, горѣахъ, не вдаваясь в изыскания о происхождении и лишь сравнивая эти формы с аористом *желѣхъ*, *горѣхъ*, за гласную характеристику преходящего можем принять одно *а*. Так и в преходящих от глаголов с характером второй темы *-а-* или кончающимся на *а-* в—*зъваахъ*, *писаахъ*, *дѣлаахъ*,

[1] В Лаврентиевской летописи „жежаху“ 19,9), „не можаше“ (25,4).

бесѣдовааахъ—фактически характер преходящего представлен одним вторым *а*.

Бопп („Vergleichende Grammatik", B. III, § 525, 532) разлагает рассматриваемые формы таким образом: *вез-ѣ-ахъ*, *жел-ѣ-ахъ*, *рыд-а-ахъ*, т. е. в *ѣа*, *аа* видит два элемента: *а*, остающееся неизменным во всех спряжениях, он рассматривает совместно с следующим *-хъ* и прочее. В этом *-ахъ* есть вышедшее из раздельного употребления в славянском, но сохраненное в наиболее первообразном виде в санскрите прошедшее 1-е (иначе аугментированное или imperfectum) от корня *as-* (=кс- в ксмь). Славянское *-ахъ*, *-аше*, *-ать*, *-ах-о-къ*, *-аста*, *-аста*, *-ах-ошъ*, *-асте*, *-ахѫ* = санскритскому единственному числу *âsam* (*â* здесь и в следующих лицах—из слияния аугмента *а* с начальным *а* корня *as-*), *âsi-s* (из *as-as*), *âsît* (из *âsat*); двойственному *âsva*, *âstam*, *âstâm*; множественному *âsma*, *âsta*, *âsan*. Быть может, замечает Бопп, вошло в славянскую форму начальное *а* корня *as-* „в своем слиянии с аугментом". Гласную, предшествующую в преходящем этому *-а-* вспомогательного глагола, Бопп считает за характер санскритского X класса, думая, что те глаголы, которые сами по себе (т. е. в других формах) не принадлежат к этому классу, переходят в него в преходящем, так что *ѣ* в вез-ѣ-ахъ тождественно с *ѣ* не только в гор-ѣ-ахъ, но и в *гор-ѣ-хъ*. По этому взгляду, в глаголах, соответствующих санскритским X класса по гласной, соответствующей санскритскому характеру этого класса (во второй теме?), должно прибавляться в преходящем одно лишь *а* вспомогательного глагола, что и находим в *рыда-ахъ*, если считать первое *а*=санскритскому *ау* второй темы. Но так как характер *и*=санскритскому *ауа* и *ау*, то преходящее должно бы быть *люблмахъ* (из *любимахъ*, как *люблѫ* из *любиѫ*). В действительности находим люблмахъ, хвалмахъ с мл, что и заставило нас выше видеть здесь соседний характер *и* не с одним *а*, а с *ѣа*. Бопп же говорит: „отношение преходящего (imperfectum) *хвалja-ахъ* к аористу хвал-ѣ-хъ (ошибочно—вместо *хвал-и-хъ*) следует понимать так, что в преходящем санскритский характер *-ауа-* сохранил свой конечный слог, между тем как в аористе *ѣ* (т. е. *и*) заменяет санскритское *ау* общих форм". Таким образом, оказывается, что мл в хвалмахъ есть полный санскритский характер *ауа*, или, по другой терминологии, заключает в себе связочную гласную в ее особности. Если так, то и в желѣахъ, рыдаахъ тоже должна была заключаться конечная гласная характера *ауа*, но она слилась с *а* вспомогательного глагола. Почему же она не слилась с тем же *а* и в преходящем глаголов $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$? Почему из *хвалимахъ* или *хвалимахъ* вышли не *хвалимахъ*, *хвалихъ*, а хвалмахъ? На это можно бы ответить, что в предполагаемых формах -имахъ или -имахъ и сократилось в *j* прежде слияния ка или ма в *а*, после чего и самое это слияние оказалось ненужным.

Чтобы удержать в силе предположение Боппа относительно

а—*хвалмахъ*, нужно принять, что в глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ преходящее образуется от первой темы, между тем в сродных с ними глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$—от второй или общей, ибо, как выше сказано, от *гори-* было бы преходящее (по образцу *хвалмахъ*) не *горѣхъ*, как есть, а *гормахъ*.

Миклошич („Lautlehre", § 55, 3, по ссылке в „Formenlehre", стр. 370 Шлейхера), подобно Боппу, объясняет второй элемент гласного характера преходящего гласною вспомогательного глагола, с тою разницею, что этот глагол, по его мнению, вошел в преходящее в своей специально славянской форме *ке*, с эвфоническим *j* в начале. Таким образом, *быва-ахъ* из *быва-кхъ*, причем *аа* из *ак*, как в *добрааго* из *добракго*; при этом *-ѣа-* в *везѣахъ* и прочее остается необъясненным. Производя эту форму от второй темы, мы бы получили, согласно предположению, *нес-кхъ*, *нешехъ*; производя от второй с глагольным характером в его славянской форме *-е-*, получим из *несе-кхъ несѣхъ* (как *нѣсмь* из *не-ксмь*) и, чтобы из этого последнего получить *несѣахъ*, принуждены будем прибегнуть к ни на чем не основанным предположениям, что *ѣ* растянулось в *ѣѣ*, которое потом диссимилировалось в *ѣа* (см. Шлейхер, loc. cit.). В „Грамматике" (B.III, § 106) Миклошич держится, по-видимому, другого мнения, о коем ниже.

Я позволю себе высказать еще одно предположение, быть может уже известное до меня и, сколько мне кажется, если не лучшее выше изложенных, то и не худшее.

Разделим ли мы таким образом—*ведѣ-ахъ*, или таким—*ведѣа-хъ*, во всяком случае эта форма заключает в себе третью тему при двух первых: теме настоящего времени и теме неопределенного наклонения. Латышско-литовский язык тоже образует третью тему для своего прошедшего времени, и рассмотрение характера этой темы, мне кажется, может объяснить происхождение гласных элементов третьей темы в славянском.

Приступая к сравнению славянского преходящего с латышско-литовским прошедшим, прежде всего устраним черты, очевидно, несходные; *-х-* в *идѣахъ* и прочее, однородное с *-х-* и *-с-* в *ид-о-хъ* и *обрѣсъ*, по общепринятому мнению Боппа, ведет свое начало от *-s-* во вспомогательном глаголе *as* =кс. Личные окончания славянского преходящего и аориста, по крайней мере в единственном числе и 3-м лице множественного, суть так называемые вторичные, составляющие видоизменение тех первичных, которые в наибольшей чистоте сохранились в настоящем времени. Таким образом, славянское преходящее втройне отлично от настоящего: по гласному характеру, по *-с-*=*-х-* вспомогательного глагола и по личным окончаниям этого глагола. В латышско-литовском прошедшем нет вспомогательного глагола, и личные окончания его те же, что в настоящем времени, в пояснение чего привожу здесь настоящее и прошедшее время от литовского *sùkti*—кру-

тить (относительно корня = сучить). Настоящее время этого глагола имеет тот же характер, что *веду*, *несу*, но в его более древней форме *-a-*: единственное число *sukù* [*-a-m(u)*], *suki* (из *suk-a[s]i*), *sùka* (из *suka[tid]*), *sùka-va*, *sùka-ta*, *sùka-me*, *sùka-te*. Прошедшее *sukaũ* (из *sukaju*), *sukaĩ* (из *sukaji*), *sùko* (из *sukaja*), *sùkova* (из *sukaja-va*), *sùkota* (из *sukajata*), *sùkome* (из *sukaja-me*), *sùkote* (из *sukajate*) (Schleicher. Grammat., § 101). Этим объяснением устраняется Боппово сближение санскритского прошедшего с санскритским аористом 6-й формы = славянскому *двигъ*, *двиговь* (см. Bopp. Vergleichende Grammatik, B. II, § 575). NB! Сомнения Биленштейна в верности такого объяснения („Sprache." Zweiter Teil, стр. 134).

Поставленные в скобках предполагаемые основные формы лиц двойственного и множественного числа явственно показывают характер прошедшего *-aja-*, ныне сокращенный в *o* (из основного *ā*). В единственном числе *-aju* тоже разлагается на предполагаемое *aya-m-(i)*, *aji* — на *aya-(s)-i*, *-aja-* — на *-aja-ti*. Таким образом, в приведенном примере разница между настоящим временем и прошедшим состоит только в том, что в первом — характер *-a-* (общий характер темы специальных времен), а во втором — характер, имеющий основную форму *-aja-*.

Во многих случаях литовское прошедшее отличается от настоящего времени качеством коренной гласной [настоящее *liekù*, *(liekti)*, прошедшее *lekaũ*, неопределенное наклонение *likti* — (оставлять-лишать)], отсутствием носовой характерной согласной внутри корня (*pabundu*, прошедшее *pabudau*, *pabùsti* — провалиться), отсутствием наружной приставки *-t-* (*už-miršu*, *už-mirsti* — забывать.

Отвлекаясь от этих, впрочем весьма важных, различий и обращая внимание только на наружный (вне корня стоящий) гласный характер глаголов и присутствие или отсутствие *-j-* (часто происходящей из *-i-*) перед этим характером, можно подвести разряды литовских глаголов, различаемые Шлейхером, под следующие образцы.

1. В первой теме характер *-a-* или отсутствие характера, во второй (неопределенное наклонение) — отсутствие характера, в третьей (прошедшее время) — основная форма характера *-aja*: *ēdu* (= *â-mi*) и *ēs-mi*, прошедшее *ēd-au* (*-ajã-mi*), *ēsti* — жрать (= ѣсть).

2. В первой и второй темах — то же, в третьей перед основной формой характера *-aja-* стоит *-j-*: *degù*, *degmi*, прошедшее время *degiaĩ*, неопределенное наклонение *dègti* — гореть.

3. Вторая и третья темы — как в образце первом, а в первой основная форма характера *-ja-*: *léidžiu*, *léidmi* (= *dju* = *djâmu*), *léidau*, *léisti* — оставлять.

4. Вторая и третья темы — как в образце втором, в первой характер *-ja-*: *klyk-iù*, *klykiaũ*, *klỹkti* (hell schreien — кликать), третья тема сложена с *-j-* первой и *-aja*.

5. В первой теме отсутствие характера, как в образце первом отсутствие характера, или характер *-ja-*, как в образце третьем, во второй теме *-ē-* (= *ѣ*), в третьей (прошедшее время) соединение характера *-ē-* с характером прошедшим в образце втором и четвертом: *gélbmi* или *gélbu*, *gelbti*, *gélbė-jau* — помогать (*helfen*); *džiag˜mi* или *riaugmi* (1-е лицо множественного числа *riaugiem* = *jame*), *riáugėti*, *riáug-ė-jau* — рыгать.

6. В первой теме характер *-i-* того же происхождения, что в славянском гор-и-ти; вторая и третья темы — как в образце 5: *mỹliu* (1-е лицо множественного числа *mýlime*), *myl-ėti*, *myl-ė-jau*, (см. 9).

7. В первой теме основная форма характера *-aja-* (как в дѣд-ѧти); во второй видоизменение того же характера (быть может, без конечного *-a-*) в *-y-* (= славянскому *-и-* в хвалити); в третьей соединение этого *-y-*, сокращенного в *-j-*, с полным характером настоящего времени (как в *похвалять*): *láuž-au*, *láuž-y-ti*, *láuž-i-au* — ломать (см. 10).

8. В первой теме — основная форма характера *-aja-* (как в дѣлати); во второй видоизменение того же характера X класса = литовскому *o*, славянскому *a* в дѣд-а-ти; в третьей — соединение этого *o* с характером первой темы (настоящее время), что, кроме эвфонического *v*, равно славянскому (*co-*) дѣла-в-ѧти: *miegmi* v. *miegù*, *mieg-ójau*, *mieg-óti*, *jiesk-au*, *jiešk-ó-ti*, *jiešk-ó-jau* — искать; *neši-óju* (это *-oju-* отличается от *-au* в *jieškau* долготою первого элемента, так как литовское *o* = *a*), *neši-ó-ti*, *neši-ó-jau*.

9. *Bũbnyju*, *bũbn-y-jau*, *bũbnyti* (*bębnić*), что, переведенное обратно на русские звуки, было бы *бубн-ию*, с протянутым *-и-*, которое в *горю* является в виде *-j-* (прошедшее время *бубни-яю*, неопределенное наклонение *бубнити*).

10. Вторая и третья темы — как в образце шестом; в первой — как в славянском кѣлѣѧти: *seilėju*, *seilėjau*, *seilėti* — *geifern* (слюниться).

11. Литовская форма первой темы *uja* или *auja*, второй *uo* или *au*: *balt-uoju*, *balt-uoti* — *бѣлѣться* (ср. относительно характера и общего значения „чьрмьноватися драселуѣтьса небо"), *klýkauju*, *klýkauti* (— pfeifen, schreien; ср. сербское *кликовати*), прошедшее в обоих случаях одинаково: *balavau*, *klýkavau*, что переведенное на русские звуки оказалось бы соединением характера *-ов-* с *-ак-*: *кликов-а-ю*.

Из этого обзора видно, что характер литовского прошедшего (praeteritum, отличное от imperfectum, о коем ниже) есть: 1) или характер, соответствующий санскритскому характеру X класса в тех литовских глаголах, кои ни в первой, ни во второй теме не имеют этого характера; 2) или соединение двух характеров, из коих каждый предполагает характер = санскритскому X класса; так в глаголах, имеющих во II классе в первой или второй теме характер = санскритскому X класса; 3) или соединение характера *-av-* (= славянскому *-ов-*) с характером = сан-

скритскому X класса (латышский язык отличается здесь от литовского лишь степенью стяжения звуков, стало быть, большею порчею и не большею первообразностью[1], менее резким отличием их от характеров настоящего времени, но для сравнения со славянским особенного интереса не представляет).

Миклошич (B. III, § 106) замечает, что „имперфект (в славянском) тем отличается от аориста, образованного посредством *x*, что принимает между темою и характером *x* более полновесные гласные звуки *ьа*, *аа*, *а*, по-видимому назначенные своею тяжестью указывать на длительность действия, подобно (усиленным) гласным в плътати, покладнати из плести, клонити, вд-ѳ-хъ (*ivi*), вд-ъд-хъ (ibam.), шви-хъ, швлмд-хъ". Разделение этих форм (*ьа-хъ*) указывает, по-видимому, что *а* уже не присоединяется к *x* и не объясняется вместе с ним из коренного к в *ке*, как выше, но что *ьа* рассматривается вместе с ним как один элемент. Характер преходящего напоминает не столько усиленные гласные в более длительных глаголах, сколько соединение двух характеров в подобных же глаголах. Ср., например, писд-а-хъ с чешским *pisa-v-a-ti* (*-в-* эвфоническое), водь-а-хъ с водь-в-дти. В преходящем это *-а-* с таким же правом может быть сближено с характером санскритского X класса, как и *-а-* второй темы глаголов $\frac{-ay-}{-a-}$. Между *-а-*, вторым элементом в литовском прошедшем *jieskó-j-au* (при *jiškó-ti*), и вторым *-а-* в искд-а-хъ есть именно та разница, какая между характером первой темы *-ак-* и второй *-а-*. Для объяснения *-ть-* в вд-ъ-дхъ, всz-ъд-хъ можно бы прибегнуть к литовским глаголам, как *gelbmi*, *gélbu*, *gélbėjau*, *gélbėti*. Конечно, литовский язык показывает нам *-ё- = -ть-* в прошедшем времени лишь там, где оно есть, и в неопределенном наклонении литовский характер *-ėjau-* есть характер сложный. Таковы ли и славянские *-ьа-* в вдъдхъ?

Вполне сходны с приведенным литовским глаголом только вдыть, въд-ъ-дхъ, въд-ъ-ти. Однако тот же литовский язык показывает, что при отсутствии характера во второй теме (*ėd-ti*) простой характер X класса является в прошедшем времени (*ėd-aũ* из *-ajâ-mi*).

Взявши за исходную точку один из более первообразных литовских глаголов, например *ėd-mi* v. *ėd-u*, *ėsti*, и объяснив в нем характер прошедшего времени (perfectum) *ėd-au* из санскритского характера X класса *aja*, мы уже не встречаем затруднений при объяснении характера прошедших в десяти других случаях, начиная с третьего. В четвертом (*klyki-aũ*) прошедшее

[1] В латышском литовские сочетания *-au*, *-ai* на конце 1-го и 2-го лица единственного числа прошедшего времени являются и в виде *u*, *i*, как и в других случаях. Поэтому чисто латышское прошедшее время вполне совпадает с настоящим.

время, в отличие от других случаев, предполагает первую тему *klykiù* (с характером *-ja-*) и сохраняет от ее характера одно *j*. В пп. 5—10 прошедшее время образовано от второй темы через прибавление к ее характеру (X класс *ie*, *i*, *y*, *o*) того характера (тоже X класса), который мы видели,— *ėdžì-au* — посредством эвфонического *j*: *raudo-j-au*. Этого эвфонического *j* не нужно в образце 11: из *baltuo(tis)*, предполагаемая основа *au(ti)+au*, выходит *av-au*. Только в образце втором не ясно происхождение *j* в *deg-iaũ* при *degù*, *dègti*.

В славянском тоже, мне кажется, следует стараться сначала объяснить характер преходящего в глаголах наиболее простого строения, как шмь, мд-ъ-дхъ. Выше рассмотренное явление в литовском побуждает искать не только характера X класса в въдъдхъ, но и прибавки этого самого характера в глаголах, которые и без того в первой и второй теме имеют уже видоизменения того же характера. Действительно, хвалмахъ легче всего объяснимо из *хвали-ьахъ*, т. е. из соединения готовой второй темы (а не первой, как думал Бопп) с готовым же характером *ьа*. То же объяснение легко прилагается к глаголам $\frac{-и-}{-ть-}$, $\frac{-ьѣ-}{-ть-}$, где *-ьахъ = ть-ьахъ*. В глаголах, имеющих на конце второй темы *а*, это *а* должно быть сохранено, судя по примеру горѣдхъ (а не *гораахъ*) при горѣ-ти и *raudo-jau* при *raudo-ti*; от присоединения к нему *ьа* должно было бы произойти стечение гласных, требовавшее разделения эвфонической согласной, или стяжения. В *дьлаахъ* и прочее язык, вероятно, пошел этим последним путем, хотя вряд ли в оправдание этого найдется другой случай стяжения *аьа* в *аа*.

Образование преходящего во многих случаях от темы настоящего времени сближает его с имперфектами древних языков. Однако есть разница.

От настоящего времени. „Измелмшеть" (мелю) (Боденский, 9 об.); „лмжашеть" (ibid., 11); „будяшеть" (часто) (ibid., 9); „въстанмше" (ibid., 11); „дадяше", „изидяше", „сожьжаху", „примерзняшета" (3-е лицо двойственного числа), „исчезняху" (ibid.).

От второй темы: „засыпашеть" (сыплю); „глаголаше, помазаше, облизахуться"; в русских памятниках: „выѣхаше, присласе".

О личных окончаниях преходящего: *-тъ* в 3-м лице единственного и множественного числа *-шетъ*, *-хмтъ*, встречаемые в юсовых памятниках (см. Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, стр. 87), могут считаться редкостью в памятниках русских, где *-ш-еть*, *-ху-ть* столь обыкновенны, что приводить примеров не стоит. Изредка *-ше-ть* относится ко второму лицу: "помнишь ли ... въ которыхъ портѣхъ пришелъ *бяшеть*?" (Ипат. лет., 114, 37); „ты бо иного *молвяшеть*, господине" (ibid., 121, 6).

В той же Ипатьевской летописи встречается смешение аористов с преходящим: „сдумавъше мужи Галичкыи съ Володимеромъ, *переступшеть* (вместо *-и-шя*) хрестьное цѣлованіе“ (ibid., 136,7); „сего не *улюбишеть*“ (вместо *не улюби*) (ibid., 138,5).

Преходящее. „Купляху“ (Новгор. I лет., 5); „не съступяшеть“ (Ипат. лет., 18).

В $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ есть глаголы, коих глагольное происхождение становится весьма вероятным из сравнения с литовским.

Рушити. Литовское *rausiù* и *rausiaũ*, *raũsti* — рыть (землю, как свиньи и кроты), *rausiaũ; rausýti* (сюда и *rũsùs* — хлебная и картофельная яма). Латышское *rauszu* (= *rausiu*), *rausu*, *raust* — schüren, wählen. Без сомнения, сродство этого глагола с *рыть* и *рвать* — во всей силе, но непосредственно от них он не может быть произведен. Здесь мы видим, что и при суффиксе *-с-* = *-х-* = *-ш-* был более первообразный глагол.

Курить. *Kuriù*, *kũriau*, *kùrti* (по Nesselman'y *kuru*, *kurau*, *kurti*) — топить печь, разводить огонь. Латышское *kuru*(*-ru*), *kũru*, *kurt*.

Значение преходящего. Шлейхер („Beiträge“, B. V, стр. 209) думает, что остаток этого времени сохранился в русской частице *биш*, *бишь*, которую вставляют в речь, припоминая забытое: „как, *бишь*, зовут“; „кто, *бишь*, это сказывал“; „в Твери или, *бишь*, во Ржеве“; в последнем случае, говорит он, видна глагольная природа этого слова. В звуковом отношении *бишь*, по его мнению, из 3-го лица единственного числа *быше*, вместо *бьаше*, с *и* вместо *ѣ*, но *бьаше* имеет в старорусском форму *бяше*, *бяшеть*, а изменение *я* ударяемого в *и* не так легко.

Другие называют это время прошедшим несовершенным (imperfectum). Иоанн экзарх называет его „предибывше протяженое“ (Калайдович, стр. 171).

При передаче этого времени прошедшим современного языка замечается та особенность, что нередко это последнее образуется не от того же глагола, от коего образовано соответствующее простое время старинного языка, а от глагола одного из следующих разрядов, более длительного по значению. В следующем при примерах из Нестора ставлю в скобках, кроме глагола, от коего образовано преходящее, и русского перевода, еще для сравнения и чешскую форму из перевода Эрбена: „Nestorův letopis ruský“, v Praze, 1867.

„Аще поѣхати *будяше* (от *буду-*, откуда конкретное *буду*; если бывало вздумает поехать, если случилось ехать; „když Obřin měl někam vyjeti“) Обрину, не *дадяше* (от первой темы *дад-*; не давал; *ne dal*) въпрячи коня, ни вола, но *веляше* (*вельти*, *велю*; *приказывалъ*, а не *вельлъ; повельвалъ; kazal*, но и в польском *rozkazywał*) въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу

и повезти Обърѣна“ (Лаврент. лет., 5, 17); „[Феодосий] *изидяше*[1] (выходил, *vycházel*) изъ монастыря, взимая мало коврижекъ; вшедъ въ печеру, и *затворяше* (от *затвор-и-ти* = *затворял* от *затвор-я-ти*; *zaviral*) двери печерѣ и *засыпаше* (засыпал, *zasypával*) перстью, и *не глаголаше* (*ne mluvival*) никомуже, аще ли *будяше* (если было — в смысле случалось) нужьное орудье, то оконцемъ малымъ *бесѣдоваше* (разговаривал, *mluvival*), въ суботу ли въ недѣлю“ (ibid., 79, 30 и след.); „аще къ нему что *речаше* (если, бывало, скажет), ли добро, ли зло, *сбудяшется* (Ипат. лет., *сбываешеться* — сбывалось каждый раз) старче слово“ (ibid., 81, 28) (в чешском с другим оттенком мысли: „když komu co řekl, splnilo se“, причем взято во внимание одно действие каждый раз вместо многих, о коих речь, и действие это представлено совершенным; точнее было бы *řékával splnivalo se*); „аще кто *умряше* (от *умрети*, *умру;* умирал; чешское *když kdo umřel* — с другим оттенком, как выше; можно и по-русски: „умеръ ли кто — творили тризну“), творяху трызну (трызно) надь нимъ, и посемъ твориху кладу (= костер) велику, и *възложахуть* [й] на кладу (от *възложити*; возлагали; вскладывали) мертвеца, *сожьжаху* (*съжечи*, *жьгу*; сожигали), а по семъ собравше кости, *вложаху* (*въложити*; влага-ли, вкладыва-ли) въ судину малу и *поставляху* (поставити; ср. поставляли, ставили, становили) на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ“ (Лаврент. лет., 6, 10). Обычность и многократность этих действий может быть представлена таким образом, что вместо каждого их ряда будет взято по одному конкретному действию, выраженному глаголом совершенным, причем намек на обычность будет заключаться в том, что действия эти будут означены настоящею формою в значении будущего: украинское „як хто *умре*, то отце .. положять .. спалять, поставлять“; русское „*умер* ли кто, умрет ли кто, — положат“ и т. п. „Отсе було .. положять“, русское „бывало положат“, в чем уже нет намека, что обычай есть и теперь. Чешский переводчик поступил иначе: большинство из конкретных действий, представляющих ряды действий, он изобразил прошедшим конкретным же совершенным, что в русском было бы невозможно, да и в чешском не имело бы требуемого смысла, если бы одно из действий не представлено было прошедшим глаголом несовершенного длительного и если бы в конце периода не стояло „еже творять и нынѣ“ — když kdo umřel, *dèlali* (в смысле *deláváli*, обыкновенно делали) tryzny, a polem udělali krabici, *položili* .. tělo .., a *spalili*, *vložili* je v malou nádobu a *postavili*.

„Ихъ же имяху (ѡти, иму; *имали*, — схватывали, брали) пономяникы, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же *разст-*

[1] В евангелии 1307 г: „Въ ѡно идаше (Остр. ев., 25, хождаваше, *chodzil*) Гс въ Галелѣю (Остр. ев., 25, въ Галлилеи) не хоташе бо во іюдѣи ходити“ (*bawić się*) (Иоанна, VII, 1 — Буслаев. Хрестоматия, 108).

рьляху (от *разстрьл-ити* или *разстрел-яти*; *расстреливали*, а не *расстреляли*), а другыя въ море *вметаша*" (вбросили, хотя следовало ожидать *вметаху*—вбрасывали) (ibid., 12,23); „бысть сѣча велика, и *одоляху* (одолевали) Болъгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти" (ibid., 29,27).

„Предивно бысть Полотьскѣ (*бысть*: все следующее рассматривается как один момент): въ мечтѣ ны *бываше* въ нощи тутънъ (нам *казалось*, что слышен топот), станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто *вылѣзяше* (вылезти, вылазал в смысле выходил) изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ *будяше* (бывал) невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ" (ibid., 92,6 и след.) („jest-li že kdo vyšel .. ihned poraněn býval").

Преходящее. „И на семи Соборовъ Папежеве стараго Рима, иже въ томъ чину бысть, любо самъ *идяше*, любо своя Пискупы *присла*ше" (Послание Никифора.—Калайдович. Памятники, 157); „Не тако пси Лазоревы облизаху струпы, яко же си [приставници овчая купѣли] моя помилованія [= останъци тряпезъ богобойных людій] пожирають" (ibid., 46); „кгда .. хотастьраше са на длани .. аште боудаше .. годѣ въпросъ .. свокмь чиноу. камыкъ .. аште .. на мечь прѣлати люди. боудаше кръвавъ" (Изборн. 1073 г., 120 об.).

„Егда же *подъпьяхуться* (*пити*; каждый раз „на підпитку") *начьняхуть* (*чі-ати*; начинали) роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашим головам! да намъ ясти деревянными лъжицами, а не сребряными" (Лаврент. лет., 54, 20) (ошибочно у Эрбена: „jednou .. když se podnapili, počali reptati"); „... И не дадяху вылѣзти изъ города" (Лаврент. лет., 55, 1) (не давали) (Эрбен—ne dali); „Бысть сѣча силна; яко *посвѣтяше* молонья (когда посвечивала, каждый раз как блеснет было), блещашеться оружье" (Лаврент. лет., 64, 13) („a když zašvitil blesk, blýskaly se zbraně"). Ср. „Камо туръ *поскочяше* (куда ни скочил) своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецькыя" („Слово о полку Иг."); „И побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, *тоняху* (утопали) въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ" (Лаврент. лет., 65, 18) („tonuli"); „Аще братъ етеръ выидяше изъ манастыря (выходил), вся братья *имяху* о томъ печаль" (ibid., 81, 10); „Аще кто коли *принесяше* (приносил) дѣтищь боленъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, *принесяху* въ манастырь, ли свершенъ человекъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, приходяше въ манастырь къ блаженому Феодосью: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абье *створяше* молитву и масломъ *помазаше* (помазывали), и пріимаху ицѣленье приходящіи" (ibid., 81, 15) („přinesli .. přišel li—poručil .. pomodlil, pomazal, a býval uzdravěni"); „[Бес] обиходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ

(цветок—„иже глаголется лѣпокъ"), *вержаше* (*вергнути*; бросал) на кого любо: аще прилняше (прилипал) кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья .. [тот] *изидяше* (выходил) изъ церкви, шедъ въ келью, и *усняше* (засыпал), и *не възвратяшется* (не возвращался) въ церковь до отпѣтья; аще ли *вержаше* (бросал) на другаго, и *не прилняше* (не прилипал) къ нему цветокъ, стояше крепокъ въ пѣньи, дондеже *отпояху* (отпевали) утреню, и тогда *изидяше* (уходил)" (ibid., 82, 2 и след.) („házel .. jestli .. kvítek přilnul .. vyšel .. usnul .. nevratil se; pak li hodil na jiného .. nepřilnul .. až dozpívali jitřní a tehda vycházel"); „Онъ же Вятичь *не съступяшеть*, но даяшеть имъ 4 городы" (Ипат. лет., 18, 23); „Уже бо Половцы *вълъздяху* въ городъ просѣкаюче столпіе" (ibid., 20, 5); „Приходящая къ нему *напиташе* и напаяше" (Лаврент. лет., 112); „И небрежаше въ церковь *привлечахуть* (привлекали, притаскивали, *přivlákali*) и къ церкви .. посажашеть и (sázel) кромѣ братьи, *положаху* (*klali*, *položili*—совершенный) предъ нимъ хлѣбъ, и не *възмяше* его (не брал, не бирал), но ли вложити въ руцѣ ему" (ibid., 83, 25); „Егда же *приспѣяше* (приспевала, наставала) зима и мрази лютіи, стояше (стаивал) въ прабошняхъ въ черезима и мрази лютіи, стояше (стаивал) въ прабошняхъ въ вьяхъ въ протоптанныхъ, яко *примерзняшета* (примерзали) нозѣ его къ камени, и *не движаше* (двинути, не двигал) ногама, донеже *отпояху*" (отпевали) (ibid., 84, 5) („a když nastala zima .. stával .. tak že přimrzávali nohy .. a nehnul nohama až odzpívali"); „И по заутрени идяше (шел) въ поварьницю, и *приготоваше* (приготовлял) огнь, воду, дрова, и *придяху* (приходили) прочіи повари отъ братьѣ" (ibid., 84, 7) („šel .. a připravoval, a přišli i ostatní kuchaře"); „Не *припустяху* (не припускали) его къ собѣ, но особь думаху" (ibid., 116, 26); „И ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскіѣ не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами; и *облизахутся* (облизывались, *oblizovali se*) на насъ, акы волци стояще, и отъ перевоза и отъ горъ" (ibid., 104, 3); ср. Остр. ев., 96, в, г: „пьси приходаще *облизаахж* (ἀπέλειχον—облизывали) гнои ѥго" (Луки, XVI, 21).

Таким образом, от глаголов *начати*, *изъити*, *усънути*, *прильнути*, *въкынутися* и других подобных преходящее имеет значение современного прошедшего от глаголов *начинать*, *выходить*, *засыпать*, *прилипать* и прочее. С точки зрения современного языка, в коем только и есть, что прошедшее время описательное из причастия на *-л-*, в коем по совершенности и несовершенности, по степени длительности прошедшее не отличается от других форм, кажется непонятным, как в древнем языке прошедшее время от *прильнути*, именно *прильняшеть*, может значить *прилипал*?

Но современная точка зрения здесь неуместна. Длительность такого прошедшего времени зависит от его характера. Если глагол в других формах имеет значение совершенного, в силу влияния предлога, то в прошедшем длительном предлог или

сохраняет только свое пространственное значение, или обозначает оконченность отдельных действий, составляющих ряд, обозначаемый этим прошедшим (*начьняхуть*, *прильняшеть*). При глаголах беспредложных, коих настоящее время имеет значение будущего, как *буду*, следует иметь в виду, что такое значение свойственно именно настоящему, но, например, не образованному от той же темы причастию настоящего времени *буда*; что и само настоящее время, без сомнения, имело некогда значение настоящего и что оттенок совершенности легко стирается характером прошедшего времени длительного *будяшеть* — бывал, „*събудяшеться* слово" — сбывалось.

Древний язык обладает прошедшим временем простым от глаголов первых четырех разрядов для выражения большей длительности и обычности действия. Отсюда можно бы заключить, что он не имеет нужды в производных глаголах следующих классов, именно в тех, которые своим глагольным характером и усиленною коренною гласною специально выражают большую длительность и многократность. Если *принесяхуть*, *отпояхуть* значат сами по себе *приносили*, а не *принесли*, *отпевали*, а не *отпели*, то зачем после этого формы *приношахуть*, *отпѣвахуть*? Между тем в древнем русском языке обычны не только формы, подобные этим последним, но и прошедшие длительные от глаголов с характером *-ае-ши-*, *-а-ши*, *-увати*, *-овати*, *-ываеши*, *-иваеши*, *-ывати*, *-ивати*: „*възгарахуся* голубьници" (загорались) (Лаврент. лет., 25, 21); „*изнемогаху же* людье гладомъ и водою" (изнемогали) (ibid., 28, 2); „тѣснячеся другъ друга *пихаху* (пихали) въ гроблю" (ibid., 32, 6); „то бо пророци *пропѣцаху*" (ibid., 37, 14); „*раздаваху*" (ibid., 54, 16) (а не *раздаяху*) и др. „Брака у нихъ не бываше, но *умыкиваху* у воды дѣвиця" (ibid., 6); ср.: „схожахуся на игрища .. и ту *умыкаху* жены собѣ" (ibid., 6, 10; в обоих местах у Эрбена — *unášeli*); „опаки руцѣ *съвязывахуть*" (svazovali) (Лаврент. лет., 18, 32); ср. в Ипатиевской летописи: *докучивахуть* (19, 14); *понуживахуть* (ibid., 44, 3); *подъмолвливашеть* (ibid., 81, 8); *створиваше* (ibid., 82, 10); *укаривахуть* (ibid., 82, 40); *снашивахуться* (ibid., 85, 10) и многие другие.

Итак, повторяю, какое же особенное значение имело прошедшее длительное *умыкивахуть* при *умыкаху*, а это последнее при возможном *умѣкняху* в значении *умыкали*? Очевидно, что значение прошедшего длительного не могло устранить стремления образовывать глаголы с более длительными характерами для выражения большей длительности, так как, например, *умкнути* значит не то, что *умыкати*, *умыкывати*. Как скоро такие глаголы появлялись не в прошедшем длительном, а в других формах, аналогии этих форм подчинялось и прошедшее длительное. При этом могло вовсе не чувствоваться разницы между двумя формами прошедшего длительного, как *умыкиваху* и *умыкаху*; летописец, действительно, употребил их одну близ другой

без всякого видимого различия в значении. Язык вовсе не есть такое целое, в коем нет ничего лишнего. Происходящие в нем изменения, отбрасывание старых форм и создание новых, указывают противное. Так, мы видим, что современный литературный язык не нуждается во множестве глаголов на *-ывать*, *-ивать*, довольствуясь глаголами предшествующих классов; и эта воздержность вовсе не заслуживает осуждения, если признать, что русские былины и вообще русская речь вовсе не есть единственный источник нашего литературного языка и что как старославянский, так и украинский вовсе обходятся без глаголов на *-ывать*, оставаясь при глаголах *-а-ти*, *-овати*.

В дополнение к вышеприведенным примерам соответствия прошедшего длительного в других языках современному прошедшему времени одного из следующих разрядов следует прибавить: тождество глагольного характера в других прошедших длительных и в современном прошедшем имеет место в глаголах несовершенных. См. выше и следующее: „*бяше* около града лѣсъ и боръ великъ" (Лаврент. лет., 4, 19); „бяху (были, чешское *byli*) мужи мудри и смыслени, *нарицахуся* Поляне" (ibid., 4,20); „*бяста* (чешское *byli*) бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко" (ibid., 5, 25); „*живяху* (*živi byli*) кождо въ своей части" (ibid., 2,25); „*имяху* (*mèli*) бо обычаи свои", (ibid., 6,1); „брачныи обычаи имяху (*mèli*): *не хожаше* (*ne chodil*) зять по невѣсту, но *приводяху* (*přivádèli*) вечеръ, а завътра *приношаху* (*přinášeli* — приносили, в литературном языке нет „принашивали") по ней, что вдадуче. А Древляне *живяху* (жили — *přebýwali*) звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: *убиваху* (*zabijeli*) другъ друга, *ядяху* (ели, *jídali*), вся нечисто, и брака у нихъ *не бываше* (*ne bývalo*), но *умыкиваху* у воды дѣвиця (*unášeli*).. *Схожахуся* (*scházeli se*) на игрища.. и ту *умыкаху* (*unášeli*) жены собѣ, съ нею же кто *съвѣщашеся* („s kterouž kde se umluvil"); имяху же (*mívali*) по двѣ и по три жены" (ibid., 6, 3 след.). „Игореви възрастъшю, и *хожаше* (*chodil*) по Олзѣ и *слушаше* (*poslouchal*) его" (ibid., 12, 14). „*Ношаху* (*dotud nosili*) сли печати злати, а гостье сребрени" (ibid., 20, 23) и многие другие. „И бѣ межи ими смятеніе и не видяхуть которіи суть побѣдили, Изяславъ *женяшеть* Галичаны, а братья его бѣжаша" (Ипат. лет., 73, 38).

Преходящее в значении давнопрошедшего времени. „Малъ ча порадовахсѧ ѡ васъ ча, видѧ вашю любовь и послушание къ нашей худости и мнѧхъ (думал было), ꙗко ауже оутвердитесѧ" etc. (XIV в., Буслаев. Хрестоматия, 496). Сербское: „Прије мајке њеца престављена, У рају су била постављена, Ал' њихове мајке *зегријешише*: У нељељу дворе *метијаху*, Преслицама много *предијаху*, И на стану много *поткаваху*.." (Петрановић, 17) = русским глаголам предшествующего класса вместо последующего: „Куд се њена крвца проливаше, Онуда се

земьа *проламаше*“ (проламывалась) (ibid., 59); „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ *рыскаше* (рыскал) изъ Кыева дорискаше (дорыскивал) до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь *прерыскаше* (перерыскивал)“.

Искусственное употребление прошедшего простого можно видеть лишь там, где, как, например, в середине, ближе к концу Ипатьевской летописи, в преходящем *-ьа-, -яа-* вместо русского *-я-* и [где] неправильное употребление лиц: „потопилися бяшеть“ (Ипат. лет., 174, 1235 г.); „затворила бо ся *бьяста*“ (ibid., 175, 1); „бяшеть“ (ibid., 175).

Здесь следует различать два случая. Древний язык и современный литературный нередко формально не различают категорий непрерывной длительности, с одной, и обычности и многократности, с другой стороны, там, где чешский и отчасти народные русские говоры различают. Поэтому, где прошедшее длительное означает известное пространство времени, заполненное непрерывным действием или состоянием (не момент — как аорист), там и в чешском прошедшее от того же глагола („Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ *не бяста*“) (в то время их не было, чешское *ne bylo*, а не *не бывало*) (Лаврент. лет., 86, 12). Где обычность, там в чешском прошедшее время одного из следующих разрядов: *ядяху* (ели, т. е., обыкновенно, чешское *jídali*).

Принесяхуть значит *приносили*; но из этого не следует, чтобы *несяхуть* значило *носили* и было равно по значению *ношахуть*: „егда же *несяхуть* (несли) й къ гробу, преливно знамение бысть на небеси“ (Ипат. лет., 18, 1).

Прошедшее время длительное=в современном следующим классам. „Царствующю сему Феостѣ нача[ша] ковати оружье, прежде бо того палицами и каменіемъ *бьяхуся*“ [вариант Хлебниковского, Ермолаевского списков *бивахуся* (Ипат. лет., 5, 13)]; „аще [жена] *родяшеть* (=рожала) дѣтищь, который ей любъ быше, *дашеть*: се твое дѣтя“ (ibid., 5, 16); „*не вдадяше*“ (не давал) (ibid., 11, 9); „амо же хотяхуть, тамо *пойдяхуть*“ (ibid., 59, 6) (туда шли, направлялись); „Изяславъ же съ женою своею выруча Святослава въ (у) Половець, и инѣхъ Руской дружины многыхъ выручиста, и многымъ добро издѣваста (Хлебниковский список „съдѣяста“): аче кто у Половець *утечашеть* у городъ, а тѣхъ *не выдавашеть*“ (ibid., 76, 32). №. Многократность, зависящая от глагольного характера, совместно с протяженностью, зависящею от времени: „И бьяхуться крѣпко, выходячи изъ города, и много *бываше* извенныхъ“ (ibid., 82, 10); „Крещеніе же его [Миндовга] льстиво бысть: жряше богомъ своимъ вътайнѣ.. егда *выѣхаше* на поле и *выбѣгняше* заяць на поле, въ лѣсъ ощенія не въхожаше вну (вону) и не смѣяше ни розгы уломити“ (ibid., 188, 6); „Воишелкъ ..въ поганьствѣ буда, и нача проливати крови много: *убиваше*ть бо на всякъ день по три по четыри;

которого же дни *не убьяшеть* кого, печаловашеть тогда, колиже убьяшеть кого, тогда веселъ *бяшеть*“ (ibid., 201, 10 и след.). „*Не престаяшеть* злое творя Володимеру“ (ibid., 211, 28); „и *не дадяхуть* ни изъ города вылѣзти въ зажитье; кто *выѣхашеть* изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша, а иныя излупивше пущаху нагы“ (ibid., 212, 24); ср.: „аще ли кто выѣхашеть, овы *избиша*, а другія поимаша, а иныя лупяхуть и конѣ отъимахуть“ (ibid., 212, 11). *Идяшеть* — шел в тот период времени, когда нечто другое совершилось; *ходяшеть* — ходил: „И еще же ему не вельми болну, но *ходяшеть* и *ѣздяшеть* на конѣ, и розда убогымъ имѣніе свое все“ (ibid., 219, 3).

В Сборнике житій до 1250 г. (Срезневский. Памятн., 227): „си гл҃ *начьняше* (=начинал) сѧ бити, ꙗко сѣноу ѡбѣгноути раною тою (=от тех ударов) и *станѣше* (=становился) бъдръ на мл҃твѣ“.

Кирилл Туровский по списку XIII в. (Калайдович. Памятники): „егда бо *възмутяшеться* вода, вьси о богатыхъ пекущеся сдравіи, сего (расслабленного) *отрѣяху*“ (ibid., 43) (№. И *изърѣюще* его (расслабленного) *отрѣяху*“ (ibid., 43) (№. И *изърѣюще* у того же писателя в смысле *изрѣвающе* — выбрасывая); „не тако пси Лазоревы *облизаху* струпы, якоже си (приставници овьчая купѣли) моя помилованія (останъци тряпезъ богобойныхъ людій) пожирають“ (ibid., 46); „На семи соборовъ Папежеве старого Рима, иже въ томъ чину бысть, любо самъ идяше, любо своя Пискупы *присла*ше“ (Послание Никифора к Владимиру Мономаху — Калайдович. Памятники, 157); „Мужа, кго же грѣяше, кго же ласкааше, кго же *облобызаше*, кго же паче себе л'юбѧшти лицемѣроваше, кго же вьчера любляше, дьньсь прѣльштааше“ (Изборн. 1073 г. — Срезневский. Памятн., 141); „Володимеръ прибо такъ бяше любезнивъ: любовь имея къ митрополитомъ .. ходящая къ нему напиташе и напояше .. аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше“ (Лаврент. лет., 112); „Богохульная словеса, акы стрѣлы къ камени пущающе, *съламахуся*“ (Калайдович, 49).

§ 12. Аорист, его значение и формы

Аорист в старославянском и русском называет прошедшим или прошедшим совершенным в собственном смысле, так как он выражает совершение прошедшего действия, тогда как преходящее означает его продолжение („Грамматика“, § 84 и 186). Иоанн экзарх называет это время „прежебывъшее неопредѣльнок“.

Буслаев

Вернее будет сказать, что аорист в древнем русском и других славянских наречиях изображает прошедшее действие как один момент, а преходящее или длительное — как продолжение, как ряд моментов. Правда, весьма часто в русском летописном языке аористы длительных соответствуют теперешним прошедшим от глаголов совершенных (примеры ниже); но это происходит

не от того, что аорист сам по себе есть прошедшее совершенное, а от других причин, между прочим, от совершенности и несовершенности глаголов, так что и другие формы, кроме аориста, например настоящее время причастия, не изменяя формы, смотря по смыслу речи, переводятся соответствующими современными формами то совершенными, то несовершенными: *бывъ* может значить *бывши* и *побывши*; *яси—ешь* и *съешь*; *мьстила—мстила* и *отомстила*.

Примеры. Аорист переводится прошедшим временем глаголов совершенных в современном русском: „*Иде* (пошел) въ Варяги, и приде въ Римъ" (Лаврент. лет., 4, 8); „сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже *бысть* (возник—совершенный вид) Кіевъ" (ibid., 4. 6); „вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему [волхву]: „бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ". Се же и *бысть* ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти" (ibid., 75, 12); „поидоста оттолѣ на Углече поле, и оттуда *идоста* на устье Мологи" (Ипат. лет., 40, 24). „Ольга .. собра вои многи .. и *иде* (пошла) на Дерьвьску землю" (Лаврент. лет., 24, 33); „*иде* (пошла, отправилась) Ольга въ Греки и приде Царюгороду" (ibid., 25, 35); „видѣвъ же и Половци стояща (винительный падеж множественного числа) назадѣ, и къ тѣмъ *гна* (поскакал), и много имъ молвивъ и укрѣпляя на брань; и оттуду *ѣхавъ* (поехавши).. возма копье *ѣха* напередъ и съѣхася преже всѣхъ, и изломи копье свое. Тогды же *бодоша* (ранили—совершенный вид) конь подъ нимъ въ ноздри .. Изяслава же Мстиславича *язвиша* (ранили—совершенный вид) въ руку .. Олговичи *идоша* (пошли) всвояси .. Давыдовичь Изяславъ, возма брата на полчищѣ, и *несе* (от *понес*) и Чернигову" (ibid., 143, 37; 144; ср. Ипат. лет., 63, 33 и след.); „ту сѣкоша ѣ въ руку и въ стегно, и бодоша и съ того летѣ съ коня" (Ипат. лет., 63, 37); „Петръ же положа ему грамоты крестьныя, *ѣзде* (вышел) вонъ" (ibid., 72, 14); „подъ Ростиславомъ же на первѣмь поскоцѣ *летѣ* подъ нимъ конь" (ibid., 76, 27); „И *стави* Олегъ вои" (вариант—*устави*=остановил) (Лаврент. лет., 12, 28); „и сступися чело Сѣверъ съ Варягы и *трудишася* (утрудились, устали) Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мьстиславъ со дружиною своею, и нача сѣчи Варяги" (ibid., 64, 11); „Копахомъ до полуночья; *трудихомся* (устали) и не могуче ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ" (ibid., 90, 10); „*ѣха*" (=поехал) (Ипат. лет., 22, 18 и во многих других местах); „Изяславъ же рече: „.. язъ самъ полѣзу (=пойду) къ нему" .. и *лезѣ* на сѣни къ Вячеславу" (ibid., 50, 3); „*слѣпиша* (=ослепили) Руси много" (Лаврент. лет., 67, 7); „исѣче, иже бѣша высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади (изрубил тех, что освободили, выручили) (ibid., 74, 31); „Томъ же лѣтѣ *рубоша* (посадили в поруб) Новгородць за моремъ въ Дони" (в Дании) (Новгор. I лет., 6, 30); „В то же лѣто *рубоша* Новгородцѣ (именительный падеж множественного числа) Варязи (ошибочно вместо Варягы), на Гътѣхъ

Нѣмцѣ (винительный падеж множественного числа), въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира" (ibid., 20, 2 и след.).

[Примечание. Пыпин (Словарь, III, стр. 102) ошибочно переводит в своих местах *рубоша* через „вырѣзали", вместо „посадили въ порубь". *Рубоша*—3-е лицо множественного числа аориста не от *руб-и-ти*, а от чистого корня *руб-*, как *двигоша* или *ведоша*.]

Аористы несовершенных, переводимые совершенным прошедшим же:

„Пришедшимъ же стрѣлцемъ многы язвиша и многи умориша стрѣлами" (Ипат. лет., 186, 8); „посла сына .. на нь .. а самъ ѣха проводить вой своихъ" (ibid., 192, 10); „*ѣха*" (вместо *поѣха*—ibid., 206, 37 и во многих других местах).

В Остромировом евангелии часто *иде*=пошел; *видѣ*=увидел; *свѧти* [ἁγίασε—освятил, посвятил, *poświęcił* (Иоанна, X, 36)]; „видѣвъше же народи, *чудишася* (ἐθαύμασαν—дивились—удивились, впрочем, в польском *dziwili się*) и прославиша ба" (Матфея, IX, 8); „видѣвъ ма *вѣрова*" (πεπίστευκας—уверовал) (Иоанна, XX, 29).

Кирилл Туровский по списку XVI в.: „*измыша* бо храмъ его слезами, *постлаша* люботрудными молитвами, *украсиша* добродѣтелію, *кадиша* чистыми въздыханьми" (Калайдович. Памятники, 125).

„Паремью писалъ азъ Олуферьк .. а *концахъ*, въ вторни вереб̑ны не̑" (Паремейник 1271 г.—Срезневский. Памятн., 235).

„И пришедъ, до сихъ Варисата [идола] падша въ знакъ" (1350 г., Срезневский. Памятн., 248); „Сего дѣла *варихъ* бѣжати в' тарсіс'" (1047 г., Ионы, 4, 2, по копии со списка Устрялова—Буслаев. Хрестоматия, 143) („tegom się pośpieszył"; в исправленном тексте: „сего ради *предварихъ* бѣжати").

Стрѣлити. „Стрѣливше побѣгнуша предъ Угры" (Лаврент. лет., 115); „Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою" (ibid.); „Въ то же лѣто *стрѣлиша* (=подстрелили) князя милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть" (Новгор. I лет., 7). (И доныне в русском местами „стрелить"=выстрелить, застрелить.)

Новгор. I лет.: „И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися; и тѣмъ (потому) вечерѣ *перевозися* Ярославъ съ вои на другыи полъ Дънѣпра .. и тои нощи *поидоша* на сѣцю" (ibid., 1). Ср.: „освящена бысть церкы" (ibid., 1); „Володимиръ *иде* на Емь" (ibid., 2) и таким образом много раз—*иде*.

„Приде Всеславъ и възя Новъгородъ .. и колоколы *съима* у Святыя Софіѣ" (ibid., 2); „Изяславъ *бѣжа* въ Ляхы" (ibid., 2) и много раз.

„Буря велика.. стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва *переимаша* живы" (ibid., 5); „въ се же лѣто вода бяше велика въ Волховѣ, и хоромъ много *сноси*" (ibid.).

Аористы, переводимые прошедшими несовершенными:

„Ты ли єдинъ. пришьлъць єси въ иероусалимѣ, и не *чоу* (не слышал, не слыхал; греческий аорист οὐκ ἔγνως) бывъшихъ въ нємь" (Остр. ев., 4 об., Луки, XXIV, 18).

Аорист беспредложного глагола передается в современном языке прошедшим временем глагола предложного совершенного: „въста на него [на Смена Михайловича] весь Новгородъ.. поидоша на дворъ его и взяша весь домъ его съ шумом, а Сменъ прибѣжа къ владыцѣ и владыка *прова*ди (т. е. его) въ Святую Софію" (Новгор. I лет., 65,5) (=выпроводил, скрыл). Ср.: „Пльсковичи *выпроводиша* (*выпровадиша*—Синодальный список) князя Олександра отъ себе" (ibid., 74, 29).

„Приведоша ѧ [печенѣгы] къ кладязю, идѣже цѣжь, и *почерпоша* (=почерпнули) ведромъ, и *льяша* (полили) въ латки" (вариант—„в котлы") (Лаврент. лет., 55, 22); „бѣ.. голодъ .. идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито" (ibid., 64, 2); „и бывши нощи, *бысть* тма, молонья и громъ и дождь" (ibid., 64, 9).

Бѣхъ и *быхъ*: „Кую вину вторую створилъ *бѣхъ*, не изгнанъ ли *бѣхъ* отъ ваю брату своею? не блудилъ ли *бѣхъ* по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ?" (ibid., 86, 6); „вземше ѧ братья, *несоша* въ келью и *положиша* на одръ" (ibid., 80, 22).

Так, литовские прошедшие, независимо от разницы окончаний, соответствуют русским аористам = современным прошедшим глаголов совершенных: *vėdė šókti* =*веде*=повел плясать: *šalin ėjo* =*иде*=отошел прочь, в сторону (=немецкое *führte*, *ging*). Заметить, что в таких случаях, как *веде*, *иде*, может заключаться значение глаголов совершенных, но без тех пространственных оттенков, которые сообщаются теперешним совершенным глаголам предлогами. „Князи мнози .. идоша на Половцы къ Лубну, и въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу" (ibid., 120).

[Неправильность: „бѣ бо имена посламъ": .. (Ипат. лет., 187, 7).] „єдва же *ставиша* (оставили, прекратили) матежь" (Supr., 22, 6). „Съваза и печатьлѣ оловомь" (ibid., 32, 29). „Нъ аште и фарисѣи се глаголѫште къ Пилату ставьяхѫ кго писати истины писмена, онъ къ ѥим глаголааше. єже писахъ, *писахъ*" (ibid., 301, 6); „єже *написахъ*, *написахъ*" (ibid., 301, 9).

„[Володарь и Василько] взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и *бѣгоша* людье огня" (Лаврент. лет., 113) („бѣжали" и теперешнее, в значении совершенного); „въ 6 часъ дне *бродишася* чрезъ Сулу, и кликнуша на нихъ" [на Половци] (ibid., 120).

Аорист в значении совершенном (без предлога). „Держимыя имъ [адом] *свободи* (=освободил) душа" („Сказ. о Борисе и Глебе", 3); „И предашася Новотържьци, а Яропълка [Всеволод, осаждавший Новый Торг] *веде* (=повел, увел) съ собою оковавъ .. и городъ пожьже" (Новгор. I лет., 18, 13); „начя здати церковь маія мѣсяца въ 21.. а *коньцяша* (=окончили) мѣсяця августа въ 25" (ibid., 17, 15); „*стояше* (длительное) вся осенина дъждева, отъ Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгь; и бы (в один из моментов этого периода, настала) вода велика вельми въ Волховѣ и всюлѣ, сѣно и дръва разнесе" (ibid., 9); „[татари] князи (винительный падеж множественного числа) имъше *издавиша* (вариант—*и задавиша*), подъкладъше подъ дъскы, а сами верху сѣдоша обѣдати, и тако животъ ихъ *коньцяша*" (=окончили) (ibid., 41, 2); „Володиславъ .. съ Ладожаны не ждя Новгородьць, *гонися* (=погнался, въ лодіяхъ по нихъ [по Еми] въ слѣдъ .. и постиже ѧ, и *бися* съ ними; и бысть (=настала) нощь, и отступиша въ островълець" (ibid., 42); „озеро *морози* (*заморозило*—безлично) въ нощь, и растьрза вѣтръ (т. е. поломал ветер лед), и вънесе въ Волхово, и поломи мость, 4 городнѣ отинудь безъ знатбѣ (родительный падеж единственного числа) занесе" (ibid., 9, 28); „Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ *въвозиша* (поввозили) въ городъ" (ibid., 62, 7); „поимаша весь товаръ Дмитреевъ и задроша и Ладоского, и *везоша* (отвезли, повезли) ѧ въ Копорью, на Василіевъ день" (ibid., 64, 13); „того же лѣта *грабиша* (*о-*, пограбили) коромолници торгъ, и заутра сътвориша вѣче Новгородци, свергоша два коромолника съ мосту" (ibid., 65, 23).

Здесь выбраны примеры соответствия беспредложного аориста современному прошедшему времени глагола совершенного. Нет нужды приводить такие примеры, как *рече*—сказал, *ста*—стал, остановился, *сѣде*—сел, *поѣха*—поехал, в коих и в старинном и в новом языках одинаково, по-видимому, стоит глагол совершенный. Но чтобы найти истинный смысл этой кажущейся совершенности значения аориста, следует принять во внимание два следующие обстоятельства.

Во-первых, в обоих аористах глагола *быти* и в других глаголах нередко вовсе нельзя заметить совершенного значения, например: „Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, *бѣ* путь изъ Варягъ въ Греки" (Лаврент. лет., 3, 21) (был путь, но не исчез он и в позднейшее время); „[Рюрик] предасть княженье свое Олгови .. въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, *бысть* бо дѣтескъ вельми" (ibid., 9, 25) (*был*—без оттенка совершенности или оконченности; в Ипатьевской летописи и в Хлебниковском списке—„*бяше* молодъ", т. е. в течение того времени, когда совершалась передача княженья); „Всеславъ же *сѣдѣ* (=сидел) Кыевѣ мѣсяць 7" (Лаврент. лет., 74, 18); „стояста 2 недѣли пълнѣ (целые 2 недели) яко искря жгуце, теплѣ

велми, переже жатвы; потомъ нанде дъжгь, яко *не видѣхомъ* (=не видали) ясна дни ни до зимы. и много *бы* умѣ (родительный падеж единственного числа — ущерба, порчи) житъ и сѣна не удѣлаша (плохо собрали, не собрали), а вода *бы* больши третьяго лѣта на ту осень; а на зиму *не бысть* снѣга велика, ни ясна дни, и до марта" (Новгор. I лет., 10, 1 и след).

Если *видѣхъ* в известных случаях передается совершенным *увидел, узрел* [„и възрѣвъша, *видѣша* (в греческом настоящее время θεωροῦσιν, *pojrzawszy, wyjrzały*, увидели) мко отъваленъ бѣ камень, и вълѣзша въ гробъ *видѣша* (εἶδον, *ujrzały*) жюноша "(Марка, XVI, 4—5; ср.Иоанна, XXI, 9)], то в других случаях *видѣхъ* переводится на современный прошедшим несовершенным, независимо от того, стоит ли в греческом тексте εἶδον, ἑώρακα, ἐθεάσαμην, например: „азъ ѡже *видѣхъ* (ἑώρακα, видел, видал, а не увидел, *widziałem*, а не *ujrzałem*) у ѻца моегѡ глѭ, и вы оубо ѡже видѣсте (ἑωράκατε) у ѻца вашего творите" (Иоанна, VII, 38); „Приступиша къ граду въ недѣлю .. и *съѣздишася* по 3 дни (съезжались в течение 3 дней), въ четвьртыи же день, въ среду, приступиша силою и *бишася* всь день" (Новгор. I лет., 15, 7).

Другие подобные случаи см. под *ѣздити*.

Во-вторых, в древнем языке не один только аорист, но и другие формы беспредложных глаголов, или хотя и предложных, но на первый взгляд длительных (повелительное наклонение, оба причастия прошедшего времени действительные, причастие прошедшего времени страдательное, неопределенное наклонение), во многих случаях переводятся формами глаголов совершенных предложных в современном языке.

Повелительное наклонение: „*Покои* .. душа" (Новгор. I лет., 68, 2); „а *покои* .. душю" (ibid., 19, 23; ср. ibid., 47, 13; 49,7).

Причастия. „Оньдрѣи же *бывъ* (=побыв) въ Римѣ, приде въ Синопію" (Лаврент. лет., 4, 13); „князь же се *слышавъ* (=услышав) радъ бысть" (ibid., 53, 6); „Горожане же рѣша *шедше* (=отправившись, пошедши) къ Печенѣгомъ: „поимѣте къ собѣ таль нашь" (ibid., 55, 15; см. ниже): „Печенѣзи же ради *бывше* (=обрадовавшись), мняще, яко предатися хотять, пояша у нихъ тали" (ibid. 55, 17); „и *варивше* (=сваривши кисель), *яша* (=стали есть) князи Печенѣзьстіи" (ibid., 55,26); „на то же лѣто идоша даньници (сборщики дани) Новгородьстіи въмалѣ и учювъ Гюрги оже въмалѣ *шли* (=вышли, пошли), и посла князя Берладьского с вои, и *бивъшеся* (не в то время как бились, а „после небольшой битвы" =„побившись"), мало нѣгдѣ сташа Новгородьци на островѣ" (Новгор. I лет., 11,4 и след.); „Новгородьцемъ повелѣ ити на Лукы, идоша съ Ярославомъ, и *съѣдъвъше* (=побыв) на Лукахъ воротишася домовь" (ibid., 23,23); „а кто бѣ не пошьлъ по нихъ .. а у тѣхъ кунъ поимаша, *бивъше* (=побивши)" (ibid., 25,24); „его же [брата своего] *слѣпивъ* (=ослепив), а самъ царемъ ста" (ibid., 26,18); „*слѣпивъ* (=ослепив) мя царство мое възя" (ibid., 27, 24); „и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода [половцы], и *воевавше* отъидоша" (Лаврент. лет., 70,26); „Изяславъ же се *видѣвъ* со Всеволодомъ побѣгоста съ двора" (ibid., 73, 36); „преставися.. *княживъ* лѣтъ 15 Кыевѣ" (ibid., 93,8); „*слышавше* же се Половци, почаша воевати" (ibid., 93, 20); „Новгородьци же, *съѣдавъше* (посседавши, послезавши) съ конь, и порты *съметавъше* боси сапогы *съметавъше* поскочиша" (Новгор. I лет., 34, 33 и след.); „придоша Емь воевать .. Новгородьци же *въѣдавъше* (украинское *повсідавши*) въ насады, въгребоша въ Ладогу" (ibid., 42, 26); „Гюрги съ князи поиде съ Тържьку, много имъ *пакостивъ*" (вариант „много имъ пакости подѣя") (ibid., 41, 29); „Новгородьци же *стоявъше* (простоявши) въ Невѣ нѣколико днии, створиша вѣче" (ibid., 42, 32); „и разболѣся, *лежавъ* (пролежавши) 6 недѣль и преставися" (ibid., 47,10); „много *пустошивъ* (=опустошивши совершенно) около (окрестности) Чернигова поиде опять" (назад) (ibid., 50,10); „*и державъ* (=продержавши) Новгородцевъ и Новоторжцевъ одину недѣлю, и одаривъ й отпусти проче" (ibid., 50,20); „князь великій Дмитрій ... *ѣхавши* (=поехавши) обложи городъ каменъ Копорію" (ibid.,63,39); „... а самъ [князь] поиде на Низъ и тамо *шедъ* (=*пришедши*, а не *шедши*) съступися брату своему стола Дмитрію Новагорода" (ibid., 64,33); „[Немцы] внидоша Невою въ Ладоское озеро, ратію ...Новогородци же .. *шедше* (=пошедши) сташа на усть Невы, и дождавше избиша ихъ" (ibid., 64,36); см. ниже: „Ходиша молодци Новогородскіи.. воевать на Емьскую землю, и *воевавше* (=повоевавши) пріидоша вси здрави" (ibid., 65,29); „поставиша Свѣа .. городокъ въ Корѣлѣ; Новгородци же *шедше* (=пошедше, пошли и ...) городъ разгребоша" (ibid., 66,12); „преставися Довмонтъ князь Пльсковьскый много *страдавъ* (в Акалемическом списке; в Синодальном — *пострадавъ*) (в современном языке = „потрудившись") за Святую Софью" (Новгор. I лет., 67,8); „*стоявше* (=простоявши) мѣсяць [под Выборгом] приступиша, и не взяша его" (ibid., 72,32). Во всех этих случаях, как видно из поставленного в скобках перевода, современный язык явственно обозначает, что действие, выраженное в старом языке причастием, совершилось уже, когда началось действие, обозначенное в старом языке аористом; старинный язык этого не обозначает. Теперь явственна разница между *„шедши* (в то время как шел) разграбили" и *„пришедши* (когда пришли) разграбили"; старый язык и для выражения второй из этих мыслей может употребить не только аорист (см. выше), но и причастия, в коих вовсе не обозначена совершенность их значения; *шедъше разгребоша; шедъше грабиша*, но из согласия летописей и современного языка относительно обозначения совершенности в глаголе видно, что такая возможность в XIV в. и раньше есть архаизм.

Причастие на *-л*. „Ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего". Рече же имъ Ольга: „Яко азъ

мьстила (=отомстила раз) уже обиду мужа своего, когда придоша Кіеву, второе, и третье, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мъщати" (Лаврент. лет., 25,6); „сего Дужа *слѣпилъ* (ослепил) Мануилъ царь" (Новгор. I лет., 29,10); „чему еси *слѣпилъ* (=ослепил—*oslepil*) братъ свой?" (Лаврент. лет., 111); „не язъ его *слѣпилъ*, но Давыдъ, и *велъ* (=отвел) й къ собѣ" (ibid., 112); „Извѣта о семъ не имѣй, яко Давыдъ есть *слѣпилъ*" (ibid., 112); „Домы наша разграбили, а Ярослава *безчьствовали*" (обесчестили, обесчествовали) (Новгор. I лет., 62,7); „владыка .. и почалъ и *кончалъ* (=окончал, окончил) [мост] своими людьми" (ibid., 78,37); „сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь; а ты еси *шелъ* (ушел) от насъ" (Лаврент. лет., 117); „Аже кто поклажан кладеть оу кого-любо, то тоу wслуха нетоуть; нъ wже начнеть большимъ кльпати (обвинять в том, что положил больше, чем получает), томоу ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко кси оу мене положилъ, занеже му болого дѣлъ и хоронилъ товаръ кго" („Достопам.", I, 39).

Причастие прошедшего времени страдательное. „Церкы .. *кончана* (=окончена) бысть на третьее лѣто" (Лаврент. лет., 85, 15); „Володимеръ же *слышавъ* (услышав, *když uslyšal*) яко ятъ бысть Василко и *слѣпленъ* (ослепен, *oslepen*) ужасеся" (Лаврент. лет., 111, 21); „не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни *слѣпленъ*, но въ твоемъ градѣ ятъ и *слѣпленъ*" (ibid.,112, 6); „мъногa въ кънигахъ сихъ, си же писана быша (γέγραπται—*napisane*) имете" (Остр. ев., 11 в., Иоанна, XX, 30, 31); „*слѣпенъ* бысть Василко" (Новгор. I лет., 3); „въ то же время *слѣпленъ* бысть (=ослеплен) Мьстиславъ князь ... отъ стръя своего Всеволода" (ibid., 16, 33); „а собою (вариант—„а со собою") поя... посадника Дъмитра, *стрѣлена* (=подстреленного или устреленного, раненого стрѣльною раною) подъ Проньскомъ" (ibid., 30, 23); „преставився митрополитъ всея Руси Кирилъ въ Переяславлѣ... *везено* бысть (=отвезено, перевезено) тѣло его въ Кіевъ, къ Святѣй Софіи" (ibid., 64, 4); „Слышавъ оже Гюрги.. удалилъся и изъ Переяславля *веденъ*" (=выведен) (Ипат. лет., 65, 38); „Початы быша псати книгы сиѧ .. а *кончаны* быша мца октабра въ·кѵ·днь" (Послесловие к Апостолу 1220 г.—Буслаев. Материалы, 1220г.). Итак, в древнем памятнике настоящее *коньчати* вместо современного *кончить*.

„*Ведена* дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Царюгороду, мѣсяца іулія въ 20. Томъ же лѣтѣ *ведена*. Передъслава, дщи Святополча, въ Угры з королевичь, августа в 21 день" (Лаврент. лет., 119); „без невѣстьства дѣвица ... заключенъ градъ, источникъ *печатьлѣнъ*, несѣта нива, несаждена лоза" (*Supr.*, 177, 14).

В расходной п мяти: „На праздникъ Семіона столпника лѣтоначатца *несено* столнику и воеводѣ князю Григорию Аѳонасьевичу Козловскому въ почесть отъ выборных приказныхъ людей деньгами" (Акты юридич., III, 99, 1666 г.); „*несено* .. дано" (ibid., 102, 1675 г.); „Ноября въ 21 день ходилъ на пріѣздъ къ новому воеводѣ князю Гаврилу Матвіевичю Мышескому на дворъ—несли хлѣбъ да колачь: два алтына 4 де.; денежные почести *несено* 8 алтынъ 2 де.; дворецкому дано 10 де." (ibid, III, 199, 1665 г.); „Подьячему Осипу Филипьеву Суньтурьеву *несено* туша боранья; цѣна 2 гривны" (ibid., 201); „Геньваря въ 22 день ходилъ на дворъ къ подьячему къ Семену Протопопову для проѣзжіе памети, чтобы память написалъ—*несли* свѣжія рыбы на полполтины" (ibid., 203); „В другой поемъ ходилъ къ воеводѣ на дворъ—*неслъ* колачь; далъ" (ibid., 210, 1666 г.).

Неопределенное наклонение. „Повелѣ й *слѣпити* (ослепить)" (Лаврент. лет., 97, 2); „царь же, не хотя его убити, повелѣ очи ему *слѣпити* (ослепить) стькломъ" (Новгор. I лет., 29,12); „мы вѣдаемъ, оже не *кончати* (не кончать, нельзя покончить) добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ, коли любо" (Лаврент. лет., 137, 35); „А Игорева храбраго плъку *не крѣсити*" („Слово о полку Иг."—bis); „уже мнѣ мужа своего *не кресити*" (Лаврент. лет., 24); „сего [Володимира Давыдовича] нама уже *не кресити*" (Ипат. лет., 64, 16); „Ярославъ послався къ Новогородцемъ рече: уже мнѣ снхъ (т. е. избитых варягов) *не крѣсити*" (Лаврент. лет., 61,5).

В-третьих, об употреблении в древнем языке формы настоящего времени, имеющей ныне значение настоящего в значении совершенном, т. е. в значении будущего,—речь отдельно.

В-четвертых. Положим, кажется, не без оснований, что аорист и так называемое прошедшее несовершенное в древнем языке взаимно дополняют друг друга и построены относительно значения на одной и той же мысли языка, подобно тому как они представляют сходство по форме. Если так называемое *imperfectum* само по себе выражает не несовершенность прошедшего действия, а его длительность, то, на основании упомянутой связи его с аористом, последний означает сам по себе, независимо от влияния предлогов, не совершенность, не оконченность действия, а то, что действие представляется как один момент, независимо от того, как продолжительно оно было на самом деле. В этом славянский аорист сходится с греческим, который обозначает, что мысль лишь скользит по прошедшему событию, не останавливаясь, и противополагается прошедшему несовершенному (*imperfectum*) как времени изобразительному, описательному. Такого значения аориста не следует смешивать с однократностью глаголов на *-ну-ти*, более позднею по происхождению, но находимою уже в древнем русском и старославянском языках рядом с моментальностью аористов. Глаголы однократные означают объективную мгновенность действия, которая может представляться в прошедшем или как один момент (аорист, например „червье вѣкыдошася"—пример выдуманный, на основании следующего, но, надеюсь,

верный) или как ряд моментов [например, „многажды и червье въкыняхуся“ (вкидались) (Лаврент. лет., 83, 20)].

Итак, древнерусский аорист есть не прошедшее совершенное, как готов назвать его Буслаев, как действительно называет его Востоков и др. (например, Weber, стр. 95. — perfectum historicum), а то, что сказано выше. Понятно, почему в древнерусском аорист, сколько мне известно, не встречается в глаголах на *-ывати*, *-ивати*, *-овати*, *-евати*; его, так сказать, за неимением лучшего слова, субъективная моментальность не мирится с многократностью этих глаголов. Можно понять прошедшее длительное от однократных глаголов (*выкыняхуться*), но какой смысл будет иметь, например, *связываша* при действительном употреблении *связывахуть*, если самая тема *-ыва-* означает многократность?

Для определения значения этого времени не важно обстоятельство, замеченное Гриммом, что весьма часто исторические настоящие (praesens in perfecto) греческого текста нового завета передаются в Остромировом евангелии аористом, в готском и древневерхненемецком переложениях — прошедшими: φαίνεται в Остромировом евангелии — *явися*; λέγει — *рече*; ἔρχεται, ἔρχονται, — *приде*, *придоша* и т. п. Употребление прошедшего у Ульфилы в этих случаях, говорит Гримм, служит ясным доказательством, что Ульфила переводил не рабски, но умел отличать истинное настоящее время, которому в готском переводе всегда соответствует тоже настоящее, от настоящего исторического. Очевидно, готский язык обнаруживает мало наклонности к употреблению сего последнего, чему не трудно найти достаточную причину. Так как готский язык весьма часто употребляет свое настоящее время вместо греческого будущего и аориста сослагательного наклонения, то произошло бы замешательство, если бы то же настоящее употреблялось и для аориста изъявительного наклонения (Grimm. Grammat., B. IV, стр. 140). Что до славянского перевода, то в нем употребление формы настоящего времени в значении будущего не может объяснить многих случаев употребления аориста вместо греческого настоящего исторического. Какое же недоразумение могло бы произойти, если бы вместо ἔρχεται, φαίνεται стояло не *прииде*, *явися*, а *приходить*, *являться*? Скорее, быть может, переводчик чувствовал, что настоящее время историческое, столь обыкновенное теперь („приходит он и говорит“, „ждет — пождет“), дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон.

Делаю вывод из вышеприведенных примеров и объяснений.

Не только аорист, но и другие формы глаголов беспредложных или и предложных, но несовершенных в древнем языке переводятся теперешними глаголами совершенными. В других случаях эти древние формы имеют и значение теперешних несовершенных, так что *лежавъ* значило не только то, что нынешнее *пролежав*, но и то, что теперешнее *лежав* (независимо от того,

что в старом языке это *лежавъ* есть именительный падеж единственного числа причастия, а в современном — деепричастие); *бывъ* может значить: *бывши* и *побывши*. Если бы не было известно, что древнерусский язык, равно как и старославянский, имеет уже глаголы совершенные в силу влияния предлога, мы сказали бы, что обоюдность значения многих глаголов свидетельствует об отсутствии в языке категорий совершенности и несовершенности; теперь же скажем, что эта обоюдность есть остаток полного отсутствия этих категорий и говорит лишь о том, что в древнем русском языке они еще не были так выработаны. Глаголы *притти*, *поити* могли быть уже совершенными, но и само *ити* могло означать совершенное действие и ставилось тогда, когда смысл не требовал оттенка значения предлогов *при*, *по*. Дальнейшие объяснения — там, где речь о влиянии предлогов.

От глаголов на *-ывати* нет, по-видимому, аориста, но: „приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день“ (Лаврент. лет., 88,4) и прочее[1].

Аорист в значении настоящего времени или будущего в сербском. Царь, собираясь идти в церковь, говорит: „Сад ја одох у бијелу цркву Да саслушам часну литурђију“ (Петрановић, 146); „Сам је паша свадбу одгодно: Ја отидох ка Новину граду, А ти Јањо покупјај сватове“ (Чубро Чојковић, 168).

Я иду сейчас — я уже ушел. У нас в таком смысле изредка встречается прошедшее сложное из *-лъ*: „Ой поїдьмо, брате, свічок куповати: Щоб перва горіла, як *заболіла* (= заболію); А друга палала, як я *умірала*“ (= буду умірать) (Метлинский, 281); „А я *пошел* (он говорит только о своем намерении идти, но представляет его совершившимся) в иншую землю“ („Калики“, I, 101).

Значение аориста не зависит от существования в языке совершенности и несовершенности глаголов (в том виде, как они развиты современными славянскими наречиями); аорист был же и в языках, не знавших славянской совершенности; но при этом аористы могут быть совмещены с полным развитием в языке совершенности и несовершенности глаголов. Почему бы форма *видѣ* не могла сохраниться в русском при строгом различении формального значения *видѣти* и *увидѣти* глаголов несовершенного и совершенного, если она сохраняется в сербском?

Различные формы аориста. Личные окончания — как в старославянском. Заметим: в глаголах I разряда (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, стр. 161 и след.). „Умершю Рюрикови, *предасть* княженье свое Олгови“

---

[1] Ю. Крижанич называет аорист „проминьско кратко вриме“, а преходящее — „проминьско долго вриме“, имея в виду, кажется, одну форму.

(Лаврент. лет., 9, 25); „*не дастъ* имъ Козаромъ дани платити" (ibid., 10, 19); „И *подаста* руку межю собою, и *въдасть* Печенѣжьскій князь; Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь" (ibid., 28, 20); „почто *не яста*" (2-е лицо двойственного числа) (ibid., 38,4); „и вилѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и *вдасть* мужю своему, и *яста*, и отверзостася очи има, и разумѣста яко нага еста, и сшиста листвіемъ смоковьнымъ препоясанье" (ibid., 38, 7 и след.); „*яша*" (3-е лицо множественного числа; *яд, ясти*) (ibid., 55, 26); „не *дасть*" (аорист, 3-е лицо единственного числа) (Новгор. I лет., 10, 26). Только один раз—*дастъ*. В старославянском—ѣдохъ, ѣстъ; ѣдохова, ѣста, ѣдохомъ, ѣсте, ѣдоша; дахъ, дастъ, дахова, даста, дахомъ, дасте, даша.

Быхъ имеет 3-е лицо единственного числа *бысть* [старославянское ѣысть—2-е и 3-е лицо единственного числа; „*бысть* бо дѣтескъ" (Лаврент. лет., 9, 26); „и *бысть* нощь" (Новгор. I лет., 42, 28)], а также—*бы* [„и *бы* вода велика вельми" (ibid., 9, 27); „а вода *бы* больши третьяго лѣта" (ibid., 10, 3)]; другие лица: *быховѣ, быста, бысте, быхомъ, бысте, быша*.

Бѣхъ, бѣ — как в старославянском.

Вѣдѣ — 1-е лицо единственного числа, принимаемое за остаток прошедшего совершенного в atmanênadam (medium), санскритское *vidê* (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, § 252): „Княже! не *вѣдѣ* (Ипат. лет., Хлебниковский список—*вѣмь*), могу ли си" (в силах ли я) (Лаврент. лет., 53, 7); „Свя-тополкъ.. река „еда се право будеть или лжа" не *вѣдѣ*" (не знаю) (ibid., 109, 32; ср. ibid, 112, 31; 119, 5). Везде—значение настоящего времени.

Образец: „как заплачет!"

„[Нахвальщина попущал коня на Добрыню, а] Добрыня.. *возмóлится*:.. унеси, господи, от нахвальщика" (Киреевский, I, 49); „Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло: *махнёт* нахвальщину в белы груди, *вышибал* выше дерева жáрового" (ibid., 51); „*Согнет* его корчагою, воздымал выше буйны головы своей, ударил его о горючь камень" (ibid, 76);

А и сговорят ту воры-разбойники
Да и спрогòворят ту подорожники:
„Как убьем ли мы, пограбим старого.."
А и сговорит тут стар таковы слова:
„Ой же вы еси, воры-разбойники.."

(ibid., 87);

Догнал поленицу, женщину великую,
Ударил.. палицей.. в буйну голову:
Поленица назад *не оглянется*,
Добрыня на кони *приужахнется*.

(ibid., II, 29);

„Зачем сегодня потыкаешься?" —
„Ах ты ей, удалая скоморошина!
Ты зачем идешь на княжнецкій двор?.."
Скоморошина к речам *не прúмется*
Скоморошина в речи не вчýется.

(ibid., 34, 36);

Ухватил Алешку за желты кудри,
Выдернет Алешку чрез дубовый стол,
Бросил Алешку о кирпичен мост,
Повыдернет шалыгу поддорожную,
Учел шалыжищем ухаживать.

(ibid., 39);

„[Княгиня] *позовет* Добрынюшку Никитыча, посылает за каликами" (ibid., III, 95); „*Воткнет* копье во сыру землю, привязал он коня за остро копье" (ibid., IV, 54); „Вытягала лук за ухо, *хлеснет* по сыру дубу, изломала его в черенья ножевые" (ibid., IV, 64, 65); „Похватится (= спохватился) Владимир князь, *послал* по Ставра боярина" (ibid., IV, 66).

№. Обозначение грамматических глагольных категорий, а равно и переводы различных степеней длительности в „Словаре..." Караджича сбивчивы и часто неверны. Так, например, обозначение совершенности или несовершенности глаголов (perf., imperf.). Глагол, например, *отпáрати*—отпарывать назван перфектным и многие другие; *поодоравати* = *откопавати, отпуцавати, пуштáвати, пуштавам*.

Характер *-ова-* и *-ива-*—*-ује-*. Первое *-а-* в характере *-ива-* — долго и остается таким в обеих темах. Ср.: *од-òрати*—*од-òрем* с *од-орàвати*—*од-óрāвам*. Так, по-видимому, и в тех случаях, когда характер *-а-* присоединяется к характеру *-и-* (но не сокращая его, а посредством *-в-*) и *-ѣ-* (больше примеров: *одолијѐвати, одолијевам*). Но в характере *-ива-, -ује-* только *-и-* долго, что согласно с его предполагаемою сложностью, а *-у-* коротко: *одрезивати*—*одрèзујем*. Если *-и-* остается и в первой теме, то оно и там долго: *о-кúвати, óкȕвāм* (= оковывать).

Аорист с *-х-* правильный. Единственное число 1-го лица не представляет особенностей; 2-е—то же. 3-е лицо встречается с окончанием *-тъ* и *-ть* не только в глаголах II, 1, б (с корнем на носовую гласную без характера во второй теме—*жати*), II, 1, в (с корнем на *р-*, без характера во второй теме—*мерети, мьрти*), III, 1, а (корень на *и-, ѣ-*, без характера во второй теме—*бити*), что свойственно и старославянским памятникам (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, стр. 86), но и в глаголах II, 1, а *(вести)*.

а) „Пріятъ, въспріять" (Лаврент. лет., 82, 23; Новгор. I лет., 10); „ятъ" („единъ же Половчинъ *ятъ* конь подъ нимъ

за поводъ") (Лаврент. лет., 143, 25); „распять ся" (ibid., 87, 19); „зачать" (ibid., 43, 28) и др.

б) „Во велицѣ чьсти *умертъ*" (Хлебниковский, Ермолаевский — *умретъ*) (Ипат. лет., 171, 11), „умреть" (Минеи, I, 19).

в) „Испить" (Минеи, I, 13). Ср. в Изборнике 1076 г. „въспѣть" (Срезневский. Памяти., 142).

г) „Романъ же *не бережеть*" (вариант — не береже = пренебрег) (Ипат. лет., 145, 29); „на утрѣя же переидеть (Хлебниковский, Ермолаевский — *перьдe*, *переидe*) рѣку" (Ипат. лет., 172, 9); „остави.. и *отъидеть* прочь" (ibid., 194, 14); „ставъ передъ городомъ.. и *не можеть* (аорист) взяти его" (ibid., 194, 19); „Изяславъ же то видивъ, *речеть* дружинѣ" (ibid., 51, 18). Двойственное число 3-го лица: „*Стояста* 2 недѣли пълнѣ яко искря жгуще, теплѣ велми" (Новгор. I лет., 10, 1); „Романъ и Мьстиславъ *пожьгоста* Лукы; а Луцяне *устерегостася* (ошибочно, вместо множественного числа) и отступиша" (ibid., 14, 12); „*съгорьста* церкви 2" (ibid., 18, 5); „2 человѣка *быста* мьртва" (ibid., 19, 20), „*быста* очи ему яко не вреженѣ" (ibid., 29, 13); „сѣдоста" [3-е лицо двойственного числа (Лаврент. лет., 5)]; „бяста у него два мужа" (ibid., 9); „начаста" (ibid., и часто); „рѣста" (ibid.); „быста" (ibid., 11, 13)[1].

Аорист в славянских языках по своему образованию принадлежит к дославянскому периоду, между тем как преходящее есть образование специально славянское. Что следует из этого для значения этих времен?

§ 13. Причастия и деепричастия настоящего времени вместо прошедшего

Русский разговорный язык употребляет окончание деепричастия настоящего времени *-я* (и *-а*) в глаголах совершенного и однократного [?] вида вместо окончания деепричастия прошедшего времени. Такую замену окончаний встречаем как в древних памятниках, так и у позднейших образцовых писателей. Следуют примеры — все, кроме одного, — из новых писателей („поставя" вместо „поставлен" и т. п.), и все — совершенные, а не однократные (Буслаев. Грамматика, § 54, б). Прибавляю примеры из летописей.

„И помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, *не всѣда* на нь" (Лаврент. лет., 16, 16); „Михалко же ѣха въ Суждаль, и изъ Суждаля Ростову, и створи людемъ весь нарядъ, утвердивься крестнымъ цѣлованьемъ съ ними, и честь *возма* у нихъ и дары многи у Ростовець" (Лаврент. лет., 160); „А брату князю Костянтину молви: *перемога* насъ, тебѣ вся земля" (Троицк. лет., 219); „Болеславъ же побѣже изъ Кыева, *възма* имѣнье и бояры Ярославлѣ" (vzav) (Лаврент. лет., 62, 16); „поиди вборзѣ, *поима* Берендичѣ" (ibid., 141, 22); „Гюрги же сѣде Кыевѣ, *соньмася* съ Володимеркомъ у святое Богородици въ Печерьстѣмь манастыри" (ibid., 141, 38); „Иде Гюрги.. къ Володимерю.. *поима* зятя своего" (ibid., 148, 39); „мира *не возма*, понде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшюю рану въспріимъ" (Новгор. I лет, 71, 28); „поиди.. поемъ съ собою 12 мужь.. и иде.. *поимя* съ собою попа" (ibid., 21, 29; 41, 31; 33, 9); „*пожга* городъ Дмитровъ, възвратися опять въ Русь" (Лаврент. лет., 164, 22); „*внида* въ волость ихъ, *поима* городы Вятьскыѣ и землю ихъ пусту створи" (ibid., 174, 14); „яко приближися къ рѣцѣ, *сверга* (причастие настоящего времени от *вьргу*, *вереча* — *върчи;* от *въргну* — *въргна;* в Ипатиевской летописи и Хлебниковском списке — прошедшее время *свергъ*) порты, сунуся въ Днѣпръ и побреде" (Лаврент. лет., 28, 8); „всякому христіянину, хотя бы и свои домъ *повръга*, а церкви постеречи" (Новгор. I лет., 80, 6); „и ту *поверга* возы свои, а самъ гна съ дружиною своею къ Перемышлю" (Ипат. лет., 52, 36); „*не помчна* злобы ихъ, цѣлова къ нимъ крестъ" (Лаврент. лет., 184, 6); „въступи ногою на лобъ; и *выникнучи* змѣя и уклюну й въ ногу" (ibid., 16, 28); „Новгородци, не стерпяче безо князя сѣдити.. и *емлюще* метахуть й въ погребъ, а онѣмъ не стерпящемъ, шедше къ Гюргеви рекоша.." (ibid., 134, 36; Ипат. лет., 17, 28); „посла Всеволодъ Святополка въ Новгородъ, шюрина своего, *смолвяся* съ Новьгородьци" (Ипат. лет., 18, 9); „и *не стерпяче* стояти побѣгоша въ городы своя" (ibid., 18, 28); „*не умедляче* ни мало, поидоша" (Новгор. I лет., 59, 38); „ту *поклоняци* ся ему, и ѣхаста въ своя полкы" (Ипат. лет., 63, 30); „тако *оборотячеся* полкы своима и сташа противу имъ" (ibid., 63, 23); „а тобѣ будеть, *ставяче* своѣ пѣшьцѣ поѣхати же по немъ" (ibid., 60, 2); „приде князь.. на върьбницю, настанующю лѣту мртъмъ мѣсяцемъ" (Новгор. I лет., 24,4) (впрочем, здесь, может быть, это причастие имеет значение настоящего времени); „*посадяче* его (вариант — *посадя*) на престолѣ, поидете же къ Іерусалиму" (ibid., 27,1).

Замечательно, что нет примеров такого употребления причастия настоящего времени в смысле прошедшего от глаголов *-ае-/-а-*, *-уе-/-ова-*, *-ывае-/-ыва-*; однако в украинском: „*Позапаляючи* люльки, Пішли в поход" (Котляревский, 165).

Рядом с этим в тех же глаголах причастие прошедшего времени, притом в большинстве случаев, стоит на своем месте: „*не дошедъ* (не доида) города, ста" (Новгор. I лет., 71, 28); „поемъ" и т. д.

„Ту бо отець ему далъ столъ, *выведы* й изъ Смоленьска" (Ипат. лет., 4, 30); „и *не стерпяче* стояти побѣгоша въ городы своя" (ibid., 18, 28); „и *не доидуча* пакы града, стаста близъ" (ibid., 26, 10);

[1] „Дастъ" (Bopp. Vergleichende Grammatik, B. III, стр. 382—383, § 512); *-хъ-*, *-хоть* и прочее (ibid., § 561—567); „да, бы" (ibid., § 574); „двигъ, движе" (ibid., § 576). Аорист с *-с-* без связочной гласной — „рѣста" (Лаврент. лет., 9).

„и *съвокупя* (вариант — *скупя*) вси свои полкы... и поиде“ (ibid., 37, 11); „*съвокупя* силу свою, и посла...“ (ibid., 37, 10); „а самъ, *дожда* ночи, поѣха изъ Кіева“ (ibid., 51, 32); „Изяславъ ... *поминя* городъ ... ста“ (ibid., 54, 21); „а тобѣ будеть *оставяче* своѣ пѣшьцѣ поѣхати же по немъ“ (ibid., 60, 2); „и тако не удумаша ити противу имъ полкомъ ити биться, но *припустяче* ѣ къ собѣ ту же ся бити съ ними“ (ibid., 60, 29); „и тако поидоша другъ друга *не останя* вси“ (ibid., 62, 23); „*поворотяче* полкы своя, пойдоша“ (ibid., 63, 16); „*оборотяче* ся полкы своимы и сташа противу имъ“ (ibid., 63, 23); „и ту *поклоняци* ся ему и ѣхаста въ своя полкы“ (ibid., 63, 30); „*възмя* (Хлебниковский список — *въземъ*) копье и ѣха на передъ“ (Ипат. лет., 63, 33); „*вынза* мечь свой и нача й сѣчи по шелому“ (ibid., 64, 7); „поѣха .. *възма* брата“ (ibid, 64, 21); „и тако *скупячеся* вси, пойдоша къ королеви“ (ibid., 66, 33); „пойде къ Ярославлю, *помина* й, ста обѣду“ (ibid., 67, 3); „Изяславъ же обѣдавъ ту, и тако *исполча* полкы своя и пойде“ (ibid., 67, 4); „король ударя у бубны и тако *исполча* полкы своя, пойде“ (ibid., 67, 8); „*отступяче* отъ града, идоша въ товары своя“ (ibid., 71, 17); „не *помяня* злобы брата его, отда ему гнѣвъ“ (ibid., 77, 14).

В русском: „рот *разиня*“ (Даль, 654); „пошла стряпня, рукава *стряхня*“ (ibid., 528). В Новгородской договорной грамоте 1307 г. (Собр. гос. грам., № 11): „Князь Великый Андрѣй, и весь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Плесковъ, и онъ едъ хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ *повьргя*“. У Котошихина: „*покиня* свое черное платье былъ ... за челядника...“ (т. е. покинув стол) (Котошихин, 3); „царь *учиня* у гробовъ прощеніе, поидетъ къ собѣ“ (ibid., 6); „*укрутя* новотой полаты на конѣ *вымя* мечь наголо“ (ibid., 9) и многие другие.

В чешском и далматском (по рукописи начала XIV в.): *skoče* na kon žen preč v skoře“ (Hanuš, 1); „tehdy jmu Boleslav *viece*, potirhna .. mečie“ (ibid., 2). В XVI в.: „Kupci bohatij *vezuce* kupie rozlične do Prahy synom svym, kteřiž se v Praze učili a poručeli zbožie sve, aby jim to rozprodavali a jinego zbožie *nakupiecie* otcuom svym do jinych zemij posielali“ (ibid., 10); „*Поровняясь* против помянутой деревушки, поднялись мы на гору“ (Болотов); „Иванко же *възмя* тяжкы рѣчи и иде къ князю Ростиславу“ (Ипат. лет., 85); „*вьзма* рядъ съ братьею и съ дружиною и съ Кіяны... и поиде“ (ibid., 96); „А лѣпо ны было, братье, *възряче* на божію помочь ... поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести“ (ibid., 97); „Давыдъ же *има* вѣры, нача повѣдати“ (ibid., 99); „Игорь же *има* съ собою Половцѣ ... и дождася Святослава“ (ibid., 124); „и тако *прииде* ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода“ (ibid., 130); „Pothem Folek ... *przydącz* skarszy na Hermana“ [Księgi ust., 1449 г. (?)] (1503 г. = *przysedszy*); „Kmyecz drvgego kmyecza *zabyjącz* zaplacziw trzy grziwny groszow od wini mąszoboystwa praw bival“ [1449 г. (45)]; „Kthokolye przygodnye yako *wthonącz* alybo z drzewa *spadnącz* umrze“

[(XIV—XV вв.; в переводе 1449 г.: *spathwszy*, *wtonąwszy* (ibid., 46)]; „Gydzyk polozyl s skargą kako gdi na drodze bil vsnal, Falek *nathydą* wszal gemv tako spyączemv myecz y thobolą“ [1449 г. (52)]; „Falka gey (так как?) swyecze *sgaszącz* (погасивши) ranye dal przyczinią w ranyeszmy vsządzyli bicz skazanego“ [449 г. (53)]; „Acz pastyrza wynvyą o nyekthore bidlą yszbi ge straczyl, do wszi go *nyeprzypądzącz*, przyszącncz ma, ysze do wszy przypądzyl“ [1449 г. (53)]; „Przeczywko themv sza *dowynyącz* (провинившись), panv they wszi .. zaplaczicz ma“ [1449 г. (55)].

Причастие и деепричастие настоящего времени от глаголов ныне совершенных, где мы ожидаем прошедшего. „Zydowye o dlug gystny y o liphą kv sądv *nyeprzyzowącncz* do dwy lyathv przerzeczoną lyffą przyroslą stranczycz mają“ [1449 г. (56)]; „Kthokole o rzecz (= орząc) a *poszyeyącz* role czyge gwalthem naszyenya tychtho rol poszbycz ma [1449 г. (61)]; „pany albo dzewicza *pozowącz* alybo pozwana bandącz przydze na rok gey zdani“ (ibid., 19); „Pothem Falek, drvgi brath, *przydącz* skarzy“ (ibid., 44); „Szescz a naamnyey cztirzi ricerze przez naasz naznamyonanee *przylanczancz*, sandzaa alybo podsandek pospolv s przerzeczonymy ricerzymy.. poznanyaa a osandzenya mocz ymyecz mayą“ [1449 г. (20, 21)]; „dzewka przes woley porodzyczelow drapyeszczy (похититель) *przyswolącz*, abo szą wszącz *przycynyącz* oth drapyeszczе.., poszag straczycz ma“ (ibid., 73); „Chczemy dzirzano bycz... o dąbyech dąbrownych za kasdego sz nych *porąbyącz* gy pyąncz skoth zaplaczy“ (ibid., 74); „Skodą *vczynyączy* (учинивший? или чинящий?) panv gego pastwa popasł, dosycz vczynycz ma bycz przypądzon“ (ibid., 74); „popasząсz alybo szirzpem *posznącz* thrawą w syrzpye abo w plasczv mayą bycz począdzany“ [1449 (84)]; „*prziydacz* w lankąn yego zlodzyeysky yedno brzemyąn trawi vinyosl“ [1450 (140)].

„*Почувствуя* свободу, сначала конь прибавил только ходу“ (Крылов); „и у друга на лбу, *подкарауля* муху, что силы есть, хвать друга камнем в лоб“ (Крылов); „ти кроугомь ωбиды, вьто придетъ“ (Шестоднев, 27, 3).

Причастие. Biblia Zofii: „wsplodz szemya szelye czynyǫcz szemyǫ (siemię) a drzewo yablko noszǫcz czynyǫcz owocze“ (Gen., I, 7, 1); „y uszrzal proch gydǫcz wsgorǫ, yako dym“ (ibid., 22); „Y wydzal gest we znye drab stoyǫcz na zemyǫ końcem nyeba, dosyǫgajǫcz, a angyoly boze s nyey wstǫpuyǫcz y stǫpuyǫcz po nyey a gospodzyna wzlegwszy na nyey a tak k nyemu rzekǫcz“ (ibid., 31; 28, 12, 13); „Pogrzebyona na szczyesce gydǫcz do Efratan“ (ibid., 40); „gdisz uznamyonal dzeyn szmyerczy przyblyszayǫcz sze“ (ibid.).

Союз перед деепричастием. Biblia Zofii: „Poszegnal temu stworzenyu a rzkącz“ (ibid., 2); „Y przikazal gemu a rzkǫcz“ (ibid., 3, 4, 7 и т. д.); „Powonyaw pan bog wonjej chǫtney y rzekl gest“ (ibid., 10); „Wstaw Abraham z yutra a wzǫl chleba“ (ibid., 24); „otpowyedzal a rzkǫcz“ (ibid., 29); „a on poszylon y szyadl na loszu“ (ibid., 41).

Причастие и деепричастие. Настоящее время вместо прошедшего. *Повьрена.*

„Як почне жінка вередовати, забажаючи або нового очіпка, або яловичины" (Кв.-Осн., II, 326).

Причастие *-лъ*. „И ты, имъ видавъ розбойника, потомь, княжо, шолъ еси у розбойникову клеть, товаръ еси розбойниковъ взялъ.. Еще княжо, мы тобе поведываемъ д-ю обиду, у чомь то еси неправду *дьялъ* ... и онъ шолъ (= пошел) с темь человекомъ соли весить" (грамота рижан к князю витебскому Михаилу Константиновичу около 1300 г.— Акты р.-лив., № 49); „уже Романъ шелъ къ Бѣлугороду" (т. е. пошел, о чем извещают киевляне) (Ипат. лет., 119, 13); „въ то же время великий князь Всеволодичь Святославъ *шелъ бяшеть* (уже пошел) въ Корачевъ, и сбирашеть... вои, хотя ити на Половци" (ibid., 132, 3); „слыша ... оже *шли суть* (пошли) на Половци, утаившеся его" (ibid., 132, 6); „радъ быхъ тамъ давно *ѣхалъ*, нижли въ насъ того лѣта прошлого ажъ и до сихъ часовъ што и часъ сполохи отъ Татаръ бывали" (Акты Южн. и Зап. России, I, № 268); „Святославъ же Олговичь бѣ тяжекъ тѣломъ, и *трудилъся бь* (утрудился, устал) бѣжа, и оттуду изъ Городьца посла Чернигову Святослава сыновца своего Всеволодича, а самъ не може ѣхати" (Ипат. лет., 64, 27); „и что тяжкого товара всякого ...не *тягли бяхуть* (не утягли, не были в состоянии) отъ множества всего того вывозити" (ibid., 26, 32); „ударилъ еси пятою Новъгородъ, и *шелъ* еси былъ на стрыя своего на Михалка" (Лаврент. лет., 162); „тѣхъ всѣхъ 18 человѣкъ поимавъ и повязавъ мучи ихъ, съ собою на Москву *велъ*" (Пск. I лет., 255); „[Мы] повзыщем свет желанного мы дядюшку.. *Не шел* (= пошел) ли то к спорядным он суседушкам" (Барсов, 219); „Поосталась в хоромном я строеньице, Шла я — *заперла* воротичка дубовыи, Да я села .. глядеть стала" (ibid., 272); „Его в солдаты *клали*" (= отдали, Олонецкой губ.); „*клали* в чин" (= произвели, Олонецкой губ.) (Даль. Словарь, s. v.).

У Іоанникия Голятовского (124—125): „законникъ... *шолъ* (=шел) на море; Панамаръ *шолъ* (sic!) до церкви и вложивъ ключъ до замка; Вениаминъ законникъ, будучи въ Кутатичахъ, важилъся образъ престои быти ножемъ скробати, хотячи довѣдатися з чкои естъ матеріи оучыненый, потымъ ѣхалъ до Пинска и тамъ выкупилъ ѡ смерти едного человѣка"; „Ключилося же пойшли в неділю до костела" (Игнат., 7).

Польский XIV—XV вв. Biblia Zofii: „Zatym David *szedł* (= wyszedł) odtǫd precz" (Царств., I, 22, 1); „Tedi David *szedł* (новопольское *poszedł*) ottǫd do Masfath" (ibid., I, 22, 3; I, 22, 5); „A poyǫl dzessyǫcz wyelblǫdow s stada .. y gydzy nabraw sbosza s sobǫ y yachal gest. Y przygedze do.. myasta Nachorowa" (Gen., 24, 10; 27).

„A wilawszy wodǫ w slub (žlób) y byeszala zasszyǫ ku studnyczi, y naczyrpnǫla wodi" (ibid., 28, Gen., 24); „lǫkl syǫ i podzywyl syǫ, rzekǫ" (ibid., 31, Gen., 28, 17); „Gensze pojǫw dwa syny swa .. y bral sze tam" (ibid., Gen., 41, 1) (новопольское *jechał* — поехал).

„N. N. .. we dwudziestu i .. więcej osób .. jechali do obozu tureckiego; przeciwko nim wyjechało dwieście Turków" (O wypr. choc., 31); чешское: „Potom *přišli* do města, hde bul ten král" (Šembera, 164); „ta druhá .. poudá (povidá). „Nechót" .. Hale vona *šla* přec" (ibid., 165); „*šla* a třepla Dodlu po sukni" (ibid.); „když takovy vece vidili, *šli* a poudali tomu králi" (ibid., 165); „voni pusceli hlava a vzeli ji na rameno a *nesli* ji do zamku" (ibid., 166); „tak voni, hdy už v dili ze jinač neni, řekli mu" (ibid., 166).

Причастие прошедшее 2-е (деепричастие). „Шьдъ же иже е талантъ възя, притворь ими, ти сътвори другую пять талантъ" (Матфея, 25) (по пересказу Иоанна, экзарха болгарского, в Прологе к Богословию, по списку начала XII в.). [То же *шьдъ* в целом ряде евангелий, сличаемых с этим местом Калайдовичем: в Остромировом евангелии (1056—1057 гг.), Мстиславовом (1125 г.), Галицком (1144 г.) и прочее — до исправления текста включительно.] Только в переводе на современный литературный язык — *пошелъ* (см. Калайдович, стр. 29 и след.). То же *шедъ* в тех же евангелиях и дальше в той же притче.

У Котошихина: „и царствова[-въ] же той царь преставися" (Котошихин, I, 3); „и ѣвши и пивъ царь царевну отпуститъ къ сестрамъ своимъ" (ibid., 6); „и *пѣтчи* и *пивъ*.. за здоровья ихъ государскіе... розъѣдутца..." (ibid., 10); „отоймутъ честь и помѣстья и вотчины, и *бивъ* кнутомъ или батоги ссылаютъ въ ссылку" (ibid., 36); „чинятъ передъ тѣмъ образомъ прощеніе... и бываютъ послы или полковые воеводы въ то время у царя на отпускѣ у руки; и *прощався* царь, и патріяршъ... пойдутъ назадъ" (ibid., 43); „царь *слушавъ* ихъ посолского дѣла... будетъ въ выслугу, жалуетъ за выслугу честью" (ibid., 44); „и *споровався* много садятца послы на царскіе лошади" (ibid., 50); „и *бивъ* послы ... у руки, велитъ царь сказати имъ свое жалованье, столъ, ѣству и питье; и послы, *бивъ* челомъ царю, поѣдутъ къ себе на дворъ" (ibid., 54); „на кормъ тѣмъ птицамъ [соколам] и для ловли емлютъ они кречетники... голуби, во всемъ Московскомъ государствѣ, у кого бъ ни были, и *имавъ* привозятъ къ Москвѣ" (ibid., 71); „и Хованской *говоря* съ ними (поговорив) поѣхалъ къ царю" (ibid., 84); „и иныхъ *бивъ* кнутьемъ, и клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки, розжегши желѣзо накрасно ... и чиня имъ наказанія, розослали всехъ въ дальніе городы" (ibid., 85); „и *слушавъ* царь тѣхъ челобитенъ, отсылаетъ въ тотъ [челобитный] Приказъ" (ibid., 91); „и *пытавъ* его начнутъ пытати иныхъ потомужъ" (ibid., 91); „а какъ та смотрилщица пріѣдетъ и ей честь воздавъ посадятъ за столъ поллѣ тоѣ невѣсты, и сидячи за столомъ за обѣдомъ та смотрилщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ .. и *бивъ* малое или многое время по-

ѣдетъ къ жениху" (ibid., 124); „и *бывъ* у вѣнчанія поѣлутъ со всѣмъ поѣздомъ къ жениху на дворъ" (ibid., 126); „*льдчи* и *пивъ* розъѣдутца по домомъ" (ibid., 127); „*ночевавши* в памянутом селе, отправились мы 3-го числа далее" (Болотов).

„Володимеръ же *цѣловавъ* (попрощавшись) брата своего, и поиде Переяславлю" (Лаврент. лет., 118); „*лѣвши* пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава" („Слово о полку Иг."); „А яй пойду на ток молоцици, А ён пойдзиць у корчомку пици. А я приду з тока *молоци ўши*, А ён придзиць з корчомочки *пи ўши*" (Шейн, 261); „здоров *пивши*" — украинское. „Potem dzewka *tyeszawszy*, y powyedzala doma swey maczyerzy wszitko czsosz sliszala" (Biblia Zofii, 28, Gen., 24, 28; так и в новом — *bieżała*); „Snoszszye kamyenye! A ony to *snoszywszy* y uczynyly sǫ s onegoto kamyenya stolecz" (Biblia Zofii, 36, Gen.).

§ 14. Формы глаголов несовершенных в значении совершенных. Причастия (деепричастия) прошедшего времени

„*Оконьчавъ* же" (= окончив) (Лаврент. лет., 11, 40); „и *кончавъ* молитву .." (Ипат. лет., 220, 7); „и *кончавъ* оксапсалма ... нача пѣти псалтырю" (Лаврент. лет., 58, 1); „а се оурочи городнику: закладаюче городьня коуна взяти, а *кончавше* ногата" („Достопам.", I, 53).

Цѣловавъ. „*цѣловавше* (окончив целование, приветствие) мощи его [Бориса], вложиша й въ раку камену" (Лаврент. лет., 78, 15).

„*Падъ* ниць просяше прощенья" (ibid., 78, 15).

„*Слышавъ*" (в значении „услышав") (Ипат. лет., 17, 11); „*слышавше* ... князи (услышавши)" (ibid., 25, 5).

Вообще *видѣвъ*, *слышавъ* вместо значения „увидѣвъ", „услышавъ" очень часто в памятниках древнего письма до XV в. и дальше.

Гребъше (когда отгребли — *kdy odpłynęły*, ἐλῃλάκοτες) (Остр. ев., 16, Иоанна, VI, 19).

„Трасца бо *трасъши* (потрясши) пустить" (XIV в., Буслаев. Хрестоматия, 532).

Пивъ. „Бѣжащю же ему, и вжада воды, *пивъ* (испивши, напившись) почюти рану на тѣлеси своемъ, во брани не позна ея крѣпости ради мужьства возраста своего" (Ипат. лет., 164, 38).

Гнавъ. „Увѣдавъша же Кончака бѣжавша, посласта по немъ Кунътугдыя, въ 6000, тотъ же *гнавъ* (погнавшись) самого не обрѣте" (ibid., 129, 19).

Водивъ. „Изяславъ же *водивъ* Всеволодича Святослава хресту, и да ему Бужьскый и Межибожье" (ibid., 25, 23).

„И *даривъ* дары многими и отпусти й" (ibid., 144, 14).

Обѣдавъ. „*Обѣдавъ* ту ... пойде" (ibid., 67, 4); „и тако *обѣдавше*, веселишася ... и разъидошася" (ibid., 40, 8); „Святославъ позва й къ собѣ на обѣдъ, и ту *обѣдавше* разъѣхашася" (ibid., 42, 20); „Изяславъ же оттолѣ перешедъ за Тетеревъ, и ту съсѣде конемъ опочивати; *обѣдавше* (вариант *обѣдавъ*) же ту и конемъ опочивъ, пойде къ Въздвижденї" (ibid., 55, 14).

Каявся. „Да аще исповѣдаль я (съгрѣшенія) будеть отцу духовиому, и *каявся* пакы ся не възвратиль къ нимь будеть, то обрѣтають я заглажены" (Слово, приписываемое Кириллу Туровскому или Авраамию Смоленскому, список XVI в. — Калайдович. Памятники, 97).

„А сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и *пріѣхавъ* Половчинъ ударить й стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье" (Лаврент. лет., 118); „Въ се же лѣто преставися Янъ, старець добрый, *живъ* лѣтъ 90, въ старости маститѣ; живъ по закону божью, не хужій бѣ первыхъ праведникъ" (ibid., 120); „По семь же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми *шедъ* въ Римъ (*šed do Řimu*) и престолъ въсхвативъ, и разъврати вѣру" (ibid., 50); „И се внезапу испадоста ки златии колци, иже ношаше въ оушию свою, и *кочьшися* легоста оу ракы святою" (список XIV в., „Сказ. о Борисе и Глебе", 37); „и *скочь* (т. е. вскочив) нача повѣдати" (ibid., 71).

„Князь же великый *ходивъ* по зимовищемъ ихъ [половцев] ... възвратися" (Лаврент. лет., 174); „и онъ двѣ недѣли *бывъ*, поѣхалъ изо Пскова" (Пск. I лет., 237); „и онъ пословъ Псковскихъ *кормивъ* и *чтивъ* и *даривъ*, и отвѣтъ далъ посломъ" (ibid., 239); „И они *стоявь* 5 дней шатромъ на поли, и безъ отвѣта ко Пскову пріѣхали" (ibid., 250); „оставленъ бы ... и раслабленый нъ въ оставленіе грѣховъ, рече бо съдравъ *бывъ* къ семоу не съгрѣшай" (Изборн. 1073 г., 63); „Погоуби наша плодьи, толико *крадъ* (накравши) единъ" (Supr., 30, 20); „И томъ же лѣтѣ обновиша мостъ черезъ Волхово *рушивъше*" (разрушив) (Новгор. I лет., 6); „Се бо надъ гробъмь [Сарданапаловым] писано бѣаше. толико имамь елико же испихъ и изѣхъ съ похотиѫ красьноѭ. приймъшоу же многам и богатам вса осташа, не бо нъ азъ попелъ ксмь въ чьсти велицѣ *црьствовавъ*" (Изборн. 1073 г., 57 об.); „Тожде же и второму рече *сугубьшууму* дъвѣ талантѣ" (Калайдович, 29); „*посадницявъ*" (Новгор. I лет., 4); „Приде Борисъ *посадницать* въ Новъгородъ" (ibid., 5); „Петрилу даша *посадницать* Новугороду" (ibid., 6); „Въдаша *посадницати* Якуну Мирославицю" (ibid., 7); „Вьниде изъ Кыева Данилъ *посадницать* Новугороду" (ibid., 5); „Преставися Дъмитръ Завидичь... *посадницявъ* 7 мѣсяць одину" (ibid., 4).

III. О НАКЛОНЕНИЯХ

§ 1. Есть ли наклонения в русском языке?

Некрасов (Некрасов, стр. 58) здесь, как и при решении вопроса „Есть ли времена в русском языке?", держится одной мерки.

„Выражение *пошел бы* как форма синтаксическая имеет значение условия в речи; но с этимологической точки зрения оно состоит из двух отдельных грамматических форм, из которых первая имеет значение формы прилагательной, а другая — формы прошедшего времени; но ни одною из них не обозначается условие. Ясно, что этимологические формы не то же, что синтаксические; поэтому-то смешение их между собою по значению вносит в науку сбивчивость и затемняет самый предмет нашего изучения" (ibid., стр. 58). Дальше о неопределенном и достигательном см. под этими графами: „Ни .. *буду* и *бых*ъ, *бы*, ни прилагательная форма на *-лъ*, с которою соединяются *бых*ъ или *буду*, не имеют сами по себе значения условия. Одно только употребление в известных случаях могло сообщить описательным формам *далъ бых*ъ, *далъ будет*ь [?] значение условное, подобно тому как формам *оуслыши — вземи*, *призри*, употребительным в молитвах к богу, сообщено молитвенное значение, вследствие чего в славянских грамматиках существовало также наклонение молительное" (ibid., стр. 59).

„Суффикс *и* по своему этимологическому происхождению вовсе не выражает собою повеления. Шлейхер прямо говорит, что изъявительное и повелительное наклонения в языках индоевропейской отрасли в строгом смысле не могут считаться наклонениями, потому что изъявительное наклонение не обозначается никаким звуковым элементом, а повелительное отличается от изъявительного только вокализмом [прошу прислушаться! — *А. П.*] личных окончаний" (ibid., стр. 59—60). При этом ссылка на Schleicher, „Compendium", § 288. Посмотрим, в чем точно не прав Шлейхер и что ему навязано Некрасовым.

Шлейхер в Compendium'е § 288 (1-е изд. 1861 г.) говорит следующее: „В индогерманском показатель наклонения (der Moduselement, у Боппа — Modusexponent. Примечание переводчика),

т. е. звуковое выражение отношений сослагательного и желательного (das Conjunctivs und des Optativs), помещается между глагольною темою (Verbalstamm) и личным местоимением. Повелительное и употребляемое в императивном значении (imperativisch) сослагательное наклонения в арийском имеют частично особые растянутые (удлиненные — gedehnte) формы личных окончаний. Это обусловлено в данном случае вокативной природой последних, и их не надо рассматривать как настоящий показатель наклонения (Moduselement)".

„Изъявительное наклонение (der Indicativ) не имеет особого показателя наклонения (kein Moduselement); изъявительно (индикативно) в нем именно соединение глагольной темы с личными окончаниями, например в индогерманском праязыке настоящее время *as-ti*, *bhara-ti*, *tana-ti*; прошедшее совершенное *babhâr-ta*, аорист *a-vîda-t* и т. п." [ср. Bopp. Vergleichende Grammatik, § 428: наклонений в санскрите пять, если считать и изъявительное, в коем, собственно говоря, выражены не модальные, а лишь временные отношения (Tempus verhältniss). Его модальный характер и состоит в отсутствии других модальных оттенков значения („die Abwesenheit modaler Nebenbegriffe ist sein Moduscharakter")].

„Точно так и повелительное наклонение не имеет показателя наклонения (Moduselement), ибо отличается от изъявительного только вокативною (звательною) функцией (vocativische Function) личных окончаний и вообще вряд ли может быть причислено к наклонениям (собственно говоря, и изъявительное наклонение не есть наклонение, так как не имеет показателя наклонений); например, в *as-dhi* основа настоящего времени и корень *as*, в *kru-dhi* тема аориста и корень — *kru*" (Schleicher, § 288).

Во-первых, есть ли здесь хотя слово о вокализме личных окончаний, коим отличается повелительное наклонение от изъявительного? Нет: *dhi* в предполагаемом 2-м лице единственного числа повелительного наклонения отличается от *ti-asti* не одним только вокализмом. Некрасов принял „vocativische Natur" за „vocalische Natur".

Во-вторых, думал ли Шлейхер, что повелительное наклонение в славянском не имеет модального характера, т. е. особого звукового элемента, носящего модальное значение форм? Нет, он этого не думал, ибо знал очень хорошо, что повелительное наклонение в санскрите и предполагаемом индоевропейском языке то же, что повелительное в славянском, и что это последнее по происхождению тождественно с санскритом и предполагаемым индоевропейским желательным, которое имеет свой специальный модальный элемент. Некрасов мог бы это узнать, если бы понял в Compendium'е, § 290, в коем ясно сказано, что в *вѣждь* модальный характер есть *-jâ-* (основная форма *vad-jâ-s*, *vaid-jâ-t*), а в *берѣмъ* — модальный характер *-i-* (основная форма — *bhara-i-tas*). Если же Некрасов понимает этот параграф, то как он не видит, что когда в § 288 Compendium'а говорится о желательном как

о полноправном, по мнению Шлейхера, наклонении, то здесь же разумеется и славянское повелительное? К чему Некрасов дважды повторяет, что, по Шлейхеру, повелительное наклонение в языке индоевропейском едва ли может считаться наклонением в строгом смысле? Ведь ему, так как он говорит о славянском повелительном, не должно бы быть никакого дела до санскритского повелительного, от которого в славянских языках не осталось ни малейшего следа.

Некрасов говорит: форма *-и* (*вези*) „по своему образованию соответствует потенциальному наклонению в санскритском, сослагательному — в латинском и германском и желательному в греческом языках. Поэтому, пока она имела определенное употребление в языке древнецерковнославянском, до тех пор она могла считаться формою наклонения, хотя в сущности, как справедливо говорит Шлейхер, повелительное наклонение в языках индоевропейских едва может считаться наклонением в строгом смысле" (стр. 61).

В-третьих, и в этом Некрасов неповинен, Шлейхер думает, что, строго говоря, там только и есть наклонение, где носителем его является особый звук между глагольною темою и личным окончанием, и что если называют наклонение изъявительным и (в санскрите и некоторых других) повелительным, то это делается лишь по некоторой ученой лицензии, коей строгие умы допускать не должны. Это — мнение ошибочное. Следуя ему, Шлейхер считает, например, звательный падеж не только не падежом (и не членом предложения, что в известной степени верно), но и не словом, а междометием („Compendium", § 243). Между тем звательный падеж хотя и не имеет своего суффикса, но тем не менее есть грамматическая форма, так как он относит известное реальное содержание к определенным грамматическим категориям не только в тех случаях, где слово в этом падеже имеет какие-либо другие суффиксы, но и там, где оно ровно никаких суффиксов не имеет и где в звуковом отношении оно равно корню. И в таких случаях звательный падеж не есть корень, а форма, притом форма, своим отличием от остальных падежей свидетельствующая о высоком формальном развитии языка. Как здесь, так и везде присутствие в языке формы несомненно не только там, где по средством тире мы можем на письме выделить звуковой формальный элемент, но и там, где такого элемента вовсе нет.

Возвращаюсь к сказанному во-вторых. Несмотря на то, что Некрасов не знает, что сказанное в § 288 Compendium'а Шлейхером о повелительном наклонении не относится к славянскому повелительному, он признает в этом последнем особый модальный суффикс *-i-*, причем обнаруживает значительную ученость: „в глаголах I спряжения, оканчивающихся в теме (какой? — *А. П.*) на согласный звук, суффикс *-и-* в древнем церковнославянском языке, прикрываясь личными суффиксами двойственного и множественного числа, усиливался в *ѣ*; например: вєⷓ-ти, двойственное число вєⷓ-ѣ-вѣ, вєⷓ-ѣ-тѣ; множественное число вєⷓ-ѣмъ, вєⷓ-ѣ-тѣ (вместо *вез-и-вѣ*, *вез-и-та* и прочее). Древнее церковнославянское *ѣ* в этом случае соответствует индороманскому и древневерхненемецкому *ê*, готскому *ai* и греческому *oi*... Здесь *ѣ* есть усиление звука *i* (посредством *a*, *a*+*i*)" (Некрасов, стр. 60). Здесь заметим, что Некрасов думает, будто вєⷓ-ѣ-мъ образовано от одной темы с вєⷓ-ти, так как он говорит о теме, оканчивающейся на согласную. Поэтому он считает *-ѣ-* за усиление *-и-*: новое доказательство, что он не заглядывал в § 290 Compendium'а или не понял его. Здесь он узнал бы, между прочим, что вєⷓѣмъ образовано не от темы неопределенного наклонения, а от темы настоящего времени, оканчивающейся на *а*, что *ѣ* здесь произошло не от гуны, а от слияния глагольного характера *а* с модальным характером *i* и что, стало быть, заряд учености (ср. с санскритским) попал в небо.

Наиболее явственно первоначальное тождество санскритского potentialis и славянского повелительного наклонения в двойственном и множественном числах новых славянских глаголов, соответствующих по характеру, или только по последнему элементу характера, санскритским 1-го и 6-го классов, именно в глаголах II и IV разрядов (*-не-*); *-ѣ-* в славянском вєⷓ-ѣвѣ, вєⷓ-ѣ-тѣ, вєⷓ-ѣ-мъ, вєⷓ-ѣ-тє = санскритскому *-ê-* в *vahêva*, *vahêtam*, *vahêma*, *vahêta*.

Впрочем, из этого равенства *-ê-* и *-ѣ-* здесь и в других случаях еще не следует, чтобы слияние основной двоегласной *-ai-* в *-ê-*, *-ѣ-* произошло еще до отделения славяно-литовского языка от арийского. Напротив, в обеих отраслях уже по их разделении было, по всей вероятности, еще *-ai-*, происшедшее в рассматриваемом случае из соединения характера первой темы *-a-* с модальным характером *-i-*. В формах вєⷓ-ѣ-мъ (и тому подобных глаголов II и IV разрядов) *-ѣ-* постоянно находится между двумя согласными твердыми.

Во 2-м и 3-м лицах единственного числа потенциального в санскрите есть *vahês*, *vahêt* (основа *vah-a-i-s*, *vah-a-i-t*). Отсюда, после потери конечных согласных *-s*, *-t*, требуемой общеславянским звуковым законом, должно бы выйти *вез-ѣ*. Вместо этого встречаем *вез-и*, а равно и в глаголах III, 1, б и 2, б — *коли*, *пиши*. Подобное ослабление *-ѣ-* (ставшего конечным после потери согласной в доисторическое, но уже славянское время) в *-и-* Шлейхер замечает в родительном падеже единственного числа именно темы *-и-*: чрⷴ-к-и, нѡщ-и, санскритское *krmês*, литовское *naktês* [*ë*=*ie*], готское *anstais* (Schleicher. Formenlehre, стр. 235). Что до отделения славянского от литовского, то здесь стояло в повелительном *-ѣ-*, в этом убеждает литовская permissiv'ная форма 3-го лица (первоначально имевшая значение только единственного числа), употребительная только с частицею *te* и в глаголах имеющая не более двух слогов и ударение на втором слоге, сохраняющееся на конце *-ë-*=*-ѣ-*: *te-vežë* [*ë*=*ie*] — пусть везет (Schleicher. Grammat. Lesebuch, § 104).

В глаголах III, 1, *а* и *б* и III, 2, *б* с основным характером первой темы *ja*=ѥ, в двойственном и множественном числах повелительного наклонения *ѣ* в старославянском под влиянием предыдущего *j* изменяется в ѧ после шипящих — *а*: *бѫдѧвѣ*, *вѣдѧте*. Закон, по которому *jѣ*=ѧ, есть общеславянский: и до сих пор в русском — а с известными диалектическими изменениями и в других славянских *боятися* — по своему характеру *-я-* равносильно с *горѣти*; но в повелительном наклонении уже в древнейших старославянских памятниках закон этот часто нарушается двояким образом: а) или удерживается *ѣ* после *j*, например в Остромировом евангелии: *възкылѣте*, *покажѣте* вместо *възкылѧте*; б) или ослабляется *jѣ* в *и*, после гласной в *j*, например в Остромировом евангелии: „*плавите*, *пийте*“ (см. Miklosich. Vergleichende Grammatik, B.III, § 117). Это последнее сокращение составляет правило для глаголов III, 2, *а*, *в*, *г*.

В санскрите модальное *-i-*, соединяясь с последней гласной характера *-aja*, дает формы potentialis — *cōráyēs*, *cōráyēt*, *cōráyēva*, *cōráyētam*, *cōráyētām*, *cōráyēma*, *cōráyēta*. В славянском с этим следует сравнивать не только глаголы $\frac{\text{-ѣе-}}{\text{-ѣ-}}$ и $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$, но и глаголы III, 2, *в*, в коих характер *-ѥ-*, но перед ним коренное *а* или *ѣ*, так что в настоящем времени получаются сочетания *-ѣѥ-*, *-аѥ-*, а также и глаголы IV — *-уѥ-*. Во всех этих случаях предполагаемая основная форма двойственного и множественного чисел повелительного наклонения есть *бѣль-jѣ-мъ*, *дѣла-jѣ-мъ* и прочее. Но *-jѣ-* здесь уже в древнейшее время ослабело в *i* (*желѣивѣ*, *дѣлаивѣ*), вероятно, не только потому, что ему предшествует гласная, но и потому, что на нем, по крайней мере в глаголах *-аѥ-* V и *-ѣѥ-* VI разряда, никогда не было ударения. Миклошич уже для старославянского выставляет образцами: *желѣйвѣ*, *желѣйта*, *желѣйтѣ*, *желѣйте*, *дѣлайвѣ* и прочее, везде с *й*, т. е. с *j*. Мне кажется, несправедливо предполагать здесь *j* уже в старославянском и других древних славянских наречиях; следует думать, что в такой форме, как *дѣлаивѣ*, *i* еще на памяти истории составляло слог. Предание заставляет нас произносить *поймъ*, т. е. *поjймъ*, и я не вижу причины, почему бы и *поивѣ* следовало писать *пойвѣ* (Miklosich, ibid., § 169), ибо, полагаю, в старославянском, как и в древнерусском, даже и отсутствие ударения на *-i-*, защищенном следующим слогом, не влечет за собой сокращения этого *-i-* в *-j-*.

В глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$, $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ для настоящего времени предполагается форма характера *-иѥ-*, посредствующая между основным *-aja-* и *-i-* в *гориши*, *любиши*. Для повелительного наклонения следует предположить, что соединение глагольного и модального характеров дает *-ijѣ-*, что *-jѣ-* после гласной, как и в глаголах *-аѥ-*, *-ѣе-*, дает *-jі-* и что затем *-iji-* сольется в *-i-*. Таким образом, *любивѣ* из предполагаемого *любиjѣвѣ* будет отличаться только

тем от *дѣлаивѣ*, что в последнем удержалась самостоятельность *-i-* вследствие большого расстояния между *-a-* и *-i-*.

Характер санскритского potentialis во II санскритском спряжении (по Боппу), к коему относятся и санскритский разряд 2-й (= славянскому *вѣмь*) и 3-й (= славянскому *дамь*), есть в действительном залоге *-yâ-*, которое в среднем (ātmanēpadam) стягивается в *-i-*: действительный 2-го лица единственного числа — *vidyās*, *dadyās*, *vidyāt*, *dadyāt*; средний 2-го лица единственного числа — *vidīthās*, *dadīthās*.

Мне кажется, что звука *-ъ-* здесь вовсе и не следует предполагать. Допустим, во-первых, изменение *-yâ-* в *-yī-*, не представляющее ничего необыкновенного, а затем сокращение *-ī-* в *-i-* и изменение этого последнего в *-ь-*, и что (§ 247) переход *-д-* в *-жд-* перед *-ь-*, если оно еще из *-i-* (предполагает *вѣди* из *вѣдѣ*), — необъясним. Бопп („Vergleichende Grammatik“, § 677) и за ним Шлейхер объясняют славянские *мждь*, *вѣждь*, *даждь* формами санскритского 2-го и 3-го лица единственного числа potentialis parasmâi p., причем Шлейхер („Formenlehre“, стр. 367) за предшествующую форму принимает предполагаемое *вѣdj-ъ*, *мdj-ъ*, *dadj-ъ*. Относительно *-ѣ-* эта форма не равна санскритскому *vidyās*; славянский язык здесь, как и во всех лицах двойственного и множественного числа, в отличие от санскритского, имеет усиление гласной. На это Миклошич („Vergleichende Grammatik“, B.III, § 118) замечает, что затруднительно допустить переход долгого *-â-* в *-jâ-*, в *ъ*.

Для объяснения старославянских форм двойственного и множественного чисел *вѣд-и-тѣ*, *вѣд-и-тѣ*, *мд-и-тѣ*, *дад-ивѣ*, *дад-и-тѣ* Шлейхер принимает (loc. cit. и „Compendium“, § 290) для славянского такое же стяжение *-jâ-* в *-i-*, какое имеет место в санскритском potentialis atmanēpad. Причина такого стяжения вовсе не явственна в славянском, как она явственна в санскрите, где она зависит от неударяемости глагольного характера. Как бы ни было, в *дад-и-ивѣ* *-j-*, если был, исчез бесследно. Иначе появилась бы форма, как *дажд-имъ* (основа **дад-ji-мъ*), *вѣждивѣ*, откуда *вѣждьвѣ* — формы, которые чужды древнейшим старославянским памятникам, но которые соответствуют формам повелительного наклонения тех же глаголов, существующим в других славянских корнях (ср. украинское *jіжмо*, *jіжте*, польское *jedzmy*, *jedzcie* и прочее). В древнерусском уже находим *вѣжьте* (Лаврент. лет., 80,29); *повѣжьте* (ibid., 29,31) при *повѣдите*, *проповѣдите* (Бодянский, 1 об.).

В русском повелительное наклонение, сравнительно со старославянским, представляет следующие особенности.

Древнерусскому в той же мере свойственно 1-е лицо множественного числа повелительного наклонения, как и старославянскому. Встречая в старинных памятниках такие формы, как *поймъ* (*пѣти*), *познаимъ*, *исповѣдаимъ*, *вѣрuимъ*, *побѣсѣдuимъ* (Калайдович. Памятники, 22, 27, 43), *порозумѣимъ*, *послушаимъ*,

поучаимъсѧ (Изборник 1076 г.), *възгнушаимъсѧ* (Бодянский), мы должны их считать столь же русскими, как и старославянскими. Они не заключают никаких русских особенностей, кроме, быть может, потери конечного ъ, и то не раньше XIII—XIV вв. Сокращение *i* в *j* я вижу только в тех формах, которые вместо личного окончания *-мъ* или *-м* (с потерянным, хотя изображенным на письме ъ) имеют *-мы*, *-ме* (*-мѣ*—с ошибочно употребленным *ѣ*) и украинское *-мо*; например: „Олговичи пусти (2-е лицо повелительного наклонения) домови, а сами ся урядимъ, а крови хрестьянъскы не *пролеймы*" (= *лѣймы*) (Ипат. лет., 61,25); „кръви не *проливаймѣ*" (Новгор. I лет., 34, 30); „*вѣдаимы*" (Ипат. лет., 46, 23); „отрицяймо, покаимося, не помышлямо, убоимося, не послѣдуимо, работаимо, непослушаимо" (Волынский список поучений Ефрема Сирина до 1288 г.—Срезневский. Сведения, 49—50).

В современном литературном языке и в русских говорах 1-е лицо множественного числа повелительного наклонения заменяется тем же лицом будущего времени совершенного или несовершенного, смотря по совершенности или несовершенности глагола: *пойдем*, *пойдем-те*, *будем (станем) ходить*. Следы такой замены встречаются уже и в старинных памятниках, например *поѣдемы* (в значении повелительном) (Ипат. лет., 54, 38; рядом с настоящим 1-м лицом множественного числа повелительного наклонения). Наоборот, *ѣдимъ*, *ѣдите*, *дадимъ*, *дадите*, имеющие теперь значение будущего времени, заимствованы, как это замечено и Миклошичем („Vergleichende Grammatik", B.III, §690—692), из повелительного наклонения. В старом языке заметны уже следы такого употребления, например: „можемъ головы свои за тя сложити, а *не передадимъ* города" (Ипат. лет., 225, 27).

В украинском отличие 1-го лица множественного числа повелительного наклонения от настоящего времени (resp. будущего), свойственное древнему языку, не только не стерто, но увеличено, именно в разрядах $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ и $\frac{\text{-и}}{\text{-и-}}$, где древний язык вовсе не различал этих форм или—только ударением. В украинском эти глаголы 1-го лица множественного числа имеют, в отличие от древних языков, во множественном числе повелительного наклонения перед личным окончанием не *и*, которое в украинском должно бы измениться в *и* среднее, а *ѣ* = украинскому *i*. При этом: а) если в 1-м лице настоящего времени (resp. будущего) ударение стоит на коренной гласной, то в повелительном наклонении оно или остается на том же слоге, причем характерное *i* сокращается в *j* (*посúдимо*, *посúдите*, повелительное *посúдьмо*, *посúдьте*), или переходит на характер (*рóбимо*, *робíмо*); б) если в 1-м лице множественного числа настоящего времени ударение на окончании, то в повелительном наклонении оно на характере: *сидимó*, *сидитé*, *сидíмо*, *сидíте*; в) во 2-м и 3-м лицах единственного числа конечное *и* сохраняется в литературном и русском, диа-

лектически изменяется в среднее *и* в украинском, если на нем стоит ударение (или если *и* без ударения, оно стоит после стечения согласных). В противном случае оно сокращается в *j*, которое или остается самостоятельным (после гласной), или смягчает предыдущую согласную (*прочь*, *стань*), или исчезает бесследно, как в русском *ляг* из *ляги*, украинском *ляж* из *ляжи*. Тому же закону подчинено *и* в повелительном наклонении, соответствующее старославянскому *ѣ*. Влияние отсутствия ударения на сокращение *а* в повелительном наклонении явственно уже в старинном русском, например: „поѣдь прочь" (Ипат. лет., 199, 11); „поѣдьте" (ibid., 57, 30); „возстани .. видь брата твоего" (ibid., 221, 32); „пожальтеси о Русской земли" (ibid., 97, 33); „княже! не ѣздь" (ibid., 104, 5); но там же „ѣдите" (повелительное наклонение) (ibid., 142, 9); „придѣте и видите" (Новгор. I лет., 28, 2) и многие другие. *Ѣ* в повелительном наклонении свойственно древнерусскому в тех же случаях, в коих оно стоит в церковнославянском. Не точно в „Исторической грамматике" Буслаева: „Церковнославянское повелительное наклонение отличается от русского употреблением двух примет: *и* и *ѣ*"; „первоначальный звук повелительного наклонения есть *и*, который потом, по законам усиления или подъема гласных ... переходит в *ѣ*" (§ 84). И вообще в этой книге русский язык почти постоянно принимается в тесном значении современного литературного, но, кроме того, древнерусскому уже в очень древнее время стало чуждым изменение *jѣ* в ѧ, хотя изменение это было и в русском языке, судя по равенству *стояти* и *горѣти*. Вместо ѧ из *jѣ* в старославянском—**градѣте обидѣмы** и (1225—1132 гг.; Буслаев. Хрестоматия, 37); в древнерусском следует предположить *-ѣ-* (*възищѣмъ*—Бодянский); но в этом *ѣ*, а равно и в том, которое на том же месте в старославянском, рано замечаются диалектические изменения.

В украинском это *ѣ* сохраняется в большинстве говоров в виде острого *i* и, как выше сказано, вновь появляется во множественном числе повелительных глаголов $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ и $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$.

В литературном языке и русских говорах вместо основного *ѣ* (будет ли оно в старославянском *ѣ* или ѧ) стоит *и*; в этом следует видеть не постепенное изменение *ѣ* в *и*, подобное украинскому, а уравнение темы остальных лиц повелительного наклонения с темою 2-го и 3-го лица единственного числа. Другими словами: в украинском говорится *ведíте*, потому что везде *ѣ* = *i*, а в русском *ведите* имеет своим оправданием только *веди*. Следы этого замечаются уже в старом языке. Так, при множестве таких форм, как *изидьте* (Лаврент. лет., 38, 16), *отъидьта* (ibid., 40, 29), *идьте* (ibid., 24, 7), *понесьте* (ibid., 24, 8), *рыцьте* (ibid.), *въведьте* (ibid., 30, 12) и т. п., находим—*поѣдивъ* (Ипат. лет., 30, 31), „*лязите* в лодьи" (Лаврент. лет., 24, 7), *придите* (ibid., 24, 20).

В глаголах II,1, *а* (*-е-* / *-и-* с корнем на гортанную) в старославянском и древнерусском согласная правильно изменяется перед *и*, *ѣ* в свистящую (*рьци*, *лязи*, *рьцѣте*). В литературном гортанная здесь, как и в склонении, остается неизменяемой: *пеки*, *пеките*, *моги* и прочее. С этим ср. в Новгор. I лет. *сѣките* (79, 17). В украинском гортанная является здесь в виде шипящей: *печи* и прочее. Ср. *сѣжьжи* (Калайдович. Памятники, 113); „блюди и *стережй*“ (Ипат. лет., 144, 33).

И из глаголов *-и-* / *-ѣ-* в старославянском вѣдѣти имеет повелительное наклонение вѣжь (но видите). Согласно с этим в древнем при *види* есть и *вижь* (Лаврент. лет., 32, 11) (как в польском и др.— *widz*), а из современных говоров в Псковской, Тверской губ.— *гляжь* (см. Дополнения к областному словарю).

§ 2. Образование повелительного наклонения в славянских языках

См. Bopp. Vergleichende Grammatik, § 672 и след., особенно § 677, 678; Schleicher. Formenlehre, § 367; idem. Compendium, § 290; Miklosich. Vergleichende Grammatik, § 117.

Можно считать решенным, что в формах единственного числа 2-го и 3-го лица — несѣ, двойственного 1-го — несѣвѣ, 2-го и 3-го — несѣта, множественного 1-го лица несѣмъ, 2-го — несѣте и т. м. соответствующих в других глаголах, а равно и литовских повелительных, о коих будет сказано отдельно, имеющих в старославянском основное значение повелительного наклонения настоящего времени, значение это в более древнее время было представлено другим наклонением, именно, по всей вероятности,— желательным. Такое мнение о производности значения повелительного наклонения в славянском и литовском повелительном основано на том, что в звуковом отношении это наклонение соответствует санскритскому potentialis[1], греческому желательному (от темы настоящего времени) и тем из литовских (в I и II спряжениях) форм настоящего сослагательного и форм будущего 1-го (в III и IV спряжениях), которые возводятся к одной форме с греческим желательным.

Вероятно, что потеря основного значения желательного, предполагаемого славянским повелительным наклонением, повлекла за собою потерю 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа. От первого не осталось никаких следов. Единственный пример последнего, приводимый Миклошичем (loc. cit.),—*бѫдѫ*—ἔδτωδαν (Ватик. ев., Луки, 12, 35 = Остр. ев. „да *бѫдѫть*“), в коем, по Миклошичу, *ѫ* из *ьнт* кажется сомнительным, ибо отсутствие *-ть* в 3-м лице множественного числа само

[1] „Санскритское potentialis, при многих особенностях своего употребления, соединяет в себе значения греческого сослагательного и желательного“ (Bopp. Vergleichende Grammatik, B.III, стр.1).

по себе не свидетельствует о принадлежности этой формы к повелительному наклонению, а употребление изъявительного наклонения настоящего времени без союза *да*, *ать* и прочее в значении повелительного и желательного не необыкновенно в славянских памятниках.

Древнеславянский и древнерусский языки, а из нынешних славянских языков — украинский имеют три звуковые сочетания для повелительного наклонения. Для украинского, например, *веди*, *ведімо*, *ведіте* = основным *веди*, *ведьмъ*, *ведьте*.

Личные окончания форм *-мо* (*-мъ*) и *-те* (*-ть*, *-тъ*) — явственны. Обыкновенно, говоря о русском языке, совершенно упускают из виду украинский язык, теоретизируют на основании двух форм: *веди*, *ведите*. „Повеление в личной форме может быть выражено только вторым лицом единственного или множественного числа, смотря по тому: к одному или ко многим лицам оно относится“ (Некрасов. О глаголе, стр. 113)[1]. Так: „Форма на *те*, очевидно (уже и очевидно! — *А. П.*), образовалась в языке через приставку *те*, которая ясно обозначает собою второе лицо множественного числа, к той форме, которую мы (т. е. Некрасов.— *А. П.*) назвали общею или абсолютно-личною формою русского глагола. Если это *те* есть само по себе 2-е лицо множественного числа (вы) и прибавляется к общей, неопределенной личной форме глагола с тем, чтобы указать на лицо, то можно ли спрашивать... почему эта форма не употребляется с другими лицами? Да потому, что ею ясно обозначается определенное второе лицо множественного числа“, между тем как формой на *и* „не обозначается... никакого определенного лица“ (Некрасов, ibid., стр. 112).

Если бы Некрасов знал, что литературному *ведите* непосредственно предшествует *ведьте*, которое и до сих пор сохраняется в диалектических изменениях в значительной части русского языка, тогда бы он, быть может, не принял формы *веди* за тему и не стал бы образовывать от нее *ведите*. А впрочем, кто его знает? Верно, что *веди* не есть тема 1-го и 2-го лица множественного числа; оно само заключает в себе тему этих лиц и, сверх того, стершиеся впоследствии личные окончания. Поэтому и все рассуждения о различии в употреблении *веди* и *ведите*, основанные на мнении неопределенности первой формы, лишены основания.

Буслаев полагает, что повелительное наклонение (разумеется, за исключением 2-го лица множественного числа и 1-го лица множественного числа, о коем он вовсе не говорит, потому что оно потеряно в русском), „означая своим окончанием не лицо, а только наклонение ... может употребляться во всех лицах обоих чисел, без изменения своей флексии“ (Буслаев. Грамматика, § 192,1). Между двумя половинами этой мысли нет

[1] А „ходім“ и т. п.? *А. П.*

неизбежной связи. Известная форма может означать лицо, и тем не менее это лицо может служить для обозначения других лиц. Стало быть, *веди* не непременно потому употребляется во всех лицах, что само по себе не означает лица. Кроме того, первое утверждение, что *веди* и т. п. не означают лица,— неверно. Звуковая потеря сама по себе не влечет еще за собой потери формы как грамматической категории. Всеми славянскими наречиями предполагается такое состояние языка, когда одно и то же звуковое сочетание *рабъ* прикрывало собою три, первоначально различные, звуковые сочетания и три грамматические категории: именительный и винительный падеж единственного числа и родительный падеж множественного числа. Можем ли на этом основании думать, что в древних славянских языках в таких именах, как *рабъ*, категории именительного падежа единственного числа, винительного падежа единственного числа и родительного падежа множественного числа не различались? Нет, мы этого думать не можем. Так и в *веди* и т. п. личное окончание, без сомнения, стерлось, но из этого не следует, чтобы это сочетание вовсе не имело отношения к лицу, чтобы для современного языка было безразлично, какое именно личное окончание фонетически исчезло в *веди*.

По тому закону, по которому всякая конечная согласная дославянского[1] слова в древнеславянском языке[2] должна исчезнуть, форма *веди* одинаково могла возникнуть и из 2-го лица единственного числа с окончанием *-с*, и из 3-го с окончанием *-т*. В этом — основание мнения, что *веди* есть и 2-е и 3-е лица единственного числа. С другой стороны, можно заметить, что 3-е лицо повелительного наклонения множественного числа делает вероятным, что в единственном числе 3-е лицо потеряно и что *даждь* — *даждь* есть, следовательно, не *dadyām*, а *dadyās*. В подтверждение можно сослаться на то, что во всех славянских наречиях *веди* в собственном значении само по себе понимается непременно как 2-е лицо единственного числа, а для того, чтобы обозначать 3-е лицо, нуждается в новом указании на это лицо, т. е. в именительном падеже имени или местоимении 3-го лица. Однако эти соображения неубедительны, ибо потеря 3-го лица множественного числа не влечет за собою потери 3-го лица единственного числа, как нам показывает литовский язык, в коем утраченная форма 3-го лица двойственного и множественного числа заменяется формою 3-го лица единственного числа, формою, заметим, лишенною материального знака лица. Точно так же синтаксические различия 2-го и 3-го лица в *веди* не доказывают, что это *веди* вышло из одной формы, а не из двух. Не придаю никакого значения мнению Некрасова („О глаголе", стр. 105 и след.), что *веди* есть общая личная форма глагола и только, т. е. не означает ни наклонения, ни лица и числа, а только отношение действия к лицу вообще. Мнение это, как почти все в этой книге, кроме несогласия с фактами (Некрасов хотя силится объяснить, почему *веди* само по себе означает 2-е лицо единственного числа, но объяснить своим мнением не может), выведено ложным путем, который состоит в том, что из известного числа определенных значений формы делается экстракт; это бледное отвлечение потом выставляется как сущность значения формы; из этой сущности обратно выводится что угодно. Конечно, если собрать значения *веди* и отбросить в них все несходное, то мы не получим ни наклонения, ни вида; но что нам в этом толчении воды?

[1] Кроме *н*, *м*, которые с предыдущею гласною сливаются в гласную носовую.

[2] А. А. Потебня здесь и в других местах обозначает этим термином „праславянский язык". *(Ред. 1941 г.)*

Говоря об употреблении лиц повелительного наклонения, и, в частности, 2-го лица множественного числа, следует различать это употребление: а) в повелительном наклонении в собственном значении (imperativus jussivus) и б) в значениях производных (imperativus concessionis, imperativus indicativus). Об этих производных значениях по отношению к наклонению будет сказано ниже; здесь же только замечу, что в названиях производного значения повелит. накл. нет никакого contradictio in adjecto.

2-е лицо имеет особенное сродство с модальным значением повелительного наклонения, ибо в старославянском, древнерусском и древнеславянском в древнейшем периоде сохранилось во всех числах повелительное *(веди, ведьва, ведьте)*, между тем как 1-е только в двойственном и множественном числах и 3-е — только в единственном и двойственном числах; тем не менее употребление его не так широко, как можно думать, считая форму *веди* только за 2-е лицо, а не за 3-е.

При определении значения грамматической формы, и вообще слова, нам нужны не категории общего и частного, ибо общее может быть добыто только вышеупомянутым ложным путем, а только категории первообразные и производные, исторически предшествующие и последующие. Но предшествующим (на основании представления) мы имеем право называть *веди* повелительным, хотя бы оно было употреблено с другим значением.

В собственно повелительном 2-е лицо единственного числа = в повелении конкретному 2-му лицу, которое может быть обозначено или обозначалось звательным падежом.

а) 2-е лицо стоит само за себя в предложениях с общим значением необходимости в возможности, все равно, будет ли здесь повелительное наклонение в собственном значении или в значении условном: „того и жди ... хоть шаром покати"; украинское „ніч... хоть в око стрель тобі"; „Озиме у восени через засуху не сходило ... А яровини й не питай!" (Кв.-Осн., II, 9); „Кинь хлеб на лес, пойдешь — найдешь"[1].

[1] Некрасов приводит пример: „Не смейся чужой беде, своя на гряде"— и объясняет: „здесь *гряда* от *гряду*, т. е. иду, т. е. своя на ходу" („О глаголе", стр. 108).

Буслаев (Грамматика, § 192, 3 и примечание 3) видит здесь „как бы" обращение к лицу слушающему. Зачем „как бы"? Прямо-таки к слушающему, но не к тому или другому известному, а ко всякому второму лицу. Значения: „должно ждать, можно шаром покатать" стоят совсем вне языка. По отношению к лицу в русском языке здесь нет никакого идиотизма (примеры в литовском и немецком см. ниже) и ничего свойственного исключительно повелительному наклонению, ср. выше: *пойдешь—найдешь*.

Павский („Филологические наблюдения. Третье рассуждение", стр. 169) думает объяснить обороты „читай я", „сделай это мы", „тронь они нас", принимая, что *читай* состоит только из темы и модальной гласной *-и-* и, не имея вовсе личного окончания, поэтому может соединяться со всеми лицами; я же скорее думаю, что *читай* (*legunt*) произошло из *читаши*, как *читай* (*lege*) из *читаші*, и что *читай* в „*читай* я, мы, они" тождественно с 3-м лицом единственного числа повелительного наклонения, которое точно так же соединяется со всеми лицами, как 3-е лицо единственного числа *бы* заняло место всех остальных форм. Повелительное наклонение без наличного или уже отброшенного личного окончания кажется мне случаем, не имеющим себе подобного и трудно допустимым (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III. § 652).

Museji (3-е лицо множественного числа), но *musime* „Cert chytil hospodského, a pod's nim do pekla" (ibid., стр. 749)—прошедшее конкретное однократное. „Janek děkowal bohu a poyď do světa(= hajdy do swěta) kol." В украинском (горском): „И я собі піду надоети. Пішов, *дбй*, *дбй*, такій собі котёв надоев, ще ббльшій як тот" (Игнат., 68); „Вбн собі *суньси*, все ся краде, все ся краде... присунув ... хопив того птаха, як черкне втікат" *(-ает)* (ibid., 66); „Пўстили коруну (а та коруна літала), а коруна *літай*, *літай*, и на нього сіла" (ibid., 53); „Виходить кбнь... и у тоту яблбнь розчяв ся чіхрати, а вбн долбв яблбнев сунься *сунь* на того коня, скочив на нього" (ibid., 47); „Вбн ся полегоньки *сунь*, *сунь*. З той яблоні, *сунь*, *сунь* на того коня скочив" (ibid., 46); „дивится, там ся три панни купае, вбн ся *сунь* корчьми, *сунь* корчьми, зокрався, та украв середущбй сукні та крила" (ibid., 20); „І, лихо! Хоч з дому *тікай* бідному чоловікові" (Полтавск. губ., Драгоманов, 60); „мені таке, що хоч з мосту та в воду (кинуться?) *плигни*" и прочее.

б) 2-е лицо единств. ч. в значении 2-го лица множеств. ч. при явственном обозначении этого последнего: „А вы не *отставай*!" (обращаясь к отряду); „*Пади! берегись!*" (к толпе). Во всех таких случаях множественное число рассматривается как собирательное, и это увеличивает силу повелительного наклонения. Повелительнее сказано: „*стой*, братцы!", чем *стойте*. В степени употребительности 2-го лица единственного числа

повелительного наклонения вместо 2-го лица множественного числа славянские наречия могут весьма разниться между собою подобно тому, как ближайшие между собою наречия. Русский и украинский несходны относительно перенесения форм единственного числа именит. пад. собирательных во множественное.

в) В русском употребительно повелительное наклонение единственного числа в пожеланиях, обращенных к самому себе, исполнение коих поставлено в зависимость от условия: „будь я проклят, если ..."; „провались я, если ..". Украинское „не будь я песький син, коли ..." (Гулак, 23); „От бублики! будь я бестія, коли такі й дома їв!" (Кв.-Осн., II, 236). Хотя примеров я не встречал, однако думаю, что в таком смысле форма эта может быть употреблена и в 1-м лице множественного числа: „Будь мы прокляты!"; „Але говори я,— та не ладуй!—а тут староста, чути, вже й просить із-за стола" (= Что ж я заговорился, а не заряжаю, между тем как пора стрелять при выходе из-за стола).

Если не ошибаюсь, в других славянских наречиях этот оборот не употребителен и заменяется описанием, обычным и в русском: *пусть я буду*, *нехай буду*, *бодай здохну*, чешское *at* с 1-м лицом единственного числа изъявительного наклонения *bodej* и прочее. Относительно русского может быть сомнение, есть ли будущее в „будь я проклят" первоначально 2-е лицо. Оно может быть и 3-м.

г) 3-е лицо единственного числа повелительного наклонения в собственном значении: α) во всех славянских наречиях стоит само за себя в случаях, когда 3-е лицо единственного числа означено именем или местоимением в именительном падеже единственного числа (но не звательном) (Буслаев. Грамматика, § 194, 1, примечание 3). Ср. „будь он проклят" (будет ли за этим стоять условие или нет, это—все равно); „Уж кат бери й шапку, аби б голову цілу до дому донести" (Кв.-Осн.). β) В русском вместо 3-го лица множественного числа примеров мало (Буслаев. Грамматика, § 192, примечание 1): „и они ... чужими землями ж владѣй". Аналогично с переходом 2-го лица единств. ч. к значению множественного числа и с тем же эффектом.

Отвлекаясь от того, что под одними и теми же звуками скрываются две формы повелительного 2-го и 3-го лица единственного числа, и принимая это за одну форму, можем сказать, что эта форма не есть ни общая для всех лиц повелительного наклонения, ни тем менее общая личная форма глагола без наклонения. Для 1-го лица единственного и множественного чисел она служит только в ограниченном значении пожелания, а не прямого повеления, непременно с местоимением 1-го лица, следующим за нею. Для 2-го и 3-го лиц множественного числа форма эта употребительна в русском и литературном, но так, что каждый раз заметно основное значение единственного числа. Форма эта в значении повелительного наклонения не заменяет собою и не вытесняет форм 1-го, 2-го лиц множественного числа (подобно тому как общий падеж романских языков заменяет

собою и вытесняет различные окончания латинских падежей) и существует рядом с ними, обозначая то, чего они не обозначают. Нельзя сказать в украинском „ходи ми" или „ми ходи", „ходи ви" или „ви ходи", „вони ходи" вместо „ходімо, ходіте, нехай ходять" *(йдуть)*. Так и в русском нельзя в повелительном смысле сказать: „мы пойди, вы, они пойди".

Другое дело — в значениях производных: условном и изъявительном. В первом в русском форма первоначально единственного числа стоит со следующим за нею обозначением лица вместо всех лиц единственного и множественного: *„сделай* я, ты, он, мы, вы, они" = „если б я и прочее сделал". Но в украинском форма единственного числа стоит в значении 2-го лица единственного числа, редко в значении 3-го лица единственного числа, для других же лиц — описания или настоящие формы повелительного наклонения. Как поступил в этом случае чешский, см. ниже.

Во втором значении (изъявительном), как ниже показано, вовсе не заменяющем собою настоящего изъявительного, в русском и сербском и в более ограниченной мере и в украинском форма единственного числа ставится вместо всех лиц.

§ 3. Употребление повелительного наклонения

Рассматривая историю таких форм повелительного наклонения, как *веди*, *ведьмъ*, *ведьте* и соответствующих, мы должны принять за исходную точку повелительное значение этих форм, хотя известно, что славяно-литовский язык предполагает время существования особого повелительного наклонения, причем функция форм, из коих вышло славяно-литовское повелительное, была сослагательно-желательная.

До этого последнего, относительно древнейшего периода нам здесь нет дела. Весь ряд значений, принимаемых в славянских наречиях такими формами, как *веди* и прочее, выводится из их повелительности. Другие модальные значения рассматриваемых форм представляются (или изображаются) их повелительным значением. Таких производных значений в русском языке два: а) условное и б) изъявительное. Хотя каждое из этих значений представляет особенности в русском литературном языке и русских народных наречиях, однако особенности эти, как и во множестве других случаев, весьма тонки и отделить их сплеча, как топором, невозможно.

а) О повелительном наклонении в значении условия (например: будь то-то, не было бы другого) см. Бруслаев. Грамматика, § 192, 2, примечание 2 и 8.

Хотя ниже указано сходство между повелением и условием, но употребление повелительного наклонения в предложениях условных не составляет его особенности: „не *послухати* її (не послухаю, нехай я не послухаю), так битиме" (Кв.-Осн.); „Хоч всіх ти упирів *збери* и знахурів, Хоч *покумайся* ти з відьмами:

Ніхто не скаже нам, так як би ти хотів. Що доля завтра зробить з нами" (Гулак, 19); „Отце коли прийшов з посудиною, щоб купити до хазяйства на скільки треба горілки, то хоть трохи *заслухайсь* або *задивись*, то й не долле повної міри та мерщій и всипає у твою посудину, и вже хоть *спорь*, хоть *лайся*, а він тебе випроводить геть" (Кв.-Осн.).

Некоторые называют такое повелительное imperativus concessivus, потому что в нем значение „допустим (предположим), что было бы или что есть то-то (если бы было то-то), и тогда случилось бы", что в нем это предполагаемое условие другого явления изображается повелением: *будь*. Сродство между наклонениями условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего.

В [таких] выражениях нашего литературного языка, как „допустим, положим, предположим то-то, и будет то-то", мы в этом „допустим" не можем чувствовать никакого оттенка повелительности, потому что этот язык потерял 1-е лицо повелительного наклонения, но в славянских языках, сохранивших эту форму, в таких случаях можно ожидать не только будущего времени совершенного, но и повелительного наклонения, как в польском „dajmy na to" — предположим. Но во всяком другом лице и в нашем литературном языке появится повелительное наклонение.

аа) В главном предложении стоит изъявительное наклонение. Так, в украинском *„прийди* до його в нужді, *проси* голодний сухаря, і сухаря не дасть, і за руку виведе з хати"; *„Прийди* ж до неї за порадою об якому хочеш ділі, так уже добре навлоги І грошики за баштани *Лупи*, — та все одкинеш ноги" (Гулак, 18).

Такие обороты решительно не составляют особенности* русского языка. В чешском — см. Zikmund, § 256, p. 625; в хорутанском — Janežić. § 466, p. 234.

На такое же употребление повелительного наклонения в сербском указывает частица *будь*, *буди*, равная по употреблению, но не по собственному значению и не по происхождению русскому *буде: „буди* ли идеш на војску, коме ме младу остављаш" (Караџић. Рјечник, s. v.).

В той же мере они свойственны литовскому и немецкому, например: „ateík neválgęs, iszéisi iszálkęs"; „komm ohne gegessen zu haben, du wirst hungrig weg gehen" (= приди-ка не евши, уйдешь голодный); „iszeík bemýlims, ateík beláukiems, tai gérs búsi svéczes"; „geh, wenn man dich gerne hat, komm, wenn man deiner harrt, so wirst du ein guter Gast sein" [= уходи, пока мил, приходи, пока ждут, то будешь добрый (милый) гость] (Schleicher. Grammat., стр. 311).

Шлейхер (loc. cit.) говорит, что в этих случаях повелительное наклонение есть как бы сокращение первого члена условного предложения (*komm = wenn du kommst*); это во всяком случае не точно, ибо повелительное здесь вовсе не предполагает условного наклонения, а только обозначает условие повелительным. Второй член обозначает явление, или одинаково зависимое от перечисленных в первом условии, или равно независимое. Первый член условного сочетания предложений может быть предложением разделительным с союзами разделительными или без них: „жди — не жди, не дождешься; проси ли — не проси, не дам". При этом оба члена деления явственно обозначаются. Оборот этот в чешском и хорутанском употребителен не менее, чем в русском. О хорутанском см. Janežić, loc. cit. В чешском (см. Zikmund, loc. cit., § 221, 6, примечание 4, и § 256, 4a): „*Chtěj já*, neb *nechtěj*: musím činiti tvou vůli; *chtěj* ty, neb *nechtěj*, budet' o pokoj rokováno; *chtějme* neb *nechtějme*, musíme umříti; Bíla is pannami, *chtějte* neb *nechtějte*, musily se brániti; zavázáni jsme jiste k tomu abychom se modlívali, již pak *chtěj se* nám neb *nechtěj*" (3-е лицо единственного числа, безлично); „Bud'že — bud'to — aneb ne", как вышеупомянутое сербское *буди*, склоняется уже к значению союза: „*bud'to* že jite nebo piete ... všecko k slavě boží čiňte". Здесь в русском неловко было бы поставить повелительное наклонение: „ешьте вы или пейте"; лучше — „будете ли есть или пить, все делайте на славу божью"; „Bud'že mluvím, men zmeňšuje se bolesti mé, bud'že tak nechá mi neodchází ode mně" (= говори я или нет; высказывай я свое страдание или нет); „а я то мужикові крути та не верти, не раз вже бачила таких дурних, як ти" (Гулак).

Ср. в польском „*Chciej* nie *chciej*, musisz". В немецком при таком же обороте (*sei es das ... oder* — будь то или) в известных случаях необходимо изъявительное (*er mag ... oder*) или сослагательное (*er möge ... oder*).

Замечательно, что сербский язык для таких разделительных предложений, в коих в русском почти необходимо повелительное наклонение в условном значении, выработал особый оборот с прошедшим на *-л*: „Змај ... рекне своме коњу: „Шта ћемо сад? или ћемо јести и пити, или ћемо терати?" А коњ му одговори: „јео не јео, пио не пио, терао не терао, не ћеш га стићи" (Караџић. Припов., 1853, 32) (= ешь не ешь, пей не пей, гони не гони, не догонишь; *du magst..*,); „Клапило се, не клапило [пенься — не пенься (мыло, купленное вместо сыру)] јешћу те, платио сам те" (Караџић. Пословице, 134). Такое употребление в сербском связано с тем его свойством, по которому прошедшее на *-л*, само по себе без союза или аориста вспомогательного *бых*ъ, может иметь значение желательное или условное. Более близкий к сербскому перевод приведенных выражений был бы: „ел ли бы ты или не ел ..; пенилось ли бы ты или нет ..."

Примечание. В приведенных примерах *chtěj ne chtěj* и прочее видна возможность перехода такого повелительного *хоти* в условное значение союза условного или уступительного. Для такого перехода нужно, чтобы *хоти* бывало предварительно не единственным сказуемым первого члена условного сочетания, а сказуемым главного предложения, при коем стоит предложение придаточное, как в „буди остављаш", „bud' toze jite".

Этот переход действительно совершился по старинному русскому *хоти*, которого не следует смешивать с *хотя*. „А *хоти* которой брать родной учинится недругомъ сыну твоему Царевичу Івану... и мнѣ съ тѣмъ его братомъ въ дружбѣ не быти" (1554 г., Собр. гос. грам., I, № 168); „а *хоти* мя мать моя и не учнетъ наводити на лихо, а взвѣдаю, что мать моя сама захочетъ которое лихо учинити ... и мнѣ то лихо ... сказати сыну твоему" (ibid.); „а *дешево*, хоти не надобе (=ѣ), а в ту пору купи" (Домострой, 72). В нынешнем *хоть* может скрываться и *хотя* и *хоти*.

Между представлениями воли и возможности есть известное сродство. Вышеприведенное *хоти не надобь* переведем немецким „mag es auch unnötig sein" (NB. „дивн бы" = уже пусть бы).

Сербское *немој*, *немојмо*, *немојте* с неопределенным наклонением глагола со значением увещания или просьбы не делать. Стало быть, сходно с *не хтјеи*, *не изволи*; по всей вероятности, есть то же, что *не моги*.

Наоборот, русское областное (московское) *хотеть* значит также „быть в силах, в состоянии, мочь": „*не хочу* пойти" (Обл. слов.).

Русские и украинские частицы *буди*, *будь*, *будь си*, *будь сим* (белорусские, см. Областной словарь); *буцім*, *будьто* не имеют уступительного условного, идут не от того значения повелительного наклонения, которое в вышеприведенных сербских (*буди*) и чешских примерах (*bud'to že*). Они обозначают тоже предположение действительности (стало быть, его мнимость) явления, но не в смысле условия другого явления, а в смысле его образа, то поясняющего действительность, то скрывающего ее: русские (Архангельская губ.) *буди* — как будто: „что ты глаза вытаращил, *буди дикой*" (Буслаев. Грамматика, стр. 192, примечание 5; см. Областной словарь и Даль. Словарь).

Украинское (галицийское) *будь*: „росла́, *будь* топо́ля" (Зоря Галицкая). Украинское (восточное и западное) *буцім*, при коем белорусское *будь сим* с тем же значением (NB. Белорусское *бытцом* — Романов, 3).

Впрочем, украинская форма предполагает творительный падеж местоимения не *симъ*, а *сьмъ*. Этот творительный первоначально и мог иметь значение творительного сравнения.

Примеры: „народу там зібралось, *буцім* там місце (т. е. базар) начиналось" (Гребенка); „Збіраютця, *буцім-то* прясти, та замість того пустують" (Кв.-Осн., I, 8); „пійшов, *буцім-то* в город" (ibid., 31); „Далі, *буцім-то* не второпала, про кого вона розказує, та й каже" (ibid., 19); „Маруся *буцім-то* й слухає, та все про своє гадає" (ibid., 31).

Белорусское *будь-си* параллельно и равносильно русскому *будь-то*, так как *си* есть винительный падеж единственного числа среднего рода от *сь*. О *будто* в литературном см.: Буслаев. Грамматика, § 192, примечание 5, и § 273.

С рассмотренным типом предложений разделительных находится в сродстве другой тип. В русском языке принадлежащие к нему предложения всегда имеют перед сказуемым местоимение относительное или наречие относительное (дополнения или обстоятельства) с частицею *ни*, украинское *не*. Эти предложения по отношению к предыдущим представляются более отвлеченными; они как бы вывод из вышерассмотренных разделительных: „проси, не проси, а..." заключает в себе конкретно изображенные два противоположные и равносильные условия; „как ни

проси, а . . .“ представляет условие, выбранное из ряда многих и наиболее благоприятное. Второй член всегда выражает явление, независимое от условия, выраженного в первом, или даже противное этому условию. Поэтому отношение второго члена к первому есть всегда противительное, и все сочетание может быть названо уступительно- или условно-противительным.

Как и в вышерассмотренном типе сочетаний, в первом члене может стоять и условное наклонение: „как бы ты ни просил, не дам“.

Первому члену с частицею *ни* и с повелительным обязано своим происхождением *кто-*, *что-*, *какой-* и прочее *ни будь (ни буди)*. См.: Буслаев. Грамматика, § 192, 4, примечание 5; например: „И въ томъ отволѣ на правой сторонѣ тѣ дворы всѣ къ Сущову и Митрополичи и розные чьи дворы ни буди; . . . а которые будутъ дворы Сущовскїе . . . гдѣ ни буди . . .“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 136).

*Русские обороты — „сколько ни жди“, „як не мудруй, а вмерти треба“ и прочее — представляют следующие отличия от соответственных чешских, о коих см.: Zikmund, § 266, 4, b и § 223, 7 примечание 1.

Во-первых, в чешском, в оборотах, наиболее близких к русским, после относительного местоимения (или наречия) не ставится частицы, соответствующей русскому *ни*. Такой частицы вовсе и нет в чешском, ибо по функции чешское *ani* совпадает не с *ни*, а с *ни-ни* и с *и не*, и то только отчасти: „což koli mluv já (*was ich auch immerhin sagen mag* — что я ни говори) nic ne dba“. Это различие, впрочем, лишь косвенно относится к употреблению повелительного. Так и в других русских оборотах — „что бы я ни говорил“ — присутствие *ни* в русском обороте указывает само по себе на то, что следствие не зависит от условия выражения повелительного или сослагательного с *ни*.

Во-вторых, чешскому, а в меньшей мере и польскому свойственны обороты из двух одинаковых повелительных, связанных местоимениями относительными или наречиями относительными: „*dèlej* ty z toho co *dèlej*, předce . . .“ [=как ты на это ни смотри (смотри как хочешь) все-таки (или однако . . .)]; „*bud'* jak *bud'*“ (=как ни случись, что ни будь); так и в польском: „*bądź* co *bądź*, przenie (ale. . .)“.

Описательное повелительное в условном значении. „*Нехай* же коли мати хоть трохи зморщитця, що або трохи недужа, або що таке, — вже Оксани з хати й не виженеш . . . Вже од матери ні на п'ядь“ (Кв.-Осн., I, 160); „Людей *питай*, свій розум май“; „Як *не мудруй*, а вмерти треба“; „Повірить усьому, що їй *стань* росказувати“ (ibid., I, 183); „Не треба мені ні панства, ні багатства, *будь* хоть простий мужик, личма́н, світить, *нехай* місяць для мене поту́скне, *нехай* зірочкй від ме́не поховаються, квіточкй передо мною завянуть, пташечки не щебечуть, річечка висохне, світ зміниться, — мені до сего всего нужди мало, аби б я бачила тебе по всяк час“ (ibid.); „Хоть йому *кажи*, хоть не *кажи*, він нічого не тямить“ (ibid., 240); „*Віддай* руками, то не виходиш і ногами“; „Ось *нехай* лишень увійде, то зараз на неї і напустятця“ (ibid., II, 161); „Туди́ *поверни́* — там східці та двери, східці та двери; сюди пійти — східці та двери, східці та двери, більш нічого й нема“ (ibid., 243); „Kthori kole kmecz orze czalim plugem, kylye kolye theszs myey volow albo konyow, powynyen dacz czthirzi kuthi konopi“ (1449 г., Księgi ust., 12).

Формы Супрасльской рукописи можно бы считать потенциальными, если бы быть уверенным, что они не простые описки.

„Ты видиши . . . ꙗко не имамъ сьлѣсти съ камене сего . . . доньдеже оумърѫ, аште мене не оуслыши и нжденеши бѣса сего отъ чловѣка сего, и свободь сего сътвориши“ (Supr., 131, 5); „Аште ми сѧ хощти извѣстити, принесѫ ти, ѥгоже вы глаголете кръста“ (ibid., 47, 25; ср. Miklosich. Lexicon — *хотѣти*).

В Супрасльской рукописи в 3-м лице настоящего времени опускается *-тъ* = *-ть*, причем получаются формы, которые (Ludwig. Der Infinitiv, стр. 137) считают за optativ: „доньдеже сѧ бразн“ (Supr., 102, 19); „Матере . . . подаджштѫ съсъ, да не надои дѣтишта, нъ да отъ плача оуставитъ“ (ibid., 285, 11); „блюди мрьтвьца, да не оубѣжи“ (ibid., 329, 18); „да не излази слово сврьнаво“ (ibid., 390, 25).

В следующем *покажи* поставлено независимо от предшествующего *да:* „оустави себѣ законъ и правило, да вь мѣрѫ вьсе твощего сѧ, и много съхраѥникъ *покажи* о мьнимыихъ не оудрѫжаниши“ (ibid., 381, 10).

Повелительное наклонение = условному: „зачепи же її хто словом, спитай об чим-небудь, зараз зирк! з-під своїх віок, вже й догадалася, з якою думкою питають її . . . Коли чесний поважний чоловік її пита об ділі, вона зараз уклонитця и скаже що треба . . . Нехай же з дурною думкою хто її спита, так тут вона гляне на него мов та королівна, та не кажучи нічого тільки губоньку піднявши, ніби усміхнетця — то той, що питав, и остався, як опечений“ (Кв.-Осн.. Щира любов).

б) Во втором члене сочетания (главном предложении) стоит условное наклонение. Это обстоятельство, по-видимому, могло бы не иметь никакого влияния на употребление повелительного наклонения в первом члене. Действительно, в литературном языке обороты, как „будь то-то, не было бы того-то“, не представляют в первом члене отличия от рассмотренных. Однако в украинском здесь предпочтительнее употребление сослагательного (условного) наклонения и для выражения условия: „як би було то . . , то було б“:

Як би мені ступка та жорна!
Як би мені жінка моторна!
Я б її цілував-милував,
А до печі куховарочку наняв.

Употребление условного наклонения в обеих частях сочетания здесь удобнее потому, что в условном можно обозначить два времени („якби я знала“ и „якби я була знала свою нещасну долю, не йшла б була заміж“), между тем, как при употреблении повелительного для обозначения условия различения этих оттенков, можно сказать только „знай я“, а не „знай я було“.

По-видимому, ради возможности обозначать в условном предложении временные оттенки — и, без сомнения, с таким результатом — сербский язык выражает условие не повелительным наклонением, а его описанием, т. е. любым временем изъявительного (кроме аориста?) с союзом *да*.

„*Да* је вина, и стрина би пила“ (Караџић. Пословице, 49) (=будь вино — пусть будет вино...). Это настоящий глагол permissivus. В нынешнем языке такой оборот может казаться собственным, не переносным выражением условия, ибо мысль говорящего уже не восходит при этом к средству, коим условие выражено: обычное описание повелительного наклонения есть настоящее время (и только настоящее) с *нека* (украинское *нехай, пусть*). Но тем не менее выражение условия посредством *да* не только с настоящим временем, но и с прошедшим получило начало при таком состоянии языка, когда условие выражалось только повелительным наклонением описательным (настоящее время с *да*).

„*Да* није сиротиње, не би ни сунце грijало“ (ibid., 53); „...бор хватим и он би се зелен осушио“ (ibid.); „Да су бољи гости, била би боља и част“ (ibid., 55);

Ти да имаш соколова крила,
Не би т' меса уносило перје.

(Чубро Чојковић, 156);

„Заклуча врата, говорећи: сам бог да дође, не ћу му отворити“ (Караџић. Припов. 1853 г., 171);

Би л'се нашло доброга јунака?!
Да попије ову чашу вина,
Да попије, да ни не зафали?

(Чубро Чојковић, 129);

...Да наљезе (проходи он мимо) друмом овудије
Би попио и он купу вина,
Би попио, неби зафалио.

(ibid., 129);

Дас' оћаше тио наоблачит',
Је неимаше ће капља крунути,
Од доброга коња и јунака.

(ibid., 142—143);

...да ћаху извадит јој душу,
Она малада казат' не оћаше
ће је била и што је виђела.

(ibid., 130);

Да је мене царе запросио
Ја му Хајку не бих поклонио.

(ibid., 156);

„Да сам јуче умр̈о, не бих то данас чуо“ (Караџић. Пословице, 55); „Не бих ја ни дошла овамо, да ме није моја матерешина отерала“ (Караџић. Припов., 1853, 177); „Поједе све и још да је било“ (ibid.).

Случаи такого употребления изъявительного наклонения, получающего значение концессивности в силу *да*, весьма обычны в сербском. Они, как и подобное употребление повелительного наклонения в русском (да сам = будь я.. тогда и было бы то-то), новее, чем *ако с бих бил* (=*аще бых был*). Посредником между последним и первым, по Ягичу, служат обороты с *да бих бил* в первой половине условного сочетания; сначала: „*ако* би ови човик злочинац *не био*, не бисмо га били предали теби“; позднее (пример XVII в.): „*да* би он *не био* злочинац“. [Но ошибочно, что Ягич смотрит как на непоследовательность на удержание доныне чистого (не концессивного) условного: „код он не би био злочинац..“ (Jagić. Primjetbe, стр. 194).]

бб) Повелительное наклонение в значении изъявительного (но не вместо изъявительного). В литературном русском языке — см.: Буслаев. Грамматика, § 192, Зв; Mиklosich. Vergleichende Grammatik, B.IV, стр. 794—797. В украинском: „а він (вони) давай його бить“. Сюда же относится и украинское *дей-ко*, т. е. *дай-ко* (*ай* = *ей* в чешском — как правило, в украинском — как исключение в трех случаях: *чей, дей-ко, дей же його кату, дей його честь*; в последнем у Квитки-Основьяненки „*дий* його чести“) с опускаемым дополнением: „Чого ти там гарчиш? — сказав наш Солопій, та й з серця *дей-ко* з хати“ (Гулак, 29); „В ставочку Пліточка дрібненька З нечев'я зуздріла на удці черв'яка... Ну, *дейко* до його швиденько!“ (ibid., 20).

Оборот этот в той же, и даже большей, мере свойствен и сербскому: „дијете, спопадне [букву] *па повуци* тамо, *повуци* амо, али не може да је ишчупа“ (Караџић. Припов., 1853, 2); „Онда се Брко залети (как разбежится), па хоп! преко воде на другу страну, *па поћерај* за Мећедовићем“ (ibid., 6); „а ми с кóна своје вреће, *па пуњи* и *мјери* (давай наполнять и мерить), док напунимо вреће“ (ibid., 7); „Брже боље спреме се на пут, седну на коње *па бежи*“ (давай бежать) (ibid., 26); „кад змај

руча (глагол совершенный) онда седне на коња *па тераj* за њима" (ibid., 27) и мн. др.

„Аж ось ізновде *ні візмись* їздець" (К у л и ш, II, 40); „Сіла край віконця и *давай* би то шити... *знай* у віконце поглядає, чи високо сонечко" (К в.-О с н., II, 181); „Невістки *знай* у противну хату *рип* та *рип*" (ibid., 180); „Писарь.. *знай* кахикає" (ibid., 208); „Вони *знай* підтакують" (ibid., 209); „Отворила я дверь да тут дубовую, откуль *возмись* перелетна эта птиченька" (Б а р с о в, 211).

В обоих языках здесь употребительна только форма 2-го — 3-го лица единственного числа о всех лицах в русском, не исключая 1-го лица единственного числа: „а я и догадайся..." Употреблением этой формы, как уже замечено Буслаевым (loc. cit.), достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение.

Так употребленное повелительное не должно быть смешиваемо с такими усеченными глагольными формами, как *хвать*, *глядь*. Миклошич („Vergleichende Grammatik", B.III, § 642) думает, что хотя образование *глядь* из прошедшего *глядѣ* и не невозможно, однако, имея в виду употребление в сербском 2-го, вернее, 3-го лица повелительного наклонения в значении всех лиц аориста — „како *удари* (ударише) Турци на Малинско и на Струг, Сировчани не *смједни* (смједоше) им одмах у помоћ поћи" etc. и русском — „тут вихр отколе *ни возьмись*" и т. п., следует за такую форму считать и *глядь*.

Последние вовсе не суть и не были никогда повелительными, хотя изредка действительно употребляются в повелительном значении; первые по происхождению суть повелительные, но повелительность в них только представление, средство изображения изъявительного. Сходство есть только между „давай *бить*" и „*ну бить*"; но это *ну*, равно как и *на*, мы уже выше отличали от *хвать*, *глядь* и т. п. тем, что *ну*, *на* суть повелительные слова, принимающие личные окончания. Особенность усеченных глагольных форм (*хвать*), как выше замечено, состоит в том, что они никогда не бывают предложными, кроме того случая, когда вторая из повторяемых частиц соединяется с *по* для окончания последования во времени: *хвать-похвать*, *шасту-пошасту*. Другими словами: пространственные отношения действия и зависящие от предлогов значения совершенности и несовершенности здесь никогда не обозначаются. Напротив, повелительное наклонение в значении изъявительного может, подобно всякой другой форме спряжения, быть простым или предложным; оно бывает большею частью, хотя не всегда, именно совершенным. Отсюда видно, что в экономии языка усеченные глагольные формы и повелительное в изъявительном значении играют различную роль. И по времени происхождения те и другие — различны. Первые не составляют особенности ни русского, ни вообще славянского языка;

так, не менее сродни и литовский и немецкий; вторые не одинаково свойственны даже русским наречиям, из чего с вероятностью можно заключить, что они возникли позднее.

§ 4. Замена и описание форм повелительного наклонения

1. В русском вместо недостающей формы 1-го лица множественного числа повелительного наклонения употребительно 1-е лицо множественного числа будущего совершенного (настоящего). Присоединение к этой форме личного окончания 2-го лица множественного числа *-те* (*-те* в сербском и прочее; M i k l o s i c h. Vergleichende Grammatik, B.IV, стр. 71), которое и в других случаях может присоединяться не к темам, а к словам [кроме *на-те*, *ну-те*; ср. еще областное (Смоленская губ.) „здоро́во-ще́, мои ронны́jо" („Этнограф. сборн.", I, 143)], дает новую форму (*пойдем-те*), которая может иметь т о л ь к о повелительный оттенок. Собственный смысл ее есть „пойдем *мы* и *вы*". Это — увещание, обращенное к другим, делать что-либо вместе с нами (у Федьковича): „А *подивися-ко*, де Василь дівся"; „А *покажи-ко* мені своего хресного". В украинском, сохранившем особую форму 1-го лица множественного числа повелительного наклонения, прибавка *-те* к этой форме была бы излишняя, хотя на востоке слышится *ходім-те*, но эта форма — не народна.

2. Когда сила речи падает на повелительную форму, тогда самостоятельное местоимение ставится после повелительного. Этот оборот соединяется со следующими.

3. Подобно тому как частица *-то*, а в некоторых областных русских говорах — член, выдвигает вперед имя, так частица *-ко*, а в диалектах измененная *-кă*, приставленная к повелительному, делает то же с повелительным, отчего последнее получает оттенок увещания, понуждения.

В восточном украинском эта частица при повелительном неизвестна, однако — *дейко*. Но в „Народных песнях Галицкой и Угорской Руси" Головацкого нахожу следующие примеры: „Не кличмо... нікого, *підім-ко* ми сами!" (Г о л о в а ц к и й, I, 164); „*піди-ко* ти, моя доню" (ibid., 260); „Коли пішки не приходиш, Хоць конем *прийдь-ко*" (ibid., II, 383).

В русском она очень употребительна, в некоторых говорах только после личных окончаний, причем 1-му лицу изъявительного наклонения она сообщает, как и *-те*, исключительное значение повелительности (*пойдем-ка*, *пойдем-те-ка*, *пойди-те-ка*), а в других и перед личным окончанием 2-го лица множественного числа. Так, в некоторых северных русских говорах: „Ты *пойдем* да богодана с нами, матушка... На мою да ты родиму *пойдем* родинку" (Б а р с о в, 238).

2-е лицо единственного числа *-ко* присоединяется прямо к повелительному наклонению, а вслед за ним ставится самостоя-

тельное *ты* (см. выше), например *стой-ко ты*, или *ты*, приставленное к повелительному, теряет гласную, становясь таким образом настоящим сложным окончанием, к нему приставляется *-ко*, а вслед за тем нередко еще раз ставится уже самостоятельное *ты*: „*ты спусти-тко*... в монастырь" (Онежская губ., Пам. и обр. нар. яз., 274); „*возми-тко*" (ibid., 276); в Ситчине: „Выйдзи ты на цыстò полѐ, *Падзи́-тко ты* своей гру́дзью белою.. *Возмоцы́-ткѐ ты* сыру́ землю" („Этнограф. сборн.", I, 148) и др. Возвратное местоимение ставится здесь после *-ко*, между тем как в говорах, сильнее повлиявших на литературный язык, наоборот: „не *подступа́йко-са ты ко* мне" (ibid., 155).

2-е лицо множественного числа повелительного наклонения там же при обыкновенном (*стрецайцѐ*, *становицѐ*) может быть или со вставкою *-ко* перед *-цѐ* (*-те*), или так, что *-цѐ* приставляется к повелительному с *-т-ко*, причем эмфатическая форма повелительного 2-го лица единственного числа принята за тему, после этого еще—*вы*: *не повеши́й-ко-цѐ*; *возьми́тко-цѐ*; *вы завей-ко-цѐ*; *принеси́тко-цѐ*; „Уж не *по́йко-цѐ вы* песни веселыjо. Уж не *круши-тко-цѐ* миня горю́ху горькую!"; „[Бацюшко! матушкя!] *благослои-тко-цѐ* миня—от цыста́ серца́"; „*сажай-ко-цѐ*"; „*по́шицуйко-цѐ вы*" и прочее (ibid., 145 и след.).

В Пошехонском уезде Ярославской губ. 1-е лицо множественного числа: „*поом-ко-те*, *робятушка*" (ibid., II, 4).

В сербском понудительные частицы *-де*, *-дер* ставятся после повелительного наклонения или повелительной частицы: *чу́йдер* (*послушаем-ка*); *погледаймо-дер*; *ну-дер*, *де-дер* (см. Караџић. Рјечник); однако есть случаи, когда *-де* вставляется перед окончанием 2-го лица множественного числа: „*Дајдете*, њено, оне моје зубне чачкалице" (Караџић. Припов., 1853, 7) (дайте-ка зубочистку).

Шлейхер, имея в виду только русское *-ка*, приставляемое к окончанию, а не предпосылаемое ему, сравнил такие русские формы, как *сними-те-ка*, с таким литовским повелительным, как 2-е лицо единственного числа *ves-kie*, *ves-ki*, *ves-k* (из *ved-k-ē*); двойственное число 1-е лицо *vèskiva*, 2-е лицо—*veskita*; множественное число 1-е лицо *veskime*, 2-е лицо—*veskite* (в старопечатных книгах *k-e-t*: *éiket*—идите, *mokinket*—учите). Еще убедительнее становится это сравнение, если взять во внимание вышеприведенные областные русские формы. Разница между *vès-k-ite* и *веди-ко-цѐ* та, что в литовском *-к-* стоит перед модальным характером, а в русском после него, и та, что в современном литовском приведенная форма повелительного наклонения есть единственная, ибо даже в древнейших памятниках литовского языка, старопечатных катехизисах и ритуалах XVI—XVII вв. сохранились лишь немногие формы повелительного = основному славянскому без *-к-* (*dodi*, *duodi*—дай; *ne vedi*, *ne ved*—не введи; *atleid*—остави), между тем как в русском формы с *-к-* стоят при более древних и явственно отличаются от них оттенком значения. Но и в литовском, по предположению Шлейхера, *-к-* стояло первоначально на конце повелительной формы, а затем уже вошло внутрь слова, подобно тому как наречие *šen*—сюда, сократившись в *š*, может ставиться перед личным окончанием повелительного: *ei-k-š-te*—подите-ка сюда—из *ei-kite šen* (Schleicher. Grammat. Lesebuch, § 108).

Бопп („Vergleichende Grammatik", § 679—682) тоже полагает, что *-i-* в литовском повелительном есть модальный характер, но принадлежащий не теме спрягаемого глагола, а вспомогательному корню *ai-*, образующему в санскрите прекатив, т. е. potentiales аориста. По его мнению, *к* в *dûoki* одного происхождения с *х* в славянском *дахъ* и литовское *dûokite*—дайте отличается от *dûosite* (дадите; будущее сложное со вспомогательным глаголом) только изменением *s* в *k*. Не вдаваясь в частности этого неверного предположения, можно только заметить, что переход основного *с* в *к* в литовско-славянском кажется беспримерным, ибо соответствие литовского *к* славянскому *х* (из *с*) имеет место только в словах, заимствованных из русского или польского, каково и приводимое Боппом литовское juka—юха, уха, санскритское yûsa, латинское *jûs*, *juris*.

Гораздо вероятнее мнение Шлейхера (loc. cit.), что *к* литовского повелительного есть эпиритическая частица, сродная санскритскому *-ca*, латинскому *-ce*, *-c*—*hicc* (*hic-ce?*), *ho-ce* (*hocce*), *hic*, *hoc*, *sic*; что эта частица сохранилась и в литовском в виде *р* в *tei-p*—так, *kitai-p*—инa-к; *kaip*—как, *šeip*—сяк (от темы *ta-*, *kita-*, *ka-*, *šja-*), подобно тому как при старом *trejokas*—троякй—есть в современном литовском *trejópas*; что в славянских *-ей* соответствует, кроме *-ка* в русском повелительном, еще энклитическое *-ка* в сербском: *мени-ка*, *теби-ка*, *тебе-ка*. Это последнее сравнение можно расширить. В областных русских говорах тоже: *мнеко*, *мнека*. Ср. „Ише чим *мне-ка* (=мне-то), Владимир князь, видь хвастати?" (Онежский у., Пам. и обр. нар. яз., III, 273); „спусти-тко в монастырь... да спасти *мне-ка* спасти душа грешная" (ibid., 274); „не хошь ты послужить *мне-ка* времени малого?" (ibid., 277); „чем *мне-ко* будет князя дарить" (Др. росс. стих., 3). Та же частица приставляется и к наречиям: „*Где-ко* пиво пьем, тут и честь воздаем" (ibid., 283); „*тутотко*" (ibid., 128). О *-ча*, *-че*, *-чу* см.: Буслаев. Грамматика, стр. 171, § 75, 3, изд. 3-е.

Об употреблении во всех лицах 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Означая своим окончанием не лицо, а только наклонение, может употребляться оно во всех лицах обоих чисел. Например, в Юридических актах: „и они потомъ такъ и *не дуруй*, чюжими землями насильствомъ *не владый*" (1612 г.); у Крылова: „Я затяну, а вы *не отставай*!" (Буслаев. Грамматика, § 192, 1). Тут же и примеры для 3-го лица единственного числа в „Древних российских стихотворениях" (74): „тот *пей* и *ешь* готовое".

Миклошич („Vergleichende Grammatik", B.IV, стр. 794, 6): „Der Grund dieser Erscheinung liegt im überwiegenden Gebrauche dieser Form", т. е. явление должно объяснять само себя, будучи принято за причину.

Если предшествует 2-е лицо множественного числа повелительного наклонения, то в следующем повелительном можно ожидать знак личного окончания: сербское „хајте пьима на Кокоте горње, Нахију ми од Турака *брани*" (Караџић. Пјесме, V, 90) (идите, защищайте); „Здравствуйте, тетки, *здравствуй*, лебедки, *здравствуй*, шатуньи!" (Даль, 318). То же имеет место, если предшествует *вы*: „Ай же, *вы*, дружина хоробрая! *Делай* дело повеленое, *Слушайте* большого атамана" (Некрасов, стр. 113; Miklosich, ibid., стр. 794).

NB. Если бы после *а вы не отставай* следовало 2-е лицо множественного числа повелительного наклонения *пойте*, то объяснялось бы от этого значение *не отставай*. Другими словами, уничтожалась ли бы собирательность множественного числа в *вы не отставай*?

§ 5. Глагольные частицы и повелительное наклонение

Глагольные частицы [термин, принятый Срезневским в так озаглавленной статье („Материалы", стр. 334—336)], или усеченные глагольные формы [термин Буслаева („Грамматика", ч. I, § 54)], например: *хвать! гляди! брякъ!* и т. п.

Частицы эти, по словам Срезневского, употребляются: 1) вместо неопределенного наклонения, 2) вместо всех форм изъявительного наклонения, 3) вместо повелительного наклонения, 4) как имена существительные („Материалы"). Последнее утверждение связано с мнением, что в древнем языке глагольные частицы следует иметь, между прочим, в именах, образованных от глагольных корней без всяких приставок (кроме *-ъ*, *-ь*), как *бьгъ*, *махъ* и прочее. Но разве недостаточно *-ъ*, *-ь* (=основным, *a-s*, *ja-s*, *i-s*), чтоб сделать корень, весьма часто уже явственно видоизмененный, настоящим существительным в именительном падеже единственного числа, способным склоняться: *бега*, *бегу* и т. д.? И разве не в том причина названия таких слов, как *брякъ!* и прочее, частицами, что они не флектируются? Вся суть в том, что необходимо отличать глагольные частицы, как: „он *хлоп* его в рожу", „он *топ* ногою", от существительных подобнозвучных: „...свист и *хлоп*, людская молвь и конский *топ*".

Какое отличие от междометия? Особенность — что глагол в этой форме сохраняет способность требовать дополнения, но всегда остается без определения, без обстоятельства образа действия. Отношение к подлежащему отлично от

повелительного наклонения, употребляемого в повествовательном значении. Если можно какую-либо форму назвать адекватно-личною, то именно эту (К. Аксаков. Русская беседа, 1859, т. VI, стр. 29—31. NB. Соч., т. II, стр. 589).

Всякое слово без исключения, независимо от присутствия или отсутствия в нем флексии, может быть, как известно, существительным, если означает предмет: „*Нехай* (частица из повелительного наклонения) — недобрий человік", или само представляется предметом („слово *хвать* есть..."); но говорить об этом употреблении здесь не стоит, так как оно нисколько не отличает глагольных частиц от всех остальных слов.

Я не знаю также, какие примеры указывают на употребление глагольных частиц вместо неопределенного наклонения. Если те, где частицу можно перевести неопределенным наклонением, при коем опущен глагол вспомогательный, то здесь недоразумение, ибо частица в таких случаях стоит не на месте неопределенного, как такого, а на месте всего сказуемого (стало быть, со включением и вспомогательного глагола, дающего неопределенному наклонению предикативную силу). Сколько мне известно, так названная глагольная частица есть (в ясных примерах): 1) сказуемое, но 2) сказуемое без определений времени, наклонения, числа и лица

То обстоятельство, что рассматриваемые частицы, там, где мы их понимаем, суть сказуемые, дает основание отличать их от некоторых этимологически неясных слов, относимых сюда же, как, например, *чур*. Из употребления этого слова в украинском, например: „*цур*-пек його ма" [т. е. матери, как и в другом подобном выражении: „*кат* його ма" (=матері), отличном от „чорт ма", „кат ма", „біг-ма", где *ма=має*, как в *нема*]; „я бачив сам таких [людей] і може б показав, та *цур* йому (т. е. хай йому біс), розсержу комисара" (Гребенка, 14); „*цур* тобі, пек тобі, оса на тобі, Марина!" (т. е. марена=смерть), — я заключаю, что *цур* есть здесь такое же несомненное существительное, как *лихо*, *черт* и прочее в выражениях: „лихо її матері, яка пишна"; „*цур* їй (хай їй чур)". Как здесь, так и в русском „*чур* меня" я вижу столь же явственное ощущение глагола, как в сербском „бога-ми! бога-ти! богу-ти! бог-ма!". Последнее, конечно, через поселенных сербов вошло в украинский, так [же] как *-ме* в украинском *бігме* (редко *бога-ме* — поговорка одного украинского старосветского помещика сербского роду). Известно также, что *чур* в русском сохранилось в значении межи, границы, черты: „через *чур* — через край, через меру".

Сюда относится также украинское *шкерéберть!*, потому что употребительно при глаголе в виде наречия: „Хто рачки ліз, а хто простягся, Хто був *шкереберть* (вверх ногами), хто качався" (Котляревский, 221); „Вліпив такого макогона, Що пан Талес *шкереберть* став" (ibid., 243); „вхопивши за чуприну, *Шкереберть* Турна повернув" (ibid., 282).

Никакой близости не нахожу между такими частицами, как *стук! бряк!*, и наречиями, как чешское *hyn*, соответствующее украинскому *ген* [„на небі чистому *ген* Хмара бованіе“ (Гребенка, 12); „іде *ген* собі козак по полю“ (ibid.)]; польское *“het idzie“* и „на вишеньці їх [горобців] *геть-то* насідало“ (ibid., 13); „менший там не втне, де більший *геть-то* зможе“ (ibid., 27); как старославянское вѣлс (наречие), ѳлс (междометие), цѣ и (союз).

Впрочем, *геть* употребляется, как мы видели, и в смысле сказуемого в повелительном наклонении.

Употребленное все же выражение, что рассматриваемые глагольные частицы суть сказуемые без определения времени, наклонения, числа и лица, понимай не так, что эти частицы потеряли флексии, а так, что и не предполагают ни одного из этих определений и поэтому должны быть отличаемы от таких слов глагольного происхождения, в коих флексии стерлись, каковы, например, такие, как украинское *ба* [(из *бач, бачии*): „он *ба* (*бач, бачии*), який“; не смешивать этого позднейшего искажения с междометием *ба!*], как украинское *гля* (=*глянь* в „*гля* який“), как чешское *hle*, как русское *чу!* [„*Чу!* (=чуешь) снег хрустит“]. Эти *ба* и *гля* однородны не с *стук, бряк*, а с такими частицами, происшедшими от полных и определенных глагольных форм, как *будь, буде, дть* (Буслаев. Грамматика, ч. I, § 77), старославянские сать, сатъ, в коих и после того, как они стали частицами, сохранились следы синтаксической определенности первоначального значения: *буд-и, буд-ешь, дть-еши, дть-є-ть*, сѧ-ть (3-е лицо единственного числа настоящего времени). Подобным образом русские *с, су* (*да-с* и пр.), украинское *бра* („ходім, *бра*, до дому“) суть звуковые искажения форм, снабженных грамматическими определениями (сударь! брате!).

Изучать язык — значит различать сходные явления, а не сволакивать их в кучу. Согласно с этим мы отделяем рассматриваемые частицы от прочих: а) их лексическим значением, б) значением синтаксическим и в) происхождением.

а) Глагольные частицы означают мгновенные, неожиданные и потому не вполне покоренные сознанию явления — проявления времени, света, звука, механического движения. Есть сходство в их значении со значением однократных глаголов, но в последних явление представляется более сознательным и поэтому оформленным. Они относятся к словам реальным, а не формальным.

б) См. выше.

в) Не заключая в себе указания ни на какую определенную форму глагола, глагольные или предикативные частицы суть: 1) или членораздельные, нередко звукоподражательные междометия [*кукуі, кукарику!*; „От кияне *шушу́-шушу́*, и радятця“ (Кулиш, I, 4)]; 2) или извлечены из глаголов таким образом, что уже при самом своем появлении не имели глагольных флексий, а не потеряли их с течением времени путем фонетического искажения.

Во многих глагольных частицах глагольное происхождение видно из строения корня; *сов! (совать, совнуть), кив! (ки-в-ать, кивнуть), мах! дмух! пах!;* частицы, как: *толк! цап! (цапать, цапнуть), царап! (царапать, царапнуть* в значении загребать в когти, хватать), *морг! прыг! дриг!* — отглагольны по значению; по крайней мере, невозможно предположить, чтобы такие глаголы, как *моргать, прыгать*, произошли от *морг! прыг!*

Некоторые частицы, оканчивающиеся на *к*, заключают в себе тот самый именной суффикс, посредством коего образуются глаголы от звукоподражательных междометий на гласную или плавную, а также и от не междометных корней [*зирк!* (украинское), *зорк!*]. Частицы, в коих на конце опущено *к*, *т* после *с*, *з* после *г*, этим самым заставляют думать, что они взяты из глаголов однократных, в коих *к*, *т* в группе *ск, ст, г* в *зг* должны опускаться по требованию древнего благозвучия. Иначе трудно объяснить, почему *плюсь, блись, лясь, хлясь, брязь, лусь, трясь*, а не *плюск, блиск, ляск, пуск, хляст, хваст, брязг*. В подобнозвучных именах существительных конечная согласная не опускается: *ляск, тріск* и прочее.

Не думаю, чтобы в *хвать, глядь, круть, верть, ныр, виль, кіть* (=коть) смягчение было остатком глагольного характера *-и-*, ибо такое смягчение находим во многих частицах, в коих объяснить его таким образом трудно или невозможно: *тиць (=тикнуть, ткнуть*; глагол *тицати* в русском языке неизвестен), *скіць* (из *скоць*; не от *скочити*, а „скоцати“ — неизвестно), *пуць* (из „пуцати“, неизвестен в русском), *плюсь, блись* (удобнее всего от *плюснути, блиснути*, в коих смягчения нет) и т. п. Кажется более вероятным, что смягчение конечной *д, т, с, з, к, р, л* появляется не в силу влияния глагольного характера, а появляется в предикативных частицах уже после их выделения из глаголов, быть может сообщая их значению оттенок уменьшительности: ср., например, *скок!* украинские *скік!* и *скіць!* с отношением суффиксов *-ух, -уха* к *-уша*, украинское *-усь (Петрусь)*.

При большой последовательности этимологического правописания при употреблении ъ на конце только там, где оно исторически оправдано, следовало бы в таких словах, как *скок*, не ставить на конец ъ.

При некоторых из глагольных частиц вовсе не находим глаголов или находим глагол, но можно считать его произведенным от самих же частиц: *„ні* чичирк“, постоянно встречаемое с *ні*: „ні до кого *ні чичирк!*“ (ни слова) (Кв.-Осн.); „усе-все до по-сліднього.. росказовала, тілько про Василя *ні чичирк!*“ (Кв.-Осн., I, 42); „як зовуть, *ні чичирк* не взнаєш“ (Кулиш, I, 317); *сусіль!* (никакого подобного глагола не встречалось). Оба слова, а уже наверное *чичирк*, заключают в себе удвоение, выражающее интенсивность значения. В *шубовсть* первый слог от удвоения происходить не может.

Буслаев полагает, что усеченными формами древний и народный язык богаче современного книжного („Грамматика", § 54). Что в народном языке они чаще, чем в книжном, это так, и объясняется тем, что подобные слова, подобно множеству уменьшительных и увеличительных форм имен и глаголов, даже частиц, относятся к области мысли низшей и более субъективной, чем та, выражение коей составляет главную задачу книжного языка — органа науки. Иностранные языки образованных народов действуют в этом случае на наш книжный разве косвенно, увеличивая его отвлеченность и удаляя его в целом от простодушной субъективной прелести областных наречий. Что до древнего языка, то ничто не заставляет думать, чтобы отглагольные предикативные частицы были в нем обычнее, чем в современных наречиях русского языка. Напротив, их производность свидетельствует в пользу их относительной новизны. Сходство отглагольных частиц этих с междометиями никак не может служить доказательством их древности, потому что язык во всякое время может образовать слова междометного характера из готовых, уже преобразованных, даже иноземных стихий (ср. украинские: *пробі! караул!*).

Эти формы, чисто глагольного происхождения, стоят по употреблению в одном разряде с некоторыми междометиями, преимущественно с звукоподражательными, означающими тоже мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац!* (ibid., § 54).

Употребление предикативных частиц в одушевленной изобразительной речи не есть исключительная особенность русского языка, так как они употребляются и в других языках — славянских и неславянских[1]. Отметим их употребление, например, в польском, в котором укажем отсутствие смягчения конечной согласной в тех случаях, где оно имеет место в украинском: „Czemu się waść kręcisz jak na zawiasach? *szast, szast!* jaki mi Francuz!"; „jakejmy dobyli szabel, tú zaraz *lup*, cup po sobie, *chlust, chlust*"; „bijemy się jak *chlust* tak *chlust!*"; „*chlust* na niego z okna pomyjami!"; „z domu do mnie vypada, *łap* za rękę: jak się masz?"; „Kot *łap* za myszaę"; „*trask! klask!* ryba w wodę ogonem *plusk!*" „jedzą, piją i skaczą, a w punctic [латинское *puncto* (мгновенно, вдруг)] *skik*(sic! *i* вместо *o*) do piekła! Widząc że to nie pozelewni, do domu *smyk*" (=*мык!*); „*smyk* do faldę" (украинское *смик*) и др. Так и в чешском: *lup! lap!* и прочее. Так в немецком: *ripps! rapps! klapps! schwipp!* Ср. также следующие строки из литовской грамматики Шлейхера: „Особенно часты в литовском междометия отглагольные или, по-видимому, примыкающие к глаголам, например, *tįst* (смык?) *tįsterėti* — смыкать, *tę̃sti* — тянуть, растягивать, *tąsỹti* — таскать, дергать, драть (например за уши); *čiùpt!* — хвать (*čiùpterėti* — быстро схватывать)..." „Такие слова с соответствующими глаголами найдутся

[1] В немецком — Paul, стр. 189—190.

для всякого звука. Употребляются они охотно с *tikt* (только, только что; ср. употребление отглагольных междометий в украинском с *тільки, аж, аж ось, аж тут, тут*) и преимущественно без глагола [еще бы!], например: „liũtas, *tik čiùpt!* tą ženklẽlį skaĩtė" [лев *только хватьі* прочел эту записку (собственно — заметку, знак)]; „óbuols *tik bàpt* añt žẽmės" [яблоко *только бух* (nur bapp!) на землю]; „jis tikt sù sykiù pliùpt tą vándenį añt sàvo sunaũs, tàs *tikt strãkt* iš lóvos pašóko" [а он разом линул водою [ось вин плюсь (хлюсь) воды] на своего сына, а тот *скок* (тільки *скіць*), вскочил с кровати (з лави)?]" (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 159). „Čiùpt vedęs, čiùpt nevedęs" [щуп женатий, щуп холостой (загадка, означающая дверь или, точнее, ручку двери, ошибочно понятая Нессельманом)]; *smùkšt!* скользь; *smunkù, smukau, smukti* — *abgleiten* (ср. *шмыгать* в значении ходить взад и вперед, *шмыкать* — носить взад и вперед).

Сравнение с литовским поучительно для нас в двух отношениях. Во-первых, характерное для литовского окончание рассматриваемых междометий на *-t* служит, несомненно, признаком их производности, что подтверждает то, что и чистые корни такого значения в *русском, несмотря на отсутствие внешних указаний, взяты из готовых глаголов. Во-вторых, в славянском эти междометия ближе всего подходят по значению к глаголам однократным; но ошибочно было бы думать, что без однократных глаголов они существовать не могут, потому что они есть в литовском, в коем вовсе нет глаголов однократных. В литовском эти междометия, как думает Шлейхер, извлекаются из глаголов на *-teriu* — *ter-ė-ti*, значение коих у Шлейхера недостаточно определенно. Несомненно, что эти глаголы, по суффиксам перед глагольным характером сходные с русским на *-терить* — *-торить*, не суть однократные в смысле славянских на *-нуть*. Кажется, они означают дробность моментов действия или уменьшительность действия (*kir̃sti* — рубить; *kir̃s-terėti*, по Нессельману, — ein wenig hauen, по Шлейхеру, — hin und her hauen). По значению ср. *брязк-от-іти (брязк-от-ати), миг-т-іти* (=мигать), *дриготати, стукотеть* — *грюкотеть*. „Dabar añtrą sỹk jis kumẽlę vėl, *šmikšt* (*хлись!* У Нессельмана *švikšterėti* — ein wenig peitschen) vieną ùžkerta" (бьет, стегает) (Schleicher. Grammat. Lesebuch, стр. 152); „tàs *tikt paẽkšt*, ãvili nù pečių" (=он только тиск улей с плечей!) (ibid., стр. 160); ср. *teškiù tẽkšti* — бросать, бросать на землю.

Глагольные частицы. К примерам, собранным в заметке Срезневского, прибавлю несколько украинских. „Гріх по дорозі біг, то до нас *плиг!*" (пословица); *плиг!* (=*плигати, плигнути*); „оком *миг!* (мига — *миган-*), *дриг* ногою" (=*дригати*); „*диб-диб* на село, *кив-морг* на його"; „Тури *зирк!*" (=*зир-к-ати, зир-к-нути*) (Котляревский, 249); „*зирк!* й вздрів Марусю" (Кв.-Осн.); „аж *зирк!* и познала своего Василя" (ibid.); „І сам не знав, куди слонявся, Аж — *гулк!* у город причвалав" (Кот-

ляревский, 9) (соответствующего глагола не видно); „вийшла тай *цмок* (=*цмокати*) царицю в руку"; „Вулкана в губи зараз—*черк!*" (=*цмок!* Котляревский—*черкнути*); *смик!* (=*смикнути, смикати*); „приїхав вночі.. *стук-гряк* в віконечко: вийди, серце..." (песня); *„брик* задом" (=*брикнув*, як *брикне*); „тільки він *штовх!* мене" (=*штовхнути*); *„Торох* Рутульця в лівий бік" (Котляревский, 281—*торохнути*); *„Тарах* щастя в хату (несподіване лихо)!" (Номис, 42); „Він *мах* рукою!" (=*махнути*); *„дмух* чарку горілки!"; „И тілько к Тибру що добрався, То в воду—*стриб!* (=*стрибнути*) пустився вплав" (Котляревский, 227); *„диб-диб* на село" (=подибав, почимчикував); „За ним Талант, за сим вся сволочь *Стриб-стриб* (=*пострибали*) с човнів Енею в поміч" (ibid., 240); *„Тюп-тюп* по дорозі" (тюпає =*потюпав*); „Аж ось двери *рип!* (=*рипнули*), і Васильу хату" (Кв.-Осн., I, 70); „Ходить кізочка по крутій горі, ніжкою як *туп*, так *туп*!" (=*тупає*) (нар. песня); „тільки очима *луп-луп*!" (=*лупає*); „не рад Лях, що по уху *ляп*, а він хоче вдруге" (Номис, 19); „Сюди *смик*, туди *смик* мій починок як бик" (ibid., 200,2); *„цмок* у губи"; „Сюди—туди *верть, круть*, нічого не подіє"; *„Торк* ногою, *штовх* у бік"; „Я *тиць* (=*тикнулась*) на поріг, а очи зараз і зустріли чого бажали"; „Троянці... На землю *скіць* (=*скокнули, повискокували*), як там були!" (Котляревский, 124); „Він тільки *гоць-гоць*" (=вистрибує, садить гоцаки); „Лебідь *плись* на дно и випурнув як сніг" (Гребенка, 8); „Найкращее зерно у воду тільки *плись*! (=*плиснуло*), як раз пішло на дно" (ibid.); „Вітер .. із моці вибився, сердешний, на бік *плись*!" (ibid.); „Тут *плюсь* (=*плюснув*) Еней, як будто з неба; „Ось-осьде я, коли вам треба!" (Котляревский); „ось розгулялося і сонце з хмари *блись*!" (=*блиснуло*) (Гребенка, 21); „став місяць з хмари виглядати і звізди на небі *блись-блись*" (Котляревский); „Вороненя... угору полетіло, Да й *пуць* на шию барану" (Гребенка, 26); „Аленка лягла, а Ивашка *бурхеть* яе у печь" (Пагар, Черниг. губ., Афанасьев, I); „Дзвінок *дзелень-дзелень*!"; *„Тиць* ему щось у руку!" [денег]; „Лізе рак. Ворона *хап* его, тай понесла"; *„Кіть-кіть*—покотилось"; „Жаба *скік* на поріг"; *Брязь!* (=*брязнути*), *лясь!* (=*ляснути*), *трісь!* (=*тріснути*), *бризь!* (=*бризькати*); „Так в армії колись велось: Коли влюбився, чи програвся, то пуншу *хлись* — судьба поправся! Веселье в душу и влилось!" (Котляревский, 189); „Вхопив камінчик, прицілився, Зажмурив око, приложився И Ремула по лобу—*хвись*!" (=*свиснув*) (ibid., 222); „Тут—*хвись*! шабельки засвістіли, *Цок-цок*—и іскри полетіли — Один другого полосять!" (ibid., 277); „Тільке Цап стрибне у панський сад, на шиі дзвін *дзень-дзень*!" (Гребенка, 7); „Сказавши се, дід в воду—*нирь*" (=*нирнув, пурнув*) (Котляревский, 174); „Ірися—*виль*! скользнула з неба, До Турна в північ *шусть* в намет" (ibid., 189); „аж тут хазяїн *шасть* у хлів" (Гребенка, 23); „аж ось *лулусь*! щось під ногами!" (ibid., 18); „те дитя, що ждали

[из беременной могили] на божий світ *сусіль* як пить даю" (ibid., 18); „Хто ні *сусіль*, тому кабаки Давав Паллант" (Котляревский, 243); „А на гаку черв'як все хвостиком ківає! Черв'як ківа,—аж ось, зі дна *гульк* Щука! *бовть*!... вона За удку *хіп*! А удка *сіп*! З води *шубовсть* в окріп!.." (Гулак, 21); „Він різку впер в огонь, тай заховавсь в куток. Аж батько за́ чуб *хіп*! і не знайшовши різки, Дрючком Хведька́ разів із шість оперезав!" (ibid., 20); „[Рибалка] на поплавець глядить і примовля: Ловіться, рибоньки, великі і маленькі! Що рибка *смик*, то серце тьох!" (ibid., 7); „Взяв на бакир писарь шапку: Пан грішми забрязкав; Аж *гульк*!—писарь *верть* в собаку, І на всіх загавкав" (ibid., 9); „Мекнув [цап], мов його родимець Почав мордувати, Та й *скік* в комін; аж *гульк* (может быть=glotzen)—німець Стоїть серед хати!" (ibid., 10); „[Німець] *дриг* ногою! *круть* ріжками! В пояс поклонився" (ibid.); *„Скік* в стремена, давай драла..." (ibid., 13); „[Чорт] *стриб* по хаті, *хап* за клямку; Твардовський по пиці, *Трісь* по гирі!—розбив шклянку І горщик з полиці" (ibid., 14); „іде улицею... *Луп* очима!—стоїть салдат" (Кв.-Осн., I, 131); „Салдат *ні чичирк* (=мовчить)! і усом не моргне" (ibid., 132); „От як стала вона ходити до Оксани, як стала з нею *шупу́-шупу́* (sic!), аж—гульк! наша Оксана стала потрошку оддихати" (ibid., 191); „Хоть гріх, хоть два жінці мужа бити, а нехай бог простить! та з сим словом *черк* його в пику" (ibid.); *„Патя́* та й *патя́*, та й роспатякались, неначе цілий вік їм укупі на сьому місті жити" (ibid., II, 41); „Зхопив корінець та *кусь*! жує, сердега" (ibid., 334); *круть-верть!*; *шубовсть*! (падение в воду); *биркіць*! (опрокидывай); *бовть! хвать! глядь!*; „Він мене *кеді* чи не *кеді* обухом! а я його *шасту* та *пошасту* кашельом (лупцував)" (Номис, 16,2). Польское *gadu-gadu*. „Ой сів пугач на могилі та як *пугу*, та *пугу*"; *„Тупу, тупу* ногами!"

Приведенные глагольные частицы, по смыслу речи, переводятся изъявительным или повелительным наклонением и тем отличаются от следующих, употребительных исключительно в значении повелительного и, сверх того, в некоторых наречиях, принимающих некоторые личные окончания.

а) *На*—en tibi; русское, украинское, сербское *на-те*[1], польское 2-е лицо единственного числа *na*, *na-ć* (из *na-ci*) и *naści* (из *na-t-te*?) или от формы с окончанием 2-го лица настоящего времени изъявительного наклонения *-sz*, *na-sz-ci* (ср. *masz tobie!* — вот тебе!), откуда *naści*, как *juści-ć* (от *już-ci-ć*), *nacie*; старопольское *nę-ć*, *nę-ž* (вероятно, с носовым звуком, появившимся так, как в характере ѫ из *на* или *ну*); чешское *na*, *nate*.

---

[1] Не имеет ли с этим связи и *-те* после существительного: „На ногете Турци соколови" (Чубро Чојковић, 88); „А и тутот-ко Владимир стольной Киевской Ну же он Посла стал подчивати" („Др.-росс. стих.", 128): „З сім (так у Кулиша) словом *шасть* із хати" (Кв.-Осн., I, 182).

б) *Ну*—age, русские *ну, нуте*, украинские *ну, ну-мо, нум, нуте*. Частица эта по употреблению шире предыдущей, так как ставится, по крайней мере в украинском, не только при повелительном наклонении на месте повелительного в собственном его значении, но и там, где в сходных выражениях может стоять в производном значении. Ср. „хто знає Оржицю? *А нуте* обзивайтесь!" (Гребенка, 34); „*Ну* бо, дядьку, скажи бо, що нам роголобям *ну* малахаєм шмагать" (Гребенка); „Потилицю позакахкають и *ну* степом кружляти" (ibid.); „Утята... ких выражениях, как „*давай* вони його по своїому судить" (Гребенка); „А як тількі нашего братчика хоть би ...в кабаці обдурюють, так *ну, ну, ну!*" (так держись); „Dziewczę Tatarskie poczęło się pastwać(?) nad babą; *nuż* pchać polyni do oczu, do nosa; *nuż* siadać na głowę; jezdzić na babie. Mać tatarska... *nuż* w lament! Talovy(?)... dalej do jadła!" (Pol.); „a опа [собачка] dalej przez do naszego i *nuż* wyć po sieni!" Выражения, как украинское „а *ну* ж як він знає" (а що як він знає, что если...), польское „*nużby* niebo upadło" (а что если бы), ср. с польским „daj to, daimy to, że..., dajmy na to" (пусть то, то-то; предположим, что, если).

в) Украинское *ке* (дай), *кете* (дайте): „а *ке*-лишень сюди люльку". Иногда при другом повелительном для усиления его: „Дочко, а ходи *ке* сюди на пораду" (Кв.-Осн., I, 76). *Ке* можно бы сравнить с *кесь* (Владимирская, Московская, Рязанская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская губ. = кажись, кажется, будто, как бы) и *кесть* (там же). Если *кесь* произошло из *кажись*, а не *кажется*, то и *ке* = *кажи*, через *каи*. В курском, по свидетельству областных словарей, *каё, дей*—форма, указывающая, по-видимому, на *кае*.

г) Украинское *цить, цить-те* (= молчи, молчите), русские *цыть, цыц* (ср. русское *чука* = молчи). Польское *cyt* и прочее, при коих сербские глаголы *ћутјетй, шутјети*—молчать.

д) Украинское *геть, геть-те* (= ступай, ступайте прочь).

Для объяснения способа, каким частица *ка*—сама по себе весьма неопределенная—сообщает повелительному понудительное и увещательное значения, посмотрим, как достигают подобного результата наречия, в коих эта частица малоупотребительна или вовсе неизвестна.

а) В восточном украинском при понудительных частицах и повелительном наклонении ставится энклитическая частица *лиш, лишень*: „Ей ти, що в золотій бурці, *ке-лиш* (= дай-лишень, русское *дай-ка*) огня на люльку" [сказал попу чабан, когда соскучилось ему в церкви]; „*Ке-лишень* (= давай-ка), поцятаюсь („спитаю, чи чіт, чи лишка") я он з тою дівчиною" (Кв.-Осн., I, 11); „*На лиш*, потягни люльки" (Кв.-Осн., I, 15); „*нуте-лиш*, сини-

ки, за люльки, нехай паска постоїть"; „Ось *слухай-лишень*, жінко" (Гребенка); „О, почекай *же-лиш*" (ibid.).

б) Та же частица ставится, как и *ка*, и при других формах, как будущее время совершенное и неопределенное наклонение с опускаемым вспомогательным в значении необходимости для сообщения им понудительного оттенка: „А пійду *лиш* я до дому" (= пойду-ка я); „а пійти *лиш* собі до дому!"

в) В вопросительных предложениях—при слове, на котором вопрос: „*чого́-лишень* (= почему это) вони [горобці] літати перестали?" (Гребенка, 13); „*чи не для то́го лишень* біди він [бог] нам посилає, щоб .." (Кв.-Осн., II, 4); „то-то щось у тому кагалі почитує [поминает] Ивана... *чи не мене-лишь. Чи не Любка-лиш*" („Купала на Ивана", 9).

Основное значение этой частицы видно из ее сродства с *лишити*—оставить. От оставления исходят значения: с одной стороны, лишнего, превышающего меру, с другой—удаленного, уединенного. Это последнее переходит в частице в значение „только, единственно": русское „*лихо бы* (= лишь бы, только бы) с рук, а с ног и собаки стащат"; „без ума торговать, *лише* (только) деньги терять" (Пословицы XVII в.—Буслаев. Грамматика, I, § 164). Получивши этот оттенок исключения, *лишь* становится ein Hervorhebungspartizip (ср. немецкое *nur*: „geh *nur*").

От 2-го лица повелительного наклонения происходит значительное число частиц, из коих некоторые, сочетаясь с настоящим временем, служат вместе с ним для описания повелительного. Таковы в литературном языке *пусть* („*пусть* придет"), в русском народном *пущай, не тронь* („*не тронь* придет") (Буслаев. Грамматика, § 167).

В старом языке—*недьй*.

В украинском *нехай* (синоним—*пусть*) от старого *хаяти*, между прочим (в сербском), со значением „обращать внимание". Ср. польское *niech*, чешское *nech*, сербское *нека*. „Казала, що пійдеш за мене: *нехай* я пришлю людей, поберімось уже собі" (Кв.-Осн., I, 179); „Що йому зо мною робити?.. Покинути мене, бідну, *нехай* пропадаю" (ibid., 192); „Покрий мене, сира земле, *нехай* пропадаю" (ibid., 214); „Подумала: *нехай* же спитаюсь у Василя; він мене навчить, як про се россказати" (Кв.-Осн., I, 42); „Іди ж ти у божу путь, А я пойду в темний ліс, *Нехай* мене звір из'їсть" (Метлинский, 15). В выражениях, как „*хай* йому трясця" (= лихо—всячина), отрицание опущено, но сила его остается.

Первоначально *нехай*, как и *недьй*, требовало изъявительного наклонения с повелительною частицею, на что указывает старочешский: „*Nech*, at' mrtvi pochovávají mrtvé své"; „*nechte* to at' zlo řečí" (Zikmund, 423). Так в чешском возможно и доныне, хотя *nech* есть уже и частица, но в русском *нехай* стало частицею по меньшей мере в XV в.: „и мы ему тое имѣнье подтверждаем симъ нашимъ листомъ; *нехай* онъ тое имѣнье держитъ" („Акты

Зап. России", I, № 59, 1456 г.); „и тое имѣнье и люди .. со всимъ съ тымъ, какъ жо есть выписано въ семъ нашомъ листѣ, *нехай* онъ то держить, а намъ съ того службу .. заступуеть" („Акты Южн. и Зап. России", I, № 33, 1500 г.).

Потурай (потурати): „луччеб мати тобі не *потурала*, та заміж оддала"; „*потурай* тілько їм [бабам шептухам]: вони, пожалуй, раді, щоб тобі за все, про все шептати" (К в. - О с н., I, 26); „Не *потурай* на те; (= не сподівайся на те, не надійся — не полагайся, що дядьки поможуть): поможуть та не тобі" (ibid., I, 64). Отсюда частица *потурай* — от первого из приведенных значений — собственно почти то же, что *нехай*, *пусть* и по значению близка к *пожалуй*: „Мабуть, ти його любиш, так тим і хвалиш... — *Потурай*, що люблю! Пожалуй би любила, так він на таких і не подивитця" (ibid., I, 19); „Хиба ж усі хороші йдуть за панчів або за купців? *Потурай* буде хороша, як тая квітка, а таки йде за хлібороба" (ibid., I, 166). Кулиш ставит: „*потурай! буде..*", т. е. смотрит на *потурай* как на самостоятельное повелительное, а не как на частицу, что неверно. „Як же се можно? (ставить постой к вдове со взрослою дочкою)... Не лавайте, пане голово, нас у обиду! — *Потурай*, Уласівно! ми отсе все [резони] казали йому [капитану], так нічого й не слухає" (К в. - О с н., I, 186); „*Потурати* йому!" [как же! сделать согласно с его советами? — ирония] — заклекотіли які заможні. — „Щоб то своє відлати на віщо и про віщо, а далі й ходи за своїм добром!" (К в. - О с н., II, 12).

Бодай (ср. чешское, польское), т. е. *бог дай*, от собственного значения *дай бог* (чтоб), которое еще чувствуется в разных пожеланиях [„*бодай* воли живі були, а плуг поламався, шоб мій милий із волами по дому пригнався" (песня); „*бодай* він на путрю скис" (шуточное ругательство); „*бодай* ему се та те"], переходящих к значению: 1) лучше бы, кабы [„як розібрав — *бодай* и не казать!" (Г р е б е н к а)]; 2) с вопросительным *чи*[1] — частицею, показывающей сомнение в верности сообщенного: *как бы* (как будто), *чуть ли не* [кто? — *бодай* чи не він; тож лонї *бодай*, чи по за лонї; №. „выкопаў березовы пень. То зноў того ж *бодай* року выцявнуў велічезны сосновы верх" (Гродненская губ., Белостокский у. — „Этнограф. сборн.", III)].

Чей (из *чай* от *чаяти*). В украинском (юго-западном) нет никаких оснований считать это слово первоначально чем-либо другим, кроме повелительного наклонения, т. е. нет выражений, подобных русскому *я-чай*, хотя значение украинской частицы такое же: „Та *чей* же промолвит, *чей* же заговорит, Мое любое серце!" (Г о л о в а ц к и й, I, 212); „може чужії люде будут мякші, та *чей* сліпого чим запоможут" (Зоря Г а л и ц к а я)[2].

[1] Ср. „мабуть, чи" .. „либонь, чи"..

[2] Следует отличать *чей-би* в значении „як, ніби, неначе" в галицком: „стоїт фигура, от *чей би* тута у нас на горбку" (Зоря Г а л и ц к а я). В этой сложной частице вовсе не обнаруживается глагольного происхождения, нет следов, что она когда-либо была предложением, как вышерассмотренная. Быть может, это *ген-бы*, *гень-бы* как будто в значении *от-бы* = вот бы, как будто.

Відай = *чей* (галицкий): „Ой болить мене головонька, Та *відай* же я вмру!" (Г о л о в а ц к и й, I, 103).

Знай (севернорусский) по значению соответствует *знать* и украинским *десь*, *либонь*, *мабуть*: „Дежь мої коровайночки недбайночки? *Знай* они запилися, о мні забулися!" (Гродненская губ., Брестский у. — Сборн. Сев.-зап. кр., 207); „Ой хорошій коровай, хорошій! Знай: його хорошенькі робили. Ой удалий коровай, удалий! *Знай:* його удалії робили" (ibid., 208, где, как я полагаю, стоит по ошибке не *знай*, как выше, а „*знаю:* його хорошенькі робили").

Русское *небось*: „*небось* попросит" — должно быть, т. е. первоначально: не бойся за действительность действия, обозначенного следующим глаголом; *верно* попросит.

Не дый — собственно „не тронь, пусти, оставь" — в этом собственном значении довольно обыкновенно: „нынѣ же *не дый* мене (в исправленном *остави мя*). да въярився гнѣво на мя (ошибочно стоит *тя*) потреблю м" (Исход, 32,10, XV в. — Б у с л а е в. Хрестоматия, 166); „*не дый* мене (= пусти меня, в польском переводе *puść mię*) по два мѣсяца, да иду и в'зыду на гору, и плачюся дѣвьства своего" (Минеи, 1,85, Судей, XI, 13); „и рече Самсонъ къ уноши, держащему его за руку: *не дый* мене, да осяжю столпы, да всклонюся на ню" (= ня) (ibid., 93, Судей, XVI, 26); „*недыйте* кго ити" (Иоанна, 11,44; в Остромировом и в Галицком евангелии — Б у с л а е в. Материалы, 15); в исправленном — *оставите*.

„...Про тожь, што бы ваша милость тамъ нашихъ Полочанъ пропускали доброволно: *не заимаи* бы каждому волно ехати, кому до кого дѣло будеть; а своимъ Рижаномъ, кому надобѣ до Полоцка ездити, какъ и прежь сего было, быхмо промежь себѣ куплю мѣли, *не хай* бы уже доброволно ездили" (Акты р.-лив., 1465 г.).

Хотя в этих местах весьма удобно было бы поставить описательное повелительное или изъявительное наклонение с такими частицами, как *пусть*, ср. *нехай* и др. („*не дый-те* его пѣти" = пусть поет, нехай йде), однако *не дый* есть здесь не повелительная частица, а настоящее повелительное, и на это указывает его сочетание не с изъявительным без частицы, как в современных описаниях повелительного („*нехай* я піду"), а с изъявительным с *да* („*не дый* мене *да* иду") и с неопределенным дополнением

Будьто. „Кудри русые.. по плечам лежат ... *біди* жар горят" (Новгородская губ., К о л о с о в, 49).

Буди (или *буде?*). „*Буди* в час да младе ступится, *Буди* в лад да слово молвится, *Буди* даст да мне господи Мне семеюшку да согласную, Милу ладушку да советную, — Я приду к вам, мои родители, На весельях и на радостях; А как не в час да младе ступится... Я приду... со слезами" (Новгородская губ., К о л о с о в, 57).

(„*не дый итй*"). Но, наконец, *недый* стало настоящею повелительною частицею, совершенно равносильною с *пусть*, *нехай*; „*не дый* будеть (= пусть будет, нехай буде) такъ, какъ и было издавна" („Акты Зап. России", I, № 64, 1460 г.).

Пожалуй. „Піймайте мині злодія; хто се у нас краде? Я його! я йому!.. — *Пожалуй* би піймали, якби знали хто він є". (Кв.-Осн., II, 282); „Дурний собі, та таки оженився, знайшов собі жінку. *Пожалуй*, багатенький бо був" (ibid., 324); „Крычатъ тѣлѣгы полунощы *рци* лебеди роспущени" („Слово о полку Иг."); „кричать телѣгы полунощи *рьци* лебеди роспужены" (ibid.) *Рьци* здесь обыкновенно принималось за повелительное наклонение (Буслаев. Грамматика, § 282). Ср. украинское *мов* = неначе, ніби, буцім: „могила ж стогне, *мов* сопе, *мов* тяжко лише" (Гребенка, 17); „Ось нічка утекла, *мов* стало розсвітать, мов почало на світ благословляться" (ibid., 31). Отлично от этого по значению „мовляв": „тут [у багні] певнее ніщо ні ходить, ні сидить. Одна черва, *мовляв*, кишить" (ibid., 14); „Прийшлось сусідові, *мовляв*, хоть сядь да й плач" (ibid., 27); „Лихий примчить якого паничка, *мовляють*, судового" (ibid., 16); „Скинула на мене очима, *немов* питала, яка в мене думка" (Вовчок).

„*Пожалуйста*, не забудь, не забудьте". Теперь это сообщает лишь модальный оттенок (ср. латинские *sis*, *sivis*). Еще недавно — вполне равносильное с другим повелительное „*пожалуй постарайся*", „*пожалуйте* кушайте" (Даль). У Квітки: „На-те лишень, *пожалуйте*" (пожалуйста возьмите); Нездивуйте, *пожалуйте* (что не вполне ладно), панна сотникова, пусть [панна сотникова] потрудится выйдет и поднесет нам" (Кв.-Осн., II, Сотн.)[1].

---

[1] Церковнославянское *нечай* — desperatio („от *нечаю* своего спалены") и имя личное русское *Нечай* (ср. Неждан) народное русское *не-из-на-чай* (= начаяться).

Став. Чешское — затвор пруда (как останавливающий); украинское, польское — *пруд*, чешское — состояние (сословие). Русское — *рекостав* — северный ветер, приносящий стужу (останавливающую реки), и пора, когда реки становятся.

Русское *пусто-бай*, *пусто-мол*, *пусто-грай*, *пусто-плет* и др. — nomen agentis; но *пустовар*, *пустоварка* — жидкая похлебка, каша, без привара; *пустозвон* — молва попусту.

Лай — nomen actionis; *облай* — насмешник — nomen actionis; хорутанское *laja* — лаянье — nomen actionis; русское *пустолайка* — собачка.

Бай в польском, украинском — homo garrulus, но *грай* — concitatio и *виноград*, польское — *z-graja* — turba, при хорутанском *graja* — reprehensio, сербском — sermo.

Бой — nomen actionis, но *зверобой*.

Гной — из *листогной* — листопад, октябрь, но *сеногной* — месяц (может быть, от *гнои-ти*).

Кошка *пустомойка*, *портомой*, *портомоя*, *портомойка* — nomen agentis, но *пустомойка* — стирка без щелоку, небольшая, пустая стирка белья.

В примерах исключить случаи, где при nomen agentis есть глагол с действительным значением (*ледокол*, *мукомол*, *мухомор*), тогда как *кол*, *мор* — далеки от глагола.

IV. ЗАЛОГИ

§ 1. О делении глаголов на залоги

В делении на залоги, принятом в грамматике Буслаева (Буслаев. Грамматика, § 175), есть ошибки. Хотя они уже замечены другим (Некрасов. О глаголе), но я считаю нужным рассмотреть их потому, что некоторые выводят из них заключения о свойствах самого русского языка, которые тут ни при чем. Деление Буслаева состоит в следующем. „Залог означает деятельность предмета, или переходящую на другой предмет, например *читаю книгу*, *привыкаю к труду* [глаголы переходящие, требующие после себя дополнения], или не переходящую, например *стою* [глаголы непереходящие, не имеющие дополнения]... Как переходящие, так и непереходящие глаголы по залогам делятся на действительные, страдательные, средние и возвратные" (Буслаев. Грамматика, § 175). Спрашивается, в чем разница между основанием первого деления и основанием второго. „Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже... Средний глагол означает состояние или действие предмета, не переходящее на другой предмет" (ibid.). Каким же образом действительный глагол, по сущности переходящий, может быть в то же время непереходящим и, наоборот, средний, по сущности непереходящий, может быть в то же время переходящим? Противоречие это нисколько не устраняется тем, что „иногда и переходящий глагол употребляется в виде непереходящего, т. е. без дополнения" (ibid.), например, *он уже читает и пишет*. Допустим, что в этом случае глагол действительно стал непереходящим. Все же, согласно с утверждением Буслаева, и как непереходящий он может быть и действительным, т. е. переходящим, и средним, т. е. непереходящим.

Во втором делении нет единства основания. Члены его не исключают друг друга. „Возвратный глагол означает действие предмета, обращенное на самого действователя, и состоит из

глагола действительного с местоимением возвратным *ся*, *сь*, поставленным в винительном падеже" (ibid.). Следовательно, это есть глагол переходящий, действительный. Но „многие глаголы, оканчивающиеся на *ся*, имеют значение средних" (ibid.). Следовательно, средние глаголы могут быть в то же время возвратными. В самом определении возвратного глагола есть противоречие, раскрываемое самим же Буслаевым, ибо есть с р е д н и е глаголы на *ся*, произведенные не от действительных, а от средних же, например *белеться*, из чего видно, что о возвратном глаголе в том виде, как он понят Буслаевым, невозможно сказать, что он состоит из действительного с возвратным местоимением.

Логическая ошибочность деления никоим образом не может служить доказательством, что в действительности нет отдельных членов этого деления.

‹Во избежание[1] недоразумений мы должны уяснить себе некоторые элементарные грамматические понятия. Слово есть для нас совокупность членораздельных звуков, составляющих одно целое, и одного значения, а не многих. Где два значения, там два слова, а не одно. В языках, имеющих грамматические формы, каков русский, единство значения слова состоит в той совокупности известного относительно-реального значения с одним или несколькими значениями формальными, которые непременно совмещаются в одном акте мысли. Единство значения слова *читаю* не нарушается тем, что содержание этого слова мы относим к категориям глагола известного времени, известного числа, лица, залога. Невозможно только совмещение в одном акте мысли двух взаимно исключающих себя категорий, например двух различных лиц. Согласно с этим, если мы имеем о залоге логически правильное понятие, то двух залогов одному глаголу приписать не можем. Выражение „глагол такой-то переходит в такой-то залог" мы должны понимать таким образом, что перед нами два различные, но однозвучные глагола, принадлежащие к двум различным залогам, и что глаголы эти находятся между собою в отношении исторического преемства. Понимаемый таким образом переход глагола из одного залога в другой не есть доказательство отсутствия залога в языках.›

Самый дешевый способ отделываться от грамматических затруднений состоит в том, чтобы игнорировать их. Даль, порешив, что „вся грамматика глаголов наших прищеплена к языку насильственно и потому не стóит выеденного яйца" (Д а л ь. Словарь, т. I, стр. XXVII), сам строит свою грамматику, которая хуже прежней. У лучших своих представителей прежней — Востоков, Павский, Буслаев — находим деления, ошибочные во многом, но в целом добытые из наблюдения действительности и вы-

[1] Текст, приведенный в ‹ › скобках, зачеркнут Потебней и восстановлен редакцией 1941 г.

званные сознанием научных требований. Даль же и благоговеющие перед его теоретическими воззрениями нередко вовсе не понимают, чего ищет грамматика. „Есть один общий образ для русского глагола, не наполняемый ни одним, но могущий пополняться, по частям, всеми" (ibid.). Что это за открытие? Разве стоит говорить о том, что общее понятие есть отвлечение входящих в него частных и не равно ни одному из этих частных? Правильно добыть общее понятие о русском глаголе можно только из постепенного обобщения частных понятий о нем. Такое общее понятие заключает в себе свое деление. „Всякий глагол способен принять все изменения, отвечающие разуму, смыслу, значению его: сумейте употребить его и вы удачным применением в н о в о м с м ы с л е, мигом создали целый ряд новых для него переходов" (ibid.). Новый смысл слова есть новое слово, и вышеприведенная фраза значит только: если вы создаете новые слова, руководясь верным чутьем своего языка, т. е. если ваше личное творчество подчиняется направлению, данному языком, то вы своею деятельностью делаете возможным такое же продолжение этой деятельности. Ваше новое слово может стать условием появления следующего слова; а впрочем, невозможно, чтобы это одно слово было действительно в то же время созданием многих слов. Различные значения одного глагола суть различные глаголы одного звука и одного происхождения. Буде различия значений этих глаголов формальны, а не вещественны, то классификация этих различий есть дело грамматики. „Так называемые з а л о г и для него (русского глагола. — *А. П.*) дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя безо всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю... Распределение глаголов на з а л о г и — одно школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятий учеников; на каждый вопрос о залоге ученик должен отвечать: в каком залоге вам угодно будет его употребить, в таком он на сей раз и будет числиться" (ibid., стр. XX). Если учитель не знает своего дела и дает себя сбивать ученикам, то он за это и ответчик. Он должен бы знать, что грамматический анализ и состоит в возведении частных случаев в общие понятия. Конкретное явление есть исходная точка всякого наблюдения; но слово, вырванное из своей естественной связи и снабженное многими значениями, есть не конкретное явление, не одно слово, а отвлечение, лексикографическая фикция. В таком мнимом слове бывает помногу грамматических определений, и дурно, если учитель, а тем паче если лексикограф этого не знает. Согласно с этим „переходчивости" залога нет. Доказывать отсутствие, или, что то же, несущественность, категорий залога в русском языке тем, что один глагол якобы может иметь несколько или все залоги, — это все равно, что доказывать, что мы не сознаем разницы между scribere и pingere. „Случайность" залога в глаголе, как и всякая случайность, есть

незнание причинной связи явления с другими. Навязывать же своего собственного непонимания изучаемому предмету не следует. Если отдельные глаголы могут быть относимы к определенному залогу, то польза этого будет условною пользою теоретического изучения языка вообще. „Окончание на *ть* и *чь* (*чь* в *печь* есть окончание? Или разложение этого „окончания" на коренную согласную и окончание — тоже школярство? — *А. П.*) общее, коренное, прямое; ему отвечают в западных языках глаголы переходящие или действительные, и непереходящие или средние; окончание на *ся*, т. е. привеска сокращенного (будто бы? — *А. П.*) *себя*, образует возвратный или обратный глагол, не прямой, который может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим залогам" (ibid.). Стоит ли говорить, что русским окончаниям неопределенного наклонения соответствуют в сродных неславянских языках окончания же формы, сходной с русскими по значению, а никак не залога; что залог в *sudare* (средний или действительный — потеть или испарять) столь же не зависит от *-re*, как залог глагола *сидеть* (на стуле) и *садить смолу* не зависит от *-ть*. Глаголы без *ся* следует отличать от тех, к которым приставлено *ся*; но какое же это доказательство, что не нужно различать заложного значения тех и других и выражения именно этого различия? „Кличка эта (залог. — *А. П.*) ни к чему не ведет: сущность дела — указать, какими падежами и при каком случае глагол правит" (ibid., стр. XX). После этого можно сказать: кличка падежа ни к чему не ведет; сущность в том, чтобы не сказать *головою* там, где нужно сказать *голова*. Согласно с этим Даль действительно ошибается в названии падежей: „и безличные глаголы: *меня тошнило, тебя вырвало*, правят винительным падежом, как даже и некоторые общие глаголы на *ся*: *я тебя не боюсь*; *он тебя хватился*..." (ibid., стр. XX). Здесь *тебя* — родительный падеж, а не винительный. Конечно, лексикографу следует выставлять грамматическое определение при словах только тогда, когда это сберегает труд и место, когда такое определение делает лишним пояснение примерами; но и там, где он приметил, дополняет и изменяет существующую теорию, выбор примеров условлен значением пробелов и ошибок теории и, стало быть, предполагает присутствие ее в мысли лексикографа.

Во всяком залоге, как настоящем слове, найдем только один залог. Мы одинаково говорим „*писать* письмо" (literas scribere) и „*писать* картину" (tabulam pingere), но сознаем различие между первым *писать* и вторым и имеем в них два слова, а не одно.

Конечно, это не значит, что мы не различаем этих значений или что мы имеем для обоих только одно слово. Залог есть то же значение слова, только формальное. Такое формальное значение находится в связи с вещественным значением слова. Вместе с первым может в некоторых случаях изменяться и второе. Древнерусское „*льстити* под кымь", „*льстити* кого" (обманывать) и современное „*льстить* кому" различны не только по залогу, но и по более частному значению. Залог есть формальное значение, находящееся в связи с вещественным. Поэтому средние глаголы *свиснуть*[1], *съездить*, получив значение *ударить*, становятся действительными (см.: Буслаев. Грамматика, § 176, примечание 2).

Залог есть необходимое в известном языке отношение глагола (в широком смысле, т. е. со включением причастных форм), прилагательного и существительного к объекту.

Подчеркнутые слова внесены в определение потому, что есть отношения глаголов к дополнению не предписываемые, а только допускаемые языком; изменения их не влекут за собой изменения залога. Буслаев („Грамматика", § 175) говорит, что в выражении „он уже *читает*" глагол переходящий употреблен в виде непереходящего. Никакое слово не может быть употреблено в виде другого иначе, как переставая быть самим собою. Поняв слова Буслаева так: „читает стало здесь непереходящим", — нахожу такое мнение ошибочным. Не договаривая дополнения при объективном глаголе, мы не делаем этого глагола субъективным, потому что, нисколько не изменяя этим самого глагола, мы, так сказать, оставляем при нем пустое место для объекта: он уже читает — что бы ни было, но нечто такое, что, выраженное именем, стояло бы непременно в винительном падеже. Иное дело, когда тот самый объект, который мы, например при действительном глаголе, ожидали в винительном, ставится в другом падеже и не оставляет места для винительного: *бить*, *ударить*, *хватить чем обо что* (сербское „коњ ... *бије седлом о јаворје*"). Здесь обо что вполне вытесняет винительный. Глагол становится средним.

По необходимому присутствию или отсутствию объекта глаголы делятся на объективные (transitiva) и субъективные (intransitiva), в коих действие определено только своим исходным пунктом, т. е. субъектом.

Под объектом разумеется: а) предмет страдательный по отношению к действию, во всех арийских языках выражаемый винительным (objec. directum); б) предмет менее страдательный или вовсе не страдательный обозначается другими косвенными падежами, с предлогом или без (objec. indirectum). Те из объективных глаголов, которые требуют прямого дополнения (винительного падежа), называются действительными; остальные соединяются в одну группу с субъективными и вместе с этим носят имя средних. В делении:

объективные — субъективные
действительные — средние

[1] Так у Буслаева. *Ред. 1941 г.*

устранена логическая ошибка деления Буслаева. Члены, не перепутываясь, исключат друг друга. В этом делении не имеет места страдательный залог. Почему—об этом ниже. За основание принято здесь только значение, поэтому глаголы возвратные по форме подходят под это деление объективных или субъективных, в другом—как средние. [Miklosich: verba a) activa, b) passiva; v. activa: aa) subjectiva (по форме neutra et reflectiva), bb) objectiva-transitiva (с винительным) et intransitiva (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 263.]

В языках греческом, латинском, немецком, латышском и литовском различают внешний и внутренний объект (винительный падеж). Первый ставится только при глаголах действительных (переходящих), второй—и при непереходящих. Первый есть название предмета постороннего для глагола (*дрова рубить* и т. п.), т. е. такого, на лексическое содержание коего глагол не указывает; второй более или менее явственно мыслится вместе с глаголом, например литовское *miegóti* значит „спать", и вызывает в сознании существительное *miẽgas*—сон (спанье), от коего произведен *sapnúoti*—сниться от *sãpnas*—сновидение; оба глагола суть средние, но говорится „miẽgą miegóti, sãpną sapnúoti". Такое сочетание глаголов с объектом, очевидно, есть полная тавтология; но внутренним объектом называют и дополнения, образующие с глаголом неполную тавтологию, т. е. по лексическому значению не заключенные в глаголе, а только сродные с ним, например латышское „saldu miegu gulẽt"—сладкий сон лежать (=спать). Дальнейшие расширения понятия о внутреннем объекте, например в греческом, оставляю в стороне.

Следует ли в русском языке и других славянских считать за средние глаголы, сочиненные с внутренним объектом, и как понимать внутренний объект в русском языке? Мне кажется более безопасным под таким объектом понимать только существительное, заключенное в глаголе (*думу думать*), и за средние считать только средние глаголы в совершенно тавтологических выражениях, как *веру верить, зиму зимовать, год годовать, день дневать, горе горевать, век вековать*. К. Аксаков („Беседа", 1859, т. VI, стр. 17) под внутренним объектом понимает и слова сродные по значению с глаголом, например *плясать казачка* (пляшу). [Ср. *војевати војску*, т. е. войну воевать (Чубро Чојковић, 126; Miklosich, ibid., стр. 385), *ночь ночевать, день дневать, пир пировать, век вековать, горе горевать*.]

Залог есть значение. Из того, что некоторые из intransitiva переходят в causativa (Miklosich, ibid., стр. 377,7), следует не то, что нет причинных, а то, что категория причинности не приурочена к окончанию.

Залог=отношение субъекта к объекту. Сюда и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта.

Такое обнаружение может быть заключено в самом названии субъекта или его атрибута (залог имени) или в предикативности объекта (залог глагола).

§ 2. Страдательный залог

<Страдательный залог[1] со стороны значения во всех арийских языках предполагает существование глаголов переходящих в широком смысле этого слова, т. е. объективных действительных, управляющих винительным, и объективных средних, требующих дополнения в других падежах. Страдательный залог есть способ представления транзитивности глагола. Поэтому и значение глагола страдательного определяется его отношением к глаголу непереходящему, который при страдательном обороте остается в мысли на заднем плане, как фон. В страдательном глаголе объект транзитивного глагола представляется субъектом, т. е. страдательный объект есть такой, который лишает свой субъект той полноты энергии, которая свойственна субъекту оборота действительного. Это определение есть общее для всех арийских языков. Подлежащее переходящего глагола может быть обозначено дополнением страдательного, может вовсе не мыслиться („в эту ночь было чюдо дивное и страха исполнено"—Пск. I лет., 251) и не выражаться (*письмо написано*), и оттого страдательный оборот не перестает быть страдательным. Из того, что подлежащее страдательного глагола есть дополнение глагола переходящего, вытекает, что страдательным глаголом действие представляется не самодеятельно вытекающим из субъекта, а происходящим в нем вследствие действия другого. „Относительно субъекта деятельности глаголы делятся на действительные и страдательные: при первых субъект сам деятелен, при последних субъект является целью деятельности другого субъекта" (Миклошич. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 263).

Примечание. Доказательство, что в русском языке нет страдательного глагола, в сущности направлено против существования страдательного залога во всех арийских языках и заимствовано Некрасовым („О глаголе", стр. 42—43) от мнимой неточности определения страдательного залога у Буслаева, совершенного отсутствия страдательного залога в русском языке как особенности русского языка.>

Что до первого, то:

а) Если б исчезли оба страдательные причастия, то для выражения страдательности осталась бы еще возвратная форма, о которой ниже.

б) Следует различать случаи: причастие страдательное (согласно стремлению, заметному уже в старинной русской пись-

[1] Текст, приведенный в < > скобках, зачеркнут Потебней и восстановлен редакцией 1941 г.

менности) может быть совершенно лишено страдательного значения. В таком случае о нем нечего говорить как о страдательном.

Таковы причастия, образованные от глаголов средних: *неугасаемый* вместо *неугасающий*, *подобаемый*, *следуемый* (*„следуемое жалованье“*). Подобные причастия, если они принадлежат исключительно книжному языку и не имеют за собою освящения древности, могли никогда и не быть страдательными.

Причастие страдательное и по форме и по значению может быть произведено от глагола не только действительного, но и среднего (объективного). В санскритском причастие на *-ta-(-na-)*, образованное от глагола действительного, всегда имеет значение страдательного; но оно может быть образовано и от глагола среднего: *ga-tá-s = qui ivit*, *bhū-tá-s* = бывший. Формальное смещение залогов имело бы место только в том случае, если бы и от глаголов действительной формы на *-ta-* могли иметь и действительное и страдательное значения. Так в новоперсидском, где, например, *ber-de-h* (= санскритскому *bhar-tá-s*) значит и несенный и несший (Bopp. Vergleichende Grammatik, § 627).

По-видимому, нетрудно понять возможность образования страдательной формы с таким же значением глагола объективного, хотя и не действительного: объект такого глагола, каким бы падежом он ни был выражен, может быть представлен субъективно, и действительные причастия в выражениях (Попов, ч. III, стр. 180): *земля обитаема*, *человек заключен*, *услужен*, *угрожаем*, *помогаемый*, *желаемое*, *желанное благо*, чем *обладаемый*, *управляемый*, *начальствуемый* (Буслаев. Грамматика, § 179; Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 266) имеют субъекты, бывшие объектами соответствующих глаголов действительных, по форме средних, объективных по значению: *обитать* в такой-то земле.., *заплатить*, *услужить*, *угрожать*, *помогать*, *вспомоществовать*, *покровительствовать*, *содействовать*, *льстить*, *потакать* кому, *желать*, *ожидать*, *искать* (искомый, сыскать), *обладать*, *пренебрегать* чем.

в) *Жданный*, *чаянный*, *желанный*, *несподіваний*, „каким-то демоном *внушаем*“ (Грибоедов).

Для объяснения подобных страдательных форм вовсе не нужно предполагать, что глаголы, от каких они произведены, некогда управляли винительным. *„Заплаканы* победны твои очюшки“ (Барсов, 33; украинское — „карі очі *зарюмала*“). Они могли управлять, могли и никогда не управлять им без всякого вреда для страдательных форм. Русский литературный язык по способности образовать страдательное причастие от глаголов объективных, средних, сходен с некоторыми другими языками и, прежде всего, со славянскими. Ср. польские „cel chybiony, szczęście zrządane, człowiek wzgordzony od...“ с глаголами „chybic celu, żądać czego, gardzić, pogordzać kim (польско-латинское от intransit.), czalo wartość dni wplynionych“; чешское „žádány od“ — с

„žadal čeho.“ Ср. также в литовском *reĩkiamas* (причастие настоящего времени страдательное) — требуемый, нужный, от *reikėti* — быть нужным, с родительным падежом предмета; *láukiamas* (*id.*) — ожидаемый, от *láukti*, с родительным падежом — ожидать чего; *neliẽpiamas* — тот, которому не приказывают, от *liẽpti*, с дательным падежом — приказывать кому.

В древнегреческом образование страдательного залога от глаголов, управляющих родительным и дательным падежом, вполне обыкновенно; в латинском такое явление редко и считается подражанием греческому. При более подробном сравнении в рассматриваемом отношении языков славянских между собою, а равно и с латинским, греческим, мы можем ожидать между ними разницы в распространении страдательного оборота на бóльшую или меньшую массу глаголов объективных, средних. Есть причастия страдательные и от глаголов субъективных; но они: а) или предполагают объективное употребление глаголов (*бываемый* — у Буслаева, Грамматика, § 179); б) или лишены всякого оттенка страдательности (*неугасаемый* — ibid.); в) или, что обыкновеннее первых двух случаев (из коих первый очень редок), употребительны только в безличных предложениях, в коих причастия страдательные — как причастия глаголов объективных — теряют часть своего страдательного значения.

<Причастие страдательное[1], происшедшее от глаголов субъективных, в русском языке употребляется почти исключительно в безличных предложениях, как „в девках сижено — горе мыкано“. В тех же оборотах и с теми же особенностями значения употребительны и причастия страдательные от глаголов объективных средних и действительных. С примерами русскими у Буслаева („Грамматика“, § 200, 3) сравни следующие украинские: *„похожено* та *поброжено* та коло моря кіньми, тож не кінями та *поброжено*: то журавочка з дітьми“; „Чи я вбрела, чи я вплила, чи мене підбито? Чи сам козак не став ходить, чи його одбито?“ (Метлинский, 7); „Чересло́ й леміш *ізнято*“ (Куліш, I, 146); „Прийшли слухи до милої, що милого вбито. Ой *убито*, *вбито*, *завезено* в жито, зеленою оливою оченьки *залито*, червоною китайкою рученьки *покрито*“; „[туполю] *истято* і гілля забрато“ (Метлинский, 153); „Тобі рушник *дано*, Що в Києві *ткано*, З Києва *привезено*, Шовком *помережено*“ (ibid., 190); „Про їх матір *говóрено*, що вона відьма“ (Куліш, II, 37); „Чому так рано *засвічено*?“ и т. п. В польском не только *bito*, *mówiono*, *spano*, *miniono*, но и от глаголов возвратных форм: „bano się, wstydzono się“. В чешском: „Tu bylo mnoho, a věci potřebné rokovano; potom za třidceti dni ustavné bojováno bylo“ (Zikmund, 14).

В Волынском акте 1596 г.: „которого [вышеупомянутого] человека незнаемо ани ведаемо откуль былъ и кто его забилъ,

[1] Текст, приведенный в < > скобках, зачеркнут Потебней и восстановлен редакцией 1941 г.

а боли тежъ но ведаемо, если его откуль инудь забитого не подвезено и тутъ покинено"; 1608 г.: „полрубоно сосну сортную от осьми лѣтъ неподглядану... исъ тое сосны... медъ выбрано и сосну спалено" („Беседа", 1857, III).

Чтобы определить особенности этих оборотов, начнем с причастий страдательных от глаголов действительных. Очевидно, что выражения *тополю истято* не имеют одного из существенных признаков страдательного залога: объект действительного залога и в них остается объектом и не становится подлежащим, что непременно бывает при употреблении причастия страдательного в его собственном значении. Но тем не менее страдательная форма причастия здесь уместна. Выражение *било*, *граблено* (в значении безличном) вовсе не то, что *били*, *грабили*: для первых характеристично не только то, что действующее лицо действительного глагола представлено неопределенным *оно* (*es*), но и то, что неопределенное действующее лицо представлено подлежащим страдательного глагола, т. е. в виде объекта, ставшего субъектом. Рассматриваемые безличные предложения, по-видимому, образовались непосредственно из чисто страдательных оборотов с подлежащим среднего рода, например украинское „йому *пороблено*" от значения „es ist angetan worden" (причем подлежащее есть действительно бывшее прямое дополнение действительного глагола) переходит к значению „man hat ihm angetan".

Сравни разницу между *засіяно поле* и *засіяне було*. В украинском подобные выражения имеют только безличное значение, так как язык для чисто страдательных, уже в сравнительно позднее время, стал употреблять определенную форму причастия: *засіяно поле* = поле засеяли, но *поле було засіяне* = поле было засеяно.

Как скоро совершился переход к безличности в предложении с местоименным подлежащим среднего рода, т. е. как скоро подлежащее страдательного оборота получило значение неопределенного по значению подлежащего действительного глагола, то страдательное причастие получает возможность дополняться дополнением действительного. Сравни выражения, как: *взято його у некрути*, *повезено його у город* и т. п.

Как скоро местоименное (заключенное в глаголе или явственное) подлежащее среднего рода при глаголе страдательном получило безличное значение и вместе с тем лишилось проглядывавшего в нем значения объекта, то получилось стремление приставлять безличное. Но тем не менее страдательность причастия заметна в значении этих оборотов. Действующее лицо иначе представляется в безличном *било*, *граблено*, чем в безличном же *били*, *грабили*. Кроме разницы в числе и роде, в первых действующее лицо изображено подлежащим страдательного залога, т. е. в виде субъекта, бывшего объектом действительного глагола; во-вторых, действующее лицо и изображено таким, т. е.

не имеет, так сказать, никакой объективной подкладки. Форма подлежащего в безличных выражениях, как *било* (*man hat geschlagen* = *es wurde geschlagen*), украинские *йому пороблено* (*man hat ihm angetan*), заставляет думать, что первообразом их были чисто страдательные личные выражения с подлежащим, действительно происшедшим из объекта и со значением *es* [etwas] *ist geschlagen worden*, *es* (dieses) *ist ihm angetan worden*, что последнее, чисто страдательное, значение в этих выражениях непосредственно предшествует первому. Уж в сравнительно позднее время в украинском появляется формальное различие между обоими этими значениями — безличным и страдательным: для первого остается неопределенная форма причастия (*засіяно поле* = *засеяно* = *засеяли*), для второго — определенная (*поле засіяне* = *поле засіянеє*).

Безличное значение подлежащего при страдательном глаголе, родившись в оборотах с местоименным подлежащим среднего рода, заключенным в глаголе, или явственном, стало применяться и к оборотам, в коих подлежащим (бывшим объектом) было имя. Переделывая выражения *тополя зрубана* [(тополю) зрубали?] в безличное страдательное, нельзя было опустить имени без вреда для мысли. Нельзя было иначе совместить безличность страдательного предложения с необходимостью поместить в нем подлежащее также личного предложения, как опять сделавши это подлежащее дополнением: „тополю истято", „тополя истято" противоречило бы требованию согласия между подлежащим и сказуемым в роде. Но ср. французское, где за безличным подлежащим может следовать определенно названное действующее лицо: *il en sortait une fumée noire; il se trouve là un jeune homme.*

В немецком при безличном местоименном подлежащем имя как подлежащее: *Es kam mir ein Mann entgegen.*

Возможностью ставить винительный падеж объекта при безлично употребляемом причастии страдательном со вспомогательным глаголом *русские наречия пользуются в разной мере. Не считаю случайностью того, что в числе приведенных Буслаевым примеров рассматриваемого оборота нет ни одного с винительным объекта: такие обороты редки, хотя и не невозможны в русском. В украинском же выражения, как „зорано, посіяно ниву, „ізжато пшеницю", „взято його", „повезено його до прийому" и прочее, вполне обычны.

В тех случаях, где в безличном предложении со страдательным причастием требовалось обозначить и явственное действующее лицо действительного глагола, это лицо, очевидно, может быть выражено только дополнением: „у молодца было *послужено*" = послужил.

Такой способ обозначения не различает формальных значений apud quem и a quo [ср.: у меня (в комнате) *не прибрано*]. Выражение действующего лица творительным падежом в безличных страдательных предложениях в литературном языке невозможно:

„сказано мною" есть часть страдательного предложения с определяемым по значению подлежащим. Но в выражении украинской песни „похожено та поброжено коло моря кіньми" *похожено, поброжено* — безличны, и творительный обозначает действующее лицо, а не орудие, которым действительно скрыто лицо.

Из вышесказанного видно, что для образования безличных предложений с причастием страдательным вовсе не нужен именной объект соответствующего действительного глагола, так как этот объект не становится подлежащим безличного предложения, а в качестве дополнения может быть опущен, не изменяя характера предложения. Таким образом, по отношению к явственному объекту глаголы объективные становятся здесь на одну доску с субъективными. Рассматриваемые страдательные обороты от глаголов субъективных стали, кажется, возможны только после образования соответственных оборотов от глаголов объективных. *Сижено, гуляно, идено, „уехано* за охотой", „в левках *сижено — плакано*, замуж *выдано — выто*" — образованы по образцу *взято*, когда подлежащее этих последних получило значение неопределенного действующего лица. Страдательная форма здесь не имеет вполне страдательного значения и возможна благодаря фикции, что у глагола субъективного есть какой-то неопределенный объект. Этот действующий объект нужен только затем, чтобы в его форме представить действующее лицо. >

Как в русском и польском, в безличных предложениях причастия страдательные от глаголов объективных теряют отчасти свое страдательное значение, и как в этих предложениях появляются причастия страдательные от глаголов субъективных, так и в латинском. Ср. безличные предложения с причастием прошедшего времени страдательным *ventum est* (прийдено), *itum est* (идено), *moriendum est, addendum est*. Безлично употребляемые страдательные причастия необходимости от глаголов переходящих у доклассических латинских писателей (реже у классических) сохраняют способность действительных глаголов управлять винительным падежом: *timendum est poenas, ingrediendum est viam, omnia audendum est*.

Способ образования безличности — средний род, при помощи неопределенности субъекта страдательного оборота. Средний род есть переход к совершенному устранению этого субъекта, причем остается в мысли лишь отношение к объекту, означающему производителя: от „das (dieses) ist sichtbar" к „es ist sichtbar" — видно (Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 366). „Телебуга же еха обьзирать города Володимѣря, а друзии молъвять, оже бы и в городѣ былъ: но то не *вьдомо*" (Ипат. лет., 2, 588; см. выше *влягомо*); „По отшествии же Телебузинѣ и Ногаевѣ, Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людий: што *поимано, избито*, и што ихъ божиею волею *изъмерло*, — полътрѣтьинадесять тысячѣ" (Ипат. лет., 2, 589).

Тип „тополю *стято*" (Miklosich, ibid., стр. 364—365). Винительный дополнения при страдательном безличном — новоцерковнославянский (примеры у Миклошича — новы).

Быто. „И потомъ Москвичи побѣгоша, и пометали *быта* своя Москвичи и Псковичи, а Изборяне выскоча имали *быто* Псковское и Московское" (1501 г., Пск. I лет., 273); „Изборяне ... грабиша то *быто* Московское" (ibid., 274); „И Псковичи первое ударишася на кошъ (лагерь немецкий. — *А. П.*), и потомъ Москвичи, и начаша межи собя дратися о *бытъ* Нѣмецкомъ" (ibid., 276).

Пожитокъ, прибытокъ, понитокъ.

Возможно, что в данном языке из многих синонимов, т. е. различных способов представления сходных содержаний, комплексов мыслей, нет ни одного с отвлеченным значением, т. е. такого, который обозначал бы лишь признаки, общие всем этим комплексам. Таким образом, ввиду частности значения слова *лес — silva* в случаях, как „дали есмо ... замокъ нашъ Бѣлескъ ... зо всими землями пашными и бортными, и *боры* и *лѣсы*, и *дубровами*, и *гаи*" (Акты Зап. России, II, 6, 1507 г.), можно сказать, что до сравнительно недавнего времени в русском языке не было слова для общего понятия „лес", обнимающего лишь общие признаки понятий, связанных с такими словами, как *лес, бор, роща, дуброва, дубняк, липняк, осинник, березник, олешник, урема, тайга, тайбола* и прочее; украинское *ліс, бір, діброва, гай, луг* и прочее. В течение многих столетий представлялась возможность обобщения значения одного или нескольких из синонимов, и определить, когда такое обобщение появилось и перестало быть достоянием лишь личной мысли, бывает крайне трудно даже в том случае, если исследователю нет нужды выпутываться из своего и чужого национального хвастовства на голоса: „А что? у нас есть то и то, а у вас нет. Наша цивилизация выше: платите проигрыш".

В таком смысле, как утверждение, что в данное время понятия „лес" в языке нет, можно сказать, что страдательного залога в русском и других славянских и неславянских языках нет, но есть страдательные обороты: 1) предикативные и 2) атрибутивные.

1) В строгом смысле страдательность предикативного оборота не мыслима как заключающая в себе противоречие: субъект есть название субстанции как производителя действия; предикат — самое действие во время произведения его субъектом. Следовательно, под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписана посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном. Этого рода страдательность представляется возвратностью действия:

Не плач, мамко, не журися:
Недуже я *порубався*:
Лем ручечки на стучечки,
Головицю на четверо.

(Головацкий, III, 8)

Сюда относится определение: „Schon seinem Begriffe nach ist auch das Passivum als Energie zu fassen; es ist indirekt aktiv" (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 264).

Язык ничего не выражает вполне; он всегда выставляет лишь один признак, важнейший или представляемый таким (Bopp. Vergleichende Grammatik, § 531, стр. 417, см. все примечание).

2) Страдательные обороты атрибутивные заключают в себе причастия страдательные настоящего и прошедшего времени. Здесь несущественно то, что эти причастия могут быть не только непосредственными атрибутами (определениями, приложениями, а, субстантивируясь, и подлежащими и дополнениями: „ранен — двоемыслен, а убит — уже спит"), но и входить в состав сказуемых. В последнем случае предикативность выражается только действительностью глагола вспомогательного, а страдательность зависит только от причастия как атрибута: „дело *сделано*" — значит „дело делается теперь так, что оно окончено", т. е. признак, находящийся в субъекте, составляющий его состояние, представляется делом субъекта, совершаемым посредством объекта.

Сюда, а не к п. *а* может быть отнесено определение, принятое Буслаевым („Грамматика", § 175, 2) и требующее некоторых изменений: „страдательный глагол означает состояние предмета, произведенное действием другого (предмета.— *А. П.*)".

а) Страдательных глаголов ни в смысле совокупности личных и причастных форм, связанных единством лексического и формального значений, ни в смысле совокупности личных форм нет в русском языке; но, кроме возвратности (см. выше), есть причастные страдательные обороты.

б) „Состояние предмета" значит признак, данный в предмете.

в) Ошибочно думать (Некрасов. О глаголе, стр. 42—43), что, согласно с приведенным, состояние субъекта должно быть выражено одним словом, а действие объекта другим, чего, очевидно, нет в *любим* (как атрибут, как собственное имя, как часть сказуемого). Можно согласиться лишь с тем, что приведенное определение недостаточно ясно устраняет повод к ошибочному толкованию. Имя существительное и прилагательное может тоже означать в речи состояние субъекта, зависимое от объекта, например: „его милость, для ихъ великого *впаду* отъ *поганства Татаръ*, отпустилъ имъ мыто" („Акты Зап. России", II, 2, 1506 г.); но имя здесь не само по себе, т. е. не формально, а лексически, при помощи явственного дополнения, показывает

зависимость признака от объекта, между тем как причастный страдательный оборот, чтобы быть страдательным, нуждается в дополнении.

Итак: „страдательный причастный оборот представляет формально состояние предмета произведением объекта, который может быть вовсе не назван, например „письмо написано" (без мысли „кем"); „в ту нощь бысть чюдо дивно и страха исполнено" (Пск. I лет., 256) (*страха*, может быть, предполагает подлежащее *страхъ исполни*, но в наличном значении устраняет собою возможность объекта, условливающего страдательность).

§ 3. Глаголы с *-ся*

Глаголы с *-ся*, требующие ближайшего объекта в беспредложном (по-видимому, некоторых в предложном) родительном падеже.

Сколько известно, ни один из грамматиков, говоря о залоге, не делает из этих глаголов особого отдела. У Востокова они отнесены к общему залогу. Последний определен так: „имеет значение возвратного и подобно оному кончится на *ся*, но без приложения *ся* неупотребителен, потому что означает действие внутреннего чувства, обращенное только на самого действователя, напр.: *бояться*, *надеяться*, *стараться*, *смеяться*, *развиться*.

К общему залогу причисляются также некоторые глаголы на *ся*, произведенные от действительных, которые и без приложения *ся* употребительны; но с сим приложением получают значение глаголов средних" (Востоков. Грамматика, стр. 98—99) (выражающих обнаруживание себя каким-либо действием или качеством), „напр.: *Крапива жжется. Нитки рвутся*" (ibid., стр. 100). Отсюда видно, что здесь у него глаголы, как *бояться* чего, теряются в числе других глаголов с *-ся*, не требующих родительного падежа. В другой раз он упоминает об этих глаголах, говоря о родительном количества и движения мысленного. Здесь: а) „глаголы общие, сложенные с предлогом *на* и означающие насыщение себя чем-либо, принятие в себя чего-либо во множестве, вдоволь; напр.: *Наглядеться диковин. Наслышаться хорошего. Начитаться книг.* Также и с предлогом *за... Заслýшаться... музыки; зачитáться... книг*". б) Глаголы общие: *касаться*, *коснуться*, требующие родительного качества, означающего предмет отвлеченный, „коего некоторая часть захвачена речью или делом, напр.: *Коснуться важного предмета. Касательно сего предмета.* Когда *касаться* значит обращать речь на чье лицо, на предмет одушевленный, тогда требует родительного с предлогом *до*, напр.: *это до вас касается*; когда же означает в собственном смысле дотрагиваться до чего, тогда управляет дательным падежом" (ibid., § 126). Здесь родительный падеж не

отделен от случаев „наехало гостей" (безлично), „принести воды". в) В родительном падеже движения мысленного (ibid., § 128) не отделены такие случаи, как *дошкаться* чего, от случаев *желать, считаться* и даже *лишать* кого (винительный падеж) чего (родительный), и родительный падеж при глаголах с отрицанием.

У Миклошича, где он говорит о залоге (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 268), такие глаголы, как *натерпеться* чего, упомянуты вместе и безразлично с такими, которые не допускают объекта от *въсмердѣтисѧ* (завоняться), *разболеться, выспаться*. Стало быть, он рассматривает здесь залог независимо от дополнения. Говоря о родительном падеже удаления (genetivus separationis), он приводит рядом глаголы действительные со вторым объектом в родительном („простити кого греха") и глаголы с *-ся* с единственным объектом в родительном: „штобы государь вашъ техъ волостей *поступился*" („Акты Зап. России", I, 285; Miklosich, ibid., стр. 451 и след.). Точно так же, говоря о родительном падеже непрямого объекта, он имеет в виду лишь тот последний — будет ли он стоять при глаголе с *-сѧ* как единственный ближайший объект (*мтисѧ, дьржатисѧ* чего), или при других глаголах рядом с винительным падежом прямого объекта: „мира ны съподобить, млѣка вы напоить" (Miklosich, ibid., стр. 504—505).

Я попытаюсь здесь обособить со стороны залога глаголы с *-ся*, допускающие при себе ближайший объект лишь в родительном падеже.

Важно то, что глаголы, требующие по своему значению объектов, из коих дальнейший есть родительный падеж с аблативным значением (значением удаления), например *лишить* кого (винительный падеж) чего (родительный), соединяясь с *-ся*, заменяют одним родительным оба объекта („лишиться чего и кого"). Стало быть, после того как *-ся* перестало чувствоваться как объект, глагол такого рода изменил залог.

Miklosich, ibid., стр. 267: *коснѧти сѧ* — *tangere*; *отложити* (старость — заботу) и *отложимъ сѧ* — греха; съвѣты *отметати* и *отметати сѧ благъ*; *прьслушати* и *прьслушати сѧ* — *παραχούειν* при *obedire* — слушать кого (винительный) и слушаться кого (родительный). „*Отъчаашѧ* кго" (Supr., 23,1 — jemand aufgeben; reflexiv· „*не отъчаи* себе" — ibid., 306, 2); „*отчаяти сѧ*" — *desperare*; украинское „*здобутися* ласки".

Глаголы на *-ся* с родительным падежом.

„Съступися Твьрдиславъ посадничьства" (Новгор. I лет., 31,19); „*съвлечеся* грѣховная одежа" (Лаврент. лет., 29) [ср. „съступи хреста Мьстиславъ къ Ярославу" (Ипат. лет., 11)]; „Свободъ ти и селъ *съступитися*" (1305 г., Собр. гос. грам., № 9); „*Отбися* ихъ" (= от них) (Новгор. I лет., 34,10); украинское „*одцуратися* кого, чого"; „Круг стола сидят оны да круг дубового, Оны пьют сидят теперь да угощаются; Уж как я... *Опришенна* от любимой от семеюшки, Отряхнулась я от светлой новой светлицы,

Отрешилась самоваров я шумячих" (Барсов, 40); „Того *ся добьють*, егда влѣзуть ли живы" (Лаврент. лет., 4). В новом языке: *добегаться, дошалеться, доходиться, доработаться* до чего; *додуматься, догадаться* до чего; *добраться, допиться до чертиков*; *дозваться* кого; *дослужиться* чего; *додрематься лиха*; *доробитися хліба* (Miklosich, ibid., стр. 501—504); „Позастановила і намисто й дукати і добулась грошей" (Кв.-Осн.); „Доити Киева" и пр. (Miklosich, ibid., стр. 501 и след; Буслаев. Грамматика, § 254, примечание 2); „А кого доидеть рука, цьрньця ли, церницѣ ли, попъ ли, попадье ли, а ты (винительный) ведоша въ поганыя" (Новгор. I лет., 26,5); „Изыма дворяне Святославли и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука доидеть" (ibid., 31,9). [С винительным падежом редко в старославянском: „*сѧдъ прѣсѣдѣлъ дѡмъ*" (Supr., 354,18; Miklosich, ibid., стр. 378); „*Досѣдша полатѣ*" (Тихонравов, 239) значит не „attigerunt palatium", как перевел Miklosich (ibid.), а „окончили".]

Глаголы с приставкою *от-* и с родительным падежом: „*отвьржеся* архепископъ Іоаннъ Новагорода, и поставиша... Нифонта" (Новгор. I лет., 6). *Отчаяться* чего. „*Не отчаимъ* мы себе, яко Іуда" (Кирилл Туровский — Калайдович, 146).

„*Сдогодаюсь* того" (вспоминаю о том) (Барсов, 223,4). *Дожидаться*. „Я ни от кого... толку *не доберусь*" (Гоголь). „Щоб сей да той мене, коли б я *недоскочив* собі щодня шматок м"ясця" (Гребенка, 9) (*шматок* — винительный падеж меры при родительном *м"ясця*).

Наесться. Миклошич говорит, что, например, возвратные глаголы (кроме русских) посредством лишения частицы *-ся* (durch Abtrennung von *ся*) получают причинное значение: „да си коня *назобајет*" (Миладиновци, 21); сербское „ви гладнога ни јесте *најели*"; „сву земљу расплакао"; чешское „nás všecky vozesmál" (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 378). Быть может, наоборот: *-ся* присоединяется к глаголам *напьсти* потому, что в силу предлога они получают действительное значение — *насидеться, настояться, добегаться, договориться*; *наноситься платья, наесться, напиться* чего; *наглядеться, начитаться книг*; *насмотреться чудес* (однако без субъекта: *набегаться, наездиться, нагуляться, накататься*). Ср. „*најести* кога, чега" — накормить; „*наједе* га пива и јéстава"; „Слави *набірайся*" (Метлинский, 15); „*Натерпеться* голоду" (не переходит ли в родительный падеж причины?); „Добры людушки того (что выше сказано) да *надивились*" (Барсов, 40); *нагостилась, насиделась*; „*нарутúлась* горьких слез да на сыру землю" (ibid., 186); *натешилась, натопталась*; „*нагорелась* свеча, догорает". Ср. действительный глагол, сложный с *на-* из средних.

Питатись чего. „А з вінчання вертались, Свого роду *питались*: „Скажи мині, серденько, Якого ти родоньку?" (Мордовцев, 234); „Пойду ж я до комори *питатися* зброї" (Ко-

стомаров. Песни, 249). Костомаров ошибочно думает, что это значит „у сбруи", и ставит двоеточие перед вопросом, обращенным вовсе не к сбруе, а к себе: „Чи мині коня сідлати, чи пішки мандровати?" (ibid.).

Оглядаюсь. „По воду пійшла, оглядаєтця Василя" (Кв.-Осн., I, 47).

Глаголы без *-ся* с родительным[1].

Глаголы от действительных с *-ся* и родительным. „*Крытись* чего" (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 451); украинские „поступитися, рішитися, хоронитися, берегтися, стерегтися" (ibid., стр. 453); *чуждаться, дичиться, опасаться, уда ляться;* старинное *остатися*.

Утаитися. „*Утаившеся* его" (Ипат. лет., 132, б); „*утаився* Кыянь бѣжа изъ Бѣлагорода" (Лаврент. лет., 74). *Каятися*. „Почто зло створивъ и не *каешися* его?" (Лаврент. лет., 113).

„*Ополонишася* полона и поидоша восвояси" (Ипат. лет., 133). Ср.: „Обѣсися синѣ мглѣ".

В новом языке—*обвеситься, оболокаться* и прочее (чем?). „*Ожегшись* на молоке".

Обожраться (чего?). *Обловиться* (чем?) (Даль. Словарь). *Объесться лакомств, облопаться, обтрескаться*. „*Опилася* пташка студеной росы".

„*Останися* высокоумья своего" (Ипат. лет., 15). Ср.: „дружина же его, ѡни по немъ идоша, а друзіи *осташа* его" (ibid., 27). Субъективный: „*Останися* на святокъ.— Не могу *остати*, брате" (Лаврент. лет., 110).

Пустити́сь (чего?). „Оттут то берега *пустивсь*" (Котляревский); „Волсент и духу тут *пустивсь*" (= испустил) (ibid., 212).

Держаться (чего?).

Ятися (чего?). „Мокрого поліна вогонь неймецця" (Номис, 100). Ср.: *„ятися* по дань"; *взяться* за что.

Хватиться (чего?) (= вспомнить); ср. *„схватиться* за что". В сербском см. Даничић, стр. 100—101.

Слушаться (кого?).

Бояться, пугаться, страшиться, ужасаться, чуждаться, дичиться, беречься (чего?); *стыдиться*. Украинское: *соромитись, страхатись, лякатись* (чого?).

Таиться (кого?).

„Мне *стыдно, страшно*" (кого, чего?) (Miklosich, ibid., стр. 458).

„*Позбутися, збутися, збавити, позбавити*" (чого?) (ibid., стр. 456).

Родительный падеж удаления при глаголах независимо от влияния предлога и при именах (ibid., IV, стр. 451).

[1] В рукописи только эта заметка. *Ред. 1941 г.*

„Грѣхъ (родительный падеж множественного числа) да *простить*" (XIII в., "Достопам"., I, 107); „*Простъ* грѣха".

Лишити, лихъ. „Да боудеть ѡтверженъ и всея священичьскыя службы *лихъ* и проклятъ" (XIII в., ibid., I, 109).

„Вроди разума ты *сменилася*" (Барсов, 146); „Огляделася, победна, устрашилася, Ума-разума победна *изменилася*" (ibid., 241; Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. IV, стр. 451).

Бьгати (чего?). „Пищаньци волъчья хвоста *бьгаютъ*" (Лаврент. лет., 36; Miklosich, ibid.).

Уходить (чего?) *(ujść, nieszczęscia)*. „*Ухожу* своих сердечных малых детушек я на эту не спокойну малу ноченьку" (Барсов).

Родительный падеж при глаголах удаления, лишения. „Всѣхъ грѣхъ прощени будемъ" (Лаврент. лет., 72, 26); „Останися высокоумья своего" (ibid., 133, 92); „Плотское украшеніе чюже есть Настоятеля" (Калайдович. Памятники, 123); „Щасливої доріженьки, куди він бажає!" (Метлинский, 61); „Смердовъ жалуете и их коній" (Ипат. лет., 1).

Цуратись (кого, чего?). „Ой не *цурайсь* мене, родинонько" (Метлинский, 243); „Мене стануть *цуратись*" (Кв.-Осн., 1, 44).

Чуждаться.

Имена с родительным падежом. „Лихъ, нагъ, простъ, свободь, свободьнъ, сиръ, странникъ, чистъ, штуждь" (Miklosich, ibid., стр. 452—453).

„*Извини того* [в том] сестрица, свет желанная, Што пеняла я при добрых тебе людушках" (Барсов, 139).

„*Подивуют того* добры людушки: Видно, девушка она самовольная" (ibid., 132); „Хоть бы [чтобы] добры *того* люди *дивовались*, Што ведь матушка со дитятком спасается" (ibid., 134).

„Он не може *примениться* ума-разума, Со кручины он не знае куды броситься" (ibid., 205).

Жалѣть (чего?). *Жаль чего*, шкода чого, плакатися чого. Родительный падеж причины—Miklosich, ibid., стр. 463—464. Нет ли разницы между непосредственным родительным при глаголе и посредственным?

Алкать, жаждать, ждати, желать (бажать), *хотеть* и прочее (ibid., стр. 490—491). Однако: *„сожидающи* родитель тебя матушку" (Барсов, 34).

Глаголы удаления без *-ся* с родительным падежом. *„бьжати* чего" (Miklosich, ibid., стр. 451). *Грьшити. Гонезнѧти*. С предлогами *из-, от-, с-, у-* (ibid., стр. 455).

Если глагол беспредложный—средний, то при нем единственный объект в роди ельном падеже *(избежати суда);* если действительный, то родительный есть второй объект: *отвести* кого, чего.

Родительный падеж после неопределенного наклонения=супину. „Посла ... Дмитра Якуниця ... города ставить" (Новгор. I лет., 31); „Иде... править товаровъ" (ibid., 41); ср. „исправивъ (вытребовавши) товары" (ibid., 41); „Идоша

Новогородци въ Торжекъ города ставити" (ibid., 89, 36); „Посла ... возводить Литвы" (Ипат. лет., 210, 38); „ѣха обзирать города" (ibid., 212, 6); „Онъ же хотелъ у рать [в литовское войско, стоявшее под Витебском] ити, дѣвкы купити..." „и онъ шол съ темь человѣкомъ, соли весить" („Акты р.-лив.", № 49, около 1300 г.); „Пошлетъ своихъ писцовъ Москвы писати и Московскихъ становъ" (1472 г., Собр. гос. грам., I, № 95); „Своихъ людей съ неводы посылати, озеръ волочити" („Акты Южн. и Зап. России", I, № 59, 1512 г.).

„Набъдьти чьсо" (= соблюдать); „праздьникъ *набъдите...*" (Изборн. 1073 г., 195); „Да *набъдать* соуботоу" (ibid.).

„Рыдаите, обидимии. не себе. нъ обидѣвъшинхъ васъ. не бо васъ врѣдиша. нъ сами *са* погоубиша" (ibid., 78); „Да тѣмь плачѣмъ ихъ плачьмь" (ibid.).

Глаголы на *-ся* — от действительных.

„Перебродитися".

„Разів с чотирі *погребнувся* „(Котляревский, 85); „С крючком веселцем *погрібався*" (ibid., 81).

„Язъ... и отъ коня *спадаяся*" (Лаврент., лет., 105); „Щирий козак ззаду *непопадаєцця*" (Номис, 81); „На възведеніе *падъшимъся* въ ересь" (Калайдович. Памятники, 84); „Тілько 'м ній й *напалась*: і де вона була, і чого так довго ходила" (Кв.-Осн.); „Маруся *нападаєтьси* на Олену, що притьмом пора до дому [йти]" (ibid., 33); *„Не впадись* в тоску, великую кручинушку" (Барсов, 251); „Въ брѣгъ гордостьный *не въпадетьса*" (Изборн. 1076 г.— Буслаев. Хрестоматия, 292).

Пригнатися. „Хто отъ насъ *пригониться* въ твою вотчину за холопомъ..." (1368 г., Собр. гос. грам., I, № 28).

„*Зволтеся*, тьотушка, до себе постій приняти" (Кв.-Осн.).

„Брала дівка льон, та *забулась* пов'язати" (Метлинский, 60); „Обіцянки ж не *забувайся*" (Котляревский, 41); „Не стій, вербино, *розкидайся;* Не сиди, Марусю, *розмишляйся*" (Метлинский, 159); „Туть *роздумаюсь* обидна, красна девушка" (о следующем) (Барсов, 221); „Умом, разумом, горюша, *посмекаюся*" (ibid., 25).

Ятися по (винительный). *„Имися по* дань" (Лаврент. лет., 30); „Сътворимъ миръ со царемъ, се бо ны ся *по* дань *яли*" (ibid.); *„Имемъся* своимъ толъстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣкропинныя" (ibid., 13).

Мьнѣтися, творитися. „Сдѣ же *мняшеся* оканьный: яко сдѣ ми есть жилище" (ibid., 35).

„Як *задумався* молод женитця, ходив же молод по всіх городах" (Номис).

„Да уже *помянися*, колико еси зла створилъ" (Лаврент. лет., 113).

„Съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ" (ibid., 28). Церковнославянское *„жалитъ* кого" — lugere, beschränkt auf das subject —

жалитьса и жалити си; kajati — vituperare: церковнославянское каятьса — poenitare: молити и молитьса.

Вѣдѣтися. „Уже и о́ світі *незнавсь*" (Котляревский); „Знатця на чому, розумітця на чому" (= знать толк в чем) (Номис., 126).

Совеститься. „Буду *совестить* родителя я батюшка" (= усовещивать) (Барсов, 222).

„Суседи *поразойдутся*, сродчи — сродники у нас да *поразъедутся*" (ibid., 225); украинское: *„розлилися* води". *Расползлись* муравьи; *раскипелся* котел; *разыграться, распеться, расплеваться, разлились, расправиться, распылиться, рассохнуться, расплакаться, разреветься, разрюмиться.*

Пробудиться, проснуться; украинское *прокинуться*. „Ой спав — не спав *прокинувся*"; русское „от крепка сна безсчастна, *прохватися*" (Барсов, 26).

„Не *начáлась* я победна не подеялась ..." (ibid., 90).

Случиться.

„Як побáчила тебе, світ мині не *змилився*" (Кв.-Осн., I, 37).

Поститься; ср. постить пост?

„Гляди та й не *проглядись*, купи та й не *прокупись*" (Номис, 113).

Пробраться куда. „Мне нельзя, бедной горюшице, пронятися [за распутьем], на родимую сторонку *передатися*" (Барсов, 91).

Прислушаться, приглядеться, присмотреться к чему.

С[т]латись. *„Послалась* на лаві" (Кв.-Осн., I, 26).

Кохатись у чому. „Я в парубках *кохаюсь* сих" (Котляревский, 41).

Проситься. „Сестра в брата *прохалася*".

Надеяться на что. *„Надѣяся* силѣ своей" (Лаврент. лет., 134).

Понравиться кому. Украинское: *сподобатись* кому.

„Одчини, мила, двери... — Я не *одчинюся*, бо тебе боюся" (Костомаров. Песни, 284).

Обноситься [ср. „Родимую матушку платьичем *обносила*... братьичев цеботам *обносила*" (Бельский у., „Этнограф. сборн"., V)].

Сълатися. „Се *прислалася* ко мнѣ Словѣньска земля" (Лаврент. лет., 11); „Кіяне *слются* къ Володимеру" (ibid., 33); „И *послашася* паки Кіяне къ Володимеру" (Ипат. лет., 4); „А лучится царю кого послати къ царицѣ... и они пришедъ *обсылаютца* черезь бояронь, а сами не ходятъ безъ обсылки" (Котошихин, 27); „Нача *слатися* къ Володимеричемъ.., хотя мира съ ними" (Ипат. лет., 16).

„Копая подъ другомъ яму самъ *ся* въ ню *въвалить*" (Новгор. I лет., 56).

Очутиться, опознаться. „Што мине-то... *причюлось* да прислышалось" (Барсов, 76).

Пытаться. „*Попытала* было я сидеть... у постели" (ibid.).

Кушатися. „Не *кушай ся* противу имъ, яко мало имаши вои" (Лаврент. лет., 93).

Разлучаться.

Ликоваться. „Душа с белым телом *ликовалася*" (Барсов, 94).

„Промежь бы себя *не кралися*" (друг у друга) („Домострой").

Ятися (схватиться с кем). „Нѣту ли такого мужа, иже бы *ся ялъ* съ Печенѣжиномъ" (Лаврент. лет., 53).

„Ты вся благая *сходяться*" (ibid., 28).

„С ким вірно *люблюся*, не *наговорюся*" (Метлинский, 29).

Согласен с. „Была гордая ведь я да не поклонная, Я *с* сусе-дями была да не *сговорная*" (Барсов, 7).

Судиться, рядиться, разделаться, расплатиться, рассориться, разругаться, расцеловаться с...

Жаловаться. Без *-ся* и средний: „*жаловали* намъ [мещане], што жъ дей имъ новина уведена" („Акты Зап. России", II, 3, 1506 г.).

„Не треба ні злизовати, ні шептати: само *минеться*" (Кв.-Осн., I, 212).

Взаимные. „*Любилися, кохалися* як голубів пара, а тепер *розійшлися* як чорная хмара".

Между тем *закохатися*—средний. *Змовлятися, збігтися до купи, з''їхаться*.

Согласиться с кем (без дополнения), *сговориться, целоваться, обниматься, ругаться, браниться, ссориться (лаятися, свари-тися), советоваться*.

Спізнатися.

Связаться (*радитися; возиться* с чем; *носиться* с чем—„як дурень з писаною торбою"); *панькатись* з ким.

Сваритися. Ср.: „единою бо ми и *сварящю*... преторже черевi рукама" (Лаврент. лет., 53).

Проститься с кем.

„Ярополкъ же *съзвася* съ братьею своею, и съ сыновци сво-ими *събрася*" (Ипат. лет., 14).

„Чрезъ Лыбедь *стрѣляхуся*" (ibid., 14).

„Болѣ не *воюетеся* (повелительное) съ Мьстиславичи" (ibid., 19); „Цѣлуй съ нами крестъ, како ти *ся* съ нами не *воевати*" (ibid., 146); украинское: *воюватись*; „Бѣ *воюяся* съ ними [пече-негами]" (Лаврент. лет., 52).

„*Ратившемася* полкома, побѣди Ярополкъ" (ibid., 32).

Здороваться с кем [старинное: *здоровати* кому: „Какъ *от-здороваютъ* великому князю, и великій князь пойдетъ" (Свадьба, 1526 г.—Сахаров, II, кн. 6)].

„Чи нам *братиця*, чи що дня трапиця" (Номис, 80).

Возвратные глаголы. *Оборотиться, оглянуться, осмо-треться*.

Воротиться, вернуться, питаться, живиться, кормиться, про-хаживаться, прогуливаться, веселиться, радоваться.

Называться, метаться, рваться, силиться („ну и *рваться* и *метаться*"), *кидаться* (отлично от „кидаться грязью"), *бросаться* на кого.

Обороняться, защищаться, запираться.

Наряжаться, рядиться, умываться, одеваться, снаряжаться.

Учиться.

Уходиться, уходить себя.

Умаяться, угощаться, обливаться, забавляться.

„*Засвирипятся* ветляны тут нешутушки... Што *торопишься* за ужину вечернюю, Знать, *спешишься* на спокойну, темну но-ченьку" (Барсов, 41).

„Вся *усадится* любима тут семеюшка Как за стол да хлеба кушать" (ibid., 41).

Кориться, клониться. „Я богатому суседу не *корилася*, у ма-ломошняго я не доложилася" (ibid., 135).

„Бѣ же Ѳеодосий заповѣдалъ *положити ся* въ печерѣ" (Лав-рент. лет., 80). („Приказал положиться"—значило бы другое.)

„*Исполчившася*" (ibid., 98).

„*Затворишася* Болгаре въ градѣ" (ibid., 29).

Ложиться. Спати кластись. „Ще дівчина спатоньки не кла-лась, Козакові пшениченька зжалась,.. звозилась!..." (Мет-линский, 28).

Садиться.

Начаться.

Хитатись. „Стоїт верба над водою, *хитає собою*" (Голо-вацкий, I, 214).

Явиться, приблизиться, придвинуться.

Обмануться (помилитись), *ослушаться, обчесться*.

Переставиться (умереть), *переменится*.

Собираться что делать (готовиться, снаряжаться), *бра-тись* до чого, *лагодитись* до.

Придираться, привязываться к кому.

Применяться, прилаживаться.

Рассердиться, разгневаться, разъяриться.

Относиться к кому.

Страдательные глаголы. „*Постриженся* Святоша князь" (Новгор. I. лет., 3); „*Оженися* Святославъ Олговиць Новѣгородѣ, и *вѣньцяся* своими попы у святого Николы; а Нифонтъ его не вѣньця, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: недостоить ея пояти" (ibid., 7); „Аще тебе непослушаеть, повѣжь мнѣ: оже не повѣси, съ нимъ *осудишися*" (Калайдович. Па-мятники, 187); „Путь-дорожинька топерь да *коротается*" (Бар-

сов, 11); „Не позабыть сказать, что [церковь] *началась* строиться, но сгорела, а то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажет, что она и *не начиналась*“ (Гоголь. Ревизор); „*не гневались* вы нашим угощеньицем, *Не гнушались* вы ествамы сахарныма“ (Барсов, 237).

Сътжжати — affligere, *сътжжати си* — affligi, dolere (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B.IV, стр. 267).

„Така мені доля *судилася*. Ті гроші тобі *судились*“ (Драгоманов. Предания, 88).

„Недуже я *порубався*: лем ручечки на стучечки“ (Головацкий, III, 8; Мункачев).

Видиться мені, *бачиться*, *здається*.

„Твій коровай удався, срібним обручем *обнявся*, золотими шишечками *обклався*“ (Бельский у., Чубинский, IV, 245).

Глаголы на *-ся* средние от страдательных:

Видится, *кажется*, *мнится*, *чуется*, *слышится*; украинское *здаєтця*; *годиться* на что. „*Приведитеся*, подруженьки“; *трястись* от хохоту; белье *не отмывается*; дверь *не отпирается*; замок *отмыкается*; часы *заводятся*; деньги *не переводятся*; платье *изнашивается*; кони *изъезживаются*.

„*Излазилась* мочь моя“ (говорит матрос).

„Воску ярово свещи да *догоряются*“ (Барсов, 67).

„Веди го сюда. — *Не ведетця* бо! — То держи го. — *Не держитця* бо! — То пусти го. — *Не пускаєцця бо*“ (Номис, 85).

Діється. „Что *ся дѣкть* по веременемъ“ („Акты р.-лив“., 1229 г.); „Чи всім людям із кохання так *ся дієе*“ (Метлинский, 28).

„Пшениченька *зжалась*; ... *звозилась*!“ (ibid., 28).

V. О ГЛАГОЛЬНЫХ РАЗРЯДАХ

§ 1. Связочная гласная

Есть два взгляда на связочную гласную: представителем одного пусть служит Миклошич („Vergleichende Grammatik“, B.III, 1856 г.), который теперь (Das Imperfekt in den slawischen Sprachen) изменил прежние свои мнения, принявши *е* в *плет-е-ши* за тематичную гласную.

Представителем второго — Бопп и Шлейхер в более позднюю пору своей деятельности. Сначала понятие о связочной гласной у Шлейхера было шире, чем у Миклошича, ибо у него и *а* в *жьд-а-ти*, *пис-а-ти* есть Bindevokal („Formenlehre der kirchenslawischen Sprache“, стр. 301, след., 304).

Второму взгляду мы отдаем решительное предпочтение, но и первый не настолько далек от нас, чтобы рассмотрение его могло показаться излишним. Существенные черты учения Миклошича о связочной гласной („Vergleichende Grammatik“, B.III, § 115—117) следующие:

„Я употребляю, — говорит он, — выражение связочная гласная (Bindevokal) вовсе не в том убеждении, что эта гласная всегда фонетического свойства, а лишь потому, что не знаю другого общепонятного выражения. Вопрос о сущности так называемой связочной гласной принадлежит к труднейшим во всем сравнительном языкознании“ (§ 117).

„Связочная гласная бывает двоякого рода: она или непосредственно предшествует личным окончаниям, или стоит между темою (Stamm) и характером повелительного, аориста или суффиксами причастий“ (§ 116).

Далее (§ 116) это разделение не выдержано, и связочная гласная перед суффиксом причастий отнесена к одному разряду с тою, которая непосредственно предшествует личным окончаниям.

Связочная гласная первого рода имеет место:

а) в настоящем времени большинства глаголов, именно *о* в *ид-ѫ* (из *ид-о-м*), *ид-ѭть* (из *ид-о-нть*) и *е* в остальных лицах: *ид-е-ши* и прочее;

б) в сильном аористе (термин Миклошича, Vergleichende Grammatik, B.III, § 105) *о* в *ид-ъ* (ivi) вместо *ид-о-мъ* (ivimus), *ид-ѫ* (iverunt) вместо *ид-о-нт*; *е* — в *ид-е* (ivisti, ivit), вместо *ид-е-с*, *ид-е-т*; *о* или *е* в *ид-о-вѣ*, *ид-о-та* при *ид-е-вѣ*, *ид-е-та*;

в) в слабом аористе (термин Миклошича — ibid., § 105) *о* в *идох-ъ* (из *идох-о-мъ*), *идох-о-вѣ*, *идох-о-мъ*, *е* в *идош-а* (из *идох-е-нт*), тогда как в остальных лицах между временными *е* и личными окончаниями нет связочной гласной: *идос-та*, *идос-те*, *иде*, причем последнее не из *ид-е-с*, *ид-ет* (как в сильном аористе), а из *идес-с*, *идес-т*, в коих вместе с личными окончаниями потерян и характер времени;

г) в имперфекте, *о* в *идѣах-ъ* (из *идѣах-о-мъ*), *идѣах-о-вѣ*, *идѣах-о-мъ*, *е* в *идѣаш-е* (2-е и 3-е лицо единственного числа); рядом с отсутствием связочной гласной в *идѣас-та*, *идѣас-те* — ее присутствие: *идѣах-о-та*, *идѣах-о-те* или *идѣаш-е-та*, *идѣаш-е-те*;

д) в причастии настоящего времени действительном связочная гласная — *о*: *ид-ы* вместо *ид-о-нт*; после небных и смягченных согласных по общему правилу стоит *е*: *каж-а* вместо *каж-е-нт*; глагол как *горѣти*, *хвалити* в дошедшем до нас состоянии языка не имеет здесь связочной гласной; *гор-а*, *хвал-а* вместо *гори-нт*, *хвали-нт*;

е) тоже в причастии настоящего времени страдательном *плет-о-мъ*, *каж-е-мъ*, но *види-мъ*, *хвали-мъ*;

ж) в причастии прошедшего времени страдательном, образуемом посредством *-т*, нет связочной гласной, но в образуемом посредством *-н*, при согласном окончании темы, есть связка *е* (*греб-е-нъ*), а при гласном — то есть (*би-к-нъ*), то нет (*одѣ-нъ*, *дѣла-нъ*);

з) в неопределенном наклонении, достигательном и причастиях прошедшего времени действительных связочной гласной не бывает (§ 116), из чего видно, что Bindevokal Миклошича отнюдь не есть глагольный характер, носящий в некоторых наших учебниках имя соединительной гласной (*гор-ѣ-ти*, *люб-и-ти*, *дѣ-л-ати*).

Связочная гласная второго рода находится:

а) в повелительном наклонении, в коем *е* вставляется между темою и характером повелительного *и*; *е* и *и* в этом случае сливаются в *ь*, которое после небных согласных заменяется в древнейших памятниках посредством *а*, в более новых — посредством *и*: *идѣте* вместо *ид-е-и-те*, *ишѣтате* вместо *ишѣтьте* из *ишт-е-и-те*; во 2—3-м лице единственного числа *ь* всегда ослабляется в *и*: *иди* из *идь*, а это из *ид-е-и*;

б) в слабом аористе, образуемом посредством *х* от тем с согласным окончанием: *ид-о-хъ*, *ид-о-ховѣ*, *ид-о-ста*, *ид-о-хомъ*, *ид-о-сте*, *иде* вместо *ид-е-сс*, *ид-е-ст*; к темам на гласные тот же характер приставляется непосредственно: *пи-хъ*, *дѣла-хъ*; имперфект, образуемый посредством того же характера *х*, отличается от аориста тем, что на место связочных *о*, *е* ставит полновесные гласные *ѣа*, *аа*, *а* (ibid., § 117).

Это вызывает следующие возражения:

Во-первых, при изображении явлений языка следует стремиться к тому, чтобы точка зрения была возможно точно определена, а не изменялась бессознательно, чтобы каждый раз с нее было показываемо не более того, что с нее видно. Между тем в учении о связочной гласной кажется нарушенным это требование исторической перспективы.

В славянском языке, известном по памятникам, мы видим *е* в ѥд-е-ши, *о* в ѥд-е-х-омъ, но не замечаем *о* в ѥдж, ѥиджѣть, ѥдъ, ѥдж (iverunt), ни *е* в ѥдѣ, ѥдѣте.

Вовсе не очевидно, что в ближайшем, предшествующем периоде ѫ и ъ должны были возникнуть из *ом*, *он*, а ѧ, ѣ в повелительном наклонении из *еи*, и известно только, что ѫ происходит из сочетания конечного или предшествующего другой согласной *м*, *н* с нейотированною гласною, что ъ предполагает чистую нейотированную гласную, кроме *и*, *е*. На месте е в вєдѫ-е-мъ и прочее литовский язык показывает нам *а* (*suk-a-me*, *vež-a-me*, *ar-ia-me*), из чего по принятому способу заключения следует, что славяно-литовская гласная в этом случае была *а*. Спрашивается, какова была в это время гласная в сочетании, стоявшем на месте славянского ѫ в вєдѫ и литовского *и* в *veži*? Я полагаю, что наблюдение над славянскими языками в их раздельности, именно над польским, убеждает, что этою гласною могла быть только *а* — *имâ*, и что, следовательно, тем более с дославянской точки зрения, связочное *о* в *вез-о-м* (= вєдѫ) фиктивно, *о* могло входить в состав ѫ только в его диалектических видоизменениях, например в известную пору старославянского, хорутанского, польского языка как элемент носовой гласной, а не сочетания чистой гласной с *м*. Между тем звук *е* в *вез-е-те* есть общеславянский. Поэтому схема *вез-о-м* (= вєдѫ, вєдѫть), *вез-е-те* представляет как бы на одной плоскости одновременными явлениями звуки *о* и *е*, из которых первый, даже как элемент носового ѫ, позднее второго. Подобным образом звук *о* в сочетании, замененном посредством ъ в аористе *ид-ъ*, кажется мне или фиктивным, или только диалектическим.

В последнее время Миклошич („Das Imperfekt“, стр. 4) высказывает мнение, что в глагольном характере за исходную точку следует принимать *е*, а не *о*; „*е* переходит в *о* в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного числа: *плето-ми* (плетѫ), *пле-то-нть* (плетѫть). Такое усиление *е* в *о* знает греческий язык перед μ и ν личных окончаний, в древнем индийском стоит *ā* вместо *а* перед *м* и *в* личных окончаний“. Мы можем только спросить, откуда известно, что в греческом усиляется именно *е* в *о*, а не оба возникают независимо друг от друга?

Плетоми, *плетонть* совершенно фантастичны; но формы с *-ѫ*, *-ѫть*, быть может, действительно предполагают долгую глас-

ную в *-âми*, *-ânти* (в санскрите *бо́дһами*, но *бодһа́нти*), между тем как *е* в *-е-ши* = *а* в *-а-си*.

Возникновение *ѣ* из *еи* я нахожу вероятным в специально славянских случаях усиления основного *е* (ѩѧтѧт»); но оно невероятно в славянском повелительном наклонении, соответствующем индоевропейскому оптативу: вєрѣмъ = готскому *baeraima*, зендскому *бараёма*, санскритскому *бха̀рёма*. В то время, когда в славянском стояло в настоящем времени *е* в вєзѣ-е-мъ, в повелительном наклонении не могло стоять ничего другого, кроме *ѣ*: вєзѣмъ; когда же в славяно-литовском стояло перед личным окончанием настоящего времени *а* (литовское *vež-a-me*), тогда в повелительном наклонении (resp. optativ) могло стоять одно из двух: или *ai* (подобно тому, как *ѣ* = *ai* в ѕвѣѕдѧ, литовское *žvaigždė̃*, цѣлъ = прусскому *kailus*) или, что гораздо вероятнее, звук *ѣ* = литовскому *ė̃*, составляющий объединение и видоизменение элементов *а-i*, на что указывает соответствие славянского вєзѣ» (из *везть*) и литовского *te—veze* (*vehat*, permissive).

С этой точки зрения связочная *е* в вєзѣ», вєзѣтє (из *вез-е-и*, *вез-е-и-те*) фиктивна.

Во-вторых, разделение связочных гласных на непосредственно предшествующие личным окончаниям и отделенные от них модальным характером представляет порознь одно и то же явление, именно характерную гласную в настоящем времени и ту же гласную перед характером оптатива. Правда, что тождество этой гласной в вєзѣ-е-мъ и вєзѣ-ѣ-мъ не может быть найдено ни при помощи одного славянского языка, ни при сравнении его с литовским; но ведь и самая действенность этимологического состава *и*, *ѣ* в вєзѣ», вєзѣтє может стать очевидна лишь при помощи более обширного эксетерического сравнения. Напротив, в один член деления (связочная гласная непосредственно перед личными окончаниями) помещены два разновременные и разнохарактерные явления: характер настоящего времени *е* = *а* (*вез-е-мъ*), древность которого, предшествующая разделению индоевропейского языка, доказана, и второе *о*, например в »дох-о-мъ, относительно равней древности коего может быть самое основательное сомнение.

Во всяком случае это *о* в *-хомъ* должно рассматриваться вместе с самим характером аориста; и сходства его с *е* в вєзѣ-е-мъ (если не говорить о выдуманном *вез-е-мъ* = *везѫ*) вовсе нет.

Так и соединение в один род предполагаемого *е* в *вез-е-и-те* (вєзѣтє) с первым *о* в *ведо-хомъ* не должно быть принимаемо за признание их действительного сродства, ибо, наоборот, достоверно различие тем настоящего времени (и повелительного наклонения) и аориста.

В-третьих, при попытках объяснения древнего значения так называемой связочной гласной в вєзѣ-е-ш» не безразлично, в каких именно разрядах глаголов встречается та же гласная, как отделимый элемент.

По Миклошичу, все глаголы, кроме нескольких, составляю-

щих так называемое бессвязочное спряжение (*ѣмъ* и прочее), имеют явную или скрытую связочную гласную.

Можно подумать, что, если в вєзѣ-е-ш» *е* есть только связочная гласная, то тема настоящего времени *вез-* (вєзѫ) тождественна с темою неопределенного наклонения *вез-* (вєсти»), в коей связка отсутствует как бы случайно, и что неверно мнение, будто во всех славянских глаголах, кроме упомянутых, как ѥмь, темы настоящего времени и неопределенного наклонения различны. Но это последнее мнение будет верно (за исключением глаголов с характером *-и-* в настоящем времени), если для темы настоящего времени (вєзѣ-е-ш») совершенно устраним термин „связочная гласная", как постоянно склоняющий к мысли об эвфоническом происхождении этой гласной. Даже с точки одного славянского языка *е* в вєзѣ-е-ш», хотя само по себе непонятно, не есть только фонетический цемент, требуемый несоединимостью корня и окончания, но характеризует вєзѣ-е-ш» сравнительно с вєс-т» (= *везти*). Фонетическая вставка даже непостижима в случае, как предполагаемое *ид-е-и-те* (»дѧтє), ибо зачем же было связывать согласную корня с гласною модального характера, когда они и без того должны были льнуть друг к другу?

Исходя от случаев вєзѣ-е-ш», Миклошич усматривает ту же связочную гласную и в случаях кажеш» и потому делит эту форму на *кази-е-ши* с характером *и*, сливающимся со связочною гласною *и* и смягчающим предыдущую согласную („Vergleichende Grammatik", B.III, § 122, 222).

Но *каз-и-е-*, а равно и *каз-j-е(ши)* суть построения мечтательные. Мы не смеем до новых открытий разрывать характера этих глаголов, коего основная, общеевропейская форма есть *ja*,— на *j* и *а*, а тем менее — на *j* и *е* v. *о*. Подобным образом и слоги *-ѣк*, *-ак*, *-ук* характеризуют темы настоящего времени известных глагольных разрядов, взятые в своей цельности, а не разбитые на характеры *-ѣ-*, *-а-*, *-у-* со связочною гласною *е*, присоединенною к ним посредством эвфонического *j*.

Конечно, в этих характерах можно с гораздо большим основанием, чем в характере = основному *-ja*, предполагать сложность; но это будет во всяком случае (*-ѣ-j-е* или *-ѣ-је*, *-aj-е* = основному *-aj-a* или *-aj-je* = основному *-aj-ja*) сложность суффикса с суффиксом (*ja* или *а*), а не с эвфоническою вставкою. Впрочем такое разделение характеров *-ѣје*, *аје* и *ује* есть вопрос отнюдь не специально славянской, ни даже славяно-литовской грамматики, но грамматики более древних периодов языка.

В противоположность вышеизложенному взгляду, я приведу следующие слова Боппа, которые легко применить и к славянскому языку:

„Мне кажется неуместным в греческом отрывать согласные (суффиксы, образующие глагольную тему) от их гласных и, например, в τύπτομεν сначала приставлять (к корню) согласную τ, а после связочную гласную ο, между тем, как согласно с раз-

витием языка, в специальных временах (= тема настоящего времени) корень τυπ соединяется с τε или το, корень δακ с νε или νο, λαβ- с ανε или ανο (λαμβάνομεν). Присоединение одной только согласной или слога с конечною согласною было бы обременительно для спряжения: невозможно, чтобы когда-либо существовало τυπτ-μεν или δακν-μεν.

Если с достаточным основанием делят δείκ-νυ-μεν и не считают образовательным одно ν, причем υ было бы связочною гласною, то нет причины и при разложении τύπ-το-μεν поступать по другому началу. Поэтому я не одобряю того, что спряжение на -ω отличают от спряжения на -μι, называя первое связочным (Bindevokal), ибо и спряжение на -μι, хотя и не во всех составляющих его разрядах, имеет связочные слоги, если так нам будет угодно назвать то, что в δείκ-νυμεν, δάμ-να-μεν вставлено между корнем и личным окончанием" („Vergleichende Grammatik", B. III, § 494).

В славянском в числе немногих оставшихся глаголов на -мь нет таких, в коих бы в настоящем времени между корнем и окончанием была какая-либо чуждая корню приставка, но само собою, что если к остальным разрядам (на -ѫ = греческому на -ω) неприложимо название связочных, то и первые могут быть названы не бессвязочными (bindevokallos), а лишь не имеющими характера вне корня.

„Гласным ο, ε в τρέφ-ο-μεν (говорит Бопп), обыкновенно называемым связочными, я тоже (как и характерам να, νυ, τυ) считаю нужным приписать местоименное происхождение, так как *a*, соответствующее этим гласным в санскрите, легче всякой другой конъюгационной приставки объясняется местоименною темою, именно тою, от коей производится санскритское *a-смâт* (этого), *a-сја* (этого), *a-смин* (в этом). Звук *a*, как самый полновесный из трех основных гласных (*a*, *u*, *y*), менее всего способен быть только связочным.

При этом я думаю, что происхождение связочных гласных, появляющихся между двумя согласными для облегчения выговора, относится к периоду языка гораздо [более] позднему, чем тот, к которому возводит нас согласие санскрита с родственными ему европейскими языками (и к которому принадлежит ε = санскритскому *a*) в τρεφε-τε. Иное дело легчайшая из основных гласных *u* (*i*), которую встречаем в санскритском будущем времени на *-сjâми* (auxiliarfuturum): *бhав-и-шjâми* — буду; этому *i* нельзя найти ничего аналогичного в сродных языках, почему происхождение его следует отнести ко времени после разделения языка. В зенде, так сказать на наших глазах, появляются некоторые гласные связочные, т. е. вставляемые между две согласные, которые в более древнее время непосредственно примыкали друг к другу" („Vergleichende Grammatik", § 500).

С этой точки зрения Бопп находит настоящую связочную

гласную, т. е. чисто фонетическую и относительно позднейшую в следующем:

а) окончании преходящего *-ах-о-вѣ*, *-ах-о-мъ* при санскритском прошедшем времени *i* от *ас*: *âʼс-ва*, *âс-ма* (§ 525);

б) в *-х-о-вѣ*, *-х-о-мъ* аориста, где „*о* не есть нечто старинное родовое, принесенное с востока, а позднейшая вставка для избежания сочетаний *хв*, *хм*". В подтверждение этого Бопп ссылается на сербское *-смо (играсмо)* = санскритскому *-сма (а-мâн-сма* — мы жгли) (ibid., § 563);

в) перед *х* в аористе *вез-о-хъ* (ibid., § 565—566). Впрочем, если бы гласная перед *х* аориста и не была эвфоническая, она вряд ли тождественна с характером настоящего времени в *вез-е-ши*. Равно в аористе без *-х(=-с)*, соответствующем санскритскому шестой формы *(двигъ, двиг-о-вѣ, двиг-о-мъ, двигѫ)*, гласная перед личными окончаниями, соответствующая санскритскому *а (â-м; а-с, а-т, а-ва, а-там, а-тâм, â-ма, а-та, а-н)*, есть позднейшая вставка, но относительно связи с характером настоящего времени пусть остается под сомнением. С одной стороны, Шлейхер („Compendium", § 292) замечает, что в аористе *-идъ, идѫ* явственна тема настоящего времени (*съ-дha*, в коем нельзя разобрать, принадлежит ли *а* корню или характеру), с другой, по общему правилу, тема аориста отлична от темы настоящего времени (*ужасе-ся* при настоящем *ужаснеши ся*), *бы* (2 — 3-е лицо единственного числа) — санскритское *а-бhŷ-с*, *а-бhŷ-т* при настоящем времени с *д*.

Е перед суффиксом причастия прошедшего времени страдательного на *-н* (основное *на*) Шлейхер (ibid., § 222) относит к теме *вѣкъ-нъ*, *пекъ-нъ*, хотя тема эта может быть темою настоящего времени в приведенных случаях, но не в — *стѫжень*.

§ 2. Изменчивость понятия о глаголе, смотря по точке зрения. Основания деления на разряды. Первообразность и производность

Определяя функции глагола, как полносильного сказуемого, т. е. сказуемого независимого предложения (Введение, стр. 103) [1], мы под глаголом разумеем каждый раз одну какую бы ни было форму глагола, отличную от причастной (NB. Curtius, Das Verbum, B. I, стр. 1—3). Затем, исходя от данной глагольной формы и перебирая другие, сродные с нею, мы отвлекаемся от разницы в лицах и числах, от разницы в предикативности в тесном и обширном смысле и останавливаемся на сходстве темы, указывающей на единство грамматической категории (или грамматических категорий), лежащее в основе известного количества форм, различных в других отношениях. С этой точки зрения ассоциации форм *веде-те*, *ведь-те*, *веды*, *веде-мъ* (при-

[1] „Из записок по русской грамматике", I, Введение. Составил А. Потебня. (Перепечатано из „Филологических записок".) Воронеж, 1874; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958.

частие), образованных от так называемой темы настоящего времени, есть один глагол; ассоциация формы *вед-ъ* (аорист), *вес-ти*, *вед-емъ* (тема аориста и неопределен. накл.) есть другой глагол; ассоциация форм преходящего — *ведьа-хъ* — третий.

Здесь, в пределах единства, установляемого корнем, столько глаголов, как отдельных грамматических единиц, сколько тем; сходство тем, независимо от различия корней, приводит здесь к принятию известного числа спряжений, понимаемых в тесном смысле, так что, например, ассоциация форм *двигнети*, *двигни* есть образец одного спряжения, ассоциация *двигъ*, *двигохъ*, *движенъ* — другого; ассоциация *двигнѫти*, *двигнѫть* — третьего; ассоциация *двигньахъ* — четвертого и т. д.

Это есть та точка зрения, с которой Шлейхер в своей сравнительной грамматике, имея в виду преимущественно весьма отдаленные от нас времена жизни индоевропейских языков, находит, что объективнее, ближе к сути дела говорить не о глагольных разрядах, классах, спряжениях, а лишь о темах настоящего времени (resp. темах аориста и прочее) („Compendium", § 293, Примечание). Но это воззрение становится пережитым моментом в области грамматики специально славянской, литовской, латышской и т. д. Темы, связанные между собою единством корня, а иногда лишь сходством лексического значения, с течением времени входят друг с другом в более и более тесные сочетания, из коих иные в данное время составляют правила (например, сочетание *веде-ши* и *вес-ти*, *види-ши* и *видѣ-ти*), другие являются исключением (*вѣ[д]си — вѣдѣти*), потому ли, что суть передовые члены появляющегося ряда; или потому, что они задние ряды исчезающего. Последние носят название разноспрягаемых или неправильных. На этой точке один глагол есть такое сочетание двух или нескольких тем, в котором сила взаимного сцепления более силы тяготения к другим сочетаниям тем того же корня, например *ведеши — вести* есть особый глагол потому, что связь *вести* с *ведеши* более, чем связь его с *водити* и *водиши*. Указывая известное сочетание тем независимо от корня (например, $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$, т. е. *види-ти*, *видѣ-ти*), мы тем самым определяем спряжение. Члены спряжения влияют друг на друга частью так, что известные грамматические оттенки, как токи, переходят с одной темы, которой первоначально были свойственны, на другую, частью и так, что вместе с этим происходит звуковое уподобление. Степень этого влияния может изменяться даже в сложных периодах и наречиях того же языка. Например, связь между древним русским *пловеши* и *плути* меньше, чем между русским литературным и великорусским *плывешь — плыть* и между еще более ассимилированными украинскими формами *пливеш — плисти* (из *плив-с-ти*).

Признавая объективное существование в языке спряжений или глагольных разрядов (классов), понимаемых в этом смысле,

мы ни мало не противоречим тому, что эти глагольные единицы входят между собою в сочетания второго порядка, для которых мы не имеем особого имени, но которые у нас в старину назывались спряжениями. Из позднейших исследователей С. Шафранов („О видах русского глагола") с характерным для своего времени патриотическим азартом, направленным против вмешательства немцев в домашнее хозяйство русского языка, доказывал, что глаголы на *-ну-*, *-ыва-* и глаголы предложные „не суть самостоятельные глаголы" и должны быть снова введены в спряжение, куда они были отнесены Ломоносовым и потом Востоковым [1]. Дело в том, что разряды в нашем и ныне общепринятом смысле действительно есть не в смысле грамотности только, но как явление сознания говорящего. Именно поэтому они в том же сознании как сложные единицы в своей цельности дополняются другими разрядами того же, иногда и другого корня: *Паду* ближайшим образом ассоциировано с *пасть* и как член этой ассоциации приводит на мысль разряды *падаю — падать* и (*на*, *при*, *пре*, *о* и прочее)*падаю — падать*. Более сложные сочетания, в коих однородные образования от различных тем (например, настоящее время *паду* и *падаю*, неопределенное наклонение *пасть* и *падать*), повторяются два, три, четыре раза, могут быть разъяснены не иначе, как посредством разложения на сочетания более простые, т. е. такие, в коих каждая последняя формация (совокупность темы и окончания) повторяется не более одного разу [2].

В настоящее время очевидно, что при делении глаголов, понимаемых в этом смысле, на разряды, за основание должно быть принято качество тем, входящих в глагол. Со времени Боппа известно, что основные черты деления глаголов общи всем языкам индоевропейского племени и что, в частности, деление славяно-литовских глаголов в значительной степени совпадают с санскритским. Последние делятся на десять разрядов по строению темы четырех формаций (настоящее время, потенциальное наклонение, повелительное наклонение и прошедшее 1-е), называемых в силу их различий специальными. Остальные шесть формаций называются общими, потому что в девяти разрядах имеют в основании не тему специальных времен, а чистый корень и только в десятом разряде, характеризуемом в специальных временах посредством *-aja-*, имеют классный характер *-aja-*. Таким образом, спряжение санскритского глагола основано на двух темах: специальной и общей.

---

[1] „Я, — говорит он, — по природному нерасположению ко всем отвлеченным (от действительности и истины) теориям, намерен крепко держаться фактов языка, на который не признаю апелляций" (стр. 73). Но истолкователем фактов [является] он, стало быть, на самосуд не признает апелляции. Картина нравов общества, в котором ученые высказывают такие мнения!

[2] Для простоты можно допустить неточность, считая за одну такие формы, которых различие кажется покамест лишь фонетическим, напр. *би-ть* и *би-кнъ*.

Славянские глаголы в огромном большинстве случаев тоже представляют различие первой темы или темы настоящего времени (лежащей в основании настоящего времени, причастий настоящего времени действительных и страдательных, повелительного наклонения и в некоторых случаях преходящего времени) и второй темы или темы неопределенного наклонения (лежащей в основании неопределенного наклонения, достигательного наклонения, аориста, причастий прошедшего времени действительных и отчасти преходящего). Разница между славянским и санскритским делением между прочим та, что вторая тема лишь в меньшинстве случаев совпадает с корнем (*по-ти* — из *ид-ти*, *вес-ти*), а большею частью снабжена характером *-а-*, *-ѣ-*, *-и-*, *-ова-*. Сравнение показывает, что эти различия второй темы позднее различий первой. Так между прочим славянские *кличѫ*, *орѫ*, *лаю* вполне соответствуют литовским *klykiu*, *ãriu*, *laiu* и санскритским с характером *-а-* в специальных формах; но характера *-а-* славянских *клик-а-ти*, *ор-а-ти*, *лај-ати* еще нет в литовских *klỹkti*, *árti*, *lóti*. Поэтому за главное основание деления принимаются различия первых тем, а различия вторых, как позднейшие, — за основание подразделений.

A priori мало вероятно, чтобы глагольные разряды могли быть построены в один такой ряд, в котором каждый последующий класс предполагал бы один из предыдущих, так как некоторые классы могли возникнуть независимо друг от друга и одновременно; однако возможно такое построение, в котором нет очевидных нарушений хронологии языка, а предшествующие разряды не предполагают последующих. Есть возможность, по крайней мере в главном, указать склон происходящего в языке течения. Старое стареется, молодое растет. Некоторые глаголы оказываются единственными в своем роде (как *дамь*), других по нескольку в классе, третьих по нескольку десятков, четвертых по нескольку сот и больше. Такое неравномерное распределение глаголов по разрядам согласно с тем наблюдением, что, например, русский язык очевидно потерял способность к новым созданиям по таким образцам, как *ѣсть*, *нести*, *молоть*, и разряды эти с течением времени терпят убыль, не пополняя ее ничем. Напротив, разряды наиболее многочисленные (как те, что с характером *-и-*, *-а-*, *-ова-*, *-ева-*, *-ыва-*, *-ива-*) доныне открыты для новых образований от других глагольных тем и других частей речи, от слов иностранных. Ср.: Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение, стр. 46, 63, 76; Дювернуа. Система основных элементов и форм славянских наречий, стр. 147—148, где в пример приведено испъытовати = ἀναπιστεύειν, ср.: пытовати *putare* = πιστεύειν.

В санскрите глаголов 2-го класса *ведми* — *видмáс* около семидесяти; в старославянском соответствующих им — четыре-пять (вѣмь, имь, ѣсмь, сатъ, обрѣсти), в русском нынешнем один *емь* и архаичное *есмь*. В санскрите глаголы 3-го класса (первая тема без характера с удвоением корня: *дáдáми*, *дад-мáс*) — около двадцати, в славянском — один имь, если не считать нескольких следов удвоения. В санскрите глаголов с *-н-* в характере вне или внутри корня (классы 5, 9, 8, 7) — далеко за сто; в славянском в чистом виде их вовсе нет, хотя многочисленны основанные на них новые образования. В санскрите глаголов 6-го класса сто сорок (*туд-á-ти*) и глаголов 1-го класса (*бóдһ-а-ти*) — около тысячи; в славянских наречиях, соответственных им (нѣсти), если не считать глаголов с корнем на гласную (вѣсти), которые могут соответствовать санскритскому 4-му классу (*сýч-ја-ти*, в санскрите около ста тридцати) — до ста (в церковнославянском около восьмидесяти). Зато разряды, соответствующие санскритскому 10-му (*-ája-*), в славянских весьма многочисленны, а многочисленные разряды славянских с *-ова-*, *-ыва-* вовсе не находят соответствия в санскрите.

Таким образом, есть возможность изобразить древнее в глаголе древним и относительно новое — новым; но разделение на первообразные и производные глаголов, рассматриваемых как сочетание двух тем, встречает значительные затруднения.

Шлейхер в 1852 г. („Formenlehre der kirchenslawischen Sprache“) делил славянские глаголы на бессвязные (-имь), первообразные (все, кроме соответствующих санскритскому 10-му классу и кроме глаголов *-ую* — *-ова*, *-ююсь* — *-ювa*) и производные (= 10-му классу и *-ова-* и прочее). В 1856 г., оставаясь еще при учении о связочной гласной, он говорит: внешний признак производного глагола тот, что в нем личные и модальные окончания ни в одной форме не присоединяются прямо к корню (Wurzelauslaut), что во всех формах между корнем и окончанием появляется элемент, не принадлежащий ни к тому, ни к другому. Если такой элемент и появляется, но лишь в одной форме, или в известном отделе форм, например в настоящем времени (литовское настоящее время *gau-n-u*, но неопределенное наклонение *gáu-ti* — получать), или в формах не одного образования с настоящим временем (литовское неопределенное наклонение *pen-ot* — кормить, но настоящее время — *peñ-u*), то это признак непроизводности глагола. Следует еще заметить, что *j* перед окончанием настоящего или прошедшего времени (в литовском) не есть признак производности, например литовское *mýl-i-u*, *myl-ė-ti* — любить, не есть глагол производный, хотя во всех формах есть промежуточный элемент („Litauische Grammatik“, § 65; относительно того, что *i* в *mýliu* есть связочная гласная, ср. его же „Lituanica“, 1853, стр. 59). Согласно с этим ко второму главному отделу литовского глагола (Verba derivata) Шлейхером отнесены глаголы с *-auju* — *-auti*, *-uoju* — *-uoti*, глаголы со сложным характером (*iñu* — *iñti* и *eñu* — *eñti*), четыре — с характером = санскритскому 10-му классу, кроме глаголов, как *mýliu*, *mylėti* и славянских $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$, которые, однако, в действительности тоже = сан-

скритскому 10-му классу. С этим следует сравнить то, что он говорил, изменивши взгляд на связочную гласную, именно в 1861 г. („Compendium", стр. 204), а особенно в том же сочинении в 1871 г. („Compendium", стр. 339—340, § 208), где читаем: „В отдельных языках формы несомненно первообразных и явственно производных глаголов смешаны до такой степени, что с чисто морфологической точки невозможно провести исчерпывающего все случаи разделения глагольных тем на первообразные и производные, и нередко еще оказывается сомнительным, к какому из этих разрядов следует отнести данный глагол". „Образование темы настоящего времени считаем за признак производности лишь в том случае, если оно выражает очевидно отношение, например, к страдательности или начинательности. Однако этого нельзя оправдать уже потому, что первоначально всякий способ образования темы настоящего времени соответствовал известному отношению. В противном случае все глаголы имели бы одну и ту же тему настоящего времени. Вообще мы относим к производным глагольным темам (abgeleitete Verbalstämme) лишь такие образования, которые не ограничиваются темой настоящего времени: без этого разделение глаголов на первообразные (Stammverba) и производные становится невозможным".

Глаголы, обыкновенно считаемые производными, действительно таковы; но глаголы, относимые к первообразным, на тех ли основаниях, как выше в более ранних произведениях Шлейхера, или на несколько иных [1], оказываются производными, если рассматривать их как сочетания тем. Так, *вѣмь — вѣд-ѣ-ти* или литовские *gelbmi*, *gelb-è-ti* суть сочетания производные сравнительно *вѣмь — вѣсти*; сочетание *двигнѫ — двигнѫти — двигохъ* производно сравнительно *дви-гнѫ*, *двигсти*, *двишти* (на основании сербского *duhu*); сочетание русского *дежю* (старославянское *дежджѫ*) — *дѣти* производно ввиду вероятности того, что удвоенный корень в первой теме первоначально не имел характера *-ja-* и относился к одному разряду с *дамь* и т. д.

Таким образом, деление глаголов на безотносительно первообразные и производные столь же трудно, как и бесполезно.

§ 3. Глаголы на *-мь* и на *-ѫ* (resp. *-ѭ*)

Деление глаголов по окончанию 1-го лица единственного числа настоящего времени, основанное на том, что основное окончание 1-го лица единственного числа *-ми* сохраняется в виде *-мь* после согласной (всего в четырех глаголах) [2] и сливается

[1] Буслаев. Грамматика, § 51. „Первообразные глаголы приставляют знак неопределенного наклонения *-ти* непосредственно к корню глагола", согласно с чем глаголы *ждать*, *сыпать*, *двинуть*, которые у Шлейхера (Formenlehre) названы первообразными, — производны.

[2] В литовском таких глаголов около двадцати, в их числе есть *ei -mi* — иду и *spiau-mi* — плюю с гласным перед *-mi*.

с предыдущею гласною характера в *-ѫ*, при всей своей громадной неравномерности, действительно не лишено значения, так как в первой его части заключены остатки древнейших наслоений индоевропейского глагола. Но мнение, что *-м* в 1-м лице единственного числа настоящего времени в славянских языках осталось только в этих древнейших глаголах, что *-м* в том же лице, находящееся в различных славянских наречиях в глаголах других разрядов (например, польское *pytam* и прочее), есть новообразование, предполагающее общеславянское *-ѫ*, а не остаток доисторической старины. Между тем об этом *-м* в глаголах, имеющих перед ним гласную характера, Миклошич выражается именно так, что оно удержано, сохранено; ср.: „Vergleichende Grammatik", B. III, § 320, 380 (в болгарском „das *m* der I Singularis Praesens erhält sich nur in den Verben V,1 und VI", т. е. в глаголах, как *дѣлам* и *дам*), с. 458, 744, 833, 928 и 1015.

Как бы ни было трудно объяснить возникновение форм как *имаамь* из *имаѫ*, тем не менее мнение Миклошича противоречит данным, представляемым историею славянских языков и приводимым им же самим. Ср.: Jagić...; Дювернуа. Система основных элементов и форм славянских наречий, стр. 145.

Наименее распространено окончание *-мь* в русских наречиях, в коих, если не приписывать формы *имаамь*, встречаемой в старинных русских памятниках, народному русскому языку и если исключить очевидно заимствованные формы, как *спивам*, у лемков, оно налицо только в четырех архаических глаголах без характера в первой теме. Если предположить, что стяжение сочетаний *-аѭши*, *-аѭт* в *-а̄ш̄и*, *-а̄т* находится в какой-то связи с существованием *-м* перед глаголом в 1-м лице единственного числа, то можно заметить, что в русском языке появляется это стяжение гораздо позднее, чем в других славянских, притом не во всех *рус. наречиях, а лишь в некоторых великорус. говорах.

За русским следует старославянский со своим имамь, имат, имать. В этом языке имамь сравнительно с формой на *-аѧ* есть еще единственное исключение; но можно думать, что весьма распространенное уже в таких памятниках, как Супрасльская рукопись, стяжение *-аѭ* — в *-аа* [1], *-а* служит преддверием распространения в новоболгарском окончания 1-го лица единственного числа — *-ам* на глаголы со сложными характерами *-ова-ѭши*, *-ова-ти* (*купувам*) и на глаголы с простым *-аѭ*, *-а*, как *дужам*, *чювам*, и с характером *-j-аѭ*, *-ја*: *ва́лям*, *пла́штам*, *вра́штам*... В 3-м лице множественного числа *-ат* стяжение возникло до исчезновения носовой гласной, в чем убеждают формы языка седмиградских болгар начала нашего века: *dumant*, *imant*, *poczitant*, *potagunt*, *freburant*, *vaarvant* (нынешнее время *варват*), Hattala, Srovnávací mluvnice; (O bugarsk: *rasalien* — Književnik, B. II,

[1] Гнѣзди (стр. 300, 22); прѣкъмѣди (3:, 15); полоудѣ (26, I), сѣкоу (170, 27); прѣкъмѣдать (201, 12) и многие другие; издѣлѣкать (197, 2). Ср.: Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, § 218; B. I, стр. 120—121.

стр. 462—463). Видим, что форма *копаjъ* (*-аѭ*) принадлежит к одному порядку с формами других лиц и чисел, сохраняющих *j*: *копаj-ш* (т. е. *копаjши* из *копа-ш*), *копаj* (*-аje*), *копájм*, *копаjте*, *копаjът* (*-аѭт*), и заключаем, что, насколько форма нестяженная *копájши* (*-аѭш*) древнее *дѣлаш*, настолько форма *копаjъ*, относительно замены конечного *-ѫ*, — древнее формы с *-м*: *дѣлам*. Это последнее окончание не распространяется и на глаголы $\frac{\text{-ѣю-}}{\text{-ѣ-}}$: *желѣjъ* (*-ѣѫ*). Несколько дальше новоболгарского пошло в рассматриваемом отношении польское и стоящие на одной ступени с ним лужицкие. В польском XV в., как и в нынешнем, все глаголы с характером $\frac{\text{-аю-}}{\text{-а-}}$, к коим отнесено *иглá*, как и в болгарском *знам*, хотя и *знаjъ* — знаю, а равно и глаголы сложного характера: *-ываю*, *-ыва*, имеющие формы *-ам*, *aś*, *a*, *amy*, *аю*, но отлично от болгарского *-аjа*, *-а*. В этом веке здесь долго и нередко таким образом изображаются: *jǫǫkaa* (*jąka* — заикается) (Maciejowski, стр. 980 и прочее). Кроме этого, в том же веке и раньше к этой аналогии привлечен глагол *ум-ѣе* (*umeem*, *umee* — последнее см.: Maciejowski, стр. 98, Psałterz Małgorzaty; Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. III, стр. 802) и по мнимому сходству с ним *смъ-ю*: *smeem* (Maciejowski, стр. 66). Между тем в XIII—XIV в. характер *-аю* еще сохраняет *j* (*przyjaje* — новое (*s*)*przyja*). Согласно с чем и в 1-м лице единственного числа *podnaszajǫ*, *wylewajǫ* (Psałterz Małgorzaty), *zgibajǫ*, *składajǫ* (Jadw.) — (Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. III, § 841), *lickołǫ mojǫ*, *ja znajǫ* (XIII в. Maciejowski. Снимок к стр. 4). (Ja) przydǫ k tobye, oposzenayǫ tobye (Biblia Zofii, 67).

На другие разряды, кроме названных и кроме архаичных *wiem* и прочее, *-м* в первом лице не распространяется, и отклонения от этого в областных говорах (например, у подгалян) должны быть приписаны влиянию славянских и моравских говоров. Таким образом при *znam* = русскому *знáю*, стоит форма с *j*: *wyznają* = рус. *знаю*, *przestoję* (*-стаю*), *bolеję*, *daruję* и проч. Дальше польского пошло чешское наречие. И в нем, как вообще, исходною точкою распространения окончания *-м* служат глаголы *-аю*: *volám*, *-ás*, *-á*, *-áme*, *-áte*, *-ajá* с IV века, но еще около половины XIV в. *-aju* = *-aji*: *zpoviedaju*, *znaju*, *retaji* (ср.: Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, § 776). Понятие, что той же аналогии следовали и глаголы с *j* из *u* перед *-аю*; но *ю* перед небными слогами уже в конце XIII—XIV вв. является в виде *ie*, *e* (*mlièti*, *bežeti*, *poluceti* и прочее). Согласно с этим из характера *-яю* выпало *-ню* = *ю*: *háziem*. Еще в первой четверти XV в. *opustiem* и откуда позже (в том же веке) *opúštim*. Таким образом, исчезает звуковая разница между характером *-ѭю* = *-аю* (*házim* = *гаждаѫ*, *házis* = *гаждаѭши*, *házyi* = *гаждаѭть*) и характером *-ѣю*, и глаголы

этого последнего разряда подчиняются аналогии с первыми. В половине XIV в. (Alexandreida) еще *umĕji*, *rozumĕji*, но в XIV—XV вв. *umiem*, позже *umim*, 3-е лицо множественного числа *umĕji*, причем так спрягается не один только этот глагол, — как в польском, — но все с основным *-ѣю*.

Нет сомнения, что в чешском языке существует стремление приравнять к глаголам *-ѭю*, *-ѣю* глаголы $\frac{\text{-u-}}{\text{-ѣ-}}$ и $\frac{\text{-u-}}{\text{-u-}}$. В народных говорах в чехах: *viseji*, *hledĕji* (как бы *висѣютъ*, *глядѣютъ*, вместо — *висят*) (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, стр. 772), как и харутанское *bežiji* при *beže* (ibid., § 323), *maseji*, *naležoji*, *chtoji*; в моравском *horiju* (Suš., 47), *ležijo*, *stojijo* (ibid., 275), *kowny*, *-ti*, *letiju*, *-či*, turci *bežy* (ibid., 125), *zornijo* (ibid., 83) и *zroniju*; $\frac{\text{-u-}}{\text{-u-}}$: *honiju* (ibid., 91), *lubiju* (ibid., 212), *pravijo* (ibid., 73), *libiju* (ibid., 190).

С другой стороны, глаголы с *-яю* встречаются в 3-м лице множественного числа в виде *utrácé*, *zhoré* (как *hoří* = горят) вместо *utráceji*. Но так как по общему правилу глаголы $\frac{\text{-u-}}{\text{-ѣ-}}$ и $\frac{\text{-u-}}{\text{-u-}}$ с одной и *učil*, *chvalie*, *plodie*, *svodie* (3-е лицо множественного числа) ... еще от первой половины XIV в., но *umeji*, *vraceji*, то смешение 1-го лица единственного числа настоящего времени в этих разрядах (*hořím chvalím*, как *umím*, *vracím*) произошло независимо от ассимиляции *я* 3-м лице множественного числа. Это смешение позже появления *m* в 1-м лице: *umiem*, *opustiem* существуют одновременно с *hořím*, *pravím*, именно еще в начале XV в. Окончание *-im* в 1-м лице единственного числа настоящего времени глаголов $\frac{\text{-u-}}{\text{-ѣ-}}$, $\frac{\text{-u-}}{\text{-u-}}$, господствующее уже в конце XIV в. (между тем как в начале этого века еще *i* = *iu*: *prośi*, *straci*, *zhori* (ср.: Miklosich. Vergleichende Grammatik, §§ 772, 774), возникло, по крайней мере отчасти, в силу стремления уподобить 1-е лицо единственного числа остальным относительно качества предыдущей согласной. Новочешское *prosim*, *bloudim* относится по неизменности *s*, *d* и прочее к древним *prośi*, *blúzi* (*-шѫ*, *-ждѫ*), как восточное украинское *видю*, *їздю*, *прошу* и прочее к обычным *вижу* v. *виджу*, *їжджу*, *прошу* (ср. мои „Заметки о малорусском наречии", стр. 64—65). Что до формы *chvalijem*, вместо которой по Миклошичу стоит *chwalím*, то она чисто фиктивная, ибо в доисторическое время, до превращения конечного сочетания в *ѫ*, перед *m* стояло, без сомнения, не *e*, а *a*.

Окончание *-м* в 1-м лице единственного числа в чешском не распространяется дальше вышеназванных разрядов: *u* v. *i* = *ѫ* v. *ѭ* остается в глаголах как *nesu*, *biji*, *píši*, *kupujie*. Между тем в ближайшем к нему наречии словенском находим *-м* не только в *volám*, *vraciam*, *shaňam* (3-е лицо множественного числа *sháňaju*),

umiem, *držim*, *cinim*, но и во всех остальных разрядах. В этих последних (*nes-ie-m*, *-ie-š*, *pnem*, *bije-m*, *min-je-m*, *kupu-je-m*) побуждением к принятию окончания *-м* могло служить то, что таким образом характерное *е*, к становилось явственным и в 1-м лице. Спряжение *nesiem*, *nesieš* представляет более очевидную связь форм, чем *nesu*, *nesioš*.

Приблизительно на той же степени, что и словенское, стоят наречия сербское и хорутанское, в коих окончание 1-го лица *-м* есть общее для всех разрядов. В сербском основное *-аѫ* = *-ам*, *-ѣѫ* в одном глаголе = *ијем* (*умијем*), а во всех остальных, перешедших в разряд $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ = *ȋм-*, *-ѭ*, в глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ и $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ = *ȋм*, во всех остальных основное *-ѫ* — *-ем* (*ведем*, *бијем*, *тонем*, *пишем*, *купујем*). Как остаток старины — *могу*, *хоћу*, *вићу*, *вељу*. Между тем в хорватском *-м* — только в глаголах $\frac{\text{-аѭ}}{\text{-а}}$, а во всех остальных *-у*, *-ю* (Miklosich. Vergleichende Grammatik, B. III, § 458). Это обстоятельство может считаться указанием на большую древность *-м* в глаголах *-аѫ* в сербском, как и чешском, так как и памятники подтверждают то же. В XII—XIII вв., реже в начале XIV в., стоит еще *-аю* (*присезаю*, *пращаю*, *обљкаваю се*); но уже в XIII в. и *-амь* (*работамь*, 1236 г.), *отвапрать*, *приомь* — 1238 г., хотя и позже встречается *приаю*, а в XIV в. — *-амь* обыкновенно. Вместе с этим уже в XIII в. в других лицах стяжение *-аѫ* в *-аа*, *-а*: *избираа* (= *-аѭшь*). Между тем 1-е лицо единственного числа других разрядов сохраняют *-у*, *-ю*, даже в XV в.: *свѣдокую*, *потврђую*, *плакю*, *тврьдњу*; *блюду*, *реку*, *купу се*, *иду*. В том же XV в. уже — *-им* (*видим*), позже — в XVI (?) — *-ем* (вьпіемь).

Из этого обзора видно, что мнение Ягича о возникновении окончания *-м* в 1-м лице единственного числа настоящего времени из *-у* или *-ѫ* по аналогии с глаголами, имеющими *-м* на согласный (*вѣмь* и прочее — loc. cit., стр. 60) могло бы быть принято лишь в том случае, если бы было показано, почему предполагаемой аналогии следуют сначала не относительные первообразные глаголы (как *несѫ* и прочее), приближающие[ся] к *вѣмь*, а глаголы с характером *-аје* (*имаамь*). Тот же ученый находит, что хорватский (сербский) язык именно новою формою 1-го лица единственного числа (*-м*) побужден был к изменению окончания 1-го лица множественного числа *-мъ* в *-мо* „Русский язык остается в 1-м лице множественного числа при окончании *-м*(*ъ*), потому что и в 1-м лице единственного числа еще оканчивается на *-у*. Стало быть, он не имеет побуждения различать формы, которые и без того различны. Напротив того, в хорватском (сербском) не могло остаться 1-е лицо единственного числа *речем* при 1-м лице множественного *речеем*: таких гомонимов не терпит ни один из новых языков" (ibid., стр. 61). Здесь под русским языком следует разуметь великорусский, ибо в украинском окончание 1-го лица множественного числа *-мо* с XIII в., несмотря на то, что не было нужды отличать этого окончания от 1-го лица единственного. Ср. мои „Заметки о малорусском наречии", стр. 16—17; писавши это, я не был знаком с исследованием Ягича ... Отсюда рождается подозрение, что и в сербском *-мо* 1-е лицо множественного числа возникает из *-мъ* не в силу диссимиляции с *-м* первого лица единственного числа. Сербское *-мо* возникает в XIII в., стало быть одновременно лишь с *-амь* 1-го лица единственного числа, не раньше появления в 1-м лице единственного числа *-им*, *-ујем*, *-ем;* в частности *речемо* было уже тогда, когда в 1-м лице единственного числа было еще *реку*. Что до мнения, что новые языки не допускают тождезвучных сочетаний для различных грамматических значений, то оно неверно (ср., например, 3-е лицо единственного числа и 3-е лицо множеств. ч. настоящего времени в литовском и латышском).

Ягич в подтверждение того, что *копам* возникло из *копаѫ*, указывает как на совершенно сходный случай на хорватское (сербское) *женом* при старославянском и основном славянском женоѭ, откуда *женом* возникло через посредство *женой*, *женоў*, *женов*. Форма *женовь*, которую Ягич сравнивает с ныне существующими галицкими, действительно жила в XII—XIII вв. (Боснийская грамота 1189 г.: *всевь*, *моловь*, *правовь*, *вѣровь*, *повеловь*, *банов*, т. е. *баньов*); возникновение ее из *оў* тоже весьма вероятно, но возникновение *оў* из гадательного *oj*, прямо наоборот русскому *домой* из *домовь* мне непостижимо. (Ср. относительно украинского мои „Заметки о малорусском наречии", стр. 85.) Стало быть, можно допустить возникновение сербского *копам* никак не из невероятного 1-го лица единственного числа настоящего времени *копај* (аналогичного с предполагаемым *женој*), а разве из *копав*, *копау*, которых тоже не осталось следа, но которые сходны с *мов*, *моу* (= мою) у лемков. Чисто фонетическое происхождение *-м* в 1-м лице единственного числа можно допустить только для одного разряда глаголов, именно того, в котором впервые появилось это позднейшее *-м*. Это должен признать и Ягич, который, сравнивая *копам* с формой *женом*, возникшею чисто фонетическим путем, тем не менее, в то же время видит в возникновении окончания *-м* в 1-м лице единственного числа действие аналогии, начала более близкого к сознанию, чем фонетические пружины. Но спрашивается: упомянутый фонетический мотив возникновения *-м* в глаголах как *копам* может ли быть тождествен для наречий, потерявших носовое произношение юсов в доисторическое время (как сербское), и для наречий, сохранивших носовые гласные доныне, или сохранявших долгое время? К последним, кроме польского, относится болгарское и старославянское. В последнем *-м* в мамь относится ко времени, предшествующему древнейшим письменным памятникам, а в первом распространение этого *-м* на глаголы *-аѫ* (не *-ѧ*), вероятно, раньше потери ринезма на конце слова.

§ 4. Разряды глаголов

I разряд. Окончания непосредственно примыкают к корню. Образец а)—Первая тема тождественна со второй: *ѣм (ѣд-мь), ѣсть (ѣд-ти);* в санскрите II класс. Образец б)—В первой теме корень удвоенный, во второй простой: *дам (дад-мь), да-ть;* в санскрите III класс.

II разряд. Основная характерная гласная первой темы—*а;* в санскрите I и VI классы.

1) Вторая тема без характера.

Образец а)—Корень чистый или сложный с суффиксом, предшествующим характеру глагола, оканчивается на согласный зубной, губной или гортанный: *вед-е-т, вес-ти.* Образец б)—Чистый корень оканчивается на согласный носовой: *жнет (жьн-е-ть), жа-ть (жя-ти).* Образец в)—Корень оканчивается на основное *р: тр-е-т (тѣр-е-ть), тере-ть (трѣ-ти, тръ-ти* из **тар-ти).* Образец г)—Корень на основной гласный *у* (= ы): *плы-в-е-т (плов-е-ть), плы-ть (плу-ти).*

2) Вторая тема с характером *а.*

Образец а)—Корень с позднейшим глухим гласным или вовсе без гласного: *рв-ет (ръв-е-ть), рв-а-ть (ръв-а-ти).*

Образец б) Корень к первой теме с чистым гласным, во второй с глухим или вовсе без гласного: *бер-е-т, бр-а-ть (бър-а-ти).*

III разряд. Характер первой темы — основное *а,* которое в глаголе с корнем на гласный может соответствовать и санскритск. первому, шестому классам (причем *j* эвфонический, а истинный характер—*-а*) и санскритск. четвертому, а в глаголе с характером на согласный соответствует санскритск. четвертому.

1) Вторая тема без характера.

Образец а)—Корень на гласные *а, и, у, ы, ѣ: бьет (би-ю-ть), би-ти.* Образец б)—Корень на основной *р, л: колет (кол-ю-ть), коло-ть (кла-ть* из **кал-ти).*

2) Вторая тема с характером *а* после согласного и *на, ьа* после гласных корня.

Образец а)—Корень на *у, ю: ку-е-т (ку-к-ть), ков-а-ти.* Образец б)—Корень на согласный: *пишет (*пис-је-ть), пис-а-ти.* Образец в)—Корень на *а, и, ѣ: сѣ-ет (сѣ-ю-ть), сѣ-я-ть.* Образец г)—Корень как в предыдущем на *а, ѣ;* вторая тема с характером *ва* (*в* эвфоническое): *да-е-т (да-ю-ть), да-ва-ти* (см. сл. да-ю-ть).

IV разряд. Характер первой темы—фактически *не,* предполагается *на.*

1) Все или только некоторые формы второй темы без характера. Образец а)—*Ста-не-т, ста-ть.* Образец б)—*Сох-не-т, сох (съх-лъ), сох-ну-ти (сох-нж-ти).*

2) Во второй теме характер *ну* (старославянское нж и нв).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Связочная гласная

(второй вариант)

В славянском глаголе, кроме личных и временных окончаний, причастных форм, замечают глагольный характер и связочную гласную. Понятие о последней не принадлежит к числу точно установленных. Миклошич говорит: „Я употребляю выражение „связочная гласная" (Bindevokal) вовсе не в том убеждении, что она всегда фонетического свойства, а лишь потому, что не знаю другого общепонятного выражения. Вопрос о сущности так называемой связочной гласной принадлежит, мне кажется, к труднейшим вопросам всего сравнительного языкознания" („Vergleichende Grammatik", B. III, § 117). Этими словами как бы признается и оправдывается неудовлетворительность предшествующего ему учения о связочной гласной; но самая важность мнения Миклошича заставляет нас подробнее [это] рассмотреть.

Связочная гласная первого рода имеет место:

а) в настоящем большинстве глаголов. Именно *о* в *ид-ѫ*, *ид-ѫть* из *ид-о-м*, *ид-о-нть* и *е* в остальных лицах: *ид-е-ши* и прочее;

б) в сильном аористе (термин Миклошича, § 105) *о* в *ид-ъ* (ivi) из *ид-о-м*, *ид-о-мъ* (ivimus), *ид-ѫ* (iverunt) из *ид-о-нт; е* в *ид-е* (ivisti, ivit) из *ид-е-с*, *ид-е-т; о* или *е* в *ид-о-вѣ*, *ид-о-та* при *ид-е-вѣ*, *ид-е-та;*

в) *о* в слабом аористе (термин Миклошича — ibid., § 105), *о* в *идох-ъ* из *идох-о-м*, *идох-о-вѣ*, *идох-о-мъ*, *е* в *идош-я* из *идох-е-нт;* в остальных лицах между временным *о* и личными окончаниями нет связочной гласной: *идос-та*, *идос-те*, *ида*, причем последнее не из *ид-е-с*, *ид-е-т* (как в сильном аористе), а из *идес-с*, *идес-т*, в коих потерян вместе с личными окончаниями и характер времени;

г) в имперфекте *е* в *идѣ-ах-ъ* из *идѣах-о-мъ*, *ид-ѣах-о-вѣ*, *идѣах-о-мъ; е* в *идѣаш-е* (2-е и 3-е лицо единственного числа); отсутствие связочной гласной или связь *о*: в *идѣас-та*, *идѣас-те* или *идѣах-о-та*, *идѣах-о-те* или *идѣаш-е-та*, *идѣаш-е-те;*

д) в причастии настоящего времени действительном *о*: *ид-ы* из *ид-о-нт*; после мягких согласных *е*: *каж-я* из *каж-е-нт*; глаголы, как *горѣти*, *хвалити*, в сохранном состоянии языка не имеют здесь связочной гласной: *горя*, *хваля* из *гори-нт*, *хвали-нт*;

е) то же следует сказать о причастии настоящего времени страдательном; если образуется посредством *н*, то при согласном окончании темы имеет связочную *е* (*греб-е-нъ*), а при гласном то имеет ее (*би-ѭ-нъ*), то нет (*одѣ-нъ*, *дѣла-нъ*).

Примечание. Здесь мы видим, что связочная гласная перед суффиксами причастных форм отнесена к одному отделу с тою, которая непосредственно предшествует личным окончаниям. Согласно с этим следует исправить содержание § 115.

Связочная гласная второго рода имеет место:

а) в повелительном наклонении, в коем *е* вставляется между темою и характером повелительного *и*; *е* и *и* в этом случае сливаются в *ѣ*, которое после небных и смягченных согласных заменяется в древнейших памятниках посредством *а*, в более новых — посредством *и*: *идѣте* из *ид-е-и-те*, *ишите* из *ишт-ѣте*, а это из *ишт-е-и-те*; во 2-м и 3-м лице единственного числа *ѣ* всегда ослабляется в *и*: *иди* из *идѣ*, а это из *ид-е-и*;

б) в слабом аористе, образуемом посредством *х* от тем с согласным окончанием *ид-о-хъ* и прочее, *ид-е* из *ид-е-сс*, *ид-е-ст*; к темам на гласные тот же характер приставляется непосредственно: *дѣла-хъ*; имперфект, образуемый посредством того ж характера *х*, отличается от аориста тем, что на месте связочных *о* и *е* ставит полностью гласные *ѣа*, *аа*, *а* (§ 117).

На это учение, в изложении коего опущены мною некоторые сведения, казавшиеся мне несущественными для вопроса „что такое связочная гласная", замечу следующее.

1) Явления языка следует изображать с различных по времени точек зрения, но при этом так, чтобы каждый раз точки зрения по возможности точно определялись, и с каждой показывать не более того, что с нее видно. В учении о связочной гласной, как оно выше изложено, нарушено это требование с исторической перспективы. С точки зрения славянского языка, как он дошел до нас в памятниках, мы видим *е* в „д-е-ш", *о* в „дох-о-ıъ", но не замечаем *о* в „дѫ", „дѫть", „дъ", „дѫ (iverunt) и прочее, ни *е* в „д", „дѣте. Звуковые законы славянского языка вовсе нам не открывают, что в этих последних случаях ѫ и ъ должны были возникнуть из *ом*, *он*, а ", ѣ из *еи*. Нам известно только, что ѫ происходит из сочетания конечного или предшествующего другой согласной *м*, *н* с нейотированной гласной, но какой? — Что ъ предполагает чистую гласную, кроме *е*. Если станем на дославянскую, с коей свойства языка открываются нам только посредством сравнения с другими сродными языками, то, смею думать, вряд ли что-либо убедит нас, что в состав ѫ, ъ в рассматриваемых случаях вошло именно *о*,

а в состав *и*, *ѣ* — именно *е*. На месте славянского *о* в везѫтъ и прочее литовский показывает нам *а* (*sukame*, *vežame*, *ariame*); то же *а* без сомнения стояло и в 1-м лице, прежде чем слилось с окончанием этого лица в *и* (*vežu*, *sunu*), которое предполагает звук, подобный славянскому ѫ. Славянское ѫ в везѫ древнее литовского *и* в *težu* настолько же, насколько оно древнее русского ѫ в *везѫ*. Это ѫ имело некогда форму *ам*; потом слилось в один носовой звук, в коем еще слышно было *а*, как показывает древнепольское наречие, а изредка и нынешнее, например в *Sandomierz* = *Сѫдомиръ*, в русской летописи — *Судомиръ*. Далее этот носовой гласный звук в некоторых наречиях приблизился к *у* и, как в литовском, превратился в чистое *у*, причем на пути от *о* к *у* могло стоять и *о*; но на каком основании нам останавливаться именно на этом моменте, когда слышно было *о*, и за основную форму везѫ выставлять *везомь*? Разве мы имеем право сказать, что сѫкъ произошло из *сонкъ*? Нисколько. В то время, когда в этом слове слышалась согласная *н*, перед этим *н* стояло не *о*, а когда слышалось в нем *о*, как ныне польское *sąk*, тогда это было не чистое *о*, а составляющее с *и* один носовой звук. Славянскому *е* внутри корней (как *вез*, *нес*, *тек*, *вед* и прочее) вообще соответствует и литовское *е*. В других случаях литовский удерживает *а* = основному *а*, где в славянском *е*. Так между прочим в *повад*, *небогъ* (нищий) и прочее. Из этого следует, что далеко не всякое *е* в славянском может считаться славяно-литовским, между тем, как славянское *о* = литовскому *а*. Из этого я замечаю, что вообще в славянском языке *о* позднее звука *е*, или, другими словами, что звук *о* есть специально славянский, возникший уже после выделения славянского языка, а звук *е* во многих случаях — дославянский. Поэтому и в настоящее время *е* в *везем* древнее оттенка *о*, который мог когда-либо сливаться в ж (везѫ), и схема *вез-о-м*, *вез-е-те* представляет как бы на одной плоскости одновременными явлениями звуки *о* и *е*, из коих первый, если когда-либо и был, — что сомнительно, новее второго. Вернее была бы для славянского периода схема *а-м* (1-е лицо единственного числа), *е-те*, и более древняя *а-м(и)*, *а-те* (= латинскому *verate*).

То же самое следует сказать о предполагаемых Миклошичем формах *ид-о-нтъ*, *ид-о-мъ* (= *идъ*, ivi), *ид-о-нтъ* (*идѫ*, iverunt), *ид-о-нтъ* (*идъ*; вспомним в древнерусском форму *ида*).

Предполагаемые формы, долженствующие нам показать связочную гласную *о* в повелительном наклонении, суть по Миклошичу *ид-а-и* (откуда *идѣ*, *иди*), *идеите* (= *идѣте*); но где же другие случаи образования *ѣ* из *еи*? Мне кажется, что таких никогда не бывало, что *ѣ* здесь непосредственно образовалось из *аі*, — о чем ниже, а перед *і* в основной форме *аі*, откуда в *ид-ѣ-ше* не служит связочной гласной, потому что зачем же связывать то, что и без того льнет друг к другу — в *ѣ* глагольный характер новее.

2) Разделение связочных гласных на непосредственно предшествующие личным окончаниям и отделенные от них модальным или временным характером представляет двумя различными — одно и то же явление, именно так называемую связочную гласную настоящего времени в *ид-е-ши* и соответственно гласную перед характером повелительным. Правда, тождество этой последней связочной гласной настоящего времени не может быть найдено при помощи одного славянского языка; но ведь и самая двойственность *и*, *ѣ* в *иди*, *идѣте* может быть отыскана только посредством экзотерического сравнения. Это сравнение заставляет думать, что когда, например, в 1-м лице множественного числа повелительного наклонения было *о-м*, то в 1-м лице множественного числа не могло быть перед личным окончанием ничего другого, кроме *ѣ* (*ѣ-мъ*), ибо, судя по литовскому языку, *ѣ* древнее превращения основы *а* в *е*; когда же в настоящем времени было *а* (как ныне в литовском...), тогда и в повелительном наклонении стояло не *еи*, на которое ничто не указывает, а *аі* (как в зендском — *барашма*, готское *bairaime*, славянское берѝмъ) (Bopp, Vergleichende Grammatik, § 711), сложенное из того же *а*, что в настоящем времени и повелительном наклонении. Напротив, в один член деления помещены связочная гласная настоящего времени, древность которой доказана, и, например, второе *о* в *идох-о-мъ*, относительно равной древности коей может быть сильное сомнение. Во всяком случае это *о* в *-хомъ* должно рассматриваться вместе с самим характером аориста и сходство его с связочной гласной характера, пока не доказано противное, представляется только вопросом, не имеющим для исследования никакой важности.

Так и соединение в один ряд предполагаемого *е* в *вез-е-и-те* с первым *о* в *вед-о-хомъ* не должно быть принимаемо за признание их действительно генетического сходства, ибо такое сходство не только не доказано, но не сделано даже сколько-нибудь вероятным.

3) Для объяснения сущности, то есть первоначального значения связочной гласной в глаголах, как *ид-е-мъ*, не может быть безразлично, в каких именно других разрядах глаголов мы встречаем ту же гласную, как отдельный элемент. По Миклошичу, коему в этом следуют и другие ученые, все глаголы, кроме нескольких, составляющих так называемое бессвязочное спряжение (кѣмь и прочее), имеют явную или скрытую связочную гласную. Отсюда вытекает между прочим два положения: во-первых, глаголы, как вєзѫ-у, не принадлежат к числу тех, в коих темы неопределенного наклонения в настоящем времени различны, ибо в них тема настоящего времени есть вєзѫ (как и неопределенного наклонения), а *-е-* в вєзєши есть только связочная гласная. Следовательно, не верно мнение, что во всех славянских глаголах, кроме вышеупомянутых нескольких, темы настоящего времени и неопределенного наклонения различны.

Но это мнение будет верно, за мнимым исключением глаголов любѫ, люкѫ, если для темы настоящего времени совершенно устранить термин „связочная гласная“ на том основании, что даже с точки одного славянского языка *-е-* в вєзєши, хотя само по себе непонятно, но не есть только цемент, прикрепляющий корень к окончанию, а напротив, характеризующий вєзє-ш- сравнительно с вєзѫ-т-.

Во-вторых, если в вєзєши есть связочная гласная, то и в кажєши — тоже. Так думает Миклошич и поэтому делит настоящие глаголы последнего рода на тему *кази* и связку *-е-* + окончание. *И* сливается со связочной гласной и смягчает предыдущую, а равно и *кази-е-ши* суть построения мечтательные, никогда не существовавшие. Сравнение показывает нам в глаголах этого разряда перед окончаниями настоящего времени слог, коего основная форма есть *ја*. Чтобы остаться в области действительности, мы не должны до новых открытий разрывать этого слова на *ј* и *а*, т. е. должны отказаться от термина „связочная гласная“. Подобным образом и слоги *ѣк*, *ак*, *ук*, характеризующие настоящее время разных разрядов глаголов, взятые в своей целости, а не разбитые на *ѣ*, *а*, *у* со связочной гласной. Единство звука *е* в *је*, *ѣе*, *ак* лишь тогда перестает быть ненужным в этимологии, имеющим значение только в фонетике отвлечением, когда мы доказываем сложность этих характеров с *е*; но *е* (или его основная форма) как элемент сложного характера не будет уже только связочною гласною.

Здесь я приведу следующие слова Боппа:

„Мне кажется неуместным в греческом отрывать согласные (образующие глагольную тему) от их гласных и, например, в τύπτομεν сначала приставлять (в корне) τ, а потом связочную гласную ο, между тем как, согласно с развитием языка, в специальных временах (объяснение этого термина будет ниже) корень τυπ соединяется с τε или το, корень δακ с νε или νο — λαβ- с ανε или ανο (λαμβάνο-μεν). Присоединение одной только согласной или слога с конечною согласною было бы обременительно для спряжения: невозможно, чтобы когда-либо существовало τυπ-τ-μεν или δακ-ν-μεν. Если с достаточным основанием делят δείκ-νο-μεν и не считают его образовательным элементом одного только ν, а ύ — за связочную гласную, то нет причины и при разложении τύπτομεν поступать по другому началу. Поэтому я не одобряю того, что спряжение на -ω отличают от спряжения на -μί названием первого „со связочной гласной“, ибо и спряжение на -μί, хотя и не во всех, составляющих его разрядах, имеет связочные слоги, если так нам угодно будет назвать то, что в δείκ-νο-μεν, δαμ-να-μεν вставлено между корнем и личным окончанием“ (§ 499). В славянском в числе глаголов на *-мь* (=греческому -μι), правда, нет таких, в коих бы в настоящем времени между корнем и окончанием была какая-либо чуждая корню вставка; но если к остальным разрядам (на -ѫ, -ѭ, что соответствует греческим

на -ω) не будем прилагать имени „связочных" (bindevokalisch), то само собою и от первых отпадет название „бессвязочных" (bindevokallos).

Гласным ο, ε в τρέφ-ο-μεν, τρεφ-ε-τε — обыкновенно называемым „связочными" (bindevokal), я считаю, тоже (иначе с характером να, νυ, ω — о коих было сказано выше, в предыдущем параграфе) должным приписать местоименное происхождение, так как *a*, которое соответствует этим гласным в санскрите, легче какой-либо другой конъюгационной приставки, объясняется местоименною темою, именно того, от коего производится *a-смâн* — этому, *a-смât* — от этого, *a-сја* — этого, *a-смин* — в этом. Звук *a*, как самый полновесный из трех основных гласных (*a, u, y*), менее всего может быть только „связочным"; я думаю также, что происхождение связочных гласных, появляющихся между двумя согласными для облегчения выговора, относится к гораздо более позднему периоду языка, чем тот, к которому возводят нас согласные санскрита с родственными ему европейскими языками. А то *a*, о коем речь, соответствует в готском чередующимся *a* и *i*, в греческом звуку ε, чередующемуся с ο, в старославянском ѣ, литовскому *a* и латинскому *i*, например, во 2-м лице двойственного числа. Санскритское *bah-a-mhac* при готском *vig-a-ts*, греческом ἔχε-τ-ον, старославянском везѣ--сѣ, литовском *vež-a-ta*; 2-е лицо множественного числа *bah-a-mha* при греческом ἔχε-τε, старославянском везѣ-т-е, литовском *vež-a-te*, латинском *vehitis*, готском *vig-i-th*. Иное дело — легчайшая из основных гласных *u* (i), которую мы встретим в санскритском будущем времени *бһав-и-шjâми* (буду) на *-сjâми* (auxiliarfuturum); этому нельзя найти ничего аналогичного в сродных языках, почему происхождение его следует отнести к времени после разделения языков. В зенде, так сказать, на наших глазах появляются некоторые связочные гласные, то есть такие, которые втискиваются меж две согласные, в более древнее время непосредственно примыкали друг к другу. Таково неорганическое *ĕ*, иногда *u* (*i*) (§ 500).

Придерживаясь этого взгляда, по которому „связочная гласная" значит непременно: гласная, имеющая только фонетическое происхождение и вместе с тем сравнительно позднюю, мы не будем считать так называемой связочной гласной в теме настоящего времени основанием деления... глаголов на разряды, назовем ее глагольной приметой, где она одна образует с корнем тему, или отнесем ее к другой глагольной примете, где она заканчивает эту последнюю, как в делении и прочее.

Затем остается вопрос: в каких глагольных формах, кроме настоящей и повелительной, гласные *o*, *e* в славянском суть образовательные вставки, в коих — действительно связочные эвфонические гласные.

Настоящую связочную гласную Бопп находил:

а) в *-ах-о-вѣ*, *-ах-о-мъ* преходящего при copula прошедшем времени 1-м от *ае*: *â'с-ва*, *âс-ма* („Vergleichende Grammatik", § 525);

б) в *-хо-вѣ*, *-хомъ* — аориста, где „*о* не есть старинное, принесенное с востока, родовое свойство, а позднейшая вставка для избежания сочетаний *хв*, *хм*". В подтверждение этого Бопп ссылается на сербское *-смо* в *играсмо* — санскритское *-сма* в *â-mân-сма* — мы жгли (ibid., § 563);

в) перед *х* в аористе: *вез-о-хъ*, *вез-е* (ibid., § 565—566).

Впрочем, если бы гласная в аористе с *х*, стоящая в глаголах без характера во второй теме перед этим *х* (*вез-о-хъ*), — не была эвфоническою в строгом смысле слова, то во всяком случае она не тождественна с характером настоящего *везеши*. Точно так и в аористе без *х*, соответствующем санскритскому шестой формы (*двигъ*, *двиг-о-вѣ*, *двиг-омъ*, *двиг-ѫ*). Гласная, стоящая перед личным окончанием, имеющая в санскрите форму *a* (*-â-м*, *-а-с*, *-а-т*, *â-ва*, *-а-тâм*, *-а-там*, *-â-ма*, *-а-та*, *-а-н*), хотя не есть позднейшая вставка и хотя сходна с характерною гласною санскритского 1-го и 6-го классов, однако вовсе не связана с присутствием характера 6-го или 1-го классов в первой теме, ибо образуется в славянском не от нее, как показывают глаголы с характером *-н:* ужасне-ше-сѧ при глаголах множественного числа аориста ужасѣ-сѧ.

У Миклошича мы видим, что связочная гласная есть всегда *о* или *е*, хотя гласная эта частью эвфонического, частью знаменательного происхождения. Понятие Шлейхера о „связочной гласной" сначала было еще шире, ибо он называет связочным (Bindevokal) *а* в подѣ-а-тѣ, пасѣ-а-тѣ (см. Formenlehre, стр. 301 след. — 304 след.).

СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ В СОЧЕТАНИИ АППОЗИТИВНОМ

Правило нынешнего литературного языка видно в примере: „убили князя Романа Святославовича (сына Святославова), внука Ярославова“, т. е. приложения должны непосредственно примыкать к определяемому, так как эти члены предложения представляют для мысли единство: отечественное должно следовать за личным, тогда как фамильное может предшествовать личному с отечественным. В старинном языке обычно и такое же расположение, но обычно и другое.

А. Приложения, как относительно самостоятельные члены предложения, отделяются от определяемых сказуемыми, дополнениями и обстоятельствами.

а) „Судиславъ преставися, Ярославль братъ“ (Лаврент. лет. 2, 159, 15); „бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сын Володимерь, внук Ярославль“ (ibid.); „И убиша й (Романа) Половци... Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля“ (ibid., 198) и др.; „Володимиръ иде на Емь съ Новгородьци, сынъ Ярославль“ (Новгор. I лет., 2); „постризеся Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Цьрниговѣ, тесть Всеволожь“ (ibid., 3); „Иде Мьстиславъ Кыеву... а сынъ посади Новѣгородѣ Всеволода на столѣ“ (ibid., 4); „Завидъ посадьникъ Новгородьский умре Дъмитровиць“ (ibid., 5); „Ходи Ярославъ на Ятвягы, сынъ Святопълчь“ (ibid., 4); „Прѣставися Мьстиславъ Кыевѣ Володимериць... а Ярополкъ сѣде на столъ, братъ Мьстиславль“ (ibid., 6); „приде Изяславъ Новугороду, сынъ Мьстиславль, изъ Кыева“ (ibid., 10); „а Изяславъ избѣжа Давыдовець Цьрнигову“ (ibid., 11); „поя у Якуна дъчерь, у Мирославиця“ (ibid., 16); „съступися брату своему стола Дмитрію Новагорода“ (ibid., 64); „Преставися рабъ Божій Степанъ Твердиславичь, внукъ Михайловъ, въ недѣлѣ [въ] 1 часу нощи, посадникъ Новгородцкой“ (Новгор. II лет., 21); „Той же зимы [1341 г.], приѣхалъ Михаилъ, княжичь Александровичь, со Твери въ Новгородъ ко владыцѣ, сынъ крестный, грамотѣ учится“ (ibid., 30); „За того же дни проѣхали въ Новгородъ съ Москве воеводы Великого князя... а стоялъ Василей Ивановичь Умъной на Чюд[и]нцови улицы во дворѣ князя Василья Шаханского, опріщной бояринъ [т. е. Умной], а земской Иванъ Петровичь стоялъ на Нікитине улице“ (ibid., 101); „Проводилъ архіепископъ Новгородцькой Серапионъ... княжа Дмитреева сына Ивановича Шкурлятева Новгородцкого намѣстника, и положиша его в церкви у святого Спаса въ Нередицкомъ манастырѣ, на правой стороне, у праваго крилоса, *князя Федора сына его меншова*... а князь Федоръ былъ въ тѣ поры пяти лѣтъ“ (ibid., 83); „убило въ тѣ поры въ кѣльи громомъ 3 человѣки, два живы, а третьего до смерти вкладщика Торасья, а прозвище Смиряной“ (ibid., 88).

б) Подобно этому, быть может, реже отделяются прилагательные аппозитивные: „зажьжена бысть церкы отъ грома Варязьская“ (Новгор. I лет., 18); „мость снесе вода на Волховѣ великій“ (ibid., 55); „поставиша церковъ камену святого Ніколу въ Порховѣ... а другую поставиша церковъ на Веряжи у мосту святаго Николу дѣревяную“ (1412 г., Новгор. I лет., 39); „бумага дорага была, листъ полденги, писцея“ (ibid., 88).

Б. Родительный принадлежности, соответствующий приложению, или прилагательное относительное: „заложена бысть церквы, Новѣгородѣ, святаго Николы“ (Новгор. I лет., 4) (ср. „церквы св. Микола“); „преставися игуменъ Кюрьякъ святого Георгія“ (ibid., 5); „Отъ (вариант *У*) Всеволода родися сынъ, нарече имя ему Володимеръ отъ царицѣ Грькынѣ“ (Лаврент. лет. 2, 157).

В. Отечественное (или по мужу) предшествует личному. „Преставися Мьстиславляя Хрьстина“ (Новгор. I лет., 5); „бѣжа Игоревичь Давыдъ съ Володаремь Ростиславичемь“ (1081 г., Лаврент. лет. 2, 198); украинское „Йосиповна Олена“ (Кв.-Осн., II. 55).

В одинаковых косвенных падежах с предлогами, требущих повторения предлога. „Собраша полки своя многое множество“ (Ипат. лет., 2, 193).

а) Повторение предлога перед дополнением слова, к коему относится предлог. „Или пошлю кого тамо *на* свою службу *на* Великого Князя“ („Акты археограф. экспед.“, I, 30, 1446 г.) (родительный равносилен с прилагательным относительным или притяжательным); „А искалъ... *на* Васильевыхъ дѣтехъ *на* Степанова *на* Семенѣ да *на* Иванѣ“ (ibid., 74, 1471 г.); „и искалъ... *на* Иванѣ *на* Есиповь сынѣ *на* Яковля, да *на* Семенѣ на Васильевѣ сынѣ на Степанова, да *на* Есипѣ *на* Ѳедоровѣ внукѣ *на* Малово“ (ibid.).

„Ци сила дала во имья боже?“
Ей я не дала, лем *пів* повісма,
Лем *пів* повісма, *пів* плоскінного“.
(Головацкий, II., 44).

„Той сів на нього [коня] и поїхав ним, Ой *горі* містом, *горі* Галичем“ (ibid., III², 46).

Сербское: „А *на* оној *на* равној Ресави“ (Карацић, III, 53); „А *на* ломној *на* Херцеговини“ (ibid., 55); „*На* Цетињи *на* води дебелој“ (ibid.); „*С* девет сина *с* девет Југовића“ (ibid., 53); „С девет браће с девет војевода“ (ibid., 55); „*О* моемъ недрузѣ *о* Казимирѣ *о* королѣ... на вопчего нашего недруга *на* Казимира *на* короля *на* Полского... а *съ* Казимиромъ бы еси *съ* королемъ *съ* полскимъ миру не ималъ“.

Число. „И всего денежныхъ доходовъ... со всего государства... зъ десять сотъ съ триста съ одиннадцать тысечь рублевъ“ (Котошихин, 101).

В церковнославянских памятниках повторение предлогов редко, но есть: „Й распрострѣ *по* плещема. *по* небнима ширины ты водны“ (Шестоднев, 34, 3).

В Лаврентьевской, Ипатьевской летописях таких случаев не много, может быть, в силу большей литературности языка; в других, преимущественно русских, это почти правило до XVII ст. включительно. „Иде Володимеръ на Болгары *съ* Добрынею, *съ* уемъ своимъ“ (Лаврент. лет. 2, 82); „Сей же Яковъ работа у уя своего *изо* дщери его *изъ* меньшеѣ лѣтъ 7“ (ibid., 91); „И ждаша дружинѣ своей двѣ нѣдѣлѣ, и не дождавша поѣхаша *съ* передними *съ* дружиною“ (Ипат. лет., 2, 385); „Посла й (Мстислава) отець съ вои... *съ* Володимеромъ *съ* Андрѣевичемъ и *съ* Берендѣи“ (1153 г., Лаврент. лет. 2, 322); „В то же лѣто приходи епископъ Черниговьский Перфурий ко Всеволоду Гюргевичу Володимерю, мира прося у него, абы умирити его *с* Рязанци *съ* Глѣбовичи“ (с рязанским князем Глебовичем) (1187 г., ibid., 383); „Пойде *съ* братомъ *съ* Михалькомъ“ (Ипат. лет. 2, 379); „а *к* Романови посла *ко* зятю своему мужи своя“ (ibid., 461); „и *к* митрополиту сляся *к* Микифору, веля ему“ (ibid., 462); „дщерь же отда *за* Шварна *за* Даниловича“ (1287 г., ibid., 567); „А село есмь купилъ Березовичѣ *у* [Ю]рьевича *у* Давыдовича Федорка“ (ibid., 595); „И послашасѧ новгородци кыевоу. *по* стосла. *по* олговица“ (Новгор. лет., 40); „Володимеръ родися *отъ* ключницы *отъ* Ольгины *отъ* Малюши“ (Пск. I лет., 174); „Поѣли борзо *съ* мужи *съ* Псковичи на поганую Литву“ (1265 г., Пск. I лет., 181); „Домонтъ... *съ* малою дружиною *съ* мужи *съ* Псковичи выѣхавъ... побѣди“ (ibid., 182); „*у* града *у* Вопоки“ (ibid., 185); „В 14 день пиръ *у* Кузмы *у* Григорьевича“ (Новгор. II лет., 55); „*у* Луки *у* Федорова“ (ibid., 54); „пиръ на Городищі у Настасіи у Ивановой жены Григ[о]рьевича да *у* сына ей *у* Юрьа“ (ibid., 55); „родися *у* государя *у* великого князя Василия Ивановича сынъ“ (ibid., 67); „загорѣлась... *у* Логвинови жены *у* Катерины въ клѣти“ (ibid., 64); „*у* старца *у* [Е]ффѣма в кѣлье, в ларци“ (ibid., 77); „да *у* [в]кладщика *у* Карпа *у* конюха“ (ibid.); „загорѣлось *отъ* діякона Авраамиа *отъ* Кулибаки“ (ibid., 80); „в Онтонове манастыре *у* игумена бурею *у* Варлама сѣни вырало“ (ibid., 85); „Купилъ есми... *у* архимарита [так!] *у* Геронтья *у* Симоновского и *у* его старцовъ *у* Симоновских *у* Мартирья *у* строителя, *у* Ондрѣя *у* златого мастера, *у* Митрофана *у* иконника... *у* Гермона *у* Момаева, *у* келаря *у* Романа“ („Акты юридич.“, I, 166); „И князь Ондрѣй... *съ* Ѳеонасьемъ *съ* Корачовымъ... и *съ* дякомъ *съ* Васильемъ *съ* Рохманиновымъ... *съ* Иваномъ *съ* Мишковымъ.. и *съ* дьякомъ *съ* Гущею просилъ съ ними поля“ (ibid., 210, 1547 г.); „Былъ кличь въ Новѣгороде *о* Псковичехъ, *о* гостехъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ“ (Новгор. II лет., 82); „*У* того человѣка *у* Архипка“ („Акты юридич.“, I, 57); „[жил холопъ] послѣ его [умершего боярина] *за* женою его *за* бояронею *за* вдовою княгинею Парасковьею Архиповною“ (ibid., 57); „*В* церкви во святомъ Іоанне Предотеча *в* темници“ (Новгор. II лет., 68); „*Отъ* святаго Георгія *отъ* церкви погорѣ все Застѣнье“ (Пск. I лет., 184); „загорѣлося въ нощь *отъ* Воронца *отъ* городца“ (Пск. II лет., 12); „за семь верстъ *отъ* города *отъ* Казани“ (Новгор. II лет., 80); „*по* рѣчкѣ *по* Ломенкѣ“ („Акты юридич.“, I, 50, 1682 г.).

б) Повторение предлога перед прилагательными обыкновенно (но не всегда) аппозитивными. „Иде Глѣбъ къ Переяславьскымъ Половцемъ на снемъ, а *къ* другимъ Половцемъ *къ* Русьскымъ посла, река им...“ (1172 г., Ипат. лет., 2, 379); „заяша стада многа Половецкая *в* лузѣ *в* Днѣпрескомъ“ (ibid., 451); „не вѣсте ли, яко *на* мужи *на* ратныѣ нашли есте, а не на жены?“ (ibid., 546); „Води их [половцев] *в* роту *в* Половьцьскую“ (Лаврент. лет. 2, 369); „Поставиша городъ Изборескъ, *на* горѣ *на* Жераві“ (Пск. I лет., 186); „*К* Новому городку *къ* Нѣмецкому... срѣтошася *съ* великою ратью *съ* Нѣмецкою“ (ibid., 188); „Dziękujemy *po* obiedzie *po* dobrem“ (Kolberg); „Не ће бити љепшего јинака... *Од* Максима *од* мојега сина“ (Карацић, II, 525); „*Од* студене *од* воде“ (ibid., 543); „Сей же Яковъ работа у уя своего *изо* дщери его *изъ* меньшеѣ лѣтъ 7“ (Лаврент. лет. 2, 91); „*На* мосту *на* великомъ“ (Новгор. II лет., 5, 8); „Иконы *изъ* церкви *изъ* теплыи выносили вси“ (ibid., 77); „*изъ* церкви *изъ* большой“ (ibid., 80); „сидѣлъ здѣсь *въ* заточе[и]іи *въ* желѣзехъ, *въ* городи, *въ* Детинци, *въ* стѣны *въ* каменой подъ Воденымі воротами; а преже того сидѣлъ *въ* тюрмѣ *въ* деревеной“ (ibid., 82); „А той борти отводъ... *по* великую дорогу *по* старую *по* Переяславскую *по* лѣсную, да *по* дорогу *по* Хомутовскую *по* Булаткинова“ („Акты юридич.“, I, 165, 1462 г.); „купчии... погорѣли *в* пожаръ *в* Сужздальской“ (ibid., 170); „*отъ* мору *отъ* великого“ (ibid., 170); „*за* нокъ *за* шубу *за* кунью пять рублевъ денегъ“ (ibid., 191); „*съ* Шуйскихъ *съ* кабаковъ на откупшикѣхъ“ (ibid., 262, 1646 г.).

в) Повторение предлога при двух прилагательных. „Весь згорѣлъ дворъ одинъ... своимъ *со* всѣмъ запасомъ“ (Новгор. лет.); „*со* всѣм *с* темъ што к тому манастырку потягло“ (Акты юридич., 77, 1443 г.); „*со* всемъ *съ* тѣмъ, что къ тому

селу... потягло, и *съ* доходомъ *съ* денежнымъ и *съ* хлѣбнымъ" (ibid., 82, 1555 г.).

То же явление в старосербском (примеры письма XVI—XVIII вв.) (Богишић, 1, 20, 21; Jagić, 201—203). Основание этого явления не в метрических требованиях, не в поэтических вольностях (которые есть или личное искажение языка, или архаизм), а в свойствах мысли. „*На* убаву *на* пољу Косову" (Караџић, Пјесме, II, 189, 324); „*На* Бога *на* јемца" (ibid., 96); „*украј* воде *украј* ћиотине" (ibid., 103); „*Од* Светиње *од* Јерусалима" (ibid., 295).

„Розливаласе Дунай, Да речька быстренькая.
Што *со* тихими *с* глубокими *Со* заводями..
Што *со* крутыми, *со* красными *Со* бережками..
Што по той ли Дунаи Речьки быстренькою..
Ище плавали две билые Две лебеди..
Што и серые, две малые Две утушки".

(Колосов, 169).

„Да повыиграно... И *с* того царя *с* Бухаря да *с* заморскаго *Все* царьство, *все* имянство, *все* бухарьское" (Гильфердинг, 56).

Под фигурою ὑφέν—связь понимают сложение слов, при котором неизменность первого элемента едва ли необходимое условие принадлежности к фигуре. Сюда относятся и соединения прилагательного, иногда усеченного, с существительными: сербское: *сив-зелен* соколе; *жут-бео*; и обуче *свилен-кошуљу*, и пригрну *зелен-ћурка* (Zima, 258)/(украинское „*сив соколято, зелена діброва*").

„А ми у шинку *п'ем-гуляєм*,
Танці-музики наймаєм".

(Кулиш, I, 31).
„Зимоваше у *пећини-стјени*".
(Чубро Чойковић, 271).
„Оно зачу сабља *попе Раде*".

(Караџић, IV, 113).
„Но се јунак титра с буздоханом
Уз буздохан гвожђе попијева".

(ibid., III, 308).

„Шаље ка *Пећини-Ст'јени*" (ibid., III, 149); „Дан по данак, док субота дође... Кад *субота јутро* освануло" (ibid., 150).

В монастырской расходной книге рядом с заглавиями: „покупка *конская* и *животинная*"; „покупка *хлѣбная*" стоят „покупка *икра и рыба*"; „покупалъ *мед* и *хмель*"; „покупка *масла* (скоромного и постного) и *яйца*" (1603 –1604 гг., Библиотека, II., 80—82).

СОВРЕМЕННИКИ О ТРУДЕ А. А. ПОТЕБНИ „ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ"

В истории отечественного языкознания А. А. Потебня занимает почетное место среди ученых, чьими трудами развивалась отечественная лингвистика, прогрессивная славянская филология.

Современники постоянно следили за каждой новой публикацией работ Александра Афанасьевича Потебни. Особенно большой научный резонанс вызвали выход первого и второго томов „Из записок по русской грамматике", а также издание М. В. Потебней в 1899 г. третьего тома. Многие крупнейшие лингвисты откликнулись рецензиями, заметками на появление этой выдающейся работы.

Ниже приведены рецензии, статьи, выдержки из воспоминаний лингвистов, современников А. А. Потебни, где приводятся оценки этого капитального труда, показано, какое влияние он оказал на лингвистов сразу же после выхода. Большинство из помещенных ниже материалов в настоящее время стали библиографической редкостью, так как опубликованы в журналах прошлого столетия и не переиздавались с тех пор.

Думаем, что „Записка о трудах профессора А. А. Потебни", представленная замечательным русским филологом И. И. Срезневским во Второе Отделение Академии наук, и его доклад о работах А. А. Потебни, прочитанный на торжественном заседании Академии наук 29-го декабря 1875 г., помогут более ярко представить, какое значение придавали деятельности А. А. Потебни, его труду „Из записок по русской грамматике" (т. I и II) современные ему лингвисты.

Столь же интересна для нас статья-рецензия выдающегося ученого-слависта В. Ягича, создателя крупнейшей филологической школы.

Высказывания В. И. Ламанского, известного русского филолога XIX в., ученика И. И. Срезневского, и А. С. Будиловича, исследователя старой славянской письменности, Б. М. Ляпунова, одного из последователей и учеников В. Ягича, показывают,

как современная им наука оценивала всю деятельность А. А. Потебни, выделяя особо исследование „Из записок по русской грамматике".

„Записка во Второе Отделение Академии наук" А. А. Шахматова, выдающегося русского языковеда, об издании третьего тома „Из записок по русской грамматике" А. А. Потебни и развернутая рецензия В. И. Харциева, известного отечественного педагога, принимавшего деятельное участие в судьбе архива А. А. Потебни после его смерти, на публикацию третьего тома дают представление о том, сколь высоко оценивала научная и педагогическая общественность этот труд, считая, что это выдающееся произведение отечественной филологии должно стать „настольной книгой каждого филолога-преподавателя, и в части преподавателя русского языка". По мнению ученых, чьи высказывания приведены ниже, труд А. А. Потебни учит преподаванию языка, его анализу, учит любить родной язык, понимать его историю и видеть в языке доказательство того большого и славного пути, который прошел наш народ.

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ

ЗАПИСКА О ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А. А. ПОТЕБНИ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВО 2-Е ОТДЕЛЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК[1]

В прошедшем 1874 г. явились две книги „Из записок по русской грамматике" А. А. Потебни. По своему исследовательному направлению они заслуживают особенное внимание как трудящихся над изучением особенностей русского языка сравнительно с другими сродными, так и следящих за успехами науки в этом отношении.

Обратить на них особенное внимание тем естественнее, что они не плод труженика начинающего, а ученого, который уже в продолжение пятнадцати лет трудами своими принимает живое участие в филологических исследованиях, участие, вооруженное знанием трудов современных деятелей и выводов в области языкознания, знанием современных требований науки и непосредственным исследованием как языков сродных с русским, так и источников, дающих более или менее важные данные об общих и местных свойствах русского языка нынешнего и прежнего времени.

Считая одною из самых важных обязанностей филолога вникание в выразительность исследуемого языка, А. А. Потебня начал свои работы рассмотрениями явлений и условий выразительности русского языка в отдельных словах, выражениях и в произведениях народной поэзии, как простых и сложных символов понятий и представлений в связи с миросозерцанием и жизнию народа, и с отдельными его преданиями, поверьями и обрядами. Начиная с 1860 г. стали являться его труды по вопросам, даваемым этим направлением языкознания. Таковы: О некоторых символах в славянской народной поэзии (1860); Мысль и язык (1862); О связи некоторых представлений в языке (1864); О мифическом значении некоторых обрядов и поверий

[1] Печатается по тексту, опубликованному в „Записках Императорской Академии наук", т. 27, кн. 1, 1876, с. 93—121.

(1. Рождественские обряды. 2. Баба-яга. 3. Змей. Волк. Ведьма) (1865); О доле и сродных с нею существах (1865); О купальских огнях и сродных с ними представлениях (1867); Переправа через воду, как представление брака (1867).

Читая эти произведения, нельзя не удивляться начитанности исследователя и уменью пользоваться знанием многих языков и произведений народной поэзии и мифологии многих народов, а вместе с тем и его широкой сообразительности в приискании соотношений между представлениями и в сравнении годных для него данных, замеченных им в самых разнообразных источниках. Немудрено, что самое обилие запасов его памяти и легкость ими пользоваться — давали ему силу увлекаться и что эта сила увлечения должна была нередко побеждать в нем сдержанность его ума, готового столько же подчиняться несомненным доказательствам, сколько и сомневаться во всем, что не объясняется такими доказательствами. Увлечение заставляло приходить к выводам, показавшимся другим слишком смелыми или и неверными, хотя и к таким же, какие были защищаемы исследователями, достойными полного уважения, и, между прочим, такими даровитыми, как Яков Гримм и Буслаев. Самые увлечения таких людей важны для успехов науки, для выработки приемов работы и приемов критики, для оценения важности данных, нужных для выводов, и выводов из них. Рассматривая с этой стороны труды А. Потебни, нельзя не быть признательным к нему за них, так же как, например, и Лавровскому за строгий разбор части их (см. его Разбор исследования о мифическом значении некоторых поверий и обрядов. 1866). Только время и последующие исследования многих деятелей могут показать, что́ именно из соображений А. Потебни должно считаться достоянием науки. Теперь же можно остаться только при уверенности, что он потрудился не совершенно напрасно — не только над объяснением значений некоторых слов в мысли и жизни народа, но и над некоторыми явлениями поэзии, мифологии и обрядности народной, что принес пользу по крайней мере подборами разнообразных сближений и сравнений.

Можно даже пожалеть, что А. Потебня, насколько это можно видеть из издаваемых им ныне трудов, уже не продолжает трудиться в направлении, которого исключительно держался в первые годы своей учено-литературной деятельности: даровитость, управляемая опытностью и желанием сознательно объяснять неясное самому себе и потом уже другим, всегда может быть порукою в пользе деятельности людей науки, в каком бы направлении они ни трудились. Нельзя, впрочем, и не порадоваться, что А. Потебня стал трудиться на том поле, которое обещает обильную жатву более верных наблюдений и выводов, на поле разбора строя русского языка.

Первые труды его на этом поприще появились в 1866 г. Это были „Два исследования о звуках русского языка". Одно из них

представило новый разбор так называемого полногласия русского языка; другое — подбор данных о звуковых особенностях русских наречий.

Первое из этих исследований, опираясь на современных домыслах общесравнительного языкоучения и на сравнении русского языка с другими славянскими и неславянскими, с ними сродными, привело к объяснению, почему именно в определенном круге слов русского языка явилось полногласие (*городъ*, *берегъ*, *долото*, *молоко* вм. *градъ*, *брегъ*, *длато*, *млѣко*) и почему в другом столько же определенном круге русских слов оно не явилось. Особенно любопытны доводы, приводимые А. Потебнею о словах второго порядка (таких, как: *трава*, *слава*, *дрѣмать*, *сѣпой*).

Второе исследование (о звуковых особенностях русских наречий) еще более важно. Воспользовавшись наблюдениями, сделанными прежде, А. Потебня не принял ни одного из них без критической оценки его верности, обогатил запас данных личным трудом по памятникам нынешнего народного языка и по памятникам прежнего времени, рассмотрел каждое из наречий отдельно, по одной и той же системе вопросов, и наконец свел все наблюдения к нескольким общим выводам. Считая долгом отметить эти общие выводы как вполне самостоятельно добытые своды частных соображений, упомяну предварительно, что А. Потебня избрал деление русских народных говоров на два главные наречия: великорусское и малорусское, а великорусского на два местные наречия: южное и северное, из которых к первому отнесено белорусское как его особенное ответвление. Выводы, к которым он пришел, суть следующие:

1. „Возводя теперешние русские наречия к их древнейшим признакам, находим, что в основании этих наречий лежит один конкретный нераздробленный язык, уже отличный от других славянских. Главнейшие звуковые особенности этого языка по отношению к старославянскому следующие: *о* вместо *е* в начале слов (*один* вм. *единъ*); *у* вм. *ѫ* перед согласными и на конце (*дути*, *зубъ* вм. *дѫти*, *зѫбъ*; *хожу*, *за руку* вм. *хождѫ*, *за рѫкѫ*); *я* (за исключением немногих случаев) вм. *ѧ* при тех же условиях (*зябнути*, *тяжко* вм. *зѫбнѫти*, *тѫжко*; *сидя*, *ся* вм. *сидѧ*, *сѧ*); *ъ* и *ь* перед плавными в большинстве случаев (*търгъ*, *вълкъ*, *смьрть* вм. *тръгъ*, *влъкъ*, *смрьть*); близость этих глухих гласных к *о* и *е*; полногласие (*воронъ*, *дерево*, *голодъ*, *волочи* вм. *вранъ*, *дрѣво*, *гладъ*, *влѣщи*); бóльшая мягкость шипящих и *ц*, которые соединяются с *я*, *ю*, а не с *а*, *у*, как в старославянском; *дж* (=*ж*) вместо старославянского *жд*; *ч* вм. старославянского *шт*".

2. „Раздробление этого языка на наречия началось многим раньше XII в., потому что в начале XIII в. находим уже несомненные следы разделения самого великорусского наречия на северное и южное, а такое разделение необходимо предполагает уже и существование малорусского (украинского. — *В. Ф.*), кото-

трое более отличается от каждого из великорусских, чем эти друг от друга".

3. „Признаки, предполагаемые всеми малорусскими говорами, можно признать древнейшими, если нет положительных указаний на противное. Ими прежде всего отделилось малорусское наречие (украинский язык.—*В. Ф.*) от общерусского языка. Таких признаков немного. Самый крупный из них есть чуждое предполагаемому общерусскому языку и великорусскому наречию количественное различение гласных *о* и *е* в слогах средних и прямых (*рйкъ—рокъ, жйнка—жона*). Такое различение могло существовать задолго до того времени, когда оно выразилось в качественном различии *о* и *е* долгих от *о* и *е* коротких, а такое качественное различение появляется в письменности не позже конца XIV в. Не можем решить наверное, какое именно качественное изменение звука *ó* предполагается всеми малорусскими (украинскими.—*В. Ф.*) говорами; но вполне вероятно, что это была двегласная. Долгое *е* повсеместно изменилось в к или *е*, что легко могло и не обозначаться на письме; короткое *е* осталось (*семь—семи*). Общемалорусскою заменою древнего *ѣ* не может быть ни *й*, ни *ји*, ни *је*: все эти формы предполагают *е*, по произношению отличное от основного *е*. Эта черта не характеристична по отношению к общерусскому языку, но отличает малорусское наречие от обоих главных великорусских говоров, которые, вероятно, задолго до XIII в. стали смешивать *ѣ*, *е* и *є*..." (Отмечены еще: переход *е* в *о* после шипящих, изменение *г* в *h*, смешение *у* и *в*, изменение *л* в *в*, возможность опускать *ть* в 3-м л. ед. ч. наст.)

4. „Предполагаемое общевеликорусское наречие, быть может, уже в X ст. или раньше выделилось от древнего языка мягким произношением *ѣ* и *е*, непосредственным смягчением согласных, предшествующих этим гласным, и ослаблением *дж* (из *дј*) в *ж*".

5. „Посредственное изменение горганных в *з*, *ц* и *с* оставалось долгое время и после того, как обозначилось различие между северновеликорусским и южновеликорусским; потом оно совершенно исчезло в первом, отчасти во втором, но почти вполне удержалось в малорусском (украинском.—*В. Ф.*)".

6. „Затем до начала XIII в. северновеликорусское выделилось более явственным, чем в других наречиях, произношением глухих звуков на конце (потом отчасти перешедших в чистое), особенным, до сих пор неясным направлением изменения звука *є* в *ё*, *о*, не менее неясным стремлением изменять *ѣ* в *и* не везде, а только в некоторых случаях, удержанием мягкости звуков *ч* и *ц* и их смешением".

7. „Южное великорусское отделилось от северного—так сказать, господством слогов ударяемых над неударяемыми, которые повлекли за собою разные явления (переходы одних гласных в другие и пр.)".

Эти выводы А. Потебни в их совокупности достаточно ясно показывают и общую точку его зрения на язык русский и на

систему звуковых особенностей языка и главные вопросы, которые хотел он решить в разборе звуковых особенностей русских наречий, и к чему пришел.

Не скрою, что с большим удовольствием был бы я готов предложить на общее обсуждение свои сомнения в правильности как общей точки зрения на систему звуковых особенностей русского языка, так и подбора главных вопросов, от которых решения зависит определение отличительных признаков русских наречий и говоров, если бы только это могло быть здесь уместно. Еще с бóльшим, впрочем, удовольствием признаюсь, что, несмотря на несходство моего взгляда со взглядом А. Потебни в общем (кроме деления русского языка на наречия), бóльшая часть частностей, мне кажется, должна быть принята и разве только иначе растолкована.

В 1871 г. А. Потебня издал новый труд того же рода, давши в нем место своду своих новых наблюдений и изысканий преимущественно по одному из русских наречий под скромным названием „Заметок о малорусском наречии". По характеру изложения это действительно заметки—настолько же, как по первичному поводу исследования; но кто, прочетши эти заметки, захочет дать себе отчет в том, чтó он из них узнал, тот будет в состоянии не только определить звуковые особенности малорусского наречия сравнительно с великорусскими в их повременном развитии, общем и местном, но и ясно отвечать на некоторые трудные вопросы фонетики русского языка вообще, имея средства доказательно оспаривать некоторые из их прежних решений, могших казаться окончательными. Нельзя при этом не заметить, что свои наблюдения А. Потебня извлек из очень богатого подбора источников, как древних и старинных, так и современных. Нельзя также не быть ему признательным за желание быть беспристрастным, дававшее ему решимость сознаваться в ошибках, отказываться от мнений, оказавшихся неверными, искать не доказательств предвзятой мысли, а как можно более данных для наиболее верного свода их к выводу. Основные выводы, высказанные А. Потебней в прежде отмеченном труде, остались, впрочем, почти все те же.

Оба обозначенные исследования А. Потебни по фонетике русских наречий очень важны для того, кто ими пользуется как пособием для изучения местного разнообразия русского языка,—и не только сводами наблюдений, в них представленными и объясненными—между прочим и сравнительным способом, но и приведением положительных данных о некоторых менее известных говорах—в отдельных приложениях.

В 1873—1874 г. появились новые заметки А. Потебни—Заметки по исторической грамматике русского языка. Они помещались в „Журнале министерства народного просвещения" в виде критических статей, написанных по поводу книг М. Коловсова (Очерк истории звуков и форм русского языка XI—XVI в.)

и Л. Гейтлера (Starobulgarská fonologie se stálym zřetelem k jazyku Litevskému), и, к сожалению, до сих пор недозданы. Заглавие давало право ожидать и разысканий по грамматике в собственном смысле слова, по строю образования и переобразования слов, и по строю сопоставления их в связной речи; но в изданных статьях разобраны только некоторые положения по русской и вообще славянской фонетике, те же, которые были разбираемы А. Потебней и в прежних его исследованиях, только с более общей точки зрения, с приведением данных из более обширного круга. И здесь А. Потебня держится того же правила, как и прежде: не защищать свое мнение как непогрешимый вывод во что бы то ни стало, не отмалчиваться в случае зародившихся сомнений, а ясно выставлять данные, ведущие к иному выводу, и вместе с тем, конечно, уважать мнения других, как бы они ни противоречили его собственным, лишь бы были научно ценны. Так, между прочим, в одной из статей представлена новая переработка решения о русском полногласии, приведшая его к некоторым новым объяснениям прежних выводов посредством сравнений, частию новых, частию измененных под влиянием указаний, сделанных другими исследователями.

Вообще, нельзя не сказать, что своими исследовательными трудами по русскому языку, доселе обозначенными, А. Потебня стал в ряд тех немногих наших деятелей на этом поприще научного трудолюбия, которые действительно помогали и помогают раскрытию и уяснению строя русского языка и последовательности его изменений. Тот новый труд его, на котором я считаю долгом особенно остановиться, удостоверяет в этом окончательно.

Это — Записки по русской грамматике (1874 г.). Вышли пока две книги: одна, сравнительно небольшая (157 страниц), заключает в себе введение; другая, очень большая (538 стр.), — разбор составных членов предложения и их замен в русском языке. Я остановлюсь особенно на этой второй книге; но считаю долгом дать свое мнение и о значении первой книги. Обращать внимание на то, что, по моему личному разумению, кажется особенно верным или особенно неверным в выводах А. Потебни, следовательно, пользоваться его книгой так или иначе как поводом высказать свои собственные домыслы и убеждения и личною меркою мерить значение его труда — считаю неуместным. Желаю представить совершенно безотносительно хоть некоторые из доказательств, заставляющие меня дорожить его трудом как важным вкладом в запас необходимых пособий для научного вникания в строй русского языка. При этом позволяю себе иногда только одну вольность — передавая ту или другую мысль исследователя, не дословно держаться его изложения, а высказывать ее своими словами, как бы она была моя собственная: то и другое допускаю по желанию выразиться короче или яснее. Считаю нелишним прибавлять иногда от себя и некоторые примеры.

В десяти главах Введения дано место обследованию общих грамматических положений: Что такое слово? В каком соотношении состоят представление, нуждающееся в слове, и значение слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? По чему узнается присутствие этой формы в данном слове? Как отличать формы этимологические и синтаксические? Что значит создание и разрушение грамматических форм? В каком соотношении состоят грамматика языка и логика? Что затрудняет при определении предложения и его членов? К чему приходим, отделяя разные члены предложения и разные части речи?

Давая отчет по каждому из этих вопросов поочередно, А. Потебня не счел возможным излагать только свои личные воззрения: и до него много раз эти вопросы были решаемы, и по крайней мере некоторые из решений случайно получили силу несомненных; а между тем не всегда можно и должно признавать их несомненными уже потому, что многие из них несогласимо противны одни другим; зная это и вместе с тем имея в виду читателей, предубежденных в пользу решений, которые в той или другой степени оказываются сомнительными, нельзя оставить их в стороне, не разобрав их где отдельно, где в связи с решениями других близких вопросов. Не от желания выказывать себя в борьбе с исследователями и мыслителями, которых домыслы не счел он возможным усвоить, а только для уяснения самого дела, А. Потебня приводит свои доводы против домыслов, им отвергаемых, так же бесстрастно, как в других случаях пользуется чужими доводами, не присваивая их себе, а указывая, кому что принадлежит.

Так, объясняя значение слова как отдельного созвучия, употребляемого для обозначения отдельного представления, и затем обозначая обстоятельства перехода слова от одного значения к другому, он, хотя и высказывает все это своеобразно, указывает, чьими именно изложениями воспользовался он при передаче домыслов, более или менее укоренившихся в науке; но когда дело дошло до определения отношений между словом и корнем, из которого оно произошло, когда надобно было определить значение корня слова, он становится своеобразным не только в объяснении, но и в самом домысле, и доказательно указывает, с какими ограничениями должно принимать ту или другую мысль того или другого исследователя-мыслителя и какую надобно отвергать, как нарушающую общий строй соображений и вместе неверно передающую то, что вызвало ее из внешнего мира жизни.

Ограничив по-своему определение корня слова [так: „корень (слова) есть знаменательное сочетание звуков, которое остается по выделении из слова всех остальных знаменательных сочетаний (звуков) и по устранении звуковых случайностей"], он не счел возможным и это определение считать полным и всюду применимым. Наблюдения над действительными и ясно понима-

емыми явлениями языков указывают, что, кроме слов, происшедших от корней так, что в них чувствуется хоть что-нибудь общее по мысли с корнем, от которого они произошли, есть слова, не напоминающие о первоначальном своем корне ровно ничем, отделившиеся так, что сами сделались первообразами слов, от них происшедших. Выражая это, А. Потебня, очевидно, дает знать, что и в среде явлений, вовсе недоступных нашему разумению, должны быть такие слова, которые, хотя и были в свое время ясно произведены от корней, ясно отличенных и верно отвлекаемых, позже совершенно отделились от своих непосредственных корней, сделались сами как бы новыми корнями или даже, по звукам и по представлениям, обозначаемым этими звуками, сошлись как родные со словами совершенно другого происхождения. Отгадать в слове *почва* то, что взято было для его образования как *подъ-шва* (подошва), можно, но вовсе не по его значению и звучности, а только по тому, что еще остались средние поколения слов, указывающих на его сродство с ними и на их сродство с более давним их корнем; отгадать можно и в слове *чанъ* его первообраз *δίσχος* только по тому, что есть в виду другие произношения и другие более древние написания его (*дщанъ, дъщанъ*, ср. *досканъ=дъсканъ*); но что, если бы не было этих средних членов? Слово *почва* могло быть, как и действительно было, производимо от *почить, почивать*, а *чанъ* от *чбанъ* и *чванъ*. Имея в виду такие трудности, нельзя заниматься отвлечением корней от слов так простодушно и с такою доверенностью к этимологическим приемам, как это нередко делалось и делается. Надо подчинить способы пользования этими приемами строгим правилам осмотрительности, видоизменить самые приемы и, во всяком случае, стеснить круг слов, подвергающихся простому этимологическому разложению.

В рассмотрении составных частей слова, условий, при которых совершается образование слова, и изменения приставок, необходимых для образования слова, во внешнем их виде и внутреннем значении, находим у А. Потебни также кое-что своеобразное, между прочим и там, где он представляет признаки отличия тех составных частей слова, которые остаются в нем неотъемлемо, от тех, которые появляются сообразно с положением его в связной речи. Он убеждает упорно и доказательно держаться мысли, что количеством форм слов того и другого рода еще не определяется ни количество оттенков идей, для выражения которых потребовались отдельные слова, ни количество мысленных постановок каждой из них в связи с другими. Форм может быть менее, значительно менее, чем тех особей мышления, которыми они выражаются. Так, напр., в глаголах *женить — женю, залетать — залетаю* и т. п. одною формою выражаются по два оттенка представления, из которых один требует в слове знака длительности совершающегося или совершившегося действия (как, напр., в глаголах *ходить — хожу, заплетать — заплетаю, забегáть — забегáю*), а другой знака недлительности действия совершившегося или имеющего совершиться (как в глаголах *воротить — ворочу* и *забéгать — забéгаю*). Так и в видоизменениях слова по падежам выражается не столько оттенков представления идеи слова в связи с другими, сколько падежных окончаний, а более. Так, например, пропажа формы звательного падежа не доказывает пропажи движения мысли, требовавшего прежде особенного окончания слова.

Рассматривая формы слов, нельзя опускать из виду и соотношения с тем, что ими должно быть выражаемо. „Каким образом доходят до мысли о падении грамматических форм? Берут, например, схемы склонений в трех периодах языка и сосчитывают в каждом отдельно различные по звукам окончания. Оказывается, положим, что в древнем языке было таких окончаний 40, в среднем 20, в новом остается 5 или 6. Отсюда вывод, по-видимому, несомненный: падение форм. Но здесь за форму принят внешний знак, тогда как форма есть значение; сосчитано число внешних знаков определенного порядка; но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значению и что присутствие их в языке было признаком богатства и порядка, а не лишним бременем для мысли; что если они и различались достаточно, то не заменялись ли какими-либо другими указаниями на форму. Число форм, т. е. формальных значений в разных периодах языка, вовсе не сосчитано. Между тем, чтобы доказать, что число форм уменьшается, нужно считать именно формальные оттенки значений — труд не столь легкий, как счет окончаний. Вероятно, результаты такого труда были бы, во-первых, менее точны, потому что в каждом языке есть большое количество таких формальных значений, коих ученые наблюдатели вовсе не замечают (если только это не их собственный язык, где они должны все различать на деле), кои учеными понимаются ошибочно или смешиваются с другими; во-вторых, при всей неточности результаты эти могли бы быть далеко несогласны с выводами из счета окончаний". „Всякое особенное употребление падежа есть особенный падеж; каждое особое значение предлога дает новый падеж. Число падежей в этом смысле скорее увеличивается, чем уменьшается".

С такими убеждениями естественно прийти к мысли не о бедности по формам языков новых сравнительно с их состоянием в древнее время, а об их богатстве. Мысль не новая, но она освещена А. Потебнею совершенно самостоятельно.

Не менее своеобразной самостоятельности, по крайней мере сравнительно с тем, что обыкновенно высказывается, находим и в тех главах, которые посвящены разбору частей предложения и частей речи. Отделение их разными названиями почти вполне оставлено прежнее, но вследствие сравнительного разбора явлений языка (или, лучше сказать, разных языков и в разные периоды их существования) почти каждому названию дано более

или менее другое значение. Для примера укажу на то, что́ А. Потебня относит к кругу так называемых связок: связкою может быть и глагол личный (как часть предиката, состоящего из него и из предикативного атрибута: *был пьян*, *воротился пьян*, *напился пьян*), и причастие („Канафа архиереи сы лѣту тому"), и предлог (связка объекта: „когда дополнение, имеющее свое дополнение, теряет значение объекта и переходит в наречие, то тем самым оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополнение с дополняемым: „копик преломити конець поля Половецькаго").

Указав только на некоторые особенности первой книги Записок по русской грамматике, считаю долгом прибавить, что не они составляют в ней то главное, что достойно внимания, а выполнение желания по возможности цельно и критически поставить все общие явления грамматического строя языка вообще применительно к строю русского языка. Такого цельного филологического разбора строя языка у нас еще не было. Не было его даже как выборки из разных книг, дающей ответы на предвзятые вопросы; в труде же А. Потебни имеем не выборку из разных книг, а переработку исследований и соображений относительно строя языка и его образования и преобразования. Можно было бы указать на „Историческую грамматику русского языка" Буслаева, если бы в ней по самой цели ее не было допущено сжатости изложения всего общего. Конечно, было бы желательно видеть в труде А. Потебни еще более объяснительных подробностей, более равномерности частей; но и в таком виде это — труд желанный.

Обращаюсь ко второй книге Записок по русской грамматике. Это — часть исторической грамматики русского языка. Упомянув только что о труде Ф. И. Буслаева, о его исторической грамматике русского языка, не могу не вспомнить о нем еще раз. Труд этот первым изданием вышел еще в 1858 г., а окончен в рукописи и утвержден к изданию начальством Военно-учебных заведений еще в 1853—1856 г.[1], в то время, когда ни у нас, ни у кого из западных славян почти не было сделано ничего по исторической грамматике родного языка. Вся книга Буслаева, и особенно вторая часть ее, синтаксис, пролила разом столько света, что ее появлением сделан новый важный шаг в разработке грамматики не только русской, но и вообще славянской. Конечно, не должны быть забыты появившиеся почти одновременно с трудом Буслаева труды Миклошича, Гатталы и Даничича[2]; но то, что составляет

[1] В 1853 г. первая часть, а в 1856 г. вторая.

[2] Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: I. Lautlehre. Wien, 1852; Formenlehre. Wien, 1856; M. Hattala. Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského, v Praze, 1857; Ђ. Даничић. Српска синтакса. Део прьи. У Београду, 1858.

главную особенность труда Буслаева, его исторические наблюдения над строем связной речи, нельзя не считать его неоспоримо первичной заслугой, тем более заметной, что для большинства тех, кто у нас занимается подробностями строя русского и старославянского языков, труд Буслаева остается и доселе главным, если не единственным руководителем. А. Потебня является достойным продолжателем Буслаева.

Имея в виду обычное расположение частей грамматики и содержание первой книги Записок, как Введения, можно было бы ожидать от этой второй книги рассмотрения форм образования слов; но А. Потебня, вследствие ли убеждения или по обстоятельствам отложив это в сторону, прямо обращается к синтаксису; и то не к объяснению первых условий строя связной речи, а прямо к сказуемому. Эта последняя особенность легко может быть объяснена. Характер изложения дела в Записках А. Потебни есть чисто исследовательный. Что необходимо было указать как основное в общем строе предложения, то указано во Введении, и затем уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать прежде сказанное. Даже и обратясь прямо к сказуемому, А. Потебня не счел нужным повторять прежде сказанного о сказуемом, а, сославшись на места Введения, где это изложено, обратился прямо к предметам исследования. Руководствоваться в научном исследовании языкознательными приемами, прилагать отвлеченное рассуждение как объяснительную силу прямо к явлениям русского языка, каким его знаем ныне в письменном употреблении или и в живой речи под властию ли обычаев приличия образованного общества или даже и под властию навыка простого народа, как источника, дающего языку образованного общества главную питательную силу, должно было оказаться невозможным в такой же мере, как подвергать научному обсуждению какое бы то ни было явление жизни отдельно, без связи со всеми другими сродными явлениями. Перед глазами исследователя должен быть язык во всем разнообразии его местных и временных видоизменений и, вследствие анализа не отвлеченного, а чисто вещественного, явиться перед ним более или менее стройною связью явлений, подчиненных законам естественной изменяемости и перестраиваемости, соподчинения и взаимодействия и законам влияния внешних причин. Так рассматриваемый язык не может быть для исследователя явлением, выделенным от всех других, хотя бы и стройно сложным и самостоятельно полным, а только одним из явлений, которые с ним более или менее сродны и среди которых он занимает место частное, как местное наречие в ряду других местных наречий того же языка. Разбирая строй русского языка в его временных и местных видоизменениях, исследователь не может отстраниться от разбора ни других славянских языков и наречий, ни таких близко сродных со славянским, каковы литовский, латышский и тевтонские, ни даже таких более далеких, но все-таки сродных, каковы, напри-

мер, греческий, санскритский и т. п. Тем более нужно расширить круг наблюдений исследователя, который, подобно А. Потебне, держится вместе со многими другими убеждения, что так же как до появления разных местных наречий русских было одно русское наречие, местное в отношении к одному славянскому языку, так и до выделения славянского языка от других был один язык для славян и литовцев с латышами, еще ранее один для этих всех вместе с греками и т. д., еще ранее для всех людей арийской отрасли. Такой исследователь должен на всякое, по крайней мере на всякое важное, свойство строя рассматриваемого языка глядеть как на явление, могшее получить начало в очень и очень отдаленное время, искать его первообраза с коренными признаками в языках древнейшего образования или в тех, где коренные признаки сохранились в наиболее чистом виде, и проникать в повременный порядок видоизменений рассматриваемого свойства в разных языках. Такой исследователь не позволит себе уверенности ни в силу своей догадливости, ни тем менее в уместность случайных приравнений. Круг его наблюдений и их сводов ограничивается только одним пределом — пределом невозможности проникнуть далее, и работы его тем труднее и сложнее, чем менее может он пользоваться прежде сделанными наблюдениями с уверенностью, что они полны и точны.

Так и понял свои обязанности А. Потебня. Начав с подбора данных русского языка прежнего и нынешнего времени и с приведения их в стройный порядок, он продолжал свою работу подборами объяснительных данных из языка старославянского и из западнославянских наречий, затем обратился к данным языка литовского и латышского, некоторых тевтонских и т. д. Не раз, конечно, должен он был ворочаться к источникам, уже прежде им обследованным, для проверки наблюдений или для искания данных, которые прежде могли быть им не замечены; не раз потрудиться и над переверкою итогов, полученных прежде. Не утаенно и не без признательности пользовался он тем, что сделано до него другими исследователями, такими, как Буслаев, Гаттала, Миклошич[1] и т. д., но только тогда, когда находил это возможным; в такой же мере без самоуверенности и тщеславия он отклонялся от выводов, несогласных с выводами, к которым его приводили его личные наблюдения. Нет ни суетливой поспешности в приискании исхода, ни позывов упорства стоять на своем наперекор данным, ни щеголянья новизною. Видим простой, покойный труд ученого, у которого нет никаких задних мыслей и побуждений, кроме желания узнать узнаваемое как можно вернее. Если бы такой труд и не привел исследователя ни к чему особенно важному, то он все-таки был бы достоин полного уважения как труд, веденный по приемам, стóящим подражания, и с помощью их, по крайней мере, оправдавший то, что было до него только сомнительно верно. Труд А. Потебни достоин уважения не только по приемам, в нем употребленным, но хотя отчасти и по тому свету, который им наведен на одну из любопытнейших сторон строя русского языка в его историческом развитии сравнительно с другими.

[1] Из произведений Миклошича особенно важна была А. Потебне четвертая часть его „Vergleichende Grammatik": Syntax, которой начало появилось еще в 1868 г., а конец только в 1875 г.

Обняв взглядом разнообразные явления составного сказуемого, А. Потебня нашел наиболее удобным привести их в строй к четырем порядкам: 1) явления при глаголе или причастии именительного второго; 2) явления вторых косвенных падежей; 3) явления неопределенного наклонения без падежей и с падежами; 4) явления творительного падежа вообще и особенно в случаях замены им второго согласуемого падежа. Показать, как что им рассмотрено, значило бы повторить всю книгу — в том же или каком-нибудь другом порядке. Поневоле ограничиваюсь только кое-чем.

Прежде всего воспользуюсь собственными словами А. Потебни для обозначения основного вывода о двух периодах жизни языка, как они выражаются в строе предложения.

„Прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частию оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частию же изменяет свой вид и значение в целом — единственно от присутствия нового. Согласно с этим полверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов. Признавая эту пестроту поверхности языка (например, то, что обороты *он был купец* и *он был купцом*, стоящие рядом в нынешнем языке, не одновременны по происхождению и не однородны, но построены по различным планам), стараясь сколько-нибудь определить пропорции, в каких на обращенной к нам поверхности языка смешаны разнохарактерные явления, мы вместе с тем приходим к необходимости выяснить характер их, поставивши их в ряды других, с ними однородных. Явления, представляемые составными членами предложения, принадлежат к двум разновременным и разнохарактерным наслоениям. Древнейшее из них оказывается, за немногими исключениями, общим славянскому языку с другими древними индоевропейскими. Общая его черта есть недостаточное синтаксическое различение и даже безразличие глаголов служебных и знаменательных и в составе предложения такое господство начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны (вторые падежи такие же, как и первые: при первом именительном второй именительный, при первом родительном такой же второй и т. д.). Во втором, более позднем наслоении, отчасти уже покрывшем собою первое, мы находим: слияние составного сказуемого в цельное; усилия, отчасти успешные, образовать чисто формальные глаголы; разложение составного сказуемого на сказуемое с при-

даточным предложением; замены вторых сказуемых падежей частию несклоняемыми словами сравнительно позднего образования (прилагательного наречием, причастия деепричастием), частию падежами с предлогом, частию творительным падежом. Сюда же принадлежат некоторые изменения в неопределенном наклонении. Эти явления при всем своем разнообразии имеют то общее, что составляют результат стремлений к диф[ф]еренцированию членов предложения. Язык, которому они принадлежат, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (язык новый) стоит выше того, к которому относятся составные члены предложения (язык древний)".

Все это доказано в книге подробностями, не случайно подобранными, а естественно слившимися к этому общему центру.

Так, например, та часть вывода, в которой указано, что общая черта древнего языка есть недостаточное синтаксическое различение и даже безразличие глаголов служебных и знаменательных, не могла не явиться после разбора употребления многих глаголов, начиная с глагола *быть*.

„Глагольные формы корня этого глагола, потерявши предполагаемое в нем значение „расти" (ср. греч. φύτον, слав. кыикъ), долго оставались при довольно конкретных, отнюдь не чисто формальных значениях возникновения (стать, возникнуть) и случайности, превращения (стать другим), пребывания, совершения. Сродные языки ставят на место этих форм различные весьма конкретные глаголы. *Быть* во множестве случаев соответствует греческому ἐγένετο, γέγονεν. В выражении „съ горы идѣже послѣ же бысть Кыквъ" вм. *бысть* мы теперь поставим *создался, построился, стал, возник* и т. д.; в „соволокиться и *бидить* нази" *бидить* значит не то, что ныне, а „станут"; „да *будете* мои ученици" значит: ἵνα γενήσεσθε ἐμοὶ μαθηταί, „чтобы вы стали моими учениками" (в списках „вься тѣмь быша и безъ него ничьто же не бысть кже бысть"). Вместе с глаголом γίγνομαι глагол *бѫдѫ* — быти имел значение „случиться, сбыться, совершиться": „аще *бѫдеть* обрѣсти" = ἐὰν γένηται εὑρεῖν, si acciderit ut inveniat, so sich's begibt dass er's findet, „ако се догоди да нађе", nahodi li t'se mu nalezti, jesli się zdarzy (gdy by się trafilo) znaleść, jej tropitus atrasti; „розга не можеть плода сътворити аще не бѫдеть на лозѣ = ἐὰν μὴ μένῃ, nisi manserit, bleibe denn, ne zůstala li by, jesli ni będzie trwała, jej ne pasiliekt и т. д. В относительно позднее время *бы — буд* теряет значение „werden", для выражения которого начинают употреблять другие глаголы (например, в русском *стану, стать*), и получает значение бытия — без всякой особенной конкретности.

Глагол *есть — буду — быть* не только в значении бытия, но и в разных оттенках конкретного значения требует за собою именительного не только причастий, но и имен прилагательных и существительных („мънози же бѫдѫть прьвии послѣдьнии, а послѣдьнии прьвии, Богъ ти бѫди послухъ, разболѣвъся и бысть мнихъ, Болгаре насельници Словѣномъ быша"). Вместе с этим

глаголом таким же свойством притяжения именительного обладали в древнем языке и многие другие глаголы: *мьнѣтися, творитися, повѣдатися, явитися, прѣбыти, стати — стоѧти, сѣсти — сѣдѣти, лежати, вестися, прѣстати, коньчати, съвръшити, довѣлѣти, съжалитися, вбоѧтися* и др. Вот несколько примеров, указывающих на это: „ничьтоже ся мьни [женѣ] сътворьши безъчиньна" (Изб. Свят. 1073 г.; о жене): думала, что не сделала ничего непристойного; „мняшеся ѧмомь сѣдя в цр҃кви" (Сказ. Бор. и Гл.): представлял себя в уме сидящим у церкви; „законъ безаконьникомъ отечьствиѫ мьниться" (Геор. Амар.): у не имеющих закона отеческие обычаи считаются законом; „творяшеся [игѫменъ] епископа прашавъ" (Вопр. Кир.): сказывал, будто бы епископа спрашивал; „творять инии слышавъше отъ епископъ" (там же): дают знать, будто слышали от епископов; „Изяславъ передъ вами не твориться правъ" (Ипат. л.): не выдает себя правым; „повѣдаше бо ся изъ иного града пришедъши" (Бор. и Гл.): сказывалась пришедшею из иного города; „да ся быша ѧвили чл҃вѣкомъ постяще" (Мѳ., VI, 16): чтобы показаться людям постящимися; „Вышегородъ вторыи Селянь ѧвися въ Рѫсьстѣи земли" (Бор. и Гл.): В. стал на Руси вторым Селунем; „Пребысть немды" (Бор. и Гл.): остался неевшим; „пребываюши сѣдя и позорѫ ини" (Посл. Никиф.): остаешься сидящим и глядящим на других; „Ста рака непостѫпящи" (Бор. и Гл.): остановилась рака неподвижною; стояше вся осенина дъждлева" (Новг. л.): вся осень оставалась дождливой; „Святъславъ сѣде княжа въ Переѧславьци" (Пов. вр. л.): С. сел княжить в П.; „сѣде Олегъ княжа въ Кыквѣ" (Пов. вр. л.); „Лежала въ лари там грамота положена годъ" (Пск. л.): осталась лежать та грамота в ларе год; „Угре лежахѫть пьяни ако мр҃тви" (Ипат. л.): Уг. лежали пьяными; „та вотчина лежить пуста" (Гр. 1609); „Дияволъ не престаѥть воемь на родъ хр҃ьскыи" (Пов. вр. л.); „Данилъ не престаѥшеть строѧ рать" (Ипат. л.): Д. не переставал устроивать войско; „Они ведѫться полонени, ови посѣкаеми (сѫть)" (Пов. вр. л.): иных повели пленными, иных побили; „Коньчаша црковь владычи́ню пишюще" (Новг. л.): окончили расписывать церковь; „яко сконча зижа [церковь] ѫкраси ю иконами" (Пов. вр. л.): когда окончил строить (церковь), украсил ее иконами; „ѥгда съврьши Ис҃ъ заповѣдаѫ ѫченикома" (Мѳ., XI, 1): когда И. окончил свою заповедь ученикам; „Данилъ съжали си отъславъ сына си Л'ва" (Ипат. л.): Д. пожалел, что отослал своего сына Льва; „Не вбоявшася князя два имѫще" (Пов. вр. л.): не испугались того, что у них было два князя.

Приведя примеры подобного употребления таких глаголов из сербского, чешского, литовского и латышского, А. Потебня дал такое объяснение сочетания означенных глаголов с причастием:

„В составном сказуемом старинного языка, как в *твориться ида*, значение причастия *ида* (в отношении к глаголу *твориться* — притворяется) составляет содержание его притворства; признак, заключенный в причастии, представляется возникающим в силу энергии, выраженной глаголом *твориться*; причастие, согласуемое с подлежащим и, таким образом, не самостоятельное по отношению к нему, в то же время не самостоятельно и по отношению глагола в сказуемом. В выражении нынешнего языка *идучи притворяется* содержание деепричастия *идучи* не возникает вместе с деятельностью глагола, а только сопровождает ее, причем глагол требует пояснения (обозначения содержания притворства)... Глагол здесь не вспомогательный, а самостоятельный (так же как и деепричастие в отношении к подлежащему). Древний язык не видит формальной разницы между глаголами *твориться* и *есть* в *твориться ида* и *есть судя*, принимая оба за вспомогательные.."

Другое не менее любопытное объяснение дано А. Потебней при показаниях сочетания этих и других глаголов с прилагательными в именительном падеже (стр. 67 и след.) и с существительными (стр. 75).

Отдельно отмечен второй именительный с причастием аппозитивным (составное приложение), где означенные глаголы являются в виде причастий: „Каиафа архиереи сы лѣтѣ тому" (Io., XI, 49); „Андрей князь толикъ вмникъ сы" (Ипат. л.); „преставися епископъ Стефанъ бывъ прежде игуменъ Печерьскому монастырю" (Пов. вр. л.); „Равнъ ся творя Богъ" (Io., V, 18); „Ростовьци и Сждалыци творящеся старѣишии": выказывая себя старшими; „Мьстиславъ творяся на Ляхы ида" (Ипат. л.): М., показывая вид, что идет на ляхов; „Литва мняще мирно сще" (Ипат. л.): Л., думая, что находится в мире..

Представя значительное количество разных случаев употребления второго именительного, соединяемого с глаголом, как выражения свойства древнего языка, только отчасти оставшегося в более позднем языке, А. Потебня с таким же вниманием остановился и на случаях употребления вторых косвенных падежей: винительного, родительного, дательного.

Остановясь на винительном, он прежде всего обозначил определительно различие древнего и нового языка в круге употребления винительного падежа: в новом языке круг его употребления гораздо ограниченнее. В древнем языке *слышати влъховы* значило и „слышать волхвов" и „слышать о волхвах", а потому и можно было употреблять винительный падеж post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi и сказать: „видѣвше короля идуща прочь" (Лавр. л.), „увѣдавше смерть княжю" (Ипат. л.), „мняхуся Болгарьскыи полкъ" (Лавр. л.), „мнѣша ти Святослава и Рюрика" (Ипат. л.), „повѣдаша вѣжи и стада Половецкая у Голубого лѣса" (Ипат. л.). В новом языке этот винительный во многих случаях невозможен и заменяется другим оборотом, иногда очень

сложным. „В памятниках, из коих можем заимствовать примеры широкого употребления винительного падежа), столько же или и более обычны обороты, близкие к нынешним с предлогами и союзами: „слышавъ о.., увѣдаша еже (*иже, яко*" и пр.). Это только подтверждает ту известную истину, что явления, возникшие при старом строе языка, могут переживать этот строй, исподволь становясь исключениями, и что, наоборот, новые явления языка вначале являются как пятна на старых. Нам важно только то, что чем архаичнее памятник по языку, тем более обходимо в нем разграничение прямого и посредственного объекта, и что нынешнему книжному языку вовсе чужды обороты, еще встречаемые в просторечии, как, например, „сказывает журавля на сосне", „насказать семь пятниц на неделе", „чуемо там доброго пана". Такой винительный уцелел и в сербском и в латышском и вовсе не предполагает ощущения неопределенного наклонения.

Второй винительный может быть существительным, прилагательным, причастием (в более позднем языке деепричастием); может быть простым и составным: „сына моего поимите собѣ князя" (Новг. л.); „села ихъ писта положиша" (Новг. л.); „видѣша князя бѣжавша" (Пов. вр. л.); „князя творяхуть спяща" (Ипат. л.); „слышавша князя пришедша" (Лавр. л.) = „слышавше князя пришедше" (Ипат. л.); „видѣ желѣза изломана лежаща" (Сказ. Бор. и Гл.); „обрѣтено тѣло святого лежаще цѣло" (там же); „видѣвъ ю добру сщу зѣло лицемь и смысленъ" (Пов. вр. л.). Такие обороты находим и в других славянских наречиях — то в древних, то и в новых. Уцелело кое-что и доселе в русском: „Беспечальна мати меня породила" (Пов. о Горе-Злоч.); „ласточку свою он видит на снегу замерзшую" (Крылов); „раздевали раненых, оставляя нагих посреди поля" (Пушк.); „мене мати породила некрещёну" (Пес.); „видели молодца сядучись, а не видели молодца поедучись" (Был.; по другому списку без *сь*: *седуци*, *поедуци*).

Рассмотрение употребления родительного падежа второго, по согласованию с первым, предупреждено общими объяснениями употребления родительного частного, отрицательного, искомого (при глаголах: *алкать*, *жаждать*, *ждать*, *требовать*, *искать*, *просить* и т. п.). Затем рассмотрено употребление второго родительного, как заменяющего второй винительный, при глаголах отрицательных — употребление, общее всему славянскому языку и оставшееся в такой же измененной форме, как в народном русском (с деепричастием). Кроме того, обращено внимание на родительный времени, который при употреблении причастия (или вместо него деепричастия) является не только двойным, но и самостоятельным: „Того же лѣта исходяча приходи Роман к Врумостоятельным: „Того же лѣта исходяча приходи Роман к Врумостоятельным: „того же лѣта исходячи разболѣся чему" (Лавр. и Ипат. л.); „сѣде Романъ въ Кіевѣ мѣсяца июля Мьстиславъ" (Ипат. л.); „сѣде Романъ въ Кіевѣ мѣсяца июля наставьша" (Ипат. л.) и пр. С этим употреблением родительного

11½ № 5118

можно сравнить наши выражения: *прошлого года, прошлого лета, минувшего лета* и т. п.

Наблюдения над употреблением второго дательного падежа, кроме его сочетания с неопределенным наклонением, приводят к отличению двух его положений: в одном дательный является в виде дополнения к главному сказуемому, в другом — в виде независимого прибавочного предложения, что называется дательным самостоятельным. В том и другом случае место причастия может быть занято деепричастием, как видно из следующих примеров: а) „Аще велика человѣка крестиши, а еще блазнъ бѹдеть ѥмѹ спящу въ тѣ осмь днии, дати ѥмѹ причащение немывшеся (= немывшися) но кланявшюся" (Вопр. Кир.); „добывшу ѥмѹ землѣ Нѣмецкоѥ дати ѥмѹ всю Романови" (Ипат. л.); „брату твоѥмѹ Михалку ѹмершю еще девятого дне нѣтуть" (Лавр. л.; ср.: этому ребенку еще нет девяти дней); б) „Сѣдячю же Глѣбови въ Кыквѣ приде множество Половець" (Ипат. л.); „ратившемася полкома побѣди Ярополкъ Ольга" (Пов. вр. л.); „идячи ми сѣмо видѣхъ бани древѣны" (Пов. вр. л.); „приде князь ѳоминѣ недѣли исходяче" (Новг. л.); „зажьжеся пожаръ въ недѣли на всѣхъ святыхъ, идиче къ заутрени" (Новг. л.); „бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ видяще ѹ собе великого князя всея Ростовьскыѥ земли" (Ипат. л.).

Рассмотрение обстоятельств появления деепричастия в означенных сочетаниях дало А. Потебне повод вникнуть в разные оттенки употребления деепричастия в русском старом и новом простонародном, а вместе с тем и в литовском и латышском.

За исследованием случаев появления вторых косвенных падежей в книге А. Потебни дано место разбору обстоятельств употребления неопределенного наклонения. При этом исследователь нашел нужным прежде всего отвечать на некоторые общие вопросы, и, во-первых, на вопрос: что такое неопределенное наклонение, имя или глагол? Разбор мнений соединен с припоминаниями грамматического значения и употребления инфинитива в разных языках и сводится к выводу, что хотя в былое время он и произошел из существительного, но по своему значению и употреблению должен быть рассматриваем как часть глагола. Другой общий вопрос касается количества разных родов случаев употребления инфинитива в разное время, причем, между прочим, обращено внимание на заменение инфинитивом особенных форм на *тѹ* (быту) и на *тъ* (так наз. достигательного), а вместе с тем и на ограничения употребления инфинитива в болгарском и сербском.

Перейдя к частностям употребления неопределенного наклонения преимущественно в русском языке, А. Потебня распределяет их на два главные отдела: в одном рассматривает субъективное неопределенное под зависимостью глагола личного, в другом неопределенное объективное.

В первом отделе дано место разбору случаев появления неопределенного при глаголах *имамъ, хощѫ, начну, стану, буду* и потом при других глаголах (*желаю, прошу, люблю, надѣюсь, обѣщаю, клянусь* и пр.) и при прилагательных (*радъ, воленъ, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, привыченъ, ретивъ, лѣнивъ, слабъ* и пр.).

Во втором отделе рассмотрены случаи употребления: винительного с неопределенным (*осѫдиша и быти повиньна сѫмрти*), дательного с неопределенным (*достоить ти быти кропки*), неопределенного с дательным (*аще ли вы будете крестъ цѣловати*), неопределенного с другим неопределенным (*сколько ни плакать, а быть перестать*), неопределенного со страдательным оттенком (*аже по грамотамъ ходити ногама, аже кто изрѣзавъ помечеть, и слова бѫдетъ знати*).

Подробно рассмотрены и случаи употребления неопределенного, не связанного с главным предложением посредством относительного слова (*како ваю похвалити, нѣ камо ся дѣти*), неопределенного с *бы* (*створи совѣтъ кида бы воевати, поча думати како бы ѹмиритися*) и неопределенного абсолютного (*знать не знаю, ведать не ведаю*).

Последняя часть второй книги Записок посвящена исследованию творительного падежа. И тут прежде всего дано место рассмотрению разных взглядов на творительный падеж и объяснению собственного взгляда исследователя. Затем рассмотрены разные случаи употребления творительного по оттенкам его значения: тв. социативный (*солию и квасомъ и водою мяку мѣсимъ*), тв. места (*вѣнидѣте жѣкыми враты*), тв. времени (*четырьми десяты и шестиѭ лѣтъ създана бысть црькы си, а ли трьми дьньми въздвигнеши ѭ*), тв. орудия и средства (*придоша коньми*), тв., условленный страдательным сказуемым (*не стыдися нищетою, нужею поведеся*), тв., условленный именем или наречием (*повиньни опитимьею, богатъ милостію*), тв. отношения (*възрастомъ лѣтъ, лицомъ и голосомъ герой*), тв. причины (*изнемагахоу людиѭ гладомь, ѩбьенъ бысть съвѣтомъ бояръ*), тв. образа действия (*боися ложью глаголати, самъ не ходяшеть полкы своими*). Хотя этому рассмотрению дано место только как вставке, не непосредственно относящейся к задаче книги, тем не менее оно очень богато припоминаниями и соображениями, очень любопытными и важными.

Отдельно и сравнительно подробнее рассмотрен творительный падеж на месте вторых (согласуемых) падежей. За разбором разных взглядов на него исследователь остановился на значении его как выражения признака и состояния, обратил внимание на употребление его для уподобления (*вълкомъ рыскаше*) — на зна-

чение творительного аппозитивного (*постриженся дици еще дѣвою*), на заменение им второго косвенного падежа (*престѣльникомъ зъвати, поставилъ Ярославъ Лариона митрополитомъ*), на употребление его вместо именительного предикативного (*бѣ была мати его чернищею*), на употребление творительного в прилагательных (*мимоходячи прославять человька любо добрымъ любо злымъ*). Рассмотрение частностей этих употреблений творительного падежа закончено общими соображениями относительно характера их и припоминаниями подобных явлений в языках польском и литовском.

Ограничиваю пока этим обозрение труда А. Потебни.

Стройное богатство подобранных данных, их объяснений и сближений, приводящих к характеристике древнего и нового русского языка, и положительность выводов о ходе его изменений дают труду А. Потебни важное значение в ряду других новых трудов по русскому языку. Не он начал то, за что взялся; но он продолжал начатое другими с таким успехом, что если теперь кто-нибудь займется изучением русского языка с исторической точки зрения, при помощи трудов, изданных до Записок А. Потебни, и не возьмет в помощь себе этих Записок, то он во многих случаях останется в темноте, с вопросами без ответов или с неясными ответами без доказательств.

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ

ДЕСЯТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМИИ (ТРУДЫ А. А. ПОТЕБНИ)

Читано на торжественном заседании Академии наук 29-го декабря 1875 г.[1]

С году на год смелее можем мы думать и говорить, что исследовательная наука пустила свои жизненные корни в нашу почву, что хотя и редко, более поодиночке, но все чаще и оживленнее, все с большею силою увлечения к исследованиям дают о себе знать наши люди науки трудами своего дарования и знания; все чаще привлекают других к таким же трудам, и все чаще приходится узнавать о таких из них, которые остаются верными раз избранному делу науки на всю жизнь — как бы выгодно или невыгодно ни сложилась ее внешняя обстановка. Конечно, еще не пришло для нас время, когда нередкие из тех, которых жизнь влечет в сторону от научных работ, будут владеть своим временем, чтобы ими заниматься; но и из таких людей были и есть достойные благодарного воспоминания не только за их сочувствие к деятельности других, но и за их личное участие в научных исследованиях, за их собственные труды. Не забыто время, когда из людей, обязавшихся жить для науки, очень немногие посвящали ей свои заботы; но оно уже прошло, по крайней мере проходит.

Таких ученых, которые знают, за что и как взяться, и устойчиво работают как самостоятельные дельцы, уже не очень мало, и их можно найти везде, где есть возможность заниматься наукой, отмеченных не пристрастием благоприятелей, а спокойною внутреннею доверенностью их сотруженников и посторонних образованных ценителей, а вместе с тем и теми, от которых внимания к ним могут зависеть успехи наук и просвещения. В ряду

[1] Печатается по тексту, опубликованному в „Журнале Министерства народного просвещения", 1876, ч. CLXXXIV, с. 1—13.

таких мест, где с довольно давнего времени были ученые деятели, уважаемые другими подобными в других местах России, с самого основания университета оставался и остается Харьков.

На трудах одного из ученых Харьковского университета счастливый случай позволяет мне остановить Ваше просвещенное внимание. За его научную деятельность Академия наук сочла своим долгом ввести его в ряд своих членов-сотрудников; за его последние две книги — „Из записок по русской грамматике" — она признала его достойным Ломоносовской награды: это профессор Харьковского университета А. А. Потебня.

За пятнадцать лет назад, в 1860 г., появились его первые труды, и с тех пор почти не проходило года, чтобы не был им издан по крайней мере один труд.

Предметом первых его трудов, в том числе и двух больших („О некоторых символах в славянской народной поэзии", 1860 г., и „О мифическом значении некоторых обрядов и поверий", 1865 г.), был разбор русского языка сравнительно со сродными, в отношении к выразительности его отдельных слов и выражений, простых и сложных, а равно и целых произведений народной поэзии, как простых и сложных символов понятий и представлений, важных по связи их с общим миросозерцанием и жизнью народа и с отдельными его преданиями, поверьями, обычаями и обрядами. С 1866 г. стали появляться его труды по разбору строя русского языка.

Не непочатое поле нашел он, принимаясь за исследования строя русского языка. Кроме старых трудов Востокова, Греча и других, он мог иметь и имел под руками важные труды Павского, Буслаева и еще некоторых, а вместе с тем труды Миклошича, Гатталы, Даничича и некоторых других западных славистов. Он нашел сделанным многое; но многое и едва начатым и недоделанным; нашел и произвольные толкования на основании случайно образовавшихся предположений, признанных за истину, и привычку к ним, и защиту их, и защиту нововведений, ничем или почти ничем не оправдываемых, не говоря уже о том, что при решении некоторых крупных вопросов относительно русского языка были принимаемы в расчет не данные о языке, а кое-что совершенно постороннее. Ни один из славянских языков, ни даже старославянский язык, которого родина и первичный строй доселе еще не определены окончательно, не давал поводов к таким различным соображениям и домыслам, как язык русский. Из всего того, что есть в виду о русском языке, надобно выделить ценное, отстранив неподходящее под уровень требований строгой науки — хотя бы и не сразу, не без колебаний, хотя бы отчасти и языкознательным чутьем. При

этом ограничить кругозор своих наблюдений и исследований одним книжным новым языком, даже и с прибавлением того, что хотя и не принято в печатной речи, но принято или осталось в устной речи образованного общества, было бы невозможно. Как ни любопытно уяснение всех явлений строя литературного языка сопоставлениями их самих взаимно, оно ни на сколько не может удовлетворить ищущего его, если только не захочет он идти покойно-самодовольным ходом оправдательного осмысления всех навыков, в силу которого все, что принято большинством, должно считаться соответствующим законам строя языка — пока остается принятым. Для уяснения строя даже и этой доли русского языка наблюдатель-исследователь должен раздвинуть свой кругозор и вширь — в область языка народного, и вглубь — в область языка времен прошедших, там и там при помощи языков иностранных. Но раз вошедши в эти области, не может уже он (если только не поневоле стеснил круг своих наблюдений или не мог победить своего пристрастия к современному литературному языку, как к единственно важному в каком бы то ни было отношении) не переменить срединной точки своих наблюдений. Середину его кругозора, если не как ясно понимаемая действительность, то по крайней мере как искомый образ бывшего и минувшего, займет тот древний язык, от которого как ветви пошли все местные наречия и говоры и который во всех ветвях своих переменялся и сам по себе и по действию разных обстоятельств. Книжный общественный язык им будет уважен как самая важная из ветвей языка, как главная связь всех частей народа, как главный проводник и хранитель образованности народа; но все-таки как одна из ветвей, даже как ветвь от ветви, только берущая соки не от одной ветви, а от разных, от самого корня языка.

Именно так понял свою задачу А. Потебня. Он не отверг, а еще более уяснил домысл, что русский язык в то древнее время, от которого уцелели свидетельства о нем и памятники, старейшие из доселе найденных, в строе своем отличался от старославянского, принятого церковью, очень немногими особенностями, — более как говор от говора, чем как наречие от наречия, и сам в себе, в своем строе, если и не везде был совершенно одинаков, то все-таки был нераздельною единицею. Уже позже начинают показываться в памятниках черты, заставляющие предполагать разделение русского языка на местные говоры, отличные один от другого — то по удержанию древних звуков, то по их заменениям другими, опущениям и прибавкам новых. Обстоятельства помогли выделению наречий малорусского и великорусского, говоров северного и южного великорусского, разделению этого южного на две половины, восточную и западную, так называемую белорусскую, а позже и их местным соединениям, образованию двух книжных языков, западного и восточного, и окончательному преобладанию восточного. Если бы вследствие

более внимательного разбора данных, доселе найденных, и открытия новых и могли оказаться какие-нибудь неверности в частностях, которыми так или иначе должен быть обставлен этот общий вывод о русском языке, то все-таки частные неверности едва ли могут повести к какой бы то ни было коренной его перемене. Так направив свои исследования по историческому пути, А. Потебня держался его без всяких предвзятых решений и, поверяя прежде высказанное своими личными исследованиями, принимал из него только то, что оправдывалось соображениями данных, смело отвергая все, что не могло быть ими доказано. Таким образом, отвергши самую возможность домысла, что русский язык в древности мало чем отличался от нового русского языка, он отверг и возможность предположения, что наречия великорусское и малорусское не суть ветви одного и того же корня или что они отличались одно от другого искони очень резко, чуть ли даже не теми же особенностями, как и теперь. Оба эти предположения заняли место в литературе и даже отчасти в помыслах исследователей так же бессознательно, как случается в обыденной жизни при каких бы то ни было недоразумениях, когда незнание поддерживается нежеланием знать, желанием не знать. Чуть ли не в наших столичных литературных центрах, прежде чем где, стали высказываться оба предположения, одно в виде зачета за церковнославянское всего нашего древнего, а другое в виде непонимания даже самых понятных малорусских выражений, в виде насмешки над ними и т. д. Значительно позже явились научные попытки настаивать на этих предположениях, впрочем, не предупрежденные никакими исследованиями, попытки исторические и филологические, и, мешаясь с вождениями, поддерживавшими их силу, они продолжаются доселе. Против всего такого можно и не бороться; но, отвергая их как ненаучные мечты, объяснять одни другими научно ценные наблюдения, которые не могут быть незамечены и не оценены каждым, кто не лишен научного зрения и спокойствия взгляда,— это долг ученого, ищущего только истины, высказывающего только то, что сознательно считает он правдой. Таким и показал себя А. Потебня—своею требовательностью в отношении к полноте подбора данных.

Таким показал он себя в двух замечательных исследованиях, из которых одно дает соображения о звуковых особенностях русских наречий, другое о малорусском наречии. В первом из них, как вывод из наблюдений, представлены общие соображения о том, чем отличался древний русский язык от старославянского, а затем—как и когда стали выделяться из общерусского языка местные наречия: прежде великорусское и малорусское, потом в великорусском северное и южное и т. д. Может быть, иной исследователь, по привычке смотреть на дело иначе, чем смотрит А. Потебня, не согласится кое с чем из того, что́ он утверждает, но и он не станет отрицать в его

работе совестливого желания, вооруженного знанием, добраться до истины.

Одновременно с работами по определению общих черт русского языка и особенных черт каждого из наречий А. Потебня занялся и подробною разработкою каждой из общих черт звучности русского языка сравнительно со старославянским и с другими славянскими наречиями, а равно и с другими сродными языками. В одном из исследований разобрал он вопрос о русском полногласии разносторонне и значительно отлично от других ученых, им занимавшихся; в других исследованиях, кроме нового пересмотра вопроса о полногласии, разобраны обстоятельства употребления разных звуков в русском языке сравнительно с другими славянскими и неславянскими языками. К сожалению, эти исследования еще не все изданы. В том, что́ издано, выяснились некоторые любопытные частные выводы, выяснилась также самостоятельность А. Потебни в употреблении научных приемов и вообще работы, его основательное знание языков и близкое знакомство с трудами ученых лингвистов. И не в такой бедной по лингвистике литературе, какова наша, исследования А. Потебни были бы приняты с уважением; тем более дорожить ими надобно у нас.

Считаю долгом отметить одну черту в произведениях А. Потебни: это спокойствие в обсуждении данных и в извлечении вывода. Не защищать свое мнение как непогрешимое, во что бы то ни стало, не отмалчиваться в случаях зародившихся сомнений, а ясно выставлять данные, ведущие к выводу, и вместе с тем уважать мнения других, как бы ни противны были они его собственным, лишь бы были научно ценны: такого правила держится он постоянно и потому остается сам и дает возможность читателю оставаться вне всяких полемических тревог.

Все указанные труды А. Потебни о строе русского языка были как бы опытами приготовления к тому большому труду, который он имел в виду и из круга которого он брал для разработки пока только одну долю, более других отделимую от остальных,— разбор русского языка в отношении к его звуковому строю. Предметом большого труда должен был быть разбор грамматического строя языка. Этот труд, конечно, потребовал долговременных передовых приготовлений, собирания и обдумывания данных, внимательного пересмотра прежних исследований и домыслов и его личных исследовательных работ по применению общих лингвистических соображений к вопросам о строе русского языка и других с ним сродных.

До сих пор вышли в печати две книги из этого труда, которому он дал название „Записок по русской грамматике“. И их достаточно, чтобы удостовериться в совестливости исполнения им принятых на себя обязанностей и в достоинстве самого труда,— достаточно тем более, что каждая из них сама по себе

может быть рассматриваема как отдельная стройная связь исследований и соображений.

Первая книга заключает в себе Введение. В десяти главах его дано место обследованию общих грамматических положений: Что такое слово? В каком соотношении состоят представления, нуждающиеся в слове, и значение самого слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? Из чего узнается присутствие этой формы в слове? Как отличать формы этимологические и синтаксические? Что значит создание и разрушение грамматических форм? В каком соотношении состоят грамматика языка и логика? Что затрудняет при определении предложения и его членов? К чему приходим, отделяя разные члены предложения и разные части речи? Целью этого Введения было представить все общие явления грамматического строя языка вообще применительно к языку русскому. Такого цельного филологического разбора общих черт строя языка у нас еще не было. Не было его даже как выбора из иностранных сочинений; в труде же А. Потебни имеем не выписки из разных книг, а его собственную переработку исследований и соображений, освещенную подробностями, им самим добытыми, и его личною мыслью. Излагая все по своему убеждению, А. Потебня, не из желания выказывать себя в борьбе с мыслителями и исследователями, которых домыслов он не счел возможным усвоить, а только для уяснения дела приводит доводы в защиту своих домыслов против домыслов, им отвергаемых, так же бесстрастно, как в других случаях пользуется чужими доводами, не присваивая их себе, а указывая, кому что принадлежит.

Имея в виду обычное расположение частей грамматики и содержание первой книги „Записок...“, т. е. Введения, можно было ожидать от второй книги рассмотрения форм образования слов; но А. Потебня, по каким-нибудь особенным причинам или по обстоятельствам, отложив это в сторону, обратился в ней прямо к синтаксису, и то не к определению первых условий строя связной речи в русском языке, а непосредственно к сказуемому. Эта особенность объясняется исследовательным характером изложения. Что необходимо было указать как основное в общем строе предложения, то указано во Введении, и затем уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать сказанное. Даже и обратясь прямо к сказуемому, А. Потебня только сослался на места Введения, где представлен общий взгляд на сказуемое и на разные роды его, и остановился на рассмотрении составных членов предложения и их заменах в русском языке.

Обняв взглядом разнообразные явления составного сказуемого, А. Потебня нашел наиболее удобным подвести их под четыре порядка: 1) явления при глаголе или причастии именительного второго; 2) явления вторых косвенных падежей: винительного, родительного и дательного; 3) явления неопределенного

наклонения при других глаголах и с падежами винительным, дательным и пр.; 4) явления творительного падежа вообще и особенно в случаях замены им второго согласуемого падежа. Показать, что как в книге рассмотрено, значило бы повторить всю книгу о том же или в каком-нибудь другом порядке. Остановлюся на кое-чем, яснее указывающем, как и что исследовал А. Потебня.

Мысленно проникая в цепь приготовительных работ, которые А. Потебня должен был взять на себя и хоть в некоторой степени окончить прежде, чем взялся за выработку и постановку в цельную систему частных исследований, нельзя опустить из виду его основного взгляда на объем предмета исследований, им для себя обозначенный для того, чтобы прийти к выводам сколько-нибудь полным. Предметом исследований взял он весь русский язык, насколько он известен с древнейшего времени до нынешнего и во всех главных местных его видоизменениях. Ни один сколько-нибудь важный памятник русского языка — древнего, старинного, нового, северного, южного, западного — не мог он, следовательно, оставить как ненужный; ни одно явление строя языка какого бы то ни было времени и края не должно было быть им опущено; ни один из научно добытых выводов о каждом из них, сделанных до него исследователями, не мог быть им оставлен без внимания. И все это должно было, по характеру изложения, войти в его книгу, теперь изданную, а следовательно, должно войти и в следующие книги — не в общих сводах, а в возможной подробности, с приведением разнообразного множества данных в систематическом подборе. Это — шаг новый в науке русского языка и вместе с тем тяжелый, потому что, решаясь на него, исследователь решается на труд внимательного рассмотрения огромной массы памятников и их объяснений, — труд новый и тяжелый, но тем не менее необходимый, требуемый ходом науки.

Не так нов и тяжел может показаться другой его шаг, вызываемый первым: шаг сравнения русского языка с западными славянскими языками и наречиями разного времени, начиная со старославянского, и с другими сродными языками; но когда вспомним, что А. Потебня занимается синтаксисом, что для этого рода сравнений нужно не внешнее знакомство с языками, а внутреннее, предполагающее необходимость понимать и определять смысл выражений в зависимости от разных условий сочетаний слов, когда вспомним, что работы над сравнительным синтаксисом только что начинаются, то должны будем признать и в этом отношении за А. Потебнею заслугу важную. При этом нельзя опустить из виду как глубокого знания им некоторых языков, между прочим литовского и латышского, так и бесстрастно критического отношения к мнениям тех ученых, которые занимались сравнительным языкознанием, дававшего ему силу оценить заслугу каждого по достоинству.

Еще отмечу одну черту в характере и направлении исследований А. Потебни: это — старание вникать во внутренний смысл каждого образа выражения посредством проникновения в тот образ мышления, для которого он понадобился как соответственный, независимо от впечатления, производимого им на собственный личный ум исследователя. Этот прием есть единственно верный и для сравнения языков, и для уразумения исторического движения языка.

Конечною целью А. Потебни было — определить характер и условия синтаксической выразительности нового русского языка сравнительно с древним и старинным и, вместе с тем, определить по возможности ход изменений русского языка в синтаксисе с древнего времени. Вот главные выводы, к которым доселе пришел он своими исследованиями:

„Прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частию оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частию же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового. Согласно с этим, поверхность языка всегда более или менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов. Признавая эту пестроту поверхности языка (например, то, что обороты *он был купец* и *он был купцом*, стоящие рядом в нынешнем языке, не одновременны по происхождению и не однородны, но построены по различным планам), стараясь сколько-нибудь определить пропорции, в каких на обращенной к нам поверхности языка смешаны разнохарактерные явления, мы, вместе с тем, приходим к необходимости выяснить характер их, поставивши их в ряды других, с ними однородных. Явления, представляемые составными членами предложения, принадлежат к двум разновременным и разнохарактерным наслоениям. Древнее наслоение оказывается, за немногими исключениями, общим славянскому языку с другими индоевропейскими. Одна из общих его черт есть недостаточное синтаксическое различение и даже безразличие глаголов служебных и знаменательных". Даже и глагол *быти* — кдж не был таким вспомогательным, чисто формальным глаголом, каким сделался после. „Вся тѣмъ быша и безъ него ничьто же не бысть еже бысть" значит: все произошло (ἐγένετο) через него и без него не начало быть (ἐγένετο) ничто, что произошло (γέγονεν). „Съ горы сем идеже послѣ же бысть Кыевъ" — значит: с горы, где после стал = возник = построился Киев. „Печаль ваша въ радость вамъ бѫдеть" — значит: превратится в радость (γενήδεται). В глаголе *быти* было столько же конкретного значения, сколько и в глаголах *начати*, *имати*, *хотѣти* и т. п., хотя в них этой конкретности иногда и можно было не заметить. „Не имате меня видѣти" — значит почти то же, что: не увидите меня. „Лютъ се мужь хочеть быти" — значит почти что: будет лют. „Нерадѣти начнеть" значит то же, что: не станет радеть. И не одни эти глаголы, но и многие другие употреблялись также полуслужебно: „твориться ида" (при-

творяется идя) — значит: притворяется будто идет; „преста глаголя" — значит: перестал говорить, умолкнул и т. д. „В древнем наслоении видно также в составе предложения такое господство начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны (вторые падежи такие же, как и первые: при первом именительном второй именительный, при первом родительном второй родительный и т. д.). „Исакъ разболѣвся и бысть мнихъ" — ныне было бы: сделался монахом; „Ростиславъ не преставаше клевеща" — значит: не переставал клеветать. И доселе можно сказать: „вотчина лежит пуста", „один холост хожу", „не родись ни хорош, ни пригож, а родися счастлив". „Сына моего поимите собѣ князя" — теперь было бы: князем, в князья и т. п. „Видѣша князя бѣжавша" — значит: видели, что князь убежал. „Видѣхъ тя противу злу зло воздающа" — ныне: что ты воздаешь зло за зло. „Брату Михалку умершу еще 9 дне нѣтуть" — нет и девяти дней, как умер Михалко. „Во втором, более позднем наслоении, отчасти уже покрывшем собою первое, мы находим: слияние составного сказуемого в цельное, — усилия, отчасти успешные, образовать чисто формальные глаголы, — разложение составного сказуемого на сказуемое с придаточным предложением; замены вторых сказуемых падежей частью несклоняемыми словами сравнительно позднего образования (прилагательного наречием, причастия деепричастием), частью падежами с предлогом, частью творительным падежом. Сюда же принадлежат некоторые изменения в неопределенном наклонении". Многое из этого ясно из примеров вышеприведенных. Прибавлю еще несколько. Не только глагол *быть* сделался вспомогательным, но и глаголы *иму*, *хочу*, *стану: говоритиму* — по-малорусски, *говорићу* — по-сербски, *стану говорить* — по-великорусски — значит одно и то же. Деепричастия стали заступать место причастий очень рано (как, например, в выражениях: „его же умѣючи того не забывайте, а его же не умѣючи тому ся учите, гроши беруть на комъ што хотяче"). Эти явления нового наслоения при всем своем разнообразии имеют то общее, что составляет результат стремления к дифференцированию членов предложения. Язык, к которому они принадлежат, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (язык новый) стоит выше того, к которому относятся составные члены предложения (язык древний).

Все это доказано в книге подробностями, не случайно подобранными, а отмечавшимися в памятниках языка при их изучении, расположенными потом по вопросам, на которые они давали ответы, затем сведенными к частным выводам, которые, в свою очередь, слились в несколько общих выводов, указавших на разность явлений, которыми отличается язык древний и новый.

Конечно, к не менее важным и любопытным выводам придет А. Потебня своими исследованиями в последующих книгах За-

писок, из которых третья обширная книга о видах глаголов и простых временах, — как только что удалось мне узнать, — уже давно вчерне готова; ее окончательная отделка и издание не замедлились бы, если бы особенные обстоятельства не заставили А. Потебню значительную часть времени употреблять на другие занятия.

Стройное богатство подбираемых данных, их объяснений и сближений, приводящих к характеристике древнего и нового русского языка сравнительно с другими славянскими и неславянскими, особенно с литовским и латышским, и положительность выводов о ходе его изменений дают труду А. Потебни важное значение в ряду других новых трудов по русскому языку. Не он начал то, за что взялся так усердно; но он продолжал начатое с таким успехом, что если теперь кто-нибудь займется изучением русского языка с исторической точки зрения при помощи трудов, изданных до Записок А. Потебни, и не возьмет себе в помощь этих Записок, то он во многих случаях останется в темноте, с вопросами без ответов или с ответами без доказательств.

Признавая достоинства вообще всех грамматических трудов А. Потебни, Академия избрала его своим членом-корреспондентом, а за его „Записки по русской грамматике" назначила ему Ломоносовскую награду...

V. JAGIĆ.

A. POTEBNJA. AUS DEN MEMOIREN ÜBER DIE RUSSISCHE GRAMMATIK[1].

I. Einleitung;
II. Die Bestandteile des Satzes und ihr Wechsel in der russischen Sprache

Bereits vor sechs Jahren (vergl. Rad XIV. 200—212) habe ich einige grammatisch-dialektologische Forschungen auf dem Gebiete der russischen Sprache des Herrn A. Potebnja, Professors der russischen Sprache und Literatur an der Universität zu Charkov, besprochen und viele ausgezeichnete Eigenschaften derselben hervorgehoben. Mit grosser Befriedigung kann ich jetzt mitteilen, dass soeben auch die Petersburger Akademie sowohl jenen früheren als vorzüglich der letzten, oben citirten wissenschaftlichen Leistung dieses Sprachforschers die verdiente Anerkennung zu Teil werden liess. Die „Memoiren über die russische Grammatik" erhielten die Lomonosov'sche Prämie auf Grund der ausführlichen Beurteilung derselben durch den Akademiker J. J. Sreznevskij, welche im I. Buch des XXVII. Bandes „der Memoiren der russ. Abteilung" (Записки импер. Акад. наук) St. Pet. 1876, 78—121 zu lesen ist. Hoffentlich wird dieses Factum hinreichen, um in Russland die Aufmerksamkeit jener, die sich für die Grammatik der russischen Sprache interessieren, auf das Werk Potebnja's zu lenken. Meine kurze Anzeige hat den Zweck, auch ausserhalb Russlands dieses Buch der Beachtung derjenigen zu empfehlen, welche an den slavischen Sprachstudien ein Interesse haben.

Potebnja's Memoiren über die russ. Grammatik sind syntaktischer Natur. Die Wahl des Titels „Memoiren..." war dadurch veran-

[1] Печатается по тексту, опубликованному в журнале „Archiv für slavische Philologie", B.II, 1877, c. 164—168.

lasst, dass der Verfasser nicht auf eine gleichmässige systematische Behandlung des Gegenstandes ausging, sondern die minder wichtigen und zu Controversen weniger Anlass gebenden Punkte kürzer, die anderen dagegen in eingehender Weise kritisch behandelte. Die Memoiren... sind eben nicht darauf berechnet, ein Lehrbuch zu sein, sondern als Commentar zu einer systematischen Syntax der russischen Sprache zu gelten. In der Einleitung (S. 1—157) befasst sich der Verfasser mit den allgemeinen Begriffen über das Wort und seine Bedeutsamkeit, über die Wurzel und ihren Sinn, über die grammatische Form, das Wachstum und Verschwinden derselben, über das Verhältniss der Grammatik zur Logik, über die Schwierigkeiten einer genauen Bestimmung des Satzes und seiner Bestandteile. Aus sehr nahe liegenden Gründen kam es dem Verfasser in diesen einleitenden zehn Capiteln weniger darauf an, neue Ansichten vorzutragen, als vielmehr die Werke solcher europäischer Sprachforscher und Denker, wie W. Humboldt, Pott, Steinthal, Miklosich, G. Curtius, M. Müller u. a. mit selbständigem Urteil zum Nutzen der russischen Grammatik auszubeuten. Auf der Höhe der heutigen europäischen Sprachwissenschaft stehend und mit Werken, wie den soeben erwähnten, innig vertraut, bekundet er bei der Beantwortung jener Fragen eine solche Schärfe des Urteils, dass man auch diesen allgemeinen Teil nicht ohne vielfache Anregung durchliest. So z. B. recht lesenswert sind seine Bemerkungen über den öfters aufgestellten Grundsatz, als wiesen die flectirenden Sprachen im Verlauf der uns zugekehrten historischen Zeithälfte ihres Lebens nichts als Aussterben und Schwinden der Formen auf, wogegen der Verfasser richtig hervorhebt, dass die lautliche Auswetzung einzelner Sprachformen noch keineswegs dem Untergang der Formbildung, der formalen Kraft in der Sprache, gleichkommt. Dabei erwähnt er das öfters geäusserte Bedauern über das Eingehen einzelner Sprachformen und vergleicht es mit dem naiven Glauben an die schönen Zeiten des goldenen Zeitalters. Er ist natürlich weit entfernt davon, das Bedauern zu teilen, indem er sagt: Je schwächer die Energie des Gedankens ist (S. 76), desto mehr benötigt dieser des Lautes als der äusseren Stütze; allem Anschein nach nimmt die Energie in der Sprache zu, wodurch sich ihre Gleichgültigkeit gegenüber der Aufrechterhaltung des einstigen Lautbestandes des Wortes erklärt. Den Process des lautlichen Verfalls vergleicht er mit der bekannten Erscheinung, dass ein im Lesen Ungeübter zum Verständniss so sehr des Lautes bedarf, dass er entweder gar nicht anders als laut, oder wenn schon lautlos, so articulirt, durch Bewegung der Lippen etc., lesen kann, während der Geübte mit Blicken die Seiten verschlingt u. s. w. Mir fällt dabei ein, dass in einigen slavischen Literaturen die betreffenden grammatischen „Gesetzgeber" noch immer der Ansicht huldigen, dass man eine möglichst grosse Anzahl von Sprachformen, z. B. Deklinationsendungen, als einen besonderen Schatz, selbst mit künstlichen Mitteln aufrecht zu erhalten bemüht sein muss. Da

der Verfasser seine Einleitung mit besonderer Rücksicht auf die russische grammatische Literatur schrieb, so konnte er natürlich nicht unterlassen, auf die in den gangbarsten russ. Lehrbüchern vorgetragenen Ansichten über die besagten allgemeinen Fragen Bezug zu nehmen. Mit vollem Recht wurde vor allem die Syntax des Professors Buslaev in Betracht gezogen, aber auch auf die Bekämpfung falscher Ansichten anderer eingegangen, z. B. das mit Lebhaftigkeit und nicht ohne Geschick geschriebene Werk Nekrasov's („Über die Bedeutung der Formen des russischen Verbums") gab oft genug dem Verfasser Anlass, gegen das darin vorgetragene aufzutreten.

Das letzte Capitel der Einleitung „Die Bestandteile des Satzes und der Rede" bildet den Übergang zu den eigentlichen syntaktischen Betrachtungen und könnte eben so gut, ja vielleicht noch besser, an der Spitze des 2. Bandes stehen. Es wird darin das Wesen des Prädikates und seiner Bestandteile, der Begriff des Attributes, der Apposition auseinandergesetzt, und auf der so gewonnenen Basis beginnt der zweite Teil des Werkes zunächst mit der Erweiterung des Prädikates. S. 1—76 werden die Verba „der unvollständigen Aussage", wie sie bei einigen Grammatikern heissen, aufgezählt und mit reichlichen Beispielen aus dem Altslovenischen, Alt- und Neurussischen, den übrigen slavischen Sprachen und selbst dem Litauischen und Lettischen beleuchtet, welche in das Prädikat ein Participium akt. oder pass. (ausser -*l*) ein Adjektiv oder Substantiv aufnehmen. S. 76—92 kommen Participien präs. et praet. akt. in der Apposition, als Prädikate zweiten Grades, zur Sprache. S. 92—100 wird der Nominativus absolutus behandelt; S. 100—134 wird der merkwürdige slavisch-litauische Fall besprochen, wo das Participium als Prädikat eines Nebensatzes ohne Verbum finit. modi, durch ein Relativwort mit dem Hauptsatz verbunden ist. S. 134—218 folgt eine ausführliche Behandlung des Participiums auf -*l*. S. 218—274 werden die zweiten Kasus obliqui (der zweite Akkusativ, der zweite Genitiv, der zweite Dativ) besprochen. S. 274—407 folgt die Syntax des Infinitivs ausführlich bearbeitet. Endlich 407—537 wird der syntaktische Gebrauch des Kasus instrumentalis ganz durchgenommen, obgleich nach eigenem Geständniss des Verfassers nur eine Seite seiner Anwendung, der sogenannte prädikative Instrumentalis, in diesen Zusammenhang gehört. Damit schliesst dieser Band ab, aber offenbar ist damit das ganze Werk noch nicht zu Ende; ja im Verhältniss zu der hier beobachteten Ausführlichkeit dürften wir noch eine Anzahl (vielleicht 2—3) Bände erwarten.

Was die Behandlung des hier kurz skizzirten Inhaltes betrift, so muss zunächst hervorgehoben werden, dass dem Werke ein sehr umfangreiches Quellenstudium zu Grunde liegt. Der Verfasser hat das Altrussische so wie die heutige gross- und kleinrussische Volkssprache reichlich aus verschiedenen gedruckten Quellen geschöpft. In zweiter Linie standen ihm das Altslovenische und die übrigen

slavischen Sprachen, die er zum Teil nach Quellen, zum Teil nach den vorhandenen gramm. Werken zur Vergleichung heranzog. Dann aber ist als ein besonderer Vorzug seines Werkes hervorzuheben, dass er in sehr reichlichem Masse das Litauische und Lettische berücksichtigte, wobei er sich nicht blos auf die bekannten Werke Schleicher's und Bielenstein's beschränkte, sondern überdies einige Texte (z. B. die Bibelübersetzung) benutzte. Durch sorgfältige Vergleichung der syntaktisch gleichen oder gleichartigen Erscheinungen, aber eben so scharfe Auseinanderhaltung des Ungleichartigen, trachtete der Verfasser überall den Umfang des Vorkommens der betreffenden Wendung zu bestimmen. Die consequent durchgeführte Heranziehung des Litauischen und Lettischen (auch fürs Deutsche wurde die Grammatik Grimm's fleissig zu Rate gezogen) ermöglichte in manchen Fällen eine stärkere Beleuchtung sowohl der slavischen als der litauischen Syntax. Dadurch, so wie durch möglichst vollständige geschichtliche Verfolgung einzelner Erscheinungen, durch Beobachtung der Genesis einer Wendung, wurde manche neue Erklärung gewonnen. Alle diese Eigenschaften sichern dem Werke Potebnja's einen ehrenvollen Platz in der ohnehin nicht sehr langen Reihe von Forschungen auf dem Gebiete der historisch-vergleichenden Syntax. Innerhalb der slavischen grammatischen Literatur steht es der Syntax Miklosich's würdig zur Seite, auf welche auch durchweg Rücksicht genommen ist. Eine nähere Vergleichung der beiden Werke ist jetzt noch kaum ratsam, da ja Potebnja's Beiträge noch nicht zu Ende geführt worden sind. Ich will blos bemerken, dass Potebnja bei seinen syntaktischen Forschungen vom Satz aus den Ausgangspunkt genommen hat, er hat den Satz an die Spitze gestellt und die einzelnen Sprachformen werden nach ihrer Geltung als Bestandteile des Satzes der Prüfung unterzogen. Miklosich's Standpunkt ist dagegen ein ganz anderer, wie man aus „Archiv...", I. 418 f. ersieht.

Ich muss mir versagen, auf den reichen Inhalt des Werkes näher einzugehen. Einzelnes herauszuheben fühle ich mich um so weniger veranlasst, da ich so ziemlich überall mit der Erklärung des Verfassers vollkommen einverstanden bin. Ich beschränke mich also auf einige Stellen. S. 44 führe ich ganz analog der russischen Participialkonstruction bei *перестать* (desinere) das bekannte Beispiel aus Gundulić's Osman an: *Kolo od sreće vrteći se ne prestaje*, wodurch auch fürs Südslavische diese Wendung wahrscheinlich wird. S. 62 ff. zu den Beispielen prädikativer Anwendung von *pravъ*, *radъ*, welche auch im Slovenisch-kroatischen nachgewiesen werden können, vergl. das Beispiel: *dobar si došao* in Stari pisci V. 282.— S. 285 ff. ist die weite Ausbreitung der Satzformel *blagoslovivъ i prèlomi* (im Griech, ohne καὶ: εὐλογήσας ἔκλασε) sammt den verwandten Fällen sehr anschaulich und überzeugend auseinandergesetzt. Daraus ergibt sich, dass in der poln. Sophienbibel die Beispiele *arzkфcz* (2, 7 etc.), *arzekфcz* (14, 20 etc.) ohne Grund als

ein Wort aufgefasst worden sind statt: *a rzkфcz*, *a rzekфcz*. Ungemein treffend finde ich die bei dieser Gelegenheit gemachte Bemerkung, dass der eigentliche Grund solcher Unebenheiten (von unserem heutigen Standpunkte aus) in der grösseren verbalen Kraft des Participiums älterer Sprachperioden zu suchen ist, d. h. ein Participialsatz in absoluter Stellung fand in der älteren Sprachperiode mehr Stütze in sich selbst als heute. S. 97 und 270 hätte vielleicht der absolute Nominativus der serbischen Sprache durch eine grössere Anzahl von Beispielen vertreten werden können. Offenbar beruht er auf dem Aufgeben der regelmässigen nominalen Dativform des Participiums seitens der Sprache. Solche Beispiele, wie ich eins aus Daničić ist. obl. 357 kenne: *obladajuće ponciosкomu Pilatu* (es ist aus dem Evangelistarium Ranjinas), wo der Dativ des Nomens sich noch erhalten hat, hatten keinen Halt in der serbischen oder kroatischen Sprache, sondern das Nomen folgte dem Beispiele des Participiums und blieb im Nominativ festsitzen, wie man aus folgenden, der alten Sprache entlehnten Beispielen ersieht: *večerajući oni, vaze Isus kruh; Mojzes, budući puk žedan, udri šibom po stinu; odašadši malo Isus, ne mogose bditi učenici.* Eine grössere Sammlung solcher Beispiele, wo das Subjekt das Participiums in dem Hauptsatz durch keinen Kasus vertreten ist, muss der speciellen Grammatik überlassen werden, wünschenswert wäre sie jedenfalls. S. 157 will der Verfasser unentschieden lassen, ob in der Begrüssungsformel der grossrussischen Volkspoesie *еоѣ ecu мы* das Wort *еоѣ* (*goj*) — ein einfacher Ausruf: *Hej*, *Hoj*, ist, oder mit dem Verbum *žiti* im Zusammenhang steht. Ich würde entschieden die letztere Auffassung vorziehen und glaube sie durch eine treffende Analogie aus der Sprache der ragusanischen Dichter stützen zu können. Diese gebrauchen nämlich bei Beteuerungen sehr häufig das Wort: *žimi*, *žimiti*, *žimit*, *žimt*, *žint*, offenbar Zusammenziehung aus: *živ mi ti*. Ich will einige Beispiele zusammenstellen: *žimi diklice tvoja dva pozora i žimi tve lice* („Stari pisci", II. 5); *žimi srdačce* (ib. 39); *žimi majka žimi bratac* (ib. 506); *žimi bog i duša* („Stari pisci", V. 252); *tako mi on živo, vik neće on znati i žimi moj Gjivo liep ti ću dar dati* (ib. 277); *žimi ja* (ib. 286); *žiti ja hod' ured* (ib. 275); *žiti bog i duša* (ib. 276); *a žimiti* (oder *žimi ti*) *'e i brieme ručit se* („Stari pisci", VII. 83); *žimt bih ga baticom privrzao* (ib. 103); *žint ni dumno neće u manastier koje ovako hode.* Wenn es in einer alten Komödie (des XVII. Jahrh.) an einer Stelle heisst: *žinti ja vidim, da je u tebi sagača persona*, und bald darauf; *živa mi duša nejmam u tobocu ni mince*, so ist an dieser letzten Stelle nur vollständig ausgesprochen, was in *žinti* durch häufigen Gebrauch in ein Wort zusammengeschmolzen ist, d. h. *živ mi ti*, welchem das russische *еоѣ ecu мы*, allerdings in anderer Bedeutung, sehr nahe kommt. S. 254 will ich nicht unerwähnt lassen, dass der Verfasser die Vertretung des Objektes in negativen Sätzen durch den Genitiv nicht auf den genitivus partitivus, sondern auf

den ursprünglichen Ablativus, zurückführen möchte; nach seiner Ansicht beruht der Genitiv bei der Negation (im Slavischen und Litauischen) auf der Anschauung der geistigen Entfernung, Lossagung, Entbehrung. S. 328, wo die Verba des Anfangens mit dem Infinitiv aufgezählt werden, will ich bemerken, dass zu dem einfachen ять cum Infinitivo der russ. Volkssprache sehr schöne Parallelen das Altkroatische bietet. Ich verweise auf die reiche monographische Behandlung dieses Verbums vom verstorbenen Akademiker Kurelac in Rad XVI, 76 ff., besonders S. 79—80. S. 361 ist die Genesis der russischen Partikel *чуть* sehr gut erklärt und beleuchtet.

Перевод

В. ЯГИЧ

ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ. СОСТАВИЛ А. А. ПОТЕБНЯ.

I. Введение;

II. Составные члены предложения и их замены в русском языке

Еще шесть лет тому назад (ср. Rad, XIV, стр. 200—212) я рецензировал некоторые грамматико-диалектологические исследования в области русского языка г. А. Потебни, профессора русского языка и литературы Харьковского университета, и указал на многие отличные качества этих исследований. С большим удовольствием могу теперь сообщить, что как прежние, так и в особенности последняя вышеназванная работа этого языковеда, получили недавно заслуженное признание и у Петербургской Академии наук. „Из записок по русской грамматике" получили Ломоносовскую премию на основании обстоятельной рецензии на них, данной академиком И. И. Срезневским, которую можно прочесть в 1-й книге XXVII тома „Записок русского отделения" (Записки императорской Академии наук), СПб., 1876, стр. 78—121. Нужно надеяться, что этого будет достаточно, чтобы в России на произведение Потебни обратили внимание те, кто занимается грамматикой русского языка. Цель моего краткого сообщения — рекомендовать эту книгу вниманию тех за пределами России, которые интересуются изучением славянских языков.

Записки по русской грамматике Потебни являются синтаксическим исследованием. Выбор заглавия „Записки..." объясняется тем, что автор не стремился к равномерному систематическому анализу предмета, а критически рассматривал: менее важные, не столь противоречивые вопросы — кратко, вопросы же противоречивого характера — детально. „Записки..." рассчитаны на

то, чтобы быть не учебником, а комментарием к систематическому синтаксису русского языка. Во Введении (стр. 1—157) автор дает общие понятия о слове и его роли, о корне и его значении, о грамматической форме, о ее становлении и отмирании, об отношении грамматики к логике, о трудностях точного определения предложения и его составных частей. В силу известных причин автор менее всего старался в этих десяти вступительных главах излагать новые взгляды, а напротив, он пытался применительно к русской грамматике использовать произведения таких европейских языковедов и мыслителей, как В. Гумбольдт, Потт, Штейнталь, Миклошич, Г. Курциус, М. Мюллер, давая к этим произведениям собственные комментарии. Стоя на высоте современного европейского языкознания и хорошо зная произведения, подобные только что упомянутым, он обнаруживает при анализе указанных вопросов такую остроту мысли, что и эту общую часть читаешь не без восхищения. Так, например, вполне заслуживают внимания его замечания по поводу часто высказываемого положения о том, что флективные языки на протяжении их жизни, зафиксированной историческими памятниками, якобы не обнаруживают ничего другого, кроме отмирания и исчезновения форм, против чего автор верно замечает, что звуковое стирание отдельных языковых форм ни в коем случае не означает исчезновения формообразования. Упоминая это часто высказываемое сожаление о гибели отдельных языковых форм, он сравнивает его с наивной верой в прекрасное время золотого века. Естественно, что сам он далек от того, чтобы разделять это сожаление, когда говорит: Чем слабее энергия мысли (стр. 76), тем более она нуждается в звуке как внешней опоре; но, по всей видимости, эта энергия в языке возрастает, чем объясняется безразличие относительно сохранения прежнего звукового состава слова. Процесс упадка звуков в языке он сравнивает с тем известным фактом, что не натренированный в чтении до такой степени нуждается в звуках для понимания, что или вовсе не может читать иначе, как громко, или, если и читает беззвучно, то произносит слова, шевеля при этом губами и пр., в то время как натренированный буквально проглатывает целые страницы. Мне представляется при этом, что некоторые „законодатели" грамматики славянских языков все еще придерживаются того взгляда, что нужно сохранять даже искусственно как особое богатство как можно больше языковых форм, например падежных окончаний. Так как автор писал свое Введение, явно ориентируясь на русскую грамматику он не мог не учесть взгляды на упомянутые выше общие вопросы, изложенные в наиболее распространенных русских учебниках. С полным основанием он прежде всего привлекает к рассмотрению синтаксис профессора Буслаева, но нередко выступает и против неправильных, на его взгляд, мнений других ученых. Так, с живостью и не без мастерства написанное произведение Некрасова („О значении форм русского глагола") дает ему достаточно поводов для полемики с ним.

Последняя глава Введения „Члены предложения и части речи" является переходом к собственно синтаксическому рассмотрению, и с таким же основанием ею можно было бы начать второй том. В ней рассматривается сущность сказуемого и его составных частей, понятие атрибута, аппозиции, и на базе этого материала вторая часть труда начинается составным сказуемым. На стр. 1—76 перечисляются глаголы, называемые некоторыми грамматистами глаголами „неполного сказуемого", в состав которого входят причастия

действительные или страдательные (кроме причастий на -лъ), прилагательные или существительные. Приводится достаточно примеров из старославянского, старо- и новорусского, остальных славянских языков, литовского и латышского. Стр. 76—92 посвящены причастиям настоящего и прошедшего времени действительным как второстепенным сказуемым в аппозитивном употреблении. На стр. 92—100 анализируется именительный самостоятельный. На стр. 100—134 рассматривается интересный случай, характерный для славянских и литовского языков, когда причастие в роли сказуемого придаточного предложения, не сопровождаемое личной формой глагола, связывается с главным предложением посредством относительного слова. На стр. 134—218 подробно исследуется причастие на -лъ. Стр. 218—274 посвящены вторым косвенным падежам (второй винительный, второй родительный, второй дательный). На стр. 274—407 детально разработан синтаксис инфинитива. Наконец, на стр. 407—537 охватывают синтаксическое употребление всего творительного падежа, хотя автор признает, что в этой связи приемлем лишь один способ его употребления, так называемый предикативный творительный. Этим заканчивается второй том, но все произведение, видимо, еще не окончено; принимая во внимание полноту изложенного материала, мы вправе были бы ожидать еще нескольких томов.

Что касается изложения содержания, нужно прежде всего отметить, что в основе этого произведения лежит обширнейшее изучение источников. Автор обильно черпает материал как из древнерусского, так и из современного велико- и малорусского народного языка, пользуясь различными книжными источниками. На втором месте у него старославянский и остальные славянские языки, которые он привлекает для сравнения частично из источников, частично из грамматической литературы. Как особое достоинство его произведения необходимо отметить, что он привлекает в большом количестве данные литовского и латышского языков. Не ограничиваясь известными трудами Шлейхера и Биленштейна, он использует и отдельные тексты (например, переводы библии). Сравнивая синтаксически одинаковые или однородные явления, но также и глубокие различия между неоднородными явлениями, автор везде стремится установить степень различия соответствующих явлений. Последовательное привлечение данных литовского и латышского языков (также данных немецкого языка по грамматике Гримма) сделало во многих случаях возможным более яркое освещение как славянского, так и литовского синтаксиса. Этим, а также благодаря обстоятельному анализу истории развития отдельных явлений, наблюдению за генезисом данного явления, были выдвинуты некоторые новые положения. Эти достоинства дают этому труду право на весьма почетное место в ряду не очень многочисленных исследований в области сравнительно-исторического синтаксиса. В славянской грамматической литературе сочинение Потебни стоит рядом с синтаксисом Миклошича. Более детальное сравнение обоих произведений теперь еще не совсем целесообразно, т. к. работа Потебни не завершена. Сейчас я хотел бы лишь отметить, что исходным пунктом в синтаксических исследованиях Потебни является предложение. Он ставит предложение в центр и рассматривает отдельные языковые формы по их значению как составную часть предложения. Точка зрения Миклошича совершенно другая, как видно из „Archiv ...“, I, стр. 418 и след.

Я должен отказаться от того, чтобы подробно рассмотреть богатое содержание этого произведения. Еще менее я склонен выделять отдельные моменты, т. к. почти везде совершенно согласен с положениями автора. Итак, ограничиваюсь отдельными местами. На стр. 44 аналогично русским причастным конструкциям при *перестать* (desinere) я подаю известный пример из Cundulić's Osman: *Kolo od sreće vrteci se ne prestaje*, который показывает, что такой оборот возможен и в южнославянских языках. На стр. 62 и след. наряду с примерами предикативного употребления *pravъ, radъ*, которые известны и в словено-кроатском, ср. пример *dobar si došao* в Stari pisci V. 282.—стр. 285 и след., убедительно проанализировано дальнейшее расширение формулы предложения: *blagoslovivъ i prèlomi* (в греческом, без καί: εὐλογήσας ἔκλασε) и вместе с родственными фактами убедительно ее разъясняет. Из этого следует, что в польской Библии Зофии примеры *arzkфcz* (2,7 etc.), *arzekфcz* (14,20 etc.) без основания приняты за одно слово вместо: *a rzkфcz, a rzekфcz*. Я нахожу необыкновенно точным сделанное при этом замечание, что единственное основание такой неравномерности (с нашей сегодняшней точки зрения) следует искать в большей глагольной силе причастия более древних языковых периодов, т. е. причастное предложение в абсолютивном употреблении в этот период было более самостоятельным, чем в настоящее время. Стр. 97 и 270 можно было бы дополнить большим числом примеров именительного самостоятельного в сербском языке. Вероятнее всего, он (оборот) объясняется ограниченным употреблением именных форм причастий в дательном падеже. Примеры, которые я знаю из Даничича (стр. 357): *obladajuće poncioskomu Pilatu* (из евангельской притчи), где имя в дательном падеже еще сохранилось, не имеют опоры в сербском или кроатском языках, но имя следует примеру причастия и остается в именительном падеже, как видно из примеров, взятых из древ. него языка: *večerajući oni, vaze Isus kruh; Mojzes, buduci puk žedan, udri šibom po stinu; odašadši malo Isus, ne mogosè bditi učenici*. Рассмотрение большого количества примеров, где причастное подлежащее в главном предложении не представлено падежной формой, следует предоставить специальной грамматике. Во всяком случае она желательна. На стр. 157 автор оставляет нерешенным вопрос, является ли в формуле приветствия великорусской народной поэзии *гой еси ты* слово *гой* простым восклицанием *гой, гей* или же находится в связи с глаголом *жити*. Я бы предпочел последнее понимание и считаю, что его можно подкрепить точной аналогией из языка рагузанских поэтов. Они очень часто употребляют это слово при заверениях: *žimi, žimiti, žimit, žimi, žint*, очевидно, является частью стяжения: *živ mi ti*. Приведем несколько примеров: *žimi diklice tvoja dva pozora i žimi tve lice* („Stari pisci“, 11.5); *žimi srdačce* (ib. 39); *žimi majka žimi bratac* (ib. 506); *žimi bog i duša* („Stari pisci“ V. 252); *tako mi on živo, vik neće on znati i žimi moj Cjivo liep ti ću dar dati* (ib. 277); *žimi ja* (ib. 286); *žiti ja hod' ured ručit se* („Stari pisci“, VII. 83); *žimi bih ga balićom privrzao* (ib. 103); *žint ni dumno neće u manastier koje ovako node*. Если в одной старой комедии (XVII века) говорится в одном месте: *žinti ja vidim, da je u tebe sagača persona*, и затем после этого: *živa mi duša nejmam u tobocu ni mince*, то в этом последнем случае полностью выражено то, что *živ mi ti*, благодаря частому употреблению слилось в одно слово *žinti*, т. е. *živ mi ti* очень близко

русскому *гой еси ты*, но в другом значении. Не могу не отметить стр. 254, где автор сводит дополнение отрицательного предложения, выраженное родительным падежом не к родительному части, а к первичному аблативу. По его мнению, в основе родительного падежа, выражающего отрицание (в славянских и литовском языках), лежит представление духовного отчуждения, отречения, лишения. Я хотел бы отметить к стр. 328, где перечисляются глаголы начинания, употребленные с инфинитивом, что старохорватский язык дает прекрасные параллели простому ять сим infinitivo русского народно-разговорного языка. Можно указать на богатую монографическую разработку этого глагола покойным академиком Курелацом в Rad, XVI, стр. 76 след., особенно же на стр. 79—80. На стр. 361 очень хорошо освещено и объяснено происхождение русской частицы *чуть*.

В. И. ЛАМАНСКИЙ

ОТЗЫВ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А. А. ПОТЕБНИ[1]

Перебирая ряд замечательных сочинений по лингвистике, филологии и народоведению, вышедших у нас за последние три года, комиссия остановилась на трех новейших трудах нашего глубоко ученого и высокоталантливого языковеда, уже тридцать лет энергически работающего на пользу и славу отечественной науки в области тех исследований, которые, по § 1 Положения, подлежат присуждению Константиновской медали со стороны Отделения Этнографии: „этнографические и лингвистические исследования, относящиеся до народов, обитающих в России или соплеменных с ними, если они привели к каким-либо новым и важным результатам".

Разумеем три новых труда проф. А. А. Потебни: 1) Из записок по русской грамматике. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены. 2-е издание. Харьков, 1889. 535 + + IV стр. в 8-ку. 2) Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888. 76 стр. в 8-ку. 3) „Объяснения малорусских и сродных песен. Веснянки. Колядки. Щедровки". 2 тома. Варшава, 1883 и 1887. 268 + 801 стр. в 8-ку.

При оценке этих трудов проф. Потебни мы обратим внимание, согласно § 11-му Положения о присуждении Константиновской медали, и на прежние произведения автора.

Постоянными предметами 30-летних занятий и исследований проф. Потебни были: русский язык в его повременном развитии и в его географическом разнообразии, в связи и в сравнении с родственными языками, то есть история русского языка и русская диалектология, сравнительно с историею и диалектологиею сродных языков, преимущественно славянских и литовско-ла-

[1] Печатается по тексту, опубликованному в „Отчете имп. Русского географического общества за 1890 г." (СПб., 1891).

тышского, или, иначе, историко-сравнительное изучение русского языка в отношениях фонетическом, морфологическом, синтаксическом и словарном, и такое же историко-сравнительное изучение народной поэзии, со стороны ее формы и содержания, восстановление приемами историко-сравнительного метода по остаткам обрядов, поверий, преданий, по разным поэтическим образам и мотивам целых отделов народных песен, религиозно-поэтического миросозерцания древних славян и сродных им народов.

Высокое образование проф. Потебни, вполне знакомого с историческим ходом и современным состоянием сравнительного языкознания, изучения народной поэзии и сравнительной мифологии, близкое знакомство с санскритом и зендом, с двумя классическими языками, с историко-сравнительною грамматикою языков германских и романских, глубокое, на первоисточниках основанное знание не только русского языка, древнего, старого и нового, в его наречиях и говорах, но и всех языков славянских, равно как литовского и латышского,— все эти особенности составляют редкие и ценные достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если они соединены с таким же глубоким знанием народной поэзии русского и всех славянских племен, а также и наиболее с ним сродного, литовско-латышского. Но как ни ценны и ни почтенны эти качества, они не дадут еще полного понятия о значении его трудов для отечественной образованности и для известного круга наук: сравнительного языкознания, русской и славянской филологии, русского народоведения, сравнительной истории литератур, народной психологии, сравнительной мифологии. Глубокий и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгий исследователь, проф. Потебня не живет процентами с чужого капитала, не производит своих наблюдений и исследований лишь в подтверждение или на основании лишь посторонних соображений и указаний, чужих, часто лишь занятых, а не усвоенных и не продуманных идей. Проф. Потебня мыслит самостоятельно. В избранной им области мысли, в развитии и сцеплении понятий он вращается так же свободно, он всегда так же дома, как в наблюдениях и исследованиях звуков, корней, речений, народных поэтических образов и мотивов. Отличаясь замечательною силою анализа, он, как и истинные художники слова, вместе с тем хранит в себе не порванными нити бессознательного поэтического предания и творчества языка и, как все высоких дарований ученые, обладает своего рода творчеством. Его воззрения и мысли по занимающим его вопросам всегда отличаются свежестью и оригинальностью, а воспринятые им идеи и мысли других деятелей всегда им усвоены, выношены и переработаны в его сознании. Оттого они и являются у него с известными ограничениями или дополнениями, значительно измененные или развитые далее. В своих исследованиях проф.

Потебня, касаясь старых нерешенных вопросов, всегда подходит к ним с новых точек зрения и открывает новые стороны дела; но, требуя постоянно возможно большей „внутренней принудительности доказательств", он не позволяет себе забыть, „чего нельзя и что возможно" для окончательного заключения при наличном запасе данных и наблюдений.

В своих „Записках по грамматике", как во второй, так особенно в первой общей части, проф. Потебня нередко пополняет, ограничивает, исправляет положения и мысли о тех или других вопросах по учению об языке, высказанные в разное время В. Гумбольдтом, Боппом, Поттом, Я. Гриммом, Гейзе, Штейнталем, Курциусом, Шлейхером и др., и остроумно обличает внутреннюю несостоятельность разных непродуманных формул и положений, встречаемых у некоторых иначе заслуженных ученых, богатых эрудициею, но более или менее слабых по части идей и самостоятельности мысли. Между тем такого рода непродуманные формулы и положения, в виде общих мыслей и определений, попадаются всего чаще в текущей учебной литературе, всего легче проникая в обиходные курсы и учебники. Проф. Потебня нередко останавливается, особенно во второй части своих Записок, на обличении несостоятельности таких положений и определений не ради охоты к обличению, а потому, что они мешают верному пониманию многих важных явлений в истории языка, и потому, что, обличая односторонность того или другого взгляда или мнения, он лучше успевает раскрыть правильность и верность выставляемого им воззрения или положения.

Обширная и глубокая эрудиция, масса фактов, извлеченных из памятников древней и старинной русской письменности, памятников народной словесности русской и всех славянских, а также литовско-латышской, самостоятельность и оригинальность основных мыслей и замечательный дар проникновения в тончайшие оттенки строя русского языка сразу завоевали труду проф. Потебни „Из записок по русской грамматике", еще в первом его издании 1874—1877 гг., высокое место в науке, и русская и иностранная критика не могла тотчас же не признать его высокого значения, его выдающихся достоинств.

Наша Академия наук, по почину Срезневского, поспешила присудить его автору полную Ломоносовскую премию. В своем отзыве относительно первой части труда профессора Потебни Срезневский, между прочим, выразился: „Такого цельного филологического разбора строя языка у нас еще не было. Не было его даже как выборки из разных книг, дающей ответы на предвзятые вопросы; в труде же проф. Потебни имеем не выборку из разных книг, а переработку исследований и соображений относительно строя языка, его образования и преобразования". О второй же части Срезневский заметил: „Стройное богатство

подобранных данных, их объяснений и сближений, приводящих к характеристике древнего и нового русского языка, и положительность выводов о ходе его изменений дают труду А. Потебни важное значение в ряду других новых трудов по русскому языку. Не он начал то, за что взялся; но он продолжал начатое другими с таким успехом, что если теперь кто-нибудь займется изучением русского языка с исторической точки зрения, при помощи трудов, изданных до „Записок...“ А. Потебни, и не возьмет в помощь себе этих „Записок...“, то он во многих случаях останется в темноте с вопросами без ответов или с неясными ответами без доказательств“.

Вслед за отзывом Срезневского поспешил и проф. Ягич в своем „Archiv für slawische Philologie“ высказать свое мнение о труде проф. Потебни. Отметив его крупные достоинства, он прибавил, что они „дают этому труду почетное место в небольшом и без того ряду исследований в области историко-сравнительного синтаксиса. Ученик проф. Миклошича, В. Ягич высказал прямо, что „в славянской грамматической литературе труд А. Потебни стоит рядом с синтаксисом Миклошича“. Дабы понять настоящее значение этих слов, прибавим, что по выходе синтаксиса Миклошича Ягич в том же „Archiv'e...“ высказал свое удивление „к этому,— по его словам,— величественному Thesaurus syntacticus“, к этому обширному труду в 896 страниц с небывалым дотоле богатством примеров из древних, старых и новых славянских языков („Archiv für slawische Philologie“, 1876, B. I.).

Впрочем, проф. Ягич прибавил, что „ближайшее сравнение этих двух трудов едва ли теперь желательно, так как исследования Потебни еще не доведены до конца“ („Archiv für slawische Philologie, 1876, B. II, H. I, s. 166).

Ставя два труда рядом, мы известным образом уже сравниваем их и даже сравнили. Различие труда проф. Потебни от этого труда Миклошича состоит не в том только, что он не окончен, то есть что в нем, по мысли автора, не все части синтаксиса обследованы, а труд Миклошича, по мысли его автора, довершен. Если присоединить к этим двум частям „Записок...“ проф. Потебни по русской грамматике недавно вышедшее новое его превосходное синтаксическое исследование „Значение множественного числа в русском языке“ (1889, 76 стр.), то мы увидим, что по внешнему своему виду (547+76=623 стр.) труд Потебни составляет добрые две трети труда Миклошича. Таким образом, хотя труд А. Потебни и не окончен, но в нем синтаксические явления русского языка во всем его объеме очевидно рассмотрены гораздо подробнее, чем это мог сделать Миклошич в своем оконченном труде, посвященном синтаксису десяти славянских языков с общелитературным русским и малорусским включительно. Вполне признавая крупные достоинства синтаксиса Миклошича, впервые давшего зараз такой обильный запас примеров и данных по синтаксису десяти славянских языков, не можем не обратить внимание на особенность системы или внешнего распорядка всех этих примеров. Синтаксис Миклошича разделен на две части. Первая под заглавием: О значении частей речи, вторая — О значении форм. Первая часть разделена на семь глав с своими подразделениями, а вторая только на две главы с более многочисленными отделами. Таким образом, видно, как были извлечены из памятников различные примеры и как потом они были разложены по рубрикам: существительное, прилагательное, род, число, числительное имя, местоимение с его обычными делениями, наречие, союз, глагол с его отделами. Во второй части идут падежи и формы спряжения. Перед каждой рубрикой есть несколько более или менее кратких предварительных замечаний, и затем идут примеры на данную часть речи или форму вначале из церковнослав., а потом из других славянских языков.

Возможна и такая точка зрения, по которой синтаксис Миклошича, несмотря на свое богатство примеров, окажется далеко не конченным и не полным. Некоторые отделы, например о числе имен, окажутся очень краткими (37—51), не будет не замечено, что между всеми этими рубриками только раз попадается слово „предложение“, именно за именительным падежом идет небольшой отдел: subjectlose Sätze (346—369). Во избежание путаницы („лабиринта“) Миклошич, по собственным его словам, предпочел разместить свои замечания о разных предложениях по рубрикам местоимения, союза и пр. При такой системе или расположении сырого материала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видеть отличительные особенности и разнообразные оттенки синтаксиса отдельных славянских языков и почти нельзя проследить историческое развитие их внутреннего строя. В труде же проф. Потебни, благодаря его системе, мы имеем перед собою стройное изложение исторического развития внутреннего склада русского языка, причем строго отличены и отмечены различные оттенки повременных изменений в строе русской речи с древнейших времен до настоящего. Тут привлекаются к сравнению сходные или различные явления исторического развития строя других языков славянских, а также литовского и латышского, а иногда, по мере надобности, и других арийских. В общем введении, то есть в первой части, и в частных главах второй части, мы постоянно встречаемся с глубокими мыслями, тонкими наблюдениями и остроумными соображениями, в коих ярко выступает высокое дарование нашего языковеда. В своем отзыве о труде проф. Потебни Срезневский не счел возможным умолчать о синтаксисе проф. Буслаева, в его исторической грамматике. Действительно, синтаксис составляет лучшую часть грамматики Буслаева. Он почти на 20-ть лет предварил синтаксис проф. Потебни. За Буслаевым навсегда останется великая заслуга, что он еще в 1844 г. в книге „О преподавании отечественного языка“ первый у нас высказал в своих синтаксических заметках (II ч.), что

„научное преподавание отечественного синтаксиса может быть только сравнительное и историческое", и тут же представил несколько пояснений и примеров из древнего, старинного и современного народного и литературного языка (стр. 141—163 и несколько далее). В синтаксическом отделе грамматики Буслаева наука получила в первый раз богатство примеров из древней, старинной и современной народной речи, вместе с примерами из Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоедова и пр. При этом Буслаевым было высказано немало частных дельных замечаний, но справедливость не позволяет умолчать, что система Буслаева, вообще вся теоретическая сторона его синтаксиса, по большей части не самостоятельна и довольно слаба. После труда проф. Потебни еще в первом издании (1874 г.) синтаксис Буслаева является уже в значительной степени трудом отсталым и устарелым, нельзя поистине не пожалеть, что педагоги наши доселе почти исключительно пробавляются книгою Буслаева и очень мало (не говорим об исключениях и о непосредственных учениках проф. Потебни) усвоили себе глубокие взгляды и богатые новыми плодотворными выводами наблюдения Потебни. Разумно усвоенные почтенною средою наших педагогов, они должны повести не только к лучшей постановке преподавания отечественного языка в наших средних учебных заведениях, но и к переменам в методе и приемах преподавания древних и новых языков в наших гимназиях.

Укажу еще на другую, тоже немаловажную, практическую сторону синтаксических и вообще филологических трудов проф. Потебни. Изучение их приводит всякого читателя к убеждению в пользе и важности известной литературной обработки малорусского наречия (украинского языка.—*Ф.*) даже для изучения нашего литературного языка. Ознакомившись с исследованиями Потебни, каждый образованный великорусс поймет, сколько света проливает знакомство с малорусским (украинским.—*Ф.*) языком на историческое развитие нашего общелитературного языка, который мы, великоруссы, не без известного преувеличения, любим считать исключительно своим. Внимательный читатель заметит, сколько дает поучений и пояснений знание живой малорусской (украинской.—*Ф.*) речи для разумного понимания даже живой речи великорусской и ее говоров. Все же говоры великорусские, белорусские и малорусские, как живые ключи, направленные историею в водоем общерусской речи, несут в нее свои местные дары, питают и богатят ее и как предмет нашего изучения, и как литературный наш язык, то есть как орудие нашей образованности, как общее знамя нашего национального единства.

Научное значение синтаксического труда проф. Потебни выяснится еще лучше, если, припомнив его отношение к однородным трудам Буслаева и Миклошича, мы прибавим, что по оригинальности воззрений, по глубине анализа, по широте и силе учености

труд А.А. Потебни далеко оставляет за собою весьма почтенные труды Даничича, Вальявца, Гатталы, Зигмунда Малецкого и др. по синтаксису отдельных западных славянских языков, южных и северных. Можно сказать, что „Записки по русской грамматике" проф. Потебни занимают в настоящее время такое же место в славянской филологии по отделу синтаксиса, какое в свое время занимали в ней историко-фонетические и морфологические исследования Добровского о чешском языке (введение в историю чешской литературы и чешская грамматика), послужившие впоследствии образцом для грамматических трудов по другим славянским языкам.

А. С. БУДИЛОВИЧ

А. А. ПОТЕБНЯ

(Отрывок из некролога) [1]

...Предоставляя дальнейшим монографиям о Потебне полную оценку его заслуг для русско-славянской науки, мы ограничимся лишь общим балансом оставленного им литературного наследия, с выделением тех руководящих идей, которые им завещаны по русско-славянскому языковедению и по словесности.

Как ни разнообразны труды Потебни по русско-славянской диалектологии, грамматике, мифологии и словесности, однако все они представляют нечто общее и цельное как со стороны методов исследования, так и по известному единству тона, по присутствию одной, постепенно выясняемой идеи и научной системы.

Особенность научного метода Потебни заключается в его редкой цельности, при всей сложности входящих элементов. Другие языковеды пользовались обыкновенно или одним сравнительным, или только историческим, или философским методом. Потебня соединил их в одно целое, так что его метод можно бы назвать сравнительно-историко-философским. В этом отношении Потебня всего более напоминал Якова Гримма, которого вдумчивый, пытливый ум также не мог удержаться в рамках какого-либо одностороннего метода, а с удивительной смелостью и энергией прошел во всех направлениях поле германской филологии. Гримма напоминает Потебня и по любви к строго фактической постановке исследуемого вопроса, причем, однако, оба они не теряются в массе изученного материала, но господствуют над ним мыслию, руководясь научным методом и высшим взглядом на взаимодействие материи и духа в явлениях языка.

Истинно философская струя проникает все сочинения Потебни,

[1] Печатается по тексту, опубликованному в журнале „Славянское обозрение“ (СПб., 1892, т. 1, с. 83—88).

начиная с самых ранних его опытов по мифологии и диалектологии[1]. Но в этих ранних сочинениях его нельзя заметить еще того равновесия между фактическим материалом и внутреннею его основою, какого он достиг впоследствии[2], особенно в „Записках по русской грамматике“ (1874—1889 г.) и в „Объяснениях малорусских и сродных народных песен“ (Воронеж, 1883—1887 г.).

При поверхностном ознакомлении с этими капитальнейшими сочинениями Потебни, из коих одно посвящено столь специальному, по-видимому, вопросу, как „составное сказуемое“, а другое — дробному комментарию к малорусским обрядовым песням, можно бы подумать, что сочинения эти не выходят за рамки частных монографий. Но если ближе изучить эти труды в связи с другими однородными и вдуматься в их руководящие начала и их взаимную связь, то нам представится здесь нечто очень грандиозное: опыт перестройки заново важнейших отделов языковедения и словесности, путем применения новых методов, по новой системе и в духе новых начал.

В самом деле, значение книги Потебни „Из записок по русской грамматике“ состоит не в том только, что он пролил новый свет на строение и смысл одной из форм сказуемого, а в том, что применением особого сравнительно-исторического и психологического метода Потебня доказал возможность и даже необходимость новой системы синтаксиса, притом не русского лишь, но и любого другого языка. Особенность этой системы заключается в том, что она выводится из языка, а не навязывается ему по готовым формулам логики или какой-либо другой науки. Правда, некоторые указания на необходимость такой перестройки синтаксиса были уже ранее сделаны одним из учеников Вильгельма Гумбольдта — Штейнталем; но указания эти имели чисто абстрактный, философский характер. Притом, предложив перестроить синтаксис по данным психологии, а не логики, Штейнталь не пришел еще к выводу, что народная психология в этом случае выражается в его формах, следовательно, в конце концов сводится к этимологии. Вот этот-то вывод и сделан Потеб-

[1] „О некоторых символах в славянской народной поэзии“. Харьков, 1860; „Мысль и язык“. — „Журнал Министерства народного просвещения“, 1862; „О связи некоторых представлений в языке“. Воронеж, 1864; „О мифическом значении некоторых обрядов и поверий“. — „Чтения Московского общества истории и древностей российских“, кн. 2—4, 1865; „Два исследования о звуках русского языка“. Воронеж, 1866; „О доле и сродных с нею существах“. М., 1867; „О купальских огнях и сродных с ними представлениях“. М., 1867; „Заметки о малорусском наречии“. Воронеж, 1871.

[2] „Малорусская народная песня по списку XVI века. Текст и примечания“. Воронеж, 1878; „К истории звуков русского языка“, I. Воронеж, 1876; II—IV. Варшава, 1880—1883; рецензия на сборник „Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким“. — „Записки Академии наук“, т. 37. Прилож. СПб., 1880; рецензия на сочинение П. Житецкого „Обзор звуковой истории малорусского наречия“. — „Записки Академии наук“, т. 33. Прилож. СПб., 1878.

нею, но не на словах лишь, а на деле, путем применения нового, этимологического принципа к исследованию форм сказуемого. Это сближение синтаксиса с этимологией, т. е. науки о функциях слов и словесных групп с наукою о строении таких слов и групп, оказалось особенно благотворным еще потому, что Потебня проследил взаимные отношения этих отделов грамматики не в один лишь момент времени, а на протяжении многих веков исторической жизни русского языка, сравнительно с языками летским, германским, классическими и другими арийскими. Выводы, которых достиг этим путем наш филолог, были столь же замечательны, как и неожиданны. Оказалось, что и синтаксические категории языка, которые прежде считались столь же неизменными, как законы логики, на деле изменяются и притом одновременно с изменением этимологических форм и во взаимодействии с последними. Это открытие, не только угаданное, но и доказанное Потебнею, имеет в языковедении такую же важность, как учение Дарвина об изменяемости видов в науках биологических.

Но Потебня не ограничился одним признанием этого закона. Он успел показать на некоторых явлениях языка направление внутренних его изменений, их быстроту, условия и взаимодействие с изменениями морфологическими. В некоторых случаях он успел уловить и те психические ассоциации, которые определили движение языка в области функциональной, притом с гораздо большею логичностью, чем, например, Миклошич в соответственных отделах своего синтаксиса.

Дальнейшим развитием тех же взглядов является и статья его „О значениях множественного числа в русском языке".

Конца „Записок по грамматике" мы не имеем, но из частного письма одного из учеников Потебни, именно харьковского приват-доцента Халанского, узнаем, что при разборе его рукописей оказался между прочим III том означенного сочинения. Содержание этого тома богато и чрезвычайно интересно. Вот некоторые заглавия: „О происхождении существительных"; „О происхождении прилагательных"; „Об употреблении прилагательного вместо существительного"; „Об употреблении существительного вместо сказуемого"; „Об устранении подлежащего". Труд этот занимал все последнее время жизни покойного и готов к печати, хотя и требует, по словам Халанского, проверки по материалам. Будем надеяться, что харьковские ученики и почитатели Потебни издадут его в свет.

Что касается основных положений этого III тома грамматики Потебни, то они несколько выясняются нижеследующим отрывком из его автобиографического очерка, напечатанного в III томе „Истории русской этнографии" Пыпина: „На очереди у меня грамматическая работа, связанная с этим курсом, носящая два заглавия: для публики „Об изменении значения и заменах существительных"; для меня: „Об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми", или „О борьбе мифического мышления с относительно научным в области грамматических категорий (по данным преимущественно русского языка)". Тут в основании лежит мысль, впрочем не новая, что философские обобщения таких-то по имени ученых основаны на философской работе безыменных мыслителей, совершающейся в языке, что, например, математика, оперирующая с отвлеченным числом, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда язык перестанет ежеминутно навязывать мысль о субстанциальной вещественности числа, а в противном случае величайший математик и философ, как Пифагор, должен будет оставаться на этой субстанциальности".

В сентябре 1890 г. мы имели случай лично из уст Потебни слышать развитие основных положений этого III тома его грамматики. Он предполагал доказать, что в развитии язычных форм и значений, которое совершается по диагонали между именными и глагольными полюсами арио-европейских языков, торжество с течением времени все более склоняется к последним. Этот вывод был бы, конечно, встречен сомнением, если бы не иметь в виду, что, говоря об усилении глагольности (verbalitas) в арийских, в частности же в славянских языках, Потебня имел в виду не столько формы слов, сколько их идеи и значение. В этой победе глагольности над номинальностью или действия над сущностью Потебня видел нечто аналогичное постепенному торжеству драмы над эпосом и лирикою как более первобытными формами словесности, а вместе и признак господства духа над материей в жизни языка...

...В чем же заключается высшее обобщение, вытекающее из совокупности работ Потебни? Таковым следует, кажется, признать его положение об органическом единстве материи и формы слова, а равно формы и содержания песен, которое должно быть руководящим принципом при исследовании законов развития как языка, так и народной словесности. Если же единство это в ходе развития языка и словесности со временем нарушается, то в смысле господства силы над веществом, духа над материей.

Но, быть может, сам автор иначе определил бы руководящую идею и главный вывод своих исследований. Ему не удалось, к сожалению, сказать последнего своего слова, вывести своды над высоким научным сооружением. Но и в настоящем виде заслуги его для науки поистине громадны. Их можно сравнить с заслугами Якова Гримма в германистике. Влияние Потебни еще долго и даже все сильнее будет сказываться в развитии науки о русском слове и словесности.

Примечание. Из письма Халанского мы узнаем еще, в дополнение к сказанному выше, что между рукописями Потебни остались: большая статья „О глаголе", заключающая в себе исследования о временах и видах глагола; большая, не вполне обработанная статья под заглавием „Миф", направленная против теории заимствования, которое Потебня также считал творчеством, т. е. другой его стороною; далее разбор книги Бругмана „О грамматическом роде"; давнишняя статья по поводу издания „Заговоров" и еще кое-что.

пользоваться чувствами и протягивающего руки к предметам, которых схватить не может" (299—300). Далее рассмотрены случаи употребления второго винительного (существ., прилаг., причаст.; 305—325), второго родительного (324—330), причем указаны случаи родительного самостоятельного: „того же лѣта исходяча... приходи Романъ...." (Лавр , 329), второго дательного: объяснен дательный самостоятельный (330—342).

В большой главе о неопределенном наклонении Александр Афанасьевич коснулся ограничения его употребления в сербском и болгарском, приведшего в последнем к потере формы на *-ти* (360—362), подробно разобрал случаи употребления неопределенного субъективного при формальных или близких к формальности глаголах (ст.-слав. **имѣти, имѣ**, юго-зап. рус. *маю*, малорус. *иму*, ст.-слав. **хощѫ**, др.-рус. *хочю*, серб. *отју* и т. п.) и при неформальных глаголах и сходных прилагательных (362—382); неопределенного со вторым именительным (382—383).

Далее употребление неопределенного объективного: винительного с неопределенным (384—387), дательного с неопределенным (388—391), второго дательного с неопределенным: „луце же бы потяту быти [кому], неже полонену быти" („Сл. о п. Игор.") (391 и след.).

Везде приводятся многочисленные примеры из древнерусской письменности и родственных языков славянских и неславянских. Рассмотрены обороты неопределенного наклонения, связанного с главным предложением посредством относительного слова: „не имать, чесо ѣсти" (О. св. Мат., 15, 32) (τί φάγωσι); „нѣ—камо ся дѣти" (Лавр., 30), соврем. великор. *нечего делать*, малорус. *нічого робити* и т. п. (стр. 419—424), неопределенного цели и следствия (425—434), неопределенного с *бы* и союзами сложными с *бы* (435—443) и абсолютного неопределенного („я знать не знаю, ведать не ведаю") в сравнении с литовск., латышск. и польск.

Последняя глава посвящена творительному падежу. Чтобы перейти к творительному, заменяющему вторые согласуемые падежи, столь характерному для славянских наречий, Александр Афанасьевич разбирает и другие находящиеся в связи с этим случаи творительного (социативный, места, времени, орудия, при страдательном сказуемом, при именах и наречиях, творительном причины и образа действия; 443—534 стр.). Творительный, условленный страдательным сказуемым, общий славянским языкам с санскритским и языком Вед, выводится Потебнею из творительного орудия. Из всех приводимых им объяснений других ученых он всего больше согласен в этом случае с Буслаевым; но Потебня особенно указывает на важность страдательности сказуемого, которая и отличает этот творительный от творительного орудия (стр. 367). Творительный, заменяющий вторые согласуемые падежи, известный под именем творительного признака и состояния (Буслаев) или творительного предикативного, принадлежащий „к своеобразнейшим явлениям славянского и литовского языка" (стр. 493, 499), выводится Александром Афанасьевичем из творительного образа, в частном случае, как *петь соловьем*, *плыть гоголем*, *идти воеводою* и т. п. (стр. 502), т. е. из того случая творительного образа, когда его субстанция совпадает с субстанциею подлежащего: *идти воеводою* близко к *стать (быть) воеводою*.

Таким образом, в этом капитальном труде рассмотрены А. А. Потебней самые характерные, самые важные явления синтаксиса; но, согласно со взглядом покойного на значение слов „синтаксис" и „этимология", о чем дальше, вернее было бы назвать этот труд, как и всякий сравнительно-исторический труд, этимологическим, оставляя слово „синтаксис" только для чисто описательных грамматических руководств. Во втором издании „Записок" ... А. А. Потебня уже постоянно ссылается на Миклошича („Vergl. Gram.", IV), во многом расходясь с его объяснениями. Много ссылок и на разные другие большие труды (Буслаева, Гатталы, Шерцля, Дельбрюка) обличают огромную начитанность автора, не помешавшую ему быть, однако, вполне самостоятельным и везде высказать свой оригинальный взгляд. Много заметок по синтаксису, или, вернее, по этимологии и семасиологии, рассеяно также в других сочинениях Александра Афанасьевича (например, развитие значения некоторых слов, выражений, образование союзов из других частей речи и т. под.).

А. А. Потебня был представителем философского языкознания. В этом отношении из западных ученых всех больше на него оказали влияние Вильгельм Гумбольдт („Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts") и Штейнталь („Grammatik, Logik und Psychologie" и „Characteristik der hauptsächlichten Typen des Sprachbaues"). Для уяснения этого мы должны обратиться к сочинению „Мысль и язык", написанному Александром Афанасьевичем в ранней молодости (в 1862 г. уже напечатано); но, несмотря на то, что автору было только 26 лет, он показал не только большую начитанность в классических европейских сочинениях по философии и общему языкознанию, но и большую самостоятельность и глубину мысли. Ввиду библиографической редкости этого сочинения решаюсь сообщить в коротких словах его содержание, выписав целиком более важные места. После критики различных мнений о происхождении языка, начиная с прошлого столетия, которая заканчивается разбором мнения В. Гумбольдта, стоявшего „на рубеже двух направлений науки", „гениального предвозвестника новой теории языка, не вполне освободившегося от оков старой" (т. е. логической грамматики) („Журнал Министерства народного просвещения", 1862, CXIII, с. 42), Потебня в гл. IV переходит к вопросу о соотношении языкознания к психологии, излагает Гербартову теорию представлений; в следующей главе говорит о чувственных восприятиях, затем о рефлексивных движениях и образовании

членораздельного звука; в VII главе — о языке чувства и языке мысли; в VIII — о слове как средстве апперцепции; в IX — о представлении, суждении и понятии; в последней, X — о поэзии и прозе. Эта последняя глава особенно важна для уяснения взгляда Потебни на язык. Здесь он различает поэтическое (символическое, образное) и прозаическое мышление. Здесь же выставлено различие формы внешней (звуковой) слова и внутренней (способа выражения). Высказывается гумбольдтовский взгляд, что поэзия и проза суть „явления языка": „Из языка, первоначально тождественного с поэзиею, следовательно из поэзии, возникает позднейшее разделение и противоположность поэзии и прозы, которые, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы „явлениями языка" (ibig., CXIV, с. 109). Указывается на противоположность поэзии и науки; поэзия мыслит конкретно, образами, представлениями, чем удовлетворяет врожденной человеку потребности видеть везде цельное и совершенное; „наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий" (111 с.), чего однако никогда почти не удается. Тут же высказывается и мысль о субъективности науки, которой А. А. Потебня держался до последнего времени: „В обширном и вместе строгом смысле, все достояние мысли субъективно, т. е. хотя и условлено внешним миром, но есть произведение личного творчества; но в этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести к первому — науку, ко второму — искусство" (стр. 111). Высказывается мысль об относительности понятий субъективного и объективного: „Без сомнения придет время, когда то, что нам представляется свойством самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени"... „Нет ничего легче, как с высоты, на которую без нашей личной заслуги поставило нас современное развитие человечества, презрительно взирать на все, от чего мы уже отошли на некоторое расстояние" (ibid., с. 122).

Из этого сочинения мы видим, как рано у Потебни сложился тот трезвый взгляд на развитие человечества, языка и науки, который он высказывал в своих последних сочинениях (во „Введении" и в напечатанной 2-й ч. „Из записок по русской грамматике"). Много подобных мыслей пришлось слышать от Александра Афанасьевича на лекциях последнего года. Он говорил, что наука всегда субъективна и национальна, так как есть плод усилий немногих ученых, находящихся в зависимости от языка, которым пользуются; кажущаяся объективность науки достигается только до известной степени по мере ее отвлеченности, а потому наименьшей субъективностью отличается математика, хотя все-таки не все равно сказать: „дважды два" и „zweimal zwei", ибо каждое выражение носит следы своего особого миросозерцания.

В связи с этим взглядом на науку находится нелюбовь Потебни к резким и самонадеянным выводам, к увлечению одной теорией

в ущерб прочим. Уже в 1865 г. он писал: „Исследователю нечего бояться упрека в том, что он сам не уверен в истине своих слов: если избранный им путь оказывается ложным, то для других польза в том, что они увидят эту ложность" („Два исследования"..., I, с. 44 примеч.). Увлекаясь одной теорией, мы должны помнить и о предшествующей ей, а также и о том, что после нас другие создадут новую; не следует думать, что мы сказали последнее слово науки, а как ошибались до нас, так и мы можем ошибаться, и после нас всегда будут ошибки. Понимание языка в гумбольдтовском смысле Александр Афанасьевич высказал и в заключительных словах автобиографии, напечатанной в приложении к III тому „Истории русской этнографии" (стр. 423) Пыпина. Таким образом, в последних своих сочинениях — 3-й части „Записок..." и „Теории словесности" он всего больше интересовался теми вопросами языкознания, которые привлекли его внимание в молодости.

До сих пор я почти ничего не сказал о 1-й части „Записок по русской грамматике", в которой представлена критика определений корня, формы, предложения и частей его. На основании этого и других сочинений и лекций можно определить взгляд Александра Афанасьевича на язык. Вопреки мнению Спенсера, считающего язык тормозом мысли, А. А. Потебня говорил, что мыслить можно только при посредстве языка. Язык есть живой организм, который тесно связан с мыслью человеческой, постоянно изменяется и, разрушая прежние формы, постоянно создает новые ... В противоположность некоторым ученым, делившим историю языка на период создания форм и период их разрушения, А. А. Потебня говорил, что создание и разрушение форм одновременны. В. Гумбольдт, говоривший о периоде созидания (когда язык был целью) и периоде употребления (когда язык стал средством), однако сам находил, что в действительности тесного разграничения этих периодов не существует, а „постоянная работа духа, состоящая в употреблении языка, оказывает непрерывное влияние на самое строение языка, на создание форм" („Введение", ст. 49—50). Язык, по мнению Потебни, согласно с этим ограничением Гумбольдта, употребляется и создается в одно и то же время. Грамматическая форма не есть только звуковое выражение, а есть способ выражения вещественного содержания, есть значение. Вследствие того, что различные формы имеют часто одно звуковое выражение, их узнать можно только в речи, в связи с другими формами. Вообще всякое слово имеет определенное вещественное и формальное значение только в речи; вырванное из связи, оно не имеет смысла. Нельзя на основании того, что новые языки имеют меньше звуковых выражений для известных категорий, чем древние, говорить о падении форм. Чтобы узнать, уменьшается ли число форм в данном языке, нужно сосчитать не число различных звуковых окончаний, а число формальных значений (стр. 55—56), что

блестящих очерков автор излагает ход вышеуказанных синтаксических процессов в истории русского языка. Не ограничиваясь простым изложением относящихся сюда явлений, он останавливается на общих вопросах о происхождении языка, о значении так называемых корней слов, о появлении в языке различных по значению категорий слов, освещая их глубокомысленными соображениями и талантливыми гипотезами. С этой стороны разбираемое сочинение, в составе как двух первых уже изданных, так и настоящей третьей части, является несомненным вкладом в науку о языке; но главный предмет труда — освещение исторических судеб русского языка дает ему настолько видное и почетное место среди исследований по русскому языку, что выход третьей части его будет встречен приветствиями со стороны всех, занимающихся родным языком, и притом не одних профессиональных ученых, но также преподавателей русской словесности в наших учебных заведениях: для лучших из них „Из записок по русской грамматике" стали давно настольною книгою. Все они убедятся, что каждая страница этой третьей части сочинения А. А. Потебни является обогащением науки о родном слове: подбор фактов из истории русского языка в значительной степени увеличит наше знание в этой области, а научный взгляд автора на исследуемый предмет расширит понимание общих грамматических явлений языка. Нельзя упускать из виду, что в третьей части своего труда А. А. Потебня нередко исправляет положения, выставленные им в предшествующих двух частях: скорейший выход этой части тем более необходим, что может предостеречь от некоторых неправильных толкований и выводов из таких, отвергнутых самим автором, положений.

Большинство очерков, составляющих материалы третьей части, соединены между собою общим содержанием; некоторые из них (например, главы о грамматическом роде, о безличных предложениях) представляются отдельными этюдами в области русского синтаксиса. Все эти очерки, за самыми ничтожными исключениями, оказываются в представленных рукописях готовыми к печати.

В силу всего вышеизложенного, скорейшее, и притом возможно точнее передающее оригинал, издание третьей части „Из записок по русской грамматике" А. А. Потебни представляется весьма желательным в интересах русской науки и отечественного просвещения.

В. И. ХАРЦИЕВ

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКА И МЫСЛИ А. А. ПОТЕБНИ

(Посмертное издание) [1]

III ТОМ „ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ" А. А. ПОТЕБНИ. I—V, 1—666.

Вышедшее на днях из печати исследование покойного А. А. Потебни под общим заглавием „Об изменении значения и заменах существительного" примыкает к следующим основным положениям первых двух томов записок по русской грамматике.

„В жизни языка грамматические разряды возникают, изменяются, заменяются другими, вместе с чем изменяется и весь строй речи" („Из записок...", II, 76—77).

„Из рассмотрения составных членов предложения можно вывести, что в русском языке и других заметно: увеличение противоположности имени и глагола и стремление сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени; расширение области несогласуемых падежей (объекта) насчет согласуемых (атрибута) и увеличение разницы между существительными и прилагательными" (ibid., 534—535).

Далее, в небольшом введении, А. А. Потебня определяет общий характер своих исследований в области истории языка и устанавливает разницу между своим взглядом на историю мысли, выражающуюся в истории языка, и взглядами М. Мюллера и других, отмечая при этом ложные методологические приемы и предрассудки научного языкознания.

Т. к. в истории языка заслуживает общего внимания исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов, невозможного, не существующего без языка, созда-

[1] Печатается по тексту, опубликованному в „Трудах педагогического отдела Харьковского историко-филологического общества", вып. 5, 1899, с. 143—162.

ваемого и воспроизводимого вместе с звуковою внешностью слов; то тем самым наука о языке способствует также решению основного вопроса знания: откуда и, поскольку можно судить по этому, куда мы идем. Не возбуждая лишних ожиданий, не обещая неисполнимого, исследователь языка может указать на то, что грамматические разряды имеют и другие более философские наименования.

Так, существительное, т. е. слово, способное быть определяемым (посредством прилагательного) подлежащим и дополнением, есть грамматическое название вещи-субстанции, субъекта и объекта. Вещь — связка явлений, и единство этой связки состоит в том, что мы принуждены (временно или постоянно) относить составляющие ее явления к одному средоточию, субстанции, являющейся носителем этих явлений, причиной их. Субстанция — это нечто, познаваемое в своих замещениях, т. е. явлениях, а сама стоит за пределами познания. Как метонимично мы говорим *читать Гомера*, так метонимично мы говорим *познавать себя*, т. е. в своих обнаружениях и т. п.

Субъект — вещь познающая и действующая, т. е. прежде всего наше *я*, а потом все уподобляемое ему; объект — вещь противоположная субъекту, познаваемая, подлежащая действию, косвенно изменяющая его. Грамматическому термину „прилагательное" (название признака, находящегося в вещи, определение существительного, атрибут) соответствует категория свойства, качества, т. е. сила в спокойном состоянии. Термину „глагол", грамматическому сказуемому (название признака, производимого подлежащим) соответствует сила, свойство вещи, познаваемое по отражению на других вещах (объектах), стало быть, свойство, в коем сказывается связь между вещами. Частные обнаружения силы с точки зрения субъекта мы называем действием, с точки зрения объекта — страданием.

Понятия действия, субъекта и объекта неотделимы от понятия причины. Судя по тому, что до сих пор действие субъекта мы можем выразить, т. е. представить себе только человекообразно (*дождь идет*, как *человек идет*, *я иду*), можно думать, что и вообще понятия действия, причины возникали так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что, как всякий субъект — подобие нашего *я*, так всякое действие — подобие нашего действия. Таким образом, отношение между понятиями: субстанция и явление, вещество и сила и пр. — человекообразны и могут быть выражены в нашем человеческом языке лишь как подобия отношения между нашим *я* и его действием.

Как грамматические разряды (определение — определяемое, сказуемое — подлежащее), так и философские категории парны: ход человеческой мысли состоит из парных толков: объясняемого и объясняющего.

Сопоставление грамматических и философских разрядов, основанное на известных положениях В. Гумбольдта, что мысль возникает и изменяется вместе с словом, что нет языка вообще, а есть языки и их разновидности вплоть до личного языка, переносит исследование философских категорий из области утопий на народную и историческую почву. Это сопоставление приводит нас к убеждению, что общие философские разряды мысли народны и временны; но эта народность и временность их не исключает возможности обобщения этих разрядов до общечеловечности. А с другой стороны, для правильности суждения об общечеловеческих категориях субстанции, качества, силы, причины и пр. нужно знать, в каком виде категории эти даны в языках, в людях и эпохах. Это лучше, чем утверждать, что общечеловечность, кафоличность у нас в кармане. Народность и временность категорий ведет нас и к другой мысли, что учения таких-то мыслителей зависят от безначальной деятельности племен и народов, что и высокие математические истины построяются не чистым мышлением, интеллектуальным созерцанием пространственных и временных отношений, а путем наблюдения и обобщения, ибо $2 \times 2 = 4$ невозможно для языка, считающего до 3-х, языка, представляющего число вещью, вместилищем другого чего-то.

Многие из этих положений давно вошли в приемы исследования таких-то по имени ученых; но, бессознательно следуя им под давлением языка, нередко сознательно отрицают их во имя узких рассудочных построений даже в том случае, когда, по-видимому, основывают отрицание их на указаниях языка. Так, М. Мюллер заявляет в своем труде „Das Denken im Lichte der Sprache": языкознание неопровержимо доказало, что человеческое мышление, т. е. человеческий язык направляется *не* от конкретного к отвлеченному, так как корни первоначальные отвлеченны, так как всякое познание состоит в подведении частного под общее (значит, прежде общее, потом частное?). Взгляд неверный, и язык никакому внимательному наблюдателю такого взгляда не навязывает. Существование прежде отвлеченных глагольных или качественных корней есть грубая ошибка — признание своего отвлечения за нечто существующее само по себе и являющееся причиною тех явлений (слов), из которых оно извлечено. Ошибка эта навязана человекообразностью представлений сущности и того, в чем она помещается, субстанции и ея проявлений, субъекта и его свойств, качеств, отражающихся в объектах, человека и его действий.

Вступив на путь указаний языка, разоблачающих человекообразность этих представлений, выражений, — указаний, заставляющих нас смотреть на нее, как на форму, и не принимать ее за содержание, можно представить себе познание не подведением частного под общее, а иначе.

„Когда имя было применено к одному предмету, оно имело только единичное, конкретное значение (а не общее наименова-

ние рода). Других предметов того же рода для говорящего в это время еще не было, так что эти предметы не могли иметь того же атрибута (который дан в этом имени), а слово в то время не могло означать рода. То, что возникло впоследствии, именно родовое значение слова, не может быть приписано начальному мгновению его жизни. Притом способность слова обобщаться не может быть вообще, т. е. во всех случаях, поставлена в зависимость от условий его производства. Так, я говорю ребенку „это — рыба", не сообщая ему, да и сам не зная этимологии этого слова; при следующем наименовании: „и это рыба" уже в ребенке совершается обобщение; но разве для самого ребенка род *рыба* существовал уже с первого взгляда на рыбу и ея наименование?"

В 1-й главе, озаглавленной „Первообразна ли отвлеченность в существительном качества?, чтобы устранить решение вопроса, заключенное в самом слове „отвлеченность", ставится тот же вопрос иначе: „Первообразна ли общность качества?" — ввиду мнения, что уже в корнях языка общность качества дана.

Рядом примеров из древних памятников русских и иноязычных подтверждается, что для огромного большинства, как прежде, так и теперь, не метафорично изображение качества, как вещи, заключающей в себе силу (которая тоже есть вещь), изгоняющей другое качество (т. е. вещь). Для нынешнего простого народа вещественность и человекообразность явлений есть не фигура, не форма речи, а само содержание; и для того чтобы возвыситься над образом, чтобы принимать за метафору представление качества в виде вещи, чтобы понимать качество, как нечто невещественное, нужны были и теперь нужны известные усилия мысли. Сказанное (и доказанное) о понимании качества, как субстанции вещества, применяется и к действию.

2-я глава посвящена вопросу: Предполагают ли имена качества значение собирательности? Вопреки мнению, основанному на производстве *dunkelheit* от *dunkel* и на предположении, будто *dunkelheit* сначала „собрание темных вещей", а потом „свойство темного", вопрос этот решается рассмотрением тех случаев, когда собирательность, не связанная с таким-то суффиксом, возникает на наших глазах по образцу: „привалила *птица* к круту берегу".

Нельзя сказать, — говорит Миклошич, — что употребленные так имена ед. ч. рассматриваются, как собирательные. „Они еще явственно отличаются от собирательных (есть разница между „много *жида* на ярмарке" и „много *жидовы*"), иногда переходят в них, что тогда и сказывается их сочетанием со мн. ч. *(черный клобук — пьхаша)*". „Нельзя также сказать, как думает Миклошич, что их ед. ч. замещает собою мн. ч., ибо их множественное число (много *жидов*) стоит само за себя, не становясь излишним от употребления ед. ч.".

„В картине битвы один солдат на переднем месте не заменяет, не замещает собою многих: он (если картина удачна) — единичный знак (символ), по которому зритель, смотря по своей

прозорливости, может судить о многом неизображенном и иначе неизобразимом, а многие солдаты так-таки и могут быть изображены в большей доле. Это синекдоха — если под этим словом не разуметь сознательного выбора единицы из множества.

Между *лист* (*лист* сухой валится), *листы* и *листье*, во мн. ч. *листья* разница в образе, т. е. в исходной точке и способе, каким получается значение множественности: в 1-м случае единица, служащая символом множества, во 2-м раздельное множество, в 3-м сплошное множество, понятое, как единица или как множество".

В виду подобных случаев, как „иде Москаля, як трави", кажется уместным вопрос, не синекдохична ли всякая собирательность и не восходит ли, например, суффикс *-ина* к значению единичности с особым оттенком, зависящим от женского рода? Таким образом *барщина*, *деревенщина*, укр. *родина*, *дружина* — первоначально могут значить нечто одно (но жен. р.) барское и пр., а суф. *-ина*, выделившийся уже в доисторическое, может быть славяно-литовское время, с собирательным значением *деревьев* растущих и *дерева* как вещества (липина, дубина, осчина и пр.) может предполагать то же значение, что в укр. *деревина* — одно дерево.

Господствующее однако значение, как в области этого суффикса, так и других (*-ьство*, *-ежь*, *-яд* и пр.) — сущ. качества; отсюда некоторые имена, применяясь ко многим особям, получают значение собирательных, не утрачивая и другого значения. Нынешние только собирательные *бабье*, *дурачье* могли значить некогда принадлежность, свойство (одной или всякой) бабы, бабство, и поэтому неудивительно, что *былье*, *зелье* не имеют значения собирательности. Вообще явления славянских и других языков, как кажется, склоняют к мнению, что собирательность происходит от качественности, а не наоборот.

За исходную точку или образец можно принять случай, когда качество, понимаемое, как особь (лицо), принадлежащая другой особи, служит символом многих, обладающих этим качеством особей, как в стихотворении Пушкина:

И внемля им Утешится безмолвная *печаль*,
Вздохнет о славе *младость*, И резвая задумается *радость*,

где олицетворения, так сказать, на перевале к собирательности!

Намеченное в первых двух главах отношение имени прилагательного, отвлеченного имени качества, свойства к существительному выясняется в главе 3-й в духе и характере общих положений, выведенных раньше.

„Различие между существительным и прилагательным в языке, доступном наблюдению, в историческое время уменьшается по направлению к прошедшему. В том же направлении от нас увеличивается атрибутивность существительного. Прежде чем перейти к этому последнему явлению, мимоходом указывается

(и доказывается), что степени сравнения, составляющие главное отличие прилагательных качественных от существительных, восходя в глубокую древность, свидетельствуют лишь о древности разряда прилагательных качественных, но не об их исконности (есть случаи и теперь степеней сравнения от им. существ.).

Формальные особенности прилагательных (исключительная принадлежность им, а не существительным известных суффиксов, местоименное склонение) в слав., нем., латыш. — относительно поздни. Как сравнительная степень существительного возможны были в древности и теперь формы *дьвая*, *бездьная*, *попівная*. Форма прилагательного *добра — і-его* предполагает отсутствие *і-его*, как члена, и следовательно формальное безразличие *добръ* и *дѣбъ*, *дубъ*, что подтверждается случаями, когда существительное ничем не отличается от прилагательного, кроме синтаксического употребления *сѣсѣдъ — сосед* и *соседний* и пр. и примерами существительных в форме позднейшей, свойственной только прилагательному: *межа — междa* и т. п.".

В образовании существительных без присоединения нового окончания от прилагательных, уже обособленных значением (неопределенностью подлежащего, определяемого), отчасти и внешнею формою, различаются два случая:

А. Обычное и потому легко подразумеваемое определяемое существительное опускается, передавая определительному прилагательному свое значение: *портной (шивец, мастер)*.

Б. Второй случай: без опущения определяемого имя, которое ныне есть прилагательное, стоит в качестве существительного: *милый*, *старый*, *хоробр*, *удал*, *резв (удалец, резвец)*. Сущ. на *-ьц* и *-иця* и другие суффиксы, не вносящие никакого оттенка, кроме существительности и единичности, с этой точки зрения, непосредственно произведены не от прилагательных, а от существительных *(был молодец, он был молод)*, независимо от того, было ли нужно для возникновения этого существительного опущение при нем определяемого, или нет. Побуждением к присоединению суффикса *-ьц-* могло быть желание отделить от прилагательного *молодъ* и таким образом обособить категорию прилагательного. Сюда же, к случаям *старъ*, *молодъ*: — собственные имена: *Коптьлъ*, *Завьялъ*, *Посптьлъ* и др.; существительные — из прилагательных среднего рода ед. ч., в которых средний род — средство обозначения качества субстанции: *старо* одушлевое, *младо* недужливое (субстанция — некто, лицо без внимания к полу с оттенком ласки или презрения); *озимое*, *яровое*, *мясное* (субстанция — нечто, вещь чувственная, дело, произведение, действие), оставляемая неопределенною; из *пуста* в *жило*, *студено*, *яро-весна*, *пьяно* — (место, где; время, когда; состояние); числит. в качестве существит. ср. р. для выражения безразличия пола и указания по отношению к роду считаемого: *взяша 6 сел*, *а семое город*. В связи с этим находится происхождение наречий и союзов от *кое*, *что*, *которое*, *иное* и пр.

„Условия образования существительных от прилагательных таковы, что заставляют предполагать и обратный ход образования прилагательных от существительных. Образование существительных от прилагательных состоит в переходе от того состояния мысли, когда качественное имя прилагается к разнородным вещам, служа только непосредственным или предикативным атрибутом, к тому состоянию, когда оно начинает прилагаться лишь к одной вещи или многим, но однородным и становится субъектом или объектом. Если эти состояния сменяют друг друга в одном и том же человеке, то при переходе ко второму состоянию он должен чувствовать облегчение, ибо легче, напр., под *инок* думать только об одном одиноком человеке, чем держать наготове различные слова, которые могут стать определяемыми слова *инок: Богъ инокъ*, *сынъ инокъ*, *слово иноко* и пр. Отсюда следует, что, и при смене состояний языков и народов, требующее меньшего усилия мысли, т. е. когда было только существительное, должно было предшествовать состоянию, требующему больших усилий, когда было и прилагательное.

Говорящий по-русски и употребляющий прилагательное *бел*, желая сообщить это свое знание иностранцу, может указать лишь на вещь, в которой оно, сказав при этом: *бело*! При этом иностранец или ребенок примут прилагательное за название всего того, на что им указано. Лишь потом, когда ребенку или иностранцу даны будут сочетания как — *бумага бела*, *стена бела* и пр., они своим умом могут выделить *бела*, как название только качества.

Если это так, то и в истории языков, различающих название вещи и признака (а не все это делают), прилагательное, как выделенное из связи признаков, как более отвлеченное, чем существительное, позднее существительного и образовалось от него. Иначе: существительное, т. е. (первоначально) название признака вместе с субстанциею, которой приписываются и другие признаки, ближе к чувственному образу (который может быть указан и отчасти изображен), и потому первообразнее, чем прилагательное, имя признака, без определенной субстанции, неуказуемого и никак неизобразимого, как неизобразимо действие само по себе".

Процесс выделения признака в атрибуте и предикате *(трава зелена*, *трава зеленеет)*, которому посвящено было в одном из первых сочинений А. А. Потебни несколько слов („Мысль и язык", 2-е изд., 1892, 155—159), неправильно представляется такими исследователями, как Пауль и Мюллер. „Если имя поставлено, как предикат, говорит Пауль, или приложено к имени вещи, то оно уже не может быть именем вещи, и с этой точки зрения тем самым есть прилагательное". „Если я скажу, — говорит Мюллер, — и *черный* (арап) *есть человек*, то человек (jedenfalls) адъективно, и *homo* здесь может быть заменено *humanus*".

Доля истины, заключенная в этих мнениях, кажется та, что путь от существительного к прилагательному есть атрибутивное употребление существительного; ошибка или, быть может, неточность выражения — в том, что этот тысячелетний путь сокращен в один момент. Таким сокращением уничтожается разница между выражением о́бразным, посредством сравнения, и безо́бразным, непосредственным; уничтожается побуждение к превращению существительного в прилагательное: ибо если достаточно употребить существительное атрибутивно, чтобы отвлечься от всех признаков обозначаемой вещи, кроме одного, если *homo* как атрибут есть прилагательное, то откуда же стремление образовать особое прилагательное *humanus*?

„В языках, имеющих прилагательное, встречается рядом, и с различным действием, о́бразный и безо́бразный способ обозначения качества:

Зелен боре, Поповиче Іово,
И *висока*, Петровича Соко,
То је двоје слика и прилика,

(они пара, ровня друг другу, потому что оба высоки); но, спрашивая себя, какой из двух способов древнее, мы не колеблясь решим в пользу первого. „Рубачок (намітка), як дим тонесенький" предполагает тип „рубочок як дим", „рубочок дим" не в том смысле, чтобы самое *тънъкъ* возникло из образа *дым*, *туман* и т. п., а в том, что и самое *тънъкъ* существовало первоначально, как образ, выражающий существительное.

Обращаясь к мнению, что „предложения и суждения не сложены из двух представлений или понятий, но чувственный образ, т. е. единство есть первое, а суждение есть разложение этого единства" (Штейнталь), А. А. Потебня утверждает, что в *трава зелена* можно усматривать только разложение единства *трава* лишь под условием, что *зелена* дано нам готовым и что мы не спрашиваем, откуда оно взялось в этом виде. Стало быть, так можно думать лишь при невнимании к тому, что словесное выражение указывает на слияние в суждении двух различных течений мысли. Такая двойственность суждения будет и в тех случаях, когда сочетаемые слова возводятся к одному корню: *золото желто*. Судя по этому, можно думать, что разложение „единства" *трава* могло совершиться только посредством сочетания с другим „единством" *зелена*. Говоря иначе, анализ образа или понятия происходит посредством синтеза.

Для превращения образа *Б* [в суждении: *А* (подлежащее) + *Б* (сказуемое)], существительного, получившего уже качественную окраску, в прилагательное, нужно стремление к устранению двойственности субстанций в суждении, стремление, усиливающееся по направлению к нашему времени, которому предшествует долгий период совмещения существительности и атрибутивности, — совмещения, представляющего обычное состояние мысли, настолько господствующее, что при нем и образовавшиеся уже прилагательные, и будучи атрибутивными, вновь превращаются в существительные.

Чтобы возвести первообразное прилагательное к первообразному существительному, надо показать круг признаков, из которого взят первоначально как основание сравнения, признак, оставшийся как значение в прилагательном („Мысль и язык", 158); нужно показать, именем какой вещи или какого разряда вещей было, напр., *старъ*, прежде чем оно стало именем качества. Признак, выдвинутый в атрибуте, закрепляется за ним или так, что существительное без нового суффикса с течением времени становится качественным словом (*вода — малина*, *серебро — стебло́*), или так, что исключительная качественность отмечается новым суффиксом.

Пока существительное атрибутивное мыслится, как совокупность признаков, как существительное, оснований для присоединения его к определяемому (tertium comparationis, представлений образа) может быть столько, сколько в нем мыслится признаков; напр., в предполагаемом на основании многих аналогий „вода *малина*" основанием сближения мог бы служить цвет, вкус ягоды, происхождение из ягод, близость к воде малинника (у Тургенева „*Малиновая* вода"). Многозначность прилагательных, как форм, образованных от существительных, может восходить к различию оснований, по которым первообразное существительное присоединялось как атрибут к определяемому.

Такое явление, как согласование прилагательных (гл. 4), получает с этой точки зрения новое объяснение и наиболее удовлетворительное. Оно, т. е. согласование, есть представление прилагательного чем-то подобным существительному, представление качества подобием (хотя и неполным) самой вещи. А что касается того, как произошло это явление при различии существительных и прилагательных, то для решения этого вопроса, следует спросить, исконно ли это различие, а если нет, то как оно возникло.

В индоевропейских языках, как показано было в первых 3-х главах, различие это неисконно, прилагательные возникли из существительных; есть более или менее явственные следы и доныне в этих языках того, что свойство, качество мыслилось только конкретно, только как вещь. Различение и обозначение грамматического рода появилось в языках индоевропейских только в существительном, когда прилагательного не было. Прилагательное, возникши, долгое время сохраняло, отчасти и сохраняет следы своего происхождения в том числе и грамматический род, согласование в роде. Ко времени до возникновения прилагательного относится по происхождению и согласование прилагательного в падеже и числе, ибо то и другое, как отношения пространственные — принадлежность вещи, а не ея качества.

Таким образом, вопрос о согласовании прилагательных с существительными сводится на другой: о согласовании существительных атрибутивных (со включением предикативного атрибута) с существительными же определяемыми, о согласовании выражений 1-й и 2-й субстанции.

В согласовании по „представлению", когда, например, ласкательность, в коей выражается личное отношение говорящего к вещи, выразившееся в ласкательной форме имени вещи (относительного субъекта), распространяется в той или другой мере на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с ней в связи — в этом согласовании, дошедшем до нашего времени. („Положила білу руку на заруку: біла ж моя *рученька*, що у *батька*, чи буде *біленька* у *свекорка*" или „все для *свекорка* для *стареньког*о, для *приїздоньку* його", т. е. каково лицо, таково и его действие), можно видеть, что согласование вообще никак не может быть названо только средством отнесения определительного к определяемому, рифмования мысли (Потт); напротив, оно основано на известном воззрении на само определительное, на качестве последнего. Можно предположить, что и по отношению к роду атрибут до возникновения прилагательного, а отчасти, как существительное, и после того, есть название вещи, которая находится, мыслится в другой вещи, подобной ей. На почве мифического мышления отношение подобия определительного и определяемого могло представляться сходным с подобием души и одушевляемого ею.

Из этого краткого обозрения первых четырех глав мы видим, что вопросы чисто грамматические, находившие себе либо чисто-формальное в пошлом смысле слова разрешение, либо не получавшие вовсе разрешения, ставятся и разрешаются не с узко-грамматической точки и получают, если не во всех отношениях абсолютно новое и оригинальное освещение, то во всяком случае строго-выдержанное, систематическое, при котором нет места логическим противоречиям. Путь человеческой мысли от чувственного образа к его разложению и порожденной этим разложением системе понятий, от безразличия категорий речи к более или менее резкому разграничению их получает твердую теоретическую обоснову в этой блестяще представленной истории имени существительного и его замен, одной из коих является имя прилагательное, возникшее из существительного при таком состоянии мысли, когда оно, т. е. существительное, вмещало в себе и свойства прилагательного, т. е. полную атрибутивность, полную качественность, но не отвлеченную, как в прилагательном, а соединенную с субстанциальностью.

Но рассмотренное нами является только введением к этой истории, которая собственно начинается 5-й главой: о происхождении разрядов существительного. Мнение, высказанное в сочинении „Из записок по русской грамматике" (88), что „первобытное имя, предшествовавшее выделению (обособлению, раздельности)

существительного и прилагательного, по способу представления в нем признака, более всего подходило к причастию", А. А. Потебня удерживает и теперь с дополнением, что первообразное причастие, из которого выделилось позднейшее причастие-прилагательное было причастие-существительное, слово с определяемою субстанциею и признаком, производимым ею, nomen agentis.

Первобытное существительное таким образом представляется, как nomen agentis, имя действователя (лица), а прочие разряды существительного, как имена орудия (instrumenti), действия (actionis), произведения (acti), места и времени (nomen loci), нужно считать производными, потому что: а) имя прилагательное, качественное, между прочим прилагательное одной формы с существительным (сжсѣдъ и пр.) — ближе по значению к имени действователя; б) в существительном из значения nomen agentis удобно выводятся прочие разряды. Так обычны во многих языках представления орудия действователем (*косарь* — большой нож, κρατήρ (смешиватель) — сосуд и пр.), способным носить собственное личное имя. Метафорой упомянутое представление стало позднее, когда nomen instrumenti стало представляться менее человекообразным или вовсе нечеловекообразным.

Имена действия, качества первоначально были вполне субстанциальны, т. е. предполагают не мнимую, так сказать, метафорическую, а действительную субстанцию, и разница между ними и именами действователя по направлению к прошедшему должна сводиться на нет. Производство имен произведения (nomen acti) находится в зависимости от взгляда на страдательность. Если страдательность есть род действования, выражаемый возвратностью, т. е. первоначально особым объектом в глаголах, и не имеющий ему исключительно свойственного выражения в именных суффиксах, то nomen acti могут непосредственно примыкать к nomen agentis. Так, если *клад*, по поверьям, сам выходит, сушится и уходит, скрывается, то и первое его образование в *кладъ*, *съкровъ* могло состоять в том, что он сам себя *скрыл*, *положил*. Такое представление будет не более странно, чем представление меда пьяным, т. к. он опьяняет. Впрочем, nomen acti могут быть связаны с nomen agentis через nomen actionis, и в таком случае *кладъ* — кладение, а потом то, что кладется. Так позднее имя действия, в применении к объекту, получает страдательное значение: „moje kochanie".

Значение места могло связываться с nomen agentis не только через nomen actionis (церковный *приход* из *прихожденья*), но и прямо, так что месту, как действующему лицу, приписано действие, которое в нем совершается (*прихожая* комната). Грамматический род вплетается в разграничение этих разрядов, но и отвлекаясь от его влияния, можно усмотреть образование этих разрядов в указанном порядке в именах с одним и тем же многозначным суффиксом, напр. — *ъ*, *ь*. Хотя в значении таких имен nomina

actionis восходят в индоевропейскую старину (*строй*, *видъ*, *слоухъ*, *мѫтъ* и пр.), но, что эти nomina actionis предполагают nomina agentis, это можно думать потому, что от глубокой древности и доныне в словах ъ есть и значение лиц действующих, переходящих в значение орудий и других конкретных вещей, как действователей, нередко совмещающееся со значением действий и произведений. *Родъ* (тема *у?*) — ближайший родственник: „вы нѣста князя, ни рода“; собир. *gens*: въста род на род“. *Рой* — examen apum, образ жениха в свадебных песнях, что было бы невозможно, если бы слово понималось, как nomina actionis. *Вой* — bellator. *Трусъ* — робкий человек, трясение. Сюда же личные прозвища: *Миръ Гамовъ*, *Крикъ Зуковъ*, *Неупокой* и пр. *Разбой*: а) разбойник: „два разбоя ксте“; собират. *разбойники* — „разбой возьмет“; б) nomina actionis — „на разбой ити“; в) nomina acti — „своего разбою“ искать; г) nomina loci в сербском языке.

Совмещение в таких существительных nomina agentis и nomina actionis производит (если оно поставлено как атрибут существительного конкретного) двусмысленность, иногда неустранимую контекстом: „Бог спас“ может значить и „Бог спаситель“ и „Бог спасение наше“.

Главная задача этой главы — установить систему в переходе значений имени существительного, систему притом наиболее вероятную с точки зрения истории развития миросозерцания человеческого. Изменение лексического значения имени существительного подчиняется теории мифического и поэтического мышления, и потому заключающийся в этой главе этюд о жизни слова в его значениях имеет одинаковое отношение и к так называемой этимологии слова и к стилистике (метафора, метонимия, синекдоха).

„Строение нашей речи (говорится в заключении 5-й главы) заставляет нас разлагать мыслимое 1) на вещь (субстанцию), т. е. нечто представляемое способным заключать на себе признаки (= быть определяемым) и производить их (т. е. служит источником действия, подлежащим), служить пределом действия (именным дополнением, предметом, объектом); 2) на признак, находящийся в другой вещи (прилагательное, определение); 3) на признак, производимый вещью (глагол, простое сказуемое). Остальные разряды речи и мысли оставим здесь в стороне, так как они частью предшествуют по времени этому делению и покрываются им (корни качественные и местоименные), частью следуют за ним и представляются производными (как наречия с деепричастиями, союзы и предлоги)“.

Современной системе частей речи и их форм предшествовали несложные слова, означавшие неразложенное восприятие, чувственный образ, т. е. полное безразличие такой-то птицы и производимого ею полета (действия). „Ход исследования пути, ведущего от нынешнего разграничения форм к предполагаемому

их отсутствию и вместе с тем ход доказательств вероятности такого предположения, по вышесказанному распадается на решение вопросов: что в доступном наблюдению языке указывает на увеличение по направлению к прошедшему а) безразличия субъекта и атрибута, б) субъекта и предиката, в) субъекта и объекта. Оставляя в стороне последний вопрос, исследователь останавливается на первых двух, что и составляет содержание следующих глав: 6. Атрибутивность существительного; 7. Несогласование приложений в падеже; 8. Союз между словами, соединенными атрибутивно, Hendiadys; 9. Переход приложений в предложения; 10. Место придаточных предложений с относительным словом по отношению к главным, посвященных главным образом первому явлению, и 11. Предикативность существительного, — второму, а глава 12-я — „Устранение подлежащего“ — является заключительным этюдом ко всей работе, посвященной „изменению значения и заменам имени существительного“, выяснению безразличия субъекта и других основных категорий речи — предложения, атрибута, предиката и объекта, в начале истории мысли и языка, господства, преобладающего влияния субъекта, субстанции в предложении и суждении; истории вытеснения этой субстанциальности путем образования новых форм (замен) синтаксических, перехода от паратактического строя речи к гипотактическому — в эпоху образования флективных языков, доступную нашему наблюдению.

„Задача частной грамматики, конечно, не в том, чтобы показать вероятность этих положений вообще. Кто же сомневается в том, что успехи мысли выражаются в замене таких вещей, мифических сущностей, как *мороз*, явлениями; что человек переходит и от бессвязности, дробности, паратактичности мысли и речи к возможности стройного подчинения многих частностей речи цельности периода, многих периодов — цельности сочинения, от бессознательной однородности душевного строя к сознательному единству миросозерцания и характера?“

„Уже менее очевидно, что история возникновения предрассудков и „борьбы с предрассудками“ (напр., что мороз есть вещь) — вопрос не только мифологии и истории естествознания, но со стороны возникновения и изменения и устранения общих разрядов мысли (категорий) и вопрос грамматический; что изменение значения одной части речи, имени существительного, находится в связи со многими другими явлениями языка и мысли, в том числе с развитием периода. Еще менее очевидно тому, кто думает об этих вопросах „вообще“ — то, какие именно явления в таком-то языке указывают на возникновение и изменение таких-то душевных явлений, напр. таких-то категорий познаваемого. Это настолько неочевидно, что самый вопрос, следует ли искать в языке ответа на такие вопросы, решается отрицательно“.

Приведенные сейчас строки А. А. Потебня, вероятно, чтобы

не возбуждать излишних ожиданий (по его словам), выпустил из окончательного (белового) введения в свой труд; но издательница изъявила согласие поместить их в дополнениях к напечатанному труду покойного своего мужа, и не без основания. Эти строки, не возбуждая излишних ожиданий, дадут истинный критерий к пониманию этой работы по частной грамматике, по истории русского языка (и мысли), одного из величайших органов духовного развития человечества в семье других человеческих языков. Сопоставляя исследования А. А. Потебни с двумя замечательными в области языкознания сочинениями В. Гумбольдта „О различии строения человеческих языков и их влиянии на духовное развитие человечества" и И. Срезневского „Мысли об истории русского языка", я вижу в этих последних вызов на гигантскую работу — дать нам ряд историй языков, в указанном смысле, изобразить нам историю духовного развития народов, говорящих на этих языках, не в отдельных таких-то по имени величавых фигурах героев и громких событиях политической жизни, культуры, искусств и наук, но в фактах языка, свидетельствующих о медленном, но непрерывающемся поступательном движении мысли масс народных, мысли, обнимающей все стороны духовного бытия народов. Эту гигантскую работу принял на себя А. А. Потебня в отношении языка русского и, смеем думать, выполнил ее блестяще: его три тома Записок по русской грамматике — беспримерный труд в европейской науке, первый почин стройного систематического изучения законов эволюции человеческой мысли по документам языка.

А. А. Потебня имел предшественников, отчасти следовавших тому же направлению, что и он, а большею частью изучавших, группировавших лингвистический материал, не имея в виду взятой им на себя задачи: таковы, кроме поименованных выше, Штейнталь, Мюллер, Пауль, Миклошич, Бругман, Буслаев и другие. Но кто внимательно проштудирует его Записки, тот увидит, что, пользуясь трудами своих предшественников, он не только не сотворил себе кумира из мнений талантливых работников науки (он не творил его и из своих мнений), но очень часто принужден был устранять созданные ими положения, законы, должен был вести борьбу с ложными понятиями, очищать поле науки от готовых сложившихся мнений, предрассудков. Но вы не встретите в работе полемического задора профессионалиста, а вас поразит простота и ясность аргументации, гласящей только errare humanum est. Вся работа проникнута одной мыслью, одушевлена одним желанием, взяв в руки ариаднину нить, не сбиться с дороги, не поддаться какой-нибудь привычной мысли, суждению предвзятому.

Вот почему общий характер рассматриваемого исследования состоит в том, что вам не доказывается истинность, непреложность таких-то положений, законов, мысли и языка, а показывается ряд картин из истории душевной жизни человечества, картин, которые каждый раз кажутся откровением и ожиданным, судя по прежним, и неожиданным. Исследователь идет от настоящего к прошедшему, возвращается снова к настоящему, сопоставляет старину с новизной, ведя, так сказать, за руку читателя и заставляя его то поражаться сочетанием явлений, ничтожных, по-видимому, с величайшими усилиями человеческого духа, то преклоняться с изумлением пред силою человеческой мысли, то любоваться, так сказать, возвращением современности к архаическим формам в целях художественного творчества, и задумываться над таинственной, стихийной силой слова. Не грамматика, не словарь, не правила и исключения, а живая душа, человек в его темном стремлении к истине, отыскивающий правый путь, — вот что стоит на первом плане исследования, вот что захватывает, очаровывает вас при чтении и изучении этого труда.

С ясностью, доходящей до степени непосредственного впечатления, вы видите дорогу откуда и куда идет человечество в одном из представителей его, русском народе. А вспоминая различные программы культуры, законы эволюции, широкие обобщения, с которыми выступают в наше время на литературный рынок и ученые и художники, философы и моралисты, и сопоставляя их с этим эпосом народной мысли, спокойным, величавым, так и хочется повторить известные стихи Пушкина:

Глупец кричит: куда, куда?
Дорога здесь! Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайныя

и применить их к отношениям между этим движением масс и попытками повернуть колесо истории таких-то по имени ученых, полагающихся слишком на силу личного умозрения.

Я не буду далее пускаться в подробности рассматриваемого труда, предоставляя это любознательности интересующихся читателей, но остановлюсь еще на нескольких его сторонах, подтверждающих только что сказанное.

Главная задача труда — сохранить историческую перспективу и национальную. Но для этого исследователю, а вместе с тем и читателю приходится бороться с предрассудками, освободиться от ложных понятий, естественных вполне для человека, знающего современное и влагающего это современное в прошедшее (ὕστερον — πρότερον), знающего свое или частное и приписывающего это частное по аналогии другому частному. „В славянских наречиях, — говорит Миклошич, — существительное, несмотря на свое значение и на то, что формально отличается от прилагательного, нередко заменяет определительное прилагательное... От этого смысл выражения не изменяется ощутительно, но так, что едва ли можно разъяснить" (Vergleichende Grammatik, B. IV, 3—4).

„В обычном и как будто соответствующем сущности дела *„црвено вино“* признак *црвен* представлен лишенным вещественности и отнесенным к вещи *вино;* но такое представление качества менее первообразно, чем представление его в виде вещи. В *„црвеника вино“* качество, приписываемое вину, находится в своей особой субстанции, которая относится к *вино* так, как по древнему воззрению душа, *болезнь доля* (участь) к человеку, в коем находится. И как упомянутое воззрение не предполагает взгляда на душу, как на процесс и т. п., а наоборот, предшествует этому взгляду, так нельзя сказать, что определительное существительное вообще заменяет собою прилагательное“.

Устранив этот предрассудок „заменяет“, мы совершенно освобождаемся от него, рассматривая целую галлерею типов атрибутивного сочетания существительных, hendiadys, оборотов по образцу „душа — двойник человека“, представляющих субстанцию и качество в образе мужа и жены, сходство явлений — их родством, сочетаний синонимов, плеонастических с нашей точки выражений, и тавтологий. А рядом с этим пред нами развертывается картина усилий человеческой мысли освободиться от этой первоначальной и неизбежной антропоморфичности, своеобразного дуализма суждения путем замены атрибутивного сочетания, паратактического строя *(дуб — стол, о нем о здоровьи, книга новое письмо, на нем на грудях, прийти к концу к обедне, на бочку на рожь, множество злато, деньги часть, шуба сукно красномалиново)* и несогласуемые *(образ Богородицы междувратная, против св. Спаса, зовемый Верчетис, шубу, сукно красномалиново, зовут его Власком Иванов сын);* придаточные предложения паратактические: *конь стоит, головушка наклонена; есть печера, из нея* (или *из тоя печеры*) *исходит источник; прислал человека, Иваном зовут; и увидел N., старец щепы гребет* и пр. гипотактическим изображением двумя именами существительными *(кольчуга красна золота)*, прилагательным *(перстень щирозолотный)*, придаточным предложением гипотактичным, подчиненным. Личные обороты *(вроде страх мне есть, меня берет)*, с мнимыми субстанциями, сущностями *(стук стучит, зноб знобит)*, путем различных синтаксических сочетаний (вроде, напр., *те вести ведомо, туча ров учинило, громом убило, мне страшно* и т. п.) переходят в безличныя; мифические сущности устраняются в языке и мысли.

Такие абсурды, неправильности с нашей точки зрения, как пол растений и всех вещей, несогласование атрибута или предиката с субъектом, получают своеобразное освещение.

Пол, грамматический род является общей категорией всех вещей, служит для распределения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли. Человекообразность — постоянное свойство человеческой мысли; мыслить иначе, как по-человечески (субъективно), человек не может. Если под мышлением понимать ту долю умственной деятельности, которая сказывается в языке, то оно есть создание стройного, упрощенного

целого из наплыва восприятий. Представить себе такое создание мысли иным, чем созданием „по образу и подобию“ своему, чем внесением в познаваемое свойства познающего, мы не в силах; но свойства познающего изменяются в определенном направлении, благодаря чему возможна история мысли и ее человекообразности, т. е. без hendiadys, история человекообразности мысли“.

Грамматический анаколют, ошибка стилистическая (по-нашему), бессвязность архаического оборота являются с этой точки зрения не ошибками и отклонениями, а иногда шагом вперед, плодотворными усилиями мысли и слова, давшими нам нашу гибкую, изящную речь, способную к высоким отвлечениям, широким обобщениям, давшими нам возможность стройно логически мыслить. Ошибка ученика 3-го класса, написавшего в своей тетрадке: „Парис отличался *красотою и наружностью*“, не ошибка, а отзвук старины, младенчества, законное проявление развивающейся мысли и слова. Такие выражения, как „калина-малина, красная смородина“, и другие сопоставления слов и оборотов в народной поэзии, будучи поняты буквально в смысле атрибутивном (нашем), дают contradictionem in adjecto и заставляют предположить в певце большую глупость или большое невежество.

„Однако невозможно предположить, чтобы здравомыслящий человек не знал разницы между общеизвестными вещами или, зная ее, называл известное растение и калиной, и малиной, и смородиной. Остается думать, что сопоставление несовместных частностей не есть нарушение логического закона, а способ обозначения понятия высшего порядка, способ обобщения, нередко — идеализации в смысле изображения предмета такого рода (напр., дерева, кустарника и пр.), но необычайного, чудесного, прекрасного (ср.: *Grau, teurer Freund, ist alle Teorie und grün des Lebens goldner Baum*, Goethe, „Faust“ или Хлестаков: „под сень струй“).

Исчерпать содержание книги в беглой библиографической заметке — трудно, невозможно. Полагаю, что сказанного достаточно для того, чтобы знать, чего можно искать и что можно найти в ней. Небольшой указатель, приложенный к ней, поможет читателю самому ознакомиться с выдающимися местами сочинения и схватить общий характер труда.

Не могу здесь пройти молчанием, между прочим, следующей особенности исследования. Не вполне законченное с внешней стороны, вследствие безвременной кончины знаменитого русского ученого, к сожалению мало известного большой публике, оно и с внутренней стороны кажется неоконченным; как будто что-то недосказано. Но это только кажется за отсутствием в нем догматического тона. Оно не забивает последнего гвоздя в строящееся здание, а возводит его, расставляя вехи, намечая план дальнейших работ, указывая материал и метод. Школы, говори-

лось как-то, Потебня не создал. Это неправда. Он создал школу, он дал программу этой школы, но для нее, лучше сказать, для ее полного развития не наступило время. Двери ее открыты, но мало еще желающих войти в них. Издание третьего тома „Записок...“, в котором покойный ученый смелее и ярче освещает факты языка, должно вызвать и усилить интерес к изучению языка, а готовящиеся изменения в положении преподавателей среднеучебных заведений и eo ipso посвящающих себя изучению филологических наук, окажут также свое влияние на развитие этого интереса приливом слушателей на филологические факультеты. Ибо, что ни говори, а оскудение филологических факультетов, недостаток слушателей, находится в прямой зависимости и от непривлекательной перспективы сделаться школьных дел мастером по преимуществу.

В заключение своей заметки не могу не выразить пожелания, чтобы Записки по русской грамматике, а в особенности третий том, сделались настольной книгой каждого филолога-преподавателя, и в частности преподавателя русского языка.

Русским педагогам оставил свои заветы другой великий ученый русский Ф. И. Буслаев в своей книге „О преподавании отечественного языка“. Книга А. А. Потебни непосредственного отношения к педагогике и методике не имеет. Но кто хочет (а всякий преподаватель должен хотеть) держаться заветов Буслаева (не грамматики этого ученого), кто желает найти настоящую методику и дидактику родного слова не в разных специальных руководствах по этому предмету, тот может искать ее и найдет в научном исследовании А. А. Потебни. Там преподаватель русского языка найдет и прекрасно разработанный метод образцов, а не грамматических схем и определений, ненужных, а подчас и вредных; там он найдет и метод изучения этимологии в связи с синтаксисом, метод постепенного перехода от простых синтаксических форм к сложным, от грамматики к стилистике, и теории поэзии. Там преподаватель найдет и прекрасный метод так называемого объяснительного чтения, на который указал еще Буслаев (см. мою статью „Взгляды Ф. И. Буслаева на преподавание отечественного языка“), метод единственный, но заменяемый по скудости филологического образования преподавателей так называемым смысловым вещественным разбором.

Школа—мир. История мира, человечества, заключенная в истории языка, отражается в этой маленькой, но постоянно повторяющейся истории умственного роста детей. Кто хочет найти для своего руководства не педантические формулы, не чересчур уже резко топором вырубленные догматы, тот пусть обратится к живой методике, завещанной нам в языке наших предков, методике, которая носит сухое научное заглавие „Об изменении значения и заменах существительного“.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К IV ТОМУ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Труды самого автора

Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж, 1866 (из „Филологических записок" за 1864—1866 гг.).

Заметки о малорусском наречии. Воронеж, 1871 (из „Филологических записок" вып. I, II, IV, V за 1870 г.).

Из записок по русской грамматике. I. Введение. Воронеж, 1874 (из „Филологических записок", вып. IV—VI за 1873 г.). Из записок по русской грамматике. II. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Харьков, 1874 (из „Записок Харьковского университета" за 1874 г.); изд. 2-е, исправленное и дополненное. Харьков, 1888 (на обложке — 1889 г.).

К истории звуков русского языка. I. Воронеж, 1876 (из „Филологических записок", вып. I—III за 1876 г.).

Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. I. Варшава, 1883 (из „Русского филологического вестника" за 1882—1883 гг.); т. II. Колядки и щедровки. Варшава, 1887 (из „Русского филологического вестника" за 1884—1887 гг.).

О купальских огнях и сродных с ними представлениях. М., 1867 (из „Археологического вестника" Московского археологического общества, вып. 3, за 1867 г.).

О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865 (из „Чтений Московского общества истории и древностей российских", кн. 2—4, за 1865 г.).

II. Исследования других авторов, произведения старославянской и древнерусской письменности, сборники, словари

Аксаков — К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. II. Сочинения филологические, ч. 1. М., 1875.

Аксаков. Опыт — К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики. Полное собрание сочинений, т. III. Сочинения филологические, ч. 2. М., 1880.

Акты — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.

Акты археограф. экспед.— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. I (1294—1598 гг.). СПб., 1836; т. II (1598—1613 гг.). СПб., 1836; т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1836; т. IV (1645—1700). СПб., 1836.

Акты Зап. России — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1340—1506 гг.). СПб., 1846; т. II (1506—1544 гг.). СПб., 1848; т. III (1544—1587 гг.). СПб., 1848.

Акты историч.— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1334—1598 гг.). СПб., 1841; т. II (1599—1612 гг.). СПб., 1841; т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1841; т. IV (1645—1676 гг.). СПб., 1842; т. V (1676—1700). СПб., 1842.

Акты р.-лив.— Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868.

Акты Южн. и Зап. России — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1361—1598 гг.). СПб., 1863; т. II (1599—1637 гг.). СПб., 1865.

Акты юридич.— Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографическою комиссиею, под редакцией члена комиссии Николая Калачова, т. I (Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела, дельные, записки, записи, изветы). СПб., 1857; т. II (Кабалы, книги, купчие, межевые, мировые, меновые, наемные, наказы, оброчные, отводные, откупные, отписи, отписки, отписные, отпускные, отсрочные, памяти, писания, письма, платежные, подорожные, подписи, подписки, подрядные, поручные). СПб., 1864; т. III (Поступные, посыльные, приговоры, приказы, промытные, протроп, проезжие, разбор, разводные, раздельные, разрубники, разъезды, расписки, росписи, распросные речи, рядные, сговорные, сделочные, сказки, сметы, списки, срочные, ссудные, ставка очная, ставленные, статейные списки, указы, ценовная, челобитные явки). СПб., 1884.

Антонович и Драгоманов — Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I. Киев, 1874; т. II. Киев, 1875.

Архив Юго-Зап. России — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, ч. III. Акты о казаках, т. I. Киев, 1863.

Афанасьев — Народные русские сказки, издал А. Афанасьев, вып. I—VI. М., 1855—1861.

Афанасьев. Журналы — Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. Сочинение А. Афанасьева. М., 1859.

Баранович. Lutnia — Лазар Баранович. Lutnia Apollinowa. Киев, 1671.

Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Изданы при содействии Общества любителей российской словесности. М., 1872.

Беринда — П. Беринда. Лексікон славено-росскій и имен толкованіе. Киев, 1627.

„Беседа" — „Русская беседа".

Бессонов — Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, издал Петр Бессонов. I. Песни юнашки: молодецкие, героические или эпические. II. Песни женски: мифические или баснословные, колядки, кралицкие, сватовские — свадебные, пастушеские, подорожные, хороводные, любовные и проч. Песни воинские или воинственные. Стихи и переводы болгар. „Временник Московского общества истории и древностей российских", книга 21 и 22. М., 1885.

Бессонов. Главные вопросы языка новоболгарского — Главные вопросы языка новоболгарского П. Бессонова. „Временник Московского общества истории и древностей российских", книга 21. М., 1885.

Бессонов. Песни — Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта, издал Петр Бессонов. М., 1871.

Библиотека — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.

Б. М.— Српске народне песме. Скупио их у Срему Б[ранко] М[ушицки]. Панчево, 1875.

Богишић — Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Скупио и на свијет издао В. Богишић. Књига прва са расправом о „бугарщицама" и с рјечником. Биоград. 1878; „Гласник српског ученог друштва". Друго одељење. Књига десета.

Богословие — Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, Ексарха Болгарского. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово. „Чтения..." (см.), 1877, кн. IV. М., изд. 1878.

Бодянский — Житие Феодосия, игоумена печерьскаго, съписание Нестора. По харатейному списку XII-го века. (Издал) О. Бодянский. „Чтения..." (см.), 1858, кн. III.

Болдырев — Алексей Болдырев. Рассуждение о глаголах. „Труды..." (см.), ч. II. М., 1812.

Болотов — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738—1745, тт. I—IV. СПб., 1870—1873.

Брандт. Начертание — Начертание славянской акцентологии. Сочинение Романа Брандта. СПб., 1880.

Бублий — Веремія малороссийского гевала. Словчена Иваном Бублеем. 1870 року. Полтава, 1871.

Буслаев. Грамматика — Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Изд. 2-е, переделанное, ч. I и II. М., 1863; изд. 3-е, исправленное и дополненное. Этимология. М., 1868; Синтаксис. М., 1869.

Буслаев. Материалы — Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. Изготовлены к столетнему юбилею Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова Клина, Менщикова и Буслаева. М., 1855.

Буслаев. Опыт — Опыт исторической грамматики русского языка, ч. I. М., 1858.

Буслаев. Очерки — Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Сочинение Ф. Буслаева, т. I. Русская народная поэзия. СПб., 1861.

Буслаев. Хрестоматия — Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. Составлено.. Ф. Буслаевым. М., 1861.

Български народен сборник — Български народен сборник. Събран, нареден и издаден от Василія Чолакова, ч. 1. Болград, 1872.

Вацлав з Олеська — Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego, Zebrał i wydał Wacław z Oleska, We Lwowie, 1833.

„Вестник" — „Русский вестник", 1866, № 5—6.

Виленский сборн. — Виленский сборник. Изд. В. Кулин. 1. Вильна, 1869.

Вовчок — Марко Вовчок. „Основа", I, 1861.

Востоков. Грамматика — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.

Востоков. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное А. Х. Востоковым. СПб., 1842.

Востоков. Словарь — Словарь церковнославянского языка, составленный академиком А. Х. Востоковым. Издание Второго отделения императорской Академии наук, 1—2. СПб., 1858—1861.

Ген. Культ. раст. — В. Ген. Культурные растения и домашние животные в их переходе из Азии в Грецию и Италию, а также и в остальную Европу. Историко-лингвистические эскизы. СПб., 1872.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.

Гильфердинг. Об отношении — Об отношении языка славянского к языкам родственным. Исследование А. Гильфердинга. М., 1853.

Головацкий — Я. Ф. Головацкий. Сборник галицких и угорских песен.

Головацкий, I, II, III — Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким, ч. I. Думы и думки. М., 1878; ч. II. Обрядные песни. М., 1878; ч. III Разночтения и дополнения. Отделение I. Думы и думки. Отделение II. Обрядовые песни М., 1878.

Головацкий. Грамматика — Я. Ф. Головацкий. Грамматика русского языка, составлена Яковом Головацким, во Львове, 1849.

Голятовский — Нбо новое. За стараемъ Іоаникіа Голятовско. Ро. αχϑε. Въ Львовѣ.

Гребенка — Малороссийские приказки Е. Гребенки. СПб., 1834.

Грот. О некоторых законах — Я. К. Грот. О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных. „Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности", 1860, т. VIII, вып. 5.

Гулак — Кобзарь П. П. Артемовского-Гулака. Киев, 1878.

Давыдов — Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Академии наук. Изд. 2-е. СПб., 1853.

Даль. Пословицы — Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. В. Даля. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862.

Даль. Словарь — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1863.

Дан. Паломн. — Даниил Паломник. Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115). Издано Археографическою комиссиею под ред. А. С. Норова. СПб., 1864.

Даничић — Српска синтакса. Написао Ђ. Даничић. Део првый. У Биограду, 1858.

Даничић. Облици српского језика — Облици српского језика. Написао Ђ. Даничић. У Биограду, 1863.

Даничић. Рјечник — Рјечник из књижевних старина српских. Написао Ђ. Даничић. Дио први *А—К*; Дио други — *Л—П*. У Биограду, 1863; Дио трећи — *Р—Ђ*. У Биограду, 1864.

Добровский — Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем Россияне, Сербы и другие Славяне Греческого исповедания, и Далматы Глаголиты Римского исповедания имеют церковные книги. Сочинение Иосифа Добровского, Философии Доктора, члена Чешского общества наук и других обществ. Ч. I. Перевел с латинского М. Погодин. СПб., 1833; ч. II и III. Перевел с латинского С. Шевырев. СПб., 1834.

Домострой — Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Дмитрием Павлов. Голохвастовым. „Временник Московского общества истории и древностей российских", кн. I. М., 1849.

Доп. к обл. слов. — Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения Академии наук. СПб., 1858.

„Достопам". — „Русские достопамятности". Журнал Общества истории и древностей российских. М., 1815—1844.

Драгоманов — Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. К., 1876.

Др. росс. стих. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818.

Дювернуа. Система — Система основных элементов и форм славянских наречий — А. Л. Дювернуа. Система основных элементов и форм славянских наречий. М., 1872.

Желудков — Иванов-Желудков. Русское село в Малой Азии. „Русский вестник", 1866, № 6.

Житие Феодосия — Житие Феодосия. „Ученые записки Второго отделения Академии наук", кн. II, вып. 1. СПб., 1856.

ЖМНП — „Журнал министерства народного просвещения".

Закревский — Старосветский бандуриста. Книга 1. Избранные малороссийские и галицийские песни и думы. Собрал Николай Закревский. М., 1860.

Игнат. — Казки. Зобрав Игнатій з Никлович. Накладом Якова Савчиньского. Львов, 1861.

Изборн. 1073 г. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Иждивением члена-учредителя Общества любителей древней письменности Тимофея Саввича Морозова. СПб., 1880.

„Известия" — „Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности", тт. I—X, 1852—1861.

Ипат. лет.— Ипатиевская летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. II. СПб., 1843.

Ипат. лет. 2 — Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1871.

Истории. песни — Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I. К., 1874; т. II, вып. 1. Песни о борьбе с поляками при Богдане Хмельницком. К., 1875.

Калайдович — Иоанн, экзарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем. М., 1824.

Калайдович. Памятники — Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.

„Калики" — Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова, вып. I. М., 1861.

Караџић — Српске народне пјесме из Херцеговине (женске). За штампу их приредио Вук Стеф. Караџић (Трошком народнијех прилога). У Бечу, 1866.

Караџић. Пјесме — Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу, 1841; Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу, 1845; Књига трећа, у којој су пјесме јуначке средњијех времена. У Бечу, 1846; Књига четрта у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању за слободу. У Бечу, 1862; Књига пета, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању Црногораца. У Бечу, 1865.

Караџић. Пословице — Српске народне пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1849.

Караџић. Припов., 1821 — В. С. Караџић. Српске народне приповијетке. У Бечу, 1821.

Караџић. Припов., 1853. — Српске народне приповијетке. Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1853.

Караџић Рјечник — Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу. 1852. Lexicon serbico-germanico-latinum. Edidit Vuk Steph. Karadschitsch, Vindobonae, 1852.

Климентий Мних. — П. А. Кулиш. Обзор украинской словесности. I. Климентий. „Основа", I, 1868.

Кв.-Осн. — Повісті Григорыя Квітки-Основьяненка, тт. I, II. Издав. П. А. Кулиш. СПб., 1858.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности, ч. I. Песни былевые. Время Владимирово. Вып. I. Илья Муромец, богатырь-крестьянин. Изд. 2-е, без перемен. М., 1868; вып. II. а) Богатырь Добрыня Никитич, дружинник и родич великокняжеский. б) Богатырь Алеша Попович и братья Збродовичи (Збродовичи: Дородовичи). в) Богатырь Василий (Казимирович: Игнатьевич) долгополый, пьяница. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1875; вып. III. Богатыри: Иван Гостинный сын и Иван Годинович. Данило Ловчанин с женою. Данило Игнатьевич с сыном. Дунай

Иванович. Женитьба князя Владимира. Сорок калик со каликою. Дюк Степанович. Суровец-Суздалец. Саур Ванидович или Саул Леванидович с сыном. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1878; вып. IV (дополнительный), 1-я половина. Богатыри: Илья Муромец, Никита Иванович, богатырь — Заолешанин, Михайло Иванович, богатырь — Поток, бродяга; Ставр Годинович, боярин; богатыри — горожане посадские, Городен или Хотен Блудович и Чурило Пленкович; Михайло Петрович, богатырь — Казарянин; Соловей Будимирович, богатырь-мореходец. С каких пор перевелись витязи на святой Руси. Аника Воин. Старшие богатыри: Святогор. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1879. Часть II, вып. V. Песни былевые: I. Новгородские. II. Княжеские. М., 1863.

Книга Большому Чертежу — Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 г. СПб., 1792.

Колосов — Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. М. А. Колосова первые два отчета Отделению русского языка и словесности. СПб., 1876.

Колосов. Очерк — М. А. Колосов. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Одесса, 1872.

Костомаров — Н. И. Костомаров. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI — XVII столетиях. „Современник", 1860, X.

Костомаров. Песни — Н. И. Костомаров. Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии. Малорусский литературный сборник. Изд. Д. Мордовцев. Саратов, 1859.

Котляревский — Виргилиева Енеида на украинскую мову перелицевана. Сочинение И. П. Котляревского. Киев, 1873.

Котошихин — О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 2-е. СПб., 1859.

Крижанич — Граматíчно изказáње об рýском језíку попá Јурка Крижáнича, презвáњем Сéрблянина, међу Кв'пojу и Вв'ноjу рикáми: во вjéздех Бихща града, окол Дъбовцá, Озльá и Рйбника остróгов, писано вь Сибири: лита зрод. Подготовил к изданию О. Бодянский. Чтения (см.), год IV, кн. 1. М., 1848.

Кулиш — Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш, т. I. СПб., 1856; т. II, СПб., 1857.

Лавренко — Пісні про кохання. Видав Д. Лавренко. Киев, 1864.

Лаврент. лет. — Лаврентиевская летопись. Полное собрание Русских летописей, изданных Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.

Лаврент. лет. (светопечатная) — Повесть временных лет по Лаврентиевскому списку Издание Археографической комиссии. СПб., 1872.

Лаврент. лет. 2 — Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1872.

Лавровский. Заметки — П. Лавровский. Заметки об этимологических окончаниях старинного языка польского. „Ученые записки Второго отделения императорской Академии наук", т. IV.

Лавровский. Обзор — П. Лавровский. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими

славянскими наречиями. „Журнал Министерства народного просвещения", 1859, № 6.

Лавровский — О языке севернорусских летописей. Сочинение Петра Лавровского. СПб., 1852.

Лет. Самовидца — Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, „Краткого описания Малороссии" и „Собрания Исторического". Издана Киевскою временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878.

Летописи — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. СПб., 1845 и след.

Ломоносов. Грамматика — Российская грамматика Михайла Ломоносова. Грамматика русского языка академика М. В. Ломоносова, 1755 года. Издана Вторым отделением Академии наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПб., 1855.

Майков. Вр. закл. — Майков Л. Н. Великорусские заклинания. „Записки Русского географического общества по отделению этнографии", т. 2. СПб., 1869.

Майков. История — История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. Сочинение А. Майкова. М., 1857.

Максимович — Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем, ч. 1. М., 1834.

Максимович, Киевлянин — М[аксимович] М.[А.] О монастыре Гнилецком, „Киевлянин". 1841, II.

Манжура — В кн.: Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. К., 1876.

Мариин. ев. — Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. Издание Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1883.

Материалы — Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий. Прибавление к Известиям Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852 и след.

Метлинский — Народные южнорусские песни. Изд. Амвросия Метлинского. К., 1854.

Микуцкий. Наблюдения — Наблюдения и замечания о лето-славянском языке сравнительно с прочими арийскими языками. Соч. С. Микуцкого. „Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии", т. I. СПб., 1867.

Миладиновци — Бьлгарски народни песни собрани од братья Миладиновци Димитрія и Константина и издани од Константина, в Загребъ, 1861.

Минеи — Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. Издание Археографической комиссии. СПб., 1868.

Моление — Даніила Заточеника. Моленїе к своемъ князю Ярославѣ Всеволодовичю. Новая редакция (XIII века) Слова Даниила Заточника. В. Ундольский.

Мордовцев — Малорусский литературный сборник. Изд. Д. Мордовцев. Саратов, 1859.

Некрасов — Н. Некрасов. Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики. „Журнал Министерства народного просвещения", 1869, IX. Наша учебная литература.

Некрасов. О глаголе — О значении форм русского глагола. Соч. Н. Некрасова. СПб., 1865.

Новаковић. Срп. загонет. — С. Новаковић. Српске народне загонетке.

Новгор. лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. [Светопечатное] издание Археографической комиссии. СПб., 1875.

Новгор. I лет. — Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. III. СПб., 1841.

Новгор. II лет. — Новгородские летописи. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Издание Археографической комиссии. СПб., 1879.

Новгор. IV лет. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. IV. СПб., 1848.

Новиков. Трутень — „Трутень" Н. И. Новикова. 1769—1770. Изд. 3-е, П. А. Ефремова. СПб., 1865.

Номис — „Українські приказки, прислів'я и таке инше". Збірники О. В. Марковича и других, спорудив М. Номис (М. Т. Симонов). СПб., 1864.

Носович. Белорусский словарь — Словарь белорусского языка, составленный И. И. Носовичем. Издание Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1870.

Областной словарь — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

Осадца. Граматика — Граматика русского языка. Написал Михаил Осадца, во Львове, 1862.

Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.

Павский. Филологические наблюдения. Второе рассуждение — Филологические наблюдения протонерея Г. Павского над составом русского языка. Второе рассуждение. Об именах существительных. СПб., 1842.

Павский. Филологические наблюдения. Третье рассуждение — Филологические наблюдения протонерея Г. Павского над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголе. СПб., 1842.

Пам. дипломат. сношен. — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I, т. 1—10. СПб., 1851—1871.

Пам. древн. письм. — Памятники древней письменности. Издание Общества любителей древней письменности. СПб., 1878.

Пам. и обр. нар. яз. — Памятники и образцы народного языка и словесности. — „Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности", тт. I—V, 1852—1856.

Памятники Киевск. — Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, учрежденною при киевском военном, подольском

и волынском генерал-губернаторе, т. I. Киев, 1843; т. II. Киев, 1846; т. III Киев, 1852; т. IV. Киев, 1850.

Пам. рос. слов.— Памятники российской словесности.

Пам. стар. р. литер.— Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. I и II. СПб., 1860; вып. III и IV. СПб., 1862.

Памятники — Памятники великорусского наречия. СПб., 1855.

Пермский сбори.— Пермский сборник. Повременное издание. Книжка первая. М., 1859.

Петрановић — Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске пјесме старијег времена. Скупио Богољуб Петрановић. У Биограду, 1867.

Петрановић. Пјесме — Српске народне пјесме из Босне. (Женске). Скупио их и на свијет издао јеромонах Богољуб Петрановић, учитељ. Књига прва. У Сарајеву, 1867.

Пинчуки — Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губернии Д. Г. Булгаковский. „Записки Русского географического общества по отделению этнографии", т. XIII, вып. 3. СПб., 1890.

Подвысоцкий — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил А. Подвысоцкий. СПб., 1885.

Попов — Попов А. (В.) Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного пад. в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. „Филологические записки". Воронеж, 1879, вып. IV—V, стр. 1—42; вып. VI, стр. 43—76; 1880, вып. I, стр. 77—100, вып. II, стр. 101—146, вып. III, стр. 147—182, вып. IV—V, стр. 183—240; вып. VI, стр 241—266; 1881, вып. II, стр. 267—308; и отдельно: А. В. Попов. Синтаксические исследования, I. Воронеж, 1881.

Псковск. грам.— Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Издана (Н. Мурзакевичем) по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1847.

Пск. I лет.— Псковская первая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. IV. СПб., 1843.

Пск. II лет.— Псковская вторая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. V. СПб., 1851.

Пыпин — Словарь к первой Новгородской летописи А. Н. Пыпина. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. „Известия" (см.), III. 1852.

Рајковић — Рајковић. Српске народне песме (женске). Већином их у Славонији скупио Ђорђе Рајковић. У Новоме Саду, 1869.

Реймское ев.— Сазаво-еммауское стое блговѣствованіе, нынѣже Ремьское, нанеже прѣже присѧгаша при вѣнчальномь муропомазаніи цри франьцоустіи, сь прибавленіемъ сь бокоу тогоже чтенію латиньскыми буквами и сьличеніемъ остромирова еуангелія и острожьскыхь чтеніи. Троудомь и иждивеніемь

Ваѡеслава Ганкы. Sazavo—emmauzskoje svjatoje blagovĕstvovanije, nynĕhe Remeskoje, na nehe prĕhe prisjagaea pri vĕnhal'nom myropomazanii cari francustii. s pribavlieniem s boku togoce htenija latinskymi bukvami sliheniem ostromirova evangelia i ostrovskyh htenii. Въ Чешьской Празѣ, 1846.

Романов — Е. Романов. Белорусский сборник, т. I. Губерния Могилевская. Вып. I и II. Песни, пословицы, загадки. Киев, 1887.

Рудченко — Народные южнорусские сказки, вып. 1—2. Издал И. Рудченко. К., 1869—1870.

Русалка — Русалка Днѣстровая. Будим, 1837.

Русск. нар. песни — Русские народные песни. Из приготовляемого к изданию собрания песен П. В. Киреевского. „Русская Беседа", I. М., 1856.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861; ч. II, то же. М., 1862; ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864; ч. IV. Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверия, суеверия, заговоры и т. п. СПб., 1867.

Саввина книга — Саввина книга. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и замечаниями об особенностях их правописания и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1868.

Сахаров — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. I. Книга 1-я, 2-я, 3-я, 4-я. Изд. 3-е. СПб., 1841; т. II. Книга 5-я, 6-я, 7-я, 8-я. СПб., 1849.

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Сборн. свед. о кавказск. горцах — Сборник сведений о кавказских горцах, изданный при кавказском городском управлении, вып. 1. Тифлис, 1868.

Сборн. Сев.-Зап. кр.— Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае, вып. I. Изд. ред. „Виленского вестника". Вильна, 1866.

Сказ. о Борисе и Глебе — Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. По поручению и на иждивении Археологического общества издал И. И. Срезневский. СПб., 1860.

Словарь к Ипат. лет.— Н. Г. Чернышевский. Опыт словаря из Ипатьевской летописи. „Известия" (см.), т. II, 1853, стр. 512—576.

„Слово о полку Иг." — „Слово о полку Игореве". Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. М., 1866.

Смирнов. Сборн. др.-рус. пам.— Смирнов А. Сборник древнерусских памятников и образцов народной речи. Пособие при изучении русского языка. Варшава, 1882.

Собр. гос. грам.— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813.

Споменици — Сербскіи споменицы или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ, и сношенія босански, сербски, харцеговачки, далматински, и дубровачки кралѣва, царева, банова, деспота, кнезова, војвода и властелина. Собрани трудом Павла Карано-Твртковића. Часть прва. У Бѣограду, 1840.

Срезневский — И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1868.

Срезневский. Мысли — И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.

Срезневский. Памяти.— Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. Труд И. Срезневского. СПб., 1863.

Срезневский. Сведения—Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского. СПб., 1874.

„Старина"—„Русская старина".

Стоглав—Стоглав. Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. М., 1890.

Терещенко—А. Терещенко. Быт русского народа, ч. V. Простонародные обряды. СПб., 1848.

Тихонравов—Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению „Отреченные книги древней России"), т. I. СПб., 1863.

Тихонравов. Летописи—Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. I. М., 1859; т. II. М., 1859; т. III. М., 1861.

Троицк. лет. —Троицкая летопись. Полное собрание русских летописей, изданных Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.

„Труды"—„Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете".

„Тр. Этнограф. отд."—„Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете", кн. V, вып. I. М., 1877; вып. 2, М., 1878.

Укр. п. вид. Балл.—Українські пісні. Видані коштом О. С. Балліної. СПб., 1863.

„Уч. зап. АН"—„Ученые записки Второго отделения Академии наук".

Федькович—Повісті Осипа Федьковича. Киев, 1876.

Феодосий—Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского, о казнях божиих. „Уч. зап. АН" (см.), кн. II, вып. II.

Фортунатов—Литовские народные песни, собранные Ф. Фортунатовым и Всев. Миллером. М., 1873. „Московские университетские известия", 1872, №1, Приложение, стр. 125—165 (I—XII песни); кн. 2 и 3, Приложение, стр. 323—401 (XIII—LIV песни); № 4, Приложение, стр. 430—531 (LV—C песни).

Хождение—Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115). Издано Археографическою комиссиею под ред. А. С. Норова, с его критическими замечаниями. СПб., 1864.

Хождение Афанасия—Хожение за три моря Афонасья Микитина сына. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. VI. СПб., 1853, стр. 330 и след.

Черный. Греческая грамматика—Э. Черный. Греческая грамматика гимназического курса, ч. II, Синтаксис, изложенный сравнительно с русским и латинским. Изд. II, 1882; изд. III, 1885.

Чтения—Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Чубинский—Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, т. I—VII. СПб., 1872—1878.

Чубро Чојковић—Пѣваннія черногорска и херцеговачка сабрана Чубромъ Чойковићемъ Черногорцемъ. Па и њимъ издана истимъ. У Лайпцигу, 1837.

Шафранов—О видах русского глагола в синтаксическом отношении. Рассуждение, написанное для получения степени магистра кандидатом С. Шафрановым. М., 1852.

Шахматов—А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исследования по русскому языку, т. I. Издание Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1885.

Шейковский. Словарь—Опыт южнорусского словаря. Труд А. Шейковского. Киев, 1861.

Шейн—Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. Сборник П. В. Шейна. СПб., 1874.

Шейн. Материалы—Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I, ч. 1. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1887; ч. II. СПб., 1890.

Шейн. Песни—Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, ч. I. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870.

Шейн. Сборник—П. В. Шейн. Белорусский сборник. Зарайск, 1876.

Шерцль—В. И. Шерцль, Синтаксис древненндийского языка. Харьков, 1883.

Шестоднев—Шестоднев, составленный Иоанном экзархом болгарским. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки 1263 года. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879.

Шлейхер. Очерк—А. Шлейхер. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков. „Ученые записки Академии наук", т. VIII, кн. 2. СПб., 1865.

Шпилевский—Павел Шпилевский. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках. „Пантеон", 1853, V. Смесь, стр. 1—10; VI. Смесь, стр. 1—34.

Шпилевский. Пословицы—Белорусские пословицы. Сборник П. М. Шпилевского. СПб., 1853.

Эрбен—Сто славянских народных сказок и повестей в подлиннике. Книга для чтения с изъяснением слов. Издал Карл Яромир Эрбен. В Праге, 1865.

Этнограф. сборн.—Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. I, 1853; вып. II, 1854; вып. III, 1858; вып. IV, 1858; вып. V, 1862; вып. VI, 1864.

Юшкевич—А. Юшкевич. Литовские свадебные народные песни, записанные Антоном Юшкевичем и изданные Иваном Юшкевичем. Liežuvninkų Antano Jušk'evičiaus ir išspáudintos par túviškos svotbinės dájnos, užrašytos par Ąntaną Juškévičę ir išspáudintos par Jóną Juškévičę. СПб., 1883; „Сб. ОРЯС", т. 35.

Ю ш к е в и ч. Песни — Литовские народные песни. С переводом на русский язык И. А. Ю ш к е в и ч а. Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук, II, № 2. СПб., 1867.

Я н ч у к. Малорусская свадьба — Н. Я н ч у к. Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губернии. М., 1886.

Alexandreida — Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. Díl I. Texty a transkripce. V Praze, 1881.

Archiv für slaw. Philol. — „Archiv für slawische Philologie".

B a b u k i ć. Ilirska slovnica — Ilirska slovnica. Sastavi Vèkoslav B a b u k i ć. U Zagrebu, 1854.

Beiträge — Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen.

B e n f e y. Orient und Occident — Orient und Occident insbesondere in ihren gegenseitigen Beziehungen. Forschungen und Mitteilungen. Eine Vierteljahrsschrift herausgegeben von Theodor B e n f e y. B. I—II. Göttingen, 1862—1864.

B ö h t l i n g k — Sanskrit-Wörterbuch herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto B ö h t l i n g k und Rudolf R o t h. I—VII. St. Petersburg, 1855—1875.

Biblia Zofii — Biblia królowéj Zofii, żony Jagiełły. Z kodeksu szaroszpatackiego. Nakładem księcia Jerzego Henryka Lubomirskiego wydana przez Antoniego M a ł e c k i e g o. We Lwowie, 1871.

B i e l e n s t e i n — Handbuch der lettischen Sprache von A. B i e l e n s t e i n. B. 1. Grammatik. Mitau, 1863.

B i e l e n s t e i n. Lett. Rätsel — Tausend lettische Rätsel, übersetzt und erklärt. Mitau, 1886.

B i e l e n s t e i n. Sprache — Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend dargestellt von A. B i e l e n s t e i n. Erster Teil. Die Laute. Die Wortbildung. Berlin, 1863. Zweiter Teil. Die Wortbeugung. Berlin, 1864.

B o g i š i ć, Zb. zadašn. — W. B o g i š i ć. Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. Zagrib, 1874.

B o p p. Glossarium — Glossarium comparativum linguae sanscritae in quo omnes sanscritae radices et vocabula usitatissima explicantur et cum vocabulis graecis, latinis, germanicis, litaunicis, slavicis, celticis comparantur a Francisco. B o p p. Edicio tercia, in qua vocabula sanscrita accentu notata sunt latinisque litteris transcripta. Adjecti sunt indices. Berolini, MDCCCLXVII.

B o p p. Kritische Grammatik — Kritische Grammatik der Sanscrita-Sprache in kürzerer Fassung von Franz B o p p. Vierte durchgesehene Ausgabe. Berlin, 1868.

B o p p. Vergleichendes Accentuationssystem — Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmung des Sanskrit und Griechischen von Fr. B o p p. Berlin, 1854.

B o p p. Vergleichende Grammatik — Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen von Franz B o p p. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. Erster Band. Berlin, 1857; Zweiter Band. Berlin, 1859; Dritter Band. Berlin, 1861 (Erste Hälfte. Berlin, 1860).

W e b e r. Skladnja — W e b e r Adolf. Skladnja ilirskoga jezika. Beć, 1862.

W e s t e r g a a r d — Radices linguae sanscritae ad decreta grammaticorum definivit atque copia exemplorum exquisitiorum illustravit N. L. W e s t e r g a a r d. Bonae Rhenum, 1841.

W u j k. Bibl. Star. — Biblia to jest księgi starego i nowego testamentu z łacińskiego na język polski przełożone (przez ks. D. Jakóba W u j k a.

H a n u š — Malý výbor ze staročeské literatury. Podle rukopisův knihovny vysokých škol pražských XIV—XVII století posud z větší části netištěných sestavený od L. J. H a n u š e. V Praze, 1863.

H a t t a l a. Kratká — Hattala Martin. Kratká mluvnica slovenská. 1852.

H a t t a l a. Srovnávací mluvnice — Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. Sepsal Martin H a t t a l a. V Praze, 1856, 1857.

H e y s e. System — K. W. H e y s e. System der Sprachwissenschaft. Berlin, 1856.

G o s z c z y ń s k i — S. G o s z c z y ń s k i. Dzieła, m. I—III. Wrocław, 1852.

G r i m m — Geschichte der deutschen Sprache von G r i m m Jacob. Leipzig, 1848.

G r i m m Grammat. — Deutsche Grammatik, von G r i m m Jacob. 1. Teil; 2. Ausgabe. Göttingen, 1822; 2. Teil. Göttingen, 1826; 3. Teil. Göttingen, 1831, 4. Teil. Göttingen, 1837.

H u m b o l d t[1] — Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Von Wilhelm von H u m b o l d t. Erster Band. Berlin, 1836; Zweiter Band. Berlin, 1838; Dritter Band. Berlin, 1839.

H u m b o l d t — Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Von Wilhelm von H u m b o l d t. Berlin, 1876.

D i e f e n b a c h. Vergleichendes Wörterbuch — L. D i e f e n b a c h. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, I. Frankfurt a. M., 1846.

D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen — Fr. D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen, Zweiter Teil, Bonn, 1871.

D o n e l a i t i s — Christian D o n e l a i t i s. Litauische Dichtungen. Erste vollständige Ausgabe mit Glossar. Von Aug. Schleicher. St. Petersburg, 1865.

K l o n o w i c z — S. F. K l o n o w i c z. Flis.

Književnik — Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znatnosti.

K o l b e r g. Lud — Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Przedstawił Oskar K o l b e r g, Serya 1—23. Warszawa — Kraków, 1865—1890.

K o l b e r g. Mazowsze — Mazowsze. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar K o l b e r g, m. 1—5. Kraków, 1885—1890.

K o l b e r g. Pokucie — Pokucie. Obraz etnograficzny, t. I. Kraków 1882; t. 2. 1883; t. 3. 1888; t. 4. 1889.

K o z ł o w s k y. Lud — Pieśni. Podania. Baśne. Zwyczaje i przesądy Ludu z Mazowsza Czerskiego, wraz z tańcami i melodyami zebral K. K o z ł o w s k i. Warszawa, 1869.

K r a s i c k i — J. K r a s i c k i. Dzieła, m. 1—X. Warszawa, 1803—1804. Edycya nowa i zupełna przez Franciszka Dmochowskiego.

Kraszewski—J. Kraszewski, Dzieła, Powieści obyczajowe.

Księgi ust.—Historyczne pomniki języka i uchwał polskich i mazowieckich z wieku XVgo i XVIgo. Tom. I. Księgi ustaw polskich i mazowieckich na język polski w latach 1449, 1450, 1503, 1451 przekładane, po raz pierwszy, staraniem Joachima Lelewela, drukiem ogłoszone. Wilno, 1824.

Kuhn—Über das alte S und einige damit verbundene Lautentwicklungen von Kuhn, Zeitschrift (см.). B. I. Berlin, 1851.

Curtius. Das Verbum—G. Curtius. Das Verbum der griechischen Sprache. B. I. 1877.

Curtius—Grundzüge der griechischen Etymologie von Georg Curtius. Vierte durch Vergleichunden aus den keltischen Sprachen von Ernst Windisch erweiterte Auflage. Leipzig, 1873.

Kurschat—Grammatik der litauischen Sprache. Von Dr. Friedrich Kurschat. Halle, 1876.

Kurschat. Wörterbuch—Wörterbuch der litauischen Sprache von Friedrich Kurschat. Zweiter Teil. Litauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1883.

Linde. Słownik—Słownik języka polskiego przez Samuela Bogumiła Linde. Tom I (*A*—*F*). Lwów, 1854; Tom II (*G*—*L*). Lwów, 1856; Tom III (*M*—*O*). Lwów, 1857; Tom IV (*P*). Lwów, 1858; Tom V (*R*—*T*). Lwów, 1859; Tom VI i ostatni (*U*—*Z*). Lwów, 1860.

Lottner—C. Lottner. Über die Stellung der Italer innerhalb des indoeuropäischen Stammes. „Zeitschrift", B. VII. Berlin, 1858.

Małecki. Grammatyka większa—Grammatyka języka polskiego większa. Przez Antoniego Małeckiego. Lwów, 1863.

Martens—Martens Henrich. Die Verba perfecta in der Niebelungendichtung. „Zeitschrift" [см.] XII.

Maciejowski—Wacław Alexandr Maciejowski. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Tom III. Dodatki do piśmiennictwa polskiego. Warszawa, 1852.

Meyer—Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache—Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache von Leo Meyer, B. II, Berlin, 1865.

Mickiewicz—Mickiewicz. Poezje.

Miklosich. Das Imperfekt—Das Imperfekt in den slavischen Sprachen von Fr. Miklosich. „Sitzungsberichte der keiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse". Band LXXVII. Heft I. Wien, 1874.

Miklosich. Lautlehre—Lautlehre der altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich. Wien, 1850.

Miklosich. Lexicon—Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, 1862—1865.

Miklosich. Türkische Elemente—Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, I—II. Wien, 1884—1885.

Miklosich. Vergleichende Grammatik—Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, von Franz Miklosich, I. Band, Lautlehre. Wien, 1879; II. Band, Stammbildungslehre. Wien, 1875; III. Band, Formenlehre. Wien, 1856; III.² Band, Wortbildungslehre. Wien, 1876; IV. Band, Syntax. Wien, 1883.

Mikuličić, N. pripov.—F. Mikuličić. Narodne pripoviedke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. U Kralevici, 1876.

Mor. nár. pisně—Moravské národní písně s nápěvy do textu vřaděnými. Sebral a vydal František Sušil. V Brně.

Němcová—Boženy Němcové sebrané spisy.

Nesselmann—Litauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin, 1853.

Nesselmann. Wörterbuch—Wörterbuch der Litauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann. Königsberg, 1851.

O wypr. choć.—Pamiętniki o wyprawie chocimskiej r. 1621 Jana hrabi z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanislawa Labomirskiego i Jakóba Sobieskiego. Z rękopisów współczesnych i druków mniej znanych zebral Żegota Pauli. W Krakowie, 1853.

Ogonowski—Studien auf dem Gebiete der rutenischen Sprache, von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg, 1880.

Ostror.—Myśliwstwo z ogary, p. *Jana Ostroroga*.

Pam. Paska—Jan Pasek. Pamiętniki. Warszawa, 1836.

Paul—Prinzipien der Sprachgeschichte von *Hermann Paul*. Halle, 1880.

Plohl-Herdvigov. Hrv. n. p.—R. F. Plohl-Herdvigov. Hrvatske narodne pjesme, Varaždin, 1868.

Pol—Pol Wincenty. Dzieła.

Pott—Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen, unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen, Sanskrit; Zend-Persisch; Griechisch-Lateinisch; Litauisch-Slavisch; Germanisch und Keltisch, von Aug.-Friedr. Pott, I—VI. Detmold, 1859—1876.

Pful—Lužiski serbski słownik. Spisal a pod sobuskutowanjom Seilerja a Hórnika wudał Professor Dr. Pful w Dreždźanach. W Budyšinje, 1866. Lausitzisch-Wenedisches Wörterbuch. Verfaßt und unter Mitwirkung von Seiler und Hornig herausgegeben von Professor Dr. Pfuhl in Dresden. Budissin, 1866.

Rej—Mikołaja Reja wizerunok żywota człowieka poczciwego.

Stecki—Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Przez Tadeusza Jerzego steckiego. Tom I. Lwów 1864; Serya 2-ga. Lwów, 1871.

Supr.—Monumenta linguae paleoslovenicae e codice Suprasliensi. Edidit. F. Miklosich. Vindobonae, 1851.

Cankof—Grammatik der bulgarischen Sprache, von A. und D. Kyriak Cankof. Wien, 1852.

Zeitschrift—„Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft".

Zeitschrift Sprachforsch.—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen herausgegeben von Adalbert Kahn. Berlin, 1852.

Sembera—Základové dialektologie československé. Kteréž sepsal Alois Vojtěch Šembera. S příklady všech řečí slovanských a různořečí českých, moravských a slovenských. Ve Vídni, 1864.

Schleicher—Schleicher A. Das futurum im Deutschen und Slavischen. Zeitschrift [см.], IV.

Schleicher. Beiträge—Aug. Schleicher. Ein Rest des Imperfekts in der russischen Umgangssprache. Beiträge [см.] V.

Schleicher. Grammat. Lesebuch—Handbuch der litauischen Sprache von August Schleicher. I, Grammatik. Prag, 1856; II, Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.

Schleicher. Formenlehre—Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt von Dr. Aug. Schleicher. Bonn, 1852.

Schleicher. Compendium—Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Lautlehre der indogermanischen Ursprache, des Altitadischen (Sanscrit), Altiranischen (Altbaktrischen), Altgriechischen, Altitalischen (Lateinischen, Umbrischen, Oskischen), Altkeltischen (Altirischen), Altslavischen (Altbulgarischen), Litauischen und Altdeutschen (Gotischen). Von August Schleicher. Weimar, 1861.

Schleicher. Litauische Grammatik—Litauische Grammatik von August Schleicher. Prag, 1856.

Schleicher. Lituanica—A. Schleicher, Lituanica, „Sitzungsberichte der keiserlichen Akademie der Wissenschaften Philosophisch-historische Klasse". Wien, 1853.

Szymonowicz. Sielanki—Szymon Szymonowicz. Sielanki.

Schweizer—H. Schweizer. De titulo Mummiano. De miliario Popilliano und de epigrammate Sorano—De Aletrinatium, lapide. (Drei akademische Gelegenheitsschriften von Prof. Dr. Fr. Ritschl. Bonn, 1852). Zeitschrift, [см.]. B. II. 1853.

Sonne—W. Sonne. Sprachliche und mythologische Untersuchungen, angeknüpft an Rigveda, I. 50. Zeitschrift [см.]. B. XII. 1863.

Steinthal—H. Steinthal. Über den Wandel der Laute und des Begriffs. Zeitschrift [см.]. B. I.

Steinthal. Charakteristik—H. Steinthal. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860.

Ebel—Ebel. Das Suffix -ant und Verwandtes, Zeitschrift [см.]. B. IV. 1855.

Erben—Летопись Несторова. Nestorův letopis ruský. Přeložil Karel Jaromir Erben. V Praze, 1867.

Erben. Písně—Prostonárodni české písně a říkadla. 1862—1864, 1886—1888.

Erben. Písně[1]—Písně národní v Čechách, sebral Karel Jaromír Erben. S nápěwy. Swazek I. W Praze, 1842; swazek II. W Praze, 1843.

Erben. Čitanka—Sto prostonárodnich pohádek a pověsti slovanských v nářečich původnich. Čitanka slovanská s vysvětlením slov, vydal Karel Jaromir Erben. V Praze, 1865. [Сто славянских народных сказок и повестей в подлиннике. Книга для чтения с изъяснением слов. Издал Яромир Эрбен. В Праге, 1865.]

Jungman—Slovnik česko-německý Jozefa Jungmana. D djl I (A-J). W Praze, 1835; djl II (K-O). W Praze, 1836; djl III (P-R). W Praze, 1837; djl IV (S-U). W Praze, 1838; dje V (W-Ž). W Praze, 1839.

Juškevič—Lietùviškos dájnos užrašýtos par Antáne Juškevičę apigardoje Púšalačiu ir Velůnós iš žodžiu Lietùviu dajninįnku ir dajninįnkiu. Литовские народные песни, записанные Антоном Юшкевичем в окрестностях Пушолат Велены со слов литовских певцов и певиц. Казань, 1880.

Jagić—Jagić V. Die Umlautserscheinungen bei den Vokalen *e, ě, g* in den slavischen Sprachen. „Archiv für slavische Philologie". B. VI. Berlin, 1882.

Jagić—Jagić V. Die südslawische Volksepik vor Jahrhunderten, „Archiv für slawische Philologie". B. IV.

Jagić. Primjetbe—V. Jagić. Primjetbe k našoj sintaksi s gledišta sravnjujuće gramatike. Književnik [см.]. Godina druga. 1865, S. 176—196.

Janežić—Slovenska slovnica za damačo in šolsko rabo. Spisal Anton Janežić.

На фронтисписе портрет Александра Афанасьевича Потебни 1881 г. (публикуется впервые)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

ГЛАГОЛ

I. Деление глаголов на виды 7
§ 1. Критический обзор литературы о видах (Востоков, Юрий Крижанич, Ломоносов Шафранов, Болдырев. Давыдов, Павский) —
§ 2. О влиянии предлогов на виды 22
§ 3. Совершенность и несовершенность глаголов 34
§ 4. Виды и категория длительности в глаголах 50
§ 5. До какой степени так называемый вид составляет особенность славянских языков 70
§ 6. Различение степеней длительности 85
§ 7. Значение глаголов третьей степени 96
§ 8. К различению степеней 103
II. Времена 111
§ 1. Есть ли времена в русском языке? . . . . . —
§ 2. Настоящее глаголов совершенных в значении прошедшего времени 124
§ 3. Формы совершенные для означения конкретного действия из ряда многих обычных 126
§ 4. Причастия не в значении совершенном (при остальных формах несовершенных) 127
§ 5. Будущее совершенное в повествовании о прошедшем, по отношению к временам прошедшим и настоящим 128
§ 6. Действие прошедшее 129
§ 7. Употребление будущего совершенного простого в сербском языке 140
§ 8. Настоящее время в немецком языке 145
§ 9. Значение формы настоящего времени в старинном языке . . . 146
§ 10. Будущее время 167
§ 11. Времена в древнерусском языке (преходящее и аорист), потерянные в современном языке 170
§ 12. Аорист, его значение и формы 185
§ 13. Причастия и деепричастия настоящего времени вместо прошедшего 198
§ 14. Формы глаголов несовершенных в значении совершенных. Причастия (деепричастия) прошедшего времени 204
III. О наклонениях 206
§ 1. Есть ли наклонения в русском языке? . . . . . —
§ 2. Образование повелительного наклонения в славянских языках 214
§ 3. Употребление повелительного наклонения 220
§ 4. Замена и описание форм повелительного наклонения 229
§ 5. Глагольные частицы и повелительное наклонение 232
IV. Залоги 245
§ 1. О делении глаголов на залоги . . . . . —
§ 2. Страдательный залог 251
§ 3. Глаголы с *-ся* 259
V. О глагольных разрядах 269
§ 1. Связочная гласная . . . . . —
§ 2. Изменчивость понятия о глаголе, смотря по точке зрения. Основания деления на разряды. Первообразность и производность 275
§ 3. Глаголы на *-мь* и на *-ѧ* (resp. *-ѫ*) 280
§ 4. Разряды глаголов 286

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Связочная гласная (второй вариант параграфа) 289
II. Словорасположение в сочетании аппозитивном 296

СОВРЕМЕННИКИ О ТРУДЕ А. А. ПОТЕБНИ „ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ"

От составителя 303
И. И. Срезневский. Записка о трудах профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отделение Академии наук 305
И. И. Срезневский. Десятое присуждение Ломоносовской премии (Труды А. А. Потебни). Читано на торжественном заседании Академии наук 29-го декабря 1875 г. 325
В. Ягич. Из записок по русской грамматике. Составил А. А. Потебня. I. Введение; II. Составные члены предложения и их замены в русском языке 335
В. И. Ламанский. Отзыв об этнографических и лингвистических трудах профессора А. А. Потебни 345
А. С. Будилович. А. А. Потебня (отрывок из некролога) 352
Б. М. Ляпунов. Из воспоминаний о А. А. Потебне 356

А. А. Шахматов. Записка во Второе Отделение Академии наук по поводу издания третьего тома труда А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике“ 363
В. И. Харциев. Новый труд по истории языка и мысли А. А. Потебни (Посмертное издание) 365

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К IV ТОМУ

Список использованной литературы 385
I. Труды самого автора . . . . . —
II. Исследования других авторов, произведения старославянской и древнерусской письменности, сборники, словари . . . . . —

ИБ № 482

Александр Афанасьевич ***Потебня***

ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Том IV, выпуск 2

Редактор *Г. В. Карпюк*
Художественный редактор *В. П. Богданов*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректоры *А. А. Баринова, Н. И. Новикова*

Сдано в набор 30/XII 1974 г. Подписано к печати 26/V 1977 г. 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. № 1. Печ. л. 25,50+0,125 печ. л. фронтисписа. Уч.-изд. л. 26,44+0,03 фронтисписа. Тираж 9 тыс. экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова в типографии издательства «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

Заказ 5448. Цена 1 руб. 23 коп.